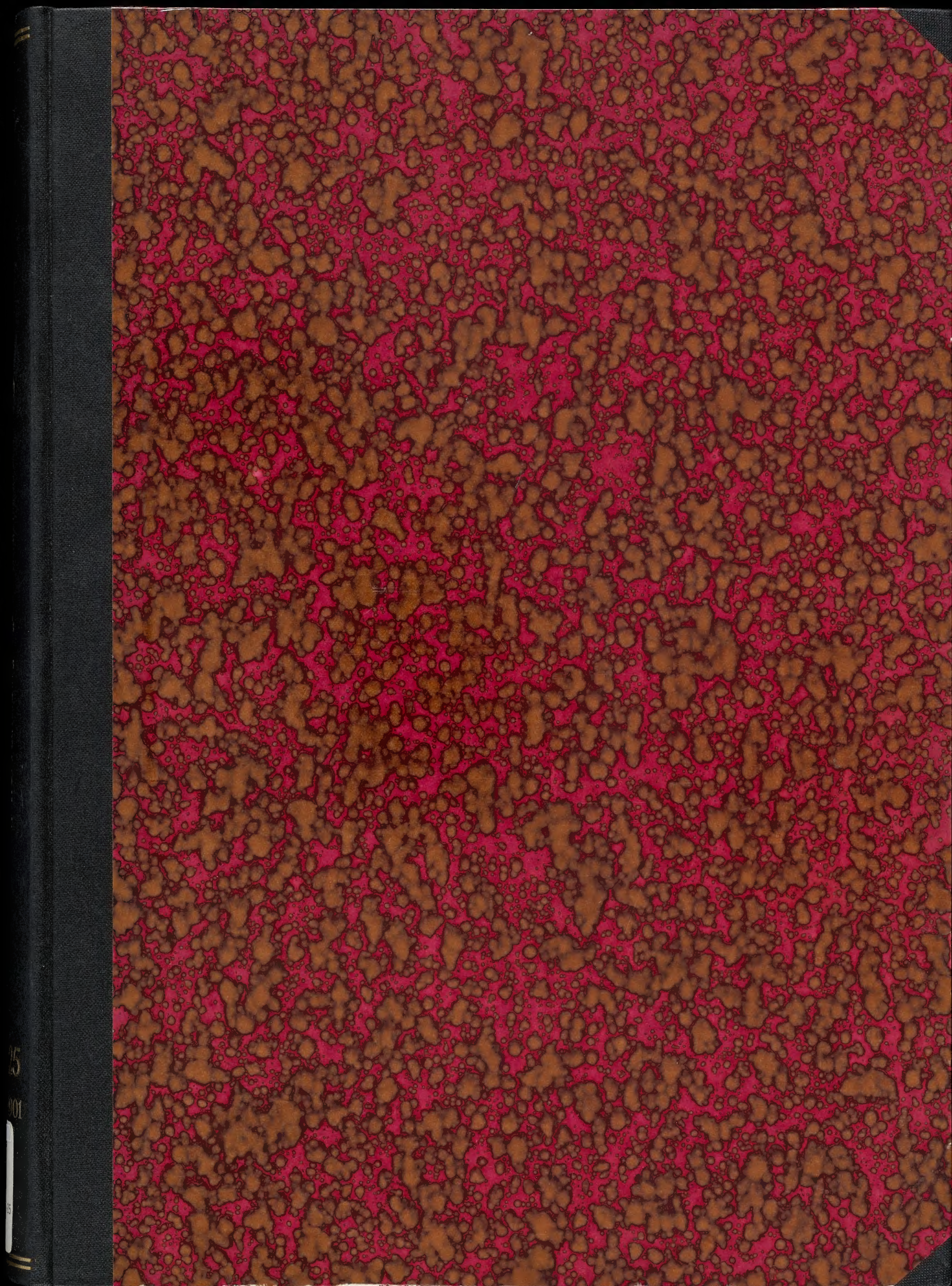
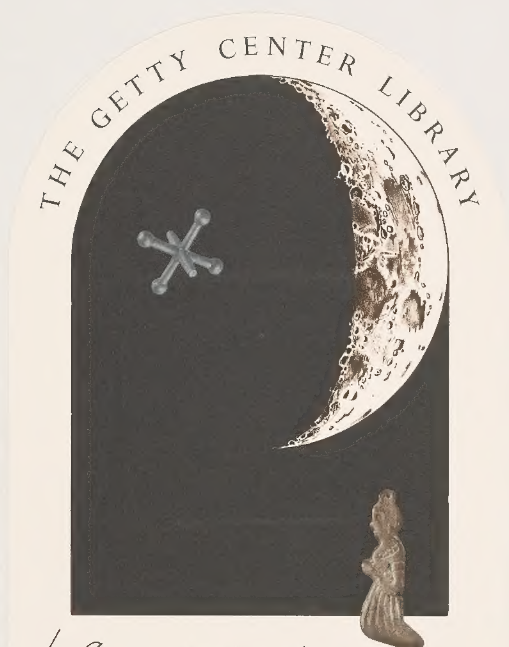

THE GETTY CENTER LIBRARY
Why ask for the moon
when we have the stars?
AS

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 22.

СЕРЕБРЯНОЕ СИРІЙСКОЕ БЛЮДО,

НАЙДЕННОЕ

ВЪ ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

СТАТЬИ ПРОФ. Д. А. ХВОЛЬСОНА, ПРОФ. Н. В. ПОКРОВСКАГО

И

Я. И. СМИРНОВА.

СЪ ФОТОТИПИЧЕСКОЮ ТАБЛИЦЕЙ И 17 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

СЕРЕБРЯНОЕ СИРІЙСКОЕ БЛЮДО,

НАЙДЕННОЕ

ВЪ ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

СТАТЬИ ПРОФ. **Д. А. ХВОЛЬСОНА**, ПРОФ. **Н. В. ПОКРОВСКАГО**

И

Я. И. СМИРНОВА.

СЪ ФОТОТИПИЧЕСКОЮ ТАБЛИЦЕЙ И 17 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Оглавленіе.

Въ началѣ 1898 года Предсѣдатель Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, Н. Н. Новокрещенныхъ, лично доставилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію для опредѣленія и описанія серебряное блюдо, полученное имъ въ Перми отъ солепромышленника И. П. Лаврова, собственность котораго оно и составляло; при его-же просвѣщенномъ содѣйствіи блюдо это пріобрѣтено было Коммиссіею отъ владѣльца для коллекцій Императорскаго Эрмитажа.

Письмомъ отъ 23 мая 1898 г. Н. Н. Новокрещенныхъ сообщилъ Коммиссіи, что онъ „получилъ увѣдомленіе отъ г. Лаврова, что дискосъ былъ найденъ около села Григоровскаго при распашкѣ пашни. Это въ Соликамскомъ уѣздѣ на С.-З. отъ Соликамска". Къ сожалѣнію время находки остается Коммиссіи неизвѣстнымъ. Въ виду того, что и по характеру изображеній на блюдѣ этомъ и по находящимся на немъ древнимъ сирійскимъ надписямъ новое пріобрѣтеніе Археологической Коммиссіи представляетъ самый живой интересъ для археологической науки, Коммиссія озаботилась о скорѣйшемъ опубликованіи этого любопытнаго памятника, не ожидая выхода въ свѣтъ предпринятаго ею общаго изданія серебряныхъ сосудовъ восточной работы, найденныхъ въ Сѣверо-Восточной Россіи.

По вызову Предсѣдателя Коммиссіи проф. Д. А. Хвольсонъ исполнилъ трудъ прочтенія и объясненія сирійскихъ надписей, проф.

Н. В. Покровскій доставилъ описаніе иконографическихъ изображеній и прив. доц. Я. И. Смирновъ представилъ подробное описаніе блюда и сравненіе его съ соотвѣтственными памятниками искусства греческаго и восточнаго; такимъ образомъ составился предлагаемый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи".

Императорская Археологическая Коммиссія считаетъ своею обязанностью принести искреннюю свою благодарность означеннымъ лицамъ за любезную отзывчивость ихъ къ ея просьбѣ и, особенно, Н. Н. Новокрещенныхъ, которому Коммиссія обязана уже нѣсколькими весьма цѣнными своими пріобрѣтеніями въ Пермскомъ Краѣ.

Рис. 1. Увеличенный втрое оттискъ рѣзнаго камня Національной Библіотеки въ Парижѣ (№ 1331[a]).

I.

Записка заслуженнаго проф. Д. А. Хвольсона.

Предоставляя спеціалистамъ опредѣленіе древности этого памятника съ чисто *археологической* точки зрѣнія, я ограничиваюсь преимущественно разсмотрѣніемъ *палеографической* стороны этого вопроса. Опредѣлить положительно степень древности какого-нибудь памятника на основаніи однихъ только палеографическихъ данныхъ, чрезвычайно трудно. Такъ напр. буква ܗ (h) въ письмѣ эстрангело, образовавшаяся изъ арамэйскаго ה (h), *палеографически* несомнѣнно древнѣе іаковитской буквы ܗ (h), а между тѣмъ первая встрѣчается *еще* въ XIV и XV стол., тогда какъ послѣдняя попадается *уже* въ концѣ V-го вѣка. Тутъ важнѣе всего то, *что* писалось. При писаніи священныхъ книгъ часто употреблялись еще въ XV-мъ и XVI-мъ стол. болѣе древнія формы письменъ, при чемъ разница между древними и нѣсколько позднѣйшими нерѣдко весьма незначительна, хотя и замѣтна для опытнаго глаза. Иное дѣло было писаніе свѣтскихъ сочиненій. Такъ напр. характеръ письма въ какой-нибудь книгѣ чрезвычайно отличается отъ характера письма *приписи переписчика.* По этому *точное* опредѣленіе степени древности отдѣльной надписи, не принадлежащей ни къ священной, ни къ свѣтской литературѣ, довольно затруднительно. Относительно формы письменъ на нашемъ памятникѣ можно сказать довольно смѣло слѣдующее: она представляетъ старинное *эстрангело* и болѣе всего подходитъ подъ характеръ письменъ сирійскихъ рукописей конца V-го и начала VI-го столѣтія.

Содержаніе надписей слѣдующее:

I. Надпись у верхняго изображенія, справа и слѣва отъ I. Христа:

ܣܘܠܩܐ ܕܡܫܝܚܐ

«Вознесеніе Христа».

II. Надпись къ изображенію ап. Петра на верху справа:

ܫܡܥܘܢ ܟܐܦܐ ܟܕ ܟܦܪ ܒܡܫܝܚܐ ܡܢ ܩܕܡ
ܕܢܩܪܐ ܬܪܢܓܠܬܐ
ܬܠܬ ܙܒܢܝܢ

«Симонъ Петръ, отрекающійся отъ Христа прежде, чѣмъ пѣтухъ трижды пропѣлъ».

III. Надпись при изображеніи трехъ воиновъ, наверху слѣва:

ܐܣܛܪܛܝܘܛܐ ܕܢܛܪܝܢ ܩܒܪܐ

«Воины, охраняющіе могилу».

IV. Надпись, помѣщенная слѣва и справа отъ изображенія Распятія I. Христа:

ܙܩܝܦܘܬܐ ܕܝܫܘܥ

«Распятіе Христа».

V. Надпись къ изображенію, помѣщенному налѣво отъ I. Христа:

ܠܣ[ܛ]ܝܐ [1]) ܗܘ ܕܫܒܩ
ܠܗ ܚܘܒܘܗܝ [2])

«Разбойникъ, которому Онъ простилъ грѣхи его».

VI. Надпись при изображеніи направо отъ I. Христа:

ܠܣ[ܛ]ܝܐ [1]) ܗܘ
ܕܡܢ ܣܡܠܗ

«Разбойникъ налѣво отъ Него» (Христа).

VII. Надпись надъ изображеніемъ двухъ женщинъ:

ܡܪܝܡ ܡܓܕܠܝܬ[ܐ] [3])
ܡܪܝܡ

«Марія Магдалина. Марія».

VIII. Надпись надъ изображеніемъ ангела:

ܡܠܐܟܐ

«Ангелъ».

IX. Надпись въ могилѣ:

ܩܝܡܬ[ܐ] [3])

«Воскресеніе».

---

[1]) ܠܣܛܝܐ начертано неправильно съ ܣ послѣ буквы ܠ. Почему ܛ здѣсь пропущено, не умѣю сказать.

[2]) См. Еванг. отъ Луки XXIII, 43. Здѣсь впрочемъ прямо не сказано, что самъ Христосъ простилъ разбойнику грѣхи его, но въ этой надписи слово ܕܫܒܩ можетъ относиться только къ Христу и должно быть понято въ активномъ смыслѣ.

[3]) Здѣсь буква ܐ очевидно пропущена по недостатку мѣста.

X. Надпись надъ изображеніемъ льва справа:

ܐܪܝܐ

«Левъ».

XI. Надпись надъ изображеніемъ льва слѣва:

«Даніилъ»,

ܕܢܝܐܝܠ

т. е. весь рисунокъ изображаетъ Даніила во рву львиномъ.

Въ приписяхъ встрѣчаются *всѣ* буквы сирійскаго алфавита — за исключеніемъ конечной буквы *каф.*; нѣкоторыя буквы, напр. *olaf*, *jod.* и др., неоднократно встрѣчаются въ болѣе или менѣе различающихся между собою, по все-таки старинныхъ формахъ. Я подробно изслѣдовалъ каждую отдѣльную букву въ различныхъ ея формахъ и тщательно сравнилъ ихъ съ таблицами Ланда[1]), Райта[2]) и Эйтинга[3]). Нѣкоторыя буквы, какъ напр. ܣ, *с*, представляютъ такія формы, которыя нигдѣ болѣе нельзя отыскать, но все-же имѣютъ античный видъ. Весьма обычныя вообще сочетанія здѣсь очень неполны, а діакритическихъ точекъ надъ буквами ܕ и ܪ (*д* и *р*) тутъ вовсе нѣтъ, какъ и въ *древнѣйшихъ* сирійскихъ рукописяхъ. Нѣкоторыя формы олафа я нашелъ только въ изданной проф. Захау надписи Зебедской 512-го года[4]). Сомкнутая справа буква *бабъ* и сомкнутая слѣва буква *he*, равно какъ примыкающая къ слѣдующей буква ܣ *с*, еще не встрѣчающіяся въ такомъ видѣ въ древнѣйшей сирійской рукописи 411-го года, попадаются однако уже въ концѣ V-го и началѣ VI-го столѣтія. Впрочемъ способъ сочетанія буквы ܣ съ слѣдующею буквою ܓ (т. е. ܣܓ, а не ܣܓ) точно такой-же, какъ въ рукописи 464-го года[5]).

Христіанство проникло въ Персію очень рано. По актамъ персидскихъ мучениковъ первое значительное преслѣдованіе христіанъ въ сасанидскомъ царствѣ произошло при Шапурѣ II-мъ, около 318-го года[6]). Одинъ изъ важнѣйшихъ сирійскихъ отцовъ церкви Афраатъ, прозванный «Персидскимъ мудрецомъ», былъ современникъ Шапура II-го. Нѣсколько персидскихъ епископовъ принимало участіе къ Никейскомъ соборѣ. Мервъ уже съ 334-го года былъ мѣстопребываніемъ епископа[7]). Съ 431-го года, когда ученіе Несторіанское подверглось проклятію, большая часть многочисленныхъ приверженцевъ его удалилась въ Персію, гдѣ численность и вліяніе ихъ постепенно очень усилились.

Съ археологической точки зрѣнія обращаю еще вниманіе на то, что ноги Распятаго Христа помѣщены *рядомъ*, а *не одна на другой*, и изображены безъ гвоздей. Во всякомъ случаѣ это изображеніе можетъ считаться однимъ изъ *древнѣйшихъ* изображеній Распятія Христа[8]). Форма письменъ не противорѣчитъ этому.

---

1) J. P. N. Land, Anecdota Syriaca, I, табл. A, B, и I—XXIV. Leiden, 1862. Ср. тамъ-же стр. 62 и слѣд.

2) W. Wright, Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. Часть III, табл. I—XVII. London, 1872. Ср. тамъ-же стр. XXIX и слѣд.

3) См. Эйтингову таблицу письменъ, приложенную къ моему сочиненію «Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie». St. Petersburg, 1890.

4) См. составленную Эйтингомъ таблицу, столб. 74.

5) Ср. Wright, loc. laud. Табл. II, столб. 1, строка 18 и столб. 2, строки 8, 17 и 24.

6) См. Georg Hoffmann, Auszüge aus syrischen Acten persischer Märtyrer, стр. 9 и слѣд. Leipzig, 1880.

7) См. стр. 106 моего сочиненія, указаннаго въ 3-мъ примѣчаніи.

8) См. Heinrich Detzel, Christliche Ikonographie, I, стр. 394 и слѣд. Freiburg i. Br. 1894.

Рис. 2. Миніатюра сирскаго Евангелія Раввулы 586 года по Р. X.

II.

Записка проф. Н. В. Покровскаго.

Со стороны иконографической разсматриваемый памятникъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ металлическихъ произведеній отдаленной эпохи христіанскаго искусства. По этой сторонѣ онъ стоитъ въ близкой связи съ древнѣйшими попытками — установить ясныя и точныя иконографическія формы для выраженія распятія, воскресенія и вознесенія І. Христа на небо. Наличность памятниковъ искусства, до насъ дошедшихъ, даетъ видѣть, что указанные моменты Евангельской исторіи, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, первыхъ четырехъ столѣтій, не находили яснаго и точнаго выраженія въ искусствѣ: первыя попытки его, не вполнѣ еще опредѣленныя, встрѣчаемъ лишь въ V—VI в. въ равеннскихъ мозаикахъ и въ скульптурѣ дверей Сабины въ Римѣ, ампулъ Монцы и аворіевъ. Нашъ памятникъ не можетъ быть признанъ оригинальнымъ произведеніемъ художественнаго творчества, пролагающимъ новые пути въ художественной исторіи; наоборотъ, онъ представляетъ собою подражаніе готовому образцу, лишь съ нѣкоторыми отступленіями. Вся внутренняя поверхность блюда симметрично раздѣлена на три главныя части, на которыхъ въ трехъ связанныхъ между собою медальонахъ представлены распятіе І. Христа, воскресеніе Его и вознесеніе на небо. Иконографическій анализъ этихъ изображеній даетъ намъ основаніе ввести ихъ въ историческую связь съ однородными явленіями древности и поможетъ освѣщенію вопроса объ иконографическихъ прототипахъ нашего памятника.

Распятіе I. Христа представлено въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ оно является на памятникахъ V—VI в. I. Христосъ въ длинной, украшенной шахматнымъ орнаментомъ, туникѣ; руки Его протянуты горизонтально; креста, къ которому Онъ пригвожденъ, не видно; но ясно замѣтна крестообразная перевязка на груди съ откинутыми назадъ концами: она указываетъ на прикрѣпленіе тѣла I. Христа ко кресту, какъ это мы видимъ нерѣдко на распятыхъ съ I. Христомъ разбойникахъ въ памятникахъ византійскихъ. Ноги Его утверждены на горизонтальномъ подножіи. Типъ лица, повидимому, близокъ къ сирійскому, глаза Распятаго открыты, какъ это обычно въ древнихъ памятникахъ византійскихъ; голова украшена золотымъ нимбомъ. По сторонамъ I. X. два разбойника, также въ длинныхъ туникахъ, съ перевязками на груди, стоятъ на подножіяхъ: одинъ изъ нихъ смотритъ на распятаго I. Христа; это, очевидно, благоразумный разбойникъ. Возлѣ креста — два воина: одинъ подноситъ къ лицу I. X. на древкѣ губку съ оцтомъ, другой держитъ въ рукахъ копье, — указаніе на прободеніе ребра I. Христа. Внизу сцены сидятъ два воина съ булавами въ рукахъ; жестикуляція ихъ, обычно повторяющаяся на памятникахъ византійскихъ, показываетъ, что они дѣлятъ между собою одежды Распятаго: быть можетъ, здѣсь представлена «morra», какъ въ сирскомъ Евангеліи Раввулы и на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Одежда всѣхъ воиновъ — та же самая длинная туника. Типическія формы этого изображенія свидѣтельствуютъ о глубокой древности памятника; таковы одежды распятаго I. X. и разбойниковъ [1]), suppedaneum и наконецъ уменьшеніе второстепенныхъ фигуръ по сравненію съ главною, какъ это можно наблюдать въ скульптурѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ.

Воскресеніе I. Христа. Тѣ формы воскресенія, которыя выработаны были въ Византіи (сошествіе I. X. во адъ) и на западѣ (вылетъ изъ гроба) въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ, совсѣмъ неизвѣстны были въ искусствѣ древне-христіанскомъ. Скульптура диптиховъ и таблетокъ изъ слоновой кости устанавливаетъ тотъ самый типъ воскресенія, который мы видимъ и на разсматриваемомъ памятникѣ; это явленіе ангела св. женамъ у гроба I. X. Гробница, какъ на нѣкоторыхъ ампулахъ Монцы, имѣетъ видъ небольшого зданія, съ двускатнымъ покрытіемъ; въ глубинѣ ея изображенъ четвероконечный крестъ съ расширенными концами, какъ въ мозаикахъ и на наружныхъ стѣнахъ Софіи Константинопольской; направо ангелъ съ крыльями и булавою, въ туникѣ, возвѣщаетъ св. женамъ о воскресеніи I. X.; налѣво двѣ св. жены съ сосудами въ рукахъ, какъ на ампулахъ Монцы, въ туникахъ и мафоріяхъ. Незначительность пространства помѣшала мастеру развернуть задуманную сцену во всей ея широтѣ, а потому часть дѣйствующихъ лицъ онъ помѣстилъ внѣ круга: здѣсь мы видимъ двухъ стражей, упавшихъ отъ страха на колѣна, въ туникахъ, съ булавами въ рукахъ.

Вознесеніе I. X. на небо. Спаситель въ туникѣ и иматіи, изображенномъ въ формахъ условныхъ, въ ореолѣ въ видѣ неправильнаго овала, составленнаго, повидимому, изъ древесныхъ вѣтвей. Ореолъ поддерживается четырьмя ангелами. Вверху звѣздное небо, въ видѣ сегмента круга, съ серповидною луною; внизу 12 апостоловъ въ туникахъ и иматіяхъ условной формы. Какъ цѣльная композиція, такъ и составные элементы ея напоминаютъ обычный типъ изображенія Вознесенія на ампулахъ Монцы и на многочисленныхъ памятникахъ византійскихъ. По сосѣдству съ нимъ представлено отреченіе ап. Петра: апостолъ изображенъ въ туникѣ и условномъ иматіи, а пѣтухъ имѣетъ геральдическую форму. Внизу между распятіемъ и воскресеніемъ — Даніилъ во рвѣ львиномъ: Даніилъ — юноша въ условномъ костюмѣ; львы также трактуются здѣсь совершенно въ условномъ стилѣ. Изображеніе это можетъ быть истолковано въ смыслѣ символа смерти и воскресенія I. X. [2]), а отсюда становится понятнымъ и его мѣстоположеніе возлѣ распятія и воскресенія. Въ центрѣ блюда, между тремя кругами, представленъ четвероконечный крестъ съ расширенными концами, какъ нерѣдко на памятникахъ византійскихъ и на другомъ пермскомъ блюдѣ изъ собранія графа Строганова.

Древность разсматриваемаго памятника опредѣляется, между прочимъ, и признаками иконографическими. Распятіе — Спаситель и разбойники одѣты въ длинныя туники и своими статуарными

---

[1]) Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 360—361.
[2]) Н. Покровскій, Очерки памятниковъ иконографіи и искусства, стр. 44.

позами напоминают эпоху упадка древне-христіанской скульптуры. Сцена воскресенія трактуется тождественно съ представленіемъ этого сюжета въ скульптурѣ аворіевъ. Отреченіе ап. Петра также напоминаетъ скульптуру саркофаговъ и аворіевъ [1]). Изображеніе Даніила во рвѣ львиномъ рядомъ съ распятіемъ и воскресеніемъ представляетъ эхо древне-христіанскаго символизма. Считаемъ излишнимъ подкрѣплять эти пополненія ссылками на извѣстные памятники, но не можемъ оставить безъ вниманія еще одну сторону дѣла. Присматриваясь къ подбору изображеній и трактованію сюжетовъ на разсматриваемомъ памятникѣ, нельзя не замѣтить, что съ той и другой стороны онъ близко подходитъ къ ампуламъ Монцы. Какъ на блюдѣ мы видимъ три главныхъ изображенія — распятія, воскресенія и вознесенія, такъ тѣ же самыя изображенія обычно повторяются и на ампулахъ [2]). На ампулахъ — изображенія заключены въ медальонныя рамки, примѣнительно къ формѣ самыхъ ампулъ, точно въ такихъ же рамкахъ они представлены и на нашемъ блюдѣ. Сцена распятія на ампулахъ трактуется обычно такимъ образомъ: въ срединѣ четвероконечный крестъ и надъ нимъ погрудное изображеніе I. X. въ медальонѣ (распятіе прикровенное); по сторонамъ два разбойника, привязанные къ крестамъ: позы ихъ по большей части тѣ же, что и на блюдѣ; оба обращаютъ лицо въ правую сторону отъ зрителя, какъ и на блюдѣ; у подножія креста два стража, въ такихъ же позахъ какъ на блюдѣ. На нашемъ памятникѣ выражена съ большею реальностью (распятый I. X. на крестѣ) и полнотою (воины съ копьемъ и губкою) средина изображенія. — Въ воскресеніи: гробница I. X. въ видѣ маленькаго зданія, — иногда съ колоннами и куполомъ, иногда въ видѣ будки, какъ и на нашемъ блюдѣ; двери гробницы тамъ и здѣсь представляютъ подобіе желѣзной рѣшетки [3]); по правую отъ зрителя сторону тамъ и здѣсь ангелъ съ жезломъ, въ родѣ булавы, а по лѣвую двѣ св. жены съ сосудами въ рукахъ; стражей на ампулахъ нѣтъ, но и на блюдѣ они не связаны неразрывно съ композиціею воскресенія, а помѣщены на нихъ для симметріи съ отреченіемъ ап. Петра. Вознесеніе: Спаситель въ ореолѣ, поддерживаемомъ четырьмя ангелами; внизу 12 апостоловъ и Богоматерь: на нашемъ блюдѣ нѣтъ Богоматери, но прибавлено — небо. Столь замѣтное и разностороннее сходство между разсматриваемыми памятниками едва-ли можно признать простою случайностію. Вѣрнѣе — видѣть здѣсь слѣды иконографическаго преданія, идущаго изъ одного и того же источника. Ампулы Монцы, если не придавать важнаго значенія мнѣнію перваго издателя ихъ Фризи и нѣкоторыхъ другихъ о *римскомъ* происхожденіи ихъ [4]), вышли изъ Палестины: прямое указаніе на то находится въ ихъ греческихъ надписяхъ «Благословеніе святыхъ мѣстъ Христовыхъ.... Елей древа жизни св. мѣстъ».... Возможно предполагать, что мастеръ, изготовлявшій наше блюдо, если не нашелъ подъ руками одной изъ подобныхъ ампулъ, то зналъ ихъ рисунокъ и перенесъ его на блюдо; а потому время происхожденія ампулъ (VI в.) можетъ быть признано показателемъ приблизительной древности и нашего блюда. Изготовлено-ли это блюдо въ Палестинѣ или въ предѣлахъ нынѣшней Персіи, опредѣлить съ точностію трудно; впрочемъ, въ виду значительныхъ слѣдовъ варварскаго стиля на немъ, вѣрнѣе кажется, послѣднее.

---

1) Garrucci, Storia dell' arte cristiana. vol. V, passim. Cf. Odorici, Antichita di Brescia, tav. V.
2) Garrucci, tav. 433, 8. 434, 2, 4, 5, 7. 435, 1.
3) Надъ дверями и надъ зданіемъ — крестъ и надпись «ανηστη ο κυριος» какъ и на блюдѣ.
4) Frisi, Memorie storiche di Monza t. I, p. 26. Stockbauer, Kunstgeschichte d. Kreuzes. S. 145—146.

Рис. 3. Серебряное блюдо гр. Гр. С. Строганова въ Римѣ.

III.

Записка Я. И. Смирнова.

Издаваемое теперь блюдо [1]) принадлежитъ къ числу многочисленныхъ серебряныхъ блюдъ и иныхъ сосудовъ, столь часто находимыхъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, куда они занесены были по Волгѣ и ея притокамъ изъ Персіи и Месопотаміи въ обмѣнъ на мѣха, которыми арабскіе купцы вели, какъ извѣстно, оживленную торговлю, главнымъ центромъ которой былъ городъ Булгаръ. Изъ множества находокъ этого рода, лишь немногія издѣлія вышли изъ греческихъ мастерскихъ, огромное же большинство восточной работы; древнѣйшія восходятъ ко временамъ Сасанидовъ, новѣйшія — приблизительно до XIII вѣка, но точно опредѣлены по времени могутъ быть весьма немногія: одни по изображеніямъ персидскихъ царей изъ династіи Сасанидовъ, если только ихъ удается опредѣлить, другія по арабскимъ надписямъ, если въ нихъ имѣются какія-либо историческія данныя, чтó бываетъ рѣдко. Эпитетъ «сасанидскихъ» прилагается къ большинству находокъ этихъ не всегда съ должною точностью: ни общее сходство стиля съ сасанидскими памятниками, ни даже присутствіе пехлевійскихъ надписей, недостаточны сами по себѣ для отнесенія того или другого блюда ко временамъ Сасанидовъ; нѣкоторые изъ такихъ издѣлій могли быть изготовлены и во времени арабскаго уже владычества, въ первые вѣка его, когда искусство Месопотаміи и Персіи было еще прямымъ продолженіемъ искусства сасанидскаго и когда пехлевійское письмо не было еще окончательно вытѣснено арабскимъ. Такимъ образомъ для опредѣленія времени каждаго изъ такихъ издѣлій необходимо тщательное

---

[1]) Вѣсъ 2 ф. 38 зол.; діаметръ 0,220 – 0,222 м.; глубина около 0,027; діаметры трехъ круговъ 0,094—0,095; ширина ихъ бордюра 0,003—0,004; ширина выпуклаго бордюра по краю 0,007—0,008; діаметръ ножки 0,087—0,088; высота ея 0,011; толщина пластины, изъ которой она согнута 0,004—0,0035.

сравненіе его съ несомнѣнными сасанидскими памятниками и немногочисленными сохранившимися произведеніями искусства первыхъ вѣковъ арабскаго владычества въ Передней Азіи, но этотъ методъ стилистическаго сравненія можетъ давать прочные результаты только въ вещахъ художественной работы, въ подѣлкахъ же грубо ремесленныхъ онъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда имѣются на лицо иные, точно датированные, памятники тождественной работы.

Крайнее несовершенство въ художественномъ отношеніи изображеній издаваемаго нынѣ блюда не позволяетъ строить какія-либо хронологическія заключенія изъ сравненія его съ иными восточными блюдами, среди которыхъ не оказывается ни одного совершенно тождественной съ нимъ работы.

Если палеографическія и иконографическія данныя приводятъ спеціалистовъ къ заключенію о принадлежности блюда этого началу VI вѣка [1]), то для насъ такое хронологическое опредѣленіе является только лишнимъ примѣромъ того, до какой степени низко стояли художественныя достоинства работы какихъ-либо неудачныхъ или провинціальныхъ мастеровъ въ то самое время, когда изъ другихъ рукъ и изъ другихъ мѣстъ выходили весьма совершенныя художественныя издѣлія.

Примѣромъ таковыхъ здѣсь весьма умѣстно будетъ привести извѣстное серебряное блюдо гр. Гр. С. Строганова, найденное также въ С.-В. Россіи, зашедшее туда также изъ Месопотаміи или Персіи, и изготовленное также вѣкѣ въ VI-омъ руками не греческаго, на нашъ взглядъ, мастера (см. рис. 3) [2]): послѣднее можетъ быть доказываемо отсутствіемъ на этомъ блюдѣ греческихъ штемпелей, страннымъ, не находящимъ себѣ аналогій въ современныхъ ему чисто греческихъ памятникахъ, типомъ лицъ, и одною особенностью въ деталяхъ одежды, которую едва-ли допустилъ бы греческій мастеръ: двѣ вертикальныхъ полосы (т. н. στίχοι) на хитонѣ ошибочно продолжаются и поперекъ гиматія; наконецъ, исполненіе изображеній рѣзьбою изъ металла, а не чеканкою, также сближаетъ технику этого блюда съ работами сасанидской Персіи. Имѣя такимъ образомъ два приблизительно одновременныхъ издѣлія, исполненныхъ, вѣроятно, въ предѣлахъ сасанидской монархіи христіанами-сирійцами, мы должны и то и другое считать копіями съ греческихъ оригиналовъ, но, тогда какъ художникъ, исполнявшій блюдо гр. Гр. С. Строганова, держался оригинала своего очень близко и поэтому копія его почти вполнѣ можетъ замѣнить греческій оригиналъ, мастеръ нынѣ издаваемаго блюда не только исказилъ своей варварской работой тѣ греческіе оригиналы, — а, можетъ быть, уже и сирійскія же имъ подражанія, — съ которыхъ онъ работалъ, но и внесъ во многихъ случаяхъ отдѣльныя детали, заимствованныя имъ изъ искусства сасанидскаго, каковыя мы и попытаемся указать ниже.

Блюдо это представляетъ, слѣдовательно, не точную копію съ греческаго оригинала, а переработку его сирійскимъ мастеромъ на персидской почвѣ и потому оно, если и не имѣетъ никакого художественнаго достоинства, то получаетъ особый историческій интересъ, и притомъ не только для исторіи сирійскихъ христіанъ, но и для исторіи греческой иконографіи, такъ какъ нѣкоторыя изъ его изображеній, какъ увидимъ ниже, представляютъ весьма интересныя уклоненія отъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ.

По характеру работы блюдо это тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ восточной торевтики, о которыхъ упоминалось выше, но въ виду отсутствія техническаго различія между работами послѣднихъ вѣковъ господства Сасанидовъ и первыхъ вѣковъ арабскаго владычества никакіе болѣе точные выводы о времени исполненія этого блюда на основаніи пріемовъ его работы возможными намъ не представляются.

Сохранилось блюдо очень хорошо; при доставкѣ его въ Археологическую Коммиссію нижній край былъ загнутъ внутрь и сгибъ шелъ по нижнему контуру лѣваго льва, но это поврежденіе исправлено въ ювелирной мастерской г. Фаберже. Круглое отверстіе, пробитое, какъ на всѣхъ почти находимыхъ въ С.-В. Россіи блюдахъ, у верхняго края, приходится немного правѣе вертикальной оси композиціи: блюдо, будучи повѣшено, висѣло-бы нѣсколько криво, почему отверстіе это и должно считать

---

[1]) См. выше статьи проф. Д. А. Хвольсона и проф. Н. В. Покровскаго.

[2]) Блюдо это издаваемо было многажды. См. G. B. de Rossi, Bulletino di archeologia cristiana 1871, tav. IX, fig. 1. Garrucci, Storia dell'Arte cristiana tav. 460, fig. 10. Русскія древности, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Вып. IV, рис. 166.

позднѣйшею порчею блюда уже при-уральскими инородцами. Царапины не образуютъ ни какихъ-либо надписей, ни рисунковъ, которыми эти позднѣйшіе владѣльцы часто украшали по своему вкусу заходившія къ нимъ блюда разнаго происхожденія. На нижней сторонѣ блюда, внутри круга, образуемаго ножкой, замѣтно, что значительная часть металла соскоблена ножемъ. Цвѣтъ поверхности его въ этой части ничѣмъ не отличается однако отъ прочей. Слѣдовательно, если это слѣды взятія серебра для пробы, то сдѣлано это, — а слѣдовательно и само блюдо найдено, — было давно. Хотя брать пробу здѣсь, внутри высокихъ краевъ ножки, если она тогда была еще на мѣстѣ, и было бы менѣе удобно, чѣмъ гдѣ-либо съ краю, но такое объясненіе этого поврежденія кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе, — также возможное, — о томъ, какъ здѣсь выскоблена была еще въ древности надпись прежняго владѣльца блюда при переходѣ его въ другія руки. Надписи этого рода очень часто помѣщаются внутри ножки: ихъ или нацарапывали или накалывали точками. На одномъ сасанидскомъ блюдѣ, въ South Kensington Museum въ Лондонѣ, ясно видно, что одна такая надпись была соскоблена и замѣнена другою. Но предполагать то-же для этого блюда едва-ли есть достаточно основаній: отсутствіе надписи новаго владѣльца дѣлало бы безцѣльнымъ уничтоженіе прежней надписи, а кромѣ того надпись, особенно же наколотую точками, выскоблить безслѣдно не легко и слѣды ея навѣрное сохранились бы.

Блюдо состоитъ изъ одной толстой пластины, которой, вѣроятно, при помощи чеканки придана желаемая вогнутость, и ножки, припаянной снизу.

Ножка эта образуется, какъ и у прочихъ блюдъ такого рода, толстою серебряной полосой, согнутой въ кольцо, со спаянными концами, и припаяна къ блюду ребромъ, но непрочно, а потому теперь и отпала. Отличается отъ прочихъ она тѣмъ, что лицевая ея сторона не плоская, а имѣетъ особую волнистую профилевку (см. рисунокъ блюда сбоку на таблицѣ).

Какъ у большинства блюдъ этой формы, украшена только внутренняя, вогнутая сторона блюда. Хотя фигуры выступаютъ такъ рѣзко, что производятъ на взглядъ впечатлѣніе плоскаго рельефа, но онѣ имѣютъ въ сущности ту-же толщину, какъ и фонъ около нихъ, отъ котораго онѣ такъ рѣзко выдѣляются, и только нѣкоторыя немногія части, а именно выпуклый бордюръ и головы важнѣйшихъ фигуръ[1]), возвышаются надъ этой общей плоскостью блюда. Какимъ образомъ достигнуто утолщеніе это, мы себѣ вполнѣ объяснить не можемъ. Едва-ли можно думать, что толщина металла въ этихъ выступающихъ мѣстахъ указываетъ на первоначальную толщину всей пластины, съ которой затѣмъ часть металла на всемъ остальномъ пространствѣ была срѣзана, такъ какъ столь кропотливый пріемъ не соотвѣтствовалъ бы ремесленной грубости всей работы. Потому-же, а равно и по отсутствію неизбѣжныхъ пазовъ, нельзя предполагать, что возвышенія эти образованы особыми, вставленными въ заранѣе вырѣзанныя гнѣзда, пластинками, какъ то бываетъ на сасанидскихъ блюдахъ особенно тщательной работы. Нѣтъ основаній предполагать чеканку съ обратной стороны блюда, такъ какъ поверхность ея сплошь гладкая. Что эти выступы получены отливкою блюда въ форму — мало вѣроятно потому, что тогда сдѣланы были бы рельефными, вѣроятно, и всѣ фигуры сплошь, какъ напримѣръ на одномъ сасанидскомъ блюдѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ[2]); предполагать же припайку въ этихъ мѣстахъ особыхъ пластинокъ невозможно, какъ потому, что не видно никакихъ слѣдовъ ея, такъ и потому, что мастера, дѣлавшіе блюда этого рода, припайкою владѣли довольно плохо: у большей части блюдъ ножки припаяны или очень грубо или очень непрочно и потому поотскакивали. Остается, слѣдовательно, предполагать, что металлъ въ эти возвышающіяся мѣста нагнанъ былъ чеканкою съ прилежащихъ частей.

Всѣ же остальныя изображенія достигнуты несомнѣнно лишь рѣзьбою и чеканкой съ лицевой,

---

[1]) Семнадцать человѣческихъ головъ и двѣ львиныя; головы же двѣнадцати апостоловъ, двухъ воиновъ, сидящихъ подъ крестомъ, и пѣтуха рельефности не имѣютъ, нисколько не возвышаясь надъ плоскостью самихъ фигуръ и фона.

[2]) Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien. L'âge de fer, fig. № 609; Gazette Archéologique. 1885, pl. 33; E. Babelon, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale. Choix des monuments, pl. XLVIII; Русскія Древности, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Вып. III, рис. 85.

вогнутой стороны блюда. Контуры важнѣйшихъ частей рисунка рѣзко обозначены глубоко вырѣзанными чертами, на наклонныхъ краяхъ которыхъ ясно видны слѣды рѣзца. Такимъ способомъ всѣ фигуры такъ-же рѣзко выдѣляются на фонѣ, какъ если бы онѣ выступали въ плоскомъ рельефѣ, хотя на ощупь ясно, что по бо́льшей части поверхность ихъ и окружающаго фона образуютъ одну общую вогнутую поверхность блюда. Только указанныя выше части (головы) возвышаются немного надъ этою общею плоскостью, да въ немногихъ лишь мѣстахъ и на небольшихъ пространствахъ фонъ оказывается слегка углубленнымъ противъ поверхности фигуръ, что достигнуто или снятіемъ его рѣзцемъ или же болѣе энергичной въ этихъ мѣстахъ чеканкой. Контуры сирійскихъ надписей вырѣзаны, повидимому, тѣмъ-же самымъ грубымъ рѣзцомъ, какъ контуры и нѣкоторыя детали фигуръ. Такъ какъ, несмотря на глубину вырѣзанныхъ широкихъ контуровъ рисунка и, слѣдовательно, на тонкость слоя метáлла между поверхностью обратной стороны блюда и наиболѣе углубленными частями контуровъ этихъ, никакого отраженія ихъ, въ видѣ мелкихъ выступающихъ линій, на обратной, выпуклой поверхности блюда не замѣчается, то мнѣ кажется, что поверхность эта гладко отшлифована была уже послѣ этой работы рѣзцемъ и чеканомъ надъ контурами. Шлифовка же эта произведена была, повидимому, при помощи вращенія блюда на какомъ-либо подобіи токарнаго станка, какъ это видно по двумъ глубокимъ точкамъ, находящимся на этомъ блюдѣ, — какъ и на большинствѣ прочихъ,—въ центрѣ и лицевой и оборотной сторонъ. На выпуклой сторонѣ, хотя и очень гладко отшлифованной, замѣтны однако ряды узкихъ концентрическихъ полосъ: по всей вѣроятности слѣды чеканки, которою придана была серебряной пластинѣ желаемая выпуклость блюда. Три круга на вогнутой сторонѣ вырѣзаны были на глазъ, безъ помощи циркуля, какъ то видно по легкимъ неправильностямъ ихъ и по не вездѣ одинаковой ширинѣ образующихъ ихъ бордюровъ.

Послѣ шлифовки многочисленныя детали исполнены были различными пунсонами и болѣе тонкою рѣзьбою рѣзцемъ.

Этотъ способъ обозначенія деталей, оказывающійся иногда вовсе не подходящимъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, постоянно примѣняется и на сасанидскихъ издѣліяхъ изъ серебра. На описываемомъ блюдѣ примѣнены пунсоны въ видѣ кружковъ четырехъ величинъ и, повидимому, полукруговъ двухъ величинъ. Точки же, судя по ихъ неправильной формѣ, наколоты были просто остріемъ ножа или рѣзца, а не спеціальнымъ круглымъ шиломъ или сверломъ, которыя дали бы совершенно округлыя точки, какія и видимъ мы на блюдахъ болѣе тщательной работы. Равнымъ образомъ и передача волосъ кружками, которая примѣняется на описываемомъ блюдѣ, очевидно, просто, какъ легкій способъ обозначенія ихъ, на нѣкоторыхъ блюдахъ лучшей работы примѣнялась для обозначенія лишь волосъ, завитыхъ въ кольца, причемъ кружки употреблялись большого размѣра и внутри ихъ помѣщалась точка: такъ раздѣлана борода и пышная шевелюра сасанидскаго царя на одномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа[1]); на упомянутомъ выше парижскомъ блюдѣ такъ-же обозначены волосы жреца (евнуха) и божества мѣсяца, причемъ остается неяснымъ, въ виду того, что волосы у нихъ короткіе, хотѣлъ-ли мастеръ передать дѣйствительно завитые волосы; на серебряномъ (неизданномъ) кувшинѣ Британскаго Музея (бывшемъ A. W. Franks'a) кружками, безъ точекъ внутри ихъ, раздѣланы волосы нагихъ фигурокъ (Эротовъ?), собирающихъ виноградъ, но, такъ какъ волосы ихъ связаны на макушкѣ въ пучекъ, то завиты они въ нижней части быть не могли и кружки примѣнены тутъ, очевидно, такъ-же условно, какъ и на описываемомъ блюдѣ. Особенно же ясно выступаетъ значеніе кружковъ при отдѣлкѣ волосъ на блюдѣ гр. Гр. С. Строганова[2]), гдѣ кружками (съ точками въ центрахъ) заполнена только борода царя, а у слугъ лишь нижнія, расширяющіяся части волосъ, тогда какъ верхнія, — не завитыя, а просто расчесанныя, — переданы параллельными линіями. Но требовать такой-же послѣдовательности въ примѣненіи круглаго пунсона отъ крайне небрежнаго исполнителя нашего блюда, конечно, не возможно, тѣмъ болѣе, что онъ примѣнялъ для обозначенія волосъ лишь самый малый пунсонъ, да и

---

1) № 1084. Рис. см. въ Отчетѣ Импер. Археол. Коммиссіи за 1867 годъ. Табл. III, рис. 4. Русскія древности. Вып. III, рис. 83.

2) Aspelin, l. l. № 608; Al. Riegl, Ein alt-orientalischer Teppich. vom J. 1202 n. Chr. und die ältesten orientalischen Teppiche. Berlin. 1895, fig. 2.

то ударялъ имъ иногда бокомъ, желая достичь, очевидно, только отличія плана волосъ отъ гладкой поверхности лицъ. Въ другихъ случаяхъ употребленія того-же самаго наименьшаго пунсона, — въ узорахъ на одеждѣ распятаго Христа, Даніила и лѣваго, сидящаго подъ крестомъ, воина, — видно, что тѣмъ-же самымъ пунсономъ при ударѣ болѣе сильномъ получался кружокъ нѣсколько большаго размѣра, а иногда и столь глубокій, что онъ кажется круглою точкой. Завитки гривы у львовъ мастеръ передалъ — слѣдуя, очевидно, примѣрамъ подобнымъ указаннымъ выше — кружками болѣе крупными, внутри которыхъ точки замѣнилъ сильными ударами пунсономъ наименьшаго кружка; пунсонъ же большаго размѣра мастеръ ставилъ при ударѣ, по большей части, бокомъ и получалъ поэтому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, полукруглыя нарубки. Эта отдѣлка деталей произведена была уже послѣ шлифовки оборотной стороны блюда, такъ какъ на ней замѣтны мѣстами небольшія выпуклости, соотвѣтствующія кружкамъ или точкамъ, выбитымъ съ лицевой стороны глубже, чѣмъ остальные.

Наконецъ послѣднею работой было наложеніе позолоты, покрывающей, какъ и на большинствѣ подобныхъ блюдъ, сплошь весь фонъ. Въ примѣненіи же позолоты къ инымъ частямъ изображеній мастеръ проявилъ обычную ему непослѣдовательность: такъ, оставляя всѣ лица серебряными, онъ вызолотилъ большинству фигуръ руки. Однако всюду оставилъ онъ непозолоченными надписи, выдѣляющіяся поэтому отъ фона и цвѣтомъ, хотя при свойствѣ позолоты границы ея не совпадаютъ, да и не могли точно совпасть, съ контурами буквъ. Здѣсь употреблена та-же самая блѣдная, весьма расплывчатая позолота, которую видимъ и на всѣхъ прочихъ блюдахъ и иныхъ сосудахъ, и которая накладывалась «черезъ огонь», т. е. посредствомъ ртутной амальгамы.

Когда припаяна была къ блюду ножка: до или послѣ позолоты, судить о томъ основаній мы не видимъ.

Исполненіе же сирійскихъ надписей до наложенія на блюдо позолоты и, вѣроятно, до шлифовки оборотной стороны его доказываетъ, что вырѣзалъ ихъ самъ мастеръ, дѣлавшій блюдо, а слѣдовательно онъ былъ сиріецъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ надписи должны были бы быть намѣчены предварительно вырѣзки ихъ заказчикомъ блюда, но ни малѣйшихъ слѣдовъ этого не замѣтно. Самая длина надписей мѣстами, напр. при ап. Петрѣ, находится въ явной зависимости отъ композиціи изображеній. Если исполнитель блюда самъ составлялъ надписи къ его изображеніямъ, то сколь ни безнадежны были его таланты, какъ художника, онъ обладалъ, очевидно, нѣкоторыми познаніями о смыслѣ изображаемыхъ имъ сюжетовъ, а потому при всей грубости исполненія ихъ тѣ детали, которыя относятся непосредственно къ содержанію, могутъ считаться изображенными сознательно.

Возможно, конечно, и предположеніе, что все это блюдо цѣликомъ скопировано совершенно безграмотнымъ мастеромъ, съ другого подобнаго, можетъ быть гораздо лучшей работы.

Что касается общаго расположенія изображеній на блюдѣ, то мы не имѣемъ прочныхъ и ясныхъ основаній рѣшать, взята-ли эта композиція мастеромъ цѣликомъ съ другого подобнаго блюда,— или какого-либо иного круглаго предмета, — или же ему самому пришлось комбинировать по поверхности блюда избранные имъ сюжеты.

Помѣщеніе трехъ главныхъ изображеній внутри круговъ и самый выборъ ихъ содержанія представляетъ ближайшее сходство съ одною изъ ампулъ Монцы, обратная сторона которой (см. рис. 4 = Garrucci, l. l., tav. 433, fig. 8) украшена семью

Рис. 4. Ампула изъ Св. Земли въ Монцѣ.

кружками: изъ нихъ въ центральномъ представлено Рождество Христово [1]), а среди шести расположенныхъ кругомъ оказываются три, содержащихъ тѣ-же самыя сцены, которыя украшаютъ блюдо, причемъ Вознесеніе также занимаетъ верхнее мѣсто, а Распятіе приходится также слѣва, — хотя и на иномъ уровнѣ —, отъ Мироносицъ. Въ виду того, что такія ампулы съ масломъ отъ Святыхъ Мѣстъ расходились во множествѣ по всему христіанскому міру, предположеніе (ср. выше стр. 6) о прямой зависимости композицій описываемаго блюда отъ другого экземпляра указанной ампулы, или иной близко съ нею сходной, являлось бы не только вполнѣ возможнымъ, но и весьма вѣроятнымъ, если бы въ деталяхъ каждой изъ трехъ избранныхъ композицій не оказывалось значительныхъ и, какъ увидимъ ниже, весьма существенныхъ отличій отъ композицій этой и другихъ ампулъ палестинскаго происхожденія, и эти отличія значительно ослабляютъ вѣроятность предположенія о непосредственной зависимости блюда отъ ампулъ.

Рамки круговъ на блюдѣ переплетаются между собою, образуя небольшіе кружки въ мѣстахъ соприкосновенія круговъ. Такой-же пріемъ помѣщенія фигуръ въ переплетающіяся рамки представляютъ также найденные въ С. В. Россіи серебряный кувшинъ гр. Гр. С. Строганова [2]) и блюдо М. П. Боткина, тождественные между собою по стилю и работѣ, и, слѣдовательно, одного и того-же времени и происхожденія; но они являются лишь отдаленною аналогіей издаваемому блюду: плетенія ихъ образуютъ не только круги, но и иныя болѣе сложныя фигуры, время же ихъ изготовленія значительно позднѣе принимаемаго для издаваемаго здѣсь блюда, такъ какъ на кувшинѣ находится арабская надпись. На другомъ серебряномъ кувшинѣ [3]), также съ арабскою надписью, горлышко подобнымъ-же образомъ украшено птицами, помѣщенными внутри рамокъ, образуемыхъ плетеніемъ, но тутъ рамки эти четыреугольныя. Тотъ-же пріемъ дѣленія украшаемой поверхности на отдѣльныя меньшія поля встрѣчаемъ мы на различныхъ произведеніяхъ искусства мусульманскаго востока весьма часто; достаточно будетъ указать здѣсь на круглую коробку изъ слоновой кости, исполненную въ Испаніи, въ Кордовѣ, но персидскими, вѣроятно, мастерами въ 971 г. по Р. Х. [4]), и на другую весьма сходную съ нею [5]), на круглую-же бронзовую инкрустированную серебромъ коробку 1238—1240 гг. [6]) и на другую подобную [7]), на столикъ конца XIII или начала XIV вѣка, той-же самой техники, принесенной въ Египетъ изъ Месопотаміи мосульскими мастерами [8]), и т. д., и т. д.

И въ архитектурной орнаментикѣ сплетенія, подобныя находящимся на блюдѣ, встрѣчаются на памятникахъ довольно древнихъ: такъ на косякѣ двери дворца (?) въ Сафа, къ Ю. В. отъ Дамаска, относимомъ къ VII вѣку, изображены въ подобныхъ переплетающихся кругахъ различныя животныя [9]).

Позднѣе тотъ-же самый пріемъ сталъ весьма обычнымъ въ т. н. «ломбардской» орнаментикѣ въ Италіи [10]), во множествѣ византійскихъ орнаментальныхъ плитъ отъ разнаго рода преградъ и въ орнаментахъ иного рода, а равно и въ памятникахъ западныхъ, зависящихъ отъ восточныхъ, напр., на окладѣ изъ слоновой кости, изготовленномъ для Мелисенды, дочери короля іерусалимскаго

---

[1]) Ампулу эту, судя по изображенію на лицевой сторонѣ ея (см. Garrucci, l. l., tav. 433. fig. 7. ср. Византійскій Временникъ 1897 г., стр. 91 и 1898 г., стр. 177 сл.), можно считать происходящей изъ Виѳлеема.

[2]) См. рис. у Aspelin'a, l. l. № 621.

[3]) См. рис. въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1895 г., рис. 167.

[4]) South Kensington Museum. По инвентарю № 368. 1880. Рис. см. G. Le Bon, La civilisation arabe, fig. 3. Фотографія Кенсингтонскаго Музея. № 16909.

[5]) Въ Луврѣ. Арабская зала. По этикеткѣ: Boîte en ivoire. Perse (?) XII siècle. Donation Davilier. Рис. см. у A. Gayet, L'art persan, стр. 237.

[6]) Въ Кенсингтонскомъ Музеѣ. Рис. см. у Stanley Lane Poole. The Art of the Saracens in Egypt. fig. 80.

[7]) Prisse d'Avennes, L'art arabe, pl. CLXXIII.

[8]) Въ Арабскомъ Музеѣ въ Каирѣ. Рис. см. у St. Lane Poole'я, l. c. fig. 74, и у Gayet, L'art arabe, fig. 127.

[9]) См. рис. у Melchior de Vogüé, La Syrie Centrale. Architecture civile et réligieuse. Paris, 1865—1878, pl. 24.

[10]) Множество примѣровъ въ книгѣ Cattaneo, L'Architecture en Italie du VI au XI siècle, Venise. 1890.

Балдуина (нач. XII в.), мы видимъ внутри такихъ круговъ отдѣльныя сцены византійскаго характера [1]).

Очень часто встрѣчая тотъ-же самый пріемъ и въ заставкахъ рукописей, и въ орнаментаціи рельефныхъ плитъ, и въ работахъ изъ слоновой кости и въ иныхъ различныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ, какъ въ византійскихъ произведеніяхъ, такъ и въ западно-европейскихъ, которыя подражаютъ то византійскимъ, то восточнымъ образцамъ, мы считаемъ лишнимъ исчислять здѣсь примѣры эти въ виду того, что всѣ эти памятники многимъ новѣе разсматриваемаго блюда.

Гораздо важнѣе указать на древнѣйшіе примѣры этого пріема образовывать рамки для отдѣльныхъ изображеній переплетающимися въ видѣ круговъ полосами: такой пріемъ весьма употребителенъ на мозаичныхъ полахъ поздне-римскаго времени и примѣры его находимъ мы на всемъ протяженіи римской имперіи; переплетающіяся полосы имѣютъ иногда видъ лиственныхъ или цвѣточныхъ гирляндъ, внутри образуемыхъ ими круговъ помѣщаются иногда, какъ напр. на мозаикахъ близъ Константины [2]), также лишь орнаменты, иногда же и фигурныя изображенія. Въ мозаикахъ близъ Галикарнаса въ одномъ мѣстѣ въ трехъ кругахъ изображены были олицетворенія городовъ Галикарнаса, Александріи и Вирита, въ другихъ же разныя животныя [3]); въ извѣстной мозаикѣ 575 г. по Р. Х. въ церкви Св. Христофора близъ Тира въ кругахъ размѣщены различныя растенія, животныя и бюсты двѣнадцати мѣсяцевъ македонскаго календаря [4]).

И въ мозаикахъ на сводахъ встрѣчаются такія-же переплетающіяся полосы рамокъ: потолокъ круглаго нефа церкви Св. Констанцы (вѣрнѣе Константины) близъ Рима разбитъ на отдѣльныя четыреугольныя поля, среди которыхъ нѣкоторыя также раздѣлены переплетающимися полосами на меньшія —, то круглой, то иной формы, съ изображеніями геніевъ, цвѣтовъ и т. п. внутри ихъ [5]); въ ротондѣ св. Георгія въ Θессалоникѣ сводъ западной ниши сохранилъ мозаичную декорацію (вѣка V-го), также напоминающую коверъ, бордюръ котораго состоитъ изъ переплетающихся полосъ съ изображеніями птицъ внутри образуемыхъ ими рамокъ [6]). Въ орнаментаціи мозаикъ, особенно украшавшихъ полы, видятъ воспроизведеніе, болѣе или менѣе точное, узоровъ ковровъ, мозаики же подобнаго рода, помѣщаемыя на своды, уподобляютъ зданіе палаткѣ изъ узорчатыхъ тканей.

И дѣйствительно между этими мозаиками и тканями тѣхъ-же вѣковъ, найденными въ значительномъ числѣ въ Египтѣ, оказывается близкое сходство, какъ во многихъ иныхъ отношеніяхъ, такъ и въ употребленіи разсматриваемаго нами пріема.

Узкія и длинныя полосы узорныхъ вшивокъ въ хитоны дѣлятся плетеніями на ряды круглыхъ и четыреугольныхъ рамокъ, внутри которыхъ помѣщаются, то въ вертикальномъ, то въ горизонтальномъ направленіи, различныя изображенія: растенія, либо въ видѣ отдѣльныхъ листьевъ, либо цѣлыхъ кустиковъ, животныя (зайцы и птицы), человѣческія лица и бюсты, и, въ четыреугольныхъ рамкахъ цѣлыя фигуры, наконецъ желтый (т. е. золотой) и украшенный цвѣтными квадратами (т. е. драгоцѣнными камнями) крестъ [7]). На квадратныхъ вставкахъ поле дѣлится иногда на четыре круга такими-же двумя переплетающимися между собой безконечными полосами, какъ и на описываемомъ

---

[1]) См. фот. у Westwood'a, Fictile ivories. 1876. у стр. 73, табл. VII. Cahier, Nouveaux Melanges d'archéologie. Ivoires, pl. I—II.

[2]) См. рис. въ изданіи Exploration scientifique de l'Algérie pendant les années 1840—45. Archéologie par Delamare. Paris. 1850, pl. 145, 146.

[3]) См. чертежи у Newton'a, A history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. Атласъ, табл. XL и XLI, текстъ стр. 281 слд. Часть этихъ мозаикъ находится въ Британскомъ Музеѣ; датировка ихъ III в. по Р. Х., можетъ быть, слишкомъ высока.

[4]) См. Renan, Mission archéologique en Phénicie, pl. XLIX. Теперь мозаика эта находится въ Луврѣ.

[5]) См. Garrucci, tav. 206 fig. e. Время сооруженія ротонды или 326—330 гг. по Р. Х., или, вѣроятнѣе, 354 годъ, годъ смерти Константины.

[6]) См. рис. у Texier and Pullan, Byzantine architecture, pl. XXXIV, fig. 1.

[7]) См. Portofolio of Egyptian Art. (изд. Кенсингтонскаго Музея), вып. 3 и 4; Gerspach, Les tapisseries coptes, fig. 25; R. Forrer, Die frühchristlichen Alterthümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, taf. XVIII, fig. 6.

блюдѣ, внутри же круговъ помѣщаются по одной фигурѣ птицъ, животныхъ и охотниковъ [1]). Всѣ эти ткани относятся къ той группѣ тканей, находимыхъ въ кладбищахъ Египта, которая, судя по качеству работы, по сюжетамъ, по самому характеру рисунка, по господству фіолетоваго цвѣта (пурпура), можетъ быть считаема вышедшею изъ греческихъ мастерскихъ, и которая орнаментикою своей представляетъ сходство не только съ указанными выше мозаиками, но и съ миніатюрами греческихъ рукописей: такъ въ извѣстной вѣнской рукописи Діоскорида (нач. VI в.) изображеніе заказчицы помѣщено въ 8-ми-угольной внутри и круглой снаружи рамкѣ, образуемой переплетающимися полосами, а въ Россанскомъ евангеліи (также VI в.) погрудныя изображенія евангелистовъ находятся въ круглыхъ медальонахъ, образованныхъ переплетенными полосами, хотя тамъ плетеніе это и менѣе сложно, чѣмъ на блюдѣ и указанныхъ тканяхъ [2]).

Такимъ образомъ оказывается, что тотъ пріемъ, которымъ воспользовался сирійскій мастеръ, изготовлявшій описываемое блюдо, для того, чтобы выдѣлить на плоскости блюда три круглыхъ поля для избранныхъ имъ изображеній, былъ весьма распространенъ въ христіанскомъ греческомъ искусствѣ. Поэтому мы вправѣ предположить, что оттуда и было заимствовано это примѣненіе плетеній какъ мастеромъ этого блюда, такъ позднѣе и искусствомъ мусульманскаго востока; можно также думать, что главную роль въ распространеніи этого пріема играли ткани Египта и Сиріи, которыя переносились легче и дальше, чѣмъ иныя произведенія греческаго искусства. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы съ ткани могла быть взята цѣликомъ вся эта система вписанія въ большой кругъ трехъ меньшихъ, такъ какъ извѣстныя намъ древнія ткани аналогичныхъ примѣровъ не представляютъ: на нихъ видимъ мы дѣленіе на круги лишь квадратныхъ или продолговатыхъ полей, круглыя же заполняются обыкновенно сплошь одною большой композиціей безъ вторичнаго дѣленія на меньшіе круги.

Послѣ помѣщенія трехъ главныхъ изображеній въ разсмотрѣнныя выше рамки потребовалось заполнить пустоты оставшихся отрѣзковъ, причемъ характерныя формы отрѣзковъ этихъ требовали нѣкоторой ловкости отъ исполнителя композицій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Въ среднемъ, самомъ маломъ, отрѣзкѣ вырѣзанъ крестъ и при этомъ столь правильно въ самой срединѣ между краями круговъ, что центръ креста не совпадаетъ съ углубленною точкою въ центрѣ блюда, о которой рѣчь была выше. Форма креста съ расширяющимися концами, весьма обычная на греческихъ памятникахъ V-го и слѣдующихъ вѣковъ, находится въ отдаленной зависимости отъ того декоративнаго креста, который стоялъ въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, и пирамидки, изъ трехъ кружковъ каждая, на внѣшнихъ углахъ его условно передаютъ жемчужныя «слезки», нерѣдко помѣщаемыя на болѣе тщательныхъ изображеніяхъ его [3]); такую-же точно форму имѣетъ и крестъ, изображенный на этомъ-же блюдѣ внутри Гроба Господня.

Изъ большихъ внѣшнихъ отрѣзковъ особенно удачно съ точки зрѣнія композиціи заполненъ изображеніемъ Даніила во рву львиномъ нижній. Этотъ сюжетъ, столь обычный въ памятникахъ древне-христіанскихъ, особенно любезенъ долженъ былъ быть христіанамъ, жившимъ въ Месопотаміи, гдѣ жилъ и самъ пророкъ: теперь могилу его показываютъ близь древнихъ Сузъ, но и тогда, конечно, съ именемъ его связаны были многія мѣстности Месопотаміи и во имя его строились, конечно, церкви, какъ то извѣстно, напр., относительно Эдессы, гдѣ церковь пр. Даніила воздвигнута была уже въ 379 году. Поэтому присутствіе Даніила на этомъ блюдѣ, среди евангельскихъ сценъ и пр., можетъ объясняться какъ вообще распространенностью почитанія его месопотамскими христіанами, — или даже, быть можетъ, назначеніемъ описываемаго блюда для какой-либо церкви его имени, — такъ и символическимъ параллелизмомъ между Даніиломъ и Христомъ; хотя указываемые примѣры

---

1) См. два квадрата такого рода: Portofolio of Egyptian Art вып. 2 (и на обложкѣ каждаго выпуска): два охотника и два звѣря, и Al. Riegl, Die ägyptischen Textilfunde im k. k. österreichischen Museum für Kunst und Industrie, taf. XII: заяцъ, павлинъ и двѣ какихъ-то птички.

2) Миніатюру, изображающую Юліану въ краскахъ, см. у Labarte'a, Histoire des Arts industriels. pl. XLIII, а рис. изъ Россанскаго Евангелія въ Сочиненіяхъ С. А. Усова, т. II, рис. 15 (= Древности Моск. Арх. Общ., т. IX, 1881 г.).

3) См. Д. В. Айналова, Мозаики IV и V вѣка, стр. 44—53.

такого уподобленія относятся ко временамъ довольно позднимъ [1]), но присутствіе на многихъ рельефахъ саркофаговъ изображеній Даніила близь символической передачи распятія Христа позволяетъ предполагать такую символику и во времена болѣе древнія. Чѣмъ бы ни руководился мастеръ, избирая изображеніе пр. Даніила, онъ едва-ли могъ бы подыскать иное, болѣе подходящее для заполненія треугольнаго отрѣзка. Но вмѣсто обычной позы Даніила «орантомъ», т. е. съ воздѣтыми вверхъ руками, здѣсь изображенъ онъ держа ихъ передъ грудью открытыми ладонями наружу, т. е. также въ молитвенной позѣ. Зависитъ-ли это измѣненіе позы лишь отъ требованій композиціи, — такъ какъ для распростертыхъ рукъ не оказалось бы мѣста, — или же отъ какихъ-либо особыхъ изображеній, отличныхъ отъ обычныхъ на извѣстныхъ намъ памятникахъ, рѣшать это мы не имѣемъ основаній. Замѣтимъ лишь, что въ той-же самой позѣ на описываемомъ блюдѣ изображенъ одинъ изъ апостоловъ (лѣвый въ срединѣ). За то, несомнѣнно ради лучшаго заполненія этого именно отрѣзка, львамъ, изображаемымъ обыкновенно сидящими или лежащими, придана здѣсь оригинальная и даже невозможная въ дѣйствительности поза: переднія части ихъ скопированы съ изображеній лежащихъ львовъ, заднія же ноги вытянуты для заполненія угловъ отрѣзка горизонтально назадъ; такимъ образомъ эти львы напоминаютъ извѣстное ассирійское изображеніе львицы съ перебитымъ стрѣлами становымъ хребтомъ на рельефѣ изъ дворца Ассурбанипала [2]).

Такой-же отрѣзокъ справа такъ-же удачно заполненъ изображеніемъ ап. Петра въ срединѣ, пѣтухомъ слѣва и надписью справа, въ чемъ мы видимъ ясное доказательство того, что надписи выбиралъ и вырѣзалъ самъ мастеръ: эта надпись, равно какъ и надпись при двухъ воинахъ, длиннѣе всѣхъ остальныхъ, очевидно, потому, что служила для заполненія остававшейся пустою части отрѣзка. Пѣтухъ, котораго древне-христіанскія композиціи этой сцены помѣщаютъ обыкновенно или у ногъ Петра или на особой колоннѣ, посаженъ здѣсь непосредственно на рамку верхняго изъ трехъ круговъ.

Менѣе удачно справился мастеръ съ пустотою лѣваго отрѣзка, помѣстивъ тамъ двѣ фигуры «воиновъ, стерегущихъ Гробъ», какъ опредѣляетъ ихъ надпись: онѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія сами по себѣ, а отъ того изображенія, къ которому принадлежатъ, отдѣлены рамкою; если же имъ не оказалось мѣста внутри рамки этой, то безъ всякаго ущерба для ясности композиціи ихъ можно было опустить вовсе, какъ то и видимъ на іерусалимскихъ ампулахъ (см. рис. 4). Представляя такимъ образомъ нарушеніе законовъ композиціи самымъ присутствіемъ своимъ, онѣ еще менѣе удачно нарисованы: обѣ фигуры кажутся скопированными съ праваго изъ сидящихъ подъ крестомъ Христа воиновъ, а тождественныя позы ихъ оказались для заполненія треугольнаго отрѣзка весьма неподходящими, такъ какъ всѣ три угла остались пустыми и отчасти лишь заполняются надписью по верхнему краю поля. Будь мастеръ болѣе умѣлымъ, онъ могъ бы придать имъ разнообразныя, болѣе живыя позы, которыя и ему помогли бы болѣе удачно заполнить отрѣзокъ этотъ и сами ближе соотвѣтствовали бы повѣствованію ев. Матѳея (гл. XXVIII, 4), по которому «отъ страха же... сотрясошася стрегущіе и быша, яко мертвы», какъ и изображаются они на лучшихъ, греческихъ памятникахъ.

Эти недостатки въ общей композиціи блюда, отчасти лишь исправляемыя заполненіемъ мѣстъ, остававшихся пустыми, надписями, позволяютъ, кажется, предполагать (представляя соотвѣтствіе весьма низкому въ художественномъ отношеніи исполненію блюда), что композиція эта была самостоятельнымъ дѣломъ сирійскаго мастера. Съ меньшей увѣренностью расположеніе послѣдовательныхъ по времени сценъ отреченія Петра, распятія и воскресенія справа налѣво можно объяснять привычкою сирійца читать, а слѣдовательно и разсматривать изображенія, въ этомъ именно направленіи.

При попыткѣ указать тѣ черты, которыя сирійскій мастеръ, работавшій въ Персіи, прибавилъ къ греческимъ, извѣстнымъ ему, быть можетъ, лишь изъ вторыхъ рукъ, оригиналамъ, оказываются затрудненія двухъ родовъ: съ одной стороны крайняя ремесленная грубость работы не позволяетъ требовать сознательнаго смысла отъ каждой детали, какъ то вправѣ были бы мы дѣлать, если бы

---

[1]) VIII-му вѣку: Іоаннъ Дамаскинъ и Ѳеодоръ Студитъ. См. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 317.

[2]) Рис. см. напр. у Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité II, fig. 270, и во многихъ руководствахъ.

имѣли предъ собою тщательную художественную работу, съ другой же немногочисленность греческихъ памятниковъ соотвѣтствующаго содержанія, извѣстныхъ намъ отъ того времени, къ которому относится блюдо, не даетъ права въ весьма существенныхъ отъ нихъ отличіяхъ, являющихся во всѣхъ трехъ главныхъ изображеніяхъ сирійскаго блюда, видѣть несомнѣнныя черты мѣстнаго или національнаго происхожденія: только нѣкоторыя, чисто внѣшнія детали могутъ быть объясняемы, какъ увидимъ ниже, вліяніемъ сасанидскаго искусства, оригинальныя же композиціи трехъ главныхъ сценъ могли быть и копіями съ неизвѣстныхъ намъ пока греческихъ изводовъ, что и придаетъ описываемому блюду, въ виду его древности, большой интересъ для изслѣдователей древне-христіанскаго искусства, отъ которыхъ мы и надѣемся получить авторитетныя разъясненія вопросовъ, представляющихся намъ при разсмотрѣніи этихъ композицій.

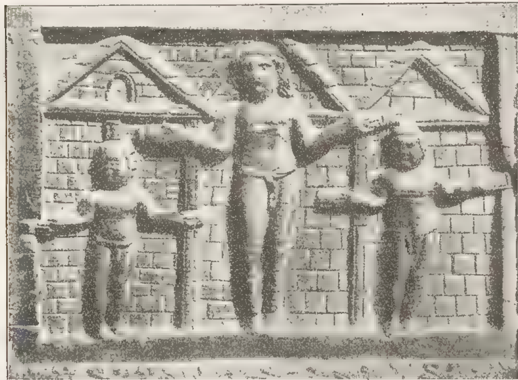

Рис. 5. Рельефъ дверей церкви св. Сабины въ Римѣ.

Изображеніе распятія значительно отличается отъ двухъ, считаемыхъ древнѣйшими реальными изображеніями его, рельефовъ, а именно на деревянныхъ дверяхъ церкви св. Сабины въ Римѣ (см. рис. 5 = Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst. Fig. 104)[1]), исполненныхъ въ началѣ V-го вѣка (м. б. въ 425—431 гг.) восточными, вѣроятно, мастерами[2]), и на пластинкѣ слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ (см. рис. 6 = Garrucci, tav. 446, fig. 2), относимой также къ V-му вѣку и изготовленной, повидимому, въ Италіи[3]).

Рис. 6. Пластинка слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ.

Отъ обоихъ рельефовъ композиція сирійскаго блюда существенно отличается тѣмъ, что здѣсь Христосъ одѣтъ въ длинную одежду, что совершенно не изображены самые кресты, на которыхъ Онъ и разбойники распяты, и что особенно ясно изображены лишь нижнія части крестовъ. Положеніе распятыхъ съ руками распростертыми на высотѣ плечей въ стороны здѣсь, какъ и на лондонской пластинкѣ, болѣе реально, чѣмъ на рельефѣ

---

[1]) Фототипію см. въ Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde, VIII, 1894, taf. 1.

[2]) См. Strzygowski въ Jahrbuch der Königl. Preuss. Kunstsammlungen, т. XIV (1893), стр. 80.

[3]) Впрочемъ Molinier, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie, т. I, стр. 64 сл., склоненъ относить къ восточнымъ издѣліямъ и тѣ четыре пластинки, въ число которыхъ входитъ это изображеніе распятія.

св. Сабины, гдѣ отведены въ стороны лишь нижнія части рукъ, тогда какъ верхнія до локтя плотно прижаты къ туловищу, но здѣсь ни у Христа, ни у разбойниковъ, не показано гвоздей на ладоняхъ рукъ, которые ясно обозначены на лондонской пластинкѣ, а ноги стоятъ здѣсь также безъ гвоздей на поперечной перекладинѣ, которой не обозначается вовсе на древнѣйшихъ христіанскихъ изображеніяхъ распятія [1]).

Распятые изображены на сирійскомъ блюдѣ такъ, что на первый взглядъ кажутся просто стоящими съ распростертыми въ стороны руками на особыхъ подставкахъ въ видѣ буквы Т, подобно тому, какъ на двери св. Сабины они стоятъ просто на землѣ предъ стѣною города, но тамъ обозначены концы креста, къ которымъ пригвождены ихъ руки, здѣсь же только крестообразныя перевязи на груди [2]) указываютъ на то, что вертикальный столбъ предполагается продолжающимся за спинами распятыхъ. Такимъ образомъ является вопросъ, для насъ неразрѣшимый, умышленно-ли не изображенъ здѣсь крестъ, орудіе позорной казни, со всею реальностью, или же мастеръ не показалъ за руками и надъ головами распятыхъ концевъ креста лишь по небрежности [3]). Перекладина же подъ ногами распятыхъ имѣетъ несомнѣнно реальное основаніе: на извѣстномъ палатинскомъ граффитто (см. рис. у **Garrucci**, tav. 483, и во многихъ руководствахъ), гдѣ язычникъ въ III в. изобразилъ распятіе въ каррикатурномъ видѣ и передалъ конечно крестъ со всей возможной для его художества реальностью, видимъ мы такую-же перекладину, на которой ноги распятаго стоятъ, не будучи пригвождены такъ-же, какъ и на блюдѣ, но руки изображены тамъ наклонно, такъ что туловище, очевидно, виситъ на верхней перекладинѣ креста, чего не передаютъ однако разсматриваемыя древнѣйшія христіанскія изображенія распятія. На ампулахъ изъ Св. Земли, относимыхъ къ VI-му вѣку, распятіе изображается еще болѣе условно, чѣмъ на блюдѣ и двухъ упомянутыхъ рельефахъ: на большинствѣ ихъ Христосъ распятымъ не представляется вовсе: между двумя распятыми разбойниками помѣщается лишь крестъ, да и то условной формы (равноконечный), съ погруднымъ изображеніемъ Христа надъ нимъ (см. напр. рис. 4 = **Garrucci**, tav. 433, fig. 8, и **Garrucci**, tav. 434, fig. 2, 5, 6, 7 и tav. 435, fig. 1); только на одной ампулѣ (см. рис. 7 = **Garrucci**, tav. 434. 4) Христосъ изображенъ между разбойниками стоящимъ во весь ростъ съ распростертыми, согнутыми въ локтяхъ, руками; на рисункѣ **Garrucci** никакихъ слѣдовъ креста у Христа не видно, тогда какъ у разбойниковъ ясно обозначенъ столбъ, къ которому онѣ привязаны. На поразительно близкомъ изображеніи распятія на мѣдномъ амулетѣ египетскаго, повидимому, происхожденія, ясно показана однако нижняя часть столба и у ногъ Христа, одѣтаго, какъ и на ампулѣ, въ обычный греческій костюмъ (см. рис. 8) [4]).

Рис. 7. Ампула изъ Св. Земли въ Монцѣ.

---

1) У лѣваго разбойника ноги по небрежности мастера не изображены вовсе. Поперечная перекладина, на которой ноги здѣсь стоятъ, изображается очень тщательно на позднѣйшихъ (IX-го и слѣдующихъ вѣковъ) композиціяхъ, ставшихъ традиціонными, но тамъ ноги Христа пригвождены къ этому подножію. Повидимому, древнѣе ихъ, но точно опредѣлены быть не могутъ, изображенія распятія на одномъ рѣзномъ камнѣ у **Garrucci**, tav. 479, fig. 15, (въ текстѣ 16) и на омофорѣ изъ Египта (см. рис. у **Forrer**'а, Römische und byzantinische Seidentextilien, taf. XVII, fig. VIII), на которыхъ перекладина эта также изображена. О подножіи этомъ см. Н. В. **Покровскаго**, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 347—348, и Kreuz und Kreuzigung Christi in ihrer Kunstentwickelung von R. **Forrer** und G. **Müller**, 1894, стр. 25—26.

2) На рельефѣ св. Сабины онѣ идутъ горизонтально.

3) На двери св. Сабины концы эти изображены столь неясно, что возникалъ даже вопросъ о самомъ существованіи ихъ. На блюдѣ для концевъ креста надъ головами распятыхъ не оказывается и мѣста.

4) См. Byzantinische Zeitschrift, II. 1893, 187—188 = **Schlumberger**, Mélanges d'archéologie byzantine. Vol. I,

Такимъ образомъ эта композиція распятія не находитъ себѣ ближайшей аналогіи среди древнѣйшихъ изображеній его и представляетъ соединеніе условностей съ чисто реальными деталями; къ числу послѣднихъ можно, кажется, отнести и изображеніе въ рукахъ воиновъ, сидящихъ подъ крестомъ, подобія булавы, — о которой придется говорить ниже, — вмѣсто обычныхъ мечей и копій: такая замѣна можетъ объясняться соображеніемъ чисто реальнаго характера: воины эти перебили голени у разбойниковъ и, очевидно, чѣмъ-либо вродѣ палицъ, а никакъ не копьями, и не мечами.

Рис. 8. Медальонъ Національной Биліотеки въ Парижѣ.

Сравненіе этой композиціи съ изображеніемъ распятія на миніатюрѣ сирійскаго-же Евангелія, писаннаго въ 586 г. по Р. Х. въ Месопотаміи, въ Загбѣ, каллиграфомъ Рабулой (см. рис. 2 = Garrucci. tav. 139, fig. 1; въ краскахъ у J. Labarte, Histoire des arts industriels, pl. XLIV), ясно показываетъ, что по типу изображеніе на блюдѣ значительно древнѣе этой миніатюры, гдѣ распятіе передается уже вполнѣ реально и является древнѣйшимъ примѣромъ типа, разрабатывавшагося позднѣйшимъ искусствомъ; но миніатюры Рабулы несомнѣнно не сочинены имъ самимъ, а копируютъ греческіе оригиналы нѣсколько болѣе древняго времени, возникшіе, вѣроятно, въ Сиріи около половины VI-го вѣка [1]). Слѣдовательно, композиція, скопированная сирійскимъ мастеромъ блюда, принадлежала, судя по большей условности ея, времени болѣе древнему и восходитъ, быть можетъ, до V-го вѣка, но древность оригинала не можетъ служить, конечно, точнымъ критеріемъ для опредѣленія времени копіи.

Въ изображеніи Маріи Магдалины и другой Маріи передъ Гробомъ Господнимъ оказывается существенная разница отъ иныхъ древнѣйшихъ композицій этого-же содержанія въ томъ, что ангелъ изображенъ здѣсь стоящимъ и касающимся рукою какого-то полукруга во фронтонѣ зданія Гроба Господня [2]), а жены являются сидящими, тогда какъ обыкновенно ангелъ сидитъ, а мироносицы подходятъ ко гробу. Крайняя грубость работы не позволяетъ съ увѣренностью судить, что̀ именно должны изображать сосуды въ формѣ чашки и кубка, изображенные прямо на фонѣ фигуръ и ничѣмъ не поддерживаемые: сосуды-ли съ благовоніями, согласно тексту Евангелій (Маркъ XVI, 1; Лука XXIV, 1), или же кадильницы, которыя даются иногда въ руки мироносицъ, быть можетъ, въ зависимости отъ богослужебныхъ обрядовъ, совершавшихся у Гроба Господня [3]) (см. рис. 2 и 8). Въ первомъ случаѣ мастеръ забылъ изобразить лѣвыя руки мироносицъ, во второмъ цѣпочки, идущія къ правымъ рукамъ ихъ.

Присутствіе воиновъ, стерегущихъ Гробъ, указываетъ, что эта композиція слѣдуетъ повѣствованію ев. Матѳея, который одинъ лишь говоритъ о стражѣ у гроба (гл. XXVII, 65 и 66, и XXVIII, 4 и 11 сл.). Согласно съ этимъ-же евангеліемъ изображенъ и ангелъ (гл. XXVIII, 2: «ангелъ Господень сойдя съ неба, подошедъ откатилъ (ἀπεκύλισε) камень отъ двери и сѣлъ на него....»)

Въ томъ странномъ полукругѣ надъ дверью Гроба, котораго касается рукою ангелъ, мы полагаемъ возможнымъ видѣть ничто иное, какъ половину круглаго, вродѣ жернова, камня, какими

---

pp. 164—165. Медальонъ этотъ принадлежитъ Парижской Національной Библіотекѣ; египетское происхожденіе его явствуетъ изъ имени носителя Абамуна. Время Schlumberger опредѣляетъ VI—VII вѣками.

[1]) См. V. Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst., стр. 193 и 337.

[2]) Надпись «Воскресеніе», помѣщенная внутри Гроба Господня, обозначаетъ, вѣроятно, не всю изображенную сцену, а лишь самое зданіе, являющееся здѣсь отдаленною копіей круглаго сооруженія Константина В. надъ Гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ, которое носило имя «Воскресенія» (Ἀνάστασις); ср. амулетъ съ изображеніемъ ротонды этой и надписью Ἀνάστασις [Garrucci, tav. 480, fig. 14] и разсужденія Д. В. Айналова, Мозаики IV и V в., стр. 56 сл.

[3]) Peregrinatio ad Loca Sancta (конца IV в.), p. 57: во время воскресной ночной службы ecce etiam thiamataria inferuntur intro speluncam Anastasis, ut tota basilica Anastasis repleatur odoribus. = Православный Палестинскій Сборникъ, 20-ый вып., стр. 41 и 142.

закатывались иногда сбоку узкіе входы въ гробницы и иныя подземелья: творецъ разсматриваемой композиціи могъ знать такого рода затворы и попытался, хотя и не очень удачно, изобразить подобный каменный дискъ ради буквальнаго согласія съ евангельскимъ текстомъ, гласящимъ объ «откатываніи» камня отъ двери Гроба Господня (Матѳ. XXVIII, 2; Маркъ XVI, 3, 4; Лука XXIV, 2; ср. Матѳ. XXVII, 60; Маркъ XV, 46).

Въ окрестностяхъ Іерусалима такого рода затворы гробницъ сохранились понынѣ въ т. н. «Гробницахъ Царей» [1]) и въ гробницѣ, открытой въ 1891 году въ т. н. «Никифоріи» [2]); старые паломники упоминали о такомъ-же затворѣ одной гробницы къ с. отъ города (м. б. именно Гробницы Царей [3]). Очень часто такіе-же затворы встрѣчаются въ пещерахъ Каппадокіи, гдѣ Греки называютъ ихъ «*трош*» т. е. τροχός.

Обѣ Маріи изображены здѣсь сидящими, — хотя по небрежности мастера и не показано, на чемъ именно сидятъ онѣ. Между тѣмъ въ текстѣ Евангелія ап. Матѳея въ повѣствованіи о воскресеніи, какъ и у остальныхъ евангелистовъ, говорится о приходѣ двухъ Марій ко Гробу, но не какъ мироносицъ, а лишь чтобы «посмотрѣть гробъ» (гл. XXVIII, 1): такимъ образомъ ихъ, слѣдуя этому стиху, умѣстнѣе было бы изобразить стоящими, т. е. приходящими, какъ обыкновенно и изображало ихъ древне-христіанское искусство. Сидя же представлены онѣ на разсматриваемой композиціи, очевидно, слѣдуя 61-му стиху XXVII главы ев. Матѳея, гдѣ послѣ разсказа о погребеніи Христа прибавлено: «была же тамъ Марія Магдалина и другая Марія, сидѣвшія противъ гробницы».

Единственнымъ извѣстнымъ намъ аналогичнымъ изображеніемъ обѣихъ Марій у Гроба Господня сидящими является пластинка слоновой кости, относимая къ V-му вѣку, хранящаяся въ Британскомъ Музеѣ и принадлежавшая нѣкогда къ тому-же предмету (ящичку?), что и упоминавшаяся выше пластинка съ изображеніемъ Распятія (см. рис. 9 = Westwood, A descriptive catalogue of the fictile ivories etc. London. 1876, табл. IV; у Garrucci, tav. 446, fig. 3): по сторонамъ Гроба Господня, съ полуоткрытыми дверями и пустымъ саркофагомъ внутри, изображены два воина, по всей видимости, спящихъ и двѣ сидящихъ, въ глубокой печали, женщины. Ангела нѣтъ вовсе, хотя, судя по открытымъ дверямъ, гробница уже пуста. Такимъ образомъ это изображеніе является весьма загадочнымъ въ отношеніи вопроса о литературныхъ источникахъ художника: печальныя фигуры женщинъ, сидящихъ

Рис. 9. Пластинка слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ.

[1]) См. de Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte. Paris. 1853. pl. XXVI и стр. 222 сл. Salzmann, Jérusalem. Etude et reproductions photographiques. Paris. 1856. Табл. къ стр. 16. Erm. Pierotti, Jerusalem Explored. London—Cambridge. 1864, pl. LVI, fig. 3; текстъ стр. 233 сл., ср. 117—118, гдѣ авторъ предполагаетъ подобное-же устройство затвора и у Гроба Господня.

[2]) См. Сообщенія Импер. Правосл. Палестинскаго Общества. III, 1892, стр. 104.

[3]) См. Tobler, Golgatha. 1851, стр. 206: Einer Scheibe, welche in Rinnen lief und womit der viereckige Eingang zu den Prachtkammern im Norden von Jerusalem verschlossen werden konnte, gedachten die Pilger aus dem XVI und XVII Jahrhundert. Vergeblich suchte ich Scheibe und Rinne in den Gräbern der Könige...., но они найдены были Saulcy.

у пустой гробницы, не соотвѣтствуютъ ни одному изъ повѣствованій о воскресеніи въ каноническихъ евангеліяхъ, спящіе же воины упоминались лишь въ еврейской версіи, противъ которой возражаетъ ев. Матѳей (XXVIII, 11—15). Но теперь эта композиція интересна для насъ лишь потому, что доказываетъ, что не одинъ только мастеръ описываемаго блюда почерпалъ свѣдѣнія о Маріи Магдалинѣ и другой Маріи во время воскресенія изъ ст. 61, XXVII главы Матѳея, а не изъ 1-аго ст. XXVIII главы. Это обстоятельство заслуживаетъ на нашъ взглядъ вниманія изслѣдователей евангельскаго текста тѣмъ болѣе, что авторъ апокрифическихъ Дѣяній Пилата, дошедшихъ въ редакціи 424 г., но восходящихъ, по мнѣнію Тишендорфа, до II в. по Р. Х., влагая разсказъ о воскресеніи въ уста воиновъ и слѣдуя въ общемъ Евангелію Матѳея, полагалъ, повидимому, какъ и авторы обѣихъ разсматриваемыхъ композицій, что обѣ Маріи сидѣли при Гробѣ неотлучно [1]) отъ погребенія Христа до воскресенія. Слѣды такого-же пониманія исторіи воскресенія Христова сохранились, повидимому, и въ позднѣйшихъ литературныхъ памятникахъ, но иконографическая композиція «кустодіи стерегущей Гробъ», описываемая Діонисіемъ Фурнаграфіотомъ, является иллюстраціей къ послѣднимъ стихамъ XXVII главы Матѳея и едва-ли можетъ стоять въ какой-либо зависимости отъ древнѣйшихъ изображеній воскресенія съ сидящими Маріями [2]).

Входить въ разсмотрѣніе и отъисканіе аналогичныхъ указаннымъ двумъ композиціямъ литературныхъ свидѣтельствъ мы не считаемъ себя компетентными; укажемъ лишь на разсказъ о воскресеніи въ синаксарѣ, внесенномъ въ Пентекостарій: хотя въ немъ и говорится о приходѣ мироносицъ, но затѣмъ слѣдуетъ утвержденіе, что «первѣе убо воскресеніе Божіей Матери познаваемо бываетъ, прямосѣдящей Гроба съ Магдалиною, яко же Матѳей глаголетъ [3])».

Присутствіе креста внутри пустой гробницы едва-ли можно объяснять произволомъ мастера: весьма возможно, что это оригинальное, неизвѣстное намъ на иныхъ памятникахъ, изображеніе также имѣло какой-либо непонятный для насъ смыслъ и находило себѣ объясненіе или въ богослужебныхъ обрядахъ въ Іерусалимѣ, во время которыхъ крестъ или Древо Креста Господня могли въ какихъ-

---

[1]) Acta Pilati. A. (Evangelia apocrypha edd. Tischendorf. 2-ed., p. 255): XIII, 1. . . . καὶ εἴδομεν ἄγγελον καταβάντα ἐξ οὐρανοῦ, καὶ ἀπεκύλισεν τὸν λίθον ἀπὸ τοῦ στόματος τοῦ σπηλαίου καὶ ἐκάθισεν ἐπάνω αὐτοῦ καὶ ἔλαμψεν ὡσεὶ χιὼν καὶ ὡς ἀστραπή. καὶ ἡμεῖς πολλὰ φοβηθέντες ἐκείμεθα ὡσεὶ νεκροί, καὶ ἠκούσαμεν τῆς φωνῆς τοῦ ἀγγέλου λαλοῦντος ταῖς γυναιξὶν, αἵτινες παρέμενον τῷ τάφῳ.

[2]) Ἑρμηνεία τῶν Ζωγράφων (Аѳинское изд. 1885 г.) § 256 (стр. 138). Гробъ представляется запечатаннымъ, тогда какъ на обѣихъ разсматриваемыхъ композиціяхъ онъ открытъ; плачущія сидя жены держатъ глиняные и стеклянные сосуды съ миромъ; недоумѣвающій же сотникъ Лонгинъ явился здѣсь очевидно подъ вліяніемъ апокрифовъ.

[3]) Мѣсто это цитируется С. А. Усовымъ (Сочиненія II, 210) и Н. В. Покровскимъ (Евангеліе, стр. XXXIX пр.). По гречески читается оно такъ: καὶ πρῶτον μὲν ἡ ἀνάστασις τῇ τοῦ Θεοῦ Μητρὶ γνώριμος γίνεται, ἀπεναντίας καθημένῃ τοῦ τάφου, ὡς φησὶν ὁ Ματθαῖος, σὺν τῇ Μαγδαληνῇ. Ἀλλ'ἵνα μὴ ἡ ἀνάστασις ἀμφιβάλλοιτο διὰ τὴν πρὸς τὴν Μητέρα οἰκείωσιν οἱ Εὐαγγελισταὶ φασὶ πρῶτον φαίνεται τῇ Μαγδαληνῇ Μαρίᾳ (Πεντεκοστάριον χαρμόσυνον . . . . ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου . ἔκδοσις ὀγδόη. Βενετία. 1896, стр. 3). Синаксарь этотъ приписывается (ibidem, стр. 5) Никифору Каллисту Ксанѳопуло (XIV в.), но Erhard (Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 136, n. 1) полагаетъ, что онъ скорѣе составленъ Никифоромъ (Христофоромъ?) Митилинскимъ (XI в.).

Отождествленіе «другой Маріи» съ Б. М. находимъ мы и въ «Церковной Исторіи» Никифора Каллиста со ссылкою на какія-то «св. книги»: ἡ ἄλλη Μαρία τὴν Θεοτόκον δ'εἶναι ταύτη ἱεραὶ βίβλοι ἡμῖν ἐκδεδώκασιν, кн. I. гл. 33 (Migne, Patrologia Graeca. Vol. 145, col. 732) и въ словѣ его-же о Маріи Магдалинѣ (гл. XVI, Migne. 147, col. 561). Въ исторіи Каллиста видятъ (см. Krumbacher, l. c. стр. 291) переработку сочиненія X вѣка. Н. В. Покровскій (l. l.) указалъ, что отождествленіе «другой Маріи» съ Богородицей сказалось въ припѣвѣ 9-ой пѣсни пасхальнаго канона: «Ангелъ вопіяше Благодатнѣй . . . . Твой Сынъ воскресе» . . . . Въ одномъ коптскомъ апокрифѣ (F. Robinson, p. 31: см. слѣд. прим.) Б. М. говоритъ: «Я пришла съ вами ко гробу и мы нашли Его возставшимъ изъ мертвыхъ и Я говорила съ Нимъ уста въ уста у двери гроба». С. А. Усовъ (Сочиненія II, стр. 182, 210) совершенно основательно замѣтилъ, что то-же самое выражено и въ миніатюрѣ Евангелія Рабулы (см. рис. 2), гдѣ одна изъ Мироносицъ отличается отъ другой нимбомъ и представляетъ, слѣдовательно, Божію Матерь. Въ Дѣяніяхъ же Пилата такая замѣна оказывается лишь во второй, новѣйшей редакціи (Tischendorf, l. l., стр. 313; B. XI). Намъ кажется, что приведенное мѣсто синаксаря, поправляющее каноническія евангелія, основано также, вѣроятно, на какомъ-либо изъ апокрифовъ, вліяніе которыхъ замѣтно и въ другихъ частяхъ его: напр., въ разсказѣ о Никодимѣ (l. l., стр. 50) авторъ слѣдуетъ Дѣяніямъ Пилата.

либо случаяхъ полагать внутри Гроба Господня, или же, скорѣе, въ какихъ-либо особыхъ сказаніяхъ о воскресеніи Христовомъ [1]).

Композиція вознесенія на описываемомъ блюдѣ отличается отъ прочихъ древнѣйшихъ изображеній того-же событія отсутствіемъ среди апостоловъ (которые смотрятъ на блюдѣ страннымъ образомъ другъ на друга) центральной фигуры: женщины въ позѣ «оранты», съ воздѣтыми къ небу руками, помѣщаемой иногда и между двухъ ангеловъ [2]). Уже въ Евангеліи Рабулы (586 г.) и на мозаикѣ купола св. Софіи Солунской (645 г.) фигура эта изображена со всѣми свойственными Богородицѣ признаками, а на памятникахъ позднѣйшихъ она обозначается иногда какъ Божія Матерь и надписями. Въ виду постояннаго присутствія Ея на древнѣйшихъ греческихъ памятникахъ, съ которыми композиціи описываемаго блюда представляютъ наибольшее сходство, а именно на іерусалимскихъ ампулахъ (см. рис. 4 и 7), на рель-

Рис. 10. Вознесеніе въ сирійскомъ евангеліи 586 г.

---

[1]) Въ апокрифическомъ Евангеліи Петра (39—41) во время воскресенія вслѣдъ за Христомъ, выводимымъ изъ гробницы двумя юношами, спедшими съ небесъ (ангелами?), самъ собою выходитъ оттуда же вслѣдъ за ними и крестъ и на вопросъ съ небесъ: «Возвѣстилъ ли ты усопшимъ»? «отвѣтъ послышался отъ креста „Да'», хотя естественнѣе было бы отвѣчать самому Христу: нельзя ли видѣть тутъ соединеніе двухъ версій, по одной изъ которыхъ изъ Гроба Господня вышелъ одинъ лишь крестъ? Объ иныхъ упоминаніяхъ креста въ апокрифическихъ разсказахъ о воскресеніи и о связи ихъ съ апокрифическими же пророчествами Іереміи о «возстаніи (или воскресеніи) древа (т. е. креста)» см. Alfred Resch. Aussercanonische Paralleltexte zu den Evangelien. II, стр. 374—378. (Gebhardt und Harnack. Texte und Untersuchungen, т. X), тамъ же стр. 369—371 различныя сказанія о воскресеніи и сошествіи во Адъ. Съ другой стороны были сказанія объ обрѣтеніи Креста внутри самого Гроба Господня: Сократъ въ V в. передаетъ это о царицѣ Еленѣ въ своей Церковной Исторіи кн. I гл. 16. (Migne. P. Gr. Vol. 67. col. 117: τρεῖς εὑρίσκει σταυρούς ἐν τῷ μνήματι....), а сирійскій апокрифъ IV—V в. «Ученіе Аддая» тоже разсказываетъ о легендарномъ открытіи Гроба Господня Протоникой при имп. Клавдіи (см. The Doctrine of Addai the apostle..., edited by G. Philipps. London. 1876 p. 12: she entered the grave and found in the grave three crosses.. О взаимоотношеніи этихъ двухъ легендъ см. Tixeront. Les origines de l'église d'Edesse. Paris. 1888 p. 164—191). Коптскій отрывокъ изъ проповѣди о Животворящемъ Крестѣ, приписываемой Кириллу Іерусалимскому, разсказываетъ, какъ Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій послѣ воскресенія Христа положили въ гробницу Его три креста, надписаніе (τίτλος) и гвозди и привалили («rolled» т. е. «прикатили») камень ко двери гробницы (см. Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature, edited by J. Armitage Robinson. Vol. IV № 2: Coptic apocryphal Gospels. transl. by Forbes Robinson. Cambridge. 1896. p. 181). Тамъ-же разсказывается, какъ «фигура (τύπος) креста вышла изъ гробницы Іисуса и остановилась надъ тѣмъ, который былъ мертвъ, и тотчасъ тотъ поднялся и сѣлъ», а безногій всталъ. (ibidem. p. 185 cf. p. 245, 43): здѣсь это проявленіе животворящей силы креста, столь сходное съ разсказами объ испытаніи трехъ найденныхъ Еленой (и Протоникой) крестовъ, относится еще ко времени жизни современниковъ Христа.

[2]) См. статью А. И. Кирпичникова. Иконографія «Вознесенія Христова» въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. III, стр. 368 слл. и Н. В. Покровскаго. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 429 слл. Въ указанномъ выше (см. стр. 20 пр. 3) коптскомъ апокрифѣ Б. М. сама говоритъ о присутствіи Ея при вознесеніи.

ефахъ дверей Св. Сабины[1]), на миніатюрѣ сирійскаго евангелія 586 года (см. рис. 10), намъ кажется, что столь замѣтное, по самой композиціи всей сцены, отсутствіе на сирійскомъ блюдѣ этой фигуры Божіей Матери можетъ быть объясняемо принадлежностью мастера къ сектѣ несторіанъ[2]), какъ по той-же, вѣроятно, причинѣ въ сирійскомъ евангеліи XII в. Британскаго Музея въ миніатюрѣ, изображающей вознесеніе, двѣнадцать апостоловъ стоятъ по сторонамъ ангела, а не Б. М., и въ изображеніи сошествія Св. Духа Б. М. также отсутствуетъ[3]). Еще одно такое-же изображеніе вознесенія безъ Б. М. имѣется на рѣзномъ камнѣ, повидимому, довольно близкомъ по времени къ описываемому блюду, но изданномъ по старому и, очевидно, неточному рисунку[4]).

Въ вопросѣ о предполагаемыхъ греческихъ оригиналахъ, которые копировалъ сирійскій мастеръ, интересны еще слѣдующія обстоятельства. Всѣ три головы, изображенныя en face: — Христа и Даніила — представляютъ между собою значительное сходство: правда, лице Даніила значительно длиннѣе, чѣмъ лицо Христа, глаза у него и у возносящагося Христа поставлены очень наклонно, тогда какъ у распятаго Христа оси ихъ идутъ совершенно горизонтально, впрочемъ эти различія едва-ли имѣютъ какое-либо иное основаніе, кромѣ небрежности работы. Но въ тщательной, — хотя и безобразной, — передачѣ ушей у этихъ трехъ, повернутыхъ en face, головъ совершенно такъ-же, какъ и у лицъ, обращенныхъ въ профиль, мы видимъ вліяніе греческихъ оригиналовъ, такъ какъ на множествѣ памятниковъ IV, V и VI вѣковъ у лицъ, изображаемыхъ en face, уши очень часто изображаются такимъ образомъ, что кажутся торчащими въ стороны.

У всѣхъ трехъ головъ этихъ овалъ подбородка ясно указываетъ на отсутствіе бородъ; древне-христіанскихъ изображеній Даніила бородатымъ мы не знаемъ; Христосъ же изображался нерѣдко на одномъ и томъ-же памятникѣ, то безбородымъ, то бородатымъ; но въ изображеніяхъ распятія безъ бороды представленъ Онъ лишь на лондонской пластинкѣ (см. выше рис. 6), да на одномъ золотомъ крестѣ грубой работы и неопредѣлимаго точно времени[5]). На прочихъ же памятникахъ распятый и возносящійся Христосъ всегда изображается въ историческомъ типѣ: съ бородою[6]). Такимъ образомъ тѣ греческіе оригиналы, которые прямо или изъ вторыхъ уже рукъ копировалъ сирійскій мастеръ, представляли Христа распятаго и возносящагося, по всей вѣроятности, юнымъ: какъ ни плохо работалъ мастеръ описываемаго блюда, но онъ никогда не придалъ бы подбородку подобнаго овала, если бы имѣлъ предъ собой изображеніе Христа съ такою большой бородою, какъ на іерусалим-

---

[1]) См. рис. у Garrucci, tav. 500, fig. IV. Фототипія въ Römische Quartalschrift. VIII. 1894, taf. I, fig. 2.

[2]) Евангеліе Рабулы принадлежало православнымъ сирійцамъ, какъ видно по наименованію въ записяхъ его Пр. Дѣвы Богородицею. — См. Сочиненія С. А. Усова, т. II, стр. 149.

[3]) См. Археологическія Извѣстія и Замѣтки. 1885, стр. 361.

[4]) Garrucci, tav. 478, fig. 32. Обычная композиція вознесенія съ Б. М. посреди апостоловъ, и Христомъ, возносимымъ ангелами на небеса, всецѣло, кажется намъ, проникнута идеей, утвержденной на ефесскомъ соборѣ: здѣсь Христосъ болѣе, чѣмъ въ иныхъ Его изображеніяхъ, является Богомъ, а потому и присутствующая при восшествіи Его на небеса Пр. Дѣва очевидно и наглядно для всякаго оказывается не только Христородицей, каковою именовалъ Ее Несторій, но именно Богородицей согласно постановленіямъ ефесскаго собора. Вотъ почему намъ кажется вѣроятнымъ, что композиція эта возникла лишь послѣ 431 г., и почему несторіанецъ тутъ-то именно и имѣлъ, на нашъ взглядъ, основанія опустить фигуру Б. М.. Кирпичниковъ (l. c. 390) указываетъ еще одно изображеніе вознесенія безъ Б. М. въ греческомъ Евангеліи Импер. Публ. Библ. № 105, л. 181, но оно совершенно своеобразно по композиціи. Безъ Б. М. изображено было, повидимому, вознесеніе на мозаикѣ, относимой къ XII-му вѣку, на сводѣ голгоѳской церкви въ Іерусалимѣ, входящей въ составъ храма Гроба Господня: судя по старому и явно неточному рисунку, изданному Ciampini (De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis. Roma. 1693, tab. XXXIII), апостолы (9) изображены были повергнутыми въ ужасъ въ весьма живыхъ позахъ. Теперь отъ мозаики этой сохранилась лишь фигура Христа, изданная въ краскахъ Salzmann'омъ (Jérusalem, табл. къ стр. 59) и ясно показывающая всю фантастичность стараго рисунка. О мозаикахъ этихъ см. Tobler, Golgatha, стр. 272 слл.

[5]) Garrucci, tav. 432, fig. 6 изъ гробницы бл. ц. Св. Агапита въ Палестринѣ; греческія надписи позволяютъ считать крестъ этотъ привознымъ.

[6]) На рельефѣ Св. Сабины Онъ несомнѣнно — бородатый, хотя неясность въ передачѣ бороды и давала поводъ нѣкоторымъ называть Его, — но явно ошибочно, — безбородымъ. Единственное намъ извѣстное изображеніе возносящагося Христа юнымъ находится на замѣчательномъ деревянномъ рельефѣ въ Старомъ Каирѣ, изданномъ недавно Стржиговскимъ, см. Römische Quartalschrift. 1898, taf. II и стр. 16.

скихъ ампулахъ (см. рис. 4 и 7) или египетскомъ амулетѣ (рис. 8). Однако у всѣхъ трехъ, обращенныхъ en face, головъ онъ почему-то счелъ нужнымъ обозначить на безбородыхъ, судя по овалу ихъ, подбородкахъ бороду при помощи набивки пунсономъ мелкихъ кружковъ, которыми обозначалъ онъ волосы и бороды апостоловъ и воиновъ; поэтому эти три лица и даютъ впечатлѣніе бритыхъ, тогда какъ подбородки бородатыхъ лицъ, изображенныхъ въ профиль, значительно удлинены и нижнимъ краемъ своимъ совпадаютъ или даже пересѣкаютъ линію ворота, т. е. выражены и рисункомъ. Такая странная прибавка бороды безбородымъ лицамъ могла бы еще относительно Христа объясняться предположеніемъ, что мастеръ, привыкши къ современнымъ ему изображеніямъ Христа бородатымъ и копируя болѣе древній безбородый типъ Его, счелъ нужнымъ, хотя бы чисто условнымъ образомъ, добавить юному лицу бороду, но относительно Даніила, всегда и вездѣ изображавшагося юнымъ [1]), такая прибавка объясняется лишь невѣжествомъ или крайнею небрежностью мастера: прибавивъ бороду двумъ лицамъ, онъ за одно прибавилъ ее и третьему. Напротивъ того, замѣчая среди апостоловъ два юныхъ лица, мы полагаемъ, что тутъ греческій оригиналъ переданъ точно, такъ какъ въ древнѣйшихъ изображеніяхъ апостоловъ, — тамъ, конечно, гдѣ не всѣ они представлены юными, — нѣкоторые изъ нихъ [2]) рисуются безбородыми, напримѣръ, въ мозаикахъ ц. св. Агаты въ Римѣ (460—467 гг.) юными изображены были Іаковъ Алфеевъ и Варѳоломей, занимавшіе крайнія мѣста [3]), а на трехъ саркофагахъ во Франціи два безбородыхъ апостола занимаютъ предпослѣднія мѣста, какъ и на блюдѣ, но тутъ въ числѣ прочихъ апостоловъ есть еще по двое безбородыхъ [4]).

Крайняя небрежность и неумѣлость мастера столь ясны при первомъ взглядѣ на блюдо, столь очевиднѣе становятся при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его, когда выступаютъ всѣ недостатки и ошибки рисунка, вся непослѣдовательность и безмысленность многихъ деталей, что совершенно лишне было бы входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе: совершенно ясно, что лишь этою небрежностью нужно объяснять отсутствіе верхней части копья въ рукахъ воина, стоящаго справа отъ креста, отсутствіе рукъ или цѣпочекъ у мироносицъ (см. выше стр. 18), отсутствіе ногъ у благоразумнаго разбойника и у Даніила и т. п. Позабывъ или не съумѣвъ изобразить нижнюю часть туловища у ангеловъ, несущихъ ореолъ Христа, мастеръ придалъ туловищу ихъ странную яйцеобразную форму, такъ что они невольно напоминаютъ Гарпій на извѣстномъ ликійскомъ рельефѣ....

Очевидно, что искусство въ глухихъ углахъ христіанскаго Востока стояло ничуть не выше, чѣмъ въ такихъ-же мѣстахъ Запада, и въ этомъ отношеніи описываемое блюдо находитъ себѣ достойную аналогію въ извѣстной стеклянной патерѣ, найденной въ Подгорицѣ (въ Черногоріи) [5]). Греческія одежды были мастеру, повидимому, совсѣмъ непонятны: поверхъ длинныхъ до пятъ рубашекъ съ узкими рукавами, въ которыя одѣваетъ онъ всѣхъ одинаково, у нѣкоторыхъ изображены и плащи, очевидно иматіи, покрывающіе у женъ и голову. Но иматіи эти представлены въ совершенно невозможномъ видѣ какихъ-то короткихъ накидокъ, доходящихъ только до локтя, безъ всякаго обозначенія концевъ ихъ, спадающихъ внизъ. Способъ передачи складокъ въ видѣ параллельныхъ вертикальныхъ линій напоминаетъ сасанидское серебряное блюдо Парижской Національной Библіотеки [6]), гдѣ у двухъ фигуръ видимъ плащъ такъ-же накинутый на одно плечо, какъ у ап. Петра, а у одной и на голову, какъ у мироносицъ, но у всѣхъ трехъ изображенъ и нижній развѣвающійся конецъ плаща; у одной фигуры плащъ этотъ раздѣланъ параллельными нарѣзками, но въ остальномъ парижское блюдо, несмотря на всѣ его недостатки, все-же, очевидно, вышло изъ рукъ мастера гораздо лучшаго, чѣмъ

---

[1]) Исключеніе оказывается на одномъ саркофагѣ VI-го в. во Франціи (Le Blan. Les sarcophages chrétiens de la Gaule, pl. XXIII, fig. 2), гдѣ Даніилъ имѣетъ, повидимому, бороду.

[2]) То одни, то другіе. Ср. Е. К. Рѣдина, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 150 сл.

[3]) Рисунокъ мозаики сохранился въ Ватиканской Библіотекѣ. Cod. Lat. 5407, fol. 27—40, гравюра съ него у Ciampini, Vetera Monimenta. Vol. I, tab. LXXVII. Garrucci, tav. 240, fig. 2.

[4]) Edm. le Blan, Les sarcophages chrétiens de la Gaule. Paris. 1886, pl. IV, fig. 2; L, 1; LI, 2.

[5]) Прежде Собранія Базилевскаго, нынѣ Императорскаго Эрмитажа. Рис. см. Bulletino di Archeologia Cristiana. 1877, tav. V—VI; Garrucci, tav. 463, fig. 3; Le Blan, Etudes sur les sarcophages Chrétiens de la ville d'Arles, pl. XXXV.

[6]) См. выше стр. 9 прим. 2.

блюдо теперь издаваемое. Относительно распятыхъ эта небрежность въ передачѣ деталей не позволяетъ рѣшить вопросъ, имѣлъ-ли передъ собою мастеръ изображеніе Христа въ т. н. «коловіи» (длинной безрукавной рубашкѣ), въ какомъ изображается распятый Христосъ, начиная съ миніатюры сирійскаго Евангелія 586 года (см. рис. 2) и очень часто на всевозможныхъ греческихъ памятникахъ, какъ напр. крестахъ, кадилахъ, миніатюрахъ и т. п., до тѣхъ поръ, пока въ X—XI в. не устанавливается обычный понынѣ типъ Распятія, гдѣ Христосъ имѣетъ лишь платъ на чреслахъ, какой на миніатюрѣ 586 г. изображенъ на обоихъ разбойникахъ[1]). На распятыхъ не показаны концы рукавовъ, отмѣченные однако параллельными чертами у нѣкоторыхъ иныхъ фигуръ блюда, а потому мы должны недоумѣвать, забылъ-ли мастеръ по небрежности обозначить концы рукавовъ, или же напрасно продолжилъ на руки орнаменты, обозначающіе узоры одежды, забывъ обозначить край коловія, спускающійся вертикально съ плечей. Первая возможность, какъ менѣе сложная, кажется болѣе вѣроятной, а въ такомъ случаѣ въ композиціи Распятія на сирійскомъ блюдѣ окажется еще одна подробность, не находящая себѣ аналогіи среди остальныхъ древнѣйшихъ изображеній Распятія.

Детали одеждъ, конечно, вовсе не стремятся передать узоры тканей со всею точностью, но двѣ основныя схемы узоровъ пирамидки изъ кружковъ и наклонно пересѣкающіяся полосы съ какою-либо фигурой въ срединѣ образуемыхъ ими ромбовъ — встрѣчаемъ мы, какъ на иныхъ произведеніяхъ восточной торевтики, такъ и на самихъ древнихъ тканяхъ.

Пирамидками изъ кружковъ или точекъ нерѣдко украшены одежды различныхъ фигуръ, изображенныхъ на серебряныхъ блюдахъ, напримѣръ, на одеждѣ царя на блюдѣ Парижской Національной Библіотеки[2]), на одеждѣ охотника на неизданномъ кувшинѣ ген. В. Н. Орлова, на одеждахъ женщины, ѣдущей на чудовищѣ на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа[3]), на одеждахъ женщинъ на серебряномъ кувшинѣ (тамъ-же), на одеждахъ разныхъ фигуръ на многократно упоминаемомъ блюдѣ Парижской Національной Библіотеки[4]). На томъ-же самомъ блюдѣ, а также на одной серебряной чашкѣ г-на Исаковича[5]), находимъ мы и второй узоръ изъ пересѣкающихся линій.

На тканяхъ IV—VIII вѣковъ, находимыхъ въ христіанскихъ кладбищахъ Египта, очень часто встрѣчается, такъ или иначе осложненный, узоръ изъ наклонно пересѣкающихся линій съ точкою или чѣмъ инымъ въ серединѣ[6]); этотъ узоръ назывался на Руси «денежка»[7]).

Относительно обоихъ узоровъ очевидно, что они передаютъ величину рисунка матеріи лишь условно, а потому напрасно было бы и искать среди сохранившихся древнихъ матерій столь крупныхъ узоровъ того и другого вида.

Отъ всѣхъ остальныхъ одеждъ узоромъ своимъ отличается одежда ангела, откатывающаго камень отъ Гроба Господня: хотя одежды его по Евангелію были бѣлы, какъ снѣгъ, но на блюдѣ узоръ ихъ ближайшимъ образомъ напоминаетъ перья. Такъ точно передаютъ перья многія сасанидскія и позднѣйшія восточныя серебряныя издѣлія, исчислять которыя было бы тѣмъ болѣе излишне, что и на описываемомъ блюдѣ такъ-же, но нѣсколько попроще, изображены перья пѣтуха и крыльевъ

---

[1]) См. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 360. По каноническимъ Евангеліямъ Христосъ распятъ былъ, повидимому, нагимъ. Но уже на древнѣйшихъ реальныхъ изображеніяхъ Распятія (см. рис. 5 и рис. 6) онъ изображается препоясаннымъ узкой полосой матеріи и апокрифическія Дѣянія Пилата въ ихъ древней редакціи говорятъ: A. X. 1: ἐξέδυσαν αὐτὸν τὰ ἱμάτια αὐτοῦ καὶ περιέζωσαν αὐτὸν λέντιον (Evangelia apocrypha, edd. Tischendorf. 2-ed., p. 246). Между тѣмъ позднѣйшая ихъ редакція, очевидно въ зависимости отъ изображеній распятаго Христа въ коловіи, передѣлываетъ это мѣсто такъ: B. X. 3: ἔπειτα ἐξέδυσαν τὸν Ἰησοῦν, καὶ ἔλαβον τὰ ἱμάτια αὐτοῦ οἱ στρατιῶται καὶ διεμερίσαντο ταῦτα πρὸς ἑαυτούς. αὐτῷ δὲ ἐνέδυσαν ῥάσον κόκκινον .... (ibidem, p. 305).

[2]) Рис. см. Monumenti inediti III, tav. LI; Dieulafoy, L'Art Perse. V, fig. 94; и др.

[3]) Неиздано. См. Извѣстія Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. XII. 1894 г., стр. 198 сл.

[4]) См. стр. 9 прим. 2.

[5]) Въ г. Грозномъ. Рельефы на выпуклой сторонѣ: охотники по краю, чудовище въ центрѣ. Неиздана.

[6]) Forrer, Römische und byzantinische Seidentextilien, taf. III, 5; VIII, 3, 4 u. 5; X, 1 u. 2; XII, 2; Gerspach. Les tapisseries coptes, fig. 87, 91, 97, 122, 128, 146. Riegl, Die ägyptischen Textilfunde etc. taf. VI.

[7]) Савваитовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. См. послѣднюю таблицу, рис. 4 и 5.

парящихъ ангеловъ, и, наконецъ, точно такъ-же, какъ одежда ангела этого, раздѣлана и верхняя часть праваго крыла его. Но по сравненію съ крыльями другихъ ангеловъ и съ крыломъ пѣтуха, оказывается, что направленіе, данное мастеромъ перьямъ въ этой части крыла, не вѣрно: перья эти неестественнымъ образомъ ростутъ снизу вверхъ.

Можно было бы просто предположить, что мастеръ лишь по несообразительности отдѣлалъ всю сосѣднюю плоскость одежды ангела такъ, какъ онъ долженъ былъ обозначить только верхнія части его крыльевъ, если бы не имѣлось многочисленныхъ свидѣтельствъ изъ поздне-римскаго времени объ особаго рода узорныхъ тканяхъ, называвшихся vestes plumatae: этотъ эпитетъ считаютъ обозначающимъ технику вышивки «гладью», онъ прилагается къ узорамъ самаго разнообразнаго содержанія[1]), но ближе всего подходитъ, конечно, къ чешуеобразнымъ разноцвѣтнымъ узорамъ, наиболѣе напоминающимъ перья. Марквардтъ указываетъ на ткань такого рода, изображенную на диптихѣ[2]) Константинопольскаго консула 541 года Василія, мы же интересную аналогію разсматриваемому изображенію ангела въ одеждѣ, украшенной на подобіе перьевъ, видимъ въ одномъ большомъ, но, къ сожалѣнію, сильно попорченномъ, кускѣ цвѣтной ткани египетскаго происхожденія въ Императорскомъ Эрмитажѣ[3]), гдѣ двѣ Побѣды, несущія круглый медальонъ съ неразличимымъ теперь изображеніемъ[4]), одѣты въ пестрыя ткани, ясно воспроизводящія узорами своими рисунокъ и цвѣта павлиньихъ перьевъ.

Жезлъ въ рукахъ ангела кончается на верху большимъ дискомъ, украшеннымъ кружками, чтó придаетъ ему сходство съ рипидою. Но на древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ рипиды такой формы не имѣютъ; только въ XI-омъ и слѣдующихъ вѣкахъ встрѣчаемъ мы рипиды подобной формы въ рукахъ ангеловъ, исполняющихъ роль діаконовъ при Христѣ, Который совершаетъ евхаристію. Здѣсь же рипида была бы совершенно не у мѣста. Поэтому очевидно, что обычная въ греческихъ памятникахъ форма ангельскаго жезла, имѣющаго иногда на концѣ небольшой шарикъ, по непониманію его смысла искажена здѣсь сирійскимъ мастеромъ, который далъ въ руки ангелу тотъ-же самый предметъ, чтó и воинамъ у креста и стерегущимъ гробницу. У воиновъ же это — очевидно булава, состоящая изъ палки съ насаженнымъ на нее металлическимъ или каменнымъ шаромъ, хотя относительная величина послѣдняго, повидимому, нѣсколько преувеличена противъ дѣйствительности. Замѣна булавами обычнаго на греческихъ памятникахъ вооруженія воиновъ копьемъ и мечемъ можетъ быть объясняема отчасти, какъ говорено было выше, стремленіемъ къ реальной передачѣ обстановки Распятія (см. стр. 18), отчасти же привычкою мастера къ этого рода оружію, которое употребительно было въ Месопотаміи съ древнѣйшихъ временъ, какъ видно изъ свидѣтельства Геродота (VII, 63) о «деревянныхъ дубинахъ съ желѣзными шишками» у Ассирійцевъ и изъ каменнаго набалдашника съ древне-халдейскою надписью въ собраніи В. С. Голенищева въ С.П.Б.

На серебряной чашкѣ съ пехлевійскою надписью собранія гр. С. Гр. Строгонова[5]) одинъ изъ прислужниковъ оглушаетъ свинью ударомъ палки съ круглымъ, очевидно шарообразнымъ, набалдашникомъ, размѣры котораго однако значительно менѣе, чѣмъ на блюдѣ. Подобную-же форму имѣетъ булава и въ рукахъ всадника на обрывкахъ шелковыхъ тканей[6]), вышедшихъ изъ греческихъ мастер-

---

[1]) См. многочисленныя цитаты у J. Marquardt'a, Das Privatleben der Römer. Leipzig. 1879, стр. 521—524.

[2]) См. о немъ Molinier, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. T. I, стр. 33 сл., № 37. Старый рис. у Gori, Thesaurus veterum diptychorum. Vol. I, tab. XX, новый — по фотографіи въ журналѣ L'arte. I, 1898, p. 102, fig. 14; перья на плащѣ консула изображены, какъ и на одеждѣ ангела на блюдѣ, концами вверхъ.

[3]) Средневѣковое Отдѣленіе, въ кабинетѣ хранителя.

[4]) Ср. подобнаго рода композицію на ткани такого-же рода South-Kensington'скаго музея, гдѣ два ангела несутъ вѣнокъ съ крестомъ внутри его, изданной въ Portofolio of Egyptian Art. Part. 1, и на гребнѣ слоновой кости Гизехскаго Музея (Römische Quartalschrift. 1898, taf. I.), гдѣ въ вѣнкѣ изображенъ, вѣроятно, владѣлецъ или заказчикъ (ср. печать съ изображеніемъ всадника въ той-же позѣ — Archaeologia. Vol. XLVIII. London. 1884, p. 26, fig. 10).

[5]) См. рис. въ Archäologische Zeitung. 1843 г., табл. X.

[6]) Съ именами мастеровъ (Евреевъ? ср. Waddington. № 1854) Ζαχαρίου (Forrer, Römische und byzantinische Seidentextilien. Taf. VII, fig. 1 и Portofolio of Egyptian Art. Part. 5) и Ἰωσήφ (Forrer, l. c. V. 1); по мнѣнію англійскаго издателя «probably Syrian or Byzantine 7th—9th century», Forrer же (l. c., стр. 15) значенія надписей не понялъ и относитъ ткани къ IV-му вѣку.

скихъ Египта или, скорѣе, Сиріи вѣроятно VI или VII вѣка: на одной набалдашникъ булавы круглый, на другой заостренный кверху. Въ описаніи вооруженія воиновъ Хозроя Ануширвана (531—579 гг.) упоминаются и палицы [1]), но мы не знаемъ, имѣются-ли здѣсь въ виду булавы, вродѣ указанныхъ выше, или же дубины, вродѣ тѣхъ, которыя изображены у бойцовъ на одномъ серебряномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [2]). Палицы являются обычнымъ оружіемъ у миѳическихъ героевъ и сасанидскихъ царей въ «Книгѣ Царей» Фирдуси: на миніатюрахъ XVI и сл. вѣковъ, ее иллюструющихъ, палица Рустема имѣетъ обыкновенно набалдашникъ въ видѣ бычачьей головы, но бываютъ и просто круглые [3]). Какъ такого рода булавы съ насаженнымъ набалдашникомъ, такъ и палицы, окованныя желѣзомъ или усаженныя гвоздями, равно какъ и «шестоперы» (у Персовъ *«шеш-пер»* = «шестокрылъ»), у которыхъ набалдашникъ состоитъ изъ шести или болѣе вертикальныхъ пластинокъ, были весьма распространены въ средніе вѣка въ Персіи, Индіи, Турціи и перешли оттуда и въ Европу, сохранивъ на Руси, въ Польшѣ и въ Венгріи свои восточныя имена, напр. буздыганъ, и служили не только оружіемъ, но и знакомъ власти, какъ гетманская булава. Въ Россіи, Скандинавіи и другихъ странахъ очень часто находимы каменные, бронзовые и желѣзные набалдашники разныхъ формъ отъ оружія подобнаго тому [4]), которымъ мастеръ описываемаго блюда вооружилъ не только воиновъ, но даже благовѣствующаго мироносицамъ ангела.

Правыя руки обоихъ воиновъ, стерегущихъ гробъ, изображены одинаково. Пальцы согнуты въ кулакъ кромѣ указательнаго, который вытянутъ: далеко выдающуюся безформенную полоску нельзя считать продолженіемъ большого пальца, такъ какъ, несмотря на всю свою неумѣлость въ рисункѣ, мастеръ не могъ, конечно, придать ему такой невозможной длины. Таковъ-же и жестъ праваго воина, сидящаго подъ крестомъ; вѣроятно, таковъ-же былъ бы онъ и у лѣваго тамъ-же, если бы рука его не уперлась въ основаніе креста. Если въ жестахъ воиновъ подъ крестомъ можно предполагать особаго рода игру, состоящую въ угадываніи числа выкинутыхъ пальцевъ, какъ изображены воины, дѣлящіе ризы Господни, на миніатюрѣ Рабулы (см. рис. 2 и ср. выше стр. 5), то для воиновъ передъ Гробомъ жестъ этотъ долженъ быть объясняемъ, очевидно, иначе. Въ изслѣдованіи о жестахъ Грековъ и Римлянъ [5]) упоминанія о подобномъ жестѣ находятся, какъ изъ временъ классической древности, такъ и для позднеримскаго времени и даже для средневѣковой Европы, но мы не припоминаемъ изображеній его на памятникахъ поздне-античныхъ и христіанскихъ. За то этотъ самый жестъ является весьма характернымъ и весьма обычнымъ на памятникахъ сасанидскихъ, гдѣ онъ, по всей видимости, имѣетъ значеніе глубочайшаго почтенія передъ лицемъ божества или персидскаго «царя царей», т. е. является жестомъ адораціи и, слѣдовательно, по смыслу вполнѣ подходитъ къ положенію устрашенныхъ воиновъ.

Съ такимъ жестомъ лѣвой руки изображена передъ серпомъ мѣсяца съ бюстомъ внутри его, — т. е., очевидно, въ поклоненіи божеству мѣсяца, — одна изъ женщинъ на многократно упоминавшемся блюдѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ (см. стр. 9, прим. 2); съ такимъ-же жестомъ лѣвой руки царь Ардеширъ I Бабеганъ (226—242), принимаетъ вѣнокъ изъ рукъ Ормузда на двухъ рельефахъ на скалахъ Персіи [6]); царь же (судя по головному убору) дѣлаетъ этотъ жестъ, относящійся,

---

[1]) Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. (Извлеченія изъ Табари), стр. 249, ср. 96, пр. 4.

[2]) См. о немъ Извѣстія Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Т. XII (1894), стр. 199 сл.

[3]) См. Demmin, Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwickelungen. 1891, стр. 788, рис. 10 A и 10 B.

[4]) См. R. Murdoch Smith, Persian Art. 1895, стр. 41. «Shishpar or six wings» . . . .; Demmin, l. l. стр. 152, рис. 35, индійскій «Shushbur» съ весьма большимъ кругомъ на верху, больше чѣмъ на блюдѣ, но сплошнымъ безъ обозначенія «перьевъ»; стр. 176; 785—788 съ рис.; W. Boeheim, Handbuch der Waffenkunde. 1890, стр. 358, рис. 419 и стр. 362 слл. Саввайтовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. см. слова: «булава» и «шестоперъ». Приводимая имъ цитата 1492 г.:». . . . не саблями свѣтлыми били ихъ . . . ., но . . . . аки свиней шестоперы», — показываетъ, что и у насъ пользовались иногда оружіемъ такъ-же, какъ то изображено на строгоновской чашкѣ.

[5]) Die Gebärden der Griechen und Römer von C. Sittl. Leipzig. 1890; см. стр. 179 и 162.

[6]) Coste et Flandin, Voyage en Perse, pl. 182: Накшъ-и-Рустамъ, и pl. 192: Накшъ-и-Реджебъ; то-же было, вѣроятно, и на поврежденномъ рельефѣ Фирузъ-Абада, ibidem. pl. 44.

быть можетъ, къ женской фигурѣ (Анаиты — богини источниковъ?) на рельефѣ надъ источникомъ близь Шираза (Coste et Flandin, pl. 56). А на многихъ иныхъ рельефахъ такой-же жестъ правою рукой дѣлаютъ воины, вельможи и иные сопровождающіе Сасанидовъ простые смертные, которые здѣсь воздаютъ, очевидно, божескія почести царямъ, именовавшимъ себя «богами», «братьями Солнца и Мѣсяца», «совосходящими съ Солнцемъ», «сопрестольными богу Миѳрѣ» и т. п. [1]).

Эрн. Бабелонъ, описывая парижское блюдо, замѣчаетъ по поводу жеста этого, что Персы заимствовали его у Ассирійцевъ и что онъ назывался *nis qati*, но мы не считаемъ себя компетентными судить объ основательности этого замѣчанія и не можемъ его вполнѣ провѣрить [2]).

Оригинальная форма ореола, въ которомъ ангелы возносятъ Христа, не находитъ себѣ аналогіи среди греческихъ памятниковъ, а потому объясненіе тѣмъ четыремъ листьямъ, которыми украшены края ореола и которые вовсе не соотвѣтствуютъ ни сіянію небеснаго цвѣта, ни лучезарному облаку, ни огненной сферѣ, какими представлялись грекамъ подобные ореолы, можно искать, кажется, въ орнаментальныхъ пріемахъ сасанидскаго искусства, вліяніе котораго сказывается на разсматриваемомъ блюдѣ во многихъ отношеніяхъ. Пара такихъ-же листьевъ, составляющихъ каждый какъ бы половину пальметки о пяти листикахъ, украшаетъ и края фронтона Гроба Господня и такое-же примѣненіе подобныхъ листьевъ для украшенія контуровъ различныхъ фигуръ находимъ мы на многихъ сасанидскихъ и зависящихъ отъ нихъ сарацинскихъ и иныхъ памятникахъ, тогда какъ на античныхъ памятникахъ позднихъ временъ, если и встрѣчаются довольно часто аканѳовые листья, какъ-бы вырастающіе изъ скатовъ фронтоновъ, то они отгибаются наружу, т. е. вверхъ, а не внутрь фронтона.

Близкую аналогію лиственной рамкѣ ореола представляетъ серебряный кувшинъ кн. В. Н. Орлова: поверхность его раздѣлена на три круга рельефными полосами, къ которымъ со внутренней стороны примыкаютъ подобія листьевъ; чисто орнаментальное значеніе этихъ листьевъ видно изъ того, что они выступаютъ и на лобъ и на щеки лица, помѣщеннаго въ одинъ изъ круговъ. Отдѣльные листья о трехъ лепесткахъ встрѣчаются иногда даже на животныхъ: спина и верхняя часть задней ноги лежащаго оленя на чашѣ собранія гр. С. Гр. Строгонова [3]) украшены подобными полулистами о трехъ выступахъ, обращенными внутрь фигуры; тройной листъ помѣщенъ на лопаткѣ чудовищнаго крылатаго верблюда на серебряномъ кувшинѣ того-же собранія [4]) и такими-же, но выступающими отъ рамки гораздо болѣе, чѣмъ на описываемомъ блюдѣ, листьями заполненъ мѣстами фонъ. У чудовищнаго дракона на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [5]) лопатка украшена большимъ тройнымъ листомъ, а отъ полосы, образующей контуръ груди, отдѣляются внутрь фигуры два двойныхъ листика; у подобнаго-же дракона на кувшинѣ В. Кн. Алексѣя Александровича [6]) отъ чешуйчатой полосы по краю груди и хребта отдѣляются и заполняютъ всю ширину шеи большіе тройные листья по три съ каждой стороны; подобные-же листики видимъ у того-же чудовища на шелковыхъ сасанидскихъ тканяхъ [7]) и на одеждѣ царя (Хозроя II?, 591—628 гг.) на рельефѣ Тахть-и-Бостана [8]). Вліяніемъ сасанидскихъ издѣлій разнаго рода на искусство Востока послѣдующихъ временъ надо объяснять присутствіе такого рода листьевъ на различныхъ частяхъ животныхъ, иногда исполненныхъ въ остальномъ весьма реально,

---

1) См. рис. у Coste et Flandin, pl. 44, 49, 50, 53, 56, 185, 186, 188, 192.

2) Ern. Babelon, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale. Choix des principaux monuments, стр. 170; авторъ слѣдуетъ здѣсь, повидимому, за Одобеско (Gazette Archéologique. 1886 стр. 13:.... selon le rite du nis-Kati mazdéen), который ссылается на Menant'a (La glyptique orientale. I стр. 192), но послѣдній говоритъ лишь о древне-халдейскихъ цилиндрахъ: ..... la main droite elevée (nis kati), и на приложенныхъ рисункахъ рука изображается иногда съ открытою ладонью, а не съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

3) См. рис. у Köhler'a, Gesammelte Schriften. T. VI, taf. 7 и Aspelin, l. c. № 617.

4) См. рис. въ Отчетѣ Имп. Арх. Комм. за 1878—79 гг., стр. 153; Gazette Archéologique. 1886, pl. 11; Русскія Древности. Вып. III, рис. 96.

5) См. рис. въ Отчетѣ Имп. Арх. Комм. за 1875 г., табл. IV, и Русскія Древности. Вып. III, рис. 94.

6) Неизданъ. Найденъ въ 1823 году въ Харьковской губерніи. Едва-ли справедливо относитъ его къ Х-му вѣку. См. Русскіе Клады, т. I, стр. 12.

7) Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie. Vol. III, pl. XIV. Gay, Glossaire archéologique. Vol. I, p. 572.

8) См. детальный рис. J. de Morgan'a въ его Mission scientifique en Perse. VI, p. 323, fig. 189.

на произведеніяхъ мусульманскаго искусства, напр. въ росписи потолка Палатинской капеллы въ Палермо XII в.[1]), и даже въ византійскихъ памятникахъ: напр. на груди и на брюхѣ фантастическаго гиппопотама въ миніатюрахъ изъ Космы Индикоплова, заключающихъ лицевой физіологъ XII в. въ Смирнѣ[2]). Особенно же часто встрѣчается пріемъ этотъ на различныхъ византійскихъ и саракинскихъ тканяхъ, гдѣ животнымъ придаются обыкновенно орнаментальныя формы и детали.

Оригинальная форма горки, на которой утвержденъ крестъ Христа, т. е. Голгоѳы, близко напоминаетъ тѣ схематическія обозначенія земли, которыя помѣщаются для заполненія пустого мѣста или для декораціи нижней части композицій на серебряныхъ сасанидскихъ и близкихъ къ нимъ серебряныхъ издѣліяхъ. На издѣліяхъ наиболѣе тщательныхъ подобные выступы раздѣлываются болѣе реальнымъ образомъ: или выемками, означающими пещеры или впадины скалъ, какъ на одномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа съ изображеніемъ неопредѣленнаго Сасанида[3]), на сасанидскомъ блюдѣ съ изображеніемъ волка въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ[4]) и на серебряномъ кувшинѣ арабскаго уже, повидимому, времени въ Ліонскомъ Археологическомъ Музеѣ[5]), или же рисунками кустиковъ и травъ, какъ на неизданномъ еще блюдѣ собранія гр. С. Г. Строгонова съ изображеніемъ одного изъ послѣднихъ Сасанидовъ[6]), на неизданномъ сосудѣ сложной формы г-на Ханенки въ Кіевѣ, на неизданномъ серебряномъ кувшинѣ изъ Персіи въ Британскомъ Музеѣ, на неизданномъ-же серебряномъ кувшинѣ, поднесенномъ Ихъ Величествамъ Кунгурской Хлѣбниковской Публичной Библіотекой, и на извѣстномъ серебряномъ кувшинѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ, причемъ на послѣднемъ выступы эти имѣютъ полукруглую форму[7]). Но на замѣчательномъ, къ сожалѣнію не изданномъ, блюдѣ Британскаго Музея съ изображеніемъ царя Бахрамъ-Гура (420—439)[8]) выступы эти, помѣщенные тутъ въ два ряда и напоминающіе такимъ образомъ изображенія горъ на ассирійскихъ и древне-персидскихъ рельефахъ, имѣютъ внутри лишь коротенькія, попарно вырѣзанныя, черточки, схематичность которыхъ напоминаетъ пирамидки описываемаго блюда, а на сильно попорченномъ сасанидскомъ-же блюдѣ гр. Гр. С. Строгонова въ Римѣ[9]) подобнаго рода выступы раздѣланы внутри чертами, означающими повидимому растенія, и пирамидками изъ трехъ точекъ каждая.

Такимъ образомъ и форма и орнаментація Голгоѳы на описываемомъ блюдѣ оказывается зависящей отъ декоративныхъ пріемовъ сасанидской торевтики.

Особенно же сказалось вліяніе искусства сасанидской Персіи на изображеніяхъ животныхъ: пѣтуха и львовъ, которые исполнены всецѣло по соотвѣтствующимъ персидскимъ образцамъ и рѣзко отличаются отъ греческихъ памятниковъ, какъ бо́льшею стилизаціей и условностью, такъ и нѣкоторыми характерными деталями.

Пѣтухъ изображенъ довольно плохо и значительно уступаетъ персидскому-же изображенію его на одномъ рѣзномъ камнѣ[10]): здѣсь весь складъ туловища и постановка вовсе не похожи на пѣтушьи,

---

1) См. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Рисс. 60, 88, 89, 91, 95, 99, 102, 105 и 106.

2) Фотографія этой миніатюры (въ рк. листъ 18 об.) имѣется въ собраніи фотографій Имп. Правосл. Палестинскаго Общества № 2834 а. См. Архсологическія Извѣстія и Замѣтки. 1898 г. стр. 34.

3) См. рис. въ Отчетѣ Импер. Археол. Комм. за 1867 г. табл. III, рис. 1; Русскія Древности. Вып. III, рис. 83.

4) Неиздано. Фотографія Giraudon'а № B. 539.

5) См. рис. въ Gazette Archéologique. 1886 г., pl. 10.

6) О находкѣ блюда этого см. Антропологическая Выставка. Т. II, стр. 361, № IV.

7) Cahier et Martin, Mélanges d'Archéologie. T. III, стр. 124; Dieulafoy, L'art de la Perse. T. V, fig. 95—96.

8) Принадлежало A. W. Franks'у; происходитъ изъ Индіи. Императорскій Эрмитажъ владѣетъ древнею его копіей. Опредѣленіе царя Сапоромъ II (310—381), значащееся на этикетѣ Британскаго Музея, кажется мнѣ не вѣрнымъ, такъ какъ головной уборъ царя болѣе сходенъ съ уборомъ Бахрамъ-Гура на его монетахъ, а самая изображенная сцена является иллюстраціей къ одному изъ многихъ разсказовъ объ этомъ столь популярномъ царѣ, сохраненному въ Книгѣ Царей Фирдуси (см. переводъ Mohl'я, изданіе in 8°, т. V, стр. 530 сл.). Въ Archaeologia. Vol. LV, Part. II. 1897, p. 534 издано какое-то сасанидское блюдо Британскаго Музея, но, не имѣя надъ руками изданія этого, мы не знаемъ какое именно, это-ли или другое изъ трехъ блюдъ Franks'а.

9) Рис. (плохой) у Aspelin'а, l. c. № 613.

10) Національной Библіотеки въ Парижѣ. По каталогу Chabouillet № 1226; рис. см. у Imhoof Blumer und Otto Keller, Tier- und Pflanzendarstellungen auf Münzen und Gemmen. Табл. III, рис. 30.

шпоры пропущены, рисунокъ хвоста также мало похожъ на хвостъ пѣтуха, черты, раздѣляющія перья его, идутъ не паралельно контурамъ хвоста, наконецъ никакого, повидимому, основанія въ дѣйствительности не имѣетъ пучекъ перьевъ, идущій наклонно внизъ изъ угла, образованнаго нижнею частью крыла и заднимъ контурамъ ноги: у пѣтуховъ такихъ перьевъ намъ никогда видать не приходилось. Эта деталь перенесена мастеромъ на пѣтуха, повидимому, съ изображеній иныхъ птицъ: такъ на сасанидскомъ серебряномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [1]) подобный пучекъ перьевъ видимъ у фазана, занимающаго средину блюда, и у трехъ малыхъ изображеній также, по всей видимости, фазановъ на краяхъ блюда; на серебряной чашкѣ въ средневѣковомъ отдѣленіи того-же собранія у павлиновъ эти пучки, каждый изъ двухъ перьевъ, имѣютъ особенную длину и кажутся даже волочащимися по землѣ.

Мы не знаемъ примѣровъ такого рода перьевъ въ дѣйствительности: у нѣкоторыхъ куриныхъ перья свѣшиваются нѣсколько со спины около хвоста надъ концами крыльевъ, но не тамъ, гдѣ помѣщаютъ висящія перья сасанидскіе художники. Если подобныя-же перья изображаются иногда [2]) у хищныхъ птицъ, то тамъ они являются, повидимому, ошибочнымъ изображеніемъ перьевъ, растущихъ на самой верхней части лапъ и свѣшивающихся внизъ на подобіе штановъ [2]). Для изображеннаго-же на блюдѣ пѣтуха объясненіе этимъ перьямъ надо предполагать, слѣдовательно, лишь въ условной традиціи сасанидскаго искусства.

Крыло пѣтуха и четырехъ парящихъ ангеловъ раздѣляется поперечною изогнутой полосой на двѣ части: верхнюю, покрытую короткими чешуеобразными перьями, и нижнюю, состоящую изъ длинныхъ и широкихъ перьевъ: такой полосы въ дѣйствительности у птицъ не бываетъ, а между тѣмъ у ангела, стоящаго у Гроба, полоса эта изображена очень широкою, ограничена сверху и снизу особыми полосками, усажена въ срединѣ кругами и позолочена. Такимъ образомъ здѣсь этой полосѣ придано уже чисто орнаментальное значеніе, въ каковомъ она оказывается уже на древне-греческихъ архаическихъ живописныхъ изображеніяхъ птицъ и иныхъ фигуръ, находящихся въ зависимости отъ издѣлій, премущественно тканей, древняго Востока.

На серебряныхъ издѣліяхъ средневѣковаго Востока такого рода орнаментальныя полосы на крыльяхъ встрѣчаемъ мы очень часто: напр., у фазана на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа № 1416, у павлина, нарисованнаго на небольшомъ блюдѣ средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа (неизданномъ), на кувшинѣ, поднесенномъ Ихъ Величествамъ Кунгурскою Библіотекой, и на блюдѣ собранія гр. С. Гр. Строгонова [3]), — изображенная на этомъ блюдѣ хищная птица съ добычею въ когтяхъ представляется какъ-бы варварской копіей съ изображеній, украшающихъ обѣ стороны вышеупомянутаго кувшина, — также у фантастическихъ чудовищъ на чашкѣ г-на Исаковича (см. стр. 24, пр. 5), на блюдѣ съ изображеніемъ флейтщицы (см. стр. 24, пр. 3) и т. д.

На блюдѣ гр. Строгонова и на упомянутой выше (стр. 27, прим. 7) сасанидской шелковой ткани эти полосы украшены даже рядомъ кружковъ, какъ и у ангела у Гроба. Такое-же украшеніе ихъ находимъ мы и на позднѣйшихъ восточныхъ и византійскихъ издѣліяхъ, напр. на удивительномъ эмалевомъ кувшинѣ въ монастырѣ St. Maurice d'Agaune во Франціи [4]) и на множествѣ различныхъ тканей и подражающихъ имъ рельефовъ церковныхъ преградъ въ Греціи [5]) и Италіи [6]) и тѣмъ болѣе на различныхъ произведеніяхъ мусульманскаго искусства, стоящаго въ тѣснѣйшей зависимости отъ сасанидскаго [7]).

---

[1]) № 1416. Неиздано.

[2]) См. напр. хищную птицу на кувшинѣ, бывшемъ Кунгурской Библіотеки, на серебряномъ блюдѣ Эрмитажа варварской работы, найденномъ въ Глазовскомъ уѣздѣ въ 1891 г., и на нѣкоторыхъ памятникахъ мусульманскихъ временъ.

[3]) См. рис. въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1878—79 гг., стр. 152, и Русскія Древности, вып. III, рис. 95.

[4]) См. рис. у Ed. Aubert, Trésor de l'abbaye de St. Maurice d'Agaune. Paris. 1872, табл. XIX—XX и XXI—XXII.

[5]) См. напр. рисунки такой декоративной плиты изъ Аѳинъ (едва-ли однако VIII вѣка, скорѣе позднѣе) у Cattaneo, L'architecture en Italie du VI au XI siècle, fig. 19.

[6]) Тамъ-же, рис. 25, 46, 138.

[7]) См. напр. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Рис. 85, 93, 104, 105.

Но сколь бы ни былъ распространенъ пріемъ изображенія крыльевъ съ этою условною поперечной полосой, все-же помѣстивъ ее, да еще столь широкую, на крылья ангела, мастеръ нашего блюда показалъ этимъ полное художественное непониманіе, т. к., то, что можетъ быть допущено въ фигурахъ декоративныхъ и тѣмъ болѣе у фантастическихъ чудовищъ, вовсе неумѣстно у этого ангела, который является дѣйствующимъ лицемъ одного изъ главныхъ изображеній: не говоря уже о греческихъ памятникахъ, мы не находимъ этихъ орнаментальныхъ полосъ ни у ангеловъ на блюдѣ гр. Гр. С. Строгонова (см. рис. 3), ни у двухъ побѣдъ или какихъ-либо геніевъ на извѣстномъ сасанидскомъ рельефѣ Тахтъ-и-Бостана [1]).

Такое-же рѣзкое отступленіе отъ дѣйствительности оказывается и въ изображеніи двухъ львовъ по сторонамъ Даніила: эти львы изображены пятнистыми, причемъ пятна означены пирамидками изъ мелкихъ кружковъ. Столь рѣзкихъ отступленій отъ природы въ изображеніи животныхъ, — которыя вообще въ восточномъ искусствѣ производятъ всегда впечатлѣніе бо́льшей жизненности и правдивости, чѣмъ изображенія людей, — мы не привыкли встрѣчать на сасанидскихъ памятникахъ, не говоря, конечно, о завѣдомыхъ изображеніяхъ чудовищъ: животныя не избѣгаютъ, конечно, той-же стилизаціи, что́ и человѣческія фигуры, ихъ формы нерѣдко далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но такое рѣзкое отступленіе отъ природы казалось бы возможнымъ только для ремесленника, дѣлавшаго описываемое блюдо. Нѣчто подобное оказывается, однако, на одномъ изъ лучшихъ по тщательности работы серебряныхъ блюдъ сасанидскаго времени, а именно: на замѣчательномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [2]), гдѣ туловище льва раздѣлано мельчайшими черточками, обозначающими шерсть, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ размѣщены такъ, что образуютъ круглыя пятна [3]), которыя могутъ быть замѣчены лишь при внимательномъ взглядѣ и вовсе не бросаются въ глаза столь рѣзко, какъ треугольныя пятна на львахъ сирійскаго блюда. Ближайшая же аналогія послѣднимъ является на парѣ небольшихъ серебряныхъ блюдъ Эрмитажа [4]): на нихъ пирамидками, изъ трехъ кружковъ каждая, раздѣланы туловища грифа и собаки на одномъ, и оленя и собаки на другомъ; конечно, нельзя отрицать возможности пятенъ на каждомъ изъ изображенныхъ животныхъ, но присутствіе пятенъ на всѣхъ ихъ показываетъ, что мастеръ пользовался этимъ пріемомъ оживленія большихъ гладкихъ пространствъ туловищъ столь-же механически и безсознательно, какъ и мастеръ описываемаго блюда, который не сообразилъ даже неумѣстности пятенъ на львахъ. Оба эрмитажныя блюда относятся, повидимому, ко временамъ болѣе позднимъ, чѣмъ эпоха Сасанидовъ, но дѣлать отсюда такое-же заключеніе и о сирійскомъ блюдѣ намъ не кажется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что львы этого блюда по остальнымъ деталямъ своимъ стоятъ гораздо ближе къ сасанидскимъ изображеніямъ ихъ, чѣмъ звѣри эрмитажныхъ блюдъ. Особенно ясно это въ передачѣ лапъ и головъ. Рѣзкое обозначеніе мускулатуры переднихъ ногъ, значительная длина лапъ ниже щиколдки, означаемой рѣзкимъ кругомъ, рѣзкое дѣленіе чертами одного пальца лапъ отъ другого и когтей отъ пальцевъ — всѣ эти черты находятся и на несомнѣнно сасанидскихъ изображеніяхъ львовъ и тигровъ, а именно, кромѣ только что указаннаго эрмитажнаго блюда, у тигровъ на неизданномъ блюдѣ въ собраніи гр. С. Гр. Строгонова (см. стр. 28, прим. 6), у львовъ на кувшинѣ Парижской Національной Библіотеки (см. стр. 28, прим. 7) и у чудовища со львиными лапами на кувшинѣ В. Кн. Алексѣя Александровича, причемъ на двухъ кувшинахъ находимъ такія-же неестественныя поперечныя полосы на мускулахъ переднихъ лапъ,

---

1) Coste et Flandin, Voyage dans la Perse, pl. 7.

2) № 1085. См. рис. въ Отчетѣ Импер. Археол. Комиссіи за 1867, табл. III, рис. 4; Русскія Древности. III, рис. 84. Это единственное блюдо, гдѣ конный охотникъ не имѣетъ царскаго головнаго убора. На оборотѣ пехлевійская надпись. Описываемой подробности на указанныхъ выше рисункахъ не передано, но она ясно видна на рисункѣ, приложенномъ къ «Опыту о костюмѣ и оружіи гладіаторовъ» А. О. 1835 г. Pl. XXVIII. рис. 137. = Археологическіе труды А. Н. Оленина. т. II. СПБ. 1882.

3) Ср. исполненныя наколотыми точками спирали на горныхъ козлахъ, чешую на грифахъ и какія-то неопредѣленныя пятна на львахъ на серебряномъ сосудѣ сложной формы, принадлежащемъ г-ну Ханенкѣ въ Кіевѣ. Сосудъ этотъ восходитъ, вѣроятно, ко времени Сасанидовъ.

4) Найдены въ 1886 г. въ Глазовскомъ уѣздѣ. № 1417 и 1418. Не изданы.

какъ и на сирiйскомъ блюдѣ. Однако ни на одномъ сасанидскомъ памятникѣ не находимъ мы такого небрежнаго и грубаго исполненiя головъ: космы гривы переданы чисто условнымъ образомъ, уши пропущены вовсе, самая голова имѣетъ безжизненную округлую форму, но въ деталяхъ и тутъ оказывается сходство съ прiемами сасанидскаго искусства: такой-же поворотъ головы въ три четверти при изображенiи туловища въ профиль видимъ мы на изображенiи львовъ на упомянутыхъ эрмитажномъ блюдѣ и парижскомъ кувшинѣ, на неизданномъ еще блюдѣ Эрмитажа [1]), на упоминавшихся уже блюдахъ Эрмитажа [2]) и гр. Гр. С. Строгонова [3]), причемъ на двухъ послѣднихъ, представляющихъ между собою ближайшее сходство во многихъ отношенiяхъ, оваль верхней части львиныхъ мордъ близко подходитъ къ описываемому блюду, но нижнiя челюсти на всѣхъ этихъ изображенiяхъ передаются, хотя также въ невозможномъ поворотѣ въ профиль, но съ большими деталями и большею вѣрностью природѣ: особенно оживляютъ ихъ разинутая пасть, длинный высунутый языкъ и зубы. Эти болѣе тщательныя изображенiя львиныхъ мордъ объясняютъ намъ нѣкоторыя детали разсматриваемаго грубо ремесленнаго воспроизведенiя ихъ: поперечныя черты на носу должны обозначать складки наморщенной при оскаливанiи зубовъ кожи; гладкiя полосы, отдѣляющiя морду отъ гривы, должны бы быть раздѣланы космами волосъ, облегающими львиную морду на подобiе бороды; два кружка по сторонамъ носа лѣваго льва означаютъ вздутые выступы губъ, поросшiе торчащими волосами вродѣ усовъ; у праваго-же льва эти кружки изображены совсѣмъ бесмысленно: одинъ выдается на фонѣ внѣ контура морды, другой далеко отошелъ отъ края верхней губы; извилистыя полосы подъ глазами обозначаютъ мускулы на выдающихся скулахъ, которые изображены подобнымъ-же образомъ двумя чертами на неизданномъ эрмитажномъ блюдѣ. Хвосты львовъ на описываемомъ блюдѣ обозначены полосою, идущею вдоль верхняго контура заднихъ ногъ, которыя показаны обѣ, тогда какъ изъ переднихъ лапъ изображена лишь одна; у праваго льва конецъ хвоста раздѣланъ наклонными линiями, обозначающими волосы кисти, но наклонъ имъ данъ не въ тѣ стороны, какъ бы слѣдовало.

Такимъ образомъ изъ детальнаго разсмотрѣнiя блюда слѣдуетъ, что и въ передачѣ тѣхъ частностей, которыя мастеръ заимствовалъ изъ искусства сасанидской Персiи, онъ обнаруживаетъ такую-же неумѣлость и небрежность, какъ и въ передачѣ композицiй греческаго происхожденiя, а потому и изъ сравненiя этого блюда съ блюдами сасанидскими мы не видимъ возможности сдѣлать какiе-либо точные хронологическiе выводы: этому мѣшаютъ, во-первыхъ, неопредѣленность времени большинства привлеченныхъ для сравненiя памятниковъ и, во-вторыхъ, твердое сохраненiе формъ и прiемовъ сасанидскаго искусства въ первые вѣка арабскаго владычества. Мы не рѣшаемся по этому даже относить описываемое блюдо непремѣнно къ сасанидскому времени: оно также хорошо могло быть исполнено и въ первые вѣка арабскаго владычества, если предположить, что мастеру попались почему либо въ качествѣ оригиналовъ греческiя композицiи нѣсколькими вѣками старше его времени. Несомнѣнно лишь, что блюдо это никакъ не можетъ быть древнѣе половины V-го вѣка, болѣе же вѣроятнымъ временемъ его намъ представляется VI-ое или даже VII-ое столѣтiе по Р. Х., точнѣе же опредѣлить время его было бы возможно лишь имѣя другую точно датированную работу того-же, столь жалкаго въ художественномъ отношенiи, мастера, неумѣлое и небрежное произведенiе котораго не позволяетъ еще заключать объ общемъ паденiи искусства того времени.

Остается выяснить по мѣрѣ возможности вопросъ о назначенiи издаваемаго блюда.

Его форма, ясно выражаемая рисункомъ сбоку, помѣщеннымъ на таблицѣ, вполнѣ тождественна со многими блюдами какъ восточной работы, изъ которыхъ древнѣйшiя восходятъ ко временамъ Сасанидовъ, такъ и западной: греческой и римской, исчислять которыя здѣсь было бы слишкомъ долго [4]); достаточно сказать, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ блюдъ относимы ко временамъ Дiадоховъ, какъ напр. блюда изъ кладовъ Гильдесгейма и Bosco Reale.

---

[1]) См. о немъ Извѣстiя Общ. Ист., Арх. и Этн. при Казан. Унив. 1894, стр. 197.

[2]) См. стр. 10, прим. 1.

[3]) См. стр. 10, прим. 2.

[4]) Подробнѣйшiй каталогъ ихъ, равно какъ сасанидскихъ, напечатанъ былъ покойнымъ румынскимъ археологомъ Ободеско въ роскошномъ, къ сожалѣнiю до сихъ поръ не появившемся въ свѣтъ, изданiи: Le trésor de Pétrossa.

Судя по значительной ширинѣ и малому углубленію блюдъ, подобныхъ издаваемому нынѣ, они служили скорѣе для помѣщенія на нихъ твердой или какой-либо густой пищи, чѣмъ для жидкостей, которыя изъ сосуда такой формы могли бы легко расплескаться.

Украшеніе описываемаго блюда, какъ и упомянутаго выше блюда гр. Гр. С. Строгонова, христіанскими изображеніями дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе не только о принадлежности блюда этого христіанамъ, но и о назначеніи его для какихъ-либо церковныхъ цѣлей.

Намъ кажется, что оно могло служить для частицъ св. причастія подъ видомъ хлѣба, которыя раздавались причастникамъ въ древности, какъ извѣстно, отдѣльно отъ вина, и доказательство такому предположенію мы видимъ въ одной изъ миніатюръ сирійскаго Евангелія 586 года.

Рис. 11. Изображеніе причащенія въ сирійскомъ евангеліи 586 года.

Около одной изъ орнаментальныхъ рамокъ каноновъ въ евангеліи этомъ находится напротивъ изображенія Входа Господня въ Іерусалимъ миніатюра, которая представляетъ условнымъ образомъ Тайную Вечерю, какъ установленіе таинства литургіи, гдѣ Христосъ и апостолы изображены, какъ священникъ, совершающій литургію, и причастники[1]). Христосъ на миніатюрѣ этой[2]) стоитъ на холмикѣ предъ апостолами, подходящими къ нему слѣва, правою рукою Онъ подаетъ переднему изъ нихъ какой-то округлый предметъ, очевидно частицу евхаристическаго хлѣба, или скорѣе цѣлый небольшой круглый и плоскій хлѣбецъ, вродѣ лепешки, а въ лѣвой рукѣ держитъ сосудъ, ближайшимъ образомъ напоминающій своею формою издаваемое нынѣ блюдо.

На рисункѣ Rohault de Fleury не видно ножки, подобной имѣющейся у описываемаго блюда и

Historique.—Description.—Etude sur l'orfévrerie antique. Ouvrage publié sous les auspices de Sa Majesté le Roi Charles I de Roumanie. Tome I. 3 planches et 253 gravures. Paris. J. Rotschild, éditeur. 1889. in fol. стрр. I—XXIV + 1—514. Я имѣлъ возможность пользоваться изданіемъ этимъ въ библіотекѣ Музея Національныхъ Древностей въ St. Germain en Laye, благодаря любезности г-на S. Reinach'a. Впрочемъ и этотъ каталогъ — не полонъ.

[1]) О такого рода «литургическихъ» изображеніяхъ Тайной Вечери см. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 277 слл.

[2]) См. рисунки ея: старый по Biscioni, (Bibliothecae Mediceae Laurentianae Catalogus. 1752) въ «Сочиненіяхъ Усова, т. II, стр. 176, рис. 17; Garrucci, tav. 137, fig. 2; рисунокъ въ настоящую величину въ L'évangile, études iconographiques et archéologiques par Ch. Rohault-de-Fleury. Tome II. 1874, pl. LXXIII = нашъ рис. 11; онъ-же у Н. В. Покровскаго, Евангеліе, рис. 135, на стр. 277.

у другихъ ему подобныхъ, но мы нашли положительное указаніе на присутствіе ея у Н. В. Покровскаго, изъ словъ котораго къ сожалѣнію не ясно, какую именно форму имѣетъ ножка эта: въ неоднократно цитированномъ нами, фундаментальномъ трудѣ своемъ (Евангеліе, стр. 278) пр. Н. В. Покровскій назвалъ сосудъ этотъ «потиромъ въ видѣ широкой чаши съ маленькою подставкою». Неточный рисунокъ у Garrucci даетъ ножкѣ этой форму обычной у потировъ высокой ножки, обозначая нижній край ея ниже руки Христа, но на детальномъ рисункѣ Rohault de Fleury ничего подобнаго мы не видимъ и поэтому, для рѣшенія вопроса этого по самому оригиналу, мы обратились къ проживающему во Флоренціи Д. Н. Бережкову съ просьбою сличить рисунокъ Rohault de Fleury съ самой миніатюрою и получили въ отвѣтъ сообщеніе, что никакой ножки у сосуда на миніатюрѣ нѣтъ и что рисунокъ Rohault de Fleury въ общемъ вѣренъ; само-же блюдо снаружи желтоватаго цвѣта, внутри бѣлаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ замѣтны какъ-бы остатки линій, раздѣляющихъ одинъ хлѣбецъ отъ другого, хотя ясно разсмотрѣть ихъ и невозможно; хлѣбецъ, или ломтикъ, подаваемый Христомъ апостолу, тоже бѣлый съ краснокоричневымъ контуромъ, около котораго никакихъ точекъ или черточекъ, обозначенныхъ на рисункѣ Rohault de Fleury, на миніатюрѣ не имѣется. Мы рѣшительно не видимъ возможности согласиться съ проф. Н. В. Покровскимъ и другими изслѣдователями [1]) въ наименованіи сосуда этого «потиромъ» или чашею и видѣть, слѣдовательно, во всей миніатюрѣ изображеніе причащенія сразу подъ обоими видами: мы полагаемъ, что здѣсь изображена лишь раздача частицъ хлѣба или даже цѣлыхъ хлѣбцевъ, т. н. «евлогій», которыя Христосъ беретъ по одной изъ блюда, гдѣ приготовлено соотвѣтственное числу причастниковъ количество этихъ частицъ или хлѣбцевъ. Что блюдо это нельзя считать чашею, ясно, какъ изъ самой плоской формы его, при которой жидкость легко могла бы расплескаться, такъ и изъ другихъ древнѣйшихъ изображеній причащенія виномъ, гдѣ чаша всегда изображается гораздо болѣе глубокою и болѣе вмѣстительной: достаточно указать на миніатюру Россанскаго Евангелія [2]). Наконецъ, если бы здѣсь Христосъ изображенъ былъ дающимъ причастіе подъ обоими видами, то Онъ оказался бы причащающимъ одного только передняго апостола, такъ какъ Онъ отдаетъ ему единственный, имѣющійся у Него, хлѣбецъ, а между тѣмъ по смыслу миніатюры ясно, что причастіе должно быть роздано всѣмъ апостоламъ. Поэтому-то мы полагаемъ единственно правильнымъ объясненіе Rohault de Fleury [3]), видѣвшаго здѣсь раздачу лишь одного хлѣба, и, слѣдовательно, блюдо, изображенное въ рукахъ Христа, назначено для этихъ частицъ причастія: хотя ихъ внутри блюда на рисункѣ R. de Fleury и не видно, но Biscioni положительно говорилъ, что сосудъ этотъ полонъ частицъ св. Причастія, и говорилъ, вѣроятно, на основаніи деталей самой миніатюры [4]): поэтому, можетъ быть, на рисункѣ Biscioni внутренность сосуда и разграфлена прямыми наклонно пересѣкающимися линіями. Теперь, однако, этой подробности разсмотрѣть невозможно.

Подтвержденіе такому именно толкованію миніатюры сирійскаго евангелія 586 г. и предположенію о подобномъ-же назначеніи описываемаго сирійскаго блюда мы находимъ еще въ памятникахъ значительно болѣе позднихъ, а именно въ монументальныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ церквей Христа, совершающаго литургію. Тогда какъ сосуду, откуда Христосъ вынимаетъ частицы хлѣба, въ извѣстныхъ кіевскихъ мозаикахъ Златоверхомихайловскаго Монастыря придана форма, значительно отступающая отъ разсматриваемыхъ блюдъ и по глубинѣ чаши и формѣ ножки напоминающая потиръ, на нѣкоторыхъ греческихъ композиціяхъ того-же приблизительно времени и того-же содержанія сосудъ этотъ сохраняетъ, однако, свою древнюю форму блюда, не становясь плоскимъ «дискосомъ»

---

[1]) Н. П. Кондаковъ, Исторія византійскаго искусства, стр. 80; французское изданіе, т. I, стр. 140; Усовъ, Сочиненія, т. II, стр. 176; Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst, стр. 367.

[2]) См. рис. въ Сочиненіяхъ Усова, т. II, рис. 6; V. Schultze, Archäologie d. altchr. Kunst, fig. 116.

[3]) L'Evangile, т. II, стр. 185; La Messe, т. IV, стр. 10.

[4]) Garrucci, Vol. III, p. 60....il calice creduto dal Biscioni pisside *buccellis plena*.... Къ сожалѣнію, не смотря на важнѣйшее значеніе для исторіи христіанскаго искусства миніатюръ Евангелія Рабулы, онѣ до сихъ поръ остаются, какъ и миніатюры Россанскаго Евангелія, неизданными автотипически, а потому и приходится въ детальныхъ вопросахъ или гадать или основываться на завѣдомо неточныхъ рисункахъ.

вродѣ современныхъ намъ, какой видимъ на мозаикахъ Св. Софіи Кіевской и какія найдены были въ трехъ экземплярахъ въ С. В. Россіи [1]).

Эти изображенія находятся въ росписяхъ церквей Закавказья и относятся къ XIII и слл. вв.: въ церкви Некреси, въ Кахетіи, на лѣвой рукѣ Христа стоитъ блюдо формы подобной нынѣ издаваемому, наполненное съ верхомъ частицами хлѣба, одну изъ которыхъ Христосъ и подаетъ ап. Петру [2]): вслѣдствіе положенія блюда не видно, имѣетъ-ли оно ножку или нѣтъ, но мы имѣемъ полное право предполагать ее, такъ какъ иначе блюдо это было бы весьма неудобно ставить. Весьма близко по композиціи и, вѣроятно, по времени, къ фрескамъ Некреси изображеніе причащенія Христомъ апостоловъ въ церкви Б. М. въ Ахтала (въ Тифлисскомъ уѣздѣ), построенной въ началѣ XIII вѣка [3]): блюдо въ рукѣ Христа имѣетъ тутъ точно такую-же форму. Нѣсколько иной формы: болѣе глубокое, съ вертикальными краями, блюдо съ частицами хлѣба въ рукѣ Христа въ церкви Грема, въ Кахетіи [4]), иначе Христосъ и держитъ здѣсь это блюдо. Во всякомъ случаѣ примѣры эти ясно свидѣтельствуютъ, что блюда той формы, какую имѣетъ издаваемое сирійское блюдо, употреблялись при раздачѣ евхаристическаго хлѣба еще въ XIII в. у грековъ, хотя, быть можетъ, лишь въ глухихъ провинціяхъ: греческія надписи на указанныхъ фрескахъ грузинскихъ церквей ясно указываютъ на исполненіе ихъ греческими живописцами: если изображеній такого рода блюдъ въ византійскихъ росписяхъ болѣе западныхъ областей не имѣется, то мы вправѣ предположить, что употребленіе ихъ сохранилось къ тому времени лишь въ восточныхъ греческихъ областяхъ: Трапезунтѣ или Малой Азіи вообще. Несторіанская сирійская церковь сохраняетъ и по сіе время древній обычай причащенія подъ обоими видами отдѣльно: «священникъ раздробляетъ просфору на дискосѣ по числу причастниковъ и дискосъ даетъ иподіакону, ... а чашу даетъ діакону и потомъ всѣ трое исходятъ изъ алтаря, ... пріобщающіеся подходятъ прежде къ священнику, который беретъ отъ дискоса частицу и влагаетъ ее прямо въ уста причастника, затѣмъ причастникъ идетъ къ діакону, который пріобщаетъ его черезъ край чаши» [5]). Къ сожалѣнію мы не знаемъ какую форму имѣютъ современные несторіанскіе дискосы: какъ говорено было выше, выносить частицы на плоскомъ дискосѣ едва-ли удобно, такъ какъ онѣ легко могутъ разсыпаться. Такимъ образомъ оказывается большая вѣроятность считать издаваемое сирійское блюдо дискосомъ, служившимъ, согласно древнимъ обрядамъ совершенія литургіи, не только при освященіи свв. даровъ, но и при самой раздачѣ ихъ причастникамъ, чѣмъ и объясняется, какъ указано выше, отличіе формы его отъ теперешнихъ, плоскихъ дискосовъ.

---

[1]) Всѣ три въ собраніи гр. С. Г. Строганова въ С. П. Б. Одинъ найденъ былъ еще въ 1780 году (см. Отчетъ Арх. Коммиссіи, 1878—79, стр. 156), а пара другихъ въ 1878 г. (см. Антропологическая Выставка, т. II, стр. 361 и Отчетъ Импер. Арх. Коммиссіи за 1878—79 гг., стр. 156 и 158 съ рисс. крестовъ, изображенныхъ чернью въ центрѣ ихъ). Къ сожалѣнію клейма, находящіяся на оборотной сторонѣ ихъ, не прочтены; мы думаемъ, что дискосы эти могутъ восходить до VII-го вѣка. Очевидно, что такіе плоскіе дискосы съ удобствомъ могли служить для освященія св. Даровъ, но не для раздачи ихъ, т. к. не имѣютъ достаточно высокихъ краевъ. Поэтому то, быть можетъ, въ Св. Софіи Кіевской Христосъ держитъ только одну частицу, прочія-же лежатъ на дискосѣ, стоящемъ на престолѣ.

[2]) См. рис. въ изданіи Caucase Pittoresque, dessiné par M. le prince Gr. Gagarine, pl. XLVIII, и по нему у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLVII. Опредѣленіе времени фресокъ этихъ V в., данное кн. Гагаринымъ, явно невозможно. Н. В. Покровскій (Евангеліе, стр. 281, пр. 1) слишкомъ осторожно относитъ фрески эти ко времени, «не древнѣе VIII в.»; мы замѣнили-бы эту дату вѣкомъ XI или даже XII-ымъ.

[3]) О церкви этой и времени ея построенія (можетъ быть ранѣе 1211 г. и несомнѣнно ранѣе 1229 г.) см. журн. Кавказская Старина, изданный А. Д. Ерицовымъ, т. I (и послѣдній), Тифлисъ. 1872, стр. 20—24. Рис. см. у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXI.

[4]) См. рис. у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXII. Мы неувѣрены въ правильности датировки фресокъ этихъ XV вѣкомъ: онѣ кажутся по рисунку старше: едва-ли въ XV в. вмѣсто потира употреблялся кувшинъ, который видимъ также и въ Некреси. Впрочемъ А. С. Хахановъ (Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VII. 1898 г., стр. 3) повидимому объ этой именно церкви (арх. Михаила) говоритъ, что «она была расписана въ XVI в. по повелѣнію царя Леона».

[5]) А. Петровскій, Апостольскія литургіи восточной церкви. Литургіи ап. Іакова, Ѳаддея, Марія и ев. Марка. СПБ. 1897, стр. 196, пр. 1 и приложенія, стр. 81 сл. По цитируемому имъ-же (стр. 197) свидѣтельству Badger'a, (The Nestorians and their rituals. Vol. II, p. 242) прежде священникъ давалъ частицу въ руки причастника, какъ то и изображается на миніатюрѣ Евангелія Рабулы и на указанныхъ фрескахъ.

Съ меньшею увѣренностью можно догадываться о значеніи тѣхъ трехъ круговъ, на которые разбита поверхность блюда: при видѣ ихъ естественно является предположеніе, что они обозначаютъ мѣста, на которыя должно было полагать при какомъ-либо моментѣ священнодѣйствія три части литургическаго хлѣба или же три цѣлыхъ хлѣбца, но намъ не удалось найдти положительныхъ указаній на существованіе такого именно обряда въ древнемъ несторіанскомъ или какомъ-либо иномъ богослуженіи.

Величина круговъ этихъ однако вполнѣ согласуется съ высказаннымъ предположеніемъ. Судя по рисунку Rohault de Fleury съ миніатюры евангелія Рабулы, въ VI вѣкѣ у православныхъ сирійцевъ Месопотаміи или у грековъ Сиріи [1]), во время причастія раздавались цѣлые хлѣбцы, вродѣ лепешекъ, сходство которыхъ по тонкости ихъ и круглой формѣ съ современными облатками римскихъ католиковъ съ радостью отмѣчаетъ упомянутый изслѣдователь (L'Evangile II, p. 185), относительная же величина ихъ сравнительно съ рукою Христа кажется немногимъ менѣе діаметра трехъ круговъ описываемаго блюда. Просфоры современныхъ сирійцевъ іаковитовъ «есть ничто иное, какъ круглая лепешечка, въ діаметрѣ немного болѣе вершка и тонкая, какъ обыкновенный пряникъ» [2]).

У коптовъ просфоры пекутся въ видѣ небольшихъ, «0,09 м.» или «3 дюйма» въ діаметрѣ, плоскихъ хлѣбцевъ около дюйма толщиною, такъ что три такихъ просфоры съ удобствомъ могли бы лежать на описываемомъ блюдѣ, если только такой-же формы и размѣра были онѣ и въ древности, какъ то даютъ право предполагать древнія формы, служившія, повидимому, для печатанія узоровъ и надписей на верхней поверхности просфоръ [3]). Въ современной коптской литургіи діаконъ приноситъ священнику на подносѣ три просфоры, изъ которыхъ тотъ выбираетъ одну для совершенія литургіи, во время освященія даровъ просфора дважды разламывается на три части, причащается священникъ тремя частицами ея [4]). Но въ современныхъ обрядахъ сирійскихъ церквей, изложенныхъ покойнымъ еп. Софоніей, мы не находимъ ни употребленія трехъ просфоръ равной величины, ни дѣленія ихъ на три части. У несторіанъ литургія совершается на одной просфорѣ, которая назначается для священника и діакона, число же малыхъ просфоръ, раздѣляемыхъ для причастниковъ, зависитъ отъ числа послѣднихъ; у іаковитовъ каждому причастнику дается одна двѣнадцатая часть просфоры, въ чемъ ясно сохраняется понынѣ аналогія между литургіей и Тайной Вечерью. У іаковитовъ девять частицъ раскладываются на дискосѣ «такъ, что онѣ довольно ясно изображаютъ видъ человѣка распятаго» [5]).

Но современныя литургіи и обряды ихъ совершенія даже въ церквахъ, издавна живущихъ обособленно отъ прочаго христіанскаго міра, все-же не сохраняютъ древнѣйшей практики безъ измѣненій, а потому это несоотвѣтствіе литургическихъ обрядовъ въ современныхъ сирійскихъ церквахъ съ тѣмъ, на что̀ указываетъ, по всей видимости, тройное дѣленіе древняго сирійскаго дискоса, не можетъ еще свидѣтельствовать о невозможности высказанныхъ нами предположеній для обрядовъ сирійской литургіи въ древнее время тѣмъ болѣе, что тройное число хлѣбовъ находимъ мы на нѣсколькихъ древнихъ изображеніяхъ литургическаго характера греческаго происхожденія.

---

[1]) Что евангеліе 586 г. принадлежало православнымъ сирійцамъ, — не несторіанамъ — см. стр. 22 прим. 2; миніатюры рисованы были или грекомъ или по греческимъ оригиналамъ.

[2]) Софонія, Еп. Туркестанскій. Современный бытъ и литургія христіанъ инославныхъ, Іаковитовъ и Несторіанъ. СПБ. 1876, стр. 53. Д. Н. Бережову въ миніатюрѣ хлѣбецъ этотъ кажется, однако, ломтикомъ нарѣзаннаго хлѣба, а не цѣльнымъ хлѣбцемъ.

[3]) О современныхъ коптскихъ просфорахъ см. Buttler, The ancient coptic churches of Egypt. Oxford. 1884. Vol. II, стр. и fig. 33; Rohault de Fleury, La Messe. Vol. IV, стр. 28 и pl. CCLXVIII. Два штемпеля для просфоръ (?) описаны Б. А. Тураевымъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества, т. XI. 1898, стр. 123 и 143. На послѣднемъ начальныя буквы Х Н Г есть, конечно, весьма обычная въ христіанскихъ надписяхъ, не объясненная еще удовлетворительно, формула Х М Г.

[4]) Buttler, l. c., стр. 284 и сл.; Smith, Dictionnary of christian antiquities, стр. 686 и 687; Rohault de Fleury, La Messe, IV, стр. 28. Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе .... египетскихъ христіанъ (Коптовъ) А[рхимандрита] П[орфирія] У[спенскаго]. СПБ. 1856, стр. 138, 146 и 152; ibid. 152, прим.: «у Коптовъ дискосъ имѣетъ видъ глубоковатаго блюда».

[5]) Еп. Софонія, l. c., стр. 371 сл.; 377; 55 и 120.

На двухъ рельефныхъ крышкахъ древнехристіанскихъ саркофаговъ въ Римѣ съ изображеніями пира, вѣроятно евхаристическаго[1]), предъ возлежащими изображены три круглыхъ хлѣба[2]); три круглыхъ хлѣба изображены на какомъ-то граффито Кирхеріанскаго Музея, изданномъ Rohault de Fleury (La Messe, pl. CCLXVI) безъ всякихъ объясненій объ его происхожденіи; по три круглыхъ хлѣба лежатъ поверхъ корзины (или стакана) и поверхъ чаши на двухъ граффити изъ римскихъ катакомбъ, изданныхъ еще Boldetti[3]); наконецъ въ Равеннѣ на мозаичныхъ изображеніяхъ совершенія литургіи Мельхиседекомъ въ церквахъ S. Vitale и S. Apollinare in Classe на престолѣ стоитъ чаша и лежатъ по сторонамъ ея два круглыхъ хлѣба, третій же, подобный, держитъ въ рукахъ самъ Мельхиседекъ, исполняющій здѣсь роль священника[4]); послѣднія изображенія кажутся намъ непреложнымъ свидѣтельствомъ существованія въ древности обряда совершенія литургіи на трехъ хлѣбахъ и, слѣдовательно, подкрѣпляютъ возможность высказанныхъ выше предположеній.

Будемъ надѣяться, что спеціалисты по исторіи христіанскаго богослуженія выскажутъ свое авторитетное сужденіе по этому, чуждому для насъ, вопросу и укажутъ, быть можетъ, иныя болѣе близкія и подходящія аналогіи, чѣмъ тѣ предположенія, которыми могли ограничиться мы при этой попыткѣ найдти реальное основаніе для оригинальнаго раздѣленія круглой поверхности сирійскаго блюда, или дискоса, на три меньшихъ круга.

Въ видѣ приложенія къ настоящему изслѣдованію считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько указаній на иные памятники христіанства въ Месопотаміи, сколь ни малы и незначительны они по величинѣ и значенію въ сравненіи съ изданнымъ теперь сирійскимъ блюдомъ и многочисленными памятниками эпиграфическими и литературными, разборъ которыхъ доступенъ немногимъ спеціалистамъ.

Мы имѣемъ въ виду рѣзные камни, служившіе печатями. На сасанидскія печати съ христіанскими сюжетами впервые обратилъ вниманіе M. Chabouillet въ своемъ каталогѣ древностей Національной (тогда Императорской) Библіотеки въ Парижѣ: онъ относилъ ихъ ко временамъ ранѣе гоненія на христіанъ Сапора II въ 340 г., но такое заключеніе, разумѣется, принято быть не можетъ, такъ какъ гоненіе это не искоренило совершенно христіанства въ Персіи; кромѣ того намъ кажется, что изъ трехъ описанныхъ имъ рѣзныхъ камней съ пехлевійскими надписями, едва-ли хоть одинъ имѣетъ несомнѣнно христіанское изображеніе[5]), такъ какъ сидящая женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ (№ 1331, рис. у Garrucci, tav. 479, fig. 18) можетъ быть на нашъ взглядъ и не Богородицей, и считать двухъ женщинъ, держащихся за руки, за лобзающихся Б. М. и Елизавету (№ 1332, рис. у Garrucci. tav. 479, fig. 19), мы также не видимъ достаточныхъ основаній, а находящійся между ними полумѣсяцъ со звѣздою указываетъ скорѣе на персидскія, чѣмъ на христіанскія вѣрованія владѣльца этой печати; находящіяся на обоихъ камняхъ пехлевійскія надписи, необъясненныя Chabouillet, рѣшатъ, быть можетъ, вопросъ о предполагаемой принадлежности этихъ печатей персамъ — христіанамъ.

---

[1]) Въ знаменитыхъ, къ сожалѣнію погибшихъ, фрескахъ подземной церковки въ Александріи (см. Bulletino di Archeologia cristiana за 1865 годъ; Garrucci, tav. 105. B. fig. 5) при подобномъ изображеніи пирующихъ находилась надпись: τὰς εὐλογίας τοῦ Χριστοῦ ἐσθίοντες.

[2]) Фрагментъ Кирхеріанскаго Музея: Garrucci, tav. 401, fig. 13; Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLVI; другой — въ криптѣ Св. Петра: Bulletino di archeologia cristiana. 1882, tav. IX.

[3]) См. Garrucci, tav. 487, fig. 5 и 6; Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXXVI.

[4]) Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей. СПБ. 1897, рисс. 36 и 52; Garrucci, tav. 262, fig. 1 и tav. 266, fig. 5; рисунки хлѣбовъ у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXVII.

[5]) Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la Bibliothèque Imperiale suivi de la déscription des autres monuments, exposés dans le Cabinet des Médailles et Antiques, publié ... par M. Chabouillet, Paris. 1858, стр. 191, №№ 1330—1334; №№ 1333 и 1334 могутъ быть и не персидскаго происхожденія.

На третьемъ камнѣ, не имѣющемъ надписи (№ 1330, рис. у Garrucci, tav. 479. fig. 9), Chabouillet видѣлъ столь излюбленное древнехристіанскимъ искусствомъ изображеніе жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака: на рисункѣ этого рѣзнаго камня дѣйствительно видна какъ бы фигура ребенка, лежащая на жертвенникѣ, но грубость работы не позволяетъ придавать этой довольно таки безформенной фигурѣ рѣшающее значеніе, особенно же въ виду ближайшаго сходства въ прочемъ всей этой композиціи съ обычными изображеніями жертвоприношеній на иныхъ сасанидскихъ печатяхъ [1]).

Чаще всего встрѣчаемъ мы на сасанидскихъ рѣзныхъ камняхъ изображенія креста, этой печати и символа христіанства, почитаніе котораго проникло изъ Палестины и Сиріи въ Персію вмѣстѣ съ христіанствомъ и было столь сильно тамъ, что когда самый Животворящій Крестъ Господень попалъ въ руки персидскихъ царей, то они хранили его въ своей сокровищницѣ, очевидно, почитая его могущественнымъ талисманомъ и не рѣшаясь уничтожить этой святыни враждебной имъ религіи, хотя и разрушены были ими въ Іерусалимѣ великолѣпныя постройки Константина Вел. около Гроба Господня.

Пользуемся случаемъ издать здѣсь (см. рис. 1; увеличенъ въ три раза) изображеніе на одной печати Парижской Національной Библіотеки (№ 1331-а), вырѣзанное на сардониксѣ съ двумя разноцвѣтными слоями (т. н. Niccolo), и изображающее христіанское семейство въ молитвѣ передъ крестомъ. Пехлевійская надпись по краю печати содержитъ, по словамъ акад. К. Г. Залемана, обычную на сасанидскихъ печатяхъ формулу благожеланія и имя и отчество владѣльца печати. На печати вырѣзаны погрудныя изображенія владѣльца ея и, очевидно, его жены; оба подняли вверхъ въ молитвенномъ жестѣ, руки съ распростертою ладонью. Въ руку мужчинѣ данъ небольшой крестъ съ расширяющимися концами; молитва обращена, очевидно, къ кресту, помѣщенному вверху въ срединѣ композиціи: концы креста этого расширены поперечными полосками, а на вертикальной перекладинѣ видно, что она и сама расширяется къ концамъ: очевидно это такая-же отдаленная передача декоративнаго креста, стоявшаго на Голгоѳѣ (см. выше стр. 14, прим. 3), какъ и кресты, изображенные на изданномъ здѣсь блюдѣ. Весьма характерно украшеніе этого креста двумя боковыми, расширяющимися къ концамъ изогнутыми придатками, въ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія надо видѣть ничто иное, какъ широкія ленты, которыми на всевозможныхъ памятникахъ сасанидскаго искусства украшаются не только царскія короны и другія части царскаго костюма или убранства, но и разнаго рода животныя и птицы. Эти ленты объясняютъ, какъ священныя повязки маздеизма, называвшіяся Kosti [2]); если это вѣрно, то въ высшей степени интересно, что персидскіе христіане, желая выразить святость и могущество креста, придавали ему эту характерную принадлежность персидскихъ царей и маздеизма. Другой крестъ такой-же формы, но безъ этихъ лентъ, занимаетъ средину нижней части композиціи и помѣщенъ тутъ, вѣроятно, лишь для заполненія мѣста. При видѣ этихъ лентъ, украшающихъ крестъ, является вопросъ, не такое ли значеніе имѣютъ и развѣвающіеся концы по сторонамъ распятаго Христа на сирійскомъ блюдѣ, которые однако можно считать и концами той перевязи, которою привязанъ Онъ ко кресту. Но ни на иныхъ изображеніяхъ Распятія, ни у разбойниковъ на томъ-же блюдѣ ихъ не обозначено. Эти-же ленты на одной печати въ Берлинѣ (Horn und Steindorff, l. c. taf. VI, 1603, ср. тамъ-же стр. 20) помѣщены ниже равноконечнаго креста, не соприкасаясь съ нимъ. На одномъ сасанидскомъ рѣзномъ камнѣ, хранящемся въ Персидской Залѣ Лувра, мы видимъ крестъ подобной-же формы и также съ лентами, надъ боковыми концами котораго помѣщено два кружка, — можетъ быть, означающіе солнце и луну, столь частые въ греческихъ изображеніяхъ Распятія, — и все это помѣщено подъ аркою, опирающейся на двѣ колонны. Хотя и на рѣзныхъ камняхъ, какъ и на иныхъ памятникахъ сасанидскаго искусства, помѣщеніе различныхъ фигуръ въ аркады столь-же обычно, какъ и въ искусствѣ поздне-античномъ,

---

[1]) Напр. на трехъ печатяхъ Берлинскаго Музея; см. рис. въ книгѣ Sasanidische Siegelsteine, herausgegeben von P. Horn und S. Steindorff. Berlin. 1891. taf. I, №№ 1078, 1079, 1080.

[2]) См. Adr. Longpérier, Oeuvres complets. Vol. I, p. 81—82. Odobesco, Gazette Archéologique. 1886 г., стр. 12. Babelon, Le Cabinet des Antiques, стр. 171.

но здѣсь, видя подъ аркадою крестъ, мы вправѣ считать эту арку передачею той сѣни, подъ которою стоялъ декоративный крестъ на Голгоѳѣ[1]). Такой-же формы крестъ, но безъ арки и безъ лентъ, изображенъ на рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея (A. R. C. № 521, рис. см. въ Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. VIII. 1853. pl. III, fig. 77): около концевъ креста прибавлено тамъ по кружку съ парою точекъ около нихъ, а вокругъ креста помѣщена надпись, повидимому, сирійская.

Подобная-же надпись сопровождаетъ изображеніе креста, концы котораго расширяются въ видѣ тройныхъ листиковъ, на рѣзномъ камнѣ въ Луврѣ (Персидская Зала) и пехлевійская при подобномъ-же крестѣ въ Берлинѣ (V.A. 1587, см. рис. Horn und Steindorff, o. c. taf. VI). На печати Британскаго Музея[2]) мы видимъ широкій крестъ, не расширяющійся къ концамъ, который стоитъ на горкѣ, переданной полукруглою полосою съ вертикальною внутри ея, такъ что горка эта имѣетъ видъ лежащей буквы Є (ᗰ), а отъ креста этого расходятся во всѣ стороны лучи. Послѣдняя подробность позволяетъ видѣть тутъ, какъ и на многихъ иныхъ христіанскихъ памятникахъ, изображеніе лучезарнаго креста, явившагося въ Іерусалимѣ въ 346 году на небѣ и протянувшагося отъ Голгоѳы до Масличной горы[3]). Наконецъ на одномъ рѣзномъ камнѣ Британскаго-же Музея (A.R.C. № 111: «Pehlevi crosses») мы имѣемъ повидимому условное изображеніе Голгоѳы съ тремя крестами: кресты эти равно-конечные, но средній помѣщенъ на особаго рода высокой подставкѣ, что напоминаетъ композицію Распятія на сирійскомъ блюдѣ, гдѣ Христосъ гораздо больше разбойниковъ и подножіе Его образовано двумя перекладинами, тогда какъ у нихъ — одною лишь. Схема этихъ трехъ крестовъ на лондонскомъ рѣзномъ камнѣ можетъ быть передана такъ:

Рис. 12. Увеличенный втрое оттискъ рѣзного камня Британскаго Музея.

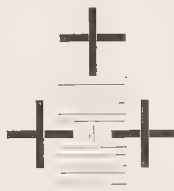

Рис. 13. Увеличенный вдвое оттискъ рѣзного камня Императорскаго Эрмитажа.

Небольшіе крестики при изображеніи различныхъ животныхъ на рѣзныхъ камняхъ указываютъ, очевидно, на христіанство владѣльцевъ этихъ печатей, изображенія же животныхъ и были собственно печатями ихъ: въ Британскомъ Музеѣ (A.R.C. № 183) при крестикѣ изображенъ горный баранъ, въ Берлинскомъ Музеѣ — на одной сасанидской печати — идущій левъ, равно какъ и на другой съ арабскою надписью[4]).

---

[1]) Ср. рельефное изображеніе креста подъ аркою съ пехлевійской надписью на каменной плитѣ, найденной въ 1547 г. на горѣ Ап. Ѳомы близь Мадраса; см. рисунокъ и литературныя указанія въ The Book of Ser Marco Polo.... by Col. H. Yule. 2-d. ed. 1875. Vol. II, p. 339, 345 и XXI.

[2]) A.R.E. № 903. Cross and Rays. Cornet set in silver ring. Перстень, кажется, новый. Выставлено вверхъ ногами.

[3]) Айналовъ, Мозаики IV и V вѣка, стр. 14; Tobler, Golgatha, стр. 62 и сл.

[4]) Въ залѣ Переднеазіатскихъ Древностей. Abtheilung V. №№ V. A. 1168: идущій левъ съ равноконечнымъ крестомъ надъ нимъ (см. рис. Horn und Steindorff. o. c. taf. Ii. № 1168) и V.A. 1153: идущій левъ надъ нимъ равноконечная крестъ и арабская надпись (см. рис. тамъ же № 1153. арабская надпись, — см. тамъ же стр. 8 — гласитъ, по переводу бар. В. Г. Тизенгаузена: Эль Аваръ ибнъ-Касимъ). Тамъ-же № V. A. 1602 выставленъ и камень, гдѣ между двумя такими-же крестиками (сверху и снизу) находится надпись, скорѣе, судя по виду ея, пехлевійская, чѣмъ «монгольская», каковою называетъ ее этикетка.

Весьма обычную въ древнехристіанскомъ искусствѣ сцену Даніила во рву львиномъ, которую мы видѣли уже на изданномъ здѣсь блюдѣ, видимъ мы на одномъ рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея [1]) (см. рис. 12), гдѣ изображена человѣческая фигура въ длинной одеждѣ, — чѣмъ и представляетъ она любопытную аналогію изображенію Даніила на изданномъ здѣсь сирійскомъ блюдѣ, — съ воздѣтыми вверхъ въ позѣ оранта руками, лице обернуто въ профиль, какъ то обыкновенно дѣлается для ясности рисунка на рѣзныхъ камняхъ и монетахъ, по сторонамъ два лежащихъ льва, помѣщенныхъ вертикально, головами внизъ, очевидно, вслѣдствіе помѣщенія всего изображенія въ круглое поле: такъ-же очень часто изображаются верблюды на глиняныхъ, круглыхъ ампулахъ съ изображеніемъ Св. Мины [2]). Ту-же самую сцену можно, кажется, видѣть на красномъ четыреугольномъ камнѣ Императорскаго Эрмитажа (Витр. VI. 4. № 21; см. рис. 13): по срединѣ стоитъ нагая — каковымъ изображался обыкновенно Даніилъ на древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ — фигура съ воздѣтыми вверхъ въ молитвенной позѣ руками и двумя львами по сторонамъ, изображенными въ тѣхъ-же позахъ, какъ и на лондонскомъ камнѣ; однако изображеніе столь грубо и неясно, что не видя распростертыхъ ладоней можно считать человѣка этого держащимъ обѣими руками львовъ за хвосты, поднявъ ихъ вверхъ и, слѣдовательно, объяснять всю сцену, какъ изображеніе какого-либо изъ многочисленныхъ восточныхъ сказаній о борьбѣ богатырей съ дикими звѣрями. Но мы предпочитаемъ видѣть тутъ Даніила. Съ меньшею увѣренностью можно считать изображеніемъ Даніила на рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея (A.R.E. № 833, см. рис. 14) юнаго человѣка, который спокойно стоитъ съ крестообразно распростертыми руками между двумя прыгающими на него львами, такъ какъ эта композиція, вполнѣ подходящая для христіанскаго изображенія Даніила, осложняется серпомъ мѣсяца и звѣздою надъ нею и парою лежащихъ козловъ ниже ея. Изображеніе на одной арабской каменной печати Императорскаго Эрмитажа (Витрина. безъ №, см. рис. 15), сопровождаемое надписью, которая, по мнѣнію бар. В. Г. Тизенгаузена, содержитъ, повидимому, имя и отчество и то и другое необыкновенныя и поэтому не могли быть увѣренно прочтены имъ), несмотря на всю грубость работы ясно передаетъ желаніе мастера изобразить богатыря, удушающаго сразу друхъ львовъ. Если такъ-же понимать и значеніе композиціи лондонской печати (см. рис. 14), то положеніе рукъ, изображеннаго на ней человѣка, надо будетъ объяснять не крестообразною позою Даніила во рву львиномъ, а движеніемъ богатыря, схватившаго за чубы обоихъ набросившихся на него львовъ, но недостаточная ясность въ передачѣ рукъ его не позволяетъ увѣренно принять ни то, ни другое объясненіе; намъ болѣе вѣроятнымъ кажется второе.

Рис. 14. Увеличенный втрое оттискъ рѣзного камня Британскаго Музея.

Рис. 15. Увеличенный вдвое оттискъ рѣзного камня Императорскаго Эрмитажа.

Эта композиція, могущая быть объясняема двояко, представляетъ близкое сходство съ изображеніями на двухъ замѣчательныхъ шелковыхъ тканяхъ, которыхъ мы въ виду ихъ несомнѣнно восточнаго, быть можетъ также месопотамскаго, происхожденія и позволяемъ себѣ здѣсь коснуться.

---

[1]) Assyrian Room. Витрина E. № A. R. C. 249. «Female and two lions».

[2]) Такъ-же изображены львы при Даніилѣ на рѣзномъ камнѣ греческой работы: Garrucci, tav. 478, fig. 25, на прекрасномъ византійскомъ cameo Императорскаго Эрмитажа изъ собранія принца Орлеанскаго, на меровингской поясной пряжкѣ (см. рис. въ словаряхъ Martigny и Kraus'a подъ сл. Daniel) и т. д.

Небольшой кусокъ одной ткани (см. рис. 16) найденъ былъ въ 1845 г. аббатомъ А. Мартеномъ въ ризницѣ женскаго монастыря св. Вальбурги въ баварскомъ городкѣ Eichstaedt'ѣ[1]), большій кусокъ — состоящій изъ четырехъ круговъ съ одинаковыми изображеніями — другой ткани (см. рис. 17) хранится подъ именемъ савана св. Виктора въ соборной ризницѣ во французскомъ городѣ Sens (департаментъ Yonne)[2]).

Рис. 16. Изображеніе Даніила на шелковой ткани въ монастырѣ Св. Вальбурги въ Эйхштедтѣ (Баварія).

Несмотря на близкое сходство обѣихъ тканей, какъ по сюжету изображеній, такъ и по общему характеру рисунка, Ch. de Linas, относя первую изъ нихъ къ X или XI в.[3]), вторую находилъ однако возможнымъ приписывать VI вѣку.

Однако такая датировка едва-ли можетъ быть принята, гораздо болѣе вѣроятнымъ кажется намъ отнесеніе ткани этой, — равно какъ и ткани Эйхштедтской, — къ болѣе позднему времени: Мартенъ относилъ Эйхштедтскую ткань приблизительно вѣку къ X-му, въ чемъ соглашается съ нимъ и Ch. de Linas и другіе; «саванъ св. Виктора» Gay опредѣлялъ IX или X в.; Schlumberger относитъ его «приблизительно къ X-му вѣку», a Gaussen — вопросительно къ XII-му. Едва-ли возможно безъ спеціальнаго изученія оригиналовъ опредѣлить ткани эти хронологически.

Какъ общій характеръ работы, такъ и выборъ цвѣтовъ, и особенно типъ лица на ткани Sens'а представляетъ близкое сходство съ человѣческими изображеніями на многихъ древнихъ тканяхъ.

---

[1]) Mélanges d'archéologie ... par Ch. Cahier et Arthur Martin, vol. II. Paris. 1851. pp. 249—250; pl. XVIII, въ краскахъ: фонъ фіолетовый, изображенія вытканы желтыми, зелеными и серебряными нитками. Кусокъ этотъ приписывался повидимому къ числу реликвій св. Виллибальда, извѣстнаго паломника въ Св. Землю, епископа Эйхштедскаго и брата св. Вальбурги, умершаго въ 786 г. Fischbach (Die Geschichte der Textilkunst. Hanau. 1883, стр. 54) сообщаетъ, что ткань эта служила нѣкогда внутреннею оклейкой переплета.

[2]) A. Gaussen. Portefeuille archéologique de Champagne. Bar-sur-Aube. 1861: Tissus et broderies, pl. 4 въ краскахъ: фонъ коричневатый, рисунокъ изъ желтоватыхъ, черныхъ и бѣлыхъ нитей; цинкографія по этой таблицѣ у Schlumberger. L'épopée byzantine. Paris. 1896, на стр. 405; гравюры — въ Gazette des Beaux Arts. XXI année. 1880, t. XXI, стр. 247, и у V. Gay. Glossaire archéologique. Vol. I, стр. 570 = нашъ рис 17. О ткани этой Ch. de Linas: во II-мъ т. Revue des Societés Savantes (намъ недоступномъ) и въ VII т. Archives des Missions Scientifiques. 1858, стр. 17 сл.; его заключенія о времени ткани принимаютъ и A. de Montaiglon (Gazette des Beaux Arts. l. l.) и E. Chartraire въ его Inventaire du trèsor de l'église primitiale et métropolitaine de Sens. Paris. 1897.

[3]) Anciens vêtements sacerdotaux ... conservés en France. Paris. 1860, стр. 16.

Самъ Линасъ отмѣтилъ близкое сходство между этою тканью и византійской тканью съ изображеніемъ цирковаго желтолицаго возницы, въ которомъ онъ слишкомъ поспѣшно увидалъ Порфирія Ливійца, извѣстнаго константинопольскаго возницу V и VI вѣка[1]); подобное-же лице видимъ и у возницы на другой византійской ткани, принадлежавшей нѣкогда собранію Liénard'а въ Verdun'ѣ[2]); A. de Montaiglon отмѣтилъ сходство «савана Св. Виктора» съ тканью, изображающею двухъ всадниковъ въ византійскомъ костюмѣ по сторонамъ дерева[3]).

Къ этимъ тканямъ весьма близки и двѣ великолѣпныхъ ткани Берлинскаго Музея Художественной Промышленности съ изображеніями сасанидскихъ царей, скачущихъ на охотѣ верхомъ на фантастическихъ животныхъ. Обѣ эти ткани до сихъ поръ неизданы, описанія же и опредѣленія ихъ Линасомъ (Orfévrerie, II, p. 490 сл.) и Карабачкомъ (Die Persische Nadelmalerei Susandschird, стр. 78, прим. 36) слишкомъ кратки и едва-ли могутъ считаться окончательными. Оба изслѣдователя считаютъ ткани эти сасанидскими, а Карабачекъ даже приписываетъ ихъ времени Іездегерда III, между тѣмъ какъ детали одеждъ всадниковъ византійскія: на хитонахъ видны вертикальныя вшивныя полосы (στίχοι), какихъ на персидскихъ изображеніяхъ Сасанидовъ мы не встрѣчаемъ; головные уборы дѣйствительно подражаютъ сасанидскимъ, но точно такихъ мы ни на персидскихъ монетахъ, ни на серебряныхъ блюдахъ не находимъ, наконецъ самая фантастичность композицій исключаетъ на нашъ взглядъ возможность видѣть тутъ реальныя изображенія царей: если мастеръ и хотѣлъ изобразить Сасанидовъ, то Сасанидовъ преданій, а не современности.

Рис. 17. Изображеніе Даніила на шелковой ткани въ соборѣ города Sens (Франція).

Поэтому мы не видимъ нужды, и даже возможности, считать ткани эти персидскимъ (по Карабачку даже непремѣнно Ктесифонтскимъ) произведеніемъ времени Сасанидовъ: онѣ могли быть изготовлены и въ предѣлахъ византійской имперіи и во времена послѣ паденія династіи Сасанидовъ, но могли быть также и произведеніемъ месопотамскихъ мастеровъ временъ арабскаго владычества[4]). Вообще до тщательнаго сравнительнаго изученія всѣхъ этихъ древнихъ шелковыхъ тканей какимъ-либо спеціалистомъ едва-ли можно дерзать точно опредѣлять время и мѣсто происхожденія, — но несомнѣнно восточное, — интересующихъ насъ тканей. Приблизительно-же

---

[1]) Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, т. II, см. стр. 237 и 488. Изданія ткани этой намъ неизвѣстно. Цвѣтъ лица возницы на ткани едва-ли можетъ имѣть какое-либо значеніе: во Флоренціи въ Museo Nazionale есть обрывокъ шелковой ткани, гдѣ у юнаго всадника въ византійскомъ костюмѣ, стоящаго около дерева (ср. ниже прим. 3), лице, повернутое en face, выткано синими нитями: конечно не потому, что имѣли въ виду изобразить негра.

[2]) Издана въ краскахъ Линасомъ въ Notice sur cinq anciennes étoffes, pl. V et VI: Mémoires lus à Sorbonne: 1866, гдѣ возницу онъ считалъ императрицею и сравнивалъ съ монетными изображеніями Евдоксіи, жены Романа II (944 г.); позднѣе (Orfévrerie cloisonnée. II, стр. 237 и 490) онъ исправилъ свою ошибку, продолжая относить ткань къ концу IX вѣка.

[3]) Принадлежала церкви въ Moissac (или Mauzat): см. Bulletin de la Soc. des Antiquaires de France. 1880, стр. 51; нынѣ находится въ коллекціи P. Blanchet и издана въ книгѣ его: Notice sur quelques tissus antiques et du haut moyen âge jusqu'au XV siècle. Paris. 1897. in f⁰, — намъ недоступной, — см. рис. въ Revue de l'art Chrétien. 1898. Tome IX, p. 156. Флорентійскій обрывокъ происходитъ, повидимому, отъ подобной-же ткани.

[4]) Ch. de Linas сасанидскою-же считалъ и ткань съ изображеніемъ двухъ охотниковъ въ высокихъ тіарахъ, хранящуюся въ ц. Св. Амвросія въ Миланѣ (Orfévrerie, II, p. 234 и таблица), но теперь, по поводу недавней находки подобной-же ткани въ гробницѣ Св. Куниберта въ Кельнѣ, Schnütgen (Zeitschrift für christliche Kunst. XI. 1898, s. 228 сл. съ таблицей) болѣе осторожно допускаетъ изготовленіе тканей этихъ и въ арабское уже время. Оригинальные ступенчатые орнаменты на ковѣ одного изъ берлинскихъ Сасанидовъ близкую аналогію себѣ имѣютъ на изображеніи единорога въ греческомъ лицевомъ Физіологѣ XI—XII в. въ Смирнѣ (см. Арх. Изв. и Зам. 1898, стр. 34).

ихъ можно, кажется, относить къ VIII—X вѣку, а потому онѣ дѣйствительно могутъ служить иллюстраціей къ извѣстію Libri Pontificalis, указанному еще Мартеномъ, о шелковыхъ тканяхъ «cum historia Danielis», пожертвованныхъ папою Григоріемъ IV (827—843). Впрочемъ не всѣ, писавшіе о разсматриваемыхъ тканяхъ, согласны относительно такого значенія изображеній на нихъ.

Противъ такого объясненія возставалъ Линасъ[1]): по его мнѣнію на ткани Sens'а изображенъ варваръ, брошенный въ циркѣ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ: «онъ оттолкиваетъ ихъ энергическимъ жестомъ, схвативъ за гриву; боль, которую причиняютъ ему впившіеся ему въ тѣло ногти, написана у него на лицѣ».... «два хищныхъ звѣря.... схватили его за ноги»,.... на эйхштедской-же ткани Линасъ видѣлъ «мученика на аренѣ амфитеатра, какъ указываютъ на то нимбъ и львы, которые едва-едва царапаютъ его крестообразно распростертыя руки». Противъ отождествленія обѣихъ фигуръ съ Даніиломъ Линасъ приводилъ то, что онъ никогда не видалъ на древне-христіанскихъ памятникахъ изображеній Даніила въ нимбѣ и съ серьгами, какъ на эйхштедской ткани, или въ костюмѣ варвара, какъ на саванѣ св. Виктора.

Но возраженія эти не выдерживаютъ критики: присутствіе или отсутствіе нимба особого значенія не имѣетъ; варварская одежда усвояется Даніилу, какъ обитателю Месопотаміи, очень часто, причемъ онъ, какъ и волхвы и три отрока въ пещи, одѣвается въ персидскій костюмъ. Равнымъ образомъ и серьги носимы были въ сасанидской Персіи и мужчинами[2]), а потому онѣ могли быть приданы и Даніилу, особенно-же, если ткань эта происходитъ изъ самой Месопотаміи.

Сверхъ того намъ кажется, что на обѣихъ тканяхъ человѣкъ вовсе не борется съ поднявшимися на него львами: относительно эйхштедской ткани это замѣтилъ и самъ Линасъ, но и на рисункѣ ткани Sens'а также ясно видны всѣ пальцы обѣихъ рукъ, чего, конечно, не было-бы если-бы мастеръ желалъ изобразить борца, наконецъ и самая спокойная поза человѣка вовсе не соотвѣтствуетъ предположенію Линаса о борьбѣ со львами. Различія въ положеніи рукъ, вытянутыхъ горизонтально на ткани Эйхштедта и согнутыхъ въ локтяхъ на ткани Sens'а, не достаточно, чтобы придавать позѣ разное значеніе: и то и другое положеніе ихъ одинаково пригодны для позы «оранта» и одинаково подходятъ къ выраженію Св. Григорія Богослова о Даніилѣ, «побѣдившемъ звѣрей распростертыми руками» (χειρῶν ἐκτάσει τοὺς θῆρας νικήσαντα: Похв. сл. Св. Кипріану. I, гл. X. Migne. P. Gr. т. 35, ст. 1181).

Судя по таблицѣ Мартена, гдѣ въ нижней части другого овала показана горизонтальная полоса, на ткани Эйхштедта не было второй пары львовъ, которая представлена на ткани Sens'а въ такомъ странномъ раккурсѣ. Во всякомъ случаѣ и на той и на другой ткани звѣри вовсе не нападаютъ со своей свирѣпостью на спокойно стоящаго между ними человѣка: они слегка лишь касаются его своими когтями: львы, стоящіе на дыбахъ, положили лишь свои лапы на руки человѣка, а львы, лежащіе у ногъ, скорѣе гладятъ, чѣмъ терзаютъ ихъ.

Въ этомъ отношеніи близкую и интересную аналогію разсматриваемымъ композиціямъ представляетъ изображеніе Даніила на одномъ замѣчательномъ рельефѣ изъ Абхазіи, хранящемся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и относимомъ къ VII—VIII вѣку[3]). Даніилъ изображенъ тамъ также въ позѣ оранта, но руки его воздѣты горѣ, около него также четыре льва: два изъ нихъ

---

[1]) Archives des Missions, l. c., стр. 17 и 18.

[2]) См. царей на указанныхъ выше сасанидскихъ блюдахъ; ср. разсказъ Прокопія (de Bello Pers. I. 4; см. переводъ и комментаріи Дестуниса въ Запискахъ Ист. Филол. Фак. СПБ. Унив., т. I, стр. 39 и 41) о жемчужной серьгѣ въ правомъ ухѣ Фируза; ср. Моисея Хоренскаго II. 47 (пер. Эмина) о пожалованіи одному вельможѣ царемъ Арменіи права носить пару золотыхъ серегъ и одинъ красный сапогъ, очевидно, въ знакъ вассальной зависимости. [Не таково-ли происхожденіе и нашего обычая ношенія мужчинами одной лишь серьги?]. См. также интересный разсказъ одного сирійскаго житія V вѣка, гдѣ мальчику Еврею, ставшему христіаниномъ, товарищи вдѣваютъ серьгу въ одно ухо: месопотамскіе христіане, слѣдовательно, не отказывались отъ мѣстнаго обычая ношенія серегъ мужчинами въ пользу еврейскаго и греческаго взгляда на унизительность его для достоинства мужчины: см. Analecta Bollandiana т. V. 1886, стр. 14.

[3]) См. изданія его гр. П. С. Уваровой. Матеріалы по Археологіи Кавказа. Вып. IV, табл. VII и Д. В. Айналовымъ въ Археологическихъ Извѣстіяхъ за 1895 г., табл. III, стр. 233 слл.

припали къ ногамъ пророка, и, можетъ быть, лизали ихъ [1]), другая-же пара звѣрей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, охватываютъ лапами съ довольно дружелюбнымъ видомъ концы плаща, спадающіе съ обѣихъ плечъ юнаго пророка, одѣтаго въ одежду, которая широкимъ поясомъ, оторочкою ворота и вертикальными полосами на груди напоминаетъ одежды человѣка на разсматриваемыхъ тканяхъ, но одежда на рельефѣ была, кажется, гораздо длиннѣе. Должно упомянуть еще о существованіи въ восточно-христіанскомъ искусствѣ типа изображеній Даніила, гдѣ на «оранта» прыгаютъ съ обѣихъ сторонъ львы, какъ на рѣзномъ камнѣ, изданномъ на рис. 14 [2]). Такимъ образомъ намъ думается, что если композиціи обѣихъ восточныхъ тканей, столь сходныя между собой, и представляютъ нѣкоторыя отличія отъ обычныхъ изображеній Даніила во рву львиномъ на древне-христіанскихъ памятникахъ запада, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ выводить невозможность, чтобы на тканяхъ этихъ представленъ былъ Даніилъ; напротивъ того, композиціи эти сами по себѣ вполнѣ допускаютъ такое именно толкованіе ихъ, а указанныя аналогіи восточныхъ памятниковъ кажутся намъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы переиздать здѣсь обѣ эти композиціи, какъ интересныя аналогіи, можетъ быть, даже месопотамскаго-же происхожденія, хотя, вѣроятно, и болѣе позднія, чѣмъ изображенія Даніила на изданномъ сирійскомъ блюдѣ и на лондонскомъ и эрмитажномъ рѣзныхъ камняхъ (рис. 12 и 13).

Считая композиціи тканей этихъ за изображенія Даніила, мы должны однако привести еще мнѣніе A. de Montaiglon'а [3]), который видѣлъ въ сценѣ этой сасанидское изображеніе царя, побарающаго львовъ, сюжетъ, который восходитъ до древне-ассирійскаго искусства. Дѣйствительно такого рода изображеній въ древне-восточномъ, а оттуда и въ древне-греческомъ искусствѣ можно указать множество, на многихъ даже побораемые звѣри или чудовища изображаются также парами, можно наконецъ указать разсказъ подобнаго-же содержанія изъ сасанидскихъ временъ: извѣстный разсказъ о томъ, какъ Бахрамъ Гуръ добылъ себѣ корону отъ двухъ дикихъ львовъ [4]), но подробности его не сходятся съ изображеніями тканей; равнымъ образомъ отсутствіе какихъ-либо головныхъ уборовъ не позволяетъ видѣть въ изображенныхъ на тканяхъ фигурахъ — царей; наконецъ, какъ мы уже говорили, позы ихъ вовсе не походятъ на позы борцевъ, а потому относительно тканей этихъ объясненія, предложенныя Линасомъ и Монтеглономъ, кажутся намъ не состоятельными.

Другое дѣло вопросъ о томъ, насколько въ этихъ композиціяхъ, которыя мы считаемъ за изображенія Даніила, и въ другихъ несомнѣнныхъ его изображеніяхъ могли отразиться болѣе древніе типы миѳическихъ и реальныхъ схватокъ героевъ съ дикими звѣрями: на ахеменидскихъ рельефахъ царь, схватившій льва лѣвою рукой за челку и пронзающій ему брюхо мечемъ, изображается почти столь-же спокойнымъ, какъ и Даніилъ во рву львиномъ; весьма обычная въ декоративномъ искусствѣ,

---

[1]) Эти части рельефа сломаны. Интересно, что эта обыкновенная на восточныхъ памятникахъ (см. выше рис. 12 и 13 и прим. 1-ое на стр. 39) поза преклоняющихся львовъ на одномъ западномъ варварскомъ рельефѣ истолкована была такъ, что львы лакаютъ воду изъ озера, явившагося тутъ вслѣдствіе безграмотности и невѣжества, см. Monumentos Architectonicos de Espana. Estilo latino-bizantino. Церковь San Pedro (Nave. Prov. di Zamora), рельефъ сопровождается надписью: ubi Daniel missus est in lacum (sic!) leonum; изображеніе воды въ видѣ спиральныхъ волнъ не оставляетъ сомнѣнія въ пониманіи слова этого мастеромъ. Греческое слово λάκκος ошибочно переведено черезъ lacus и въ Breviarium Romanum — см. Schultze, Archäologie s. 184—185.

[2]) Мы имѣемъ въ виду рельефъ на капители пилястры алтарной арки въ развалинахъ церкви, вѣка VI-аго, у дер. Чардакъ, близъ Нефшаира (въ древн. Каппадокіи), зарисованный нами въ 1895 году: значеніе рельефа несомнѣнно по присутствію Аввакума, несомаго за волоса ангеломъ. Ср. изображенія на капителяхъ романскихъ церквей, напр. Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques. 1892, стр. 374, рис. 7; (ср. тамъ-же стр. 369, рис. 1).

[3]) Gazette des Beaux Arts. XXI année. 1880. II, стр. 246 сл.: Le rôle des deux grands lions dressés contre le personnage qui les arrête du bras, celui de deux autres qui, des griffes de leurs pattes de devant, attaquent ses pieds de leur colère impuissante, auraient dû donner une autre idée. C'est n'est ni le prophète juif, ni le soldat romain, c'est un souvenir sassanide du roi dont la force anéantit la force et la rage des lions. C'est le thème bien connu des grands colosses de Khorsabad, qui se trouve si fréquemment sur les cylindres gravés, et qui devait se trouver tout aussi souvent sur les étoffes.

[4]) См. Geschichte der Perser etc. Tabari, übers. von T. Nöldeke, стр. 97; Le livre des rois par .... Firdausi. trad. par J. Mohl, in 8°, т. V, стр. 438 слл.

особенно на тканяхъ, строгая симметрія композицій легко могла создать фигуру, стоящую en face и держащую обѣими руками львовъ за челку или за горло: такая композиція дѣйствительно была-бы очень близка къ обѣимъ указаннымъ тканямъ, но надо думать, что въ такой композиціи руки были бы изображены иначе. За то эта возможность и вѣроятность существованія въ сасанидскомъ и вообще восточномъ искусствѣ композицій, сходныхъ въ общемъ съ христіанскими изображеніями Даніила, но имѣвшихъ совсѣмъ иное значеніе, не позволяютъ намъ рѣшительно судить о значеніи изданной выше лондонской печати (рис. 14): на ней невозможно разсмотрѣть достаточно ясно положеніе рукъ, чтобы рѣшить, богатырь-ли это душитъ набросившихся на него дикихъ звѣрей, или-же пророкъ воздѣваетъ длани къ небу, моля Бога, чтобы Онъ «затворилъ уста львовъ». (Дан. VI, 18 и 22).

Натур. велич.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2

Поправки и дополненія.

Стр. 7 строка 4 снизу вмѣсто **времени** читай **времена.**
Стр. 12 прим. 10 » **прмѣровъ** » **примѣровъ.**
Стр. 19 прим. 1 » pl. XXVI » pl. XXIX.
Стр. 20 прим. 3 въ строкѣ 8-ой снизу послѣ слова **говоритъ** прибавь **апостоламъ.**
Стр. 22 прим. 3 вмѣсто **1885 г.** читай **1895 г.**
Стр. 23 прим. 1, 4 и 5 вмѣсто **le Blan** должно быть **Le Blant.**
Стр. 27 прим. 6 пропущено въ концѣ 1-ой строки **пр. Н. П. Кондаковъ.**
— — прим. 8 вмѣсто VI читай IV.
Стр. 29 строка 4 снизу вмѣсто **во Франціи** должно быть **въ Швейцаріи.**
Стр. 39 строка 17 снизу вмѣсто **Витрина** читай **Витрина R,**
Стр. 39 строка 14 снизу вмѣсто **и** въ началѣ строки поставь скобку: (

Къ стр. 12 строками 13 и 12 снизу — Третья подобная пиксида 967 года пріобрѣтена недавно Лувромъ: см. Gazette des Beaux Arts. 1898 г. Vol. XX, p. 488 ss., pl. ad p. 490.

Къ стр. 19 строки 6—10. Чертежъ гробницы 195 г. по Р. X. (надпись у Waddington'a № 2700) съ такимъ-же затворомъ въ Хатурѣ въ Сѣв. Сиріи, см. у M. de Vogué. La Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse p. 118, fig. 39.

Къ стр. 21 строкѣ 12 снизу: Вмѣсто 645 г. мозаики купола св. Софіи Солунской должно датировать IX вѣкомъ: см. статьи Е. К. Рѣдина и Я. И. Смирнова въ Византійскомъ Временникѣ за 1899 годъ.

Къ стр. 22 прим. 5: Весьма сходный съ крестомъ этимъ крестъ хранится въ ризницѣ одного изъ армянскихъ монастырей Закавказья, что̀ косвенно подтверждаетъ предположеніе наше о восточномъ происхожденіи палестринскаго креста. См. фотографію — къ сожалѣнію безъ указанія на мѣсто нахожденія креста — въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Дѣло № 61, 1893 года. Однако на крестѣ этомъ Христосъ представленъ былъ, повидимому, съ усами и бородой: теперь лице сильно стерто.

Къ прим. 8 на стр. 28. Въ Archaeologia, LV, p. 534 издано вновь пріобрѣтенное Британскимъ Музеемъ блюдо, не входившее въ составъ коллекціи Franks'a.

Къ прим. 4 на стр. 33. Миніатюры Россанскаго Евангелія изданы теперь A. Haseloff'омъ въ особой книгѣ: Die Miniaturen der griechischen Evangelien-Handschrift in Rossano. Leipzig-Berlin. 1898.

Къ прим. 4 на стр. 34. «Царь Леонъ» — Левонъ II (1520—1574), см. Вейденбаумъ. Путеводитель по Кавказу. 1888 г. стр. 387.

Къ прим. 4 на стр. 41. О смирнской рукописи см. О. Ѳ. Вульфа въ III томѣ «Извѣстій Русск. Археол. Инстит. въ Константинополѣ», стр. 202 сл. и предстоящее вскорѣ изданіе ея I. Стржиговскимъ во II томѣ изданія: «Byzantinisches Archiv. . .herausgegeben von Karl Krumbacher Leipzig. Teubner.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 23.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ГРЕЧЕСКІЯ И ЛАТИНСКІЯ НАДПИСИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

ВЪ 1895—1898 ГОДАХЪ.

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

Академика В. В. ЛАТЫШЕВА.

СЪ 49 ПОЛИТИПАЖАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ГРЕЧЕСКІЯ И ЛАТИНСКІЯ НАДПИСИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

ВЪ 1895—1898 ГОДАХЪ.

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

Академика В. В. ЛАТЫШЕВА.

СЪ 49 ПОЛИТИПАЖАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Россіи» посвященъ разсмотрѣнію епиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ въ послѣдніе четыре года въ Херсонисѣ Таврическомъ — при раскопкахъ, которыя ведетъ тамъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ съ 1888 года по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, и въ разныхъ мѣстностяхъ древняго Воспорскаго царства — большею частію случайно. Источниками для ознакомленія съ надписями служили мнѣ главнымъ образомъ ежегодные отчеты, представляемые въ Археологическую Коммиссію г. Косцюшко-Валюжиничемъ и директоромъ Керченскаго музея древностей К. Е. Думбергомъ. Оба они сообщаютъ въ отчетахъ подробныя указанія мѣста и времени находки каждаго камня и описанія ихъ внѣшняго вида и величины, а для ознакомленія съ текстомъ надписей прилагаютъ къ отчетамъ прекрасные эстампажи; кромѣ того г. Думбергъ сообщаетъ почти со всѣхъ памятниковъ фотографическіе снимки, послужившіе мнѣ прекраснымъ пособіемъ при описаніи внѣшняго вида камней. Текстъ многихъ надписей въ настоящемъ выпускѣ, въ видахъ лучшаго ознакомленія читателей съ характеромъ письма каждаго документа, представленъ facsimile посредствомъ цинкографическихъ снимковъ съ эстампажей или фотографій; при описаніи камней сдѣланы особыя отмѣтки, если снимокъ сдѣланъ съ фотографіи, снимки же съ эстампажей оставлены безъ отмѣтокъ во избѣжаніе постоянныхъ повтореній. Отмѣчены также и тѣ весьма немногіе случаи, въ которыхъ я могъ проконтролировать снимки по подлинникамъ, присланнымъ въ Археологическую Коммиссію, или самъ дѣлалъ копіи надписей, или могъ воспользоваться копіями, снятыми магистромъ Е. М. Придикомъ во время его путешествія по югу Россіи лѣтомъ 1898 г. Надписи въ настоящемъ собраніи, какъ и въ двухъ обработанныхъ мною раньше по лестному порученію Коммиссіи[1]), располагаются не по времени открытія, а въ систематическомъ порядкѣ по характеру содержанія, при чемъ Херсонисскія надписи византійской эпохи выдѣлены въ особую группу.

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археолог. Коммиссіею, №№ 9 (1892 г.) и 17 (1895 г.).

I. НАДПИСИ ИЗЪ ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО.

1. Декреты.

1. Небольшая плита изъ хорошаго бѣлаго мрамора, сверху украшенная простымъ фронтончикомъ и съ правой стороны обломанная, выш. съ фронтономъ 0,12 м. (подъ фронтономъ — 0,065), шир. 0,23, толщ. 0,04. Лѣвый край также слегка обломанъ, а снизу плитка тщательно обрѣзана параллельно послѣдней изъ сохранившихся строкъ, но слѣдуетъ ли принимать этотъ обрѣзъ за первоначальный нижній край, нельзя сказать съ увѣренностью, и даже скорѣе можно предполагать, что она обрѣзана такъ впослѣдствіи, такъ какъ 1) находящаяся на ней надпись, повидимому, не оканчивалась той строкой, которая теперь является послѣднею (см. ниже), 2) въ настоящемъ видѣ плитка кажется слишкомъ низкою для выставки въ публичномъ мѣстѣ. Надпись вырѣзана мелкими буквами (выш. 0,07 м.), но сохранилась довольно хорошо.

Камень найденъ вблизи Херсониса въ кладкѣ каменнаго забора въ 1897 г. и поступилъ въ коллекцію Н. Ф. Романченка, который съ величайшею любезностью представилъ мнѣ списать и опубликовать надпись [1]).

Фронтонъ.

ΠΡΟΞΕΝΙΑΤΙΜΑΓΟΡΑΡΟ∠
ΛΑ ΚΑΙΔΑΜΟΣΕΔΩΚΕΘΕΟΤΙΜΟ
ΓΟΝΟΣΠΡΟΝΟΥΤΟΥΑΥΤΕΑΕΙΠΑΝ
ΙΚΑΓΟΡΑΡΟΔΙΩΙΠΡΟΞΕΝΙΑΝΚΑΙΠΟ
ΑΙΓΕΝΕΙΚΑΙΕΙΣΠΛΟΥΝΚΑΙΕΚΠΛ
ΑΣΙΤΟΙΣΑΥΤ ΙΚΑΙΠΟ ΕΜΟΥΚ

---

[1]) Хотя этотъ камень и не поступилъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Коммиссіи, но мы сочли умѣстнымъ включить его въ настоящее собраніе во избѣжаніе излишней разбросанности публикацій новыхъ документовъ.

Относительно особенностей начертанія буквъ, не переданныхъ шрифтомъ, можно отмѣтить только, что поперечная черта въ буквѣ А иногда прямая, а иногда слегка выгнута внизъ. Въ 1-й строкѣ слова «Προξενία Τιμαγόρα Ῥοδίου» стояли, повидимому, въ видѣ заголовка и кромѣ ихъ ничего не было вырѣзано.

Προξενία Τιμαγόρα Ῥοδ[ίου].
[Βουλ]ὰ καὶ δᾶμος ἔδωκε· Θεότιμο[ς τοῦ δεῖνος, Ἀν-
τί]γονος Πρόνου τοῦ Αὐτέα εἶπαν· [δόμεν Τιμαγό-
ραι Ν]ικαγόρα Ῥοδίωι προξενίαν και πο[λιτείαν αὐ-
τῶι κ]αὶ γένει καὶ εἴσπλουν καὶ ἔκπλ[ουν αὐτοῖς
καὶ χράμ]ασι τοῖς [α]ὐτ[ῶν] καὶ πο[λ]έμου κ[αὶ εἰράνας].

Надпись представляетъ собою декретъ о дарованіи проксеніи и права гражданства Родосцу Тимагору сыну Никагора, интересный по краткости своей редакціи, особенно если сравнить ее съ редакціей подобныхъ же херсонисскихъ декретовъ изъ римскихъ временъ. Этотъ лаконизмъ редакціи самъ по себѣ заставляетъ относить декретъ къ доримскимъ временамъ. И дѣйствительно, по характеру письма онъ скорѣе всего можетъ быть пріуроченъ къ III в. до Р. Хр. Форма нѣкоторыхъ буквъ (напр. N, Π) допускаетъ даже предположеніе о IV в., но общій пошибъ письма и отмѣченная выше особенность въ начертаніи буквы А скорѣе говорятъ въ пользу III в. Такимъ образомъ нашъ декретъ можно считать древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ по настоящее время херсонисскихъ епиграфическихъ памятниковъ этого рода.

Кромѣ интереса древности, разсматриваемый памятникъ важенъ, какъ краснорѣчивое свидѣтельство сношеній Херсониса съ такими сравнительно отдаленными отъ него областями греческаго міра, какою былъ о. Родосъ. Очевидно, Родосецъ Тимагоръ неоднократно посѣщалъ Херсонисъ и оказывалъ его гражданамъ немаловажныя услуги, если они рѣшили дать ему не только проксенію, но и гражданскія права.

При дарованіи права «въѣзда и выѣзда въ военное и мирное время» является необходимою гарантія его безопасности, выражаемая въ херсонисскихъ декретахъ словами ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί. Въ пропавшей части послѣдней строки рѣшительно не было мѣста для этихъ трехъ (или двухъ, если пропустить καὶ) словъ. Поэтому-то мы и выставили выше предположеніе, что камень былъ обрѣзанъ снизу послѣ вырѣзки декрета и такимъ образомъ пропали заключительныя его строки, въ которыхъ кромѣ указанныхъ словъ могла находиться еще датировка декрета, какъ извѣстно, въ херсонисскихъ декретахъ обыкновенно ставившаяся въ концѣ.

Переводъ. Проксенія Тимагора Родосца. — Совѣтъ и народъ далъ. Θеотимъ [сынъ такого-то и Анти]гонъ сынъ Проноя[1]) Автеева сказали: [дать Тимагору сыну] Никагора Родосцу проксенію и гражданство [самому] и роду его и въѣздъ и выѣздъ [имъ самимъ и] товарамъ ихъ и во время войны и [во время мира].

---

[1]) Род. падежъ Πρόνου, вѣроятно, происходитъ отъ имени Πρόνους (ср. Ἀλκίνους, Ἀγχίνους и т. пр.), а не отъ Πρόνος.

2. Фрагментъ бѣломраморной плиты, обломанный со всѣхъ сторонъ кромѣ правой, выш. 0,095, шир. 0,17, толщ. 0,06. Мелкія (выш. 0,007 м.) и тѣсно разставленныя буквы надписи вырѣзаны очень тщательно; въ нижней части обломка посрединѣ онѣ совершенно стерлись.

Обломокъ найденъ случайно въ Херсонисѣ и въ 1898 г. представленъ въ Археологическую Коммиссію, гдѣ и списанъ мною[1]).

… Κ Ι Ο Ι Ε Λ Ι
ΙΤΕΣΠΑΡΑΤΑΞΕΙΣΚΥΘΑΣΚΑΙΣΑΙ.
ΓΡΙΔΟΣΔΕΔΟΣΘΑΙΔΑΥΤΟΙΣΚΑΙΚΑΘΕΤΟ
ΟΝΑΣΠ … ΟΑΙΤΟΚΑΡΥΓΜΑΟΔΑΜΟΣ
ΣΚΑΤΑΚΑΛΟΝΛΙΜ … ΤΟΠΟ''ΣΤΟΔΕΨ/
ΥΛΙΟΟΥΚΑ … ΟΠΙΟΝΑΟΝΤΑ
Δ … Λ … ''ΙΛΑΓΟΡΙΝΟ
… ΙΜΟ'

. . . .
. . . . τες παρατάξει Σκύθας καὶ σα . . .
. . . . τᾶς πατ]ρίδος· δεδόσθαι δ'αὐτοῖς καὶ καθ' ἔτο[ς
στεφανοῦσθαι . . . . . καὶ τοὺς συμμνάμ]ονας π[οεῖ]σθαι τὸ κάρυγμα· «ὁ δᾶμος
[στεφανοῖ . . . . . ἀνακτασαμένους τοὺ]ς κατὰ Καλὸν λι[μένα] τόπο[υ]ς». Τὸ δὲ ψ[ά-
φισμα τοῦτο ἀναγράψαι εἰς στάλαν λευκο]ῦ λίθου κ[αὶ θέμεν εἰς τ]ὸ π[ρ]όναον τᾶ[ς
Παρθένου. Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾶι καὶ δάμωι. . . . .] Λαγορίνο[υ
. . . ιμο . . .

Несмотря на свою незначительность и печальное состояніе, этотъ фрагментъ возбуждаетъ живой интересъ. Съ перваго же взгляда можно узнать въ немъ отрывокъ почетнаго декрета въ честь двухъ или нѣсколькихъ лицъ (v. 2: αὐτοῖς), имена которыхъ не сохранились на камнѣ. Всякій, кто знакомъ съ письмомъ знаменитаго декрета въ честь Діофанта[2]), при первомъ взглядѣ на вновь найденный обломокъ замѣтитъ необыкновенное сходство письма этихъ двухъ документовъ: всѣ особенности начертанія буквъ, ихъ величина, разстояніе между строками, однимъ словомъ всѣ внѣшніе признаки письма въ нихъ почти одинаковы, такъ что при сравненіи эстампажей новый обломокъ кажется происходящимъ отъ того-же камня. Такъ какъ Діофантовъ декретъ сохранился въ цѣлости, то новый обломокъ, конечно, не принадлежитъ къ нему, но что эти документы вырѣзаны однимъ рѣзчикомъ и почти одновременно — это не подлежитъ сомнѣнію. Отсюда является возможность предположенія, что новый декретъ относится и къ одному событію съ Діофантовымъ, т. е. къ побѣдоносной борьбѣ Діофанта со Скиѳами, и это предположеніе вполнѣ подтверждается при разсмотрѣніи сохранившихся остатковъ декрета.

---

[1]) Форма буквы Σ передана въ копіи не вполнѣ точно за неимѣніемъ въ типографскомъ запасѣ соотвѣтствующаго знака: на камнѣ она приблизительно такова: Σ.

[2]) I. P. E. I, n° 185.

Эти остатки относятся къ заключительной части декрета, въ которой излагались награды, жалуемыя чествуемымъ лицамъ, и въ самыхъ краткихъ чертахъ повторялись изложенныя въ предыдущей части декрета заслуги, послужившія причиною наградъ. Здѣсь одною изъ причинъ выставляется то, что чествуемыя лица встрѣтились со Скиѳами въ открытомъ бою (стр. 1) и, безъ сомнѣнія, побѣдили ихъ, — иначе объ этомъ не зачѣмъ было-бы упоминать въ декретѣ. Стоящее въ началѣ 2-й строки слово [τᾶς πατ]ρίδος свидѣтельствуетъ, что чествуемыя лица были Херсонисскіе граждане, а не иностранцы. Такимъ образомъ общій смыслъ фразы, къ которой относятся указанныя до сихъ поръ слова, сохранившіяся въ стр. 1 и 2-й, какъ можно думать, былъ приблизительно слѣдующій: [. . . Δεδόχθαι τᾷ βουλᾷ καὶ τῷ δάμῳ ἐπαινέσαι τὸν δεῖνα καὶ τὸν δεῖνα καὶ στεφανῶσαι αὐτοὺς χρυσῷ[1]) στεφάνῳ, ὅτι νικάσαν]τες παρατάξει Σκύθας καὶ σα[. . . . . αἴτιοι γεγόνασι τᾶς σωτηρίας (?) τᾶς πατ]ρίδος.

Смыслъ слѣдующей фразы (стр. 2—4) въ общихъ чертахъ ясенъ: въ ней народъ предоставлялъ чествуемымъ лицамъ привилегію ежегоднаго, на будущее время, увѣнчанія (остается неизвѣстнымъ, во всѣ ли праздники, или въ какой-либо опредѣленный: и то и другое встрѣчается въ надписяхъ), при чемъ симмнамоны[2]) должны были дѣлать объ этомъ провозглашеніе по опредѣленной формулѣ, дословно приводимой въ декретѣ. Въ этой формулѣ заключается упоминаніе о «мѣстностяхъ у Прекраснаго порта», относительно которыхъ чествуемыя лица, очевидно, оказали какую-то особую услугу родному городу, на столько важную, что она одна удостоивается ежегоднаго провозглашенія. Естественно обращаясь къ вопросу, въ чемъ же состояла эта важная заслуга, и припоминая, что разсматриваемый декретъ несомнѣнно относится къ одному времени съ Діофантовымъ, мы невольно придемъ къ слѣдующему предположенію. Извѣстно, что Прекрасный портъ, подобно Керкинитидѣ и «Стѣнамъ», принадлежалъ сначала Херсонисцамъ[3]), но затѣмъ былъ отнятъ у нихъ Скиѳами и во время войнъ Діофанта находился во владѣніи послѣднихъ. Діофантъ во вторую кампанію двинулся противъ этихъ мѣстностей, взялъ Керкинитиду и «Стѣны» и приступилъ къ осадѣ Прекраснаго порта, но былъ отвлеченъ отъ нея приближеніемъ Палака съ соединенными полчищами Скиѳовъ и Ревксиналовъ. Далѣе въ надписи не говорится, взялъ ли онъ Прекрасный портъ послѣ «славной и достопамятной на всѣ времена» побѣды надъ этими полчищами. Мы при случаѣ высказывали[4]), что это нужно считать вполнѣ вѣроятнымъ при блестящемъ успѣхѣ, которымъ сопровождалась вторая кампанія. Теперь новый отрывокъ декрета наводитъ насъ на предположеніе, что Прекрасный портъ дѣйствительно былъ вновь завоеванъ у Скиѳовъ, но не самимъ Діофантомъ, а лицами, чествуемыми въ этомъ декретѣ; этимъ и объясняется причина умолчанія объ этомъ въ декретѣ Діофантовомъ. Если же это такъ, то возвращеніе Прекраснаго порта подъ власть Херсонисцевъ, дѣйствительно, было важнымъ

---

[1]) Можно сказать съ полною увѣренностью, что лица, оказавшія столь видныя заслуги, были награждены золотымъ вѣнкомъ.

[2]) Херсонисскіе магистраты, носившіе названіе συμμνάμονες, уже встрѣчались въ декретѣ въ честь Діофанта и въ отрывкѣ, изданномъ нами въ Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 18, nº 3.

[3]) Ср. объ этомъ Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 10 сл.

[4]) Тамъ же, стр. 11.

подвигомъ, заслуживавшимъ par excellence упоминанія при ежегодномъ увѣнчаніи этихъ лицъ [1]). Нельзя не пожалѣть, что отъ декрета съ столь важнымъ и интереснымъ содержаніемъ сохранился ничтожный обломочекъ, способный лишь раздразнить любознательность, но не удовлетворить ее.

Въ заключеніе отмѣтимъ двѣ-три подробности возстановленія декрета. Въ стр. 2: форма καθ' ἔτος (вм. κατ' ἔτος) довольно часто встрѣчается въ надписяхъ и уже объяснена грамматиками [2]).— Въ стр. 3 мы возстановили π[οεῖ]σθαι (безъ ι) согласно написанію этого глагола въ Діофантовомъ декретѣ. — Въ стр. 5 возстановленіе [τ]ὸ π[ρ]όναον мы считаемъ несомнѣннымъ; эта форма средняго рода, какъ параллельная къ формѣ муж. рода ὁ πρόναος, извѣстна и въ литературѣ и въ епиграфикѣ. Возстановленіе имени богини Дѣвы можно, кажется, считать вполнѣ вѣроятнымъ: хотя въ Херсонисѣ почетные декреты выставлялись въ разныхъ мѣстахъ (чаще всего «на самомъ видномъ мѣстѣ» города или акрополя, но также въ храмѣ Асклипія), но разъ въ данномъ случаѣ рѣшено поставить декретъ въ честь заслуженныхъ военныхъ дѣятелей въ притворѣ храма женскаго божества (на что указываетъ членъ τᾶς), то скорѣе всего можно думать о храмѣ главной богини, покровительницы города. — Стр. 6: имя Λαγορῖνος уже извѣстно изъ одной херсониской надписи [3]). Въ данномъ случаѣ это было имя или отчество, вѣроятно, одного изъ магистратовъ-эпонимовъ, имена которыхъ въ эту и болѣе позднюю эпоху въ Херсонисѣ ставились въ концѣ документовъ.

---

3. Обломокъ мраморной плиты (нижній правый уголъ), сильно поврежденный огнемъ, выш. 0,125 м., шир. 0,135 м., толщ. 0,025. Буквы надписи очень мелки (выш. около 0,007 м.), но вырѣзаны довольно старательно и хорошо читаются на эстампажѣ. Обломокъ найденъ въ Херсонисѣ осенью 1898 г.

ΕΤΟΥΠΟ . . . ΛΙΙΟΝΣΣΥΙ
ΕΝΩΦΕΛΙΜΟΥΣΤΕΤΑΙΣ
ΛΝΓΕΛΛΕΤΑΙΔΕΚΑΙΤΟΥΛΟΙ
ΣΘΛΙΜΗΔΕΝΠΑΡΑΛΕΙΓΩΝΓΡΟ
ΝΕΑΤΟΥΕΙΣΟΤΙΣΥΝΟΙΣΕΙΧΕΡΣΟ
ΛΕΘΑΠΡΟΤΡΕΠΟΜΕΝΟΙΠΛΕΙ
ΘΟΥΣΕΙΜΕΝΑΝΔΡΑΣ ΔΕΔΟ
ΤΩΙΔΑΜΩΙΕΠΛΝΕΣΛΙ Μ ΕΙ
ΡΝΗΛΙΟΝΠΟΥΔΗΤΑΔΕΔΟΣ
ΞΕΝΙΑΝΕΙΣΠΛΟΥΝΚΑΙ
ΕΝΤΕΕΙΡΑ Ν ΑΙ ΚΑΙΓΟ
ΙΜΑΣΙΝΟΓ ΩΣΔΕ

vac.

---

[1]) Глаголъ ἀνακτασαμένους возстановленъ лишь предположительно, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ могъ стоять и другой глаголъ подходящаго значенія, какъ напр. παραλαβόντας и т. п.

[2]) См. G. Meyer, Griech. Gramm. [2], p. 243; R. Wagner, Quaestiones de epigramm. Gr. ex lap. conl. grammaticae (Lips. 1883), стр. 91.

[3]) Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 13 nº 10: Ξάνθος Λαγορείνου.

Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя буквы въ надписи имѣютъ разнообразную форму: такъ, напр., встрѣчается **Ʃ** и **Σ**, **Π** и **Γ**, не говоря о болѣе мелкихъ различіяхъ. Надпись представляетъ собою отрывокъ почетнаго декрета, который, къ сожалѣнію, намъ не удалось вполнѣ возстановить.

... ε τοῦ πο[...ἁ π]όλις συ[ν-
. . . .]εν ὠφελίμους τε ταῖς
[. . . . . .ἐπ]ανγέλλεται δὲ καὶ τοῦ λοι-
[ποῦ χρήσιμος? ἔσε]σθ(α)ι μηδὲν παραλείπων προ-
[θυμίας . . . . . .]ν ἑατοῦ εἰς ὅ τι συνοίσει Χερσο-
[νάσωι· ὅπως οὖν φαινώμ]εθα προτρεπόμενοι πλεί-
[ους εἰς τὸ καλοὺς κἀγα]θοὺς εἶμεν ἄνδρας, δεδό-
[χθαι τᾶι βουλᾶι καὶ] τῶι δάμωι ἐπ(α)ινέσ(α)ι μὲ[ν
ἐπὶ τούτοις. . . . . . Κο]ρνήλιον Πούδητα, δεδόσ-
[θαι δὲ αὐτῶι πολιτείαν?, προ]ξενίαν, εἴσπλουν καὶ
[ἔκπλουν ἀσυλεὶ ἀσπονδεὶ] ἔν τε εἰράναι καὶ πο[λέ-
μωι αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις καὶ χρή]μασιν· ὅπως δὲ...

Строки 8-я, 11-я и 12-я, допускающія несомнѣнныя или вполнѣ вѣроятныя возстановленія, свидѣтельствуютъ, что количество буквъ въ строкѣ колебалось между 36-ю и 39-ю. Послѣднее количество буквъ получается и въ стр. 10-й при вставкѣ слова πολιτείαν, но эту вставку мы не считаемъ несомнѣнною, такъ какъ въ другихъ херсонисскихъ декретахъ о проксеніи слово πολιτεία ставится послѣ προξενία. Въ строкѣ 9-й передъ Κορνήλιον стояло praenomen чествуемаго лица, состоящее изъ 5—6 буквъ. Въ стр. 12-й было написано χρήμασιν, а не χράμασιν, такъ какъ передъ **Μ** сохранилась вертикальная черта, могущая принадлежать только буквѣ **Η**. Такъ какъ эта послѣдняя изъ сохранившихся на камнѣ строкъ была и первоначально послѣднею, то слѣдуетъ думать, что декретъ или былъ оставленъ неоконченнымъ за недостаткомъ мѣста, или, быть можетъ, конецъ его былъ вырѣзанъ на другой сторонѣ камня.

Чествуемое лицо носило полное римское имя (.... Cornelius Pudens), но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что это былъ непремѣнно римлянинъ. Для ближайшаго опредѣленія времени декрета кромѣ этого имени и характера письма служитъ написаніе ἑατοῦ (вм. ἑαυτοῦ), которое, какъ извѣстно всѣмъ эпиграфистамъ, быстро распространилось въ греческомъ языкѣ около времени Августа, но затѣмъ скоро вышло изъ употребленія.

---

4. Обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся правымъ краемъ, выш. 0,44 м., наиб. шир. 0,24 м., толщ. 0,07. На немъ прекрасно сохранились остатки 11 строкъ надписи, тщательно вырѣзанной буквами римскихъ временъ, выс. 0,025—0,03.

Обломокъ найденъ лѣтомъ 1898 г. при замощеніи площади вокругъ новаго собора св. Владиміра, во время устройства водосточной ямы съ южной стороны апсиды древней базилики, на глубинѣ около сажени. Издается по эстампажу К. К. Косцюшко и копіи Е. М. Придика.

–I
ΝΕΤΑΝΠΑ
ΝΕΝΦΥΤΟΝ
ΣΨΥΧΑСΑΓΑ
ΙΓΕΝΕΟΣΠΟ
ΔΕΔΟΧΘΑΙΤΑΒΟΥΛΑ
ΙΤΟΥΤΟΙΣΠΡΟΤΕΡΟΝΠΑ
ΑΥΤΩΠΡΟΞΕΝΙΑΣ
ΤΛΟΥΝΕΝΕΙΡΑΝΑΚΑΙ
ΙΑΥΤΩΤΕΚΑΙΧΡΑ
ΑΝΤΩΝΤΩΝΕΝ
ΙΣΑΣΤΟΙΣ

. . . . .
. . . . τε τὰν πα-
[τρίδα? . . . . τ.]ν ἔνφυτον
. . . . τᾶς] ψυχᾶς ἀγα-
. . . . ιγένεος πο-
. . . . δεδόχθαι τᾷ βουλᾷ
[καὶ τῷ δάμῳ ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ] τούτοις πρότερον Πα-
[. . . . . δόμεν δὲ] αὐτῷ προξενίας
[πολιτείαν, ἔσπλουν τε καὶ ἔκ]πλουν ἐν εἰράνᾳ καὶ
[ἐν πολέμῳ ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδε]ὶ αὐτῷ τε καὶ χρά-
[μασι' μέτοχόν τε εἶναι αὐτὸν π]άντων τῶν ἐν
[τᾷ πόλει, ὧνπερ μετέχειν ἔξεστι (?) το]ῖς ἀστοῖς
. . . .

Слѣдуетъ отмѣтить, что первыя три изъ сохранившихся строкъ вырѣзаны нѣсколько меньшими буквами, чѣмъ слѣдующія, и, быть можетъ, другимъ рѣзчикомъ или, по крайней мѣрѣ, другимъ пошибомъ письма, проявляющимся особенно въ формѣ ε и σ (Є и С въ первыхъ 3-хъ строкахъ и Ε, Σ въ слѣдующихъ) и въ отсутствіи вязи, которая въ стр. 4—11 встрѣчается четыре раза.

На камнѣ сохранился отрывокъ обычнаго почетнаго декрета, относящагося приблизительно ко II в. по Р. Хр. Какъ видно изъ несомнѣнныхъ возстановленій строкъ 6-й, 8-й и 9-й, въ этихъ строкахъ пропало больше половины по ширинѣ камня, а въ стр. 1—4 сохранилось еще меньше, такъ что возстановленіе этихъ строкъ, содержавшихъ изложеніе заслугъ чествуемаго лица, оказывается невозможнымъ. Въ концѣ стр. 7-й совершенно ясно читается Σ вмѣсто ожидаемаго Ν; интересно, что такое же написаніе встрѣчается и въ другомъ декретѣ приблизительно того же времени, именно въ честь Навклара Синопскаго[1]),. Не слѣдуетъ-ли предположить, что въ эти позднія времена херсонисцы, забывъ уже истинный смыслъ выраженія «διδόναι προξενίαν (καὶ) πολιτείαν», стали употреблять выраженіе «προξενίας πολιτεία» въ смыслѣ права гражданства, даруемаго иностранцамъ за заслуги?

2. Посвятительныя и почетныя надписи.

5. Верхній правый уголъ дорической капители изъ мѣстнаго песчаника съ отрывкомъ отлично сохранившейся надписи. Площадь ея имѣетъ 0,05 м. вышины и 0,13 м. ширины, высота буквъ около 0,015.

---

[1]) Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 8, n⁰ 2 = Журн. М. Н. Пр. ноябрь 1895, отд. класс. филол. стр. 38 сл.

Найденъ весною 1896 г. при раскопкахъ ю.-в. оконечности херсонисскаго городища (къ с. отъ склада древностей), въ одной изъ цистернъ[1]).

[Ὁ δεῖνα] Πόσιος
[ἀνέθηκε? Π]αρθένωι.

$^1/_3$ нат. вел.

Надпись гласила, вѣроятно, о посвященіи колонны (или, быть можетъ, всего сооруженія, которому она принадлежала) неизвѣстнымъ по имени гражданиномъ, сыномъ Посія, богинѣ Дѣвѣ. По замѣчанію г. Косцюшко-Валюжинича характеръ буквъ и матеріалъ этого памятника — тѣ же, что въ надгробіи Андрокла сына Промаѳіона, изданномъ нами въ Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 26 n° 8, и отнесенномъ къ IV в. до Р. Хр.

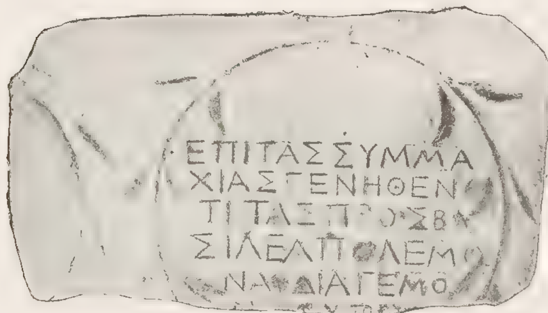
6. Часть пьедестала изъ чистаго бѣлаго мрамора выш. 0,12 м., дл. 0,81, шир. 0,215. Часть верхней стороны (по отношенію къ надписи) выдолблена, а на нижней сторонѣ сохранились два углубленія, одно продолговатое, а другое почти круглое, служившія для укрѣпленія лѣвой ноги статуи и копья или какой-либо другой опоры (укрѣпленіе для правой ноги не сохранилось). На боковой поперечной сторонѣ сохранился вѣнокъ съ надписью и влѣво отъ него незначительный остатокъ правой стороны другого вѣнка. Надпись въ вѣнкѣ первоначально состояла изъ 6 строкъ, но нижняя строка была захвачена при позднѣйшемъ стесываніи камня, такъ что въ ней сохранились только верхнія части нѣсколькихъ буквъ. Въ остальныхъ строкахъ буквы (выш. около 0,01 м.) сохранились довольно хорошо; кое-гдѣ еще замѣтны линейки, по которымъ была вырѣзана надпись. Такъ какъ вышеупомянутые слѣды статуи[2]), какъ уже замѣчено, по отношенію къ надписи находятся на нижней сторонѣ, то отсюда очевидно, что камень дважды былъ употребленъ въ качествѣ пьедестала, но отъ статуи въ честь того дѣятеля, къ которому относится надпись, на верхней сторонѣ камня не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Въ византійскую эпоху камень былъ въ третій разъ употребленъ въ дѣло въ качествѣ порога для усыпальницы[3]),

[1]) О мѣстѣ находки памятниковъ въ 1896 г. ср. сообщенія К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопкахъ этого года въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» 1897 года, №№ 74, 75, 77, 82 и 87, а также въ «Археол. изв. и замѣткахъ» (изд. Моск. Археол. Общ.) 1897, стр. 167—195. Извлеченіе изъ сообщеній помѣщено въ «Филол. Обозрѣніи» т. XII, 1, стр. 299—308.

[2]) Отсутствіе надписи, относящейся къ этой статуѣ, заставляетъ предполагать, что она была древнѣе той, къ которой относится сохранившаяся надпись, и что надпись ея была изглажена при вторичномъ употребленіи камня (или, быть можетъ, вырѣзана на другой сторонѣ).

[3]) При этой третьей обработкѣ камень, вѣроятно, былъ распиленъ въ длину, при чемъ и пропалъ лѣвый вѣнокъ, а можетъ быть и другіе, находившіеся еще лѣвѣе. Возможно также предположить, что была спилена и верхняя часть, вслѣдствіе чего наверху и не сохранилось слѣдовъ статуи.

находящейся подъ часовней, открытой въ 1891 г. въ сѣверо-зап. углу херсонисскаго городища. Весною 1898 г. неизвѣстные злоумышленники выломали этотъ порогъ, очевидно, съ цѣлью перевезти въ Севастополь на продажу и уже спустили съ крутаго берега къ морю, но здѣсь онъ былъ замѣченъ рабочими и перенесенъ въ складъ древностей. Можно предположить, что въ лѣвомъ вѣнкѣ, отъ котораго сохранилась лишь ничтожная часть, также была вырѣзана надпись и что вслѣдствіе распилки камня пропало еще нѣсколько вѣнковъ. Въ такомъ случаѣ первоначальный видъ пьедестала былъ приблизительно такой, какой имѣютъ, напр., пьедесталы Агасикла и Аристона[1]), т. е. сверху было вырѣзано имя лица, въ честь котораго была воздвигнута статуя, а ниже въ вѣнкахъ были вкратцѣ отмѣчены заслуги, за которыя это лицо разновременно было награждено вѣнками. Въ дошедшей до насъ надписи имя чествуемаго лица не сохранилось, а изъ его — если можно такъ выразиться — формулярнаго списка уцѣлѣлъ на камнѣ только одинъ пунктъ, гласящій объ участіи этого лица въ союзѣ съ царемъ Полемономъ.

Ἐπὶ τᾶς συμμα-
χίας γενηθέν-
τι τ[ᾶ]ς πρὸς β[α]-
σιλέα Πολέμω-
να δι' ἀγεμο-
[νίαν εὐτυχῆ?]

Текстъ надписи не вполнѣ ясенъ. Извѣстно, что выраженіе γίγνεσθαι (εἶναι) ἐπί τινος значитъ «стоять во главѣ чего нибудь, начальствовать надъ чѣмъ нибудь» (отсюда ὁ ἐπί τινος — начальникъ чего нибудь, напр. ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν, ὁ ἐπὶ τῆς νήσου и т. п.). Поэтому γενηθεὶς ἐπὶ τᾶς συμμαχίας должно значить «стоявшій во главѣ союза», но какъ понимать это главенство въ союзѣ, — это остается не вполнѣ яснымъ. Кромѣ того сохранившіяся въ послѣдней строкѣ верхнія части буквъ, повидимому, могутъ принадлежать только прилагательному εὐτυχής, а въ такомъ случаѣ наиболѣе вѣроятнымъ возстановленіемъ для этой строки является предложенное нами выше; но для обозначенія причины награжденія обыкновенно употребляется ἕνεκα c. gen., а не διά c. accusativo. Но какъ бы то ни было, общій смыслъ выраженія, какъ намъ кажется, можно понимать только такъ, что чествуемое лицо стояло во главѣ посольства, отправленнаго изъ Херсониса къ царю Полемону для заключенія или возобновленія союза, и удачно

---

[1]) I. P. E. I, nn⁰ 195 и 199. Иногда въ Херсонисѣ въ честь заслуженныхъ дѣятелей ставились просто плиты съ рельефными вѣнками, внутри которыхъ вырѣзывались краткія обозначенія ихъ заслугъ (см. ibid. n⁰ 196).

исполнило свое порученіе. Что удачное исполненіе посольства ставилось въ особую заслугу лицамъ, бывшимъ послами, это фактъ общеизвѣстный[1]).

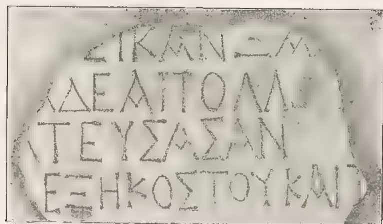
Упоминаемый въ надписи царь Полемонъ — безъ сомнѣнія одинъ изъ двухъ Воспорскихъ царей этого имени, изъ коихъ первый, посланный М. Випсаніемъ Агриппой противъ узурпатора Скрибонія, овладѣлъ Воспорскимъ престоломъ въ 15 или 14 году до Р. Хр.[2]) и, повидимому, сидѣлъ на немъ довольно долго (годъ его смерти съ точностью не извѣстенъ), а второй, внукъ перваго, былъ посаженъ на Воспорскій престолъ Калигулой въ 38 г. по Р. Хр. и отозванъ въ 41 г. Клавдіемъ, передавшимъ Воспоръ Миѳридату, сыну Аспурга.

Надпись не даетъ намъ никакихъ указаній относительно того, который изъ двухъ Полемоновъ въ ней названъ, а наши свѣдѣнія объ исторіи Воспора и Херсониса за это время на столько недостаточны, что не представляютъ прочныхъ данныхъ для обстоятельнаго разбора и рѣшенія этого вопроса. Поэтому мы не рѣшаемся прибѣгать къ рискованнымъ предположеніямъ и предпочитаемъ оставить вопросъ открытымъ.

---

7. Обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся нижнимъ краемъ, выш. 0,155 м., шир. 0,21, толщ. 0,038. На немъ прекрасно сохранилась часть надписи, вырѣзанной буквами въ 0,027 м. вышины.

Найденъ въ 1896 г. при раскопкахъ въ ю.-в. углу площади впереди собора св. Владиміра.

1/3 нат. вел.

[. . . . .δ]ίκαν Ξά[νθου,
γυναῖκα] δὲ Ἀπολλω[νίου
. . . . . ἱερα]τεύσασαν.
[Ἔτους?] ἑξηκοστοῦ καὶ τ. . .

Строка 3-я, допускающая несомнѣнное возстановленіе, свидѣтельствуетъ, что надпись была поставлена въ честь бывшей жрицы какого-то божества, при чемъ имя жрицы было поставлено въ винительномъ падежѣ (безъ сомнѣнія, въ зависимости отъ глагола въ родѣ ἀνατιθέναι или ἀνιστάναι, который находился на несохранившейся части памятника или подразумѣвался). Отсюда

---

1) Примѣры изъ херсонисскихъ надписей: Ios. P. E. I, nn⁰ 196, 199, 200; Мат. по археол. Россіи № 9, p. 14 n⁰ 2.

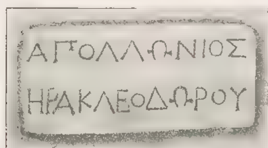
2) Вторая дата общепринята; первую выставилъ и подкрѣпилъ вѣскими соображеніями W. Voigt, Quo anno Agrippa expeditionem Bosporanam fecerit, въ Griech. Studien für H. Lipsius (Leipzig, 1894), p. 134. О Полемонахъ вообще см. I. P. E. v. II, introd. p. XXXVIII sq. и Brandis въ Pauly-Wissowa, Realencyclop. s. v. Bosporos. Въ этихъ трудахъ указана и предшествующая литература.

вытекаетъ предложенное примѣрное возстановленіе строкъ 1-й и 2-й. Большой интересъ возбуждаетъ обозначеніе въ послѣдней строкѣ числа 63 или 64 (послѣ ἑξηκοστοῦ могло быть только *καὶ τρίτου* или *καὶ τετάρτου*), но, къ сожалѣнію, нельзя сказать навѣрное, былъ ли здѣсь обозначенъ годъ, или что либо другое. Если предположить, что указанная цифра дѣйствительно обозначаетъ годъ и притомъ по херсонисской эрѣ, начинавшейся, по вполнѣ вѣроятному исчисленію А. Л. Бертье-Делагарда[1]), въ 25 или 24 г. до Р. Хр., то надпись придется отнести къ 38—40 г. по Р. Хр. Къ этому времени вполнѣ подходитъ и характеръ ея письма.

3. Надгробныя надписи.

8. Мраморная четырехугольная плиточка шир. 0,145 м., выш. 0,065 съ отлично сохранившеюся надписью (выс. буквъ около 0,015 м.).

Найдена при раскопкахъ 1896 г. въ херсонисскомъ некрополѣ между двумя гробницами (№№ 715 и 726 по отчету г. Косцюшко-Валюжинича).

Ἀπολλώνιος
Ἡρακλεοδώρου.

1/3 нат. вел.

Надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена ко II в. до Р. Хр. Что касается до назначенія плиточекъ, подобныхъ разсматриваемой, то въ послѣдніе годы вполнѣ выяснилась вѣрность предположенія, высказаннаго нами въ Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 17 прим., — что онѣ вставлялись въ надгробные памятники изъ простаго камня. Въ 1894 г. найдено было большое надгробіе изъ песчанаго камня, въ которомъ еще сохранилась вставленная мраморная плиточка съ именами погребеннаго и его отца, ΣΙΜΑΙΟΣΔΑΜΑΤΡΙΟΥ (см. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1894 г., прилож. стр. 71, къ n° 509; ср. сообщеніе К. К. Косцюшко-Валюжинича въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» 1896 г., № 74 = «Археол. изв. и зам.». 1897, стр. 194).

---

9. Два обломка надгробной плиты изъ желтоватаго песчаника, толщиною около 0,07 м., съ началомъ и окончаніемъ двухстрочной надписи; сохранившіяся буквы (выш. около 0,02 м.), прекрасно читаются на эстампажѣ.

---

[1]) Зап. Од. Общ. ист. и древн. т. XVI, стр. 60 (ср. нашъ Сборникъ греч. надп. христ. вр. изъ южной Россіи, стр. 12).

Обломки найдены въ 1897 г. при раскопкахъ городища на берегу Карантинной бухты, «съ наружной стороны стѣны контръ-эскарпа».

Β . . . . ων
᾿Ατ . . . τος.

Къ сожалѣнію нельзя опредѣлить, какъ широка была пропавшая средняя часть камня, а потому и имена усопшаго и отца его трудно возстановить съ достовѣрностью. Можно замѣтить, впрочемъ, что для 2-ой строки матеріалъ, имѣющійся въ словарѣ греч. собств. именъ Папе-Бензелера (3-е изд. 1875) предоставляетъ выборъ только между Ἄτ[λαν]τος и Ἀτ[άμαν]τος[1]).

---

10. Два обломка мраморнаго надгробія въ 0,038 толщ.; *а* выш. 0,05 м. и шир. 0,06 содержитъ начала двухъ строкъ надписи и частицу рельефа; на *б*, выш. 0,12 и наиб. шир. 0,18, сохранились концы тѣхъ же строкъ и надъ ними часть грубо исполненнаго изображенія сидящей въ креслѣ человѣческой фигуры въ длинномъ одѣяніи; голова и грудь фигуры отбиты. Буквы надписи на обоихъ обломкахъ сохранились очень хорошо (наиб. высота буквъ 0,015).

Обломки найдены въ 1898 г. съ городской стороны главной оборонительной стѣны близъ большой фланговой башни.

Буквы **ΗΛΡΙC** не подлежатъ никакому сомнѣнію; но такъ какъ съ нихъ не можетъ начинаться ни одно собственное имя или вообще какое-либо слово въ греческомъ языкѣ, то необходимо предположить описку рѣзчика. Допуская, напр., что буквы Λ Ρ вырѣзаны вмѣсто Δ, мы получили бы чтеніе:

Ἥ[δ]ισ[τος τοῦ δεῖνος καὶ] ἡ σύνβιός μου
Ματ[. . . . . λίθ]ος?

Надпись относится къ позднимъ римскимъ временамъ.

---

[1]) Такая форма, по указанію словаря, встрѣчается на мизійской монетѣ у Mionnet S. V, 288, вмѣсто Ἀθάμαντος.

11. Обломокъ мраморной плиточки шир. 0,085, выш. 0,055 съ остаткомъ отлично сохранившейся надписи (выс. буквъ около 0,02 м.).

Найденъ въ 1896 г. въ насыпи некрополя у Карантинной бухты.

[῾Ηρ]ακλ[είδας
Π]ασίω[νος]

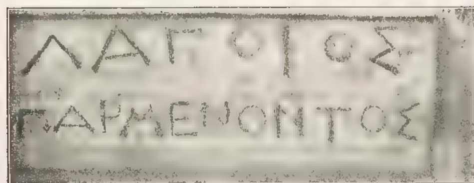
$^1/_3$ нат. вел.

Имена усопшаго и его отца возстановлены лишь примѣрно. Надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр.

---

12. Верхняя часть надгробной плиты изъ песчанаго камня выш. 0,45 м., шир. 0,23, толщ. 0,15. Плита украшена сверху фронтономъ и по бокамъ двумя розетками. Ниже надписи, помѣщенной въ углубленіи, изваяны еще двѣ розетки, ненатянутый лукъ и мечъ, пропущенный между лукомъ и тетивой (какъ на плитѣ, изображенной въ Отч. И. Арх. Комм. за 1892 г., стр. 199, n⁰ 66).

Найдена въ 1895 г. въ насыпи некрополя. См. Отч. Арх. Комм. за 1895 г. стр. 116, съ рис. 290, который здѣсь повторяется.

Λαγοῖος
Παρμένοντος.

$^1/_2$ нат. вел.

По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр. Имя Λαγοῖος отсутствуетъ въ словарѣ Папе-Бензелера.

---

13. Надгробная плита изъ мѣстнаго песчаника, снизу отбитая, выш. 0,93 м., шир. 0,33, толщ. 0,126, украшенная двумя розетками, съ отлично сохранившеюся надписью (выс. буквъ 0,03 м.).

Найдена въ 1896 г. при раскопкахъ некрополя въ насыпи гробницы (№ 758 по отчету г. Косцюшко).

Πέλανος
Ἡροφάνεος.

$^1/_4$ нат. вел.

По характеру письма можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр. Имени Πέλανος нѣтъ въ словарѣ Папе-Бензелера.

---

14. Надгробная плита изъ мѣстнаго камня выш. 0,35 м., шир. 0,28, толщ. до 0,125. На ней тщательно и глубоко врѣзана крупными буквами (выс. около 0,04 м.) надгробная надпись.

Найдена въ 1897 г. въ насыпи некрополя. Копія съ эстампажа.

ΠΟΝΤΙΚΟΣ
ΝΕΜΕΡΙ
ΟΥ ΗΡΑ
ΚΛΕΩΤ
ΗΣ Ε
ΤΟΝ

Ποντικὸς
Νεμερί-
ου Ἡρα-
κλεώτ-
ης ἔ-
τ[ῶ]ν [ξ'].

Отъ буквы, обозначающей число лѣтъ, сохранилась только верхняя черта, повидимому могущая принадлежать только буквѣ ξ; за нею, кажется, не было никакой другой буквы. Памятникъ относится къ римскимъ временамъ. Имя Νεμέριος = лат. Numerius.

---

15. Обломокъ мраморной плиты въ 0,075 толщины съ хорошо сохранившимися буквами окончанія одной строки надписи римскихъ временъ (выс. около 0,02 м.).

Найденъ въ 1897 г. при раскопкахъ въ храмѣ, открытомъ между малою монастырскою церковью, гостинницей и цвѣтникомъ (см. Филол. Обозр. т. XV, 1, стр. 55 сл.).

ΙΟΣ

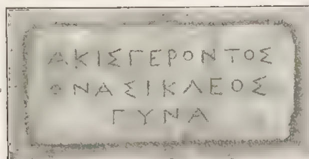
[Οὐαλέ]ριος
[τοῦ δεῖνος?].

Надпись, повидимому, надгробная.

---

16. Мраморная четырехугольная плиточка шир. 0,165 м., выш. 0,07, съ отлично сохранившеюся надписью (выс. буквъ 0,01).

Найдена въ 1896 г. тамъ же, гдѣ № 8.

Ἀκίς Γέροντος,
Ὀνασικλέος
γυνά.

$^1/_3$ нат. вел.

По характеру письма принадлежитъ къ IV или III в. до Р. Хр. Имя Ἀκίς, если вѣрить словарю Папе-Бензелера, въ литературѣ встрѣчается только однажды — у Лукіана, dial. mer. 4, 3.

---

17. Обломокъ лѣваго края четырехугольной мраморной плиточки выш. 0,09 м., шир. внизу 0,08. На ней сохранилось начало четырехстрочной надгробной надписи (выс. буквъ 0,01—0,015 м.).

Найдена въ 1896 г. въ насыпи некрополя у Карантинной бухты.

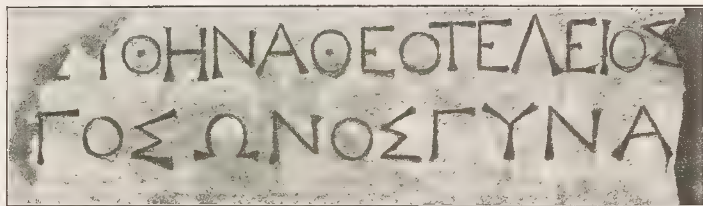
Α . . . .
Πα . . .
Δίω[νος]
γυν[ά].

$^1/_3$ нат. вел.

---

18. Надгробная плита изъ песчанаго камня выш. 0,83 м., шир. 0,30, толщ. 0,15.

Найдена въ 1895 г. при раскопкахъ некрополя, между плитами, изъ которыхъ была сложена гробница № 579 (по счету г. Косцюшко). См. Отч. И. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 109, съ рис. 267 (facsimile съ эстампажа), который здѣсь повторяется.

$^1/_2$ нат. вел.

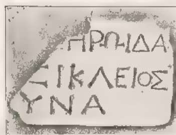
[Εὐ]θήνα Θεοτέλειος,
Γόσωνος γυνά.

По характеру письма надпись не позднѣе IV в. до Р. Хр. Имена Εὐθήνα и Γόσων отсутствуютъ въ словарѣ Папе-Бензелера (мужское имя Εὔθηνος извѣстно).

---

19. Мраморная плиточка, слѣва обломанная, выш. 0,065 м., шир. внизу 0,10, съ остаткомъ отлично сохранившейся надгробной надписи (выс. буквъ 0,015.).

Найдена въ 1896 г. въ насыпи некрополя у Карантинной бухты.

¹/₃ нат. вел.

[Ἡ δεῖνα] Ἡρώιδα,
[. . . . σ]ικλεῖος
[γ]υνά.

Имя мужа покойницы не можетъ быть возстановлено достовѣрно (могло быть Ἀγασικλῆς, Ἐρασικλῆς, Κτησικλῆς, Λυσικλῆς, Ὀνασικλῆς и т. п.). Надпись можетъ быть отнесена къ III—II в. до Р. Хр.

---

20. Мраморное надгробіе превосходнаго исполненія, сверху обломанное, наиб. выш. 0,615 м., шир. 0,56, толщ. 0,165. Рельефъ изображаетъ 4 фигуры, стоящія внутри портика между двумя канеллированными колоннами на высокихъ базахъ: съ лѣвой стороны мужчина, правой рукой поддерживающій иматій, а въ опущенной лѣвой держащій свитокъ; справа женщина въ длинной одеждѣ, ниспадающей красивыми складками; по сторонамъ, у колоннъ, справа дѣвочка и слѣва мальчикъ. Верхняя часть женской фигуры, часть лѣвой колонны и фронтонъ отбиты; сильно поврежденная верхняя часть мужской фигуры найдена въ другомъ мѣстѣ. Подъ рельефомъ прекрасно сохранилась надпись, тщательно вырѣзанная крупными (выс. 0,038 м.) буквами.

Камень найденъ въ 1898 г. по близости пороховаго погреба.

ΓΥΝΗ·ΤΑΥΡΙΚΗ

Невозможно думать, чтобы слова «Таврическая женщина», безъ имени этой женщины, составляли полную надгробную надпись. Необходимо предположить, что на пропавшемъ фронтонѣ находилась первая строка надписи, заключавшая въ себѣ имена покойницы и ея мужа, такъ что въ полномъ видѣ надпись читалась такъ:

[Ἡ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
γυνὴ Ταυρική.

Правда, въ Херсонисскихъ надгробныхъ памятникахъ до сихъ поръ не встрѣчалось примѣровъ того, чтобы надпись, начатая надъ рельефомъ, продолжалась подъ нимъ[1]); но аналогичные примѣры встрѣчаются на Воспорѣ[2]) и въ другихъ греческихъ городахъ на побережьяхъ Евксинскаго Понта (напр. въ Одиссѣ — Варнѣ), и вообще такое расположеніе надписи не представляетъ ничего необычнаго.

Ταυρική есть форма женскаго рода къ названію народа (ἐθνικόν) Ταῦροι, жившаго, какъ извѣстно, въ окрестностяхъ Херсониса. Въ надписи въ честь Діофанта Синопскаго (I. P. E. I, n⁰ 185) прямо упоминаются οἱ παροικοῦντες Ταῦροι. Теперь мы видимъ, что названіе этого племени сохранялось неизмѣннымъ и въ римскія времена, къ которымъ относится вновь найденная надпись по характеру письма. По всей вѣроятности покойница жила въ Херсонисѣ и, судя по исполненію памятника, была богатой женщиной, но правами гражданства не пользовалась и потому въ надгробной надписи обозначена именемъ народа, къ которому она принадлежала. Въ надгробныхъ памятникахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря это первый примѣръ упоминанія сосѣднихъ варварскихъ племенъ; но въ другихъ мѣстностяхъ такія упоминанія встрѣчаются неоднократно. Такъ, напр., сохранилось нѣсколько памятниковъ Мэотовъ и Сарматовъ, погребенныхъ въ Аттикѣ, на о. Родосѣ и пр.[3]).

---

21. Часть мраморной плитки, которая, по всей вѣроятности, была вставлена въ надгробный памятникъ изъ простаго камня. Отъ бывшей на ней надписи сохранилось цѣликомъ только три буквы.

Найдена въ 1896 г. при раскопкахъ въ некрополѣ (въ насыпи гробницы № 758 по отчету г. Косцюшко).

[Ὑ]ψ. . . .
[Δ]ελφ. . .

1/3 нат. вел.

По характеру письма надпись принадлежитъ къ римскимъ временамъ.

---

[1]) Однако примѣры помѣщенія надписей надъ рельефомъ уже встрѣчались и въ Херсонисѣ: см. I. P. E. I, n⁰ 216 (въ исправленномъ видѣ переизданъ съ рисункомъ въ Зап. И. Русскаго Арх. Общ. т. V, стр. 366) и Мат. по Арх. Россіи № 17, стр. 14, n⁰ 11.

[2]) См. I. P. E. II, n⁰ 197 и Мат. по арх. Россіи n⁰ 9, стр. 47, n⁰ 1.

[3]) Δόλων Μαιώτης — C. I. Att. II, 3, n⁰ 3158; Ἰὰς Μαιῶτις χρηστή — ibid. n⁰ 3159; Παρμένων Ἀπολλωνίου Μαιώτης — ibid. n⁰ 3160; [Π]ίστος Μαιώτης — ibid. n⁰ 3161; Λεττίνης Μαιώτης — ibid. III, 2, n⁰ 2561; Ὑγι(α)ίνων Σαρμάτης — ibid. n⁰ 2897; Τίμων Μαιώτας на о. Родосѣ, Bull. de corr. Hell. X, p. 339, n⁰ 6; [ὁ δεῖνα] Μαιώτης въ Арголидѣ — ibid. XIII, p. 189, n⁰ 10.

22. Фрагментъ надгробія изъ известковаго камня, обломанный сверху и справа, выш. 0,36 м., шир. 0,28, толщ. 0,15. Надпись сильно повреждена (выс. буквъ 0,038).

Камень найденъ въ 1898 г. по близости большой фланговой башни. Издается по копіи Е. М. Придика.

VSIC
ΓA LTV
AN NORV
H ▽S C
PR I MV

---

23. Верхній правый уголъ надгробія изъ известковаго камня выш. 0,20 м., шир. 0,36, толщ. 0,20 съ остаткомъ латинской надписи.

Найденъ въ 1898 г. тамъ же, гдѣ и предыдущій; издается по копіи Е. М. Придика.

M	*M.*
ʼΛʼΓRIO	[*Vale*]*rio*
	. . . . .

4. Обломки разнороднаго содержанія.

24. Обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся правымъ краемъ, наиб. выш. 0,14 м., шир. 0,23, толщ. 0,025. Плита была украшена рельефомъ, отъ котораго сохранились лапы и копыта какихъ-то звѣрей. Подъ рельефомъ была тщательно вырѣзана надпись, сохранившійся остатокъ которой ясно читается на эстампажѣ (выс. буквъ 0,018—0,02 м.). На другой сторонѣ плиты въ обратномъ направленіи (т. е. такъ, что верхъ одной стороны служитъ низомъ другой и наоборотъ) изваяны рельефомъ двѣ фигуры, возлежащія на ложѣ въ одинаковыхъ позахъ, держа въ согнутыхъ правыхъ рукахъ по какому-то круглому предмету; у правой фигуры недостаетъ головы, отъ лѣвой сохранилась только часть плеча и рука. Судя по сохранившейся части этого рельефа, г. Косцюшко-Валюжиничъ предполагаетъ, что первоначальная ширина плиты не превышала 0,33 м., и что, стало быть, недостаетъ только 0,10.

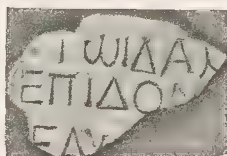
Камень найденъ въ 1897 г. при раскопкахъ въ насыпи некрополя.

Anaglyphum.	
ΦΙΛΟΥ·ΚΑΙΗΛΙΝΘΑΜΙΧ	[Τὸν δεῖνα Θεο?]φίλου καὶ Ἦλιν Θαμιχ-
ΩΝΘΕΑΓΕΝΗΝΕΥΣΕ	. . . . .ων Θεαγένην Εὐσε-
ΡΟΞΕΝΟΣ·ΑΠΕΛΛΑΣ	[βίου . . . . π]ρόξενος Ἀπελλᾶς
ΔΩΝ·ΟΙΑΔΕΛΦΟ	. . . . δων οἱ ἀδελφ[οὶ]
ΤΑΙΣΟΙ	. . . . ταισ . . .

Содержаніе надписи не можетъ быть точно опредѣлено. По характеру письма она относится къ римскимъ временамъ.

---

25. «Обломокъ мраморной плиты съ трехстрочною греческою надписью», найденъ въ 1895 г. при раскопкахъ на с.-в. оконечности городища. См. Отч. И. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 98 съ рис. 245, который здѣсь повторяется.

½ нат. вел.

Сохранившіеся остатки надписи такъ незначительны, что не допускаютъ достовѣрнаго возстановленія. Лишь въ видѣ предположенія можно принять, что обломокъ происходитъ отъ декрета (римскихъ временъ), и возстановить въ 1-й строкѣ [ἔδοξε τ]ῶι δάμ[ωι].

---

26. Фрагментъ мраморной плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, наиб. выш. 0,12 м., шир. 0,08, толщ. 0,032. На немъ прекрасно сохранилось нѣсколько буквъ тщательно вырѣзанной надписи выс. 0,02 м.

Найденъ въ 1898 г. по близости пороховаго погреба.

ΝΙΚ
ΙΓΡΟΔΙ
ΡΟΣΣ
ΤΗΣ

Обломокъ происходитъ, повидимому, отъ декрета римскихъ временъ.

---

27. «Кусокъ карниза изъ свѣтлосѣраго мелкозернистаго гранита (?)» выш. 0,11 м., наиб. дл. (вверху) 0,22, толщ. 0,18, съ прекрасно сохранившимися 9-ю буквами однострочной надписи римскихъ временъ (выш. 0,022 м.).

Найденъ въ 1898 г. около главной городской стѣны, по близости большой фланговой башни.

ΔΑΜΟΣΑΘΛΙ   [Εὔ]δαμος Ἀθλί[α ἀνέθηκεν?].

Повидимому, на камнѣ написаны имя и отчество, возстановленныя нами лишь примѣрно: имя могло быть также Εὐρύδαμος или Εὐθύδαμος, что же касается до имени отца, то въ словарѣ Папе-Бензелера приведено только одно имя, начинающееся съ данныхъ буквъ, именно Ἀθλίας. Если надпись, какъ сообщаетъ г. Косцюшко, вырѣзана на кускѣ карниза, то она скорѣе всего можетъ быть отнесена къ числу посвятительныхъ: можно предполагать, что она гласила о посвященіи какому-либо божеству самого карниза, на которомъ она вырѣзана, или сооруженія, къ которому онъ принадлежалъ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что Е. М. Придикъ, любезно сообщившій намъ свою копію этой надписи, называетъ камень «фрагментомъ надгробной стелы». Если это такъ, то надпись заключала въ себѣ только имя и отчество: [Εὔ]δαμος Ἀθλί[α].

---

28. Обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся правымъ краемъ, наиб. дл. 0,30, наиб. шир. 0,28, толщ. 0,076. Съ правой стороны сохранилась часть рельефной рамки, окаймлявшей плиту. На ней весьма тщательно была вырѣзана надпись, сохранившаяся часть которой прекрасно читается на эстампажѣ. Буквы очень крупны: въ словѣ ETEI во всѣхъ строкахъ онѣ имѣютъ до 0,045 м. высоты, а въ предыдущихъ словахъ — до 0,065.

Найденъ въ 1897 г. при раскопкахъ въ городищѣ между складомъ древностей и караульнымъ домомъ.

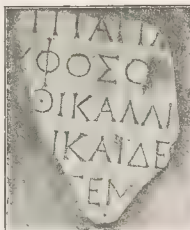

Повторяющееся въ каждой строкѣ слово ἔτει съ предшествующею числовою датою свидѣтельствуетъ, что на камнѣ былъ вырѣзанъ перечень какихъ-то событій съ обозначеніемъ при каждомъ года, въ которомъ оно совершилось. Приходится глубоко сожалѣть, что отъ документа, повидимому весьма интереснаго, сохранился столь незначительный обломокъ.

---

29. Кусокъ мраморной плиты выш. 0,12 м., шир. вверху 0,10, толщ. 0,035, со всѣхъ сторонъ обломанный. На немъ прекрасно сохранилась часть надписи, вырѣзанной буквами въ 0,017 выш.

Найденъ въ 1896 г. при раскопкахъ въ ю.-в. углу площади впереди собора св. Владиміра.

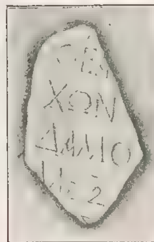
$^1/_3$ нат. вел.

Въ надписи не сохранилось ни одного цѣльнаго слова кромѣ, можетъ быть, καὶ въ 4-й строкѣ.

---

30. Кусокъ мраморной плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, выш. 0,12 м., наиб. шир. 0,07. На немъ хорошо сохранилась часть греческой надписи (выс. буквъ около 0,017).

Найденъ въ 1896 г. при раскопкахъ ю.-в. оконечности Херсонисскаго городища, къ с. отъ склада древностей.

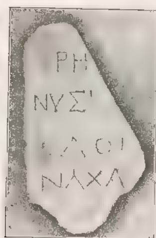
$^1/_3$ нат. вел.

Можно предположить только въ 4-й строкѣ слово δᾶμος или имя собств., начинающееся съ Δαμο-, и въ 5-й стр. имя Ἀλέξ[ανδρος].

---

31. Обломокъ мраморной плиты выш. 0,12 м., наиб. шир. 0,08, съ остатками полустертой надписи (выс. буквъ 0,012).

Найденъ въ 1896 г. тамъ же, гдѣ n⁰ 30.

$^1/_3$ нат. вел.

Содержаніе надписи невозможно опредѣлить. Въ 2-й стр., быть можетъ, стояло имя Διο]νύσι[ος].

---

32. «Обломокъ мраморной плиты $4^1/_2'' \times 4'' \times 1^1/_2''$ съ частью греческой надписи» (Косцюшко). Буквы надписи, тонкія и узкія (выс. 0,03 м.), сохранились довольно хорошо.

Найденъ въ 1897 г. тамъ же, гдѣ n⁰ 28.

ΙΟΙ	
ΤΩΠΡΟΞ	. . . αὐ]τῷ προ[ξενίαν. . . .
ΠΟΛ	. . . ἀσ]πο[νδεὶ. . . .

Повидимому, обломокъ происходитъ отъ почетнаго декрета римскихъ временъ.

---

33. Кусокъ мраморной плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, наиб. выш. 0,08, шир. около 0,10, толщ. 0,015, съ сохранившимися остатками двухъ строкъ надписи (выс. буквъ 0,025).

Найденъ въ 1897 г. въ насыпи некрополя.

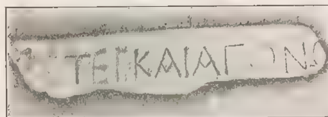
ΙΑΛΟΙ
ΛΙΟΓΕΝΕΣ

Можно прочитать только во 2-й стр. звательный падежъ собств. имени Διογένης или прилагательнаго διογενής.

---

34. Обломокъ мраморнаго карниза шир. 0,20 м., толщ. 0,04; на немъ хорошо сохранилась часть греческой надписи (выш. буквъ 0,018 м.).

Найденъ въ 1896 г. тамъ же, гдѣ n⁰ 30.

1/3 нат. вел.

Содержаніе надписи не можетъ быть опредѣлено.

---

35. Кусокъ мраморной плиты въ 0,038 толщины съ прекрасно сохранившимися семью очень крупными (выс. около 0,06 м.) буквами отъ греческой надписи римскихъ временъ.

Найденъ при произведенныхъ въ 1897 г. раскопкахъ храма, лежавшаго между нынѣшней монастырской гостиницей, цвѣтникомъ и конюшней, между кусками половыхъ мраморныхъ плитъ въ ю.-в. углу крещальни. Плита была заложена въ полу надписью внизъ.

ΙΟΣΠΟΝΤ . . . ιος Ποντ[ικοῦ?].

---

36. Верхній правый уголъ мраморной плиты въ 0,05 м. толщ., 0,18 шир. и 0,205 выш. съ остатками греческой надписи въ 2-хъ строкахъ, изъ коихъ верхняя была вырѣзана на выступѣ, образовавшемъ родъ карниза, а вторая — подъ нимъ. Съ правой стороны на ребрѣ плиты выдолблено круглое углубленіе, служившее, вѣроятно, для вставки болта, скрѣплявшаго эту плиту съ другою.

Найденъ въ 1896 г. при раскопкахъ въ ю.-в. углу площади впереди собора св. Владиміра.

1/3 нат. вел.

Въ 1-й строкѣ, несомнѣнно, было вырѣзано [Ἀγαθῆι τύχ]ηι.

---

37. Обломокъ нижняго лѣваго угла мраморной плиты около 0,05 толщ.; вышина обломка 0,13, шир. 0,06. На немъ сохранились начальныя буквы трехъ нижнихъ строкъ тщательно вырѣзанной надписи (выш. 0,015 м.); слѣва и снизу имѣется свободное пространство.

Обломокъ найденъ въ 1898 г. около главной городской стѣны, по близости большой фланговой башни.

ΟΥ
ΕΤ
ΝC

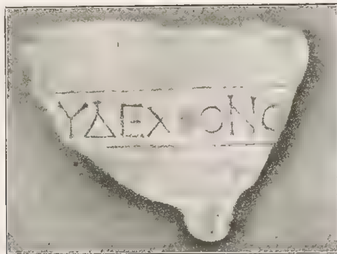
38. Осколокъ известковой плиты выс. 0,18, шир. 0,15, толщ. 0,08, обломанный со всѣхъ сторонъ, съ остатками сильно пострадавшей надписи (выс. буквъ 0,025). Копія г. Косцюшко-Валюжинича (эстампажъ не снятъ вслѣдствіе очень плохой сохранности надписи).

Найденъ въ 1897 г. тамъ же, гдѣ n⁰ 9.

ΗΡ/
ΗCACΑ

---

39. Обломокъ мраморной плиты съ греческою надписью, найденный въ 1895 г. при раскопкахъ на сѣв. берегу городища, между моремъ и монастырскимъ садомъ. См. Отч. И. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 101 съ рис. 251, который здѣсь повторяется.

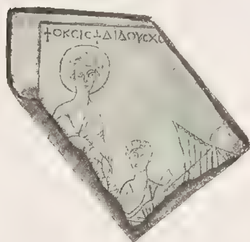
½ нат. вел.

Содержаніе надписи, относящейся къ римскимъ временамъ, не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно.

---

5. Надписи Византійской эпохи.

40. При раскопкахъ въ некрополѣ въ 1896 г. открыта между прочимъ (подъ № 734 по описи г. Косцюшко) катакомба[1]) съ тремя нишами, впереди которой у самаго затвора лежали: надгробный крестъ грубой работы изъ мѣстнаго камня съ высѣченными вглубь крестами и обломокъ мраморной плиты выш. и шир. 0,20 м., толщ. 0,025, на одной сторонѣ котораго имѣется только рельефный бордюръ, а на другой сторонѣ сохранился остатокъ вырѣзаннаго вглубь рисунка, изображающаго, по объясненію проф. Н. В. Покровскаго (сообщенному въ Импер. Археолог. Коммиссію), хожденіе Спасителя по водамъ (Ев. Мѳ. XIV, 24—33; Мрк. VI, 47—52; Іоан. VI, 16—21). Спаситель съ юнымъ безбородымъ лицомъ, окруженнымъ нимбомъ, подаетъ правую руку св. Петру, находящемуся въ лодкѣ; справа виднѣется часть поднятаго паруса. Критеріемъ для опредѣленія времени памятника, по мнѣнію г. Покровскаго, можетъ служить безбородый античный типъ Спасителя, на основаніи котораго возможно предположить, что сцена эта, трактованная художникомъ въ античномъ духѣ, относится приблизительно къ V—VI вѣку[2]). Какое назначеніе имѣла плита, трудно сказать увѣренно. Если она служила надгробнымъ памятникомъ, то сюжетъ спасенія св. Петра отъ потопленія, по мнѣнію г. Покровскаго, можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ символическаго указанія на воскресеніе изъ мертвыхъ. Но намъ кажется, что плита слишкомъ тонка для того, чтобы могла быть поставлена на могилѣ, а потому мы скорѣе склоняемся къ предположенію, что это была икона или архитектурная принадлежность какого-либо храма. Надъ изображеніемъ, въ разстояніи 0,025 м. отъ верхняго края плиты, находится тщательно вырѣзанная одностручная надпись (выс. буквъ около 0,015 м.), правая половина которой пропала вслѣдствіе разбитія плиты. Примѣнительно къ сюжету изображенія, надпись можетъ быть возстановлена приблизительно слѣдующимъ образомъ:

$^1/_8$ нат. вел.

† Ὁ κ(ύριο)ς Ἰ(ησοῦ)ς † διδοὺς χο[ρηγίαν τῷ ἁγίῳ Πέτρῳ][3]).

Господь Іисусъ, подающій [*помощь святому Петру*].

---

[1]) О мѣстѣ находки ср. «Археол. изв. и замѣтки» 1897 г., стр. 187.

[2]) Въ качествѣ terminus post quem можно указать, что по сообщенію К. К. Косцюшко-Валюжинича въ катакомбѣ найдены двѣ бронзовыя монеты Аркадія и Гонорія (395—408). Объ иконографіи хожденія Спасителя по водамъ ср. Н. В. Покровскаго Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущ. визант. и русскихъ (Спб. 1892), стр. 346 сл. О типахъ изображеній Спасителя вообще ср. F. X. Kraus, Real-Encyklopädie d. christl. Alterthümer (Freib. 1882—86), II, p. 23 sq., s. v. Jesus Christus.

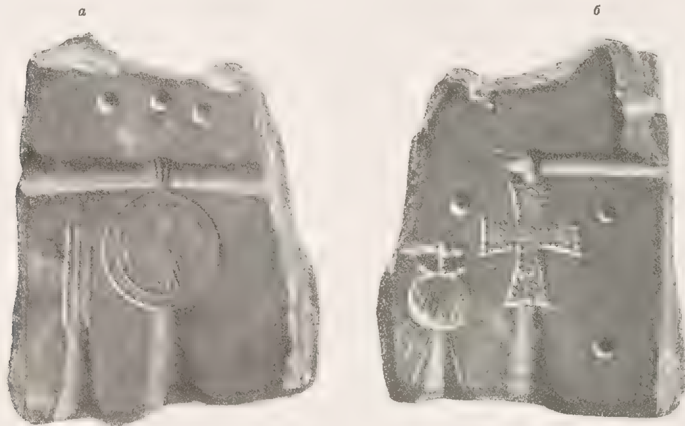
[3]) Можно было бы предположить διδοὺς χ[εῖρα], но послѣдняя буква, сохранившаяся на половину, повидимому несомнѣнно была Ο, а не Ϲ. Къ этому предположенію можно привести для сравненія мозаичную надпись въ Равеннской крещальнѣ (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей, Спб. 1896, стр. 45): IHS ambulās super mare Petro mergenti manum capit et iubente Domno ventus cessavit.

Употребленіе глагола χορηγεῖν въ смыслѣ «помогать, содѣйствовать, доставлять» въ поздне-греческую и византійскую эпоху общеизвѣстно (встрѣчается и въ Новомъ Завѣтѣ, напр. 2 Кор. 9, 10; 1-е посл. Петра 4, 11); вмѣсто этого глагола вполнѣ возможно описательное выраженіе διδόναι χορηγίαν (ср. ῥάπισμα διδόναι въ Ев. Іоан. XVIII, 22; κρίσιν διδόναι тамъ же V, 22).

---

41. Обломанная со всѣхъ сторонъ плитка изъ глинистаго сланца матово-сѣраго цвѣта, выш. 0,075 м., наиб. шир. 0,06, толщ. 0,013, найденная въ концѣ 1898 г. На одной сторонѣ ея *(а)* вверху находятся три маленькихъ круглыхъ ямки, ниже ихъ всю плитку пересѣкаетъ въ поперечномъ направленіи желобокъ, къ которому какъ бы привѣшенъ посредствомъ ушка круглый медальончикъ въ 0,024 м. въ діаметрѣ съ вырѣзаннымъ вглубь погруднымъ изображеніемъ безбородой мужской фигуры въ ободкѣ, внутри котораго врѣзана справа налѣво надпись; отъ медальончика идетъ внизъ до края плитки постепенно расширяющійся желобокъ. Налѣво отъ медальончика врѣзанъ сверху внизъ продолговатый четырехугольникъ, раздѣленный пополамъ чертою, съ ромбовидными насѣчками въ обѣихъ половинахъ; отъ него внизъ идетъ также расширяющійся желобокъ. На другой сторонѣ *(б)* средину занимаетъ врѣзанный вглубь крестикъ выш. 0,025 и шир. 0,021 съ расширяющимися перекрестьями, украшенными по всѣмъ краямъ точками, а внутри шестью кружками съ точкою внутри каждаго; крестикъ представляется какъ бы привѣшеннымъ посредствомъ ушка къ желобку, идущему отъ него вправо до края плитки; къ нижнему краю идетъ другой желобокъ, постепенно расширяющійся. Налѣво отъ крестика врѣзано нѣчто въ родѣ круглой раковинки съ рожками вверху и также съ двумя желобками, изъ коихъ одинъ идетъ вверху влѣво къ краю плитки, а другой, постепенно расширяясь, спускается къ нижнему краю. Наконецъ и на этой сторонѣ имѣются три круглыя ямки. Расположеніе всѣхъ изображеній ясно видно на прилагаемыхъ снимкахъ обѣихъ сторонъ плитки въ натуральную величину.

а *б*

По объясненію проф. Н. И. Веселовскаго плитка эта служила формою для отливки врѣзанныхъ на ней изображеній изъ металла или для оттискиванія ихъ на тонкихъ металлическихъ

пластинкахъ[1]). Она представляетъ собою среднюю изъ трехъ частей этого инструмента, къ которой съ обѣихъ сторонъ прикладывались такія же плитки съ врѣзанными обратными сторонами тѣхъ же изображеній. Круглыя ямки на каждой сторонѣ суть гнѣзда для шиповъ, которыми скрѣплялись и удерживались въ надлежащемъ положеніи двѣ створки. Желобки представляютъ собою каналы, по которымъ вливался въ форму расплавленный металлъ; онъ наполнялъ собою полое пространство, вырѣзанное въ плиткахъ, а остатокъ его выливался наружу по противоположнымъ желобкамъ. Послѣ того какъ металлъ застывалъ, створки разнимались и внутри ихъ оказывалось рельефное металлическое изображеніе предмета той формы, въ которую былъ влитъ металлъ. Формы крестика, медальончика и привѣски въ видѣ раковины имѣютъ ушки, которые въ предметахъ, отлитыхъ по этимъ формамъ, служили для продѣванія снурка.

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію медальончика. Какъ уже замѣчено, въ немъ вырѣзано погрудное изображеніе мужской безбородой фигуры; волосы на головѣ ея ниспадаютъ пышными прядями по обѣимъ сторонамъ лица; въ обѣихъ рукахъ, воздѣтыхъ кверху, фигура держитъ кресты, приходящіеся по сторонамъ лица; по обѣимъ сторонамъ головы вверху замѣтны двѣ какія-то точки или черточки; одежда очерчена грубыми штрихами; на ней посреди груди находится кружокъ, повидимому, представленный повѣшеннымъ на снуркѣ. По краямъ медальончика идетъ справа налѣво надпись, которая на гипсовомъ слѣпкѣ (и, стало быть, на предметѣ, отливавшемся въ этой формѣ) представляется рельефною, идущею слѣва направо и въ развернутомъ видѣ читается слѣдующимъ образомъ:

∗ ΚΥΡΙЄ//ΟΗΘЄΙΤΟΝΦΟΙ/ΟιΝ////Ι/ΑΜΗΝ

Хотя буквы надписи очень мелки, но вырѣзаны очень тщательно и красиво и при помощи увеличительнаго стекла читаются совершенно ясно. По характеру письма и правильности ореографіи они должны быть отнесены къ раннимъ византійскимъ временамъ. Надпись можетъ быть возстановлена слѣдующимъ образомъ:

∗ Κύριε, [β]οήθει τὸν φορο[ῦ]ν[τα. ∗ Ἀ]μήν.

«*Господи, помоги носящему. Аминь*».

Этому возстановленію, повидимому, препятствуютъ буквы (I/), занимающія 5-е и 6-е мѣсто отъ конца; но намъ думается, что эти неясно сохранившіеся знаки представляютъ собою части звѣздочки, подобной той, которая предшествуетъ слову Κύριε. Что въ надписи не могло быть имени собственнаго, это ясно изъ того, что наша плитка, очевидно, служила для ремесленнаго изготовленія предметовъ, поступавшихъ въ продажу, и потому надпись должна была имѣть такую форму, которая могла бы быть пригодна для всякаго покупателя. Для такого назначенія вполнѣ годилось общее выраженіе τὸν φοροῦντα, «всякаго носящаго этотъ предметъ»[2]).

---

[1]) Подобная форма русской работы для отливки крестовъ имѣется м. пр. въ Тверскомъ музеѣ. См. А. К. Жизневскаго Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ (М. 1888), стр. 104, № 380.

[2]) Объ употребленіи виинт. надежа при βοηθεῖν ср. ниже прим. къ n⁰ 44.

Что же это былъ за предметъ? При первомъ взглядѣ на него и при чтеніи надписи скорѣе всего приходитъ на мысль, что это былъ наперсный образокъ, носившійся на груди на снуркѣ или цѣпочкѣ, и что, стало быть, на немъ изображенъ какой-либо святой. Однако противъ такого предположенія, повидимому, говоритъ то, что при изображеніи нѣтъ ни надписи, которая указывала бы, какой именно святой здѣсь изображенъ, ни какихъ-либо признаковъ, отличающихъ одного святого отъ другого, ни аттрибутовъ святого вообще (напр. нимба, за слѣды котораго едва-ли можно принять упомянутыя выше точки по сторонамъ головы). Едва-ли также изображались святые съ двумя крестами въ воздѣтыхъ рукахъ. Св. мученики, какъ извѣстно, изображались обычно съ однимъ крестомъ, а святые молящіеся (оранты) — съ воздѣтыми руками, но безъ крестовъ въ нихъ [1]). Наконецъ, принимая изображенное лицо за святого, трудно будетъ объяснить значеніе круглаго предмета, находящагося у него на груди (принимать его за аграфъ одежды препятствуетъ какъ величина его, такъ и то, что онъ помѣщенъ слишкомъ низко). Въ виду этихъ соображеній мы склоняемся къ предположенію о томъ, что въ медальонѣ изображенъ не какой-либо святой, а само лицо, носящее этотъ предметъ (ὁ φορῶν), въ положеніи молящагося и какъ-бы ограждающаго себя отъ бѣдъ и напастей жизни знаменіемъ св. креста въ воздѣтыхъ рукахъ, а круглый предметъ на груди его есть изображеніе этого самого медальона. Такимъ образомъ изображеніе служитъ какъ бы поясненіемъ обращенной къ Господу молитвы: «Господи, помоги носящему это», т. е. изображенному здѣсь лицу, носящему на груди данный предметъ. При такомъ объясненіи медальонъ можетъ быть не наперснымъ образкомъ въ собственномъ смыслѣ, а однимъ изъ видовъ амулетовъ, употребленіе которыхъ въ разнообразныхъ формахъ было, какъ извѣстно, широко распространено у древнихъ христіанъ [2]).

Священное изображеніе могло дѣлаться на другой сторонѣ амулета, форма для отливки которой до насъ не дошла. Въ археологической литературѣ можно найдти нѣсколько болѣе или менѣе аналогичныхъ амулетовъ съ подобными же надписями. Такъ напр. у Schlumberger'а въ «Mélanges d'archéologie Byzantine» (Par. 1895) на стр. 21 подъ n⁰ 1 описанъ и изображенъ амулетъ изъ желтой мѣди въ видѣ продолговатаго четырехугольника съ ушкомъ для вѣшанія; на лицевой сторонѣ его изображенъ св. Пантелеимонъ съ молитвенно сложенными руками и съ надписью **О А(γιος) ΠΑΝΤΕΛΕΗΜΟΝ**, а на оборотѣ читается надпись **Κ(υρι)Ε ΒΟΙΘΗ ΤΟΝ ΦΟΡΟΝΤΑ ΤΟΝ**.

Въ томъ же сборникѣ Schlumberger посвятилъ особую статью (стр. 117—140) раз-

---

[1]) Д. В. Айналовъ (Мозаики IV и V вѣковъ, Спб. 1895, стр. 163), описывая мозаичное изображеніе св. Виктора въ капеллѣ его имени въ церкви св. Амвросія въ Миланѣ, имѣющее по обѣимъ сторонамъ кресты оригинальной и сложной формы съ надписями, замѣчаетъ, что «такіе кресты нигдѣ болѣе неизвѣстны». На рѣзномъ камнѣ, изданномъ у Garrucci (Storia dell'arte crist. VI, t. 492, 9) и изображающемъ стоящаго юношу съ воздѣтыми руками, съ овцою и козою у его ногъ и съ надписью Ἀγάθ(ω)να (β)οήθη на оборотѣ, имѣются крестики, но не въ рукахъ юноши, а по обѣимъ сторонамъ ихъ, повидимому съ чисто декоративнымъ назначеніемъ. Объ изображеніяхъ святыхъ съ воздѣтыми руками ср. Рѣдинъ, Моз. Рав. церквей, стр. 103, а объ изображеніи молящихся вообще см. Kraus, R. E. I p. 551 sq. s. v. Gebet.

[2]) Объ амулетахъ вообще ср. напр. Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes (Par. 1865), s. v. Amulettes chrétiens; Kraus, R. E. I, s. v. Amulete.

смотрѣнію филактиріевъ, т. е. амулетовъ, которые суевѣрные люди носили для отвращенія бѣдствій и болѣзней[1]). На одномъ изъ нихъ (n° 1) читается надпись: ϹΦΡΑΓΙϹ ϹΟΛΟΜΟΝΟϹ ΑΠΟΔΙΟΞΟΝ ΠΑΝ ΚΑΚΟΝ ΑΠΟ ΤΟΥ ΦΟΡȣΝΤΟ(ς), т. е. «Печать Соломона, отжени всякое зло отъ носящаго», на другомъ (n° 2) читаемъ: + ϹΦΡΑΓΙϹϹΟΛΟΜΟΝΟϹ ΦVΛΑΤЄ ΤΟΝ ΦΟΡΟVΝΤΑ, т. е. «Печать Соломона, охраняй носящаго»[2]). На змѣевикѣ, описанномъ гр. И. И. Толстымъ въ ук. статьѣ подъ № 7, имѣется надпись: + ΘЄΟΤѠΚЄ ϹΚЄΠЄ ΚЄ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ЄΧѠΝΤΑ ϹЄ Α[ΜΗ]Ν, т. е. «Богородице, защити и помоги имѣющему тебя, аминь». Наконецъ можно указать еще на медальонъ безъ надписей, съ изображеніемъ на одной сторонѣ хризмы, а на другой — бюста владѣльца[3]).

Эти примѣры, какъ намъ кажется, могутъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ предположенія, что наша форма служила именно для отливки амулетовъ.

Слѣдующіе два предмета, какъ принадлежащіе къ одному типу вещественныхъ памятниковъ, необходимо разсмотрѣть вмѣстѣ.

42. При раскопкахъ юго-восточной оконечности городища, къ с. отъ склада древностей, весною 1896 г. найденъ м. пр. цѣльный глиняный кружокъ, имѣющій до 0,10 м. въ діаметрѣ[4]).

По краю его идетъ двойной рельефный кругъ, въ которомъ помѣщается хорошо сохранившаяся рельефная же надпись. Внутри круга изображенъ мужъ, очевидно представляющій св. Фоку, стоящій въ лодкѣ лицомъ къ зрителю съ воздѣтыми руками, въ короткомъ одѣяніи; голова его окружена нимбомъ; черты лица совершенно не обозначены; слѣва у пояса виситъ большая рыба; съ той же стороны надъ носомъ лодки изображенъ трезубецъ (острога?), а справа на кормѣ — руль и два весла. По излому оборотной стороны видно, что кружокъ находился на стержнѣ, по выраженію г. Косцюшко-Валюжинича «подобно шапкѣ

---

[1]) Къ числу такихъ амулетовъ, какъ извѣстно, принадлежатъ такъ называемые змѣевики, о которыхъ у насъ существуетъ цѣлая литература. Изъ нея мы считаемъ достаточнымъ указать здѣсь только статьи графа И. И. Толстаго «О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками» въ Зап. И. Русскаго Археол. Общ. н. с. т. III (1888), стр. 363—413 (съ подробнымъ указателемъ литературы) и М. И. Соколова «Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками», въ Журн. М. Н. Пр. 1889, іюнь, стр. 339—368, съ дополненіемъ В. Г. Васильевскаго «О Гилло» (стр. 369—371).

[2]) Объ этихъ амулетахъ ср. замѣчанія П. В. Безобразова въ рецензіи на сборникъ Schlumberger'a въ Виз. Временникѣ, т. III, стр. 673—676.

[3]) Kraus, R. E. I, стр. 51, фиг. 32 (раньше изданъ де-Росси въ Bull. 1869, pl. 3).

[4]) О мѣстѣ находки ср. Филол. Обозр. XII, 1, стр. 300 или Археол. изв. и замѣтки 1897, стр. 168. Къ сожалѣнію, представляемый здѣсь рисунокъ кружка, первоначально предназначавшійся для другого изданія, сдѣланъ не въ натуральную величину, а въ половинномъ размѣрѣ. Натуральная величина кружка совершенно одинакова съ n° 43.

гриба». Онъ же замѣчаетъ, что «по первому впечатлѣнію кажется, что видишь передъ собою верхъ просфоры». Въ настоящее время этотъ любопытный памятникъ находится въ С.-Петербургѣ, въ новомъ музеѣ Императора Александра III. Надпись въ развернутомъ видѣ читается слѣдующимъ образомъ:

+ ЄVX⁼ΓΙΑΤΟVΑΓΙΟVΦωΚΑΤΟΥΠΤωΧΙΟVΧЄΡϹΟΝΟϹ

Третья буква съ начала имѣетъ форму Χ вмѣсто Λ, четвертая попорчена и пятая менѣе ясна, чѣмъ прочія. Тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ слѣдующее чтеніе надписи:

Εὐ(λο)γία τοῦ ἁγίου Φωκᾶ τοῦ πτωχ(ε)ίου Χερσ(ῶ)νος.

Прежде чѣмъ выяснить смыслъ этой надписи и назначеніе предмета, на которомъ она вырѣзана, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о святомъ мужѣ, изображенномъ на этомъ предметѣ и упоминаемомъ въ надписи. Извѣстно, что на христіанскомъ Востокѣ было широко распространено почитаніе св. Фоки, какъ покровителя мореплавателей. На это покровительство, безъ сомнѣнія, указываетъ и изображеніе его въ лодкѣ, въ молитвенномъ положеніи. Но, собственно говоря, было два святыхъ, которымъ въ разныхъ источникахъ приписывается предстательство за мореплавателей. Оба они подвизались въ Синопѣ и стяжали вѣнецъ мученическій. Память ихъ обоихъ совершается въ православной церкви въ одинъ и тотъ же день, 22 сентября. Старшій по времени, жившій при императорѣ Траянѣ, былъ сначала корабельщикомъ (ναύτης), а затѣмъ за святость жизни былъ поставленъ во епископы. Въ Acta sanctorum имѣется довольно пространное описаніе его мученія[1]), которое, впрочемъ, издатели не признаютъ «чистымъ»[2]). Въ немъ говорится, что св. Фока былъ представленъ префектомъ Африканомъ императору Траяну, который, не успѣвъ убѣжденіями и бичеваніемъ склонить его къ жертвоприношенію языческимъ богамъ, приказалъ бросить его въ негашенную известь, а затѣмъ, когда онъ, пробывъ 3 часа въ извести, остался невредимымъ, то былъ ввергнутъ въ раскалявшуюся три дня баню и здѣсь, помолившись, предалъ духъ свой Господу. По открытіи бани тѣло его было найдено благоухающимъ какъ нардъ или драгоцѣнное мѵро и крѣпкимъ какъ ледъ, а баня—какъ бы никогда не была топлена. Траянъ послѣ того заболѣлъ лихорадкой и умеръ, изъѣденный червями. Отсюда видно, что мученіе св. Фоки относили ко времени, близкому къ смерти Траяна (117 г.).

Въ концѣ житія сказано, что блаженный Фока «до сего дня признается первымъ кормчимъ Понтійскихъ мореплавателей и прославляется во всемъ мірѣ»[3]). Мощи его впослѣдствіи были перенесены въ Константинополь и положены въ церкви его имени.

---

[1]) Acta sanctorum m. Iul. v. III, p. 639 sq. (подъ 14-мъ числомъ іюля): Martyrium S. Phocae auctore anonymo. Ex Ms. Graeco bibl. Vaticanae cod. 797, pag. 384, collato cum variis Mss. Latinis. Описанію мученія предпосланъ «commentarius praevius», въ которомъ м. пр. указано различіе между святыми, носившими имя Фоки. — Въ славянскихъ Минеяхъ-четьихъ изложеніе житія св. Фоки во многомъ отступаетъ отъ указаннаго. Въ «Великихъ Минеяхъ четіихъ» митр. Макарія (изд. Археогр. Комм., Спб. 1869) имѣется лишь весьма краткое житіе (подъ 22 сентября, ст. 1343).

[2]) Ср. архим. Сергія Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II (М. 1876), ч. 2, стр. 301.

[3]) Martyr. 20: Τοιοῦτον βίον καὶ τοιοῦτον ἆθλον ὑπομείνας ὁ μακάριος Φωκᾶς πρῶτος τῶν ἐν Πόντῳ λαλεῖται ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας κυβερνήτης τῶν ναυτηλῶν, λαλητὸς ἐν παντὶ τῷ κόσμῳ.

*

Другой св. Фока — вертоградарь (κηπουρός) жилъ въ Синопѣ въ началѣ IV в. и славился благочестіемъ и благотворительностью. Во время мѣстнаго гоненія на христіанъ онъ былъ усѣченъ мечемъ, какъ ревностнѣйшій служитель Христовъ. Св. Астерій, епископъ Амасійскій, жившій во 2-й половинѣ того-же вѣка, написалъ дошедшую до насъ «Похвалу священномученику Фокѣ», въ которой заключается и подробное описаніе его мученической кончины[1]). Тѣло его было погребено въ могилѣ, имъ самимъ приготовленной въ его саду. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ храмъ, о которомъ св. Астерій говоритъ слѣдующее: «Этотъ благолѣпный храмъ, который хранитъ святые останки мученика, есть утѣшеніе скорбящихъ, мѣсто врачеванія страждущихъ, трапеза алчущихъ. Ибо усопшій нынѣ Фока питаетъ изобильнѣе, чѣмъ нѣкогда Іосифъ въ Египтѣ: послѣдній продавалъ хлѣбъ за деньги, а св. Фока даромъ удѣляетъ нуждающимся. Поэтому толпы нищихъ и странниковъ стекаются къ Синопскому перешейку, какъ бы къ общей сокровищницѣ».

Далѣе въ «Похвалѣ» сообщаются чрезвычайно интересныя подробности о почитаніи св. Фоки мореплавателями и о распространеніи его почитанія въ варварскихъ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю. Въ виду важности этихъ подробностей для объясненія нашего памятника, мы позволимъ себѣ привести относящееся сюда мѣсто «Похвалы» въ подлинникѣ, сопоставляя его съ переводомъ въ «Великихъ Минеяхъ-четіихъ» митр. Макарія.

(Migne v. XL p. 309). Ναῦται δὲ καὶ πλωτῆρες οἱ πανταχοῦ, οὐχ οἱ τὸν Εὔξεινον διαπλέοντες πόντον, ἀλλὰ καὶ οἱ τὸν Ἀδρίαν τέμνοντες καὶ ὑπὲρ Αἰγαίου φερόμενοι καὶ ὅσοι τὸν Ὠκεανὸν πλέουσι τὸν Ἑσπέριον καὶ τοῖς Ἑῴοις κόλποις ἐνθαλαττεύουσι, τὰ συνήθη κελεύσματα, οἷς τοῦ πλοῦ τὸν πόνον προσαναπαύουσιν, εἰς καινὴν τοῦ μάρτυρος μετέβαλον εὐφημίαν· καὶ διὰ γλώσσης ἐστὶν ὅλος ὁ Φωκᾶς αὐτοῖς ὑπᾳδόμενος· ἐπεὶ καὶ ἐναργῆ παρέχει τῆς βοηθείας τὰ σύμβολα. Πολλάκις μὲν γὰρ ὤφθη, νῦν μὲν νύκτωρ προσογκουμένου χειμῶνος διεγείρων τὸν κυβερνήτην τῷ πηδαλίῳ ἐπινυστάζοντα· ἄλλοτε δὲ πάλιν τοὺς κάλως διατείνων καὶ τῆς ὀθόνης ἐπιμελούμενος καὶ ἀπὸ τῆς πρῴρας προοπτεύων τὰ βράχη. Ὅθεν καὶ νόμος ἐγένετο ναύταις

(Вел. Минеи четіи, ст. 1350). Възчіе же и пловци, иже повсюду, не Понтійскую преплавающеи токмо пучину, но и безъстрашное сѣкущеи, и глубиною носиміи[2]), и елици океанъ преплаваа Западный, и Еоіскымъ нѣдромъ приближающеися, обычнаа пѣніа, имиже плаванія трудъ упокоꙗваютъ, въ ново мученика преложиша благохваленіе, и на ꙗзыцѣ всячьскы тѣмъ есть Фока въспѣваемъ, зане и ꙗвьствено подаетъ помощи образы: многажды бо ꙗвися, ово убо нощію, ожидаемѣ бури, възбуждаа кръмчіа на кръмѣ въздрѣмав҆ша, другоци же пакы вѫже простираа, и о ꙗдрилѣ пѣкася, и отъ прору отрѣваа стѣну[3]). Тѣмже и законъ устроися възчіамъ Фоку же имѣти съобѣд҆ника. И ел҆ма иже нынѣ

---

[1]) Migne, Patrol. cursus compl., ser. Gr. v. XL p. 300—314. Cf. Acta SS. m. Sept. VI, p. 293 sq. Эта «Похвала» послужила источникомъ для житія св. Фоки въ славянскихъ Минеяхъ-четьихъ св. Димитрія Ростовскаго (подъ 22 сентября), которое представляетъ собою свободный пересказъ «Похвалы». Въ «Великихъ Минеяхъ-четіихъ» митроп. Макарія приведенъ точный славянскій переводъ «Похвалы».

[2]) Слова «οἱ τὸν Ἀδρίαν τέμνοντες καὶ ὑπὲρ Αἰγαίου φερόμενοι» не поняты переводчикомъ.

[3]) ἀπὸ τῆς πρῴρας προοπτεύων τὰ βράχη также не понято. Ср. Минеи-четьи св. Дим. Рост.: «иногда показовашеся на носѣ корабля стоя и мѣлинꙋ моря оусмотрѣвая».

Φωκᾶν ἔχειν συνεστιάτορα· καὶ ἐπειδὴ τὸν νῦν ἀσώματον σύσσιτον εἶναι καὶ κοινωνὸν τραπέζης ἀμήχανον, μάθετε πῶς ἄρα φιλευσεβὴς λογισμὸς ἐσοφίσατο τὸ ἀδύνατον· καθ᾿ ἑκάστην γὰρ τὴν ἡμέραν τὴν τῶν ὄψων μερίδα πρὸς ἰσομοιρίαν τῶν ἐσθιόντων ἀποκληροῦσι τῷ μάρτυρι. ταύτην δέ τις τῶν δαιτυμόνων ἐξωνούμενος τὸ ἀργύριον κατατίθεται, καὶ τῇ ὑστεραίᾳ ἄλλος καὶ ἄλλοτε ἕτερος· καὶ οὗτος ὁ κλῆρος τῆς ἀγορασίας περιιὼν ἅπαντας δίδωσι καθ᾿ ἡμέραν τῆς μερίδος τὸν ὠνητήν. Ἐπειδὰν δὲ ὅρμος αὐτοὺς ὑποδέξηται καὶ εἰς γῆν ἀφίκωνται, μερίζεται τὸ ἀργύριον τοῖς πεινῶσι· τοῦτο ἡ μερὶς τοῦ Φωκᾶ, πενήτων εὐεργεσία.

Τεθήπασι τοῦτον καὶ βασιλεῖς τὸν καρτερικώτατον καὶ φιλόθεον, καὶ φιλοτίμοις κειμηλίοις κατακοσμοῦσι τοῦ περιβλέπτου πένητος τὸν ναόν. Φιλονεικοῦσι δὲ οἱ ἐπιγινόμενοι τοὺς πρεσβυτέρους ὑπερβαλέσθαι. Καὶ οὔπω θαυμαστόν, εἰ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας ἄνδρες φιλευσεβεῖς, θεσμοῖς καὶ νόμοις σύντροφοι, οὕτως εὐλαβῶς ἔχουσι περὶ τὸν θεράποντα τοῦ Χριστοῦ, ὁπότε καὶ εἰς βαρβάρους ἔφθη τὸ θαῦμα· καὶ πάντες οἱ ἀγριώτατοι Σκύθαι, ὅσοι δὴ τὴν ἀντιπέρας τοῦ Εὐξείνου Πόντου ἤπειρον νέμονται, Μαιώτιδος λίμνης καὶ ποταμοῦ Τανάιδος πρόσοικοι, ὅσοι τε τὸν Βόσπορον οἰκοῦσι, καὶ ἄχρι Φάσιδος ποταμοῦ παρατείνονται, πάντες οὗτοι δορυφοροῦσι τῷ κηπουρῷ· τοῖς δὲ πᾶσιν ἔθεσι καὶ ἐπιτηδεύμασι διεστῶτες ἡμῶν εἰς τοῦτο μόνον ὁμογνώμονες γίνονται, τὴν ἀγριότητα τῶν τρόπων ὑπὸ τῆς ἀληθείας ἐξημερούμενοι. Εἷς γοῦν ἄρχων καὶ βασιλεὺς ἐκεῖθεν τὸν στέφανον τῆς κεφαλῆς ἀποθέμενος, χρυσῷ καὶ ἄνθεσι λίθων περιλαμπόμενον, καὶ τὸν

бесплотна съхлѣбника и причастника трапезе имѣти невъзможно, увѣдѣти, како убо благочестивъ помыслъ упремудри недоумѣнное: на всякъ бо день снѣди часть по равеньству ꙗдущихъ оставляютъ мученику; сіа же единъ отъ тамо сущихъ искупуя, сребреникъ поставляетъ; и назаутра другый, въ другый инъ, и сице достоꙗніе купованіа обходя всѣхъ, даютъ по вся дни части уцѣненіе[1]); да егда же тѣхъ устрѣмленіе преиметь и къ земли пріидуть, раздѣляется сребро алчющимъ; и сіа часть Ѳокы нищимъ благодѣяніе.

Ужасошася сего и царіе тръпѣливѣйшаго и боголюбьнаго, многоцѣнными съкровищи украшаютъ обзорнаго просителя храмъ; любопрутъ же ся пришелци[2]) старѣйшихъ превъзыти. И не толико чюдно, аще мирьскаго[3]) владычества мужіе, благочестіе любителе, правды и закона друзи, сице благоговѣиньство имуть о угодницѣ Христовѣ, егда и в᾿ варвары възвѣстися чюдо, и всѣ свирѣпѣйшіи скиѳе, елици на обонъ полъ Пон᾿тійскаго моря суши пребываютъ, Рождественаго[4]) блата и рѣкы Танаиды жителе, елици морскаа устіа населяютъ, и до Фасида рѣкы приходя, вси сіи дароносятъ[5]) врътоградарю; всѣми же обычаи художьствы[6]) отстоꙗщеи отъ насъ на сіе токмо единомыслени бываютъ, звѣрьство образа отъ истинны укротѣвающе: единъ бо князь отъонуду и царь, и венець отъ главы снемъ, златомъ и цвѣты каменій свѣтящь, и еже на прьсѣхъ оружіе бранное отрѣшивъ[7]), вещи

---

[1]) τὸν ὠνητήν также переведено невѣрно.

[2]) οἱ ἐπιγινόμενοι здѣсь = потомки, а не пришельцы. Выше неудаченъ переводъ словъ τοῦ περιβλέπτου πένητος.

[3]) Должно быть: Римьскаго.

[4]) Весьма интересный переводъ имени собств. Μαιώτιδος (очевидно по производству отъ μαιοῦμαι).

[5]) Въ первоначальномъ текстѣ было, вѣроятно, «дорѵносятъ».

[6]) обычаи *и* художьствы?

[7]) Повидимому переводчикъ не зналъ точнаго значенія слова θώραξ.

θώρακα τὸν πολεμικὸν ἀποδύς, ὕλας ἔχοντα πλούτου (ἀλαζονικὴ γὰρ καὶ θρυπτομένη τῶν βαρβάρων ἡ πανοπλία) ἔπεμψεν ἀμφότερα ἀναθήματα, διὰ τοῦ μάρτυρος τῷ Θεῷ καὶ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος καθιερώσας τὰς ἀφορμάς. Πρόδηλον γάρ, ὡς ὁ μὲν στέφανος τῆς βασιλείας ἦν χαριστήριον, ὁ δὲ θώραξ τῆς κατὰ πολέμους ἰσχύος.

имящее богатьства, жестоко бо и грꙑдостно[1]) варварское всеоружіе, посла обоя възложенія ради мученика Богови, и силы и достоиньства освятивъ вины. Проꙗвленно убо, ꙗко вѣнець царьствіа бѣ дарованіа, оружіе же уже[2]) на бранехъ крѣпости.

Такимъ образомъ въ «Похвалѣ» св. Фока вертоградарь прославляется, какъ покровитель мореплавателей, а кромѣ того нищихъ, убогихъ и странниковъ, почитаніе котораго проникло и въ среду варварскаго населенія нынѣшней южной Россіи и Кавказа. Между тѣмъ въ житіи св. Фоки епископа (какъ мы видѣли выше) и въ синаксарѣ святогорца Никодима покровительство мореплавателямъ приписывается именно св. епископу, который раньше самъ былъ корабельщикомъ. Въ виду этого разногласія въ агіологической литературѣ существуетъ мнѣніе, что св. Астерій смѣшалъ двухъ одноименныхъ и одномѣстныхъ святыхъ и приписалъ вертоградарю то, что другими приписывалось епископу, или же что тотъ и другой святой почитались какъ покровители мореплаванія въ разныхъ мѣстностяхъ[3]). Какъ бы то ни было, на нашемъ памятникѣ св. Фока, покровитель нищепріимнаго дома въ Херсонисѣ, представленъ въ видѣ рыбаря, а не вертоградаря.

---

43. При раскопкахъ въ Херсонисѣ въ концѣ 1898 года найденъ глиняный кружокъ въ 0,09 въ діаметрѣ съ выломанною въ видѣ трехугольника верхнею частью, совершенно подобный предыдущему съ тою лишь разницею, что 1) изображенія и надписи на немъ вырѣзаны вглубь, а не рельефно, и притомъ въ обратномъ видѣ (см. объ этомъ ниже) и 2) на оборотной сторонѣ, совершенно гладкой, нѣтъ стержня. По краю кружка́, какъ и на № 42, идетъ двойной рельефный кругъ, въ которомъ находится надпись, по характеру письма совершенно сходная съ надписью № 42. Внутри круга изображенъ продолговатый крестъ съ расширяющимися къ концамъ перекрестьями (верхнее не вполнѣ сохранилось) и съ подвѣшенными къ поперечнымъ полосамъ буквами Α и ω, стоящій на камнѣ и окруженный сіяніемъ. По обѣимъ сторонамъ креста стоятъ святые въ длинныхъ одѣяніяхъ. Стоящій налѣво отъ креста, съ отбитою нынѣ головою, изображенъ съ воздѣтыми руками (лѣвая рука отъ локтя отбита), а стоящій направо, съ головою окруженною нимбомъ, лѣвую руку полагаетъ на грудь, а въ правой держитъ длинный жезлъ съ крестомъ наверху; по обѣимъ сторонамъ святыхъ изображены продолговатые предметы, пови-

---

[1]) ἀλαζονικὴ καὶ θρυπτομένη передано неточно. Слѣдующая фраза, очевпдно, не вполнѣ понята переводчикомъ.

[2]) иже?

[3]) Ср., напр., архим. Сергія, Полный мѣс. Вост. II, 2, стр. 301: «Такъ какъ мощи епископа Фоки перенесены въ Царьградъ не позднѣе 404 года и память его была гораздо славнѣе, то жители Царяграда и другіе за ними къ сему прибѣгали въ дѣлахъ мореплаванія, а жители Синопа и окрестностей къ вертоградарю Фокѣ».

димому представляющіе маленькія кипарисовыя деревца. Всѣ детали изображенія ясно видны на прилагаемомъ рисункѣ, снятомъ въ натуральную величину.

Форма креста на нашемъ памятникѣ весьма сходна съ крестами, изображенными на стѣнахъ Керченской катакомбы 491 г., описанной Ю. А. Кулаковскимъ[1]). По аналогіи съ ними можно предполагать, что и на нашемъ памятникѣ у верхней (нынѣ отбитой) полосы креста былъ полукруглый придатокъ для изображенія монограммы Христа; нижняя часть его, кажется, еще сохранилась. Для всего изображенія прекрасную аналогію представляетъ извѣстный серебряный дискосъ собранія графа Строганова, найденный въ Березовѣ и изданный у Garrucci[2]), а затѣмъ въ болѣе точномъ видѣ въ «Русскихъ древностяхъ въ пам. искусства» гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова»[3]). Несмотря на замѣтную разницу въ деталяхъ[4]), значеніе изоб-

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Комм. № 6 (Спб. 1891). Древности южной Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 года. Изслѣдованіе Юліана Кулаковскаго. См. стр. 17 сл. и табл. II, 1 и 2, табл. III и IV, 1. Подобные же кресты въ куполѣ усыпальницы Галлы Плацидіи въ Равеннѣ и на рельефахъ Равеннскихъ саркофаговъ. См. Рѣдинъ, Мозаики Рав. церквей, стр. 55.

[2]) R. Garrucci, Storia della arte Cristiana, vol. VI (Prato 1880), tav. 460, 10. Почтенный археологъ въ текстѣ (p. 88) описываетъ изображеніе такъ: «Due Angeli, facilmente S. Michele e S. Gabriele, stanno in guardia e adorano la croce che è piantata sopra un globo tutto disseminato di stelle: il suolo dove riposa è quello del terrestre paradiso facendone indizio i quattro fiumi che ne sgorgano. Per la qual cosa a me pare che stando la croce in tal luogo e in guardia dei due Arcangeli, essa debba essersi posta in luogo dell' albero o legno della vita, che ne fu eloquente figura. Il lavoro non antecede il secolo sesto: gli Angeli portano tutti i loro distintivi, nimbo, diadema, bastone viatorio, ali: vestono tunica e manto ed hanno i sandali ai piedi».

[3]) Вып. IV (Спб. 1891), стр. 174, рис. 166. Авторы говорятъ, что изображеніе представляетъ «Славу Креста Господня» и называютъ его сирійской работой второй половины VI вѣка по Р. X.

[4]) Строгоновскій крестъ водруженъ на шарѣ (который Гарруччи описываетъ какъ «globo tutto disseminato di stelle»), не имѣетъ сіянія и буквъ Α и ω; по сторонамъ его стоятъ два юныхъ ангела съ

раженія на нашемъ памятникѣ и на Строгоновскомъ несомнѣнно одно и то же. По объясненію Д. В. Айналова[1]) «крестъ на холмѣ прежде всего указываетъ на Распятіе христово. Первые христіане не изображали Распятія, а желая указать на крестную смерть Христа, изображали крестъ на Голгоѳѣ или на ровномъ пространствѣ и обставляли его фигурами, которыя и опредѣляли смыслъ композиціи . . . На саркофагахъ эта композиція обыкновенно помѣщается посреди евангельскихъ или библейскихъ сценъ, или посреди 12 апостоловъ, которые оживленно бесѣдуютъ другъ съ другомъ, указывая на крестъ. Холмъ, на которомъ стоитъ этотъ крестъ, имѣетъ часто четыре райскія рѣки, текущія изъ его подножія, но также изображается часто и безъ рѣкъ, какъ это видно и на мозаикѣ св. Пуденціаны».

Все изображеніе на пластинкѣ, какъ уже упомянуто, сдѣлано въ обратномъ видѣ, т. е. такъ, что оно получается въ надлежащемъ видѣ (въ рельефѣ) только на отлитыхъ или на оттиснутыхъ съ этой пластинки предметахъ. Изъ этого совершенно ясно назначеніе пластинки служить формою или, такъ сказать, печатью для рельефныхъ оттисковъ. Соотвѣтственно такому назначенію и идущая вокругъ пластинки надпись вырѣзана отъ правой руки къ лѣвой. Въ развернутомъ видѣ она читается слѣдующимъ образомъ:

ƆOᴾY▨▨▨/OΛA̅I▨▨Σ ΨΔИƎIAꓘYOITAYOTȦ

На сдѣланномъ съ пластинки гипсовомъ слѣпкѣ надпись представляется въ такомъ видѣ:

ȦTOYATIOYKAIENΔΨ Ʒ▨▨ΓAΛO▨▨▨YᴾOC

Начало и конецъ надписи находились на выломанномъ трехугольномъ кускѣ. Сравненіе съ надписью св. Фоки дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе, что въ началѣ надписи слѣдуетъ возстановить слово εὐλογία, а въ концѣ пропало имя великомученика — скорѣе всего Георгія, такъ какъ 1) его имя по количеству буквъ вполнѣ подходитъ къ величинѣ пропавшей части кружка́, 2) почитаніе его въ Херсонисѣ уже засвидѣтельствовано найденною въ 1894 г. рѣзною шиферною иконою, изображающею святыхъ Георгія и Димитрія съ надписями ихъ именъ[2]). Такимъ образомъ надпись можетъ быть возстановлена въ слѣдующемъ видѣ:

[Εὐλογί]α τοῦ ἁ(γ)ίου καὶ ἐνδ(ό)ξ[ου μ]εγάλο[υ μάρτ]υ(ρ)ος [Γεωργίου].

Въ началѣ надписи, по всей вѣроятности, находился обычный крестикъ. Въ словѣ ATIOY буква T, читающаяся совершенно ясно, ошибочно вырѣзана вмѣсто Γ. Далѣе мы предполагаемъ

жезлами («мѣрилами» по объясненію гр. Толстого и Кондакова), въ одинаковыхъ одеждахъ и позахъ. На Строг. памятникѣ нѣтъ деревьевъ по сторонамъ, а на нашемъ нѣтъ райскихъ рѣкъ, вытекающихъ изъ холма, на которомъ стоитъ крестъ.

[1]) Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 44 (со ссылками на изображенія сохранившихся памятниковъ у Garrucci и др.). Далѣе на стр. 51 въ подстрочномъ примѣчаніи приведены извѣстія и примѣры изображеній Креста въ хронологическомъ порядкѣ (упомянутая въ числѣ этихъ примѣровъ неизданная пластинка изъ слоновой кости собранія графа Г. С. Строгонова издана впослѣдствіи самимъ г. Айналовымъ въ «Археол. изв. и замѣткахъ» 1897 г., стр. 305—309). Ср. также стр. 139 сл.

[2]) Отчетъ Имп. Археол. Комм. за 1894 г., стр. 56 (со снимкомъ иконы).

не μεγαλομάρτυρος, а μεγάλου μάρτυρος, потому что сохранившійся послѣ O наклонный штрихъ скорѣе можетъ принадлежать буквѣ Υ, нежели M. За нимъ въ испорченной части ободка, повидимому, можно было бы помѣстить болѣе нежели четыре недостающія буквы ΜΑΡΤ, но можно предполагать, что часть ободка въ этомъ мѣстѣ была попорчена при самой отдѣлкѣ пластинки на столько, что на ней нельзя было вырѣзать буквъ и пришлось оставить пустой промежутокъ. Такіе примѣры многократно встрѣчаются даже въ надписяхъ на камняхъ. Изображеніе на предметѣ, носящемъ имя св. великомученика Георгія, не образа этого святого, а Креста Господня съ предстоящими святыми, мнѣ кажется, можно объяснить тѣмъ, что крестъ, какъ извѣстно, былъ символомъ мученичества.

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію назначенія нашихъ памятниковъ. Какъ уже замѣчено, n⁰ 43 безъ сомнѣнія служилъ формою для отливки или оттиска рельефныхъ изображеній, а n⁰ 42 можно принять за изображеніе, оттиснутое съ подобной формы. При этомъ грубость изображеній и глубина вырѣзки ихъ дѣлаютъ весьма мало вѣроятнымъ предположеніе, чтобы эти формы могли служить для отливки металлическихъ изображеній; скорѣе можно думать о гипсѣ, глинѣ, воскѣ и т. п. матеріалахъ. Далѣе, изъ надписи n⁰ 42 видно, что въ Херсонисѣ въ раннія византійскія времена (о времени памятниковъ скажемъ ниже) существовалъ нищепріимный домъ (богадѣльня), находившійся подъ покровительствомъ св. Фоки. Приведенныя выше мѣста «Похвалы» св. Астерія вполнѣ объясняютъ причину, почему богадѣльня была поставлена подъ покровъ святаго страннопріимца. Извѣстно, далѣе, что въ греческомъ языкѣ какъ въ византійскую эпоху, такъ и въ наше время для названія церквей обычно употребляются имена тѣхъ святыхъ, въ честь которыхъ воздвигнуты церкви, какъ напр. Παναγία, ἁγία Σοφία, ἅγιος Ἰωάννης, ὅσιος Λουκᾶς и т. п.[1]). И въ нашей надписи слова ὁ ἅγιος Φωκᾶς могутъ обозначать церковь св. Фоки, которая находилась при богадѣльнѣ, или при которой была богадѣльня.

Затѣмъ мы видѣли изъ приведенной выдержки изъ «Похвалы» св. Астерія, что среди моряковъ, почитавшихъ св. Фоку, какъ своего покровителя, существовалъ обычай при каждой трапезѣ отдѣлять часть пищи или питья св. Фокѣ, затѣмъ продавать ее каждому изъ сотрапезниковъ по очереди и вырученныя деньги, по прибытіи въ гавань, раздавать нуждающимся, такъ что «часть св. Фоки была благодѣяніемъ для бѣдныхъ».

Этотъ фактъ можетъ навести на предположеніе, что въ Херсонской богадѣльнѣ могъ существовать подобный же обычай въ нѣсколько иномъ видѣ, именно что при ней изготовлялись особые хлѣбы, которые продавались богомольцамъ подъ именемъ благословенія св. Фоки, и вырученныя за нихъ деньги употреблялись на содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. Нашъ кружокъ могъ быть употребляемъ для тисненія на такихъ хлѣбахъ изображенія святаго съ соотвѣтствующею надписью. Такой же обычай могъ существовать и въ другихъ церквахъ.

[1]) Аналогичныя названія церквей встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ (напр. «Василій блаженный», «Исакій» и т. п.), особенно часто въ косвенныхъ падежахъ съ предлогами. У В. А. Слѣпцова въ разсказѣ «Спѣвка» пѣвчій говоритъ: «У Вздвиженья у ранней пѣлъ; тамъ отошла — я къ Успенію: *Милость мира* еще захватилъ. Потомъ позднюю у Знаменья, да на похоронахъ апостола читалъ».

Могло быть и такъ, что въ церквахъ раздавались хлѣбы съ священными изображеніями благочестивымъ жертвователямъ, какъ вещественный знакъ благословенія и благодарности святаго покровителя храма за ихъ пожертвованія. Такимъ образомъ наши кружки могутъ быть вполнѣ аналогичны съ тѣми печатями, которыя употребляются въ нашемъ церковномъ быту для тисненія изображеній на просфорахъ [1]).

Обычай раздавать въ церквахъ какіе-либо вещественные предметы въ знакъ благословенія (εὐλογία) благочестивымъ поклонникамъ былъ широко распространенъ среди христіанъ съ древнѣйшихъ временъ. Паломница, извѣстная подъ именемъ Сильвіи, совершившая путешествіе по св. мѣстамъ во 2-й половинѣ IV в. [2]), неоднократно упоминаетъ о такихъ благословеніяхъ [3]), при чемъ изъ нѣкоторыхъ упоминаній совершенно ясно, что подъ ними разумѣлись вещественные дары. Антонинъ изъ Плаценціи, путешествовавшій къ св. мѣстамъ въ концѣ VI в., также неоднократно говоритъ о подобныхъ «благословеніяхъ» [4]) и, между прочимъ, о раздачѣ хлѣбовъ бѣднымъ при церкви св. Исихія въ Іерусалимѣ по распоряженію св. Елены [5]). Подобныя свидѣтельства встрѣчаются и у другихъ христіанскихъ авторовъ [6]).

Особенно распространенъ былъ обычай освящать елей или чрезъ прикосновеніе къ мощамъ или другимъ святынямъ, или чрезъ наливаніе его въ лампады, горѣвшія передъ ними. Такой

---

[1]) Приведенное въ статьѣ К. К. Косцюшко-Валюжинича «Археологическія раскопки Херсонеса въ 1896 г.» въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» 1897 г., № 74 (ср. «Фил. Обозр.» XII, 1, стр. 300, или «Археол. изв. и зам.» 1897, стр. 168) мнѣніе «одного ученаго грека, посѣтившаго херсонесскій складъ древностей», что кружокъ съ изображеніемъ св. Фоки служилъ профилактиріемъ, намъ кажется совершенно неправдоподобнымъ, такъ какъ къ такому назначенію не подходятъ ни форма круга, ни надпись на немъ.

[2]) Ея паломничество сдѣлалось извѣстно ученому міру въ 1884 г. и издано въ 1887 г. итальянскимъ археологомъ Г. Ф. Гамуррини, а затѣмъ въ 1889 г. И. В. Помяловскимъ въ 20 выпускѣ «Православнаго Палестинскаго сборника» подъ загл. «Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis». Объ авторѣ см. предисловіе г. Помяловскаго.

[3]) Peregr. c. 4 (на горѣ Синаѣ)... iam ut exiremus de ecclesia, dederunt nobis presbiteri loci ipsius eulogias, id est de pomis, quae in ipso monte nascuntur. — C. 11 (на горѣ Нававъ) eulogias nobis dare dignati sunt [monachi], sicut habent consuetudinem dandi his, quos humane suscipiunt. — C. 15: Nos ergo accipientes de presbitero eulogias, id est de pomario sancti Iohannis Baptistae, similiter et de sanctis monachis, qui ibi monasteria habebant in ipso horto pomario... profecti sumus iter nostrum quo ibamus. — C. 21 (у кладезя Іакова)... eulogias dignati sunt dare mihi et omnibus, qui mecum erant, sicut est consuetudo monachis dare, his tamen, quos libenti animo suscipiunt in monasteriis suis.

[4]) Antonini Placentini Itinerarium rec. I. Pomialovsky (Правосл. Пал. Сборн. вып. 39, Спб. 1895), c. XVIII: In quo monumento [т. е. у гроба Господня] deforis terra mittitur et ingredientes benedictionem exinde tollent. — Ibid. XX: [у Креста Господня] offertur oleum ad benedicendum, ampullas medias. — Ibid. XXXIX: Inter Sina et Horeb est vallis, in qua certis temporibus discendit ros de caelo, quem manna appellant, et coagulatur et fit tamquam granum masticis et colligitur et doleas exinde plenas habent in monasterio, unde et benedictionem dant ampullas modicas. — Ibid. XLII:... oleum petrinum... qui pro grandi benedictione tollitur. Ср. ко всѣмъ этимъ мѣстамъ примѣчанія И. В. Помяловскаго.

[5]) Ibid. XXVII: ... venimus ad sanctum Isicium, qui ibidem in corpore iacit, ubi etiam et panis erogantur ad homines pauperes et peregrinos, quod deputavit Helena.

[6]) Они собраны въ статье Edm. Le Blant, «Note sur une fiole à inscriptions portant l'image de saint Ménas» въ Revue archéol. 1878, v. 35, p. 299—306.

освященный елей увозился паломниками въ металлическихъ, стеклянныхъ или глиняныхъ сосудахъ и употреблялся для врачеванія, при чемъ паломники иногда дарили его своимъ знакомымъ или уважаемымъ лицамъ. Нѣсколько десятковъ такихъ сосудовъ (ampullae), принадлежавшихъ лонгобардской царицѣ Теодолиндѣ, сохраняются въ Монцѣ. Въ нихъ хранился елей отъ св. мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ надписи: «Ἔλαιον ξύλου ζωῆς τῶν ἁγίων Χριστοῦ τόπων», на другихъ читается: «Εὐλογία Κυρίου τῶν ἁγίων Χριστοῦ τόπων» или «Ἐμμανουὴλ μεθ᾽ἡμῶν ὁ θεός»[1]). Кромѣ обычая брать елей отъ св. мѣстъ былъ также весьма распространенъ обычай увозить въ глиняныхъ сосудахъ влагу (елей или воду) отъ мощей св. Мины, который считался покровителемъ христіанскаго Египта и почитаніе котораго было весьма распространено въ первые вѣка христіанства. Ампулы съ влагою отъ его мощей, обыкновенно снабженныя надписью: «Εὐλογία τοῦ ἁγίου Μηνᾶ», или «Εὐλογία(ν) λάβωμε(ν) τοῦ ἁγίου Μηνᾶ», или просто «Τοῦ ἁγίου Μηνᾶ», разносились паломниками въ разные концы христіанскаго міра[2]). Всѣ эти обычаи, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждаютъ возможность предположенія о существованіи въ Херсонисѣ раздачи освященныхъ хлѣбовъ въ знакъ благословенія святыхъ покровителей церквей. Но особенно нагляднымъ подтвержденіемъ можетъ служить совершенно аналогичный съ нашими кружкàми памятникъ, описанный Мишономъ въ указ. статьѣ (стр. 198, гл. III). Это — терракоттовый кружокъ, 0,105 м. въ діаметрѣ, найденный въ Аттикѣ въ окрестностяхъ Лаврія. Одна сторона его, слегка вогнутая, имѣетъ въ центрѣ возвышеніе въ видѣ рукоятки, а на другой сторонѣ вырѣзаны вглубь: въ центрѣ крестъ въ кругѣ, а по сторонамъ его надпись: ЄΥΛΟΓΙΑΚΥ̅ ЄΦΗΜΑС, «благословеніе Господне на насъ» (быть можетъ, вѣрнѣе читать ἐφ᾽ ὑμᾶς, принимая Η = Υ согласно произношенію). Издатель этого любопытнаго памятника вполнѣ увѣренъ, что кружокъ служилъ печатью для хлѣба[3]). Между тѣмъ сходство его съ нашими кружкàми, не говоря уже о совершенно одинаковой величинѣ, простирается до того, что онъ имѣетъ на оборотной сторонѣ рукоятку, подобно кружку съ именемъ св. Фоки. Надпись на немъ вырѣзана вглубь (en creux), но отъ лѣвой руки къ правой, стало быть на хлѣбѣ она выходила рельефною и читалась справа на лѣво, какъ и на оттискахъ печати съ именемъ св. Фоки.

Несмотря, однако, на столь близкое сходство, мы не рѣшаемся положительно утверждать, что наши кружкѝ непремѣнно служили, подобно Лаврійскому, печатями для оттиска священныхъ изображеній на хлѣбахъ. Дѣло въ томъ, что при всемъ сходствѣ между ними есть и за-

---

[1]) Монцскія ампуллы изданы у Garrucci, Storia della arte crist. VI, tav. 433 сл.

[2]) О св. Минѣ см. В. Г. Васильевскаго, «Повѣсть Епифанія о Іерусалиме и сущихъ въ немъ мѣстъ», (Прав. Пал. Сб. вып. 11), стр. 150. Объ ампуллахъ съ именемъ св. Мины кромѣ вышеуказанной статьи Le Blant'a см. E. Michon «La collection d'ampoules à eulogies du musée du Louvre» въ Mélanges G. B. de Rossi (Paris—Rome 1882), стр. 183—200, съ указаніемъ предшествующей литературы и мѣстъ храненія ампуллъ на стр. 185. Ср. прим. И. В. Помяловскаго въ Ant. Plac. Itin. стр. 110. По сообщенію Е. М. Придика въ Керчи въ коллекціи А. В. Новикова хранятся двѣ ампуллы съ именемъ св. Мины, найденныя, по словамъ владѣльца коллекціи, въ Керчи.

[3]) ... «Il est clair, говоритъ г. Мишонъ на стр. 199, que nous sommes ici en présence d'une sorte de sceau à imprimer sur un pain bénit. Le mot enlogie, qui, plus tard, s'appliqua aussi à d'autres pains sanctifiés par une bénédiction spéciale que les évêques étaient dans la coutume de s'envoyer en signe d'union ecclésiasti-

мѣтное различіе: изображеніе на Лаврійскомъ кружкѣ, если можно такъ выразиться, гораздо проще (крестъ въ кругѣ съ краткою надписью), какъ и слѣдуетъ ожидать отъ печати, оттискиваемой на предметахъ, не подлежащихъ сохраненію на долгое время. Изображенія на нашихъ кружкàхъ, при всей ихъ грубости, гораздо сложнѣе и тщательнѣе. Въ этомъ отношеніи они поразительно напоминаютъ изображенія на вышеупомянутыхъ глиняныхъ ампуллахъ, въ которыхъ сохранялось масло отъ мощей св. Мины, или точнѣе говоря, на одномъ типѣ ихъ, наичаще встрѣчающемся[1]). Ампуллы этого типа, характерною представительницею которыхъ является описанная Le Blant'омъ съ изображеніемъ на табл. X, представляютъ собою сосудцы въ родѣ нашихъ фляжекъ съ узкимъ горлышкомъ и придѣланными къ нему двумя ручками. Съ боковъ онѣ сплюснуты, такъ что боковыя круглыя поверхности ихъ представляются совершенно плоскими[2]). На одной изъ нихъ изображенъ рельефно св. Мина, стоящій съ молитвенно простертыми руками, въ одѣяніи римскаго воина, съ головою окруженною нимбомъ и съ двумя колѣнопреклоненными верблюдами у его ногъ. Присутствіе верблюдовъ объясняется легендою о томъ, что святой предъ своею мученическою кончиною заповѣдалъ, чтобы обезглавленное тѣло его было положено на верблюда и погребено тамъ, гдѣ остановится верблюдъ, предоставленный самому себѣ; послѣдній принесъ останки мученика изъ Котіея, гдѣ онъ пострадалъ, на его родину въ Египетъ[3]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что изображеніе святаго характеризуется данными изъ его житія совершенно такъ же, какъ и на нашемъ кружкѣ съ изображеніемъ св. Фоки. По обѣимъ сторонамъ головы св. Мины на ампуллѣ, изданной Le Blant'омъ, идетъ слѣва направо надпись ΟΑΓΙΟC \ΗΝΑC, а по окружности справа налѣво читается: ΛИΗΜVΟΙℸ/ ▨ ΟΤ-ΙЭΜΟΒΡ ΛΑΙΠΟΛΟVЭ, т. е. Εὐ<ο>λογία(ν) λάβ(ω)με[ν] το[ῦ] ἁγίου Μηνᾶ. Сходство этого

que, dèsignait, durant les premiers siècles, à la fois les espèces sacramentelles elles-mêmes et les pains qu'après avoir consacré le nombre d'hosties nécessaires à la communion des fidèles, le prêtre bénissait pour distribuer à ceux qui n'y avaient point pris part. Il est avéré que, dès le quatrième siècle, les pains offerts à l'autel étaient ronds, de petite taille, et d'ordinaire ornés d'une marque telle que la croix, avec l'inscription ΙC ΧC ΝΙΚΑ par exemple». Далѣе Мишонъ указываетъ на изданную де Росси (Bull. di arch. christ. 1865, p. 80) печать съ надписью ЄΥΛΟΓΙΑ | ЄΥΠΟΡΙѠ, служившую, по мнѣнію издателя, для подобной же цѣли.

[1]) Раздѣленіе ихъ на типы и точное описаніе каждаго изъ нихъ см. въ вышеуказанной статьѣ Мишона, стр. 187 сл.

[2]) Технику производства этихъ сосудовъ г. Мишонъ (ук. ст. стр. 185) описываетъ слѣдующимъ образомъ: «On sait qu'elles consistent en de petits récipients aplatis formés d'un goulot relié à la panse par deux anses coudées. Les deux faces de la panse étaient d'abord obtenues au moyen de moules et appliquées l'une contre l'autre; le goulot, fait à part, était alors ajusté à leur partie supérieure, où l'ouvrier avait eu soin de laisser un passage pour l'écoulement du liquide, et les deux anses soudées; mais le tout sans grand soin, de sorte que les joints des pièces rapportées empiètent constamment sur les faces et masquent parfois soit une partie de la légende, soit la couronne ou les filets circulaires qui les limitent. Le travail, le plus souvent, était alors terminé; mais quelques ampoules semblent avoir été peintes... Les dimensions des ampoules sont généralement restreintes, n'excédant pas six à sept centimètres pour le diamètre de la panse; quatre pourtant de celles que possède le Louvre — et il faut en rapprocher trois au British Museum — se distinguent, en même temps que par leur exécution plus soignée, par leur taille qui atteint quinze centimètres sur dix et demi de diamètre».

[3]) См. Le Blant ук. ст. стр. 304; Michon, стр. 187.

изображенія съ изображеніями на херсонисскихъ кружкàхъ по общему характеру и по техникѣ исполненія на столько поразительно, что даетъ намъ полное право видѣть въ нихъ формы для оттиска изображеній на какихъ-либо глиняныхъ предметахъ, быть можетъ на подобныхъ же сосудахъ, въ которыхъ благочестивые богомольцы получали освященную влагу изъ церквей св. Фоки и св. Георгія.

Во всякомъ случаѣ для объясненія кружкòвъ должно быть принято одно изъ двухъ высказанныхъ нами предположеній, но мы не находимъ вполнѣ прочныхъ данныхъ, которыя бы заставили окончательно остановиться на одномъ изъ нихъ. Очень можетъ быть, что въ массѣ древностей, открытыхъ при раскопкахъ въ Херсонисѣ и хранящихся въ мѣстномъ складѣ, уже имѣются обломки подобныхъ ампуллъ съ рельефными изображеніями, которые дали бы возможность окончательно рѣшить вопросъ въ пользу второго предположенія.

По характеру письма надписей и стилю изображеній оба херсонисскіе кружка несомнѣнно принадлежатъ одной эпохѣ. Для опредѣленія ея главнымъ критеріемъ должно служить священное изображеніе на n° 43 и въ особенности форма креста на немъ, которая, какъ мы видѣли, представляетъ разительное сходство съ изображеніями креста на памятникахъ V—VI вѣковъ. По этому мы врядъ-ли погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что разсмотрѣнные памятники не позднѣе VII в. по Р. Хр. Къ этому времени вполнѣ подходитъ и характеръ буквъ находящихся на нихъ надписей.

---

44. При раскопкахъ 1895 г. на южномъ склонѣ городища, между новымъ соборомъ и Карантинною бухтою, найденъ между прочимъ небольшой (выш. 0,066 м., шир. 0,05) мѣдный, обтянутый золотою пластинкою образокъ[1]), на одной сторонѣ котораго (по всей вѣроятности бывшей и первоначально лицевою) довольно хорошо сохранилось рельефное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ въ иконографическомъ типѣ Одигитріи[2]) съ выпуклыми буквами M̄P̄ Θ̄V̄ въ верхнихъ углахъ, а на оборотѣ священное изображеніе или безслѣдно пропало, или совсѣмъ не было сдѣлано.

На обѣихъ сторонахъ по краямъ идетъ узкая рамка, на которой тщательно вырѣзана вглубь греческая надпись. Буквы ея на верхнемъ и нижнемъ краяхъ идутъ отъ лѣвой руки къ правой, а на боковыхъ — сверху внизъ (буква подъ буквой), образуя тотъ способъ письма, который въ епиграфикѣ обозначается терминомъ *κιονηδόν*. Нѣкоторыя буквы надписи прекрасно сохранились, а другія болѣе или менѣе

[1]) О мѣстѣ находки см. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 4 и 94, съ снимкомъ образка въ натуральную величину, который здѣсь повторяется. Образокъ отнесенъ въ Отчетѣ, вѣроятно на основаніи мнѣнія одного изъ спеціалистовъ по церковной археологіи, къ XI—XII в.

[2]) Объ этомъ типѣ ср. статью Я. И. Смирнова «Христіанскія мозаики Кипра» въ Визант. Временникѣ, т. IV, стр. 54 сл.

пострадали вслѣдствіе порчи окисью самыхъ краевъ образка, или стерлись отъ употребленія. На лицевой сторонѣ надпись особенно сильно пострадала въ обоихъ верхнихъ углахъ, отчасти на правой боковой сторонѣ, въ правой половинѣ нижняго края и на лѣвой боковой сторонѣ кромѣ нижней ея части. На оборотѣ особенно попорченъ правый верхній уголъ и средина лѣвой боковой стороны. Вотъ что намъ удалось разобрать въ надписи[1]):

Для правильнаго возстановленія смысла надписи прежде всего необходимо опредѣлить ея направленіе и послѣдовательный порядокъ, въ которомъ она должна читаться. Нѣтъ сомнѣнія, что на лицевой сторонѣ она начинается въ срединѣ верхняго края рамки, гдѣ предъ началомъ ея поставленъ крестикъ, и затѣмъ опускается внизъ по правой боковой сторонѣ; далѣе очевидно, что съ нижней части лѣвой боковой стороны надпись непосредственно переходитъ на нижнюю сторону; отсюда слѣдуетъ заключить, что съ праваго бока она перенесена или на верхъ лѣвой боковой стороны, или на лѣвую сторону верхняго края; и дѣйствительно, намъ кажется весьма правдоподобнымъ предположеніе Я. И. Смирнова, что въ лѣвой половинѣ верхняго края написанъ отъ правой руки къ лѣвой конецъ собственнаго имени, начинающагося на правой боковой сторонѣ, а затѣмъ надпись спускается по лѣвой боковой сторонѣ.

На оборотной сторонѣ надпись идетъ сначала по верхнему краю, затѣмъ по правой боковой сторонѣ, далѣе по лѣвой боковой и наконецъ по нижней, гдѣ, однакоже, конецъ ея не вырѣзанъ за недостаткомъ мѣста. Указанное направленіе надписи отмѣчено выше начальными буквами русской азбуки, такъ что ее слѣдуетъ читать въ послѣдовательномъ порядкѣ буквъ. Для большей наглядности считаемъ не лишнимъ перевести ее въ обыкновенное строчное письмо:

---

[1]) При окончательномъ установленіи чтенія мы пользовались любезно сообщенною намъ Я. И. Смирновымъ копіею, сдѣланною совершенно независимо отъ нашей и подтвердившею въ большинствѣ случаевъ наше чтеніе. Остатокъ буквы ϲ, находящійся въ нижнемъ правомъ углу обор. стороны, можно съ одинаковымъ правомъ относить и къ *б*, и къ *г*; мы предпочитаемъ первую возможность.

Лицевая сторона:

а + ΚΕΒΟΗ...
б ...CΝΔΟΥΛΟΙ.C.ΒΑCΗ
в ...Ι..ΙΙΛ
г ...\Ο\ΗΑ...ΝΚΕ+
д ΚΟΝΟΜΟΤΗΣ...

Оборотная сторона:

а ΤΑΝΟΠΡΟΦΗΤ...C
б ΤΗCCΚΗΑCΚΕΤ...
в ΤΥΤ.CΚΑΤΟΜΑΘΗΤ
г ΤΟΝΤΥΠΟΝΤΟΝΕΚ

Надпись на лицевой сторонѣ представляетъ собою молитвенное воззваніе къ Господу о помощи и составлена по обычному шаблону прозаическихъ надписей на византійскихъ печатяхъ съ тою только разницею, что гл. βοηθεῖν управляетъ въ ней винительнымъ падежемъ, а не дательнымъ, который обыкновенно встрѣчается въ надписяхъ на печатяхъ, и вмѣсто притяж. мѣстоименія σός стоитъ род. падежъ личнаго мѣстоименія σοῦ[1]). За молитвеннымъ воззваніемъ Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ въ надписяхъ на печатяхъ непосредственно слѣдуетъ личное имя собственника печати, далѣе обозначеніе его титуловъ или должностей (безъ члена) и наконецъ прозваніе (фамилія), непремѣнно съ членомъ.

Въ нашей надписи къ личному имени принадлежатъ буквы ΒΑCΗ въ концѣ стороны *б* и ...ΙΙΛ=ΛΙΙ... въ части *в*, допускающія несомнѣнное возстановленіе Βασηληο[ν]=Βασίλειο[ν]. Плохо сохранившіеся остатки буквъ въ верхней части стороны *г*[2]), за которыми нѣсколько буквъ совершенно исчезло, возстановить трудно. Здѣсь, безъ сомнѣнія, стояло обозначеніе какой либо должности или званія. Въ слѣдующихъ буквахъ можно съ полною увѣренностью видѣть слова κὲ ἠκονόμο = καὶ οἰκονόμο(ν) съ пропускомъ конечной буквы или καὶ οἰκονόμῳ съ перемѣною падежа, не представляющею ничего необычнаго въ подобныхъ надписяхъ[3]). Названіемъ οἰκονόμος, какъ извѣстно, обозначались лица, завѣдывавшія хозяйствомъ дома или какого-либо учрежденія; въ византійскія времена это названіе придавалось преимущественно духовнымъ лицамъ,

---

[1]) Schlumberger въ своемъ капитальномъ сборникѣ византійскихъ печатей (Sigillographie de l'empire Byzantin, Par. 1884, p. 35) замѣчаетъ, что глаголъ βοηθεῖν ставится съ вин. падежомъ «très exceptionnellement». Примѣры такого управленія см. на стр. 458, 2, стр. 573, 4, и пр. На лапидарныхъ памятникахъ такая конструкція встрѣчается нерѣдко. Ср. напр. нашъ «Сборникъ греч. надписей христ. врем. изъ южной Россіи», nn⁰ 12 (также изъ Херсониса), 66, 97, 104.

[2]) Въ копіи г. Смирнова эти буквы даны въ такомъ видѣ:

Τ
Ͻ
,
\
Ꞁ
λ

[3]) Чтобы не далеко ходить за примѣрами, можно указать въ настоящемъ собраніи nº 48.

распоряжавшимся хозяйствомъ и денежными суммами церквей или монастырей[1]). Ихъ названіе встрѣчается какъ безъ опредѣленія[2]), такъ и съ прибавленіемъ въ род. пад. названія церкви, при которой служилъ экономъ, какъ напр. οἰκονόμος τοῦ Τροπαιοφόρου[3]), οἰκονόμος τῆς μεγάλης ἐκκλησίας[4]) и т. п. Въ виду этого можно думать, что стоящія въ нашей надписи за словомъ ἠκονόμο буквы ΤΗϹ представляютъ собою членъ τῆς, за которымъ слѣдовало имя святой покровительницы храма (напр. τῆς ἁγίας Σοφίας, τῆς Θεοτόκου или Παναγίας и т. п.)[5]) или слово ἐκκλησίας съ опредѣленіемъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ. Соединеніе должности церковнаго или монастырскаго эконома съ какою-либо другою вполнѣ возможно. У Schlumberger'а можно найдти не мало примѣровъ подобнаго соединенія должностей или званій. Такимъ образомъ надпись лицевой стороны можетъ быть возстановлена слѣдующимъ образомъ (съ исправленною орѳографіею):

Κ(ύρι)ε, βοή[θει τ]ὸν δοῦλόν Σ[ου] Βασίλ[ειον] .... καὶ οἰκονόμο(ν) τῆς.....

«Господи, помоги рабу Твоему Василію .... и эконому ..»

Надпись на оборотной сторонѣ представляетъ собою не продолженіе предыдущей, а совершенно самостоятельное цѣлое, и при томъ, какъ можно замѣтить почти сразу, она изложена не прозой, а стихами, въ видѣ двухъ ямбическихъ триметровъ съ обычными особенностями византійскаго стихосложенія. Къ сожалѣнію, возстановленіе полнаго смысла ея представляетъ затрудненія вслѣдствіе порчи нѣсколькихъ буквъ по угламъ и въ верхней половинѣ стороны *в*, а затѣмъ отчасти по той причинѣ, что второй стихъ не оконченъ за недостаткомъ мѣста на сторонѣ *г* и прерывается въ нижнемъ правомъ углу, можно сказать, на полусловѣ, наконецъ потому, что въ обоихъ стихахъ нѣтъ глагола.

---

[1]) Schlumberger, Sigillogr. Byz. p. 393: «Οἰκονόμος, *oeconomus*, *dispensator ecclesiae*, dignitaire ecclésiastique dont les fonctions se rapportaient à la gestion des finances de l'Eglise. On comptait diverses sortes d'*économes*: avant tout le *grand économe*, μέγας οἰκονόμος, haut dignitaire du patriarcat nommé souvent directement par l'empereur, le premier entre les ἐξωκατάκοιλοι, puis encore *l'économe des fondations pieuses*, οἰκονόμος τῶν εὐαγῶν, le *vice-économe* ou παροικονόμος, les simples *économes* et bien d'autres encore». Ср. Martigny, Dictionnaire des antiquités chrét. (Par. 1865), s. v. économe ecclésiastique, Krieg y Kraus, Real-Encyklop. II p. 521 s. v. Oeconomus.

[2]) Sig. Byz. p. 393 n⁰ 2, p. 394 n⁰ 4, p. 710 n⁰ 2. Ср. Сугдейскія приписки на Халкинскомъ синаксарѣ (Зап. Од. Общ. ист. и древн. V, стр. 595—624), n⁰ 4: ὁ πτωχὸς π(ατὴ)ρ ἡμῶν Ἰωαννήκιος ὁ οἰκονόμος; n⁰ 20; Λάζαρ... υ(ίο)ς τοῦ οἰκονόμου καὶ πνευματικοῦ Ἀντωνίου; n⁰ 38: πρεσβυτέρισσα τοῦ παπᾶ Ἀντή(πα) καὶ οἰκονόμου; ср. также nn⁰ 114 и 187.

[3]) Sig. Byz. p. 150, *e* n⁰ 1. Ср. метрическую надпись ibid. p. 146, n⁰ 2 (молитвенное обращеніе отъ лица св. Никиты, изображеннаго на печати):

Ὁμωνυμοῦντά μοι σκέποις, Θεοῦ Λόγε,
θείου ναου Σου τον μέγαν οἰκονόμον.

[4]) Сугдейскія приписки (см. выше прим. 2), n⁰ 142: Μουγάλα θυγάτηρ τοῦ παπᾶ Ἀντωνίου καὶ οἰκονόμου μεγάλης ἐκκλησίας; n⁰ 190: Ἀκάκιος ἱερο(μόνα)χ(ος) καὶ οἰκονόμος τῆς καθολ...

[5]) Объ употребленіи именъ святыхъ для обозначенія посвященныхъ имъ храмовъ ср. выше замѣчанія къ n⁰ 42.

Нашу попытку возстановленія смысла надписи начнемъ съ указанія, что первый знакъ ся очевидно слѣдуетъ принять за крестикъ и поэтому первое слово будетъ нарѣчіе ἄνω; ему соотвѣтствуетъ κάτω на сторонѣ *в*; за первымъ слѣдуетъ сущ. προφήτ[ης] или προφῆτ[αι], а за вторымъ — μαθητ[ής] или μαθητ[αί]. Отсюда уже ясно, что надпись содержитъ въ себѣ указаніе на священное изображеніе, которое было сдѣлано (или предполагалось сдѣлать) на этой сторонѣ образка: вверху пророкъ (или пророки), а внизу ученикъ (или ученики). Если бы можно было сказать съ увѣренностью, что существительныя поставлены во множ. числѣ, то мы имѣли бы ясное указаніе на образъ Преображенія Господня, на которомъ, какъ извѣстно, вверху представляется Іисусъ Христосъ съ пророками Иліею и Моисеемъ, а внизу — свв. апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. Но, какъ кажется, послѣдняя буква на сторонѣ *а*, хотя и плохо сохранившаяся, скорѣе можетъ быть принята за C, нежели за I; въ такомъ случаѣ придется читать ἄνω προφήτ[η]ς — κάτω μαθητ[ής]. При такомъ чтеніи, по мнѣнію профессора В. В. Болотова, любезно сообщившаго намъ нѣсколько разъясненій къ этой надписи, которыми мы ниже воспользуемся съ искреннею благодарностью, — можно предполагать, что и на этой сторонѣ находилось изображеніе Богоматери съ пророкомъ (Исаіею?) вверху и евангелистомъ (Матѳеемъ?) внизу. Возможно и такое предположеніе, что на этой сторонѣ были только пророкъ и евангелистъ, такъ какъ образъ Богоматери былъ на другой сторонѣ.

Далѣе, на сторонѣ *б* ясно читается τῆς σκ(ι)ᾶς κ(αί); но слѣдующее слово, повидимому, стояло въ винительномъ падежѣ множ. числа: τ[οὺ]ς τύπ[ου]ς. Отсюда является необходимость заключить, что и предыдущее слово стояло въ томъ же падежѣ, т. е., иначе говоря, что рѣзчикъ ошибочно (быть можетъ подъ вліяніемъ окончанія THC въ предыдущемъ словѣ) вырѣзалъ THC вмѣсто TAC. Наконецъ, на сторонѣ *г* можно читать τὸν τύπον или τ(ῶ)ν τύπ(ω)ν, смотря по тому, какой падежъ требуется смысломъ (ср. ΑΝΟ и ΚΑΤΟ вмѣсто ΑΝΩ и ΚΑΤΩ).

Что касается до разъясненія самаго смысла надписи, то мы имъ обязаны сообщеніямъ В. В. Болотова, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ[1]). Ветхозавѣтные пророки не могли видѣть грядущихъ предметовъ (или событій), но они видѣли какъ бы тѣни, отбрасываемыя предметами впередъ себя, и описали эти тѣни. Эти описанія у пророковъ не ясны; но мы, новозавѣтные, видимъ самые предметы (или событія) и потому лучше самихъ пророковъ понимаемъ предлагаемыя ими описанія. Такъ въ ирмосѣ 9-й пѣсни канона на Срѣтеніе говорится: ἐν νόμῳ, σκιᾷ καὶ γράμματι τύπον κατίδωμεν οἱ πιστοί — «въ законѣ, сѣни и писаніи образъ видимъ вѣрніи», т. е. въ законѣ (который имѣетъ дѣло не съ предметами, а только съ) тѣнью (ихъ) и очертаніемъ, мы видимъ намекъ (на дѣйствительность, понятный лишь намъ) вѣрующимъ, — что нѣкогда отъ Дѣвы родится Первородный — Сынъ Отца Безначальнаго, и этотъ Первородный святъ Богу, какъ Его святѣйшее Слово.

Въ ирмосѣ 5-й пѣсни 1-го канона на Рождество Богородицы читаемъ: Ὁ σκιόγραφον ἀχλὺν αἰνιγμάτων σκεδάσας καὶ τῶν πιστῶν ἐκβάσει τῆς ἀληθείας διὰ τῆς Θεόπαιδος καταυγάσας

---

[1]) Ср. также С. Смирновъ, Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и церкви Его въ Ветхомъ Завѣтѣ (М. 1852), стр. 1—9.

τὰς καρδίας, «сѣннописанный мракъ гаданій разоривъ и вѣрныхъ прибытіемъ истины Богоотроковицею озаривъ сердца». Здѣсь совокупность содержанія ветхозавѣтныхъ пророчествъ представляется лишь «сѣннописаннымъ мракомъ», который разгоняется, когда сбывается истина, озаряющая сердца вѣрующихъ; она приходитъ въ міръ чрезъ Богородицу — и потому на иконѣ Богородицы вполнѣ умѣстно противополагать дѣйствительность тѣни и образамъ. Когда истина стала извѣстною, намекъ на нее уже не имѣетъ значенія; поэтому «тѣни и образы» въ Новомъ завѣтѣ маловажны, тогда какъ въ Ветхомъ они составляли все, что въ немъ было религіозно цѣннаго. Въ посланіи къ Колосс. 2, 16, 17 ветхозавѣтные праздники, новомѣсячія и субботы названы «стѣнью грядущихъ» (ἅ ἐστιν σκιὰ τῶν μελλόντων); Евр. 8, 5 о ветхозавѣтныхъ священникахъ сказано, что они «образу и стѣни служатъ небесныхъ» (ὑποδείγματι καὶ σκιᾷ λατρεύουσι τῶν ἐπουρανίων); Евр. 10, 1 читаемъ, что (ветхозавѣтный) законъ имѣетъ лишь «сѣнь грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей» (σκιὰν γὰρ ἔχων ὁ νόμος τῶν μελλόντων ἀγαθῶν, οὐκ αὐτὴν τὴν εἰκόνα τῶν πραγμάτων).

Такимъ образомъ содержаніе надписи должно быть слѣдующее: вверху пророкъ знаменуетъ или возвѣщаетъ тѣни и образы (plur. αἱ σκιαί въ Библіи — Пѣснь пѣсней 2, 17; 4, 6; Іерем. 6, 4), а внизу ученикъ (евангелистъ) — исполненіе пророчествъ (ср. Пасх. кан. пѣснь 4, троп. 3: образовъ сбытіе зряще, τὴν τῶν συμβόλων ἔκβασιν ὁρῶντες). По словамъ г. Болотова ἔκβασις есть обычный terminus technicus въ данномъ смыслѣ[1]); къ сожалѣнію, безусловному принятію его препятствуетъ ясно читающійся на ст. *г* членъ τὸν, вмѣсто котораго при ἔκβασιν должно было бы стоять τήν. Поэтому приходится или предположить вторую ошибку мастера[2]), или думать, что авторъ двустишія вмѣсто этого обычнаго термина, вполнѣ подходящаго и къ метру, взялъ другой, тоже трехсложный и начинающійся съ ЄΚ, но мужескаго рода, или начинающійся съ ΝЄΚ средняго рода. Ни того, ни другаго подыскать не удалось ни г. Болотову, ни мнѣ, и потому мы склоняемся къ первому предположенію. Такимъ образомъ получается слѣдующее предположительное возстановленіе надписи (съ исправленною орѳографіею и съ подразумѣваемымъ глаголомъ въ родѣ κηρύττει, διαγράφει, σημαίνει и т. п.):

Ἄνω προφήτ[η]ς τ[ὰ]ς σκιὰς καὶ το[ὺ]ς τύπ[ου]ς·
κάτω μαθητ(ὴς) τῶν τύπων τ[ὴ]ν ἔκ[βασιν].

«*Вверху пророкъ [знаменуетъ] сѣни и образы; внизу ученикъ — сбытіе образовъ*».

—

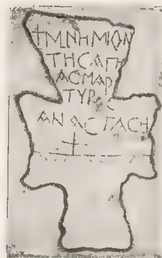
45. При раскопкахъ въ херсонисскомъ некрополѣ въ 1896 г. была открыта м. пр. катакомба (№ 785 по счету г. Косцюшко) съ двумя нишами въ с. и з. стѣнахъ и тремя малыми

---

[1]) Кромѣ указанныхъ священныхъ пѣсней ср. напр. Θеодора Мопсуестійскаго Толк. на прор. Іоиля гл. II (Migne, Patrol. ser. Gr. t. 66 col. 232B): ἡ δὲ τῶν εἰρημένων ἀλήθεια τὴν ἔκβασιν ἐφαίνετο ἐπὶ τοῦ Δεσπότου λαμβάνουσα Χριστοῦ. Ср. тамъ же col. 232CD, 372C, 376CD.

[2]) И здѣсь могло повліять окончаніе ου въ предыдущемъ словѣ.

нишами въ ю. стѣнѣ[1]). Сверху земли и на полкахъ нишъ лежало въ безпорядкѣ огромное количество костей. Подъ слоемъ земли также оказались остовы, при коихъ найдено множество разныхъ вещей и монеты: 3 бронзовыя херсонисскія, бронзовая Котиса I (45–68 г. по Р. Хр.), серебряная Гордіана III (238—244), 2 бронзовыя Константина II (337—340) и Аркадія (395—408). Впереди катакомбы, у самаго входа, лежалъ надгробный крестъ изъ мѣстнаго камня грубой работы (выш. 0,33 м., шир. 0,23, толщ. 0,11) съ хорошо сохранившеюся надписью (выс. буквъ отъ 2 до 3 сантим.), которая здѣсь представляется въ снимкѣ съ эстампажа.

Μνημ(ε)ῖον
τῆς ἁγ(ί)-
ας μάρ-
τυρ[ο]ς
Ἀναστασ(ί)-
[α]ς.

$^1/_3$ нат. вел.

«Памятникъ святой мученицы Анастасіи».

Православная церковь чтитъ нѣсколькихъ св. мученицъ, носившихъ имя Анастасіи[2]). Такъ, 15 апрѣля совершается память св. мученицъ Василиссы и Анастасіи, пострадавшихъ въ Римѣ при Неронѣ; 29 октября — преподобномученицы Анастасіи Римлянки, пострадавшей при Валеріанѣ и нерѣдко смѣшиваемой съ св. Анастасіей «узорѣшительницей», память которой совершается 22 декабря; кромѣ того 30 октября чтится память св. мученицы Анастасіи Солунской, пострадавшей при Валеріанѣ и признаваемой, судя по сказанію объ ея страданіяхъ, за одно лицо съ Римлянкою[3]). Есть еще нѣсколько святыхъ женъ этого имени, упоминанія о которыхъ встрѣчаются въ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописныхъ памятникахъ восточной церкви, но которыя нынѣ уже не находятся въ полныхъ печатныхъ греческихъ и славянскихъ мѣсяцесловахъ. Таковы: св. Анастасія Латрская, упоминаемая въ греческомъ мѣсяцесловѣ XII вѣка подъ 15 мая (bibl. Coislin. cod. 199), св. мученица Анастасія, упоминаемая подъ 19 мая въ

---

[1]) Ср. Филол. Обозр. XII, 1, стр. 307; Археол. изв. и зам. (изд. Моск. Археол. Общ.) 1897 стр. 10 и 187.

[2]) Изложеніе житій ихъ см. у преосв. Филарета (Гумилевскаго), Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью, изд. 2 (Спб. 1892), подъ указанными числами. Источники свѣдѣній о житіяхъ указываетъ прот. Д. Вершинскій, Мѣсяцесловъ православно-каѳол. восточной церкви (Спб. 1856), также подъ числами памяти святыхъ. (Метафрастово житіе св. Анастасіи узорѣшительницы см. у Migne, Patrol. Gr. v. 116, ст. 574—610). О смѣшеніи св. Анастасіи Римлянки съ св. узорѣшительницей ср. архим. Сергія, Полный. мѣсяцесловъ Востока, т. II (М. 1876), ч. 2, стр. 395.

[3]) См. арх. Сергія ук. соч. II, ч. 1, стр. 289 и ч. 2, стр. 395.

Бѣлозерскихъ святцахъ (С.-Петерб. духовной Академіи) № 493, св. мученица того же имени въ календарѣ Неаполитанской церкви IX в. подъ 27 мая, еще одна въ греческомъ прологѣ XI—XII в. Клермонтской іезуитской коллегіи подъ 29 сентября (вѣроятно тожественна съ св. Анастасіей Римлянкой), св. подвижница Анастасія въ греческихъ минеяхъ Миланской библіотеки подъ 13 декабря и др.[1]).

Ни одна изъ этихъ св. женъ, на сколько извѣстно, не подвизалась въ Херсонисѣ. Поэтому можно было бы предположить, что нашъ памятникъ, который по характеру письма можно отнести приблизительно къ V—VI в., сохранилъ имя мѣстной мученицы, неизвѣстной изъ другихъ источниковъ. Она могла пострадать при одномъ изъ преслѣдованій христіанъ, которыя неоднократно бывали въ Херсонисѣ[2]). Но противъ такого предположенія можно найдти нѣсколько болѣе или менѣе вѣскихъ возраженій.

Судя по вышеприведенному описанію, та катакомба, около которой найденъ крестъ, служила одною изъ тѣхъ общихъ усыпальницъ, въ которыя по издревле существовавшему какъ на востокѣ, такъ и на западѣ обычаю переносились кости изъ мѣстъ первоначальнаго погребенія послѣ истлѣнія труповъ; трудно допустить, чтобы останки св. мученицы были положены въ такую общую усыпальницу. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что едва-ли крестъ съ надписью могъ быть поставленъ на могилѣ мученицы немедленно послѣ ея погребенія: извѣстно, что христіане, по весьма понятнымъ причинамъ, погребали мучениковъ тайно и скрывали мѣста ихъ погребенія[3]). Поэтому пришлось бы думать, что памятникъ былъ поставленъ только тогда, когда могила св. мученицы стала извѣстна и не было основаній скрывать ее. Наконецъ, хотя найденный крестъ скорѣе всего можно принять за надгробный памятникъ[4]), но, какъ мнѣ кажется, возможно также предположить, что онъ былъ «памятникомъ» въ собственномъ смыслѣ, т. е. былъ поставленъ гдѣ-либо на видномъ мѣстѣ для напоминанія вѣрующимъ о страданіяхъ св. мученицы[5]) и лишь впослѣдствіи перенесенъ въ катакомбу. А въ такомъ случаѣ возможно и другое предположеніе, — что это была не мѣстная мученица, а одна изъ вышеупомянутыхъ, чтимыхъ всѣми христіанами. Скорѣе всего это могла быть св. Анастасія узорѣшительница. Извѣстно, что при императорѣ Львѣ I (457—474) ея мощи были перенесены изъ Сирміи въ Констан-

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ «Мѣсяцеслова» арх. Сергія, т. I и II. Въ текстѣ не упомянута еще препод. Анастасія Египетская (пам. 10 марта), такъ какъ она не была мученицей.

[2]) См. арх. Макарія Исторія христ. въ Россіи до св. Владиміра, изд. 2 (Спб. 1868), стр. 47 сл.

[3]) Такъ и въ самомъ Херсонисѣ, по свидѣтельству житія св. Херсонскихъ мучениковъ, вѣрные тайно предали землѣ тѣло св. епископа Василея, замученнаго идолопоклонниками (Зап. Од. Общ. VII, стр. 125).

[4]) Надгробные памятники въ видѣ креста уже извѣстны въ Херсонисѣ. См. нашъ Сборникъ греч. надп. христ. временъ изъ южной Россіи, nn⁰ 24 и 25. Первый изъ этихъ памятниковъ (пресвитеровъ Стефана, Стефана и Христофора) какъ по формѣ, такъ и по характеру письма близко напоминаетъ вновь найденный. Μνημ(ε)ῖον читается на найденномъ въ Керчи надгробномъ памятникѣ діакона Евсевія 436 г. по Р. Хр. (тамъ же n⁰ 86).

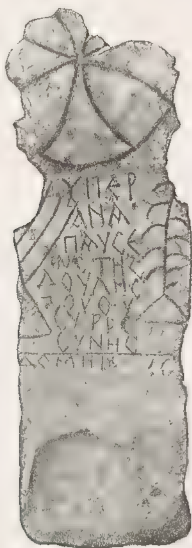
[5]) Такъ, по свидѣтельству того-же житія, вѣрующіе на мѣстѣ мученической кончины св. Василея поставили столпъ и на немъ крестъ для поклоненія. Точно такъ же надъ гробницею св. епископа Ѳеерія на островѣ Алсосѣ (см. о немъ нашу статью въ Журн. М. Н. Пр., май 1899 г.) христіане поставили столпъ съ крестомъ (Зап. Од. Общ. тамъ же, стр. 127).

тинополь, гдѣ въ честь ея былъ построенъ храмъ[1]). При постоянныхъ сношеніяхъ Херсониса съ столицею Восточной имперіи вполнѣ возможно, что и въ Херсонисѣ стали усердно чтить эту св. мученицу и въ воспоминаніе объ ея страданіяхъ кѣмъ-либо былъ сооруженъ сохранившійся до насъ крестъ. Во всякомъ случаѣ съ полною достовѣрностью нельзя выяснить назначеніе этого интереснаго памятника и рѣшить вопросъ о томъ, какая св. Анастасія на немъ упомянута.

---

46. Надгробіе изъ известковаго камня выш. 0,495 м., шир. 0,16 м., толщ. около 0,10 м., вверху и по сторонамъ попорченное. Вверху вырѣзанъ вглубь равноконечный крестъ съ расширяющимися перекрестьями внутри круга, подъ нимъ съ обѣихъ сторонъ грубыя изображенія двухъ деревьевъ (кипариса и ели?) безъ листьевъ[2]), а между ними — небрежно и неглубоко вырѣзанная надпись (выш. буквъ 0,015—0,02 м.). По замѣчанію г. Косцюшко-Валюжинича камень носитъ слѣды отески для строительныхъ цѣлей.

Найденъ въ 1898 г. въ кучѣ камней въ городищѣ.

Ὑπὲρ
ἀνα-
παύσε-
ως τῆς
δούλης
τοῦ Θ(εο)ῦ
Εὐφρο-
σύνης.
δομην...

«Объ упокоеніи рабы Божіей Евфросины...»

---

[1]) Арх. Сергій, Мѣсяцесл. Вост. II, 2, стр. 396. Интересно отмѣтить, что въ Крымской Сугдеѣ въ началѣ XIV в. святая Анастасія пользовалась особымъ почитаніемъ: въ одной изъ приписокъ на Халкинскомъ синаксарѣ (Зап. Од. Общ. ист. и древн. т. V, стр. 597, № 9) подъ 1313 годомъ день 22 декабря называется λαμπρὰ πανήγυρις τῆς καλλιμάρτυρος Ἀναστασίας.

[2]) Объ изображеніи деревьевъ на христ. надгробныхъ памятникахъ ср. Münz у Kraus, R. E. I стр. 147.

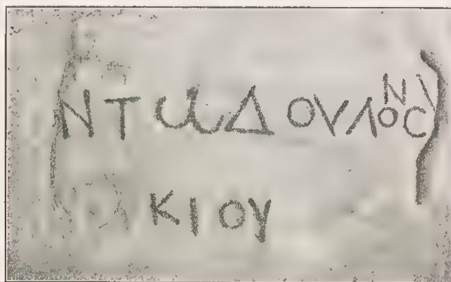
При всей небрежности вырѣзки надписи ея безупречная ороографія заставляетъ относить ее къ раннимъ византійскимъ временамъ. Послѣдняя строка не поддается возстановленію. Читать здѣсь слово μην[ὀς] не позволяетъ 1) то обстоятельство, что далѣе, повидимому, нѣтъ названія мѣсяца, 2) то, что въ такомъ случаѣ пришлось бы буквы ΔΟ принять за обозначеніе года (74), которое привело бы насъ къ 98-му году по Р. Хр., что̀ абсолютно не допустимо[1]). Быть можетъ, слѣдуетъ читать Ἀ<ο>μήν.

47. При раскопкахъ въ 1897 г. въ храмѣ между нынѣшней монастырской гостинницей, цвѣтникомъ и конюшней[2]) въ с.-в. углу открыта большая наружная усыпальница, въ которой между прочимъ найденъ верхній лѣвый уголъ тонкой мраморной плиты (0,008 м. толщ.) съ остаткомъ верхняго перекрестья креста, внутри котораго была вырѣзана тщательными буквами (выс. отъ 0,01 до 0,015 м.) византійской эпохи надпись, отъ которой сохранились только 4 буквы.

Верхнія двѣ буквы, несомнѣнно, представляютъ собою сокращеніе слова Κ(ύριο)ς, а остальныя двѣ, быть можетъ, принадлежатъ слову φῶς. Назначеніе плитки по столь ничтожному обломку опредѣлить трудно.

48. «Кусокъ мраморной колонки съ частью греческой надписи». Найденъ въ 1895 г. при раскопкахъ на южномъ склонѣ городища. См. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 91 съ рис. 233 (facsimile съ эстампажа), который здѣсь воспроизводится.

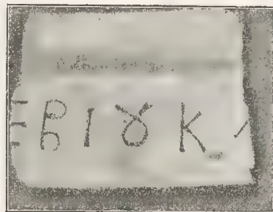

Надпись принадлежитъ къ раннимъ византійскимъ временамъ и можетъ быть предположительно возстановлена слѣдующимъ образомъ: [Κύριε βοήθησο]ν τῷ δοῦλόν Σ[ου . . . .]κίου, т. е. *Господи, помоги рабу Твоему . . . . кію.* Примѣровъ смѣшенія падежей, подобнаго имѣющемуся здѣсь, можно много найдти въ византійскихъ надписяхъ.

[1]) Объ эрѣ Херсонисской ср. нашъ Сборникъ греч. надп. христ. врем. изъ южной Россіи, стр. 12.

[2]) См. объ этихъ раскопкахъ «Филол. Обозр.» т. XV, кн. 1.

49. Кусокъ мраморнаго карниза съ остаткомъ надписи, найденный въ 1895 г. при раскопкахъ на южномъ склонѣ городища. См. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 92 съ рис. 235 (facsimile съ эстампажа), который здѣсь повторяется.

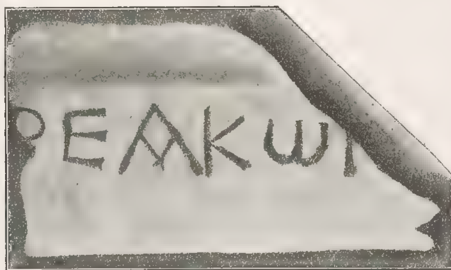

Надпись относится къ византійскимъ временамъ. Содержаніе ея не можетъ быть возстановлено съ достовѣрностью; но, принимая во вниманіе, что на подобныхъ карнизахъ и другихъ частяхъ церковныхъ построекъ въ Херсонисѣ нерѣдко читаются указанія о сооруженіи ихъ въ видѣ молитвенныхъ обѣтовъ (см. напр. Сборн. христ. надп. nn⁰ 13, 15, 16, 17, 18 и 20), мы считаемъ возможнымъ высказать предположеніе, не принадлежитъ ли нашъ обломокъ къ тому, къ сожалѣнію затерянному карнизу, на другомъ обломкѣ котораго сохранилась часть надписи, изданная нами по копіи Н. П. Кондакова въ Сборн. христ. надп. подъ n⁰ 19. Если предположить, что въ копіи г. Кондакова послѣднее Ε стоитъ вмѣсто С, то окажется, что между обломками не пропало ни одной буквы, и можно будетъ прочитать:

[῾Υπ]ὲρ εὐχῆς Εὐ[σ]εβίȣ κ[αὶ πάντων τῶν διαφερόντων αὐτοῦ].

---

50. Кусокъ мраморнаго карниза съ остаткомъ греческой надписи, найденный въ 1895 г. при раскопкахъ на южномъ склонѣ городища. См. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1895 г., стр. 92 съ рис. 234 (facsimile съ эстампажа), здѣсь повторяемымъ.

Надпись принадлежитъ къ раннимъ византійскимъ временамъ и по характеру буквъ представляетъ большое сходство съ надписью на карнизѣ, изданною нами въ Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 36, n⁰ 27 и въ Сборникѣ греч. надп. христ. временъ подъ n⁰ 28. По сохранившимся буквамъ, конечно, невозможно возстановить ея содержаніе.

II. ВОСПОРСКІЯ НАДПИСИ.

1. Посвятительныя надписи.

1. Четырехугольный пьедесталъ изъ бѣлаго мрамора выш. 0,32 м., дл. 0,875, шир. 0,69. Боковыя стороны, повидимому, первоначально были украшены сверху и снизу карнизами. На верхней сторонѣ находится продолговатое углубленіе (дл. 0,66 м., шир. 0,43), очевидно, служившее для укрѣпленія статуи, одѣтой въ длинное платье и имѣвшей, по предположенію г. Думберга, вышину немного менѣе человѣческаго роста. На одной изъ длинныхъ боковыхъ сторонъ старательно вырѣзана надпись, нынѣ отчасти попорченная (выс. буквъ 0,025).

Этотъ пьедесталъ вмѣстѣ съ n⁰ 4 и статуею молодаго воина изъ известковаго камня найдены въ іюлѣ 1896 г. на Таманскомъ полуостровѣ, на землѣ сотника П. П. Семеняки, въ 150 саж. къ ю.-з. отъ почтовой дороги. Оба камня служили крышею древней гробницы, слѣдовательно найдены не на первоначальномъ своемъ мѣстѣ. Всѣ три памятника подарены Керченскому музею г. Семенякою, который подобно своему отцу П. Д. Семенякѣ (имя котораго такъ тѣсно связано съ археологическими изслѣдованіями въ мѣстности древней Фанагоріи) относится съ живымъ интересомъ и сочувствіемъ къ научнымъ работамъ, производимымъ на его родинѣ, и по мѣрѣ возможности оказываетъ имъ всяческое содѣйствіе.

ΑΤ[illegible]ΟΣΦΑΝΑΓΟΡΕ[illegible]ΝΕΘΗΚΕΝ
ΑΦΡΟΔΙΤΗΙΟΥΡΑΝΙΗΙΑΠΑΤΟΥΡΟΜΕΔΕΟΥΣΗ
ΑΡΧΟΝΤΟΣΠΑΙΡΙΣΑΔΕΟΣΒΟΣΠΟΡΟΥΚΑΙ
ΘΕΥΔΟΣΙΗΣΚΑΙΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣΣΙΝΔΩΝΚΑΙ
ΜΑΙΤΩΝΠΑΝΤΩΝ

Имя посвятителя можетъ быть возстановлено лишь предположительно, а вся остальная часть надписи читается вполнѣ ясно.

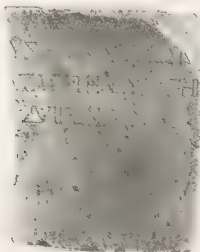
Ἀ[πολλώνι]ος Φαναγόρεω [ἀ]νέθηκεν
Ἀφροδίτηι Οὐρανίηι Ἀπατούρο(υ) μεδεούση[ι]
ἄρχοντος Παιρισάδεος Βοσπόρου καὶ
Θευδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ
Μαϊτῶν πάντων.

Надпись гласитъ о посвященіи (очевидно статуи, стоявшей на пьедесталѣ), сдѣланномъ А[поллоніемъ] сыномъ Фанагора Афродитѣ Небесной, владычицѣ Апатура. Объ этомъ эпитетѣ ср. замѣчанія, сдѣланныя нами въ IosPE. v. II, стр. 18, къ n⁰ 19. Посвященіе сдѣлано въ царствованіе Пэрисада I, сына Левконова (347—309 до Р. Хр.). Титулъ Пэрисада съ обозначеніемъ племенъ, надъ которыми онъ царствовалъ, изложенъ точь въ точь такъ же, какъ въ нѣсколькихъ другихъ, давно извѣстныхъ надписяхъ его времени (см. IosPE. v. II, nn⁰ 10, 11, 345; о другихъ обозначеніяхъ ср. тамъ же, praef. p. XXXIV). Имя Φαναγόρης, которое носилъ отецъ посвятителя, напоминаетъ имя основателя города Фанагоріи; а такъ какъ имя основателя города наиболѣе живо сохранялось, конечно, въ памяти потомства именно въ основанномъ имъ городѣ, то мы имѣемъ полное право думать, что нашъ памятникъ происходитъ именно изъ Фанагоріи, и мѣстонахожденіе его можетъ служить новымъ доказательствомъ вѣрности давно существующаго предположенія, что этотъ городъ лежалъ неподалеку отъ станціи Сѣнной, около хутора Семеняки[1]). Наконецъ надпись интересна какъ документальное свидѣтельство о томъ, въ какой формѣ сохранило мѣстное преданіе имя основателя Фанагоріи, которое у писателей встрѣчается въ двухъ разныхъ видахъ: Екатей Милитскій (у Стеф. Виз. п. сл. Φαναγόρεια), т. н. Скилакъ (п. сл. Σίνδοι) и безъименный авторъ Перипла (§ 46) даютъ его въ род. пад. въ формѣ Φαναγόρου, а Евстаѳій (ad Dion. Perieg. v. 549) и Арріанъ (ibid.) — въ формѣ Φαιναγόρας. Теперь мы видимъ, что на мѣстѣ, въ самой Фанагоріи, сохранялась первая форма.

---

2. Правая половина четырехугольной плиты изъ бѣлаго мрамора выш. 0,507 м., шир. передней стороны 0,40, толщ. 0,264. Надпись на передней сторонѣ вырѣзана весьма тщательно (выс. буквъ около 0,035).

Плита найдена весною 1895 г. вмѣстѣ съ n⁰ 3 при рытьѣ фундамента для постройки придѣла къ церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи.

[῾Ο δεῖνα βασιλε]ὺς βασιλέων
. . . . κα]τὰ τὴν Εὐρώπην
[ἀνέθηκεν?] Διὶ Γενάρχηι.

К. Е. Думбергъ въ своемъ отчетѣ, задавшись цѣлью опредѣлить ширину недостающей части плиты, замѣчаетъ, что на верхней и нижней сторонахъ плиты имѣются углубленія, слу-

[1]) Ср. объ этомъ Гёрца Археол. топогр. Таманскаго полуостр., изд. 2 (Спб. 1898), стр. 87 сл.

жившія для вставки болтовъ или пироновъ, укрѣплявшихъ плиту въ какой-нибудь стѣнѣ. На верхней сторонѣ одно углубленіе выдолблено около края плиты, другое — почти противъ излома передней боковой стороны (изломъ идетъ наискось по толщинѣ плиты, такъ что задняя сторона ея на $6\frac{1}{2}$ вершковъ шире передней). Предполагая, что на верхней сторонѣ первоначально было выдолблено 3 углубленія и что они были распредѣлены симметрически, т. е. такъ, что лѣвое углубленіе отстояло отъ средняго и отъ края плиты на столько же, на сколько и правое, г. Думбергъ находитъ, что вслѣдствіе излома пропала ровно половина передней боковой стороны (такъ что первоначальная ширина ея была 0,40 + 0,40 м. = 0,80). Далѣе, если обратить вниманіе на то, что буквы ΒΑΣΙΛΕ (слова βασιλέων) на сохранившейся части камня занимаютъ пространство въ 0,167 м., и отвести такое же пространство для тѣхъ же буквъ (слова βασιλεὺς) на несохранившейся части, то останется свободное пространство въ 0,233 м., на которомъ могло помѣститься 7—8 буквъ имени царя. Этимъ соображеніемъ исключаются всѣ цари, носившіе составныя имена (съ Τιβέριος Ἰούλιος), а царей изъ династіи Спартокидовъ исключаютъ характеръ письма, свидѣтельствующій о времени не ранѣе I в. до Р. Хр., и титулъ βασιλεὺς βασιλέων, котораго они не носили. Такимъ образомъ у насъ остается выборъ между Фарнакомъ, Асандромъ, двумя Полемонами и Аспургомъ. Если же обратить еще вниманіе на то, что письмо надписи отличается большимъ сходствомъ съ письмомъ на памятникѣ, поставленномъ Динаміею въ честь императрицы Ливіи (см. ниже n⁰ 4), то скорѣе всего можно будетъ приписать разсматриваемый теперь документъ одному изъ мужей Динаміи, — Асандру или Полемону I. Къ одному изъ этихъ царей скорѣе всего подходитъ и пышный титулъ βασιλεὺς βασιλέων: судя по скуднымъ даннымъ, имѣющимся въ извѣстныхъ по настоящее время надписяхъ, онъ вошелъ въ употребленіе на Воспорѣ со временъ Миѳридата Евпатора (см. IosPE. II, n⁰ 356), но его не употребляли ни Фарнакъ, ни Аспургъ[1]), тогда какъ при имени Асандра въ IosPE. II, n⁰ 25 онъ возстановляется съ полною достовѣрностью. Затѣмъ онъ встрѣчается при именахъ Савромата I (ibid. n⁰ 358) и Котиса II (ibid. n⁰ 27), а послѣ нихъ, повидимому, совершенно вышелъ изъ употребленія.

Вторая строка съ упоминаніемъ объ Европѣ не поддается возстановленію. Изъ 3-й строки мы узнаемъ, что посвященіе сдѣлано царемъ «Зевсу Родоначальнику», при чемъ нельзя рѣшить, слѣдуетъ ли понимать этотъ эпитетъ въ томъ смыслѣ, что самъ царь, посвятившій данное приношеніе, производилъ свой родъ отъ Зевса, или въ общемъ смыслѣ, какъ ἄρχων τοῦ τῶν ἀνθρώπων γένους (ср. омировское πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε). Вообще этотъ эпитетъ встрѣчается крайне рѣдко[2]), а на Воспорѣ мы видимъ его впервые.

Что именно было посвящено царемъ «Зевсу Родоначальнику», — рѣшить трудно. Изъ описанія г. Думберга видно, что камень не могъ служить пьедесталомъ статуи, такъ какъ былъ

---

[1]) Фарнакъ называется βασιλεὺς μέγας въ той самой надписи, гдѣ отцу его Миѳридату усвоенъ титулъ βασιλεὺς βασιλέων (n⁰ 356). Аспургу въ пышной надписи n⁰ 36, поставленной въ честь его самого, приданъ титулъ βασιλεὺς μέγας φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, а въ n⁰ 364, гдѣ его имя поставлено въ заголовкѣ надписи въ видѣ даты, онъ названъ βασιλεὺς φιλορώμαιος.

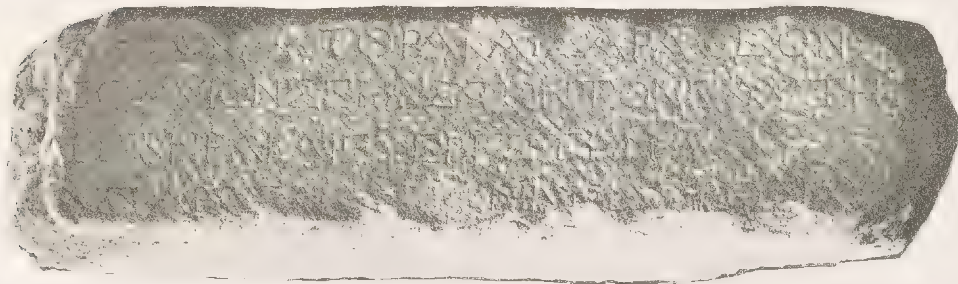
[2]) Bruchmann, Epitheta deorum (Leipz. 1893, стр. 126, 128), указываетъ только на Callimachi fragm. 36 Schn., гдѣ Аполлонъ и Зевсъ называются Διδύμων γενάρχαι.

вдѣланъ въ стѣну. Это обстоятельство заставляетъ думать скорѣе о посвященіи храма, въ стѣну котораго, быть можетъ, и былъ замурованъ камень.

2. Почетныя надписи.

3. Четырехугольная плита изъ бѣлаго мрамора дл. 0,75 м., шир. 0,70, выш. 0,165. Верхъ плиты тщательно выглаженъ, а на передней сторонѣ довольно мелкими (выш. 0,022 м.) буквами вырѣзана четырехстрочная надпись, нынѣ мѣстами поврежденная. На задней боковой сторонѣ имѣются два углубленія для болтовъ, вѣроятно прикрѣплявшихъ плиту къ другому камню.

Найдена вмѣстѣ съ n⁰ 2 весною 1895 г. при рытьѣ фундамента для устройства придѣла при церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи.

[Α]ὐτοκράτορα Καίσαρα θεὸν
[θ]εοῦ υἱὸν Σεβαστὸν, τὸν ἑαυτῆς
[σ]ωτῆρα καὶ εὐεργέτην,
[β]ασίλισσα Δ[ύνα]μις φιλορώμαιο[ς].

Надпись содержитъ посвященіе императору Августу отъ имени царицы Динаміи, чествующей его, какъ своего «спасителя и благодѣтеля»[1]). Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Кёлеръ нашелъ въ церковномъ саду Таманской станицы пьедесталъ съ надписью совершенно подобнаго

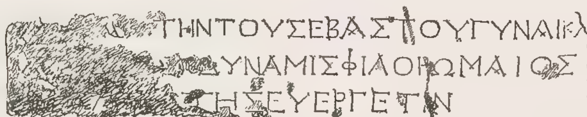
[1]) Интересно, что на верхней сторонѣ пьедестала, по словамъ г. Думберга тщательно выглаженной, не сохранилось углубленій для ногъ статуи или вообще какихъ-либо слѣдовъ ея прикрѣпленія. Приходится думать, что статуя стояла на другомъ камнѣ, къ которому былъ прикрѣпленъ камень съ надписью посредствомъ болтовъ, о которыхъ упоминаетъ г. Думбергъ въ своемъ описаніи. Предполагать, что Августу была посвящена не статуя, а какое-либо зданіе, не позволяетъ форма надписи, въ которой имя императора стоитъ въ винит. падежѣ въ зависимости отъ подразумѣваемаго глагола ἀνέστησε (или ἀνέθηκε). При посвященіи зданія имя императора стояло бы въ дательномъ падежѣ.

содержанія[1]), по всей вѣроятности перенесенный туда изъ городища древней Фанагоріи (IosPE. II, n⁰ 354). По мнѣнію Бёка эта статуя была воздвигнута Динаміею послѣ брака съ Полемономъ, сохранившаго за нею царство ея отца Фарнака[2]). Новая надпись свидѣтельствуетъ, что статуи «спасителю и благодѣтелю» были воздвигнуты Динаміею не только въ Фанагоріи, но и въ европейской столицѣ ея царства, а изъ надписи, издаваемой подъ слѣдующимъ n⁰, мы видимъ, что чувство благодарности (искреннее или поддѣльное, — этого памятники не говорятъ) побудило Динамію почтить статуею и супругу Августа Ливію, какъ свою «благодѣтельницу»[3]).

---

4. Четырехугольный, по угламъ обломанный пьедесталъ изъ сѣраго мрамора выш. 0,43 м., дл. 0,92, шир. 0,53. На передней сторонѣ, сильно вывѣтрившейся слѣва, вырѣзана надпись старательно отдѣланными, но неглубокими буквами выс. въ 0,032 м.

О мѣстѣ и времени находки пьедестала см. замѣчаніе къ n⁰ 1.

Несмотря на сильную порчу лѣвой стороны, надпись можетъ быть съ полною достовѣрностью возстановлена слѣдующимъ образомъ:

[Λιουί]α[ν] τὴν τοῦ Σεβαστοῦ γυναῖκ[α
βασίλισσα] Δύναμις φιλορώμαιος
[τὴν ἑαυ]τῆς εὐεργέτιν.

«Ливію, супругу Августа, свою благодѣтельницу, [*поставила*] *царица Динамія, любящая Римлянъ».* О значеніи этой надписи см. объясненія къ n⁰ 3.

---

[1]) Разница только въ томъ, что послѣ слова Καίσαρα нѣтъ слова θεόν и послѣ Σεβαστόν прибавлены слова τὸν πάσης γῆς καὶ [πάσης] θαλάσσης ἄ[ρχ]οντα. О титулѣ Августа ср. замѣчанія А. В. Никитскаго въ Журн. М. Н. Пр. 1884, сентябрь, отд. кл. фил. стр. 10.

[2]) Брандисъ (Pauly-Wissowa, Realencyclop s. v. Bosporos, col. 779) относитъ этотъ бракъ къ 15-му году до Р. Хр.

[3]) Для насъ, конечно, остается не извѣстнымъ, дѣйствительно ли Ливія оказала какую-либо услугу Динаміи въ вопросѣ о сохраненіи за нею царства, или послѣднею руководило только раболѣпное чувство.

3. Надгробныя надписи.

5. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ бѣлаго мрамора безъ всякихъ украшеній, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 2,30 м., шир. 0,545, толщ. 0,15. На верху выдолблены два углубленія, вѣроятно для вставки акротерія. На камнѣ имѣется чрезвычайно тщательно вырѣзанная и прекрасно сохранившаяся надпись; первыя пять строкъ ея, содержащія имена усопшихъ, вырѣзаны вдвое крупнѣйшими буквами (выс. 0,04), чѣмъ слѣдующая далѣе стихотворная эпитафія (выс. буквъ 0,021).

ΤΡΥΦΩΝΙΣ ΓΥΝΗ ΦΙΛΕ
ΤΑΙΡΟΥ ΚΑΙ ΛΕΥΚΙΟΣ ΚΑΙ
ΗΡΑΚΛΕΩΔΩΡΟΣ ΥΙΟΙ
ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΗ ΘΥΓΑΤΗΡ
ΧΑΙΡΤΕ

ΣΥΝΤΡΙΣΣΟΙΣΤΕΚΕΕΣΣΙΤΡΥΦΩΝΙΔΑΤΑΝΤΑΝΕΡΗΜΟΝ
ΑΡΠΑΣΕΝΕΚΖΩΑΣΜΟΙΡΑΒΙΟΣΤΕΡΕΤΙΣ
ΑΥΤΟΘΕΝΟΥΧΡΟΝΙΑΝΚΑΙΡΩΙΔΕΝΙΑΝΦΙΛΕΤΡΟΣ
ΑΙΕΝΑΝΣΤΕΝΑΧΕΙΤΕΝΘΕΑΔΕΞΑΜ..ΟΣ
ΤΡΙΣ
ΩΝΜΕΝΙΑΡΓΕΝΕΤΕΣΗΣΔΕΤΟΣΙΣΟΙΚΤΡΑ..ΓΟΙΚ
ΕΙΔΕΠΑΘΗΠΑΙΔΩΝΚΑΙΓΑΜΕΤΗΣΕΙΝΕΚΕΝ
ΣΤΑΛΑΔΟΙΤΙΝΕΣΕΙΣΙΚΕΚΡΑΓΕΣΟΙΩΣΤ..ΑΡΕΡΠΕ
ΞΕΙΝΕΜΑΘΩΝΣΑΦΑΝΥΝΓΡΑΜΜΑΤΟΣΕΚΡΟΝΙΟΥ

Надгробіе найдено во дворѣ крестьянина Архипа Ткаченко на 1-й Аджимушкайской улицѣ въ маѣ 1896 г., хранится въ Керченскомъ музеѣ.

Несмотря на тщательность работы, рѣзчикъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 5, 8, 10 и 14) пропустилъ буквы[1]) и въ 3-хъ случаяхъ (стр. 3, 8, 10) допустилъ ороографическія ошибки. Поправки этихъ ошибокъ и вставки пропущенныхъ буквъ обозначены въ транскрипціи круглыми скобками.

Τρυφωνὶς γυνὴ Φιλε-
ταίρου καὶ Λεύκιος καὶ
Ἡρακλε(ό)δωρος υἱοὶ
καὶ Στρατονίκη θυγάτηρ·
χαίρ(ε)τε.

Σὺν τρισσοῖς τεκέεσσι Τρυφωνίδα τὰν πανέρημον
ἅρπασεν ἐκ ζωᾶς Μοῖρα βιοστερέτις·
αὐτόθεν οὐ χρονίαν, καιρῶι δὲ ν(έ)αν Φιλέτ(αι)ρος
αἰὲν ἀνστεναχεῖ, πένθεα δεξάμ[εν]ος·
ὧν μὲν γὰρ γενέτ(η)ς, ἧς δὲ πόσις, οἰκτρὰ δ'ἐπ' οἰκτρ(ο)ῖς
εἶδε πάθη παίδων καὶ γαμετῆς ἕνεκεν.
Στάλα δ' οἵτινές εἰσι κέκραγέ σοι, ὥστ[ε π]άρερπε,
ξεῖνε, μαθὼν σάφα νῦν γράμματος ἐκ (χ)ρονίου.

По характеру письма памятникъ скорѣе всего можетъ быть отнесенъ къ I в. по Р. Хр. Стихотворная эпитафія правильна съ метрической стороны, но прозаична по языку и бѣдна содержаніемъ, а кромѣ того замѣчательна весьма своеобразнымъ употребленіемъ нѣкоторыхъ словъ. Такъ напр. не вполнѣ ясно, въ какомъ смыслѣ стихотворецъ придалъ Трифонидѣ эпитетъ πανέρημος — «всѣми покинутая», «совсѣмъ заброшенная». Прил. χρόνιος значитъ «долговременный, продолжительный, долговѣчный» (въ каковомъ смыслѣ и придано въ послѣднемъ стихѣ существительному γράμμα = ἐπίγραμμα) иногда — многолѣтній, старинный[2]); но едва ли можно найдти примѣры его употребленія въ значеніи «старый годами», «пожилой», какъ въ ст. 8-мъ; въ томъ же стихѣ не менѣе своеобразно употреблено сущ. καιρός въ значеніи «лѣта жизни, возрастъ». Въ ст. 10 употреблено относ. мѣстоим. ὧν μέν — ἧς δέ вмѣсто τῶν μέν — τῆς δέ. Прилагат. βιοστερέτις, повидимому, впервые встрѣчается въ нашей надписи; по крайней мѣрѣ оно не отмѣчено въ большихъ греч. словаряхъ.

---

[1]) Впрочемъ написаніе ΟΙΚΤΡΙΣ въ стр. 10, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить произношеніемъ (οι = ι).

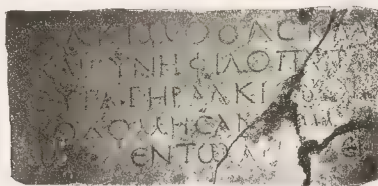
[2]) Cf. Theophr. *Hist. plant.* I, 1, 9: τοῦτο γάρ [sc. καυλός] κοινότατον ὁμοίως ἐπετείοις καὶ χρονίοις (однолѣтнимъ и многолѣтнимъ растеніямъ); Poll. *Onom.* V, 150: γράμματα ἐν στήλαις . . . τὰ δὲ χρόνια, ἀρχαῖα, παναρχαῖα κτλ.; Hesych. s. v. χρόνιον· ἀρχαῖον. ἢ μετὰ πολὺν χρόνον; Diosc. I, 102: χρόνιαι βῆχες — застарѣлый кашель.

Переводъ. Трифонида жена Филетэра и сыновья Левкій и Ираклеодоръ и дочь Стратоника, прощайте. — Съ тремя дѣтьми унесла всѣми покинутую (?) Трифониду отнимающая жизнь Мира изъ *этой* жизни; съ тѣхъ поръ непрестанно оплакиваетъ *ее* не старую, но молодую лѣтами Филетэръ, получившій *въ удѣлъ* горести. Онъ — родитель первыхъ и супругъ второй и увидѣлъ одни за другими горькія страданія изъ-за дѣтей и супруги. Столпъ гласитъ тебѣ, кто они; поэтому проходи мимо, путникъ, ясно узнавъ теперь *объ этомъ* изъ долговѣчной надписи.

---

6. Разбитая на 4 куска плита изъ мелкаго песчаника безъ всякихъ украшеній, дл. 0,66 м., выш. 0,31, толщ. 0,11 м. Нижняя половина задней стороны отесана, а верхняя оставлена не обдѣланною. На лицевой сторонѣ вырѣзана надпись по линейкамъ невысокими (выс. 0,033 м.) и неглубокими буквами.

Обломки найдены въ 1895 г. на полу склепа въ курганѣ, находящемся въ саду отставнаго подполковника А. И. Волошкевича, — томъ самомъ, въ которомъ осенью 1894 г. былъ найденъ мраморный левъ замѣчательной сохранности, по мнѣнію г. Думберга стоявшій при входѣ въ склепъ на фасадѣ преддверія или на особомъ пьедесталѣ. Подробныя свѣдѣнія о произведенной г. Думбергомъ въ 1894 и 1895 гг. раскопкѣ этого кургана см. въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1894 г., стр. 5—7 (съ рисункомъ льва) и Отч. за 1895 г., стр. 20—22. Надпись издается по фотографіи.

Между 1-й и 2-й строками вставлено мелкими буквами ΚΑΥΤΟΥ. Эти буквы очень неясно вышли на снимкѣ. Буква C въ 1-й строкѣ (конечная въ имени Ἄλκιμος) случайно вышла похожею на O, а въ концѣ стр. 2-й неясны буквы ΤΡ. Въ остальномъ снимокъ правиленъ.

Ἄλκιμος Ἀσκλᾶ
καὶ [ἡ] αὐτοῦ γυνὴ Φιλοπάτρα
θυγάτηρ Ἀλκίου οἰ-
κοδόμησαν [τ]ὸ μ[νῆ]-
μα ἐν τῷ αιτʹ [ἔτ]ει.

«Алкимъ сынъ Асклы и жена его Филопатра, дочь Алкія, соорудили сей памятникъ въ 311 году».

Годъ, безъ сомнѣнія, обозначенъ по воспорской эрѣ и соотвѣтствуетъ 14—15 по Р. Хр. Цифра года, по свидѣтельству г. Думберга, не подлежитъ сомнѣнію, хотя верхняя часть средней буквы I повреждена. Обозначеніе года дѣлаетъ надпись весьма интересною, такъ какъ

точно опредѣляетъ время сооруженія находящагося въ курганѣ склепа съ стоявшею на немъ статуею льва (по мнѣнію г. Думберга имѣвшею профилактическое значеніе) и найденными въ немъ вещами и такимъ образомъ даетъ критерій для сужденія о степени развитія архитектуры, скульптуры и разныхъ ремеслъ на Воспорѣ въ самомъ началѣ нашей эры.

Надпись интересна также и въ палеографическомъ отношеніи, такъ какъ представляетъ въ числѣ датированныхъ воспорскихъ надписей самый ранній примѣръ употребленія округленныхъ буквъ Є, Ⲙ, C и ω. Другія датированныя надписи свидѣтельствуютъ, однако, что такія формы очень медленно прививались на Воспорѣ и рядомъ съ ними долгое время продолжали употребляться формы E, M (въ разныхъ варіантахъ), Σ и Ω.

Что касается до собственныхъ именъ, то Ἄλχιμος принадлежитъ къ числу довольно употребительныхъ на Воспорѣ (см. IosPE. II, nn⁰ 29, 120, 133), Ἀσκλᾶς встрѣтилось однажды въ Танаидѣ (ibid. n⁰ 452), а Ἄλκιος и Φιλοπάτρα еще не встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ [1]). — Слѣдуетъ отмѣтить еще отсутствіе приращенія въ гл. οἰκοδόμησαν и употребленіе гл. μνῆμα въ широкомъ значеніи могильнаго сооруженія, независимо отъ его вида и величины. Какъ разъ въ такомъ значеніи употреблено это слово Стравономъ въ описаніи памятника Сатира на восточной сторонѣ Воспора [2]) и въ надписи IosPE. II, n⁰ 254.

---

7. Обломокъ нижней части надгробія изъ крѣпкаго дикаря, наиб. выш. 0,468 м., шир. 0,284, толщ. 0,153. Отъ надписи римскаго времени, тщательно вырѣзанной по линейкамъ крупными буквами (выс. 0,04), сохранилась только лѣвая половина.

Камень купленъ въ октябрѣ 1895 г. у Е. Запорожскаго.

ΚΑΛΛΙΚΛΕ	Καλλίκλε[ια γυνὴ Ἐπα]-
ΦΡΑΚΑΙΘΥΓ	φρᾶ καὶ θυγ[άτηρ]
ΕΡΜΟΓΕΝΙΑ	Ἑρμογενί[α, χαίρετε].

Имя Ἐπαφρᾶς, еще не встрѣчавшееся на Воспорѣ, возстановлено лишь примѣрно. Въ началѣ 3-й строки рѣзчикъ вырѣзалъ букву P, а потомъ исправилъ ее въ E.

---

8. Обломанное сверху надгробіе изъ твердаго известняка (дикаря), выш. 1,20 м., шир. 0,60, толщ. 0,168. Вполнѣ сохранившійся рельефъ изображаетъ въ квадратномъ углубленіи группу изъ трехъ фигуръ, обращенныхъ лицомъ къ зрителю: слѣва отъ зрителя сидитъ въ

---

[1]) Къ удивленію, имени Φιλοπάτρα, кажущагося весьма обыкновеннымъ (ср. Κλεοπάτρα, Εὐπάτρα и т. п.), нѣтъ и въ словарѣ Папе-Бензелера.

[2]) Strab. XI, 2, 7: Ἐντεῦθεν δ'ἐπὶ τὸ Σατύρου μνῆμα ἐνενήκοντα στάδιοι· τοῦτο δ'ἐστὶν ἐπ' ἄκρας τινὸς χωστον ἀνδρὸς τῶν ἐπιφανῶς δυναστευσάντων τοῦ Βοσπόρου. Cf. Paus. II, 7, 2, Polyb. VIII, 30, Plut. *Timol.* 26 etc.

креслѣ съ низкою спинкою и точеными ножками женщина въ длинномъ хитонѣ и гиматіи, наброшенномъ на голову, въ обычной «задумчивой» позѣ; около нея стоитъ на постаментѣ мальчикъ въ хитонѣ и хламидѣ съ какимъ-то круглымъ предметомъ (яблокомъ?) въ опущенной правой рукѣ, а еще правѣе — мужчина въ гиматіи до колѣнъ, съ положенною на грудь правою рукою и опущенною лѣвою. Головы всѣхъ фигуръ сильно попорчены. Подъ рельефомъ старательно и глубоко вырѣзана по линейкамъ отлично сохранившаяся надпись поздняго римскаго времени (выс. буквъ 0,04—0,045 м.).

Памятникъ купленъ въ январѣ 1896 г. у Е. Запорожскаго.

ΧΡΥϹΙΟΝΓΥΝΗΑΡΤΕ
ΜΩΝΟϹΚΑΙϹΤΡΑΤΟΝΕΙ
ΚΕΥΙΕΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Χρύσιον γυνὴ Ἀρτέ-
μωνος καὶ Στρατόνει-
κε υἱὲ Ἀπολλωνίου,
χαῖρε.

Въ воспорскихъ надгробныхъ надписяхъ уже неоднократно встрѣчались примѣры постановки χαῖρε въ единств. числѣ при двухъ именахъ покойниковъ: см. напр. IosPE. II, nn° 79, 102, add. 86[1], 94[1].

---

9. Нижняя часть надгробія изъ твердаго известняка («дикаря»), внизу срѣзанная для вставки въ постаментъ, выш. 0,49 м., шир. 0,612, толщ. 0,213. Отъ украшавшаго надгробіе рельефа сохранились только сильно поврежденная фигура стоящаго мальчика и переднія ноги лошади. Подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ довольно хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,033 м.).

Найдено въ августѣ 1895 г. въ гробницѣ по дорогѣ къ Царскому кургану, находится въ музеѣ.

ΑΡΙΑΡΑΜΝΗ ΥΙΕ
ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Ἀριαράμνη υἱὲ
Ἀριαράθου,
χαῖρε.

Оба имени уже встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ.

---

10. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мягкаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,80 м., шир. 0,46, толщ. 0,10. Вверху украшено, подъ рельефнымъ карнизомъ, тремя большими розетками; подъ ними въ квадратномъ углубленіи изваянъ всадникъ въ развѣвающейся хламидѣ на обращенномъ вправо отъ зрителя конѣ, передъ которымъ стоитъ воинъ въ шлемѣ безъ гребня, закрытый большимъ овальнымъ щитомъ. Работа, по отзыву

г. Думберга, не лишена нѣкотораго художества. Подъ рельефомъ тщательно вырѣзана хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,025 м.).

Камень найденъ па дачѣ Л. П. Войкова на 1-й Аджимушкайской улицѣ въ г. Керчи. Подаренъ г. Войковымъ въ музей въ февралѣ 1896 г.

ΔΑΜΑΣΓΑΙΟΥΣΤΡΑΤΗΓΟΣ ΤΥΚΑΝΔΕΙΤΩΝΧΑΙΡΕ	Δαμᾶς Γαΐου στρατηγὸς Τυκανδειτῶν· χαῖρε.

Обозначеніе придворныхъ или военныхъ должностей уже много разъ встрѣчалось на воспорскихъ надгробныхъ памятникахъ (см. IosPE. II, nn⁰ 65, 121, 131, 254, 290, 293, 297, add. 199[1]; Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 49, n⁰ 6; Мат. № 17, стр. 58, n⁰ 56); но кто были Τυκανδεῖται, предводителемъ которыхъ былъ почившій, — это остается неизвѣстнымъ, такъ какъ имя ихъ, если не ошибаемся, не встрѣчалось еще ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ.

---

11. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ твердаго раковистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,315 м., шир. 0,51, толщ. 0,19. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и столькими же розетками. Подъ нимъ въ углубленіи, сверху полукругломъ, изваяна большая фигура безбородаго мужчины, одѣтаго въ хитонъ и гиматій и стоящаго лицомъ къ зрителю; правая рука его, закрытая гиматіемъ, покоится на груди, а въ опущенной лѣвой онъ держитъ какой то продолговатый предметъ (мечъ?). Справа отъ него (для зрителя) стоитъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ хитонъ и хламиду. Обѣ фигуры изваяны грубо и попорчены. Подъ рельефомъ вырѣзана очень крупными буквами (выс. 0,057—0,068 м.) надпись римскаго времени.

Камень купленъ въ октябрѣ 1895 г. у Е. Запорожскаго.

ΜΑΗ ΑΝΟ ΠΤΗΝΙΟΣΧΑΙΡΕ	Μάη Ἀνο- πτήνιος, χαῖρε.

Имя Μάης принадлежитъ къ числу употребительныхъ на Воспорѣ. Что касается до имени Ἀνόπτηνις, то другой примѣръ его (въ им. и род. пад.) ясно читается въ надгробной надписи, изданной В. В. Шкорпиломъ въ Зап. Од. Общ. т. XVIII, стр. 177, n⁰ III. На основаніи этихъ двухъ примѣровъ можно съ полною увѣренностью возстановить то же имя и въ надписи (также изъ Керчи), изданной нами въ IosPE. v. II, add. p. 307, n⁰ 263[2].

---

12. Обломанное снизу надгробіе изъ мягкаго известняка выш. 1,42 м., шир. 0,52, толщ. 0,19. Верхній край его, по словамъ г. Думберга, первоначально былъ, кажется, украшенъ рельефнымъ карнизомъ, впослѣдствіи стесаннымъ. Подъ нимъ замѣтны слѣды покрытой красною

краскою полосы, а ниже находится надпись, буквы которой вырѣзаны неглубоко и отчасти вывѣтрились (выс. буквъ 0,043).

Камень купленъ въ январѣ 1896 г. у Е. Запорожскаго, находится въ музеѣ.

ΙΡΑΝΗΣ — [Τ?]ιράνης
ΓΟΤΟΥΟΣ — Γότο(υ) ὑός.

Имена, повидимому, варварскія. По характеру письма надпись не позднѣе IV в. до Р. Хр.

---

13. Верхняя половина надгробія изъ мягкаго известняка выш. 0,39 м., шир. 0,44, толщ. 0,10. Сверху надгробіе украшено простымъ рельефнымъ фронтономъ, надъ которымъ въ углахъ сдѣланы двѣ простыя круглыя розетки, а въ треугольникѣ фронтона третья, тщательно изваянная въ видѣ цвѣтка съ двойнымъ рядомъ лепестковъ. Подъ фронтономъ посрединѣ и по краямъ камня сдѣлано по шести т. наз. guttae, а подъ ними на архитравѣ вырѣзана однострочная хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,015 м.). Ниже, между двумя антами, находилось рельефное изображеніе, отъ котораго сохранилась только сильно попорченная человѣческая голова.

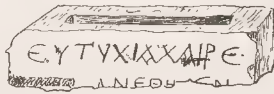
Камень найденъ въ мартѣ 1895 г. въ дворѣ мѣщанки Карноуховой на 2-й Аджимушкайской улицѣ въ г. Керчи. Находится въ музеѣ.

ΥΓΙΑΙΝΩΝΥΠΑΙΝΟΝΤΟΣΧΑΡΕ — Ὑγιαίνων Ὑ(γι)αίνοντος, χα(ῖ)ρε.

---

14. Постаментъ надгробія изъ мягкаго известняка дл. 0,57 м., шир. 0,295, толщ. 0,22. На одной изъ боковыхъ сторонъ небрежно вырѣзана двухстрочная надпись римскаго времени, вторая строка которой сильно пострадала отъ порчи камня (выс. буквъ 1-й строки 0,05 м., во 2-й онѣ были мельче).

Найденъ въ іюлѣ 1895 г. въ дворѣ Анны Волченко по Карантинному шоссе, находится въ музеѣ.

Εὐτυχία, χαῖρε.
[Ὁ δεῖνα] ἀνέθ[ηκ]εν.

---

15. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ твердаго раковистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,90 м., шир. 0,49, толщ. 0,157. По сторонамъ камня изображены рельефно два пилястра, капители которыхъ украшены акротеріями. Въ углубленіи подъ полукруглою аркою, соединяющею пилястры, изваяна большая фигура стоящей en face женщины въ длинномъ хитонѣ и накинутомъ на голову гиматіи; лѣвая рука ея опущена внизъ, правая покоится на груди. Справа отъ нея стоитъ дѣвочка въ длинномъ хитонѣ. Обѣ фигуры

изваяны довольно грубо и сильно попорчены. Подъ рельефомъ небрежно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени, отчасти попорченная (выс. буквъ 0,026).

Камень пріобрѣтенъ для музея въ январѣ 1896 г. у Е. Запорожскаго.

Μαχαρία<ι> γυνὴ<ι>
Μυρείνου·
χαῖρε.

---

16. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мягкаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,85 м., шир. 0,41, толщ. 0,10. Вверху, подъ узкимъ рельефнымъ карнизомъ, изваяны по угламъ двѣ большія розетки. Подъ ними, въ большомъ углубленіи, обрамленномъ аркою, изображены рельефомъ стоящая en face женщина въ длинномъ хитонѣ и накинутомъ на голову гиматіи и справа отъ нея дѣвочка въ длинномъ платьѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Работа грубая. Подъ рельефомъ находится небрежно вырѣзанная и сильно вывѣтрившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,015).

Найдено на дачѣ Л. П. Войкова (см. выше n° 10), которымъ и подарено въ музей въ февралѣ 1896 г.

Χρύσιον γυνὴ
Φαρν(ά)κου·
χαῖρε.

---

17. Осколокъ песчаника выш. 0,11 м., шир. 0,16 м. Слѣва, повидимому, сохранился край. Отъ бывшей на немъ надписи въ 1-й строкѣ замѣтенъ остатокъ одной буквы (кажется **Μ**), а во второй хорошо сохранилось 5 буквъ выс. отъ 0,015 до 0,018 м.

Найденъ въ сентябрѣ 1894 г. въ полѣ кургана, въ которомъ открытъ мраморный левъ и надпись n° 6. Подаренъ Керченскому музею подполковникомъ А. И. Волошкевичемъ.

Μ. . . . .
Ἀντιγ[ένους].

---

4. Агонистическій каталогъ изъ Горгиппіи.

Въ городѣ Анапѣ, расположенномъ на мѣстѣ древней Горгиппіи[1]), и въ его окрестностяхъ найдено въ разное время до 30 памятниковъ греческой эпиграфики, дошедшихъ до насъ, къ сожалѣнію, большею частію въ видѣ обломковъ[2]). Всѣ эти памятники, за исключеніемъ штемпеля

[1]) Въ настоящее время можно считать безспорнымъ, что Анапа занимаетъ мѣсто древней Горгиппіи. См. нашу замѣтку въ Журн. М. Н. Пр., ноябрь 1898 г., отд. кл. фил.

[2]) Изданы нами въ IosPE. v. II, nn° 398—420, и въ Матер. по арх. Россіи, изд. Имп. Арх. Комм., № 17 (С.-Пб. 1895), стр. 64 сл., nn° 1—7.

съ именемъ Горгиппа[1]), относятся къ первымъ вѣкамъ по Р. Хр. Издаваемая ниже большая надпись свидѣтельствуетъ о существованіи на мѣстѣ нынѣшней Анапы чисто греческаго поселенія задолго до Рождества Христова.

Лѣтомъ 1895 года въ Анапѣ, на земельномъ участкѣ турецкаго подданнаго Дм. Ѳ. Цихлакиди, при рытьѣ фундамента для постройки дома, найдена большая плита изъ хорошаго бѣлаго мрамора безъ всякихъ украшеній, но покрытая съ обѣихъ сторонъ греческими письменами. Рабочіе, желая узнать, изъ какого камня сдѣлана плита, уже начали было отбивать ломами куски ея, но мѣстный податной инспекторъ А. С. Поповъ остановилъ ихъ и принялъ мѣры къ сохраненію плиты, которая затѣмъ пріобрѣтена старшимъ членомъ Императорской Археологической Коммиссіи, профессоромъ Н. И. Веселовскимъ, въ собственность Коммиссіи и перевезена въ Керченскій музей, гдѣ и находится по настоящее время. Въ виду значительнаго интереса памятника Коммиссія обязательно разрѣшила намъ опубликовать его раньше, чѣмъ онъ войдетъ въ изданіе новой серіи надписей, поступившихъ въ ея распоряженіе, и мы издали его текстъ minusculis въ Журналѣ М. Н. Просв. 1896 г., мартъ, отд. класс. фил. стр. 115—127. Для разбора текста надписи мы воспользовались нѣсколькими прекрасными фотографическими снимками, любезно сообщенными намъ Н. И. Веселовскимъ; но такъ какъ для того, чтобы буквы вышли на фотографіи какъ можно отчетливѣе, онѣ были предварительно обведены карандашемъ, то явилась необходимость проконтролировать списанный съ фотографіи текстъ по эстампажамъ, за доставленіе которыхъ по моей просьбѣ я обязанъ искреннею благодарностью директору Керченскаго музея К. Е. Думбергу; немалую услугу оказали намъ и тщательныя рукописныя копіи гг. Думберга и В. В. Шкорпила, присланныя вмѣстѣ съ эстампажами.

Сохранившаяся въ цѣлости четырехугольная плита имѣетъ въ вышину 2,06 метра, въ ширину 0,54—0,58 метра, въ толщину 0,26 метра. Надпись вырѣзана на обѣихъ широкихъ сторонахъ плиты въ два столбца, которые раздѣлены проходящею посрединѣ камня вертикальною чертою. На обѣихъ сторонахъ лѣвый для зрителя столбецъ длиннѣе праваго: на сторонѣ *А*—на пять строкъ, а на сторонѣ *Б*—на четыре; подъ надписью остается на обѣихъ сторонахъ довольно значительное пустое пространство. Буквы вырѣзаны на обѣихъ сторонахъ сверху до низу весьма тщательно, но неровно: въ нѣкоторыхъ строкахъ онѣ имѣютъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сантиметра вышины, въ другихъ значительно мельче. Въ формахъ буквъ нижнихъ строкъ кое-гдѣ замѣчаются особенности сравнительно съ верхними строками; по сообщенію К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила, лично осматривавшихъ надпись, она вырѣзана разными рѣзчиками и, быть можетъ, не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ; такое предположеніе легко допускается и самымъ содержаніемъ надписи; однако, вслѣдствіе близкаго сходства формъ буквъ въ разныхъ почеркахъ очень трудно съ точностью опредѣлить, по крайней мѣрѣ по эстампажамъ, какія именно строки вырѣзаны каждымъ отдѣльнымъ рѣзчикомъ. На сторонѣ *А* вся надпись сохранилась почти невредимо, хотя поверхность камня до строки 13-й нѣсколько попорчена, а на сторонѣ *Б* значительно пострадала отъ времени въ верхней части, приблизительно до 35-й строки.

(См. текстъ на отдѣльномъ листѣ).

---

[1]) Мат. по арх. Россіи, № 17, стр. 71, № 7.

Сторона А.

Столбецъ I.

Ε[ὐε]ξίας
Βλάστος Ἀττάλου
Εὔξενος Εὐξένου
Δίων Διονυσίου
Σίνδος Δημητρίου
[Λ]ύσανδρος Νουμηνίου
Νικόστρατος Ἀναξικράτου
Πασίων Σκύθα
Ἀπολλώνιος Δημητρίου
Ἀριστοκλῆς Σκύθα
Ἀπελλικῶν Βάβα
Βλέψος Ἡρακλείδου
Διονύσιος Εὐπολέμου
Πασίων Διοφάντου
Λιμναῖος Πύρρου
[Ἱ]πποκράτης Εὐτίμου
Νίκων Θεοτέλου
Ἀντίδωρος Ἡροδώρου
Νυμφόδωρος Εὐτίμου
Διονύσιος Ἀπολλωνίου
[Β]λέψος Γοργίου
Σάτυρος Εὐπόλιος
Ἡρόδωρος Ἑστιαίου
Δαναὸς Ἀπολλωνίου
Γοργίας Γοργίου
Ἡρόδωρος Εὐθύφρονος
[Τ]ιμέας Θεοξένου
Τιμέας Νοήμονος
[Κ]ρατῖνος Κοτυτίωνος
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου
Φιλῖνος Φιλίνου
[Γ]λαυκίας Γλαυκίου
Δημόχαρις Ὀρχάμου
Ἆγις Λυσάνδρου
[Π]ρομαθίων Χρυσίππου
Σωκράτης Σωκράτου
Προμαθίων Θόαντος

Столбецъ II.

Οἵδε Ἑρμαῖα
δόλιχον ἐνίκησαν·

Ἡρόδωρος Ἀναξικράτο[υ]
Ὑψικλῆς Ὑψικλέους
Δημήτριος Δημητρίου
Ἱπποκράτης Δημητρίου
Ἀγησίλας Διονυσίου
Ζώπυρος Ὑψικλέος
Μᾶτρις Στρατονίκο[υ]
Κόνων Ἀθηνίππου
Ἀπήμαντος Γοργίου
Πασίων Διοφάντου
Σκύθας Ἀριστοδήμο[υ]
Ἀντίδωρος Ἡροδώρο[υ]
Ἀπολλώνιος Ποσιδέο[υ]
Ἆγις Ἡρακλείδου
Κρίθων Ἡρογείτονος
Σάτυρος Εὐπόλιος
Ἀντιάδης Ἡροδώρο[υ]
Ἱπποκράτης Θεοκρίτου
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου
Σκύθας Θεοδώρου
Παράμονος Εὐβούλου
Εὔβουλος Καλλιμάχο[υ]
Ὑψικλῆς Φιλίσκου
Κρατῖνος Κοτυτίωνος
Μυστίας Δημώνακτ[ος]
Νικαγόρας Θεοδώρου
Δημήτριος Σινδόκου
Βλάστος Κοτυτίωνο[ς]
Κόδρος Διονυσίου
Ποσίδεος Ἑλλανίδου
Φίλισκος Φιλίσκου
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου
Πανταχλῆς Κηφισ[ο]ῦ
Νικόβουλος Καλλιστράτο[υ]

Къ стр. 66.

Сторона А.

ΕΞΙΑΣ
ΒΛΑΣΤΟΣΑΤΤΑΛΟΥ
ΕΥΞΕΝΟΣΕΥΞΕΝΟΥ
ΔΙΩΝΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΣΙΝΔΟΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
.ΥΣΑΝΔΡΟΣΝΟΥΜΗΝΙΟΥ
ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΣΑΝΑΞΙΚΡΑΤΟΥ
ΠΑΣΙΩΝΣΚΥΘΑ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
ΑΡΙΣΤΟΚΛΗΣΣΚΥΘΑ
ΑΠΕΛΛΙΚΩΝΒΑΒΑ
ΒΛΕΨΟΣΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΕΥΠΟΛΕΜΟΥ
ΠΑΣΙΩΝΔΙΟΦΑΝΤΟΥ
ΛΙΜΝΑΙΟΣΠΥΡΡΟΥ
.ΠΠΟΚΡΑΤΗΣΕΥΤΙΜΟΥ
ΝΙΚΩΝΘΕΟΤΕΛΟΥ
ΑΝΤΙΔΩΡΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΝΥΜΦΟΔΩΡΟΣΕΥΤΙΜΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ
ΒΛΕΨΟΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΣΑΤΥΡΟΣΕΥΠΟΛΙΟΣ
ΗΡΟΔΩΡΟΣΕΣΤΙΑΙΟΥ
ΔΑΝΑΟΣΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ
ΓΟΡΓΙΑΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΗΡΟΔΩΡΟΣΕΥΘΥΦΡΟΝΟΣ
ΓΙΜΕΑΣΘΕΟΞΕΝΟΥ
ΤΙΜΕΑΣΝΟΗΜΟΝΟΣ
.ΡΑΤΙΝΟΣΚΟΤΥΤΙΩΝΟΣ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ
ΦΙΛΙΝΟΣΦΙΛΙΝΟΥ
Γ.ΛΑΥΚΙΑΣΓΛΑΥΚΙΟΥ
ΔΗΜΟΧΑΡΙΣΟΡΧΑΜΟΥ
ΑΓΙΣΛΥΣΑΝΔΡΟΥ
ΠΡΟΜΑΘΙΩΝΧΡΥΣΙΠΠΟΥ
ΣΩΚΡΑΤΗΣΣΩΚΡΑΤΟΥ
ΠΡΟΜΑΘΙΩΝΘΟΑΝΤΟΣ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΓΛΑΥΚΟΥ
ΠΑΝΤΑΚΛΗΣΚΗΦΙΣΟΥ
ΑΙΣΙΜΙΔΗΣΠΑΤΑΙΚΟΥ
ΑΘΑΝΙΩΝΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ
ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΣΕΥΦΡΟΝΟΣ
ΗΓΗΣΙΛΟΧΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΔΙΟΚΛΗΣΖΗΝΩΝΟΣ
ΔΗΜΑΝΘΗΣΔΗΜΟΧΑΡΙΔΟΣ
ΣΩΣΙΠΑΤΡΟΣΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ
ΔΗΜΑΡΧΟΣΝΟΥΜΗΝΙΟΥ
ΠΑΣΙΩΝΑΡΙΣΤΟΚΛΕΟΥΣ
ΠΑΓΟΥΡΙΩΝΓΟΡΓΙΟΥ
ΜΑΙΣΗΣΚΑΛΛΙΓΕΝΟΥ
ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΦΙΛΙΝΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΕΥΒΟΥΛΟΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΕΥΡΥΤΟΣΚΡΑΤΙΝΟΥ
ΝΟΥΜΗΝΙΟΣΝΟΥΜΗΝΙΟΥ
ΓΟΡΓΙΑΣΓΟΡΓΙΟΥ
vac.

ΟΙΔΕΕΡΜΑΙΑ
ΔΟΛΙΧΟΝΕΝΙΚΗΣΑΝ
vac.
ΗΡΟΔΩΡΟΣΑΝΑΞΙΚΡΑΤΟΥ
ΥΨΙΚΛΗΣΥΨΙΚΛΕΟΥΣ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
ΙΠΠΟΚΡΑΤΗΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
ΑΓΗΣΙΛΑΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΖΩΠΥΡΟΣΥΨΙΚΛΕΟΣ
ΜΑΤΡΙΣΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ
ΚΟΝΩΝΑΘΗΝΙΠΠΟΥ
ΑΠΗΜΑΝΤΟΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΠΑΣΙΩΝΔΙΟΦΑΝΤΟΥ
ΣΚΥΘΑΣΑΡΙΣΤΟΔΗΜΟΥ
ΑΝΤΙΔΩΡΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΠΟΣΙΔΕΟ
ΑΓΙΣΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ
ΚΡΙΘΩΝΗΡΟΓΕΙΤΟΝΟΣ
ΣΑΤΥΡΟΣΕΥΠΟΛΙΟΣ
ΑΝΤΙΑΔΗΣΗΡΟΔΩΡΟ
ΙΠΠΟΚΡΑΤΗΣΘΕΟΚΡΙΤΟΥ
ΗΡΟΔΩΡΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΣΚΥΘΑΣΘΕΟΔΩΡΟΥ
ΠΑΡΑΜΟΝΟΣΕΥΒΟΥΛΟΥ
ΕΥΒΟΥΛΟΣΚΑΛΛΙΜΑΧΟ
ΥΨΙΚΛΗΣΦΙΛΙΣΚΟΥ
ΚΡΑΤΙΝΟΣΚΟΤΥΤΙΩΝΟΣ
ΜΥΣΤΙΑΣΔΗΜΩΝΑΚΤ
ΝΙΚΑΓΟΡΑΣΘΕΟΔΩΡΟΥ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΣΙΝΔΟΚΟΥ
ΒΛΑΣΤΟΣΚΟΤΥΤΙΩΝΟ
ΚΟΔΡΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΠΟΣΙΔΕΟΣΕΛΛΑΝΙΔΟΥ
ΦΙΛΙΣΚΟΣΦΙΛΙΣΚΟΥ
ΗΡΟΔΩΡΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΠΑΝΤΑΚΛΗΣΚΗΦΙΣ.Υ
ΝΙΚΟΒΟΥΛΟΣΚΑΛΛΙΣΤΡΑΤΟ
ΕΥΡΥΤΟΣΕΥΡΥΤΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΛΥΣΑΝΔΡΟΥ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΕΠΙΚΡΑΤΟ
ΑΝΤΑΛΚΗΣΣΙΝΔΟΚΟ
ΗΓΗΣΙΛΟΧΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟ
ΔΙΟΚΛΗΣΖΗΝΩΝΟ
ΦΙΛΙΝΟΣΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ
ΚΛΕΑΝΔΡΟΣΚΑΛΛΙΠΠΙΔΟΥ
ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ
ΘΕΟΜΝΗΣΤΟΣΑΡΙΣΤΟΚΛΕΟΥ
ΝΙΚΟΜΑΧΟΣΝΙΚΙΟΥ
ΕΣΤΙΑΙΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΑΡΙΣΤΑΓΟΡΑΣΔΗΜΗΤΡ
ΜΕΓΑΝΩΡΔΗΜΗΤΡΙΟ
ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΣΜΕΝΕΚΛΕΟΥ
ΣΠΑΡΤΟΚΙΩΝΣΩΣΤΡΑΤΟΥ
vac.

Сторона Б.

	Ε Ι
ΙΗΤΡΙΟΥΤΟ ΓΙΜΕΟΥ	Ι ΣΟΔΩ
ΧΑΡΩΝΣΑΣΩΝΤΟΣ	ΙΚΛΗ ΨΙΚΛΕ
Λ.ΞΑΝΔΡΟΣΕΛΛ ΝΙΔΟΥ	Γ.ΠΥΛΟΙΔΗΜ ΟΥ
ΟΠΥΡΙΟ. ΖΟΠΥΡΙΩΝΟΣ	ΛΥΣΙΛΣ ΡΟΜΗ
ΟΛΛΑΣΣΑΤΥ ΟΥ	ΘΕΩΝΙΧΟΣΛΕΥΚΩΝ
ΙΠΠΟΣΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ	ΔΕΛΦ.ΝΙΟΣΣΤΡ. Λ
ΩΣΙΣΕΚΑΤΑΙΟΥ	ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΔΗΜΗ
ΙΔΙΑΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	ΥΛΑΙΟΣΣΙΝΔΟΥ
ΕΥΦΡΩΝΑΝΔΡΟΣΞΕΝΟΥ	ΜΑΤΡΙΣΣΥΜΗΛΟΥ
ΔΩΡΟΣΑΝΤΙΛΔΟΥ	ΚΟΝΩΝΑΘΗΝΙΠΠ
ΟΛΛΩΝΙΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	ΤΙΜΕΑΣΤΙΜΕΟΥ
ΠΙΚΡΑΤΗΣΣΙΝΔΟΥ	ΗΡΟΓ.ΙΤΩΝΔΙΣ
ΔΗΜΟΣΩΝΣΙΜΩΝΟΣ	ΑΡΧΕΔΗΜΟΣΕΣ./Ι
ΘΕΟΚΡΙΤΟΣΙΠΠΟΚΡΑ.ΟΥ	ΜΕΝΕΚΡΑΤΗΣΙ ΙΙΑ
ΧΙΟΣΑΓΓΕΛΛΙΚΩΝΤΟΣ	ΜΕΝΙΠΠΟΣΙΑΤΤΑ
ΓΛΑΥΚΟΣΔΗΜΟΦΩΝΤΟΣ	ΣΚΥΘΑΣΑΙΙΣΤΟ
ΝΛΞΙΑΔΗΣΣΙΝΔΟΥ	ΑΝΤΙΑΔΗΣΗΡΟΔΩ
ΕΟΔ.. ΡΟΣΘΕΟΤΙΜΟΥ	ΚΑΛΛΙΓΕΝΗΣΑΙ. Α
Λ.ΛΟΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ	ΗΡΟΔΩ.ΟΣΗΡΟΔΩΡΟΥ
ΙΛΗΣΥΨΙΚΛΕΟΣ	ΠΑΡΑΜΟΝΟΣΕΥ.ΟΥΛ
ΔΗΣΙΠΠΟΚΡΑΤΟΥ	ΗΡΑΙΟΣΤΙΜΟΣΘΕ.ΟΥ
ΕΡΔΙΚΚΑΣΔΙΝΔΟΥ	ΑΡΙΣΤΩΝΠΑΤΡΩΝ
ΙΣΤΟΚΛΗΣΣ.ΥΘΑ	ΑΠΗΜΑΝΤΟΣΠΑΓΟ
ΔΩΡΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	.ΚΑΤΑΙΟΣΕΥΡΥΤΟΥ
ΝΑ.ΧΟΣΚΤΗΣΙΟΥ	ΔΙΟΝΥΣΟΔΩΡΟΣΑΠΟΛ
ΑΣΑΡΧΕΣΤΡΑΤΟΥ	ΑΠΟΛΛΟΦΑΝΗΣ
Φ.ΛΟΣΑΝΑΞΙΚΡΑΤΟΥ	ΥΨΙΚΛΗΣΦΙΛΙΣΚΟΥ
ΑΟΟΚΛΗΣΑΤΤΑΛΟΥ	ΣΙΝΔΟΣΕΠΙΚΡΑΤΟΥ
ΜΑΧΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	ΘΕΟΔΩΡΟΣΦΙΛΙΣΚΟΥ
ΚΕΔΗΜΟΣΚΡΑΤΙΝΟΥ	ΙΤΗΣΕΠΙΚΡΑΤΟΥ
ΣΤΡΑΤΟΣΑΝΑΞΙΚΡΑΤΟΥ	ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣΕΠΙΚΡΑΤΟΥ
ΩΝΗΡΟΓΕΙΤΟΝΟΣ	ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΚΑΛΛΙΜΑΧΟΥ
ΠΗΜΑΝΤΟΣΓΟΡΓΙΟΥ	ΑΘΗΝΙΠΠΟΣΗΡΟΦΑΝΟ
ΓΗΣΙΛΑΣΕΥΦΡΟΝΟΣ	ΕΠΙΚΡΑΤΗΣΕΠΙΚΡΑΤΟ
ΡΧΕΔΗΜΟΣΕΣΤΙΑΙΟΥ	ΠΟΣΙΔΕΟΣΕΛΛΑΝΙΔΟΥ
ΑΠΙΑΣΔΙΟΝΤΣΟΔΩΡΟΥ	ΑΙΣΧΡΟΣΟΡΘΑΓΟΡΟΥ
ΩΣΙΠΑΤΡΟΣΘΕΟΔΩΡΟΥ	ΒΑΚΧΙΟΣΒΑΚΧΙΟΥ
.ΛΑΙΟΣΣΙΝΔΟΥ	ΟΡΘΑΓΟΡΑΣΝΙΚΙΑΔΟ
ΠΠΟΚΡΑΤΗΣΘΕΟΚΡΙΤΟΥ	ΟΡΧΑΜΟΣΕΥΑΝΘΟΥΞ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	ΑΝΤΑΛΚΗΣΣΙΝΔΟΚΟΥ
ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΣΚΡΑΤΙΝΟΥ	ΘΕΟΤΙΜΟΣΘΟΑΝΤΟΣ
ΙΡΟΔΩΡΟΣΕΣΤΙΑΙΟΥ	ΜΗΝΟΦΙΛΟΣΙΠΠΩΝΟΣ
.ΑΛΛΙΓΕΝΗΣΚΡΑΤΕΡΟΥ	ΣΩΣΙΠΑΤΡΟΣΙΑΣΙΜΑΧ
ΕΣΤΙΑΙΟΣΚΡΑΤΙΝΟΥ	ΝΙΚΙΑΔΗΣ ΝΙΚΙΑΔΟΥ
ΔΑΝΑΟΣΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ	ΣΙΝΔΟΣ ΥΛΑΙΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΚΑΛΛΙΜΑΧΟΥ	ΣΤΡΑΤΙΟΣΜΟΣΧΙΩΝ
ΚΡΑΤΙΝΟΣΚΟΤΥΤΙΩΝΟΣ	ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΜΕΝΑΝ
ΘΕΟΔΩΡΟΣ ΦΙΛΙΣΚΟΥ	ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΗΡΑΚΛΕΙ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΣΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ	ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΗΣΑΓΑΘΟΚΛΕ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ	ΑΡΙΣΤΟΔΗΜΟΣ ΣΚΥΘ
ΓΟΡΓΙΑΣΠΑΓΟΥΡΙΩΝΟΣ	ΥΛΑΙΟΣΥΛΑΙΟΥ
ΦΙΛΙΣΚΟΣΦΙΛΙΣΚΟΥ	ΦΙΛΕΑΣΕΥΦΡΟΝΟΣ
ΑΓΗΣΙΛΑΣΧΑΡΙΚΛΕΟΥΣ	ΣΩΣΙΣΜΟΣΧΙΩΝΟΣ
ΠΡΟΜΑΘΙΩΝΘΟΑΝΤΟΣ	ΓΟΡΓΙΑΣΓΟΡΓΙΟΥ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣΣΙΝΔΟΚΟΥ	ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
ΑΡΧΕΔΗΜΟΣΦΙΛΙΝΟΥ	ΘΡΑΣΥΛΛΟΣΓΟΡΓΟΥ
ΑΘΑΝΙΩΝ ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ	ΣΠΑΡΤΟΚΙΩΝΣΩΣΤΡΑΤΟΥ
ΘΕΟΤΙΜΟΣΘΟΑΝΤΟΣ	*vac.*
ΦΙΛΙΝΟΣΦΙΛΙΝΟΥ	
ΑΡΑΜΟΝΟΣΕΥΒΟΥΛΟΥ	
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ	
vac.	

Δημήτριος Στρατονίκου
Ἀπολλώνιος Γλαύκου
Πανταχλῆς Κηφισοῦ
Αἰσιμίδης Παταίκου
Ἀθανίων Στρατονίκου
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου
Ἀνθεστήριος Εὔφρονος
Ἡγησίλοχος Διονυσίου
Διοκλῆς Ζήνωνος
Δημάνθης Δημοχάριδος
Σωσίπατρος Ἡρακλείδου
Δήμαρχος Νουμηνίου
Πασίων Ἀριστοκλέους
Παγουρίων Γοργίου
Μαίσης Καλλιγένου
Στρατόνικος Γοργίου
Φιλῖνος Ἡροδώρου
Εὔβουλος Γοργίου
Εὔρυτος Κρατίνου
Νουμήνιος Νουμηνίου
Γοργίας Γοργίου

Εὔρυτος Εὐρύτου
Διονύσιος Λυσάνδρου
Ἀπολλώνιος Ἐπικράτο[υ]
Ἀντάλκης Σινδόκο[υ]
Ἡγησίλοχος Διονυσίο[υ]
Διοκλῆς Ζήνωνο[ς]
Φιλῖνος Εὐκρατίδου
Κλέανδρος Καλλιππίδο[υ]
Μένανδρος Ἡρακλείτο[υ]
Θεόμνηστος Ἀριστοκλέου[ς?]
Νικόμαχος Νικίου
Ἑστιαῖος Ἡροδώρου
Στρατόνικος Γοργ[ίο]υ
Ἀρισταγόρας Δημητρ[ίου]
Μεγάνωρ Δημητρίο[υ]
Ἀρτεμίδωρος Μενεκλέου[ς?]
Σπαρτοκίων Σωστράτο[υ]

Сторона Б.

Столбецъ I.

. . . .
[Δημ]ητρίου το[ῦ Τ]ιμέου.
Χάρων Σάσωντος
Λ[ύ]σανδρος Ἑλλανίδου
[Ζω]πυρ[ίων] Ζωπυρίωνος
[Ἀπο]λλᾶς Σατύ[ρ]ου
[Λύσ?]ιππος Ἀπολλοδώρου
[Σῶ]σις Ἑκαταίου
[Με]ιδίας Διονυσίου
Εὔφρων Ἀνδροσ[θ]ένου
[Ἡρό]δωρος Ἀντι[ά]δο[υ]
[Ἀπ]ολλώνιος Διονυσίου
[Ἐ]πικράτης Σίνδου
Δημοσῶν Σίμωνος

Столбецъ II.

. . . . . ε . . . .
. . . . [Διονυ]σοδώ[ρου]?
[Ὑψ]ικλῆ[ς Ὑ]ψικλέ[ος]
[Πα]πύλο[ς] Δημ[ητρί]ου
Λυσίας [Π]ρομή[θου]
Θεώνιχος Δεύκων[ος]
Δελφ[ί]νιος Στρ[ατονίκου?]
Δημήτριος Δημη[τρίου]
Ὑλαῖος Σίνδου
Μᾶτρις [Ε]ὐμήλου
Κόνων Ἀθηνίππ[ου]
Τιμέας Τιμέου
Ἡρογ[ε]ίτων Δίω[ν]ο[ς]
Ἀρχέδημος Ἑσ[τιαίου]

Θεόκριτος Ἱπποκρά[τ]ου
[Βάκ]χιος Ἀ[π]ελλικῶντος
[Γ]λαῦ[κο]ς Δημοφῶντος
[Ἀνα]ξιάδης Σίνδου
[Θ]εόδ[ω]ρος Θεοτίμου
[Παπύ]λος Δημητρίου
[Ὑψικ]λῆς Ὑψικλέος
. . . δης Ἱπποκράτου
[Π]ερδίκκας Δίνδου?
[Ἀρ]ιστοκλῆς Σ[κ]ύθα
[Ἀρτεμί]δωρος Διονυσίου
[Δεί]να[ρ]χος Κτησίου
. . . . ας [Ἀ]ρχεστράτου
[Δί]φ[ι]λος Ἀνα[ξ]ικράτου
[Ἀγ]αθοκλῆς Ἀττάλου
[Καλλί]μαχος Διονυσίου
[Ἀρχ]έδημος Κρατίνου
[Σώ]στρατος Ἀναξικράτου
[Δί]ων Ἡρογείτονος
[Ἀ]πήμαντος Γοργίου
[Ἀ]γησίλας Εὔφρονος
[Ἀ]ρχέδημος Ἑστιαίου
[Πα]πίας Διον(υ)σοδώρου
[Σ]ωσίπατρος Θεοδώρου
[Ὑ]λαῖος Σίνδου
[Ἱ]πποκράτης Θεοκρίτου
Διονύσιος Διονυσίου
Νικόστρατος Κρατίνου
[Ἡ]ρόδωρος Ἑστιαίου
[Κ]αλλιγένης Κρατεροῦ
Ἑστιαῖος Κρατίνου
Δαναὸς Ἀπολλωνίου
Διονύσιος Καλλιμάχου
Κρατῖνος Κοτυτίωνος
Θεόδωρος Φιλίσκου
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου
Δημήτριος Στρατονίκου
Γοργίας Παγουρίωνος
[Φ]ίλισκος Φιλίσκου
Ἀγησίλας Χαρικλέους

Μενεκράτης [Μειδίου?]
Μένιππος [Βά]ττα?
Σκύθας Ἀ[ρ]ιστο[κλέους]
Ἀντιάδης Ἡροδώ[ρου]
Καλλιγένης Ἀ . . α . .
Ἡρόδω[ρ]ος Ἡροδώρου
Παράμονος Εὐ[β]ούλ[ου]
[Ἥρ]αιος Τιμοσθέ[ν]ου
Ἀρίστων Πάτρων[ος]
Ἀπήμαντος Παγ[ουρίωνος?]
[Ἑ]καταῖος Εὐρύτου
Διονυσόδωρος Ἀπο[λλωνίου]
Ἀπολλοφάνης . . . . .
Ὑψικλῆς Φιλίσκου
Σίνδος Ἐπικράτου
Θεόδωρος Φιλίσκου
Ἴτης Ἐπικράτου
Ἀπολλόδωρος Ἐπικράτο[υ]
Διονύσιος Καλλιμάχο[υ]
Ἀθήνιππος Ἡροφάνο[υ]
Ἐπικράτης Ἐπικράτο[υ]
Ποσίδεος Ἑλλανίδο[υ]
Αἶσχρος Ὀρθαγόρου
Βάκχιος Βακχίου
Ὀρθαγόρας Νικιάδο[υ]
Ὄρχαμος Εὐάνθου[ς]
Ἀντάλκης Σινδόκου
Θεότιμος Θόαντος
Μηνόφιλος Ἵππωνος
Σωσίπατρος Ἰασιμάχ[ου]
Νικιάδης Νικιάδου
Σίνδος Ὑλαίου
Στράτιος Μοσχίων[ος]
Μένανδρος Μενάν[δρου]
Μένανδρος Ἡρακλεί[του]
Καλλικράτης Ἀγαθοκλέ[ους]
Ἀριστόδημος Σκύθα
Ὑλαῖος Ὑλαίου
Φιλέας Εὔφρονος
Σῶσις Μοσχίωνος

Προμαθίων Θόαντος
Δημήτριος Σινδόκου
Ἀρχέδημος Φιλίνου
Ἀθανίων Στρατονίκου
Θεότιμος Θόαντος
Φιλῖνος Φιλίνου
[Π]αράμονος Εὐβούλου
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου.

Γοργίας Γοργίου
Ἀριστοκράτης Δημητρίου
Θράσυλλος Γόργου
Σπαρτοκίων Σωστράτου.

Для опредѣленія времени надписи текстъ ея не представляетъ никакихъ прямыхъ указаній, такъ что приходится ограничиться для этой цѣли главнымъ образомъ данными палеографическими и отчасти орѳографическими и грамматическими. Обращаясь къ первому критерію, мы можемъ замѣтить, что вполнѣ опредѣленный и строго выдержанный характеръ буквъ прямо указываетъ на III вѣкъ до Р. Хр. и притомъ скорѣе на первую его половину; считать документъ болѣе древнимъ препятствуетъ отсутствіе орѳографическихъ особенностей, обычно встрѣчающихся въ воспорскихъ документахъ IV вѣка до Р. Хр.[1]), и въ особенности постоянное образованіе gen. sing. на -ου отъ именъ, сложныхъ съ основами на -ες[2]). Мейстергансъ замѣчаетъ[3]) объ этихъ именахъ слѣдующее: «Der Genetiv hat bis 350 v. Chr. die Endung -ο(υ)ς. Von da an begegnen Formen auf -ου (39 Stellen von 350—300 v. Chr.). Doch überwiegt bis zum Jahre 300 im allgemeinen noch die ältere Bildungsweise auf -ους. Von 300 an aber gelangen die Formen auf -ου gänzlich zur Herrschaft». Хотя эти замѣчанія относятся спеціально къ аттическимъ надписямъ, но ими можно, конечно, руководствоваться и при разсмотрѣніи документовъ неаттическихъ. Что касается собственно до Воспора, то извѣстные по настоящее время эпиграфическіе памятники, въ которыхъ встрѣчаются такія имена, даютъ намъ право заключить, что въ IV вѣкѣ до Р. Хр. ихъ gen. sing. имѣлъ несокращенную форму по 3-му склоненію (на -εος), а начиная съ III вѣка и кончая позднѣйшими римскими временами обычно употреблялась форма на -ου[4]). Gen. sing. именъ на -κλῆς въ трехъ случаяхъ имѣетъ окончаніе -κλέους (А I, 50, А II, 4 и Б I, 54)[5]), въ двухъ -κλέος (Ὑψικλέος А II, 8 и Б I, 21) и въ двухъ, повидимому, -κλέου (А II, 46 и 52), хотя возможно, что Σ въ обоихъ этихъ случаяхъ пропала вслѣдствіе порчи камня, наконецъ въ трехъ

---

[1]) См. IosPE. v. II, indices, p. 334. Отсутствіе Υ въ окончаніи gen. sing. ΟΥ во многихъ строкахъ правыхъ столбцовъ скорѣе можно объяснить или порчею камня, или недостаткомъ мѣста, нежели древнѣйшимъ правописаніемъ, такъ какъ въ лѣвыхъ столбцахъ написаніе Ο вмѣсто ΟΥ совсѣмъ не встрѣчается.

[2]) Ограничиваясь примѣрами, въ которыхъ окончаніе вполнѣ сохранилось, укажемъ: Ἀναξικράτου А I, 6, А II, 3, Б I, 28 и 32; Θεοτέλου А I, 17; Σωκράτου А I, 36; Καλλιγένου А I, 52; Ἐπικράτου А II, 39, Б II, 29 и 31; Ἀνδροσ[θ]ένου Б I, 10; Ἱπποκράτου Б I, 22.

[3]) K. Meisterhans, Gramm. d. Att. Inschr.[2] p. 105.

[4]) См. IosPE. v. II, ind. V, 3.

[5]) Буквы *А* и *Б* обозначаютъ стороны камня, римскія цифры *I* и *II* — столбцы, а арабскія цифры — строки въ столбцѣ.

мѣстахъ (Б II, 3, 17 и 50) окончаніе не сохранилось. По словамъ **Мейстерганса**[1]), въ аттическихъ надписяхъ «der Genetiv endigt im VI. und V. J. auf -κλέο(υ)ς. Seit 350 v. Chr. begegnen vereinzelte Formen auf -κλέου, die aber nicht durchdringen und später wieder verschwinden». Такимъ образомъ вѣрнѣе всего будетъ отнести нашу надпись къ 1-й половинѣ III вѣка до Р. Хр.

Обращаясь къ содержанію надписи, мы видимъ, что на обѣихъ сторонахъ камня вырѣзаны длинные списки собственныхъ именъ съ отчествами: на сторонѣ *А* столбецъ I содержитъ списокъ 57 лицъ, ст. II — 51 л., на ст. *Б* столбецъ I — 61 лицо и ст. II — 56 лицъ, всего 225 лицъ. Спискамъ предшествовали заглавія, изъ которыхъ вполнѣ сохранилось, къ сожалѣнію, только одно — въ ст. II стороны *А*: оно свидѣтельствуетъ, что этотъ столбецъ содержитъ въ себѣ перечень лицъ, одержавшихъ побѣду въ такъ-называемомъ «длинномъ бѣгѣ»[2]) въ праздникъ Ермія. Заглавіе 1-го столбца стороны *А* состоитъ изъ одного только слова, не вполнѣ сохранившагося, но допускающаго, какъ намъ кажется, вполнѣ достовѣрное возстановленіе, ибо εὐεξία неоднократно упоминается въ надписяхъ въ числѣ различныхъ видовъ праздничныхъ состязаній[3]). На сторонѣ *Б* поверхность около верхняго края настолько попорчена, что нѣтъ возможности даже сказать съ полною увѣренностью, была ли въ ст. I передъ первымъ сохранившимся именемъ (Χάρων Σάσωντος) одна, или двѣ строки; непосредственно предшествующая этому имени строка такъ плохо сохранилась, что въ ней лишь съ трудомъ можно разглядѣть нѣсколько буквъ, допускающихъ предложенное въ транскрипціи чтеніе. Въ ст. II передъ именемъ [Ὑψ]ικλ[ῆς Ὑ]ψικλέ[ος], несомнѣнно, было двѣ строки, но обѣ онѣ почти совершенно стерлись, за исключеніемъ нѣсколькихъ буквъ.

Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что вверху обоихъ столбцовъ стороны *Б* также стояли заглавія и что, стало быть, эти столбцы составляли не продолженіе списковъ стороны *А*, а отдѣльные отъ нихъ перечни, хотя и трудно опредѣлить содержаніе заглавія, въ составъ котораго въ *Б* I входилъ, повидимому, родительный падежъ имени собственнаго съ отчествомъ. Въ доказательство мнѣнія, что на ст. *Б* были отдѣльные списки, а не продолженія списковъ ст. *А*, можно привести 1) то, что оба списка стороны *А* не доходятъ до нижняго края плиты и потому представляются оконченными, и 2) то, что во всѣхъ четырехъ спискахъ довольно часто встрѣчаются, какъ мы увидимъ ниже, имена однихъ и тѣхъ же лицъ, чего не могло

---

1) Gramm. d. Att. Inschr.[2] p. 104.

2) О разныхъ видахъ состязанія въ бѣгѣ, въ томъ числѣ и о δόλιχος, ср. **Hermann-Blümner**, Griech. Privataltertb. (1882), стр. 345 сл.; L. **Grasberger**, Erziehung und Unterricht im klass. Alterthum, I (Würzb., 1864), стр. 309 сл.

3) Ср. надпись изъ Систа, **Dittenberger**, Syll.[1] № 246 v. 83: ἔθηκεν δὲ καὶ ὅπλα μακροῦ δρόμου καὶ εὐταξίας καὶ φιλοπονίας καὶ εὐεξίας. Ibid. №№ 396, 397. Диттенбергеръ къ № 396 п. 1 замѣчаетъ объ εὐεξία: «simile fuisse videtur certamen atque Atheniensium εὐανδρία; atque id genus etiam ab aliis civitatibus Graecis non alienum fuisse iure colligas ex Xenophontis loco quem ascripsi 395». [**Memor.** III, 3, 12, съ примѣчаніемъ: «In quibus ut εὐφωνίαν ad chorum Deliacum, sic σωμάτων μέγεθος καὶ ῥώμην ad εὐανδρίαν necessario referri monuit Sauppius. Sed magnitudini et robori corporum accedere debebat venustas, de qua Athen. XIII, p. 565 f»].

бы быть, если бы на сторонѣ *Б* было продолженіе списковъ стороны *А*, или, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы въ такомъ случаѣ ожидать отмѣтокъ о вторичной, третьей и т. д. побѣдѣ одного и того же лица, тогда какъ упоминаніе однихъ и тѣхъ же лицъ въ разныхъ спискахъ вполнѣ возможно.

Итакъ, наша надпись или (строго говоря) по крайней мѣрѣ одна сторона ея *(А)* принадлежитъ къ тому разряду эпиграфическихъ памятниковъ, которому усвоено эпиграфистами названіе catalogi agonistici[1]). Въ виду того, что она не вноситъ важныхъ новыхъ данныхъ въ общую сокровищницу нашихъ свѣдѣній о памятникахъ этого рода, а равно и о праздничныхъ состязаніяхъ у грековъ, мы не будемъ говорить о нихъ вообще и ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, непосредственно касающимися вновь открытаго памятника. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если во всѣхъ 4-хъ столбцахъ его вырѣзаны списки побѣдителей, то они даны, очевидно, за длинный рядъ годовъ, расположены, безъ сомнѣнія, въ нисходящемъ хронологическомъ порядкѣ и ведутъ свое начало, по всей вѣроятности, съ самаго учрежденія каждаго вида состязаній. Къ сожалѣнію, изъ этого положенія нельзя вывести никакихъ прочныхъ заключеній о времени возникновенія этихъ состязаній въ Горгиппіи, такъ какъ остается неизвѣстнымъ: 1) точное время памятника, 2) совершались-ли состязанія ежегодно и 3) внесены-ли въ списокъ исключительно лица, получившія первый призъ, то-есть по одному за каждое состязаніе. При этомъ необходимо добавить, что хотя по свидѣтельству очевидцевъ К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила списки вырѣзаны разными рѣзчиками и, быть можетъ, не сразу, но всетаки, судя по фотографіи и эстампажамъ, значительныя части списковъ на обѣихъ сторонахъ вырѣзаны однимъ и тѣмъ же лицомъ и въ одинъ пріемъ, такъ какъ не представляютъ никакой замѣтной разницы въ почеркѣ. Отсюда можно сдѣлать слѣдующее правдоподобное заключеніе о происхожденіи нашего документа: спустя значительное время по возникновеніи праздничныхъ состязаній въ Горгиппіи по той или другой причинѣ рѣшено было увѣковѣчить на одномъ камнѣ имена лицъ, уже одержавшихъ побѣду въ разныхъ видахъ состязаній, что и было сдѣлано сразу однимъ рѣзчикомъ, а затѣмъ къ этимъ спискамъ постепенно прибавлялись имена новыхъ побѣдителей. Причина же прекращенія списковъ раньше, чѣмъ ими заполненъ былъ весь камень, конечно, останется для насъ неизвѣстною.

Обращаясь къ именамъ, записаннымъ въ спискахъ, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ каждомъ отдѣльномъ спискѣ фигурируютъ все разныя имена, то-есть иначе говоря, почти нѣтъ случаевъ, чтобы одно и то же лицо дважды или трижды одержало побѣду въ одномъ и томъ же состязаніи. Правда, есть два случая, когда одно и то же имя съ отчествомъ дважды записано въ одномъ и томъ же спискѣ, именно Γοργίας Γοργίου въ А I, 25 и 58 и Ἡρόδωρος Ἡροδώρου въ А II, 21 и 34; но въ обоихъ этихъ случаяхъ одинаковость имени и отчества позволяетъ предположить, что записаны не одни и тѣ же лица, а соименные *отцы и сыновья;* вѣроятность этого предположенія увеличивается тѣмъ фактомъ, что въ обоихъ случаяхъ одинаковыя имена запи-

---

[1]) Ср. о нихъ S. Reinach, Traité d' épigraphie Grecque, стр. 400 сл.; Г. Гинрихсъ, Греческая эпиграфика, пер. А. Никитскаго (Од. 1892), стр. 186 сл.; W. Larfeld, Griech. Epigraphik (въ Iw. Müller's Handbuch d. klass. Alterthumswiss. т. I, изд. 2-ое), стр. 619 сл.

саны на значительномъ разстояніи одно отъ другого (въ первомъ случаѣ между ними 32 строки, а во второмъ — 12). Въ самомъ дѣлѣ, если предположить относительно перваго случая, что состязаніе въ εὐεξία происходило ежегодно, при чемъ на камнѣ записывался одинъ побѣдитель, и что Горгій Горгіевъ одержалъ первую побѣду въ возрастѣ, положимъ, 25 лѣтъ, то вышло бы, что вторую побѣду въ томъ же состязаніи онъ одержалъ въ 57-лѣтнемъ возрастѣ; это во всякомъ случаѣ весьма мало вѣроятно.

Такимъ образомъ, можно принять, что каждое отдѣльное лицо только однажды фигурируетъ въ каждомъ отдѣльномъ спискѣ; но за то весьма нерѣдки случаи, когда одно и то же имя съ отчествомъ встрѣчается въ разныхъ спискахъ. Всѣхъ такихъ случаевъ мы насчитали 39. Возможно, конечно, думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это были не одни и тѣ же лица, а тёзки; но если имя лица или отчества принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе рѣдкихъ и оригинальныхъ, то предположеніе о тожествѣ лицъ получаетъ полное право на вниманіе, въ особенности если записи не особенно разнятся по занимаемымъ въ спискахъ мѣстамъ, что въ большинствѣ случаевъ и замѣчается на дѣлѣ. Приводимъ полный списокъ этихъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ спискахъ:

Ἀθανίων Στρατονίκου АI, 42 и БI, 58.
Ἀντάλκης Σινδόκου АII, 40 и БII, 41.
Ἀντιάδης Ἡροδώρου АII, 19 и БII, 18.
Ἀντίδωρος Ἡροδώρου АI, 18 и АII, 14.
Ἀπήμαντος Γοργίου АII, 11 и БI, 34.
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου АI, 43 и БI, 62.
Ἀριστοκλῆς Σκύθα АI, 10 и БI, 24.
Ἀρχέδημος Ἑστιαίου БI, 36 и БII, 14.
Γοργίας Γοργίου АI, 25 и 58, БII, 58.
Δαναὸς Ἀπολλωνίου АI, 24 и БI, 46.
Δημήτριος Δημητρίου АII, 5 и БII, 8.
Δημήτριος Σινδόκου АII, 29 и БI, 56.
Δημήτριος Στρατονίκου АI, 38 и БI, 51.
Διοκλῆς Ζήνωνος АI, 46 и АII, 42.
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου АI, 30 и БI, 50.
Διονύσιος Καλλιμάχου БI, 47 и БII, 33.
Ἡγησίλοχος Διονυσίου АI, 45 и АII, 41.
Ἡρόδωρος Ἑστιαίου АI, 23 и БI, 43.
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου АII, 21 и 34, БII, 20.
Θεόδωρος Φιλίσκου БI, 49 и БII, 30.
Θεότιμος Θόαντος БI, 59 и БII, 42.
Ἱπποκράτης Θεοκρίτου АII, 20 и БI, 40.
Κόνων Ἀθηνίππου АII, 10 и БII, 11.
Κρατῖνος Κοτυτίωνος АI, 29, АII, 26 и БI, 48.
Μένανδρος Ἡρακλείτου АII, 45 и БII, 49.
Πανταкλῆς Κηφισοῦ АI, 40 и АII, 35.
Παπύλος Δημητρίου БI, 20 и БII, 4.
Παράμονος Εὐβούλου АII, 23, БI, 61 и БII, 20.
Πασίων Διοφάντου АI, 14 и АII, 12.
Ποσίδεος Ἑλλανίδου АII, 32 и БII, 36.
Προμαθίων Θόαντος АI, 37 и БI, 55.
Σάτυρος Εὐπόλιος АI, 22 и АII, 18.
Σπαρτοκίων Σωστράτου АII, 53 и БII, 58.
Στρατόνικος Γοργίου АI, 53 и АII, 49.
Ὑλαῖος Σίνδου БI, 39 и БII, 9.
Ὑψικλῆς Ὑψικλέους АII, 4 и БI, 21.
Ὑψικλῆς Φιλίσκου АII, 25 и БII, 28.
Φιλῖνος Φιλίνου АI, 31 и БI, 60.
Φίλισκος Φιλίσκου АII, 33 и БI, 53.

Этотъ списокъ представляетъ собою цвѣтъ Горгиппійскаго населенія за данное время, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ физическомъ. Въ то же время онъ позволяетъ думать, что Горгиппійская гражданская община была не особенно многочисленна, если въ состязаніяхъ столь часто выступали и одерживали побѣды одни и тѣ же лица.

Далѣе, въ документѣ имѣется 12 такихъ случаевъ, въ которыхъ имя лица, записаннаго въ одномъ спискѣ, является отчествомъ другого и наоборотъ. Если не во всѣхъ, то въ большинствѣ этихъ случаевъ можно предполагать съ полною увѣренностью, что въ спискахъ фигурируютъ *отцы и сыновья*. Вотъ перечень такихъ именъ:

Ἀντιάδης Ἡροδώρου (см. выше).	Ἡρόδωρος Ἀντιάδου Б. I, 11.
Ἀπολλώνιος Διονυσίου Б. I, 12.	Διονύσιος Ἀπολλωνίου А. I, 20.
Ἀριστόδημος Σκύθα Б. II, 51.	Σκύθας Ἀριστοδήμου А. II, 13.
Ἀριστοκλῆς Σκύθα (см. выше).	Σκύθας Ἀριστοκλέους Б. II, 17.
Γοργίας Παγουρίωνος Б. I, 52.	Παγουρίων Γοργίου А. I, 51.
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου (см. в.).	[Ἀρτεμί]δωρος Διονυσίου Б. I, 25.
Διονύσιος Καλλιμάχου (см. в.).	[Καλλ]ίμαχος Διονυσίου Б. I, 30.
Ἐπικράτης Σίνδου Б. I, 13.	Σίνδος Ἐπικράτου Б. II, 29.
Ἑστιαῖος Ἡροδώρου А. II, 48.	Ἡρόδωρος Ἑστιαίου (см. в.).
Ηρογείτων Δίωνος Б. II, 13.	[Δί]ων Ἡρογείτονος Б. I, 33.
Θεόκριτος Ἱπποκράτου Б. I, 15.	Ἱπποκράτης Θεοκρίτου (см. в.).
Σίνδος Ὑλαίου Б. II, 46.	Ὑλαῖος Σίνδου (см. в.).

Которыя изъ этихъ именъ принадлежатъ отцамъ и которыя сыновьямъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить трудно. Можно, конечно, принять за общее правило, что имена, записанныя ближе къ началу списковъ, принадлежатъ отцамъ; но и этотъ критерій оказывается неприложимымъ тогда, когда одно и то же имя занесено въ списки дважды на значительномъ разстояніи (считая по строкамъ), или когда имена отца и сына стоятъ въ спискахъ приблизительно на одномъ мѣстѣ (какъ, напримѣръ, Γοργίας Παγουρίωνος и Παγουρίων Γοργίου).

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію сохранившихся на камнѣ собственныхъ именъ. Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ числѣ читающихся цѣликомъ или допускающихъ вполнѣ правдоподобныя возстановленія отдѣльныхъ именъ, общее количество которыхъ доходитъ до 170, огромное большинство составляютъ имена *чисто-греческія*. Въ этомъ отношеніи нашъ документъ представляетъ рѣзкую разницу съ горгиппійскими (и вообще воспорскими) надписями римской эпохи, въ которыхъ является значительный процентъ именъ не греческаго происхожденія, и позволяетъ заключить, что въ III вѣкѣ до Р. Хр. почти все населеніе Горгиппіи принадлежало къ греческому племени. Большинство греческихъ именъ въ документѣ принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе обычныхъ и общераспространенныхъ въ греческомъ мірѣ. Въ извѣстномъ словарѣ греческихъ собственныхъ именъ Папе-Бензелера (изд. 1875 г.) мы не нашли лишь слѣдующихъ именъ изъ встрѣчающихся въ документѣ: Ἀντάλκης, Δημοσῶν, Εὔτιμος, Ἑλλανίδης, Θεώνιχος, Ἴτης, Κοτυτίων, Μαίσης, Μεγάνωρ, Μυστίας, Παγουρίων, Σάσων, Σίνδοκος, Σίνδος и Σπαρτοκίων[1]). Справки въ нѣсколькихъ имѣвшихся подъ руками спискахъ

---

[1]) Не вносимъ въ этотъ списокъ именъ Βάττας (Б. II, 16) и Δίνδος (Б. I, 23), такъ какъ они не вполнѣ сохранились на камнѣ и возстановлены нами съ сомнѣніемъ.

собственныхъ именъ[1]) дали возможность констатировать, что и изъ выписанныхъ здѣсь именъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Δημοσῶν, Εὔτιμος, Μεγάνωρ, Σπαρτοκίων уже встрѣчались въ надписяхъ; нѣкоторыя другія хотя, быть можетъ, и не встрѣчались въ данной формѣ, но близко напоминаютъ собою другія именныя формы, производныя отъ тѣхъ же корней; такъ, напримѣръ, отъ Ἀντάλκης извѣстно патронимическое имя Ἀνταλκίδας; наоборотъ, Ἑλλανίδης есть patronymicum къ Ἕλλαν, Ἕλλην, употреблявшемуся и въ смыслѣ личнаго имени; имя Θιώνιχος есть у Θеокрита; Ἴτης, безъ сомнѣнія, одного корня съ женскимъ именемъ Ἰτίη, употреблявшимся на Воспорѣ, какъ видно изъ двухъ пантикапейскихъ надписей[2]), еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр.; съ именемъ Μαίσης можно сравнить Μαῖσις и Μαίσων, отмѣченныя у Папе-Бензелера, съ Μυστίας — Μύστης, Μύστικος, Μύστιον, Μύστις, Μυστιχίδης и т. п. Παγουρίων произведено отъ πάγουρος; подобныя производныя отъ именъ животныхъ собственныя имена, какъ извѣстно, нерѣдко употреблялись у грековъ[3]).

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторыя имена, какъ, напримѣръ, Ἀγησίλας, Ἀθανίων, Βάβας, Βάττας (?), Ἑλλανίδης, Μᾶτρις, Προμαθίων (ср. Πρόμηθος) поставлены въ спискахъ въ дорической формѣ, тогда какъ всѣ другія стоятъ въ формахъ, извѣстныхъ намъ изъ іоническаго нарѣчія или изъ κοινή. Правда, относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ можно сказать, что дорическая ихъ форма укрѣпилась даже въ κοινή (напримѣръ, Μᾶτρις, Προμαθίων; съ Ἑλλανίδης ср. Ἑλλάνικος), но отъ другихъ вмѣсто данныхъ формъ мы скорѣе ожидали бы встрѣтить формы болѣе свойственныя τῇ κοινῇ (Ἀγησίλαος, Ἀθηνίων и genet. Βάβου, Βάττου). Употребленіе ихъ въ дорической формѣ можно объяснить только предположеніемъ, что они принадлежатъ переселенцамъ дорическаго происхожденія или ихъ потомкамъ.

Нельзя также не отмѣтить неоднократнаго употребленія народныхъ именъ (ἐθνικά) Σκύθης и Σίνδος въ качествѣ личныхъ. Оба они встрѣчаются въ спискахъ по шести разъ, въ томъ числѣ по три раза являются отчествами[4]). Кромѣ того имя Σίνδοκος, безъ сомнѣнія произведенное отъ Σίνδος, является отчествомъ двухъ лицъ, по два раза фигурирующихъ въ спискахъ (именно Δημήτριος Σινδόκου А. II, 29 и Б. I, 56; Ἀντάλκης Σινδόκου А. II, 40 и Б. II, 41). Употребленіе τῶν ἐθνικῶν въ качествѣ личныхъ именъ, какъ извѣстно, было широко распространено въ древнегреческомъ мірѣ и обусловливалось разными причинами. Фикъ, коснувшись вопроса объ этихъ

---

[1]) Indices къ C. I. Gr., Inscr. Gr. ant., C. I. Gr. sept. I, C. I. Att. II, IosPE. I—II, Dittenbergeri Syll. inscr. Graec., Reg. zu Athen. Mitth. I—XV, tables du Bull. de corr. hell. I—XV.

[2]) IosPE. II, nn° 11 и 97.

[3]) Ср. ἀετός — Ἀετίων, βάτραχος — Βατραχίων, βροῦκος — Βρουκίων, Κάνθαρος и Κανθαρίων, Καρκίνος и Καρκινίων, κέρκος — Κερκίων, Μόσχος и Μοσχίων, ὄρτυξ — Ὀρτυγίων и т. п. Ср. Aug. Fick, Die Griech. Personennamen² (1894), стр. 314 сл.

[4]) Вотъ эти имена:

Σκύθας Ἀριστοδήμου А. II, 13.	Ἀριστόδημος Σκύθα Б. II, 51.
Σκύθας Ἀριστοκλέους Б. II, 17.	Ἀριστοκλῆς Σκύθα А. I, 10 и Б. I, 24.
Σκύθας Θεοδώρου А. II, 22.	Πασίων Σκύθα А. I, 8.
Σίνδος Δημητρίου А. I, 5.	[Ἀνα]ξιάδης Σίνδου Б. I, 18.
Σίνδος Ἐπικράτου Б. II, 29.	Ἐπικράτης Σίνδου Б. I, 13.
Σίνδος Ὑλαίου Б. II, 46.	Ὑλαῖος Σίνδου Б. I, 39 и Б. II, 9.

причинахъ[1]), прежде всего указываетъ на рабовъ, носившихъ имена въ родѣ Ἄραψ, Βίθυς, Γέτης и т. п., и замѣчаетъ, что «рабы, какъ вещи въ строгомъ смыслѣ, не имѣли притязанія на личныя имена и назывались, какъ товаръ, по мѣсту вывоза. Вслѣдствіе столь частыхъ въ позднѣйшія времена отпущеній на волю подобныя имена могли чаще входить и въ ряды свободныхъ. Однако не всѣ иностранныя народныя имена всегда были рабскими». Далѣе Фикъ указываетъ, что причиною употребленія такихъ именъ могли быть дружественныя или торговыя сношенія, а также отношенія проксеніи, и что у нѣкоторыхъ племенъ могли употребляться собственныя племенныя имена для названія лицъ, такъ сказать, въ идеальномъ смыслѣ: что Θессаліецъ, Віотіецъ, Молоссъ охотно назывались племенными именами Πετθαλός, Βοιωτός, Μολοσσός въ смыслѣ: «чистый Θессаліецъ» и т. п., «Θессаліецъ, какимъ онъ долженъ быть». Наконецъ Фикъ припоминаетъ, что подобныя имена содержали въ себѣ иногда и политическіе намеки, приводя въ примѣръ извѣстнаго Кимона, давшаго своимъ сыновьямъ имена Λακεδαιμόνιος, Ἠλεῖος и Θετταλός, и замѣчая, что имя Периклова сына Πάραλος обозначало собою всю политическую программу его отца. Конечно, очень трудно сказать навѣрное, какими соображеніями руководились Горгиппійцы, давая своимъ дѣтямъ имена Σκύθης или Σίνδος; но едва-ли мы ошибемся, если признаемъ наиболѣе вѣроятнымъ то предположеніе, что эти имена сохранялись въ родахъ настоящихъ скиѳовъ и синдовъ, поселившихся въ Горгиппіи и мало-по-малу огречившихся. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуютъ: 1) то, что оба народныхъ имени, употреблявшихся въ Горгиппіи въ качествѣ личныхъ, принадлежатъ именно сосѣднимъ племенамъ, 2) то, что имя Σίνδος, больше нигдѣ въ греческомъ мірѣ, повидимому, не употреблявшееся въ качествѣ личнаго, въ Горгиппіи было довольно распространено, наконецъ 3) то, что изъ шести засвидѣтельствованныхъ надписью случаевъ употребленія этихъ именъ четыре относятся къ двумъ родамъ, въ которыхъ имена Σκύθης и Σίνδος употреблялись преемственно, передаваясь, по извѣстному греческому обычаю, отъ дѣла къ внуку.

Въ заключеніе нашихъ наблюденій надъ составомъ записанныхъ въ каталогахъ личныхъ именъ отмѣтимъ еще, что между ними неоднократно встрѣчаются имена, которыя носили члены властвовавшей въ тѣ времена на Воспорѣ династіи Спартокидовъ, или производныя отъ такихъ именъ, именно Εὔμηλος, Λεύκων, Σάτυρος и Σπαρτοκίων (напоминающее собою обычное въ этой династіи имя Σπάρτοκος). Конечно, такое совпаденіе могло быть чисто случайнымъ, но возможно и предположеніе, что то или другое изъ этихъ именъ было дано въ честь кого-либо изъ уважаемыхъ Спартокидовъ.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ выводу, что въ III вѣкѣ до Р. Хр. на мѣстѣ нынѣшней Анапы существовало греческое поселеніе, строго соблюдавшее религіозныя вѣрованія и обычаи, вынесенные изъ собственной Еллады; главное ядро этого поселенія составляли греки іоническаго племени, но среди нихъ была нѣкоторая примѣсь дорійцевъ и, быть можетъ, сосѣднихъ скиѳовъ и синдовъ, которые, переселившись въ городъ, постепенно пріобщались къ греческой культурѣ и сохраняли память о своемъ происхожденіи только въ своихъ племенныхъ именахъ, передававшихся преемственно въ качествѣ личныхъ.

---

[1]) Fick, Die Griech. Personennamen[2], стр. 339.

Дополненіе къ стр. 4-й.

Извѣстный епиграфистъ Ад. Вильгельмъ въ Arch.-epigr. Mittheil. aus Oesterreich т. 20 (1897), стр. 72, высказалъ предположеніе, что въ знаменитомъ декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго (IosPE. I, n⁰ 185) въ стр. 56—57 вмѣсто предположеннаго мною возстановленія имени «царя» Ἀγέλα τοῦ Ἀ[γα?]νορίνου[1]) слѣдуетъ читать Ἀγέλα τοῦ [Λα|γ]ορίνου, при чемъ сослался на надпись, изданную нами въ Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 13, n⁰ 10 = Sitzungsberichte d. Berl. Akad. 1895, p. 578. Тщательно провѣривъ, вслѣдствіе этого, по эстампажу чтеніе указанной строки надписи Діофанта, я нашелъ, что предположеніе г. Вильгельма вполнѣ допустимо, такъ какъ на камнѣ можно прочитать ΑΓΕΛΑΤΟΥΑ▨ΓΟΡΙΝΟΥ. Это болѣе точное чтеніе даетъ намъ право отнести обломокъ декрета, издаваемый выше подъ n⁰ 2, къ одному году съ надписью Діофанта и въ стр. 7-й читать:

[Παρθένου. Ταῦτ᾽ ἔδοξε βουλᾶι καὶ δάμωι βασιλεύοντος Ἀγέλα τοῦ] Λαγορίνο[υ].

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
2	13 св.	представилъ	предоставилъ
3	2 сн. (прим.).	пр.	под.
28	23 св.	они	онѣ
33	6 св.	τῶ	τῷ
35	10 св.	Кондакова».	Кондакова.
39	2 сн. (прим.).	enlogie	eulogie
47	3 сн. (прим.).	Полный,	Полный

---

[1]) Въ транскрипціи въ IosPE. вслѣдствіе досадной опечатки, не замѣченной во время, стоитъ Ἀ[γε?]νορίνου.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ
ИЗДАВАЕМЫЕ
ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.
№ 24.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ПАНТИКАПЕЙСКІЕ НІОБИДЫ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета
С. А. ЖЕБЕЛЕВА.

съ 3 таблицами и 69 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Художественной Печати", Англійскій пр., 28.
1901.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ПАНТИКАПЕЙСКІЕ НІОБИДЫ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Привать-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

С. А. ЖЕБЕЛЕВА.

съ 3 таблицами и 69 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Художественной Печати“, Англійскій пр., 28.
1901.

Напечатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое вниманію читателя небольшое изслѣдованіе о пантикапейскихъ Ніобидахъ имѣетъ уже свою „исторію“. Въ 1892 году Императорская Археологическая Коммиссія предложила покойному нынѣ Г. Г. Вульфіусу издать терракоттовыя фигуры, пріобрѣтенныя, за годъ до того, въ Керчи графомъ А. А. Бобринскимъ. Какъ мнѣ лично извѣстно, Г. Г. Вульфіусъ энергично принялся за исполненіе взятой имъ на себя работы: по его указанію и выбору были заготовлены таблицы и рисунки, онъ приступилъ уже къ составленію текста. Но судьбѣ угодно было послать слишкомъ краткій вѣкъ покойному археологу: 17-го марта 1893 г. онъ скончался на 29-мъ году жизни, и послѣ его кончины начатое имъ дѣло пріостановилось.

Въ 1899 году Императорская Археологическая Коммиссія передала мнѣ какъ заготовленные для работы Г. Г. Вульфіуса рисунки (исключая 17, 28 и 40) и таблицы, такъ и написанный имъ текстъ. Текстъ этотъ, внимательно мною просмотрѣнный, заключалъ въ себѣ, въ черновомъ видѣ, главу I-ю и часть II-й всего изслѣдованія. По этому тексту видно, что Г. Г. Вульфіусъ задумалъ свою работу въ очень широкомъ объемѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и написанное въ январѣ 1893 г. „предисловіе“ покойнаго, которое я позволю себѣ привести здѣсь полностью:

„Въ виду того, что на русскомъ языкѣ не существуетъ обстоятельной работы объ изображеніи гибели Ніобидъ на памятникахъ античнаго искусства, мы рѣшились воспользоваться порученной намъ Императорскою Археологическою Коммиссіею публикаціей найденныхъ при раскопкахъ 1891 г. терракоттъ, какъ удобнымъ случаемъ для пополненія упомянутаго пробѣла въ нашей археологической литературѣ. Кромѣ того, насъ побуждало къ этому и то обстоятельство, что въ настоящее время, на нашъ взглядъ, многіе спорные пункты вопроса о взаимномъ отношеніи извѣстныхъ доселѣ изображеній сказанія о Ніобѣ и ея дѣтяхъ могутъ быть рѣшены вполнѣ удовлетворительно, если только имѣть въ виду коренную разницу между сохранившимися памятниками, которые прежними археологами, къ сожалѣнію, часто ставились въ зависимость отъ одного лишь художественнаго источника. Первую попытку методически изслѣдовать источники всѣхъ знакомыхъ намъ памятниковъ сдѣлалъ Ольрихъ (Ohlrich) въ своей дѣльной диссертаціи *„Die Florentiner Niobegruppe. Ein Beitrag zur Geschichte der antiken Gruppe“*. Berlin 1888, хотя онъ главное вниманіе обращаетъ на флорентійскія статуи и слишкомъ поверхностно относится къ другимъ изображеніямъ, особенно терракоттамъ, заслуживающимъ, какъ мы постараемся выяснить въ нашей статьѣ, со стороны археологовъ гораздо бóльшаго интереса, чѣмъ какой имъ удѣлялся до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, рядомъ со старымъ, мы надѣемся сказать и кое-что новое; не лишнимъ считали мы также подвергнуть новому обсужденію знаменитый мраморный рельефъ, перешедшій изъ бывшаго музея Кампана въ Эрмитажъ, а потому легко доступный русскимъ читателямъ (ср. Guédéonow, *Ermitage Impériale. Musée de sculpture antique*. 1887. № 337). Впрочемъ,

мы отнюдь не имѣемъ намѣренія повторять того, что съ необычайной полнотой и научной добросовѣстностью изложено по поводу Ніобы и Ніобидъ въ извѣстной книгѣ Штарка (Stark, „*Niobe und die Niobiden*". Leipzig, 1863), составляющей исходный пунктъ для каждаго, занимающагося нашей темой.

Хорошо зная по опыту, какъ трудно, даже и спеціалисту, читать дома археологическія сочиненія, авторы которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются лишь ссылками на существующія публикаціи обсуждаемыхъ ими памятниковъ искусства, мы старались дать рисунки по возможности всѣхъ изображеній гибели Ніобидъ, упоминаемыхъ въ нашей статьѣ,—за что читатели намъ вѣрно скажутъ спасибо".

Что касается остальнаго текста Г. Г. Вульфіуса, то I глава его заключаетъ описаніе трехъ терракоттовыхъ фигуръ, изданныхъ на прилагаемыхъ таблицахъ; это описаніе сохранено мною въ текстѣ почти цѣликомъ. Кромѣ того въ I-й же главѣ помѣщена исторія находки 1891 года; эта часть мною выпущена совершенно, такъ какъ исторія эта подробно изложена въ „*Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи*" за 1891 годъ (стр. 30 сл.). II-ю главою изслѣдованія Г. Г. Вульфіуса я совершенно не могъ воспользоваться, такъ какъ она заключала въ себѣ изслѣдованіе о флорентійской группѣ Ніобы, не имѣющей, какъ читатель увидитъ ниже, отношенія къ пантикапейскимъ фигурамъ.

Моя работа, по своей задачѣ, гораздо скромнѣе, чѣмъ предполагавшееся изслѣдованіе Г. Г. Вульфіуса. Такъ какъ въ настоящее время обстоятельный сводъ всѣхъ наиболѣе важныхъ памятниковъ, относящихся къ сказанію о Ніобѣ и Ніобидахъ, данъ Зауэромъ (статья „Niobe" въ *Lex. d. griech. u. röm. Mythologie* Рошера, вып. 39, 1899 г.), то я имѣю въ виду исключительно пантикапейскіе памятники, лишь отмѣченные Зауэромъ, даю ихъ краткое описаніе, пытаюсь выяснить ихъ отношеніе къ другимъ памятникамъ, иллюстрирующимъ тотъ же сюжетъ, и стараюсь опредѣлить тотъ оригиналъ, который могъ послужить источникомъ вдохновенія для пантикапейскихъ мастеровъ при ихъ работѣ. Въ „приложеніи" изданы, съ краткимъ описаніемъ, терракоттовыя фигуры дѣтей Ніобы, хранящіяся въ Вѣнскомъ художественно-промышленномъ музеѣ, по фотографіямъ, доставленнымъ бывшимъ хранителемъ этого музея, г. Маснеромъ.

Предоставленная мнѣ Императорскою Археологическою Коммиссіею возможность снабдить изслѣдованіе большимъ количествомъ рисунковъ дала мнѣ право значительно сократить текстъ. Благодаря обилію этихъ рисунковъ читатель можетъ ознакомиться по настоящему изданію со всѣми наиболѣе важными памятниками, иллюстрирующими преданіе о гибели дѣтей Ніобы. Этимъ же, конечно, отчасти заполняется и та (пока еще одна изъ многочисленныхъ) лакуна въ русской археологической литературѣ, на которую указывалъ въ первыхъ строкахъ своего предисловія Г. Г. Вульфіусъ.

С. Жебелевъ.

Спб., 27 Ноября 1900 г.

Къ числу памятниковъ греческаго художественнаго ремесла, процвѣтавшаго нѣкогда въ древнемъ Пантикапеѣ, принадлежатъ сохранившіяся въ значительномъ количествѣ исполненныя изъ глины или гипса фигуры (т. н. односторонки), иллюстрирующія сказаніе о гибели дѣтей Ніобы.

Первая серія этихъ фигуръ была открыта еще въ 1832 году, при раскопкахъ могильнаго холма на горѣ Митридата (S. Reinach, *Antiquités du Bosphore Cimmérien* [*Bibl. d. mon. fig.*], Paris, 1892, 115). Вторая серія найдена была въ 1862 году, отчасти внутри, отчасти внѣ могилы вблизи „Золотого Кургана“ (*Отч. Имп. Археол. Коммиссіи*, 1863, 164; 1868, 59). Третья серія стала извѣстна въ 1867 году; она была найдена также на „Митридатѣ“, причемъ фигуры этой серіи, какъ замѣтилъ уже Стефани (*ОИАК.* 1868, 59), имѣютъ ближайшее сходство съ фигурами предыдущей серіи и исполнены, очевидно, посредствомъ однихъ и тѣхъ же формъ. Четвертая серія была открыта при раскопкахъ на „Митридатѣ“ въ 1874 году; фигуры этой серіи скомпанованы совершенно независимо отъ предыдущихъ (*ОИАК.* 1875, 6—12). Наконецъ, фигуры пятой серіи были найдены въ 1891 году въ могилѣ, влѣво отъ дороги, ведущей изъ Керчи въ Хаджимушкай, противъ Братской церкви [1]).

Найденныя при указанныхъ пяти раскопкахъ фигуры хранятся теперь, главнымъ образомъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ залѣ древностей Босфора Киммерійскаго (шкафы 11 и 16) [2]). Лишь нѣкоторыя фигуры изъ послѣдней находки были препровождены Императорскою Археологическою Коммиссіею въ Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ [3]). Кромѣ того, нѣсколько фигуръ имѣется въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (витрины 40, 67), три фигуры въ 1897 году попали въ Лувръ чрезъ посредство С. Рейнака, какъ „don d'un anonyme“ (ср. *Arch. Anzeiger*, 1898, 198), одна фигура—въ Берлинскій Antiquarium (ср. *Arch. Anzeiger*, 1893, 82 сл.).

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этой находкѣ см. въ *ОИАК.* 1891, 32 сл. При дальнѣйшемъ описаніи фигуръ я отмѣчаю перечисленныя 5 серій фигуръ посредствомъ: I, II, III, IV, V.

[2]) Въ этихъ двухъ шкафахъ выставлены для публичнаго обозрѣнія, однако, не всѣ найденныя фигуры.

[3]) Свѣдѣніями о нихъ я обязанъ предупредительной любезности А. В. Орѣшникова.

I.

Всѣхъ типовъ пантикапейскихъ фигуръ можно насчитать въ настоящее время двадцать пять. Вотъ ихъ сопоставленіе съ краткими поясненіями:

1. Мать и дочь. Три экземпляра, всѣ изъ глины: a) I с. Эрмитажъ, шк. 16. *Древн. Босф. Кимм.* LXVII, 4 = Stark, *Niobe und die Niobiden*, Lpzg. 1863, V = рис. 1. b) Одесскій музей. c) Лувръ.

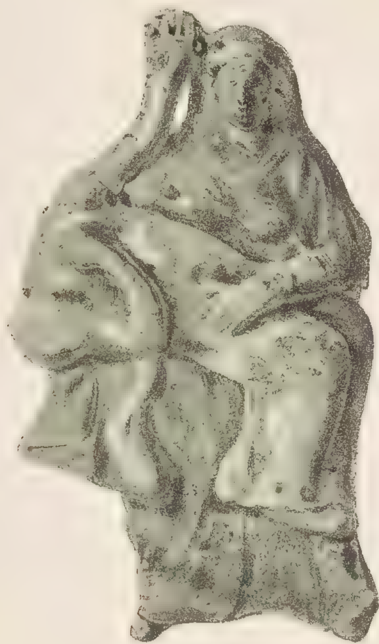

Рис. 1.

Ніоба представлена сидящею, съ нѣсколько широко разставленными ногами; на ней широкій хитонъ съ рукавами, покрывающій тѣло отъ шеи до ногъ, и плащъ, спускающійся съ головы назадъ. Обѣими руками охватила Ніоба дочь, лежащую на ея правомъ колѣнѣ; голова и верхняя часть

туловища дочери свѣсились назадъ, ея лѣвая рука протянута по направленію къ головѣ матери, правою рукою дочь хватается за пораженную стрѣлою грудь; на дочери хитонъ, прикрывающій нижнюю часть тѣла до ногъ, и верхнее платье, развѣвающееся въ широкихъ волнистыхъ складкахъ [1].

2. Мать и дочь. Три экземпляра: a) II с. Глина. *ОИАК.* 1863, III, 1 = рис. 2 (Эрмитажъ, шк. 11). b) V с. Глина. Моск. Истор. Музей. c) Гипсъ. Одесскій Музей.

Рис. 2.

Ніоба представлена въ порывистомъ движеніи; лѣвою рукою она прижимаетъ дочь, охватившую рукою шею матери; въ правой рукѣ держитъ конецъ плаща.

[1]) Относительно общаго характера композиціи см. Stark, *Niobe*, 204. Въ собраніи терракоттъ Lecuyer *(Deuxième collection Camille Lecuyer,* Paris, 1892) имѣется группа (табл. 75, 2), которую Cartault, авторъ объяснительнаго текста къ таблицамъ, обозначаетъ (стр. 60 сл.), какъ „Niobé et deux de ses filles“. „La scène est trop calme, замѣчаетъ Cartault, pour que nous supposions qu'elle a lieu pendant le catastrophe ou même immédiatement après; ce qu'a voulu représenter le coroplaste, c'est cette mélancolie dans laquelle s'assoupissent peu à peu les grandes douleurs“. Эта терракотта (если она подлинна, въ чемъ есть основаніе сомнѣваться, но чего, не видавъ оригинала, нельзя доказать) представляетъ любопытный образецъ воспроизведенія сказанія о Ніобѣ въ искусствѣ коропластовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ отмѣчаетъ и Cartault, композиція группы вполнѣ оригинальна и не примыкаетъ непосредственно ни къ одному изъ извѣстныхъ памятниковъ, иллюстрирующихъ тотъ же сюжетъ.

3. Отецъ и сынъ. Три экземпляра, всѣ изъ глины: a) II с. *ОИАК*. 1863, III, 2 (часть группы, Эрмитажъ, шк. 11). b) V с. Рис. 3. c) Одесскій музей. См. *Музей Имп. Од. Общ. Ист. и Древн. Терракотты*. Выпускъ 2, табл. VI, 1 [1]).

У сидящаго отца ищетъ спасенія сынъ. Отецъ въ широкомъ плащѣ, оставляющемъ обнаженными правую руку и грудь. Сынъ обнаженъ.

Рис. 3.

4. Два сына. Пять экземпляровъ: a) I с. Глина. *ОИАК*. 1868, 61 (фрагментъ). b) II с. Глина. *ОИАК*. 1863, III, 6. 14. 15. 17 20. IV, 4 (фрагменты). c) III с. Глина. *ОИАК*. 1868, II, 4 = рис. 4. d) III с. Глина. *ОИАК*. 1868, 64 (болѣе поврежденный экземпляръ).

[1]) На стр. 12 группа ошибочно названа „мать съ сыномъ“.

Въ Эрмитажѣ выставлены три экземпляра этой группы, два въ шк. 11 и одинъ въ 16 (только лѣвая фигура отъ зрителя). e) Гипсъ. Одесскій музей.

Рис. 4.

Стоящій сынъ, въ хламидѣ, поддерживаетъ обѣими руками склонившагося брата; лѣвая нога его подогнута подъ правую; лѣвая рука касается бедра правой ноги; правая рука опущена внизъ; голова безпомощно склонилась на правое плечо; глаза закрыты; ротъ полуоткрытъ.

5. Сынъ. Два экземпляра, оба изъ глины: a) П с. *ОИАК.* 1863, Ш, 8. 10 (ничтожные фрагменты). b) V с. Табл. I.

Сынъ представленъ бѣгущимъ влѣво, съ высоко поднятыми руками, закинутыми за голову и прижатыми къ затылку. Сильная физическая боль передана удачно выраженіемъ лица (глубокія складки на лбу, у ноздрей, у широко раскрытаго рта). Фигура обнажена; лишь короткій плащъ, высоко вздутый движеніемъ воздуха, развѣвается за спиною.

6. Сынъ. Два экземпляра, оба изъ глины: a) П с. *ОИАК.* 1863, Ш, 4 (фрагментъ, Эрмитажъ, шк. 11). b) V с. Рис. 5.

Сынъ представленъ въ сильномъ движеніи вправо; онъ защищаетъ грудь плащемъ, который держитъ широко разставленными въ стороны руками.

7. Сынъ. Шесть экземпляровъ: a) I с. Гипсъ. *Древн. Босф. Кимм.* LXVII, 5 = Stark, *Niobe*, VI (Эрмитажъ, шк. 16). b) II с. Глина. *ОИАК*. 1863, IV, 5 (фрагментъ). c) III с. Глина. *ОИАК*. 1868, II, 5 (Эрмитажъ, шк. 11). d) V с. Глина. Моск. Ист. Музей. Рис. 6. e) Гипсъ. Одесскій музей. f) Три фрагмента, отмѣченные въ *ОИАК*. 1868, 64.

Рис. 5.

Сынъ упалъ на колѣна, сильно согнувъ правую ногу; голова закинута назадъ; правою рукою, согнутою въ локтѣ, касается затылка; лѣвою рукою, также согнутою, хватается за поясницу; на ногахъ и концѣ лѣвой руки одежда въ красивыхъ складкахъ.

8. Сынъ. Семь экземпляровъ: a) II c. Глина. *ОИАК*. 1863, III, 11. 13. IV, 9 (фрагменты). b) III c. Глина. *ОИАК*. 1868, II, 6 = рис. 7 (Эрмитажъ, шк. 11). c) Болѣе повре-

Рис. 6.

жденный экземпляръ глиняной фигуры отмѣченъ въ *ОИАК*. 1868, 64. d) и e) Глина. Одесскій музей. См. *Музей ИООИД. Терракотты*, выпускъ 2, табл. VI, 2. 3. f) Гипсъ. Одесскій музей. g) Гипсъ. Лувръ.

Умирающій сынъ, склонившійся на колѣна, опустивъ голову на правое плечо, держитъ правую руку у груди, лѣвую безсильно опустилъ внизъ, вдоль туловища; плащъ, свалившійся во время бѣгства, окуталъ ноги отъ колѣнъ до ступней.

9. Сынъ. Одинъ экземпляръ изъ гипса. I c. *ОИАК*. 1868, II, 2 = рис. 8 (Эрмитажъ, шк. 16).

Умирающій сынъ, въ хламидѣ, стоитъ на лѣвой ногѣ, опустивъ безсильно голову на правое плечо; правая нога согнута въ колѣнѣ и прижата къ лѣвой; правая рука у живота.

10. Сынъ. Одинъ экземпляръ изъ гипса. I с. *ОИАК*. 1868, II, 1 = рис. 9 (Эрмитажъ, шк. 16).

Основной мотивъ композиціи тотъ же, что и у предыдущей фигуры; только фигура 10 стоитъ на правой ногѣ, а лѣвую, согнутую въ колѣнѣ, поднимаетъ вверхъ; правая рука у живота, лѣвая опущена.

Рис. 7.

Рис. 8.

11. Сынъ. Одинъ экземпляръ изъ гипса. IV с. *ОИАК*. 1875, I, 4. 4а = рис. 10. 10а.

Раненый сынъ представленъ упавшимъ на оба колѣна; плащъ, въ широкихъ складкахъ, покрываетъ грудь и спускается со спины; судя по фрагменту рис. 10а, одна рука была протянута въ сторону.

12. Дочь. Два экземпляра, оба изъ глины: a) V с. Табл. II. b) Одесскій музей. См. *Музей ИООИД. Терракотты*, выпускъ 2, табл. V, 2.

Раненая въ правую грудь дочь упала на колѣна; вся фигура ея обращена вправо и верхнею частью туловища откинулась назадъ; высоко закинутою рукою дочь хватается за голову, а правую судорожно прижимаетъ къ мѣсту раны; одѣта фигура въ высоко подпоясанный безрукавный хитонъ и широкій плащъ, который, будучи перекинутъ верхнимъ концомъ чрезъ лѣвое плечо, ниспадаетъ вдоль спины и охватываетъ нижнюю часть туловища, совершенно закрывая ноги; волосы волнистыми прядями падаютъ по обѣ стороны головы на плечи.

13. Дочь. Пять экземпляровъ, всѣ изъ глины: a) II с. *ОИАК*. 1863, IV, 7. 8 (фрагменты). b) III с. *ОИАК*. 1868, II, 8 (Эрмитажъ, шк. 11). c) Тоже. d) Тоже (два фрагмента). См. *ОИАК*. 1868, 65. e) V с. Моск. Истор. музей. Рис. 11.

Дочь, одѣтая въ длинный высоко подпоясанный безрукавный хитонъ и широкій плащъ, стремительно бѣжитъ влѣво, поднимая лѣвою рукою конецъ плаща, а правую протянувъ въ сторону.

14. Дочь. Три экземпляра, всѣ изъ глины: a) II с. *ОИАК*. 1863, IV, 1 (фрагментъ, Эрмитажъ. шк. 11). b) V с. Рис. 12. c) Одесскій музей. См. *Музей ИООИД. Терракотты*, вып. 1. табл. V, 1 (склеена изъ семи кусковъ, лѣвой руки не достаетъ).

Рис. 9.

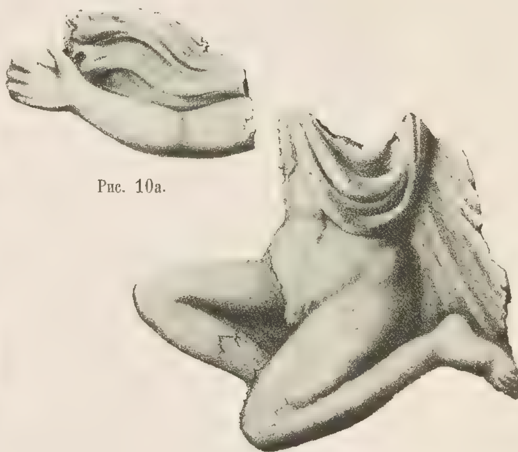

Рис. 10а.

Рис. 10.

Дочь, въ подпоясанномъ хитонѣ и развѣвающемся плащѣ, стремительно бѣжитъ влѣво, повернувъ голову; лѣвая рука поднята кверху, въ правой, протянутой въ сторону, плащъ [1]).

15. Дочь. Четыре экземпляра, всѣ изъ глины: a) фрагментъ II с. b) III с. *ОИАК*. 1868. II, 9 = рис. 13 (Эрмитажъ, шк. 11). c) Другой подобный же экземпляръ той же находки, но поврежденный, отмѣченъ въ *ОИАК*. 1868, 65. d) V с.

[1]) Въ берлинскомъ Antiquarium'ѣ (зала A, шкафъ XVI, № нѣтъ) имѣются двѣ терракоттовыхъ статуэтки, по общему характеру композиціи напоминающія нашу фигуру; врядъ ли, однако, онѣ изображаютъ дочь Ніобы: въ рукѣ одной изъ фигуръ, насколько я могъ разглядѣть, повидимому, птица.

Дочь, бѣгущая влѣво, въ длинномъ подпоясанномъ безрукавномъ хитонѣ и плащѣ, который она обѣими руками поднимаетъ вверхъ, стараясь защититься отъ стрѣлъ.

16. Дочь. Два экземпляра, оба изъ гипса: a) IV с. *ОИАК.* 1875, I, 2 = рис. 14. b) Одесскій музей.

Рис. 11.

Дочь, въ быстромъ движеніи влѣво поднимаетъ въ отчаяніи руки вверхъ; одежда, свалившаяся, во время бѣгства, съ правой части груди, развѣвается.

17. Дочь. Пять экземпляровъ, всѣ изъ глины: a) II с. *ОИАК.* 1863, IV, 3 = рис. 15 (Эрмитажъ, шк. 11). b) III с. *ОИАК.* 1868, 14. c) То же. d) Фрагментъ V с. въ Моск. Истор. музеѣ. e) Фрагментъ бывшей коллекціи А. В. Новикова въ Керчи, поступившей въ Эрмитажъ.

Дочь, въ длинномъ подпоясанномъ безрукавномъ хитонѣ и плащѣ, свѣсившемся съ лѣваго плеча, упала на колѣна и, закинувъ голову, хватается правою рукою за затылокъ.

Рис. 12.

18. Дочь. Четыре экземпляра, всѣ изъ глины: a) II с. *ОИАК*. 1863, IV, 2=рис. 16. b) II с. *ОИАК*. 1868, II, 7=рис. 16 а (Эрмитажъ, шк. 11) с. [1]). III с. *ОИАК*. 1868, 64 (худшая сохранность). d) Въ бывшей коллекціи А. В. Новикова въ Керчи, нынѣ въ Эрмитажѣ.

[1]) Относительно этой фигуры ср. Стефани, *ОИАК*. 1868, 63: нижняя часть, которая на рисункѣ этой фигуры присоединена къ ней, къ ней не принадлежитъ, хотя отдѣльныя складки одежды, повидимому, точно примыкаютъ другъ къ другу; къ этой же фигурѣ принадлежатъ фрагменты *ОИАК*. 1863, IV, 10. 13.

Дочь, въ длинной одеждѣ, оставляющей обнаженными шею и правую грудь, упала на колѣна и, закинувъ голову, хватается правою рукою за затылокъ.

19. Въ Берлинскомъ Antiquarium'ѣ (Sternsaal C, Pult XII) хранится гипсовая фигура дочери, принадлежащая, очевидно, къ серіи пантикапейскихъ находокъ (рис. 17; издается по фотографіи, любезно доставленной въ Императорскую Археологическую Коммиссію дирекціей Берлинскихъ музеевъ). Дочь изображена съ откинутою назадъ головою, съ протянутыми вверхъ руками; на фигурѣ длинный безрукавный подпоясанный хитонъ; нижняя часть туловища—ниже колѣнъ—не сохранилась.

Рис. 13.

Рис. 14.

20. Педагогъ. Пять экземпляровъ: a) I с. Гипсъ. *Древн. Босф. Кимм.* LXVII, 6=*Stark*, *Niobe*, VII=рис. 18 (Эрмитажъ, шк. 16). b) Точная, посредствомъ той же формы, сдѣланная реплика, но хуже сохранившаяся, также I с., см. *ОИАК*. 1868, 81. c) II с. Глина. *ОИАК*. 1863, III, 16 (фрагментъ) [1]). d) V с. Глина. Табл. III. e) Гипсъ. Одесскій музей.

[1]) Этотъ фрагментъ неправильно былъ принятъ Стефани (*ОИАК*. ук. м.) за фрагментъ крыла Эрота или Ники.

Педагогъ, изображенный пожилымъ бородатымъ мужемъ, шагаетъ вправо, куда обращено и его лицо. Правую руку педагогъ поднесъ къ подбородку, что, вмѣстѣ съ вытаращенными глазами и широко раскрытымъ ртомъ, придаетъ лицу выраженіе ужаса. На педагогѣ длинный спускающійся до пятъ подпоясанный хитонъ и плащъ. Плащъ однимъ концомъ переброшенъ чрезъ лѣвое плечо, огибаетъ спину и другимъ концомъ, пересѣкающимъ тѣло спереди, ниже живота, перекинутъ чрезъ лѣвую руку. Въ ней педагогъ держитъ кривой посохъ.

Рис. 15.

Изображенная на табл. III фигура можетъ быть принята, съ перваго взгляда, за фигуру крылатую. Въ дѣйствительности же дѣло заключается въ слѣдующемъ: уже Штаркъ (*Niobe*, 205), которому была извѣстна гипсовая фигура (рис. 18), обратилъ вниманіе на то, что у педагога, поверхъ плаща, наброшена еще такъ называемая сисира, короткій мохнатый плащъ, застегнутый спереди, въ родѣ пелеринки съ капюшономъ, и что кажущійся крыломъ предметъ представляетъ сдвинутый на затылокъ капюшонъ сисиры [1]).

Что касается крыла фигуры, изображенной на таблицѣ III, то въ бумагахъ покойнаго Г. Г. Вульфіуса я нашелъ такое ему объясненіе, и мнѣ кажущееся вполнѣ правдоподобнымъ: вѣроятно, мастеръ принялъ непонятую имъ сисиру за настоящее крыло, и въ результатѣ у него явилось изображеніе педагога съ крыльями.

[1]) Это объясненіе гораздо вѣроятнѣе, нежели объясненіе Стефани, *ОИАК.* 1863, 192. 1868, 61, который усматривалъ въ распущенномъ крылѣ шляпу педагога. Въ пользу толкованія Штарка говоритъ непонятный иначе комокъ надъ лѣвымъ плечомъ, ясно отдѣляющійся отъ плаща.

21. Бородатая фигура пожилого мужа, вѣроятно, долженствующая изображать собою педагога. Два экземпляра, оба изъ глины и оба фрагментарные: a) II с. *ОИАК.* 1863, III, 4. IV, 2 (Эрмитажъ, шк. 11). b) V с. Моск. Истор. музей, рис. 19.

Педагогъ представленъ спокойно стоящимъ, въ плащѣ, накинутомъ на лѣвое плечо.

22. Бородатая фигура, также, вѣроятно, педагогъ. Одинъ экземпляръ изъ гипса, IV с., *ОИАК.* 1875, I, 1=рис. 20.

Педагогъ представленъ спокойно стоящимъ, со сложенными на животѣ руками, въ короткомъ полосатомъ хитонѣ и короткомъ же плащѣ, съ густыми волосами и бородою.

Рис. 16.

Рис. 16а.

23. Женская фигура, вѣроятно, кормилица. Четыре экземпляра: a) II с. Глина. *ОИАК.* 1863, III, 5 (фрагментъ, Эрмитажъ, шк. 11). b) V с. Глина. Рис. 21. c) Глина. Одесскій музей. См. *Музей ИООИД. Терракотты*, выпускъ 2, табл. VI, 4. d) Гипсъ. Одесскій музей.

Фигура, въ длинномъ хитонѣ и покрывающемъ голову плащѣ, стоитъ въ спокойной, какъ бы застывшей позѣ, сложивъ опущенныя руки, съ выраженіемъ глубокой скорби.

24. Женская фигура, вѣроятно, дочь. Одинъ экземпляръ изъ гипса IV с., *ОИАК.* 1875, I, 3=рис. 22.

Фигура стоитъ лицомъ къ зрителю, согнувъ лѣвую руку, правую же поднявъ кверху и приблизивъ ее къ волосамъ (можетъ быть, мастеръ неудачно изобразилъ фигуру, рвущую волосы).

25. Фигура съ ясными чертами физіономіи негра. Два экземпляра: a) I с. Гипсъ. *ОИАК.* 1868, II 3 = рис. 23 (Эрмитажъ, шк. 16). b) Точная, посредствомъ той же формы, сдѣланная реплика той же фигуры изъ глины: *ОИАК.* 1868, 61 (Эрмитажъ, шк. 16).

Голова упавшаго на колѣна негра повернута влѣво; онъ озирается назадъ. На спинѣ узкая полоса одежды; отломанная правая рука была протянута впередъ; лѣвою рукою негръ держитъ часть мѣшка, перекинутаго чрезъ лѣвое плечо назадъ.

Рис. 17.

Рис. 18.

Присутствіе этой фигуры Стефани (*ОИАК.* 1868, 61 сл.) объяснялъ обычаемъ древнихъ держать у себя негровъ въ качествѣ слугъ. Онъ же отмѣтилъ, что мѣшокъ за спиною негра охотничій; это стоитъ въ связи съ той версіей преданія о гибели дѣтей Ніобы, по которой гибель произошла во время охоты [1]).

[1]) Кромѣ перечисленныхъ фигуръ имѣются еще слѣдующія: фрагменты IV с.: *ОИАК.* 1875, I, 15. 16 (голова Ніобы). 6. 7. 8. 11. 12 (части женскихъ фигуръ). 17. 18 (женскія головы). 9. 13 (фрагменты мужскихъ фигуръ). 19 (мужская голова) и рядъ fragmenta adespota II с. (*ОИАК.* 1863, III, 7. 9. 12. 18. 19. IV, 6. 11), III с. (*ОИАК.* 1868, 65) и IV с. (*ОИАК.* 1875, I, 5. 10. 14. 20. 21).

Относительно техники пантикапейскихъ фигуръ необходимыя замѣчанія сдѣлалъ уже Стефани (*ОИАК*. 1863, 164). Всѣ фигуры сдѣланы рельефно, съ пустотою внутри. Гипсовыя фигуры оттиснуты по формамъ, глиняныя вылѣплены; если при отдѣлкѣ глиняныхъ фигуръ и употреблены были формы, то, по крайней мѣрѣ, потомъ фигуры были еще переправлены: во-первыхъ, на нихъ не видно ни одной изъ тѣхъ складокъ, которыя глина обыкновенно болѣе или менѣе принимаетъ

Рис. 19.

Рис. 20.

при формовкѣ, во-вторыхъ, нѣкоторыя части могли бы выйти изъ формъ не иначе, какъ по сломкѣ послѣднихъ. Раскраска на гипсовыхъ фигурахъ сохранилась гораздо лучше, чѣмъ на глиняныхъ, такъ какъ краски (голубая и розовая) соединились съ гипсомъ плотнѣе; съ глиняныхъ же фигуръ краски сошли совершенно, сохранившись лишь въ углубленныхъ частяхъ складокъ одеждъ [1]).

[1]) По техникѣ близкую аналогію пантикапейскимъ гипсовымъ фигурамъ представляетъ фрагментъ женской фигуры (также одностoронка) изъ Киренаики (Bengchazi) въ Британскомъ музеѣ (The Etruscan Saloon. South Wing, Table-Case o), которая также раскрашена (значительные остатки синей краски на одеждѣ). О близкомъ техническомъ родствѣ терракоттъ южно-русскихъ и киренскихъ см. замѣчанія Pottier, *Les statuettes de terre cuite dans l'antiquité*, Paris, 1890, 142 сл.

Что касается концепціи фигуръ, то, по словамъ Стефани, нагія части ихъ отличаются опредѣленными и правильными формами, исключая оконечностей, сдѣланныхъ обыкновенно очень небрежно. Выраженіе лицъ нѣкоторыхъ фигуръ хорошо гармонируетъ съ общей ихъ ситуаціей (ср. фигуры 4. 5. 7. 8. 12. 13. 14. 17. 20. 22. 23). Послѣдняя же крайне разнообразна: имѣются фигуры,

Рис. 21.

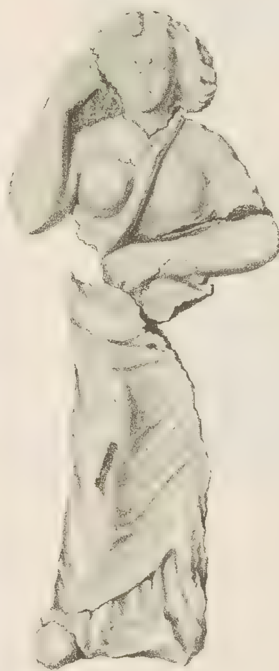

Рис. 22.

спокойно стоящія (ср. фигуры 4. 9. 10. 21. 22. 23), и фигуры въ быстромъ движеніи (ср. фигуры 5. 6. 13. 14. 15. 16. 20), фигуры сидящія (ср. фиг. 1. 3) и фигуры колѣнопреклоненныя (ср. фиг. 7. 8. 11. 12. 17. 24) и т. д. Нѣкоторыя изъ фигуръ, по своей композиціи, задуманы очень

удачно и отличаются драматизмомъ, не доходящимъ, однако, до крайностей (ср. особенно фигуры 2. 3. 4. 5. 7. 8. 12. 17. 19).

Детали одеждъ исполнены, по большей части, поверхностно и небрежно, но общее очертаніе ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, задумано чрезвычайно красиво и живописно (ср. фигуры 2. 5. 6. 13. 14. 15. 16. 17. 20. 23).

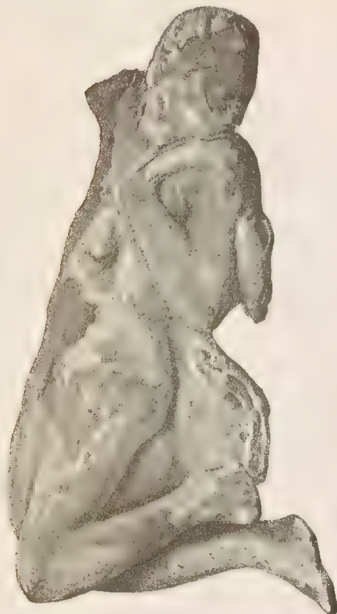

Рис. 23.

Время изготовленія пантикапейскихъ фигуръ точно опредѣлить, разумѣется, нельзя. Въ общемъ же можно остановиться на той датировкѣ ихъ, которая была предложена Стефани (*ОИАК*. 1863, 166): онѣ, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть относимы ко времени болѣе раннему, чѣмъ половина III в. до Р. Хр. Какъ далеко мы должны спускаться отъ этого terminus внизъ, опредѣлить было бы затруднительно: вѣроятно, фигуры выдѣлывались и послѣ Р. Хр., особенно если принять во вниманіе наличность существовавшихъ формъ и широкое примѣненіе пантикапейскихъ фигуръ для украшенія саркофаговъ [1]).

Что пантикапейскія фигуры служили украшеніемъ боковыхъ сторонъ деревянныхъ саркофаговъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее: на одномъ изъ найденныхъ саркофаговъ въ Пантикапеѣ, на всѣхъ четырехъ сторонахъ его, идутъ, въ видѣ фриза, красныя полосы, на которыхъ ясно видны слѣды фигуръ, нѣкогда къ нимъ прикрѣпленныхъ (*ОИАК*. 1863, 164 сл.). И при раскопкахъ 1891 года, вмѣстѣ съ фигурами, были найдены остатки деревяннаго саркофага, правда весьма ничтожные.

Сколько фигуръ было употребляемо для украшенія каждаго саркофага, сказать опредѣленно, за неимѣніемъ фактическихъ данныхъ, трудно. Если подвести итоги общему числу фигуръ, найденныхъ при раскопкахъ, то результаты получатся слѣдующіе: самое обильное число фигуръ, именно 14, было найдено въ 1862 году, причемъ всѣ фигуры, весьма вѣроятно, принадлежатъ одному саркофагу, такъ какъ парныхъ экземпляровъ среди нихъ не встрѣчается. Наоборотъ, при раскопкахъ 1832 и 1867 годовъ (въ оба раза было найдено по 7 фигуръ), саркофаговъ было, очевидно, не по одному, а по два: имѣются парные экземпляры изъ находки 1832 года фигуры 20-ой, изъ находки 1867 года—фигуръ 4-ой, 8-ой, 13-ой, 15-ой, 17-ой и 18-ой. При раскопкахъ 1874 года цѣлыхъ фигуръ было найдено всего 4, причемъ всѣ онѣ аналогичныхъ экземпляровъ изъ другихъ раско-

---

[1]) Во всякомъ случаѣ Pottier, o. c. 151, судитъ слишкомъ огульно, замѣчая, что пантикапейскія фигуры „sont probablement d'une époque assez basse, peut-être même postérieure à l'ère chrétienne“.

покъ не имѣютъ. Наконецъ, что касается раскопки 1891 года, то, имѣя въ виду, что ею первоначально руководили „счастливчики“, точное число найденныхъ фигуръ остается неизвѣстнымъ, наличное же число ихъ равно 12.

Итакъ, самое безопасное—исходить изъ результатовъ раскопки 1862 года, когда было найдено наибольшее число фигуръ. Изъ числа ихъ мы имѣемъ: группу матери и дочери (2), группу отца и сына (3), группу двухъ братьевъ (4), четыре фигуры сыновей (5. 6. 7. 8), пять фигуръ

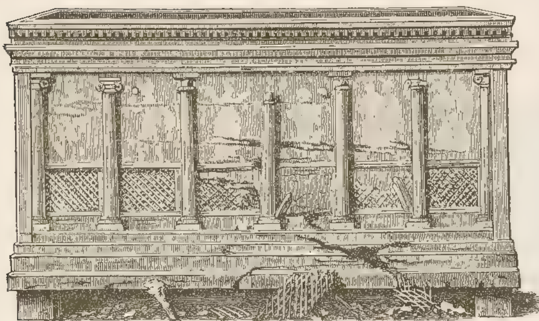

Рис. 24.

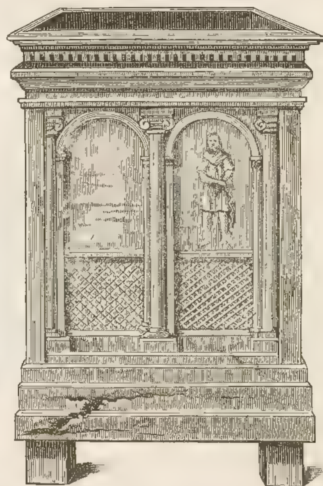

Рис. 25.

дочерей (13. 14. 15. 17. 18), одну фигуру педагога (21) и одну фигуру кормилицы (23); слѣдовательно, мы имѣемъ обоихъ родителей, педагога, кормилицу, шесть сыновей и шесть дочерей. По той версіи преданія о Ніобѣ, которая можетъ считаться наиболѣе установленной, по крайней мѣрѣ, для того времени, когда пантикапейскія фигуры были исполнены, у Ніобы было семь сыновей и семь дочерей [1]). Весьма вѣроятно, что фигуры одного изъ сыновей и одной изъ дочерей не сохранились.

На томъ саркофагѣ, который былъ найденъ вмѣстѣ съ фигурами въ 1874 году (рис. 24, 25), имѣются мѣста для 6 фигуръ на каждой изъ длинныхъ сторонъ и для 2 фигуръ на каждой изъ короткихъ. Общее число мѣстъ равно 16 и прекрасно подходило бы къ представленному выше примѣрному разсчету. Но, само собою разумѣется, за точность этого разсчета поручиться нельзя; и если саркофагъ былъ больше, въ родѣ, напримѣръ, открытаго Ашикомъ (рис. 26, 27), то и

[1]) Относительно литературнаго преданія о гибели дѣтей Ніобы отсылаю къ статьѣ А. Ѳ. Энмана въ Roscher's *Lex. d. griech. u. röm. Myth.* III, 372 сл., s. v. Niobe.

число фигуръ должно было быть болѣе значительнымъ, причемъ оно могло быть дополнено фигурами слугъ и служанокъ (вспомнимъ найденную фигуру негра и фигуру 24, которую мы предположительно назвали дочерью, но которая, быть можетъ, изображаетъ прислужницу); или, при болѣе значительномъ числѣ фигуръ, групповыя изображенія могли быть разъединены и каждой фигурѣ предоставлено было особое мѣсто, одиночное, на саркофагѣ [1]).

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: въ Пантикапеѣ существовали, по крайней мѣрѣ, три отдѣльныхъ серіи фигуръ для украшенія саркофаговъ. Это ясно видно изъ того, что въ числѣ сохранившихся фигуръ мы имѣемъ три отличающіяся одна отъ другой фигуры педагоговъ (ср. фигуры 20. 21. 22) и двѣ также отличныя одна отъ другой группы Ніобы съ младшей дочерью (ср. фигуры 1. 2). Предполагать же, что на одномъ и томъ же саркофагѣ педагогъ, положимъ, былъ представленъ дважды, было бы странно. Къ тому же и техника и художественное достоин-

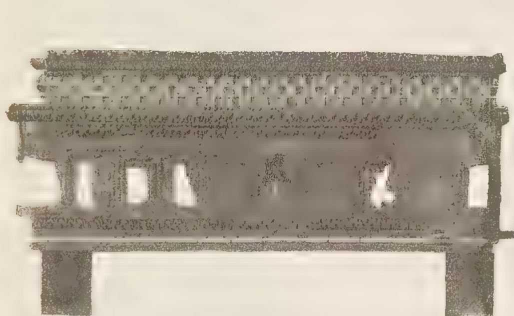

Рис. 26.

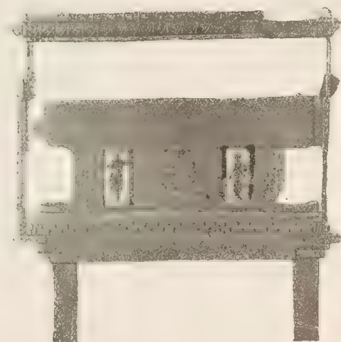

Рис. 27.

ство всѣхъ сохранившихся фигуръ далеко не одинаковы; въ этомъ отношеніи опять-таки можно было бы намѣтить три отдѣльныхъ серіи фигуръ: 1) особнякомъ стоящія фигуры раскопки 1874 года (11. 16. 22. 24), 2) фигуры 1. 9. 10. 25, и 3) фигуры 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 12. 13. 14. 15. 17. 18. 20. 21. 23 [2]).

Если трудно опредѣлить общее число фигуръ на саркофагѣ, то еще рискованнѣе пытаться возсоздать ихъ расположеніе; оно къ тому же могло варіироваться. Можно было бы лишь приблизительно намѣтить положеніе отдѣльныхъ фигуръ на саркофагѣ и ихъ взаимное отношеніе. Группа отца съ сыномъ (3) занимала, несомнѣнно, крайнюю оконечность одной изъ четырехъ сторонъ: это ясно изъ законовъ художественной композиціи — прямая линія спины не допускаетъ дальнѣйшаго

---

[1]) Были ли изображаемы на саркофагахъ фигуры Аполлона и Артемиды, сказать увѣренно нельзя: при всѣхъ находкахъ фигуръ этихъ не оказалось; однако, по аналогіи съ ниже указываемыми памятниками, присутствіе фигуръ Аполлона и Артемиды вѣроятно.

[2]) На фигурахъ этой серіи, какъ сохранившихся въ наибольшемъ количествѣ, и построено, главнымъ образомъ, все дальнѣйшее изслѣдованіе.

продолженія композиціи по другую сторону. Педагогъ (21) и кормилица (23) были, вѣроятно, по закону симметріи и по сходству мотивовъ обѣихъ фигуръ, отличающихся отъ остальныхъ, помѣщены другъ противъ друга, на обоихъ концахъ плоскости. Группѣ матери съ дочерью (2) соотвѣтствовала, надо полагать, группа двухъ братьевъ (4): обѣ группы представлены en face. Близкій pendant представляютъ фигуры упавшихъ на колѣна дочерей (17 и 18), колѣнопреклоненныхъ сына и дочери (6 и 13) и т. д. Идти далѣе въ попыткѣ реконструкціи я не рѣшаюсь, чувствуя всю шаткость подобнаго рода болѣе или менѣе апріорныхъ соображеній.

II.

Трудно было бы предполагать, что пантикапейскіе мастера-ремесленники, изготовлявшіе фигуры для украшенія саркофаговъ, изобрѣли самолично какъ общую ихъ композицію, такъ и композиціи отдѣльныхъ фигуръ. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что они въ этихъ случаяхъ слѣдовали какимъ-нибудь готовымъ образцамъ, иллюстрировавшимъ тотъ же сюжетъ о гибели дѣтей Ніобы. Какой оригиналъ могъ лечь въ основу композиціи пантикапейскихъ фигуръ, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Теперь же мы обратимся къ выясненію вопроса объ отношеніи пантикапейскихъ фигуръ къ памятникамъ болѣе или менѣе имъ современнымъ и, по своему художественному достоинству, равно какъ и по назначенію, тождественнымъ, именно къ рельефамъ римскихъ саркофаговъ.

Уже Штаркъ (*Niobe*, 177 сл.) отмѣтилъ, что на рельефахъ саркофаговъ, иллюстрирующихъ преданіе о гибели дѣтей Ніобы, можно различать два основныхъ типа композиціи. Къ первому типу принадлежатъ тѣ рельефы, болѣе ранніе по времени и лучшіе по работѣ, на которыхъ мы видимъ изображенными Аполлона, Артемиду, 14 дѣтей Ніобы, самое Ніобу, педагога и кормилицу; на рельефахъ крышки этихъ саркофаговъ, въ узкомъ фризѣ, бываютъ представлены мертвыя тѣла дѣтей въ скученномъ безпорядкѣ. На рельефахъ второго типа, помимо указанныхъ выше лицъ, изображается еще второй педагогъ, супругъ Ніобы Амфіонъ и мѣстное божество; при этомъ нѣкоторые изъ сыновей представлены верхами на коняхъ.

Представителями рельефовъ перваго типа могутъ служить рельефы на саркофагахъ Ватиканскомъ (Helbig, *Führer durch die öffentlichen Sammlungen klassischer Alterthümer in Rom* [2], Lpzg. 1899, I, 400), изданномъ Висконти (*Museo Pio Clementino*, Roma, 1790, IV, табл. 17), и Мюнхенскомъ (Furtwängler, *Führer durch die Glyptothek König Ludwig's I zu München* [3], 1900, 345), изданномъ Штаркомъ (*Niobe*, IV; см. рис. 28, исполненный по фотографіи).

Тождественныя композиціи рельефовъ обоихъ саркофаговъ располагаются въ такомъ порядкѣ: по сторонамъ Аполлонъ (справа) и Артемида (слѣва) составляютъ pendant другъ другу; Аполлонъ стрѣляетъ изъ лука, Артемида держитъ въ протянутой лѣвой рукѣ лукъ, въ согнутой въ локтѣ и поднятой вверхъ правой — стрѣлу. Остальныя 11 фигуръ дѣлятся на двѣ части, причемъ связующимъ центромъ композиціи служитъ фигура дочери (изображена съ задней стороны), которая, въ сильномъ движеніи вправо, закинула назадъ голову и правою рукою касается плеча, куда попала стрѣла, лѣвую же, слегка согнутую, протягиваетъ въ сторону. Отъ этой центральной фигуры въ сторону Аполлона слѣдуютъ: педагогъ, держащій въ лѣвой рукѣ согнутый слегка на концѣ посохъ, а правою рукою обнимающій мальчика, протягивающаго къ нему руки; сынъ, повернувшій голову

вправо и нѣсколько согнувшійся, поддерживающій руками брата, падающаго на землю съ поникшей головой и опущенной правой рукой; сынъ, въ быстромъ движеніи вправо, повернувшій голову въ сторону Аполлона и поднимающій руки съ мольбою о пощадѣ. По направленію къ сторонѣ Артемиды представлены: дочь, въ быстромъ движеніи вправо, держащая въ правой рукѣ развѣвающійся сзади плащъ и лѣвою рукою обращающаяся съ жестомъ о пощадѣ; согбенная кормилица, поддерживающая за верхнюю часть правой руки одну изъ дочерей, упавшую на колѣна, съ головою, склоненною налѣво и безсильно опущенною лѣвою рукою; Ніоба, въ быстромъ движеніи вправо, поддерживающая правою рукою падающую на землю дочь съ опущенною головою и руками, лѣвою же рукою распростирающая плащъ, чтобы защититься имъ отъ стрѣлъ.

Рис. 28.

На верхней части саркофаговъ представлены, какъ уже сказано, 14 мертвыхъ тѣлъ сыновей и дочерей. На одной изъ боковыхъ сторонъ саркофага двѣ дочери съ закинутыми головами, стоящія другъ противъ друга; надъ ними, въ полѣ фронтона, скорбящая Ніоба. На другой боковой сторонѣ сынъ съ закинутой головою, конь и распростертый подъ нимъ юноша; въ полѣ фронтона вѣнокъ.

Гельбигъ справедливо отмѣчаетъ въ композиціи этихъ рельефовъ живописный характеръ и указываетъ на то, что, въ общемъ, композиція ихъ не самостоятельна [1]).

Сравнивая отдѣльныя фигуры на вышеуказанныхъ рельефахъ съ пантикапейскими фигурами, съ перваго же взгляда замѣчаешь общее между ними сходство, сказывающееся и въ тождественности мотивовъ движеній нѣкоторыхъ фигуръ и въ одинаково живописномъ и свободномъ характерѣ драпировокъ ихъ. Въ частностяхъ же сходство нѣкоторыхъ фигуръ идетъ далѣе: напримѣръ, пантикапейская фигура дочери (14) близко напоминаетъ, по мотиву движенія, 6-ую фигуру на рельефѣ

[1]) Helbig, *Führer* [2], 400: überhaupt bekunden die Reliefs dieses (имѣется въ виду ближайшимъ образомъ Ватиканскій саркофагъ) Sarkophages in der vielseitigsten Weise die Benutzung von anderswoher bekannten Motiven, wobei es dahin gestellt bleiben muss, inwieweit diese Motive bereits in der malerischen Vorlage enthalten waren, welche der Steinmetz benutzte, oder von dem letzteren selbständig beigefügt sind.

(слѣва); только на послѣднемъ, въ зависимости отъ общаго расположенія композиціи, движеніе фигуры представлено въ обратную сторону; и фигура на саркофагѣ и фигура пантикапейская одинаково причесаны и одѣты, одинаково протянуты у нихъ лѣвыя руки съ открытыми ладонями и отставленными большими пальцами; лишь въ положеніи правой руки мы замѣчаемъ небольшую разницу: на пантикапейской фигурѣ она едва-едва согнута въ локтѣ, на фигурѣ рельефа сгибъ значительнѣе; мотивъ расположенія правой части плаща опять-таки у обѣихъ фигуръ довольно близокъ; за то лѣвая сторона плаща у фигуры рельефа представлена развѣвающеюся, тогда какъ на пантикапейской фигурѣ плащъ спокойно перекинутъ чрезъ лѣвое плечо. Понятно, впрочемъ, почему мастеръ, дѣлавшій рельефъ, далъ лѣвой части плаща такое именно положеніе: иначе между фигурами 6-ою и 7-ою оставалось бы, въ верхней части, слишкомъ много пустоты. Въ художественномъ же отношеніи мотивъ драпировки пантикапейской фигуры, на мой взглядъ, нимало не уступаетъ, а скорѣе превосходитъ, по своему разнообразію, тотъ же мотивъ на рельефѣ.

Пантикапейская группа матери съ дочерью (2) можетъ быть также сравнена съ соотвѣтствующею ей группою на рельефѣ; сходство въ данномъ случаѣ наблюдается, главнымъ образомъ, въ одинаковомъ положеніи той руки, которою Ніоба держитъ плащъ, защищая имъ дочь. Положеніе послѣдней на рельефѣ сравнительно съ пантикапейскою группою иное: на послѣдней дочь представлена, въ страхѣ отъ угрожающей ей гибели, бросающеюся на шею матери; на рельефѣ дочь, очевидно, уже смертельно раненая, съ поникшею головою и опущенными руками, склоняется книзу. И тутъ мотивировка ситуаціи пантикапейской группы намъ кажется болѣе естественною: на фигурѣ рельефа непонятнымъ является жестъ лѣвой руки Ніобы, — разъ дочь погибла, къ чему же защищать ее? Но опять-таки понятно, почему мастеръ рельефа долженъ былъ изобразить дочь въ такомъ именно положеніи: если бы онъ представилъ ее стоящею, какъ на пантикапейской группѣ, то онъ заслонилъ бы ею фигуру Артемиды.

Группа двухъ братьевъ на рельефахъ саркофаговъ очень напоминаетъ соотвѣтствующую ей группу пантикапейскую (4) [1]. Несущественное различіе, сказывающееся здѣсь при сравненіи, обусловлено, конечно, тѣми требованіями, какія представляла композиція рельефа въ его цѣлости и композиція отдѣльныхъ фигуръ.

Указавъ еще на одинаковое почти изображеніе педагога на рельефахъ и на пантикапейской фигурѣ (20), я на этомъ остановлюсь. Въ общемъ, на мой взглядъ, весьма вѣроятно, и мастера пантикапейскихъ фигуръ и мастера рельефовъ на Ватиканскомъ и Мюнхенскомъ саркофагахъ при созданіи своихъ памятниковъ, разумѣется, независимо другъ отъ друга, стояли подъ вліяніемъ какого-то общаго оригинала. Основной характеръ этого оригинала они усвоили одинаково, но въ выполненіи деталей каждый пошелъ своею дорогою, сообразно представлявшимся ему требованіямъ при работѣ.

---

[1]) Кстати отмѣтимъ, что въ Латеранскомъ музеѣ (Helbig, *Führer* [2], 708) хранится рельефъ, находившійся ранѣе въ Palazzo Rondanini, изданный теперь, по рисунку Беккера, Robert'омъ, *Die antiken Sarkophag-Reliefs,* Berlin, 1890, II, 178. Рельефъ этотъ обозначается какъ „Orestes und Pylades", но, по справедливому замѣчанію Роберта, „die Komposition scheint erfunden für die Darstellung eines Niobiden, welcher einen verwundeten Bruder mit den Armen auffängt, und erst später auf Orestes und Pylades übertragen".

Представителями второго типа композицій рельефовъ саркофаговъ могутъ служить: саркофагъ въ Латеранскомъ музеѣ (Helbig, *Führer*[2], 705, изданъ Штаркомъ, *Niobe*, XIX), саркофагъ въ Museo archeologico della Marciana въ Венеціи (Valentinelli, *Marmi scolpiti*, Prato, 1866, XXIX) и передняя доска саркофага въ Wilton House (извѣстна лишь по описанію Михаэлиса, *Ancient marbles in Great Britain*, Cambridge, 1882, 706 сл.). Существенный характеръ композиціи рельефовъ этого типа саркофаговъ былъ отмѣченъ выше. И ихъ композиція отличается, несомнѣнно, живописнымъ характеромъ, хотя, сравнительно съ композиціями перваго типа, она проигрываетъ вслѣдствіе спутаннаго расположенія фигуръ. Сходство въ отдѣльныхъ фигурахъ рельефовъ этого типа саркофаговъ съ фигурами пантикапейскими не такое близкое; можно указать лишь на одинаково задуманныя и здѣсь и тамъ фигуры педагоговъ или фигуры дочерей 14-ой и первой фигуръ отъ центра на лѣвой части саркофаговъ. Большее сходство можно усмотрѣть въ мотивахъ драпировокъ, изъ чего, вѣроятно, опять-таки слѣдовало бы заключать объ общности оригинала, „живописнаго" характера, для обѣихъ группъ памятниковъ [1]).

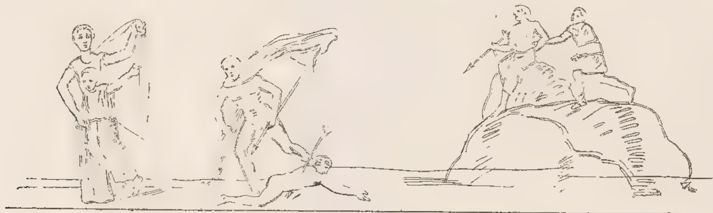

Рис. 29.

На ряду съ саркофагами умѣстно будетъ вкратцѣ упомянуть о тѣхъ изображеніяхъ гибели дѣтей Ніобы, которыя сохранились въ стѣнныхъ росписяхъ императорской эпохи. Въ *„Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Cl.* 1883" Гейдеманъ издалъ (табл. III) и объяснилъ (стр. 163 сл.) помпеянскую фреску, на которой изображено семь сыновей Ніобы, охотящихся верхами, въ то время какъ ихъ поражаютъ внезапно стрѣлы Аполлона; сыновей сопровождаютъ шестеро слугъ; центръ картины занимаетъ небольшое святилище, у подножія котораго сидятъ Исменъ и Дирка (извѣстныя рѣки ѳиванскія) и, безъ всякаго участія, какъ чисто декоративныя фигуры, взираютъ на происходящую на ихъ глазахъ гибель сыновей. Композиція картины, по замѣчанію Гейдемана, не самостоятельная; ея источниками могли послужить тѣ „знаменитые образцы (Vorlegeblätter) греческаго искусства", которые были въ ходу въ римское время и которые разрабатывались многими художниками „то болѣе точно, то болѣе свободно". На зависимость помпеянской фрески отъ какого-то „хорошаго" оригинала, по моему мнѣнію, указываютъ больше всего свободная и живописная трактовка одеждъ, оживленныя позы и движенія фигуръ сыновей, и въ этомъ-то отношеніи фигуры помпеянской фрески могутъ быть сопоставлены какъ съ разобранными выше рельефами саркофаговъ, такъ и съ пантикапейскими фигурами.

[1]) Что касается этрусскаго саркофага изъ Тосканеллы въ Ватиканѣ (Helbig, *Führer*[2], II, 1170. Stark, *Niobe*, IX, 2), то, по замѣчанію Рейша (въ *Führer* Гельбига), въ фигурахъ дѣтей Ніобы сказываются „bekannte Motive der statuarischen Darstellungen in derben etruskischen Geschmack umgebildet".

Въ очень сокращенной передачѣ изображеніе гибели дѣтей Ніобы дано на одной изъ фресокъ колумбарія въ Villa Pamfili (Stark, *Niobe*, IX, 1 = рис. 29) [1]). Здѣсь представленъ Аполлонъ, сидящій на скалѣ съ лукомъ и стрѣлами въ правой рукѣ; къ нему спѣшитъ Артемида; центръ картины занимаютъ фигуры двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, обнаженный, лежитъ навзничь на землѣ со стрѣлою въ спинѣ, другой, въ развѣвающейся на плечахъ хламидѣ, съ копьемъ въ лѣвой рукѣ, въ быстромъ движеніи, правою рукою старается извлечь стрѣлу изъ груди; въ лѣвой части фрески представлена Ніоба, защищающая плащемъ свою дочь, которую она прижимаетъ къ себѣ. Этотъ послѣдній мотивъ встрѣчался неоднократно и на ранѣе отмѣченныхъ памятникахъ.

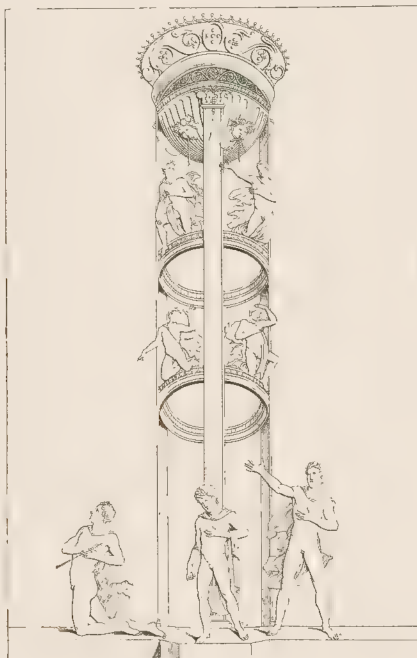

Рис. 30.

Крайне своеобразную композицію находимъ мы въ двухъ росписяхъ Casa dei Dioscuri въ Помпеяхъ (Helbig, *Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens*, Lpzg. 1868, № 1154; изданы въ *Museo Borbonico*, Napoli, 1830, VI, 13. 14=рис. 30, 31). Росписи эти представляютъ треножники, написанные на стѣнныхъ пилястрахъ; на подножіи ихъ изображены три сына и три дочери Ніобы, а на двухъ кольцахъ по двѣ фигуры сыновей и по двѣ фигуры дочерей на каж-

[1]) Лучшій рисунокъ, исполненный по фотографіи, см. въ статьѣ Samter'a, *Le pitture parietali del Colombario di Villa Pamfili. Röm. Mitt.* VIII (1893), 115, fig. 2.

домъ, въ меньшихъ размѣрахъ. Соотвѣтствіе фигуръ одна другой на каждой изъ росписей полное. Не представляя сами по себѣ художественныхъ произведеній высокаго достоинства, картины эти, по замѣчанію Зауэра (l. c. III, 422), свидѣтельствуютъ о существованіи подобнаго рода тре-

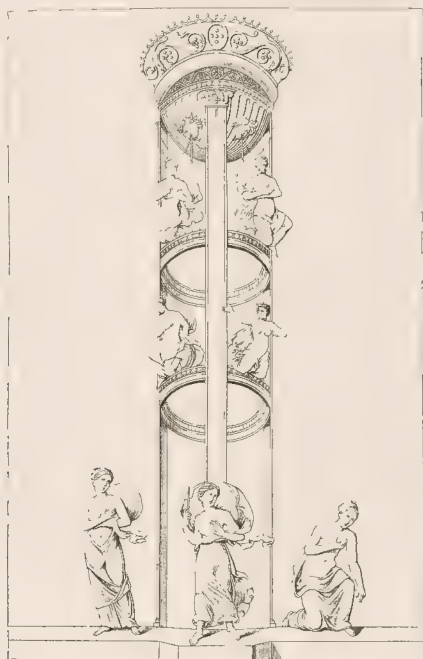

Рис. 31.

ножниковъ, украшенныхъ фигурами дѣтей Ніобы [1]). Для насъ же главный интересъ ихъ заключается въ томъ, что сходство ихъ, особенно въ расположеніи драпировокъ, съ нѣкоторыми изъ фигуръ вышеуказанныхъ памятниковъ опять-таки подтверждаетъ общую зависимость ихъ всѣхъ отъ одного оригинала.

---

[1]) По свидѣтельству Павсанія (I, 21, 3), въ Аѳинахъ, ἐν δὲ τῇ κορυφῇ τοῦ θεάτρου σπήλαιόν ἐστιν ἐν ταῖς πετραις ὑπὸ τὴν ἀκρόπολιν· τρίπους δὲ ἔπεστι καὶ τούτῳ· Ἀπόλλων δὲ ἐν αὐτῷ καὶ Ἄρτεμις τοὺς παῖδάς εἰσιν ἀναιροῦντες τοὺς Νιόβης. Эти слова Павсанія Hitzig и Blümner (*Pausaniae Graeciae descriptio*, I, 1. p. 236) понимаютъ въ томъ смыслѣ, что фигуры Аполлона, Артемиды и дѣтей Ніобы были „figürlicher Schmuck des Dreifusses in runden Figuren oder in Relief“ и при этомъ вспоминаютъ помпеянскіе треножники. „Der Dreifuss selbst, по ихъ словамъ, müsste, wenn das ἔπεστι bei Paus. richtig und nicht etwa aus ἔνεστι verdorben ist, oberhalb der Grotte gestanden haben, da wo heut auf besonderem Plateau zwei Säulen mit korinthischen Kapitälen stehen, die jedenfalls auch einst Dreifüsse trugen. Ebenfalls in der Nähe stand der bei Harpocr. v. κατατομή erwähnte Dreifuss des Aischraios“. Зауэръ, слѣдуя Рейшу, *Griech. Weihgeschenke*, 108 сл., думаетъ, что „die Niobidendarstellung, etwa ein Relief, in der Höhle war“. Слова Павсанія настолько кратки, что ни о формѣ памятника, ни о характерѣ изображеній на немъ ничего положительно опредѣленнаго сказать нельзя.

III.

Ища тотъ оригиналъ, который могъ послужить источникомъ вдохновенія для мастеровъ пантикапейскихъ фигуръ, рельефовъ саркофаговъ, росписей, мы должны, конечно, прежде всего обратить вниманіе на тотъ памятникъ, который можетъ быть названъ, если и не самымъ знаменитымъ, то наиболѣе популярнымъ изъ числа произведеній, иллюстрирующихъ преданіе о гибели дѣтей Ніобы [1]). Я имѣю въ виду группу, стоявшую нѣкогда въ Римѣ, въ храмѣ Аполлона Сосіана, и извѣстную теперь по копіямъ ея отдѣльныхъ фигуръ, хранящихся, главнымъ образомъ, въ Uffizi. Объ этой группѣ писано такъ много [2]), что поднимать вопросъ снова во всей его совокупности было бы излишнимъ и, во всякомъ случаѣ, не въ интересахъ настоящей работы. Насъ занимаетъ, главнымъ образомъ, частный вопросъ — объ отношеніи фигуръ группы къ пантикапейскимъ памятникамъ. Предварительно, однако, нелишне будетъ вкратцѣ установить ту точку зрѣнія, съ какой мы будемъ разбирать интересующій насъ памятникъ.

О первоначальномъ состояніи памятника, его композиціи и стилѣ мы говорить не будемъ. Для насъ важно только опредѣлить ту эпоху, къ которой относится оригиналъ флорентійской группы [3]). Какъ извѣстно, Плиній (*N. H.* XXXVI, 28) сообщаетъ, что въ его время была „haesitatio" относительно автора группы: одни приписывали ее Скопасу, другіе Праксителю. Эта „haesitatio" римскихъ критиковъ и знатоковъ искусства, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ эпоху Плинія никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній относительно автора группы не было. Понятно, однако, стремленіе римскихъ критиковъ подыскать для автора группы имя, болѣе или менѣе знаменитое въ исторіи греческой пластики; изъ этого-то стремленія, надо полагать, и возникла та двойственность традиціи, отголосокъ которой сохранился у Плинія [4]).

---

[1]) Упоминаемый Пропорціемъ (II, 31) рельефъ съ изображеніемъ гибели дѣтей Ніобы на одной изъ дверей палатинскаго храма Аполлона намъ неизвѣстенъ, да и едва ли композиція рельефа была самостоятельная, ср. замѣчанія Зауэра l. c. III, 421, Что касается терракоттовыхъ фигуръ, украшавшихъ нѣкогда фронтонъ храма въ Лунѣ, ок. Каррары (см. Milani, *Museo topografico dell' Etruria*, Firenze-Roma, 1898, 77), сохранившіеся остатки которыхъ изданы Милани (*Mus. Ital.* I, III VII), то съ пантикапейскими памятниками онѣ ничего общаго не имѣютъ.

[2]) Обстоятельный сводъ литературы см. у Зауэра l. c. III, 409 сл. Ср. также Amelung, *Führer durch die Antiken in Florenz*, Munchen, 1897, 174 сл.

[3]) Репликами этого оригинала являются, повидимому, не однѣ только флорентійскія статуи. Въ собраніи Торлоніа (Visconti, *Les monuments de la sculpture antique du Musée Torlonia*, Rome, 1884, №№ 141, 240) хранятся двѣ фигуры изъ группы Ніобы (Ніоба съ дочерью и дочь съ обращеннымъ кверху взоромъ), отличающіяся по стилю отъ соотвѣтствующихъ имъ фигуръ флорентійской группы. Иного стиля, какъ извѣстно, и т. н. Ніобида Chiaramonti въ Ватиканѣ (см. Furtwängler, *Meisterwerke d. griech. Plastik*, Lpzg.-Berl., 1893, 645) и т. н. Иліоней въ Мюнхенской Глиптотекѣ (см. Furtwängler *Führer* [3], 19 сл.).

[4]) На этотъ счетъ Зауэръ (l. c. III, 418 сл.) основательно замѣчаетъ: da nämlich Plinius in diesem Falle nicht gelehrter Vorarbeit älterer Kunstschriftsteller, sondern stadtrömischer Tradition folgt, so haben wir nicht einmal die Gewähr, dass die Gruppe von einem der beiden Meister herrührte; es ist ebenso gut denkbar, dass sie als Werk eines Unbekannten nach Rom gekommen war und erst dort angesichts der skopasischen und praxitelischen Züge, die sich in ihr vereinigten, die beiden berühmten Namen den Kennern sich aufdrangten.

Изслѣдуя стиль фигуръ группы Ніобы, одни ученые, во чтобы то ни стало, стремятся отыскать въ немъ черты, свойственныя искусству Скопаса; другіе, съ неменьшимъ рвеніемъ, стараются отстоять авторство Праксителя. Въ сущности и тѣ и другіе правы; но если въ фигурахъ группы Ніобы однѣ черты напоминаютъ намъ искусство Скопаса, другія—Праксителя (см. Sauer, l. c. III, 417 сл.), то уже это одно исключаетъ возможность приписывать группу, въ ея совокупности, тому или другому художнику, искусство которыхъ, насколько это намъ теперь извѣстно, носило вполнѣ опредѣленный характеръ.

Рис. 32.

Рис. 33.

Въ своей *„Histoire de la sculpture grecque“* (II, 443 сл.). Коллиньонъ прекрасно показалъ, что въ эллинистическую эпоху, на-ряду съ появившимися новыми художественными школами въ Пергамѣ, на Родосѣ, въ Александріи, господствовали еще въ искусствѣ „классическія традиціи“ Скопаса, Праксителя и Лисиппа; онъ же отмѣтилъ цѣлый рядъ памятниковъ, созданныхъ подъ вліяніемъ искусства каждаго изъ нихъ. Группу Ніобы Коллиньонъ помѣщаетъ также въ число „анонимныхъ“ памятниковъ эллинистической эпохи, отводя ей мѣсто среди т. н. живописныхъ группъ и считая ее однимъ изъ образцовъ тѣхъ ученыхъ, академическихъ, произведеній, которыя стали появляться съ эллинистической эпохи. Взглядъ Коллиньона (высказывавшійся и ранѣе, но не съ такою опредѣленностью), повидимому, встрѣтилъ сочувствіе, и Зауэръ (l. c. III, 418), напримѣръ, считаетъ группу за одно изъ „начальныхъ произведеній эллинистическаго искусства“. Съ своей стороны въ пользу мнѣнія Коллиньона могу добавить лишь одно: самый драматическій сюжетъ группы скорѣе роднитъ ее съ такими произведеніями эллинистической эпохи, какъ, напримѣръ, „Лаокоонъ“ или „Фарнезскій быкъ“, нежели съ доподлинно намъ извѣстными произведеніями Скопаса и Праксителя.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній посмотримъ, въ какомъ отношеніи стоятъ пантикапейскія фигуры къ фигурамъ группы Ніобы.

Фигура Ніобы съ младшей дочерью (рис. 32, ср. рис. 2) задумана въ общемъ сходно; различіе заключается въ томъ, что на флорентійской группѣ дочь представлена значительно меньше и что рукамъ Ніобы дано положеніе обратное сравнительно съ пантикапейскою группою; иначе выра-

Рис. 34.

Рис. 35.

женъ и мотивъ защиты дочери посредствомъ плаща; сходно движеніе руки Ніобы, которою она охватываетъ дочь.

Рис. 36.

Рис. 37.

Рис. 38.

Группѣ педагога, защищающаго сына, хранящейся въ Луврѣ (рис. 33), мы соотвѣтствующей среди пантикапейскихъ памятниковъ не имѣемъ. Что касается пантикапейской группы отца съ сы-

номъ (рис. 3), то она задумана совершенно иначе. Равнымъ образомъ и фигура педагога, какъ въ луврской группѣ, такъ и во флорентійской (рис. 34), сравнительно съ соотвѣтствующими пантикапейскими фигурами изображена совершенно иначе.

Рис. 39.

Не находимъ мы среди сохранившихся пантикапейскихъ фигуръ группы, соотвѣтствующей флорентійской группѣ брата, защищающаго сестру (рис. 35); наоборотъ, среди флорентійскихъ статуй нѣтъ изображенія двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ поддерживаетъ другого (ср. рис. 4).

Фигуры сыновей Ніобы на обоихъ сравниваемыхъ памятникахъ задуманы совершенно различно: только развѣ по одинаково колѣнопреклоненной позѣ можно сопоставить пантикапейскую фигуру сына (7) съ т. н. Нарциссомъ флорентійской группы (рис. 36); различіе здѣсь заключается, однако, въ томъ, что на пантикапейской фигурѣ тѣло сына откинулось назадъ, на флорентійской же тѣлу приданъ легкій наклонъ впередъ; сходно положеніе лѣвой руки, хватающейся за поясницу; одинаково переданъ и мотивъ одежды, охватывающей ноги. На пантикапейской фигурѣ сына (8) головѣ придано положеніе, аналогичное съ флорентійской статуей, но за то здѣсь различно положеніе рукъ.

Изъ пантикапейскихъ фигуръ дочерей ни одна близкой аналогіи къ фигурамъ флорентійской группы не представляетъ, если только не сравнивать одинаковое положеніе лѣвой руки фигуры 14-й и флорентійской статуи, изображенной на рис. 37. Во всемъ остальномъ фигуры эти задуманы совершенно различно. Можно, пожалуй, еще указать на одинаково поставленныя головы пантикапейской фигуры 18-й и флорентійской статуи на рис. 38.

Указанными немногими пунктами соотвѣтствія сходство между пантикапейскими фигурами и фигурами группы Ніобы и ограничивается. Единственно, что̀, до нѣкоторой степени, сближаетъ между собою обѣ группы памятниковъ—это одинаково живописная трактовка одежды на пантикапейскихъ фигурахъ и особенно на той фигурѣ изъ группы Ніобы, которая является въ этомъ отношеніи исключительною; я имѣю въ виду Ніобиду Chiaramonti (рис. 39).

Итакъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не знаменитая группа Ніобы послужила источникомъ вдохновенія для пантикапейскихъ мастеровъ. Оно, впрочемъ, и вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе то первоначальное состояніе, въ которомъ фигуры группы въ древности находились. Господствовавшее прежде мнѣніе, что онѣ служили украшеніемъ фронтона, теперь оставлено; его смѣнило, и вполнѣ основательно, иное предположеніе, именно, что фигуры группы расположены были террасообразно (ср. Collignon, *Hist. de la sculpt. gr.* II, 543. Sauer, l. c. III, 415 сл.). Для украшенія же фигурами горизонтальныхъ поверхностей деревянныхъ саркофаговъ брать образцы съ такихъ террасообразно размѣщенныхъ фигуръ едва-ли представлялось удобнымъ и возможнымъ.

IV.

Гораздо вѣроятнѣе предполагать, что мастеръ, украшавшій горизонтальныя поверхности пантикапейскихъ деревянныхъ саркофаговъ фигурами, иллюстрирующими гибель дѣтей Ніобы, искалъ образцовъ для себя въ такихъ памятникахъ искусства, гдѣ тотъ же сюжетъ развертывался на одной плоскости. Такими памятниками предпочтительно могли являться для него рельефы. До нашего времени сохранилось нѣсколько рельефовъ, въ цѣломъ или фрагментарномъ видѣ, съ изображеніемъ гибели дѣтей Ніобы. Ихъ мы теперь и разсмотримъ.

Рис. 40.

На первомъ мѣстѣ, по справедливости, долженъ быть поставленъ рельефъ (рис. 40), поступившій изъ собранія Кампана въ Императорскій Эрмитажъ (*Музей древней скульптуры* [3], Спб. 1896, № 337). Хотя поверхность рельефа и пострадала въ Италіи при очисткѣ ея отъ известковаго налета, тѣмъ не менѣе онъ является, среди однородныхъ памятниковъ, выдающимся по своему художественному достоинству [1]). Возможно, что этотъ рельефъ представляетъ собою фрагментъ фриза какого-нибудь небольшаго храма.

---

[1]) Ср. Stark, *Niobe*, 165 сл. Heydemann, *Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Cl.* 1877, 72 сл. Amelung, *Führer*, 116. Еще сравнительно недавно Hauser (*Die neu-attischen Reliefs*, Stuttgart, 1889, 73 сл.), слѣдуя Э. Брауну, сомнѣвался въ подлинности рельефа Кампана, хотя и указывалъ на то, что онъ сохранился въ одномъ рисункѣ XVII в. (собраніе Dal Pozzo въ Виндзорѣ); Гаузеръ склонялся къ мнѣнію, высказанному ему (въ письмѣ) Гейдеманомъ, что „das Petersburger Relief eine moderne Copie des in jener Zeichnung reproducirten Originals wäre“. Подлинность рельефа Кампана была прекрасно защищена Фуртвенглеромъ (*Meisterwerke*, 68 [1]); „das Petersburger Relief, говоритъ онъ, habe ich jüngst noch im Original untersucht; es sitzt sogar noch der echteste Kalksinter auf dem Marmor, der untrüglichste Beweis der Echtheit. Das Relief ist übrigens nicht vollständig; es besteht aus zwei Stücken, deren Verbindung zwischen der Gruppe der zwei Mädchen und der nach rechts Eilenden modern ist. Die Arbeit ist spät, trocken und hart“.

На рельефѣ изображено девять фигуръ, четыре мужскихъ и пять женскихъ; изъ нихъ четыре фигуры образуютъ двѣ группы. Мѣсто дѣйствія—скалистая почва. Разсматривая рельефъ по направленію слѣва направо, мы видимъ прежде всего группу: старшая дочь, изображенная въ профиль, поддерживаетъ своего брата, охвативъ его руками за грудь и слегка склонивъ къ нему голову; тяжесть ея тѣла покоится на лѣвой, нѣсколько согнутой ногѣ; на фигурѣ длинный хитонъ и спускающійся, въ красивыхъ складкахъ, съ плечъ плащъ. Одежда юноши упала на его лѣвый локоть и свѣшивается внизъ. Правою рукою юноша охватилъ шею дѣвушки; его лѣвая рука безсильно свѣсилась внизъ.

За этою группою слѣдуютъ двѣ одиночныхъ фигуры. Сначала изображенъ лежащій навзничь сынъ, съ высоко поднятыми ногами, покрытыми частью одежды, съ протянутыми поверхъ головы руками. За нимъ слѣдуетъ мужская фигура съ закинутою головою, съ согнутою въ колѣнѣ правою и вытянутою лѣвою ногою; правою рукою юноша хватается за затылокъ; его лѣвая рука отведена назадъ и касается поясницы; одежда охватываетъ лѣвую ногу, и конецъ ея, обмотанный вокругъ лѣвой руки, развѣвается въ красивыхъ складкахъ.

Далѣе слѣдуетъ группа двухъ дочерей, изъ которыхъ одна, въ длинномъ хитонѣ, поддерживаетъ лѣвою рукою (правая согнута въ локтѣ и поднята вверхъ) упавшую на колѣна сестру съ опущенными руками и съ склонившеюся на правое плечо головою.

Остальныя три фигуры одиночныя. Изъ нихъ первая—дочь въ быстромъ движеніи вправо, съ протянутою впередъ правою рукою, въ развѣвающейся одеждѣ. Вторая фигура—обнаженный юноша лежитъ навзничь на скалѣ, со свѣшивающимися внизъ ногами, опущенною головою и свѣсившимися руками. Наконецъ, послѣдняя фигура—дочь, стоя на колѣняхъ и обративъ вверхъ голову, прижимаетъ лѣвую руку къ груди, а правую, съ жестомъ мольбы, поднимаетъ кверху.

Композиція рельефа, несмотря на то, что она представляетъ лишь часть цѣлаго, поражаетъ своею симметричностью и въ высокой степени живописнымъ исполненіемъ [1]).

Эти достоинства рельефа Кампана уже a priori даютъ основаніе предполагать, что въ немъ до насъ сохранилась реплика какого-нибудь произведенія высокаго стиля. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что у насъ имѣется цѣлый рядъ фрагментовъ другихъ рельефовъ, композиція которыхъ вполнѣ тождественна съ композиціей рельефа Кампана.

Фигурѣ того сына Ніобы, который на рельефѣ Кампана представленъ съ закинутою головою, припавшимъ на правое колѣно (4-ая фигура слѣва), мы находимъ полныя аналогіи на слѣдующихъ памятникахъ:

1) Фрагментъ рельефа въ Villa Albani (Helbig, *Führer* [2], 774), изданный Штаркомъ (*Niobe*, III, 3) и Гейдеманомъ (*Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Cl.* 1877, V, 2), рис. 41. На этомъ рельефѣ сохранилась и ничтожная часть фигуры сына, лежащаго навзничь. Фигуры Артемиды, представленной здѣсь, на рельефѣ Кампана не имѣется.

---

[1]) Прекрасную характеристику см. у Амелунга, *Führer*, 116: die Darstellung ist von einer ausserordentlichen Schönheit und inneren Grösse. Die Gruppe am linken Ende, in der eine Schwester den sterbenden Bruder aufrecht hält und dieser sich rückwärts beugt, ist so packend und von solcher Schönheit, dass man sie kaum betrachten kann, ohne einen Schauer der Bewunderung zu empfinden.

2) Рельефъ въ Palazzo Colonna (*Photogr. Einzelverkauf*, 1161, ср. Friederichs-Wolters, *Gypsabgüsse*, 1509).

3) Фрагментъ рельефа въ Museo Kircheriano (Heydemann, *Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Cl.* 1877, II).

Рис. 41.

Рис. 43.

На рельефѣ, хранящемся въ Болоньѣ (Heydemann, *Berichte*, 1877, IV, 1=рис. 42), та же фигура сына задумана нѣсколько иначе: онъ представленъ въ быстромъ движеніи и повернутъ спиною къ зрителю; за то во всемъ остальномъ фигура вполнѣ соотвѣтствуетъ 4-ой фигурѣ сына на рельефѣ Кампана. Что касается фигуры сына, изображеннаго на болонскомъ рельефѣ упавшимъ на колѣна, съ закинутыми за голову руками, то полныя аналогіи этой фигурѣ представляютъ:

Рис. 42.

a) Фрагментъ рельефа, хранящійся въ Катаніи (*Photogr. Einzelverkauf*, 762);

b) Фрагментъ рельефа въ собраніи Милани во Флоренціи (Stark, *Niobe*, IV[a], 2. Heydemann, *Berichte*, 1877, V, 3=рис. 43). На этомъ же рельефѣ изображена въ быстромъ движеніи дочь, въ развѣвающейся одеждѣ, аналогичной фигуры которой на рельефѣ Кампана не имѣется.

Фигуру сына, вполнѣ аналогичную 8-ой фигурѣ рельефа Кампана, мы имѣемъ на рельефѣ въ Museo Boncompagni-Ludovisi (Schreiber, *Die antiken Bildwerke der Villa Ludovisi in Rom*, Lpzg. 1880, 162), изданномъ Гейдеманомъ (*Berichte*, 1877, III).

На фрагментѣ рельефа, находившемся въ собраніи Клюгмана (Matz-Duhn, *Antike Bildwerke in Rom*, Lpzg. 1882, III, 4074), изданномъ Гейдеманомъ (*Berichte*, 1883, II=рис. 44), изображена фигура Аполлона, который стрѣляетъ изъ лука, припавъ на правое колѣно. Работа рельефа, по замѣчанію Гейдемана (стр. 162),—грубая, декоративная, поздняго времени. Тѣмъ не менѣе, какъ будетъ видно далѣе, и эта фигура несомнѣнно принадлежала къ той же композиціи, какъ и указанные рельефы, составляя pendant фигурѣ Артемиды, изображенной на рельефѣ Albani.

Рис. 44.

Рис. 45.

Попутно уже отмѣчу, что изображеніе группы сестры, поддерживающей брата на рельефѣ Кампана, встрѣчается на античныхъ геммахъ (рис. 45 [1]).

Всѣ перечисленные выше памятники, вѣроятно, происходятъ отъ рельефовъ фризообразной формы и почти одинаковой высоты (ср. Sauer, l. c. III, 404), всѣ они трактуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ сходно, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ частяхъ, всѣ они, наконецъ, передаютъ детали ком-

[1]) Furtwängler, *Beschreibung d. geschn. Steine im Antiquarium*, Berl. 1896, №№ 707 сл. *Die antiken Gemmen*, Lpzg.-Berl., 1900, I, табл. XXXVII, 43.

позиціи настолько одинаково, что едва-ли покажется рискованнымъ предположеніе о зависимости ихъ отъ одного общаго оригинала, пользовавшагося, судя по многочисленности дошедшихъ копій, большою извѣстностью.

Любопытно, что нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ фигуръ на разсмотрѣнныхъ нами рельефахъ являются воспроизведенными съ полною тождественностью на одномъ, исключительномъ въ своемъ родѣ, па-

Рис. 46.

мятникѣ: на мраморномъ дискѣ, поступившемъ въ Британскій музей (The third Græco-roman room 41*) изъ собранія Castellani (Heydemann, *Berichte*, 1877, I = рис. 46) [1]). Дискъ этотъ — произведеніе ремесленное; его композиція полна ошибокъ и недоразумѣній и едва-ли вполнѣ

[1]) Сомнѣнія въ подлинности этого памятника, высказанныя Овербекомъ (*Griech. Kunstmyth.* Lpzg. 1873, IV, 292. *Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. ph.-hist. Cl.* 1893, 58) и Гаузеромъ (*Die neuattischen Reliefs*, 73), окончательно устранены Фуртвенглеромъ (*Meisterwerke*, 738).

точно передаетъ оригиналъ. Ясно, что фигуры, изображенныя на дискѣ, произвольно выхвачены изъ какой-то композиціи въ формѣ фриза и оттуда перенесены на круглую поверхность диска, быть можетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями (ср. Sauer, l. c. III, 404).

Сходство отдѣльныхъ фигуръ диска съ фигурами вышеотмѣченныхъ рельефовъ бросается въ глаза слишкомъ ясно, чтобы нужно было это доказывать подробно. Фигуры Артемиды и Аполлона въ верхнемъ ряду диска соотвѣтствуютъ фигурамъ Артемиды на рельефѣ Albani и Аполлона на рельефѣ Клюгмана. Во второмъ ряду диска, по направленію слѣва направо, изображены братъ, защищающій сестру, и раненый сидящій сынъ; аналогій этимъ фигурамъ нѣтъ. Далѣе изображена фигура лежащаго сына, которую можно сравнить съ третьей фигурой рельефа Кампана. Послѣдняя фигура во второмъ ряду диска можетъ быть сопоставлена съ соотвѣтствующей ей фигурой на рельефахъ Milani и въ Катаніи. Въ третьемъ ряду диска мы видимъ сначала фигуру сына, упавшаго на правое колѣно; ее срв. съ 4-ой фигурой рельефа Кампана, а также съ рельефами Albani, Colonna и Кирхеріанскимъ; далѣе слѣдуютъ двѣ фигуры лежащихъ навзничь дочерей; композиція первой изъ этихъ фигуръ мастеру не удалась: несомнѣнно, дочь, изображенная вверху, не можетъ быть понимаема, какъ лежащая,—она въ движеніи, что̀ станетъ вполнѣ яснымъ, если дискъ повернуть бокомъ; тогда эта фигура вполнѣ соотвѣтствуетъ 7-ой фигурѣ рельефа Кампана, которую, очевидно, и имѣлъ въ виду изобразить мастеръ диска. Отъ остальныхъ фигуръ третьяго ряда сохранились только фрагменты, причемъ сохранившаяся (нижняя) часть фигуры дочери соотвѣтствуетъ, вѣроятно, фигурѣ на рельефѣ Milani. Наконецъ, въ нижнемъ ряду фигура лежащаго сына Ніобы аналогична 8-ой фигурѣ на рельефѣ Кампана и на рельефѣ Boncompagni-Ludovisi; фигуры педагога, изображенной на дискѣ, на извѣстныхъ намъ рельефахъ нѣтъ.

Послѣ указанныхъ аналогій не можетъ быть сомнѣнія въ зависимости лондонскаго диска и аналогичныхъ съ нимъ рельефовъ отъ одного общаго имъ всѣмъ оригинала.

Въ описаніи украшеній трона Зевса Олимпійскаго Павсаній (V, 11, 2), между прочимъ, сообщаетъ: τῶν ποδῶν δὲ ἑκατέρῳ τῶν ἔμπροσθεν παῖδές τε ἐπίκεινται Θηβαίων ὑπὸ σφιγγῶν ἡρπασμένοι, καὶ ὑπὸ τὰς σφίγγας Νιόβης τοὺς παῖδας Ἀπόλλων κατατοξεύουσι καὶ Ἄρτεμις. Какъ представлена была гибель дѣтей Ніобы, Павсаній не сообщаетъ; однако, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что композиція въ данномъ случаѣ развертывалась въ видѣ фриза и что она раздѣлена была на двѣ части, соотвѣтственно правому и лѣвому крыльямъ трона; вѣроятно, какъ думалъ уже Штаркъ (*Niobe*, 110 сл.), на одной сторонѣ былъ представленъ Аполлонъ, на другой—Артемида [1]).

[1]) „Ob nun auf der einen Seite, замѣчаетъ Штаркъ, nur die Söhne, auf der andern die Töchter dargestellt waren, ist nicht sicher zu sagen; doch wahrscheinlich gewählt war der Moment der Vernichtung selbst, nicht ein vorausgehender oder die Todesruhe der geschehenen That“. Была ли здѣсь изображена Ніоба, объ этомъ спорятъ. Штаркъ считалъ ея присутствіе „вѣроятнымъ“. По мнѣнію Гейдемана (*Berichte*, 1877, 83 [32]), Ніоба была изображена „auf der Seite der Töchter, während auf der Seite der Knaben als Gegenstück etwa Amphion angebracht war; doch ist dies nicht sicher und könnten möglicherweise dort nur Artemis und die Töchter,

Фуртвенглеръ (*Meisterwerke*, 68 сл.) думаетъ, что въ тѣхъ рельефахъ, которые разсмотрѣны были выше, сохранились „извлеченія“ изъ композиціи, украшавшей нѣкогда тронъ Зевса Олимпійскаго. Онъ обращаетъ вниманіе, главнымъ образомъ, на способъ трактовки женскихъ одеждъ на рельефахъ и ихъ стилизацію, на общій стиль головъ и туловищъ и, наконецъ, на общій характеръ „мотивовъ“; все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на „аттическій оригиналъ эпохи Фидія“. Фуртвенглеръ идетъ далѣе и думаетъ, что въ основѣ этихъ рельефовъ лежитъ именно произведеніе самого Фидія, такъ какъ, по его словамъ, одна изъ фигуръ на рельефахъ, въ ея „смѣломъ и своеобразномъ мотивѣ“, вполнѣ точно соотвѣтствуетъ одной изъ фигуръ на щитѣ статуи Аѳины Дѣвы: это—та фигура сына Ніобы, которая изображена на рельефѣ Кампана третьей слѣва („der von oben rücklings über einen Felsen herabgestürzte Niobide, dessen Hände über dem nach unten gekehrten Kopfe zusammenschlagen, während die Beine in den Knieen gebogen noch oben an einer Felsspitze sich halten“); такая же фигура находится на рельефѣ щита Аѳины Дѣвы, только тамъ представлена амазонка въ короткомъ хитонѣ [1]). Но такъ какъ, замѣчаетъ Фуртвенглеръ, на рельефахъ сохранились только „извлеченія“, то, поэтому, первоначальное расположеніе деталей на оригиналѣ остается сомнительнымъ; можно только допустить, что композиція была „friesartig, da die Gottheiten gerade aus schiessen“ [2]).

Принадлежала ли композиція украшеній трона Зевса Олимпійскаго самому Фидію, или кому-либо изъ его учениковъ, это, разумѣется, навсегда останется вопросомъ. Зауэръ (l. c. III, 405), напримѣръ, думаетъ, что стиль рельефовъ, являющихся отзвуками композиціи на тронѣ, для самого Фидія былъ бы „etwas zu vorgeschritten“, и находитъ въ нихъ стиль Колота, сотрудника Фидія по украшенію трона; надо, впрочемъ, замѣтить, что Колотъ, какъ художникъ, остается для насъ личностью довольно-таки неопредѣленною. Поэтому, казалось бы, безполезно идти слишкомъ далеко въ опредѣленіи имени того художника, которому принадлежала композиція гибели дѣтей Ніобы

hier nur Apollon und die Söhne dargestellt gewesen sein“. Рѣшительно возстаетъ противъ присутствія Ніобы Sauer l. c. III, 402 сл., такъ какъ „die Heroine hätte ein Gegenstück verlangt, das weder der für Sage bedeutungslose Amphion noch der erst von der Tragödie eingeführte Pädagog sein konnte“. Предполагать изображеніе гибели дѣтей Ніобы безъ присутствія ея самой было бы странно; съ другой стороны, справедливо и замѣчаніе Зауэра, что въ такомъ случаѣ ей должна была соотвѣтствовать въ композиціи фигура Амфіона или педагога. Почему Зауэръ считаетъ Амфіона не имѣющимъ значенія въ сказаніи о Ніобѣ, для насъ непонятно: вѣдь уже у Эсхила Амфіонъ упоминается какъ супругъ Ніобы (*Trag. Gr. Fr.* rec. Nauck [2], fr. 160). Противъ присутствія Ніобы говорило бы то, что на перечисленныхъ выше рельефахъ ея нѣтъ; но не забудемъ, что даже наилучше изъ нихъ сохранившійся (рельефъ Кампана), какъ сказано выше, представляетъ лишь часть болѣе обширной композиціи; если бы исходить изъ него, то пришлось бы отрицать даже присутствіе въ общей композиціи Аполлона и Артемиды. Въ пользу присутствія Ніобы говорило бы, во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что ее мы находимъ изображенною на древнѣйшемъ памятникѣ, иллюстрирующемъ гибель дѣтей Ніобы: это т. н. этрусская амфора, найденная въ Вульчи (теперь въ Museo Municipale въ Корнето), изданная въ *Ant. Denkmäler*, I, 22 (у насъ виньетка на первой страницѣ). Подобная же амфора, но сильно переписанная, въ Луврѣ, см. Thiersch, „*Tyrrhenische*“ *Amphoren*, Leipzig, 1899, Anhang, p. 159, № 45.

[1]) A. H. Smith, *A catalogue of sculpture, British Museum,* London, 1892, I, № 302. Я могъ бы указать также еще и на то, что фигура сына (2-ая) во второмъ ряду на лондонскомъ дискѣ, по позѣ, напоминаетъ одну изъ фигуръ амазонокъ (справа отъ головы Горгоны) на щитѣ Strangford.

[2]) По поводу композиціи указанной выше (стр. 36) геммы Фуртвенглеръ (*Die antiken Gemmen,* II, 180) замѣчаетъ: diese wunderbare Komposition von ergreifender Schönheit geht wahrscheinlich auf Phidias zurück.

на тронѣ Олимпійскаго Зевса; безопаснѣе ограничиться лишь подтвержденіемъ того, что оригиналъ разсмотрѣнныхъ нами рельефовъ восходитъ, во всякомъ случаѣ, къ школѣ Фидія (ср. Amelung, *Führer*, 116), что композиція этого оригинала, выражаясь словами Фуртвенглера, была „живописнаго характера" и что отдѣльные „мотивы" этой композиціи были „свободны и красивы" („von der vollendesten Freiheit und Schönheit") [1]).

Рис. 47.

[1]) Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть, что, по мнѣнію Мильхгёфера (*Jahrb. d. Inst.* I (1886) 214 сл.), раздѣляемому В. К. Мальмбергомъ (*Метопы древне-греческихъ храмовъ*, Дерптъ, 1892, 118 сл.), гибель дѣтей Ніобы была представлена на среднихъ метопахъ южной стороны Пареенона. Такъ ли это или нѣтъ, сказать трудно на основаніи сохранившихся лишь рисунковъ этихъ метопъ (Omont, *Athènes au XVII siècle*, Paris, 1898, pl. V, VI). Изъ 9 рисунковъ метопъ въ пользу предположенія Мильхгёфера говорили бы метопы XIV, XVI, XVIII, пожалуй, XXI, гдѣ фигуры представлены въ извѣстномъ движеніи. — Недавно Фуртвенглеръ въ своей статьѣ „Ueber zwei griechische Originalstatuen in der Glyptothek Ny Carlsberg zu Kopenhagen" (*Sitzungsber. d. Bayer. Akad.* 1899, 279 сл.) съ полною убѣдительностью доказалъ, что двѣ статуи глиптотеки Ny Carlsberg (№№ 42 и 257 по каталогу Якобсена, Det gamle Glyptothek paa Ny Carlsberg, 1898), изданныя Арндтомъ (*La Glyptothèque Ny Carlsberg*, табл. 51, 52 и 38, 39, 40) представляютъ „остатки" фронтонныхъ группъ, сюжетомъ которыхъ служила также гибель дѣтей Ніобы. Статуи относятся къ половинѣ V в. и по стилю примыкаютъ, ближайшимъ образомъ, къ скульптурамъ т. н. Өисіона. Одна изъ копенгагенскихъ статуй представляетъ лежащаго навзничь раненаго сына Ніобы, другая—дочь Ніобы, спасающуюся отъ гибели и защищающуюся одеждою отъ стрѣлъ (на принадлежность этой фигуры къ фронтонной композиціи ранѣе Фуртвенглера указалъ Робертъ, *Die Knöchelspielerinnen des Alexandros.* XXI Hall. Winckelmannsprogr. 1897, Excurs II). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вѣроятно предположеніе Фуртвенглера о принадлежности копенгагенскихъ статуй къ одному изъ фронтоновъ именно „Өисіона", равно какъ и о томъ, относятся ли онѣ къ „школѣ Кресила", мы должны согласиться съ тѣмъ, что художникъ, исполнившій ихъ, совершенно иного характера и направленія, чѣмъ Фидій (стр. 286); помимо замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ счетъ Фуртвенглеромъ, стоитъ сравнить композиціи копенгагенскихъ фигуръ съ соотвѣтствующими имъ, по замыслу, фигурами рельефа Кампана и др., чтобы убѣдиться въ полномъ различіи тѣхъ и другихъ; копенгагенскія фигуры неподвижны и тяжелы. Не лишено значенія, поэтому, замѣчаніе Роберта (стр. 33), что копенгагенскія статуи — продуктъ „одного изъ тѣхъ художественныхъ направленій, которыя господствовали въ V в., наряду съ аттическимъ и пелопоннисскимъ искусствомъ, als Unströmungen".

Живописный характеръ рельефовъ, служащихъ отзвуками одной изъ композицій трона Зевса Олимпійскаго, настолько является опредѣленнымъ, что Гаузеръ *(Die neu-attischen Reliefs*, 73 сл.) предполагаетъ даже считать оригиналомъ ихъ какое-либо живописное произведеніе; Гаузеръ находитъ, что ближайшее сходство съ рельефами представляютъ тѣ памятники вазовой живописи, которые стоятъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусства Полигнота.

Такъ, на извѣстномъ кратерѣ изъ Орвіето *(Mon. d. Inst.* X, 40, рис. 47) гибель дѣтей Ніобы изображена такъ: мѣсто дѣйствія—горный хребетъ; одинъ изъ сыновей и одна изъ дочерей лежатъ мертвые: другой сынъ, преклонившій правое колѣно, силится извлечь стрѣлу изъ груди, обративъ взоръ на брата, который пораженъ стрѣлою во время бѣгства и съ жестомъ отчаянія протягиваетъ впередъ правую руку. Аполлонъ собирается пустить новую стрѣлу, Артемида вынимаетъ правою рукою стрѣлу изъ колчана, въ лѣвой рукѣ держа лукъ. Несомнѣнно, картина на

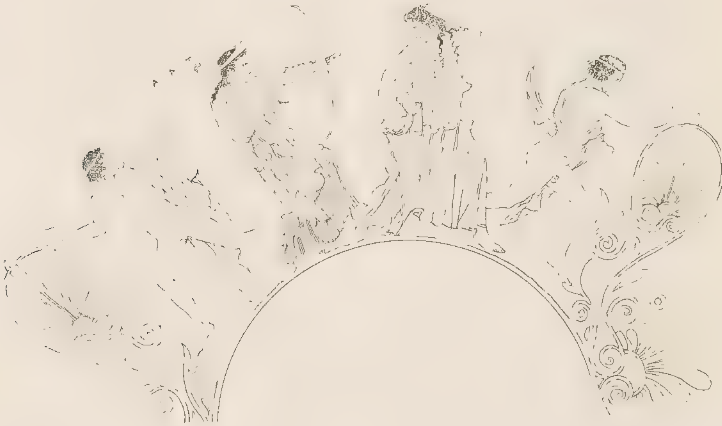

Рис. 48.

кратерѣ изъ Орвіето служитъ отзвукомъ какой-нибудь большой композиціи, гдѣ представлена была гибель дѣтей Ніобы въ болѣе распространенномъ видѣ; на это, какъ замѣтилъ Робертъ *(Ann. d. Inst.* 1882, 287), указываетъ стрѣла, уходящая въ почву, которая, сама по себѣ, не имѣла бы значенія, если бы мастеръ кратера не хотѣлъ этимъ указать на то, что на его оригиналѣ, кромѣ пораженныхъ дѣтей Ніобы, были представлены еще не пораженныя, спасающіяся бѣгствомъ. Самый оригиналъ Робертъ *(Die Nekyia des Polygnot.* XVI Hall. Winckelmannsprogr. 1892, 39, ср. Sauer, l. c. III, 399) предполагаетъ въ родѣ тѣхъ композицій, которыми Полигнотъ украсилъ Дельфійскую Лесху и Аѳинскую στοὰ ποικίλη.

Болѣе ремесленнымъ характеромъ отличается изображеніе гибели дѣтей Ніобы на киликѣ изъ Вульчи въ Британскомъ музеѣ E 81 (C. Smith, *Catalogue of the greek and etruscan vases in the British Museum*, Lond. 1896, III, 107 сл.; изданъ Гейдеманомъ въ *Berichte*, 1875, III,

a. b = рис. 48. 48a [1]). Здѣсь изображенія находятся на обѣихъ внѣшнихъ сторонахъ вазы. На одной представленъ Аполлонъ въ центрѣ, поражающій изъ лука стремительно бѣгущую дочь; по сторонамъ этой сцены изображены сынъ и дочь, также бѣгущіе въ ужасѣ. На другой сторонѣ килика Артемида поражаетъ дочь, а по сторонамъ—два стремительно бѣгущихъ сына [2]). По замѣчанію Зауэра (l. c. III, 399), на обѣихъ картинахъ дано только представленіе о первоначальномъ испугѣ, стрѣлы еще не пущены, и „только знакомый съ преданіемъ знаетъ, что всѣ эти бѣгущія лица обречены на смерть". Но что и композиціи на киликѣ Британскаго музея скомпанованы по какому-нибудь знаменитому оригиналу, въ этомъ едва-ли есть основаніе сомнѣваться (ср. Б. В. Фармаковскій, *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.* X, вып. 3 и 4, 117): на это указываетъ и хорошо переданное движеніе фигуръ и живописный характеръ драпировокъ.

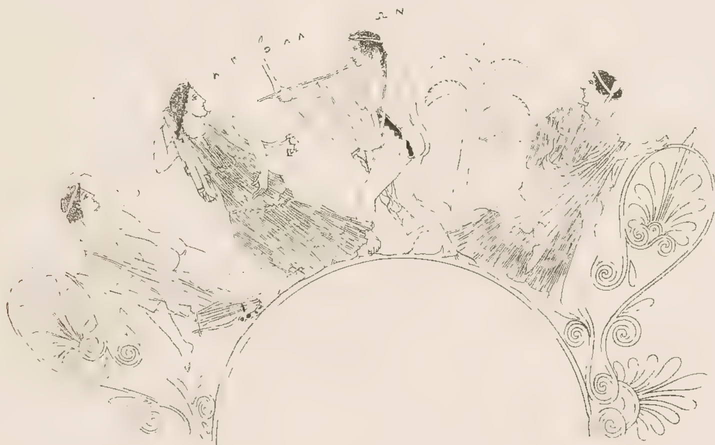

Рис. 48а.

Восходятъ ли изображенія гибели дѣтей Ніобы на кратерѣ изъ Орвіето и на киликѣ изъ Вульчи къ искусству именно самого Полигнота, сказать затрудняемся, такъ какъ въ числѣ произведеній Полигнота намъ не извѣстно такое, сюжетъ котораго былъ бы посвященъ изображенію гибели дѣтей Ніобы [3]). За то нельзя не отмѣтить, что изображенія на обѣихъ вазахъ, по общему характеру,

[1]) По замѣчанію Грэфа (*Jahrb. d. Inst.* XIII, (1898), 66) этотъ киликъ того же стиля, что и извѣстная „Kodrosschale", которая относится прибл. къ срединѣ V в. См. Furtwängler u. Reichhold, *Griechische Vasenmalerei*, München, 1900, Text, 36².

[2]) Въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній Британскаго музея имѣется лекиѳъ аѳинской работы средины V вѣка съ изображеніемъ Артемиды, стрѣляющей изъ лука, напоминающемъ изображеніе богини на киликѣ изъ Вульчи (The Third Vase Room, Case 59).

[3]) Зауэръ (l. c. III, 397) идетъ, быть можетъ, слишкомъ далеко, утверждая даже, что „es ist schwer zu glauben, dass die Megalographie Polygnots und der Seinen... den Untergang der Niobiden in Abwesenheit der Mutter dargestellt haben sollte; es wird wenigstens nicht ausgeschlossen sein, dass die beiden aus diesem Kunstkreise erhaltenen Bilder schon Abkürzungen umfangreicherer Scenen darbieten, in denen Niobe nicht fehlte".

близки къ тѣмъ рельефнымъ композиціямъ, о которыхъ рѣчь была выше. Близость эту, разумѣется, можно понимать лишь въ относительномъ смыслѣ, принимая во вниманіе техническое различіе обѣихъ группъ памятниковъ. Близость эта сказывается, главнымъ образомъ, въ той „живописности" отдѣльныхъ фигуръ рельефовъ, на которую было неоднократно указываемо выше. Въ этомъ отношеніи можно было бы отмѣтить близкія по основному мотиву позы лежащихъ дѣтей на кратерѣ изъ Орвіето, на рельефѣ Кампана и на лондонскомъ дискѣ; равнымъ образомъ, движенія и драпировки

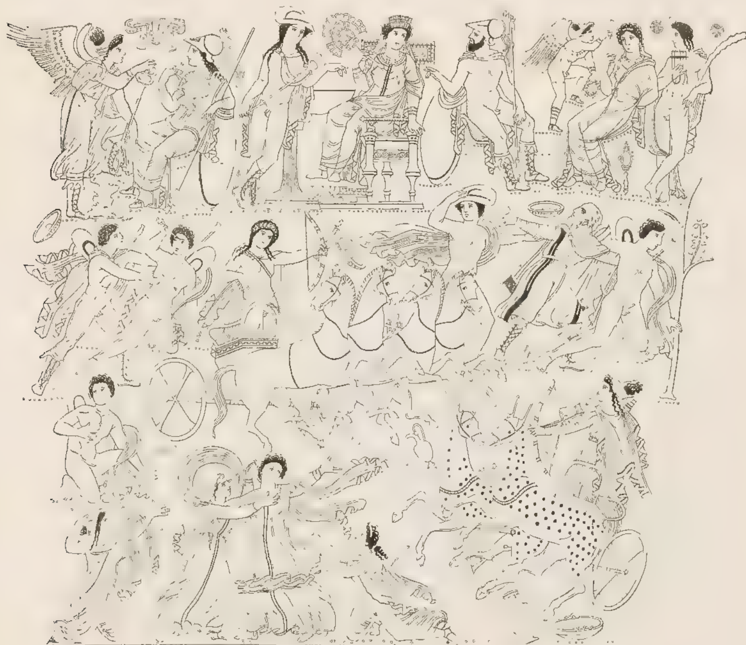

Рис. 49.

фигуръ на киликѣ изъ Вульчи напоминаютъ, по сходству мотивовъ, таковыя же на рельефахъ. Удивительнаго въ этомъ ничего быть не можетъ, такъ какъ теперь все болѣе и болѣе выясняется взаимодѣйствіе скульптуры и живописи въ эпоху расцвѣта аттическаго искусства V в., и если говорятъ, что въ искусствѣ Фидія и его школы сказывается во многихъ случаяхъ вліяніе живописи V в., то не въ правѣ ли мы предполагать и обратное, по крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ ремесла [1]).

[1]) Зауэръ (l. c. III, 402) замѣчаетъ, что, быть можетъ, рельефы трона Зевса напоминали картины килика Британскаго музея. Но можетъ быть и насборотъ.

Живописныя изображенія гибели дѣтей Ніобы въ IV вѣкѣ также стоятъ подъ вліяніемъ великихъ образцовъ искусства предшествующаго столѣтія, хотя, въ данномъ случаѣ, приходится считаться скорѣе съ реминисценціями, нежели съ непосредственнымъ вліяніемъ; съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Зауэръ (l. c. III, 406), нужно принимать въ разсчетъ и то вліяніе „искусства сцены“, какое замѣчается въ вазовой живописи IV в. На амфорѣ изъ Руво въ собраніи Ятта (Stark, *Niobe* II=рис. 49) изображеніе гибели дѣтей Ніобы дано въ трехъ полосахъ: въ средней полосѣ Аполлонъ, на колесницѣ, запряженной четверкою лошадей, держитъ въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы; передъ нимъ и за нимъ изображены четыре сына; изъ нихъ одного, упавшаго на лѣвое колѣно, поддерживаетъ педагогъ, въ ужасѣ смотрящій въ сторону Аполлона и про-

Рис. 50.

стирающій по направленію къ нему правую руку; по другую сторону педагога сынъ, въ развѣвающейся одеждѣ, протягиваетъ лѣвую руку впередъ, а правою хватается за голову. За Аполлономъ изображены два брата, изъ которыхъ одинъ, въ развѣвающейся одеждѣ, спѣшитъ на помощь къ другому, раненому, склонившемуся на лѣвое колѣно. Пятый сынъ, изображенный раненымъ въ грудь и припавшимъ на правое колѣно, служитъ какъ бы переходомъ къ нижней полосѣ, гдѣ, справа

отъ зрителя, представлена на парной колесницѣ Артемида, натянувшая лукъ. Ніоба простираетъ лѣвую руку къ богинѣ, а правою охватываетъ дочь, прибѣгающую къ ея защитѣ; по обѣимъ сторонамъ этой группы двѣ колѣнопреклоненныя дочери, раненыя, съ жестомъ отчаянія обращаются къ матери [1]).

Подъ вліяніемъ же искусства V в. стоятъ и два одиночныхъ памятника IV вѣка, представляющіе, надо полагать, части обширной композиціи: 1) помпеянская картина, написанная на мраморѣ (издана въ краскахъ въ *Giorn. d scavi.* N. S. II, табл. 9=рис. 50), гдѣ мы видимъ Ніобу, прижимающую къ себѣ младшую дочь, и другую пожилую женскую фигуру, изъ рукъ которой выскользаетъ на землю другая дочь (ея фигура сохранилась плохо),—несомнѣнно, кормилицу, и 2) прекрасная бронзовая фигура одной изъ дочерей Ніобы въ бывшемъ собраніи Аѳинскаго

Рис. 51.

[1]) На верхней полосѣ вазы изображены такъ называемые zuschauende Götter, не имѣющіе ближайшаго отношенія къ главному сюжету, за исключеніемъ центральной фигуры на тронѣ, если это Латона, какъ думаютъ Гейдеманъ (*Berichte*, 1875, 218) и Зауэръ (l. c. III, 407) а не Гера, какъ думаютъ Штаркъ (*Niobe*, 153) и Блохъ (*Zuschauende Götter*, 17; цитирую по Зауэру).

Археологическаго Общества, теперь въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (de Ridder, *Catalogue des bronzes de la Société Archéologique d'Athènes,* Paris, 1894, № 920, табл. V), изданная Поттье (*Bull. de corr. hell.* IV (1880), II) и Гейдеманомъ (*Berichte*, 1883, I=рис. 51); дѣвушка представлена падающею, съ склонившеюся головою; сохранилась и часть руки поддерживающаго ее брата. Разумѣется, въ этихъ памятникахъ сказалось и нѣчто новое, чего мы для искусства V вѣка предполагать не можемъ, напримѣръ, слишкомъ экспрессивно выраженный драматизмъ въ позѣ Ніобы на помпеянской картинѣ, или излишняя, быть можетъ, манерность въ позѣ склоняющейся дѣвушки на бронзовой фигурѣ.

V.

Теперь обратимся къ пантикапейскимъ фигурамъ и посмотримъ, въ какой степени зависимости онѣ стоятъ къ разобраннымъ выше рельефамъ съ изображеніемъ гибели дѣтей Ніобы. Искать между тѣми и другими абсолютно полныхъ аналогій едва-ли было бы основательно: при сравненіи необходимо принять въ разсчетъ, прежде всего, различныя условія обработки фигуръ въ мраморѣ и глинѣ; затѣмъ нельзя забывать и различной формы памятниковъ,—съ одной стороны связная композиція въ рельефѣ, съ другой—одиночныя фигуры, предназначенныя занять опредѣленное для нихъ пространство на саркофагѣ; наконецъ, не лишне считаться, быть можетъ, и съ индивидуальностью пантикапейскихъ мастеровъ, которые, въ силу приведенныхъ соображеній, могли только подражать тому или другому оригиналу, а не рабски копировать его.

Начну съ указанія на то, что среди дошедшихъ до насъ пантикапейскихъ фигуръ нѣтъ ни одной, которая представляла бы сына или дочь Ніобы въ положеніи фигуры лежащей, въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ на рельефѣ Кампана или на лондонскомъ дискѣ. Отсутствіе такихъ лежащихъ фигуръ среди пантикапейскихъ терракоттъ вполнѣ понятно: мастеръ былъ ограниченъ опредѣленнымъ мѣстомъ на поверхности саркофага, и это мѣсто онъ долженъ былъ заполнить тою или другою фигурою; высота же этого мѣста превосходила ширину, и, слѣдовательно, если бы мастеръ пожелалъ воспроизвести лежащую фигуру, то ему пришлось бы помѣстить ее въ необычномъ положеніи, подобно тому, какъ это мы видимъ въ третьемъ ряду лондонскаго диска.

Далѣе, среди пантикапейскихъ фигуръ есть такія (напр., кормилица, отецъ съ сыномъ), которыхъ мы не находимъ на рельефахъ; это можно объяснить или тѣмъ, что пантикапейскій мастеръ ввелъ отмѣченныя фигуры ради заполненія всѣхъ имѣвшихся у него мѣстъ на поверхности саркофага, или, что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, отсутствіе подобныхъ фигуръ на рельефахъ объясняется неполнотою имѣющагося у насъ для сравненія матеріала: не забудемъ, что всѣ рельефы дошли до насъ не цѣликомъ, а въ болѣе или менѣе значительныхъ фрагментахъ. Что фигура кормилицы введена была въ композицію гибели дѣтей Ніобы уже, по крайней мѣрѣ, въ IV вѣкѣ, это доказываетъ помпеянская картина на мраморѣ [1]).

Если взять нѣкоторыя отдѣльныя пантикапейскія фигуры и сравнить ихъ съ соотвѣтствующими фигурами на рельефахъ, то, какъ я замѣтилъ выше, полныхъ аналогій мы не встрѣтимъ, но аналогіи близкія найдемъ. Напримѣръ: 1) фигура сына Ніобы, хватающагося за затылокъ, въ развѣвающемся сзади плащѣ (табл. I), напоминаетъ фигуру сына на Болонскомъ рельефѣ, только на послѣднемъ фигура дана съ задней стороны; 2) сына Ніобы, упавшаго на колѣна и хватающагося правою рукою за затылокъ (рис. 6), можно сравнить съ соотвѣтствующею фигурою на рельефахъ

[1]) Кстати: поза кормилицы на Мюнхенскомъ саркофагѣ вполнѣ аналогична ея позѣ на помпеянской картинѣ, въ чемъ легко убѣдится каждый, сравнивъ рисунки обоихъ памятниковъ.

Кампана (4-ая фигура), Albani, Colonna, Кирхеріанскомъ и на лондонскомъ дискѣ (1-ая фигура третьяго ряда); 3) фигура сына, упавшаго на колѣна, съ склоненною головою и прижатою къ груди правою рукою (рис. 7), напоминаетъ соотвѣтствующую ей фигуру на рельефахъ Milani, болонскомъ, въ Катаніи и на лондонскомъ дискѣ (4-ая фигура второго ряда); 4) фигуру дочери съ протянутой въ сторону правою рукою (рис. 11) ср. съ соотвѣтствующей ей фигурою на рельефѣ Milani и на лондонскомъ дискѣ (третій рядъ); 5) берлинская фигура (рис. 17) напоминаетъ фигуру дочери на лондонскомъ дискѣ, помѣщенную надъ педагогомъ; на фигурѣ диска измѣнено только положеніе рукъ.

Опасаясь зайти слишкомъ далеко на небезопасной иногда почвѣ сравненія разнородныхъ памятниковъ, я считаю цѣлесообразнымъ приведенными примѣрами и ограничиться. Скажутъ—этихъ примѣровъ слишкомъ мало, чтобы можно было утверждать сходство пантикапейскихъ фигуръ съ фигурами рельефовъ. Но дѣло, разумѣется, въ данномъ случаѣ не въ сходствѣ каждой отдѣльно взятой детали, а въ сходствѣ общаго характера. Этотъ же послѣдній сказывается, на обѣихъ группахъ памятниковъ, въ одинаково переданныхъ мотивахъ движенія и особенно въ стилѣ трактовки одеждъ, которыя какъ на пантикапейскихъ фигурахъ, такъ и на фигурахъ рельефовъ, исполнены въ высокой степени живописно. Трудно допустить, чтобы пантикапейскіе мастера, при ихъ неумѣніи изображать лицо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и фигуру, самолично дошли бы до такой виртуозности въ способѣ изображенія драпировокъ, какую мы видимъ, напримѣръ, на фигурахъ табл. I, рис. 2, 5, 11, 12, 13, 14; равнымъ образомъ, трудно представить, какъ удалось пантикапейскимъ мастерамъ, при ихъ недостаткахъ какъ художниковъ, изобразить фигуры въ такихъ разнообразныхъ, иногда очень удачно выраженныхъ, позахъ, какія мы находимъ на фигурахъ табл. II, рис. 2, 3, 4, 7, 15, 17 и т. д. Вѣроятнѣе всего, пантикапейскіе мастера слѣдовали въ данномъ случаѣ какимъ-нибудь образцамъ изъ области монументальнаго искусства. Передать вполнѣ точно эти образцы было не въ силахъ простыхъ пантикапейскихъ ремесленниковъ; они только старались, насколько это было возможно, къ нимъ приблизиться; при ихъ техническомъ несовершенствѣ, какъ художниковъ, при тѣхъ средствахъ, какія были въ ихъ распоряженіи, наконецъ, при тѣхъ условіяхъ работы, въ какія они были поставлены, трудно было бы и ожидать, чтобы пантикапейскіе мастера сумѣли перенести на свои ремесленныя издѣлія детали оригинала; они должны были ограничиться тѣмъ, чтобы схватить его общій характеръ.

Такимъ оригиналомъ, какъ это ясно изъ вышеприведенныхъ соображеній, мы въ правѣ считать рельефы „гибель дѣтей Ніобы“ на тронѣ Зевса Олимпійскаго, если не работы самого Фидія, то, по крайней мѣрѣ, вышедшіе изъ его школы. Были ли вдохновлены пантикапейскіе мастера этимъ знаменитымъ въ древности памятникомъ непосредственно, этого мы сказать не рѣшаемся; скорѣе всего нужно предполагать, что они имѣли подъ руками какіе-нибудь „Vorlegeblätter“, которые были въ ходу въ позднемъ греческомъ искусствѣ и которые заключали въ себѣ готовые образцы, скомпанованные по великимъ произведеніямъ менументальнаго искусства V вѣка [1]). Что съ этимъ послѣднимъ пантикапейскія фигуры стоятъ въ связи, хотя бы и отдаленной, доказываетъ и ихъ сходство, понимаемое, конечно, относительно, съ фигурами вазовой живописи, сходство,

[1]) Такого же рода „Vorlegeblätter“ имѣли передъ собою, надо полагать, и мастера, дѣлавшіе рельефы на римскихъ саркофагахъ, сходство фигуръ которыхъ съ пантикапейскими памятниками отмѣчено было выше.

сказывающееся не только въ общемъ характерѣ трактовки одеждъ, но даже въ отдѣльныхъ мотивахъ движенія [1]).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему результату: въ пантикапейскихъ фигурахъ, иллюстрирующихъ преданіе о гибели дѣтей Ніобы, сохранились отзвуки тѣхъ монументальныхъ композицій на тотъ же сюжетъ, какія выработало аттическое искусство V вѣка какъ въ скульптурѣ (доказательствомъ чего служатъ рельефы трона Зевса Олимпійскаго), такъ, быть можетъ, и въ живописи (послѣднее опредѣленно сказать нельзя). Отзвуки эти сказываются, главнымъ образомъ, въ живописномъ характерѣ исполненія пантикапейскихъ фигуръ, выражающемся какъ въ передачѣ движеній, такъ, и особенно, въ мотивахъ драпировокъ. Пантикапейскіе мастера подошли къ своему оригиналу не непосредственно, а, надо полагать, при помощи какихъ-либо ходячихъ художественныхъ пособій. Нѣкоторыя детали оригинала, возможно, переданы въ пантикапейскихъ фигурахъ довольно близко, другія — въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Что касается того, насколько точно была передана въ размѣщеніи пантикапейскихъ фигуръ самая композиція оригинала, то на это мы должны отвѣтить полнымъ незнаніемъ: 1) и композиція оригинала утрачена, и 2) расположеніе фигуръ на саркофагахъ остается неизвѣстнымъ. Скорѣе, однако, можно думать, что въ этомъ отношеніи пантикапейскіе мастера, связанные извѣстными условіями при работѣ, не были въ состояніи, еслибы даже и желали, воспроизвести общую схему композиціи вполнѣ точно, а располагали отдѣльныя фигуры въ отведенныхъ для нихъ мѣстахъ на саркофагѣ болѣе или менѣе произвольно.

Еслибы предположеніе наше о томъ, что пантикапейскія фигуры восходятъ, mutatis mutandis, къ рельефамъ трона Зевса Олимпійскаго, показалось слишкомъ рискованнымъ, то въ одномъ, надо надѣяться, читатель согласится съ нами: что въ отдѣльныхъ пантикапейскихъ фигурахъ сказывается, во всякомъ случаѣ, вліяніе монументальныхъ композицій V вѣка, какъ относительно изображенія нѣкоторыхъ позъ, такъ и относительно способа передачи драпировокъ. Изучая минувшимъ лѣтомъ памятники Британскаго музея, я невольно обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя фигуры на рельефахъ Фигалійскаго фриза представляютъ извѣстное, въ томъ или другомъ отношеніи, сходство съ наилучшими изъ фигуръ пантикапейскихъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами такого относительнаго сходства: 1) пантикапейская фигура 5 (табл. I) и плиты фризы 529, 534 (по каталогу A. H. Smith'a)— сходство въ передачѣ драпировокъ; 2) пантикапейская фигура 12 (табл. II) и плита фриза 533— сходство позъ; 3) пантикапейская фигура 7 (рис. 6) и плита фриза 536—сходство позъ; 4) пантикапейская фигура 13 (рис. 11) и плита фриза 530—сходство драпировокъ; 5) пантикапейская фигура 4 (рис. 4) и плита фриза 531—сходство позъ. Кѣмъ бы ни были составлены модели рельефовъ Фигалійскаго фриза, на немъ, несомнѣнно, сказывается вліяніе аттическаго монументальнаго искусства второй половины V в. [2]). И въ этомъ отношеніи фигалійскіе рельефы представляютъ интересъ при сравненіи ихъ съ пантикапейскими фигурами.

[1]) Ср., напр., фигуру дочери Ніобы рис. 12 съ фигурою одной изъ дочерей на киликѣ (послѣдняя фигура справа) или фигуру дочери рис. 11 съ фигурою дочери около Аполлона и т. д. Точно также сходны, по мотивамъ движенія и драпировокъ, наши пантикапейскія фигуры съ отдѣльными фигурами вазы изъ Руво: ср. фигуры педагоговъ на вазѣ и табл. III, колѣнопреклоненныя фигуры сыновей на вазѣ и рис. 7, крайнюю фигуру дочери на вазѣ и табл. II и пр.

[2]) Ср. A. H. Smith, *Catalogue*, I, 279 сл.

Въ заключенiе слѣдовало-бы коснуться и того вопроса, какъ отнеслись пантикапейскiе мастера, при обработкѣ фигуръ, къ литературной традицiи о гибели дѣтей Нiобы. Къ сожалѣнiю, отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ не въ нашихъ силахъ, такъ какъ, приходится это повторить, самая композицiя въ расположенiи фигуръ на саркофагахъ для насъ утрачена. Къ тому же и наиболѣе обстоятельный изводъ традицiи о гибели дѣтей Нiобы въ литературѣ восходитъ лишь къ александрiйской эпохѣ и дошелъ до насъ въ поэтическомъ описанiи въ „Превращенiяхъ" Овидiя (Enmann, l. c. III, 381 сл.). Болѣе ранняя обработка сказанiя извѣстна намъ лишь въ отрывочномъ видѣ и въ подробностяхъ возстановлена быть не можетъ. Если на пантикапейскихъ саркофагахъ было изображено 14 дѣтей Нiобы, то, въ такомъ случаѣ, мастера фигуръ въ опредѣленiи числа дѣтей Нiобы слѣдовали наиболѣе распространенной версiи сказанiя, первымъ представителемъ которой является Эсхилъ въ сохранившихся до насъ ничтожныхъ отрывкахъ его трагедiи „Нiоба", которому слѣдовалъ Еврипидъ (Enmann, l. c. 374 сл.) [1]). Указано было на то, что уже у Эсхила Амфiонъ является супругомъ Нiобы; изображенiе его мы находимъ и среди пантикапейскихъ фигуръ, равно какъ и изображенiе педагога, введеннаго, по замѣчанiю Зауэра, впервые трагиками. Но вообще судить о степени зависимости пантикапейскихъ мастеровъ отъ литературной традицiи представляется намъ дѣломъ довольно безплоднымъ: врядъ ли пантикапейскiе ремесленники, изготовлявшiе фигуры en masse, имѣли возможность и разумѣнiе считаться при этомъ и съ литературной традицiей того сюжета, который они изображали. Проще думать, что у нихъ, какъ сказано выше, были подъ руками болѣе или менѣе готовыя схемы, гдѣ сказанiе о гибели дѣтей Нiобы представлено было въ томъ видѣ, какъ оно примѣрно установилось въ аттической литературѣ и искусствѣ второй половины V вѣка.

---

[1]) Приходится сожалѣть о совершенной почти утратѣ „Нiобы" Софокла, такъ какъ въ этой трагедiи гибель дѣтей была представлена на сценѣ и, слѣдовательно, сохранись эта трагедiя, мы имѣли бы возможность судить о степени зависимости композицiи рельефовъ трона Зевса Олимпiйскаго отъ драматическаго искусства того времени. О найденныхъ недавно отрывкахъ папирусовъ изъ „Нiобы" Софокла см. въ статьѣ Бласса: *Vermischtes zu den griechischen Lyrikern und aus Papyri* въ *Rhein. Mus.* LV (1900), 96 сл.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Издаваемыя ниже глиняныя фигуры дѣтей Ніобы происходятъ изъ Fasano (Gnathia) въ южной Италіи. Онѣ открыты были, 50 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, Минервини въ собраніи Barone въ Неаполѣ; Минервини издалъ шесть фигуръ въ *Bull. arch. napoletano*, V (Napoli, 1843), табл. III, стр. 49 сл., откуда онѣ были переизданы Штаркомъ (*Niobe*, VIII). Въ

Рис. 52.

Рис. 53.

1868 году фигуры были пріобрѣтены въ Вѣну и хранятся въ настоящее время въ K. K. Oesterreich. Museum für Kunst und Industrie. Подробное описаніе ихъ дано Маснеромъ въ „*Sammlung antiker Vasen und Terracotten*" музея (Wien, 1892), стр. 90 сл., №№ 860—876.

Исполненіе фигуръ—поверхностное и отчасти грубое; къ тому же онѣ сильно реставрированы [1]). Отъ краски, покрывавшей нѣкогда фигуры, сохранился лишь верхній бѣлый слой.

Всего фигуръ сохранилось 16, въ томъ числѣ только одна группа (Masner, 872= рис. 52), изображающая бородатаго раба, поддерживающаго мертваго юношу [2]).

Фигуръ сыновей имѣется шесть:

1) Сынъ, бѣгущій вправо, повернувъ голову, съ поднятой правой рукою и протянутой въ сторону лѣвой (Masner, 860. *Bull. Napol.* III, 1=Stark, *Niobe*, VIII, 1, рис. 53).

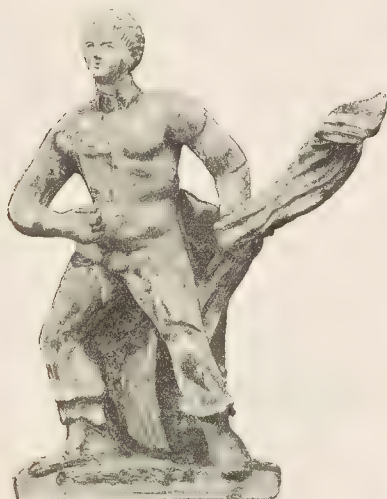

Рис. 54.

Рис. 55.

2) Сынъ, бѣгущій вправо; правая рука, съ сжатыми пальцами, согнута и касается живота, лѣвою рукою держитъ развѣвающійся плащъ (Masner, 861. *Bull. Napol.* III, 2=Stark, *Niobe*, VIII, 2 (рисунокъ неточный), рис. 54).

[1]) Относительно техники Маснеръ говоритъ: aus Formen gepresst, die Körper, wie es scheint, fast sämtlich aus einer vorderen und rückwärtigen Hälfte; Kopf, Arme und Beine von den Knieen abwärts vollrund und angesetzt. Die Gewander frei bearbeitet, die anliegenden aus einer Thonschichte, die auf den nackten Körper gelegt ist. Sämmtliche Figuren sind oder waren durch Thonbänke mit einem meistens dreieckigen Hintergrund mit vorspringender Basis verbunden, von welchem sie sich in den unteren Theilen wie ein Hochrelief abheben, während Oberkörper, Kopf und Arme oder nur die beiden letzteren frei erscheinen. Basen und Hintergrund zeigen eine beträchtliche Krümmung nach Aussen. Die Figuren waren also, jede von den andern getrennt, an den Aussenseiten eines cylindrischen Körpers angebracht und standen unten auf; zur Befestigung sind Löcher in dem Hintergrund oder in der Basis angebracht.

[2]) Я только кратко обозначаю фигуры, отсылая желющихъ къ подробному описанію ихъ у Маснера.

3) Сынъ, устремляющійся вправо, поднявъ голову и руки; на лѣвой рукѣ плащъ (Masner, 862. *Bull. Napol.* III, 3=Stark, *Niobe*, VIII, 3, рис. 55).

4) Сынъ, бѣгущій влѣво, согнувъ корпусъ; съ лѣвой руки свѣшивается кусокъ плаща (Masner, 863, рис. 56).

5) Сынъ, отклонившійся назадъ (Masner, 864, рис. 57).

6) Сынъ, упавшій на правое колѣно; правая рука, съ растопыренными пальцами, опущена и касается земли; остатки хламиды на лѣвомъ плечѣ (Masner, 865, рис. 58).

Ни съ одною изъ пантикапейскихъ фигуръ сыновей перечисленныя южно-италійскія фигуры сходства не имѣютъ ни по движенію, ни по мотивамъ драпировокъ. Интересно то, что изъ южно-италійскихъ фигуръ лишь двѣ (2 и 6) изображаютъ сыновей, очевидно, ранеными, тогда какъ

Рис. 56.

Рис. 57.

остальныя фигуры представляютъ ихъ, въ той или иной ситуаціи, ищущими спасенія въ бѣгствѣ. Наоборотъ, среди пантикапейскихъ фигуръ сыновья большею частью представлены уже ранеными и близкими къ смерти, и лишь двѣ фигуры (5 и 6) представляютъ ихъ бѣгущими.

Фигуръ дочерей сохранилось пять:

1) Дочь, бѣгущая влѣво, съ согнутою впередъ верхнею частью корпуса, съ протянутыми впередъ руками (Masner, 866. *Bull. Napol.* III, 4=Stark, *Niobe*, VIII, 4 (рис. неточный), рис. 59).

2) Дочь съ опущенною внизъ головою, если только послѣдняя вѣрно приставлена (Masner, 867, рис. 60).

3) Дочь, представленная въ профиль, съ выставленною впередъ правою ногою (Masner, 868, рис. 61; принадлежность головы къ фигурѣ, по замѣчанію Маснера, „fraglich“).

4) Дочь, бѣгущая влѣво; правая рука поднята, лѣвая касается плаща, спустившагося съ верхней части тѣла (Masner, 869. *Bull. Napol.* III, 6=Stark, *Niobe*, VIII, 6, рис. 62).

5) Дочь, бѣгущая влѣво; лѣвая нога и лѣвая грудь обнажены (Masner, 870 рис. 63).

Рис. 58.

Рис. 59.

Рис. 60.

Рис. 61.

И фигуры дочерей не имѣютъ ничего общаго съ фигурами пантикапейскими; опять-таки большая часть дочерей представлена не ранеными (исключая, конечно, 2 и, можетъ быть, 3), а ищущими спасенія въ бѣгствѣ.

Болѣе или менѣе близка, по мотиву движенія, къ соотвѣтствующей пантикапейской фигурѣ (20) фигура педагога (Masner, 871, рис. 64), хотя въ деталяхъ разница велика. Эта фигура одна изъ наилучше сохранившихся (голова приставлена; хитонъ ниже таліи, правая нога соеди-

Рис. 62.

Рис. 63.

Рис. 64.

Рис. 65.

нены изъ двухъ кусковъ; правая рука фигурѣ не принадлежитъ; сомнительна также принадлежность фигурѣ нижней части лѣвой руки). Педагогъ представленъ въ сильномъ движеніи влѣво.

Мастеръ, исполнившій южно-италійскія фигуры, вдохновился тѣмъ же сюжетомъ, что́ и его пантикапейскій собратъ, но разработалъ его совершенно иначе. Между тѣмъ какъ на пантикапейскихъ фигурахъ мы видимъ уже почти на исходѣ трагическую гибель дѣтей Ніобы, финалъ ея,—въ южно-италійскихъ фигурахъ мы застаемъ еще средину или начало дѣйствія: бо́льшая часть дѣтей Ніобы ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Среди южно-италійскихъ фигуръ мы не находимъ ни фигуры Ніобы, ни отца, ни кормилицы. За то мы имѣемъ среди нихъ фигуру Артемиды (Masner, 876,

Рис. 66.

Рис. 67.

рис. 65). Артемида представлена въ короткомъ подпоясанномъ хитонѣ, въ плащѣ, завязанномъ узломъ на правомъ плечѣ, въ высокихъ сапогахъ; она въ сильномъ движеніи вправо [1]).

Въ пользу толкованія нашей фигуры, какъ Артемиды, говоритъ и то, что среди фрагментовъ, принадлежащихъ къ той же серіи южно-италійскихъ фигуръ, отмѣченъ Маснеромъ (№ 873) слѣдующій: Hirsch. Mit erhobenen Vorderbeinen nach r. laufend. Vom Wagen der Artemis. Самому Маснеру, въ концѣ концовъ, улыбалась мысль назвать нашу фигуру Артемидою. Только присутствіе ея онъ объяснялъ совершенно иначе и не въ связи съ остальными фигурами, а именно какъ „Артемиду при похищеніи Коры". На эту мысль навела Маснера также одна изъ фигуръ той же серіи (Masner, 874. *Bull. Napol.* III, 5 = Stark, *Niobe*, VIII, 5, рис. 66). Это— женская фигура (голова приставлена, правая рука также фигурѣ не принадлежитъ: она отъ боль-

[1]) Masner сомнѣвается въ томъ, что это фигура Артемиды: „die ganze Stellung der Figur, замѣчаетъ онъ ist die einer fliehenden, nicht einer bogenchiessenden, zumal da die etwas nach abwärts gebogene Linke, wenigstens soweit sie erhalten ist, von der Chlamys bedeckt war". Во всякомъ случаѣ принимать эту фигуру за одну изъ дочерей невозможно: по одеждѣ она отличается отъ всѣхъ остальныхъ, одежда же эта—короткій хитонъ, высокіе сапоги—наоборотъ, прекрасно характеризуетъ Артемиду. Въ такой же одеждѣ представлена Артемида, напр., на рельефѣ Альбани, на Мюнхенскомъ саркофагѣ. Что касается позы Артемиды, какъ она изображена на южной-италійской фигурѣ, то Артемида, можетъ быть, вовсе и не представлена бѣгущей, а въ моментъ, ближайше слѣдующій за тѣмъ, какъ она пустила стрѣлу; только этотъ моментъ въ передачѣ южно-италійскаго мастера вышелъ нѣсколько преувеличеннымъ.

шей фигуры), опустившаяся на правое колѣно; передъ нею круглый сосудъ, крышку котораго она держитъ въ опущенной лѣвой рукѣ; одѣта фигура въ высоко подпоясанный хитонъ и плащъ. Штаркъ (*Niobe,* 203) и соглашающійся съ нимъ Маснеръ видятъ въ этой фигурѣ „eine blumenpflückende Kora“. Но присутствіе Коры среди остальныхъ фигуръ было бы неумѣстно, и мнѣ кажется, въ этой фигурѣ мы имѣемъ также одну изъ дочерей (по крайней мѣрѣ, она сходна съ ними по одеждѣ). Что дочь представлена здѣсь въ позѣ, отличающейся отъ другихъ, врядъ-ли можетъ противорѣчить нашему предположенію. Принимая во вниманіе, что голова къ фигурѣ приставлена, что правая рука ей не принадлежитъ, мы можемъ допустить, что мастеръ хотѣлъ изобразить одну изъ дочерей раненою, склонившеюся на одно колѣно. Присутствіе сосуда ничего не доказываетъ, такъ какъ онъ могъ быть употребленъ мастеромъ исключительно съ декоративною цѣлью—заполнить пустое мѣсто. Вмѣстѣ съ этою фигурою мы имѣли бы шесть дочерей (сыновей семь фигуръ); одна изъ фигуръ дочерей, надо полагать, утрачена. Во всякомъ случаѣ фрагментъ мужской фигуры (Masner, 875, рис. 67) къ одной серіи съ остальными фигурами не принадлежитъ: эта фигура имѣетъ бо̀льшія пропорціи сравнительно съ остальными и отличается отъ нихъ слишкомъ низкимъ рельефомъ.

Итакъ, композиція южно-италійскихъ фигуръ совершенно иного характера сравнительно съ композиціей пантикапейскихъ. Чѣмъ руководствовался мастеръ при своей работѣ, мы сказать точно не можемъ, хотя, быть можетъ, у него былъ оригиналъ общій съ тѣмъ, которымъ пользовался мастеръ, расписавшій южно-италійскую вазу въ коллекціи Ятта (рис. 50): по крайней мѣрѣ, на этой вазѣ Артемида была изображена также на колесницѣ, запряженной двумя ланями.

Что касается достоинства работы, то южно-италійскимъ фигурамъ нужно отдать предпочтеніе предъ пантикапейскими. По своему изящному стилю нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ (особенно фигуры дочерей 1, 2, 4) напоминаютъ бронзовую фигуру дочери въ бывшемъ музеѣ Аѳинскаго Археологическаго Общества (рис. 51). Зато пантикапейскія фигуры превосходятъ южно-италійскія большей драматизаціей сюжета и большимъ разнообразіемъ позъ и движеній. По оживленнымъ позамъ, разнообразію мотивовъ движенія, изящной трактовкѣ драпировокъ можно сравнить южно-италійскія фигуры, конечно, съ извѣстными ограниченіями, съ женскими терракоттовыми фигурами изъ Танагры въ Берлинскомъ Antiquarium'ѣ (Inv. №№ 7050—7066), которыя обозначены такъ: „Entführung eines Mädchens. Gruppe von einem Prachtgefäss“. Весьма возможно, что и южно-италійскія фигуры служили также украшеніемъ большого сосуда.

СЫНЪ (наст. вел.).

А. И. Вильборгъ. СПБ. Мѣщ. 2.

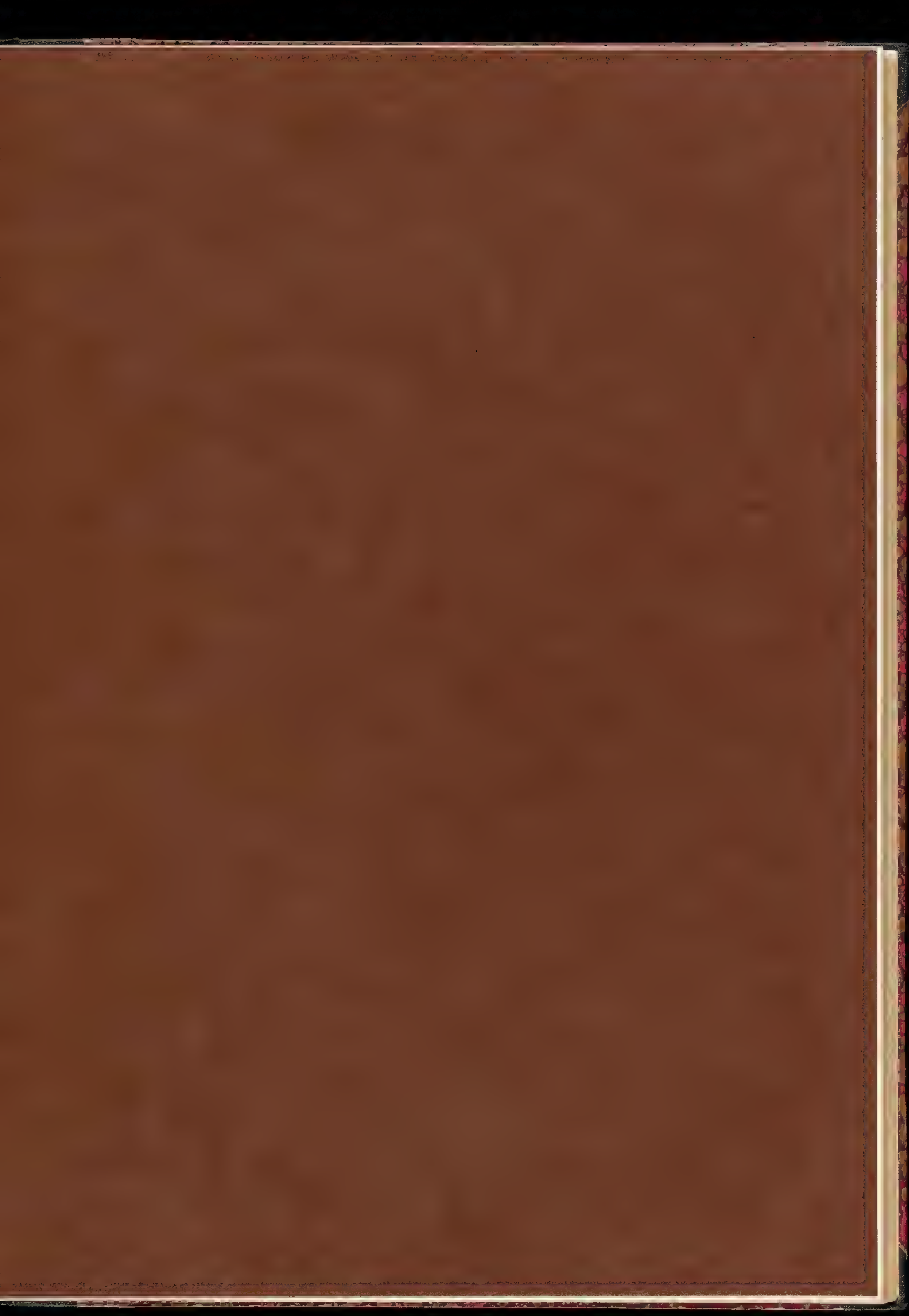
ДОЧЬ (наст. вел.).

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ПЕДАГОГЪ (наст. вел.).

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 25.

ДРЕВНОСТИ БАССЕЙНОВЪ РѢКЪ ОКИ и КАМЫ.

ВЪ ОБРАБОТКѢ

Члена Императорской Археологической Коммиссіи

А. А. СПИЦЫНА.

ВЫПУСКЪ I.

Съ 30 таблицами и 26 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-ва Художественной Печати", Англійскій пр., 28.

1901.

ДРЕВНОСТИ
БАССЕЙНОВЪ РѢКЪ ОКИ и КАМЫ.

ВЪ ОБРАБОТКѢ

Члена Императорской Археологической Коммиссіи

А. А. СПИЦЫНА.

ВЫПУСКЪ I.

Съ 30 таблицами и 26 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Художественной Печати“, Англійскій пр., 28.
1901.

Напечатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Пьяноборскій могильникъ.

Могильникъ расположенъ на верхней береговой террасѣ, надъ самымъ селомъ Пьяный Боръ Елабужскаго у. Вятской губ., на мысу между берегомъ Камы и р. Печорою. Онъ былъ прикрытъ лѣсомъ и отлично сохранялся до тѣхъ поръ, пока деревья не были вырублены, что случилось въ концѣ 1870-хъ г.г. Такъ какъ почва могильника состоитъ изъ чистаго разсыпчатаго песку, то по уничтоженіи лѣса онъ въ короткое время былъ „выдутъ“ вѣтромъ, причемъ обнажились человѣческіе костяки и при нихъ многочисленные предметы. Въ 1880 г. 287 экземпляровъ разнообразныхъ подѣлокъ съ могильника были доставлены въ Казанское Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи помощникомъ Елабужскаго исправника г. Пасынковымъ. Въ слѣдующемъ году „едва сохранившіеся слѣды“ могильника были раскопаны П. А. Пономаревымъ, который доставилъ отсюда въ упомянутое Общество до 50 экз. различныхъ подѣлокъ. Послѣ того небольшія коллекціи вещей изъ Пьяноборскаго могильника были составлены нами, мѣстнымъ учителемъ Суходоевымъ и г. Рязанцевымъ [1]). Правильныхъ раскопокъ въ могильникѣ, послѣ попытки П. А. Пономарева, никѣмъ не было произведено, такъ что обрядъ погребенія въ немъ остался не уясненнымъ. Отдѣльныя находки въ могильникѣ выдуваются и по настоящее время; по всей вѣроятности, здѣсь еще остались и нетронутыя погребенія.

Богатый Пьяноборскій могильникъ до сихъ поръ является главнымъ представителемъ особаго типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. Вещи его, однако, еще не были изданы. Въ настоящемъ изданіи представляется изображеніе и описаніе коллекціи предметовъ изъ могильника, сохраняющейся въ музеѣ Казанскаго Общества Ист., Археол. и Этнографіи. Въ нее входятъ:

---

[1]) Коллекціи наша и г. Суходоева поступили въ Императорское Московское Археологическое Общество, а коллекція г. Рязанцева пріобрѣтена г. Ушаковымъ и передана имъ барону де-Бай. — См. *Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, изд. Моск. Археол. Обществомъ*. Вып. I, стр. 135—137.— Bar. de Baye. La nécropole d'Ananino. *Mem. de la Soc. des Antiquaires de France*, l. LVl. Paris. 1897. Описанная въ этой статьѣ коллекція ошибочно признается происходящею изъ Ананьинскаго могильника.

1) Серьги, всѣ одинаковаго типа въ видѣ колечка съ коническою спиралью или пластинчатымъ конусомъ въ нижней части (табл. I, 4 и 5). Въ первомъ случаѣ спираль согнута изъ одной проволоки съ колечкомъ, а во второмъ конусъ (всегда рубчатый) надѣтъ на кольцо, имѣющее для того внизу расширеніе. Первой разновидности въ коллекціи имѣется всего 1 экз., а второй—11 экз. Серьги даннаго типа имѣютъ большое распространеніе въ бассейнѣ р. Камы и встрѣчаются въ древностяхъ Западной Сибири (Чувашскій мысъ близъ Тобольска, Томскій могильникъ, Томскіе курганы). Ихъ ближайшій прототипъ — золотая серьга съ коническою нижнею частью, извѣстная изъ находокъ въ Ананьинскомъ могильникѣ (коллекція Гельсингфорскаго музея). Въ иныхъ собраніяхъ вещей изъ Пьяноборскаго могильника встрѣчаются серьги того же типа гладкія, безъ напускного конуса (рис. 1); одна изъ нихъ золотая.

Рис. 1 ($^{2}/_{3}$).

2) Бусы, которыхъ, къ сожалѣнію, въ коллекціи имѣется очень мало. Большинство ихъ — мѣдныя, въ видѣ широкихъ выпуклыхъ колечекъ двухъ величинъ (табл. II, 33). Изъ стеклянныхъ бусъ чаще попадаются позолоченыя, того же типа или въ видѣ тройныхъ и продолговатыхъ пронизокъ (табл. II, 6—9). Встрѣчены также небольшія синія буски двухъ типовъ (табл. II, 5 и 10), большая синяя буса съ черными глазками въ желтой каймѣ (табл. II, 36), гранчатая буса изъ зеленой пасты (табл. II, 34) и большая желобчатая буса изъ сѣрой александрійской пасты (табл. II, 35). Позолота бусъ яркая, блестящая. Всѣ эти бусы встрѣчаются въ пермскихъ костищахъ.

3) Подвѣски къ ожерелью въ видѣ пластинчатыхъ, иногда ажурныхъ, кружковъ, съ 2—3 колечками по нижнему краю и съ ушками наверху (табл. II, 2 и 3). Встрѣчены еще въ Гляденовскомъ костищѣ.

4) Шейныхъ гривенъ имѣется двѣ,—обѣ изъ круглой проволоки съ характернымъ крючкомъ и петлей на концахъ; основаніе петли обтянуто проволокой (табл. III, 4). Такія гривны встрѣчены были еще въ Кошибеевскомъ могильникѣ Тамбовской губ. (см. ниже).

5) Нагрудныя пряжки трехъ типовъ: a) большія пластинчатыя круглыя, съ сомкнутыми концами, раздѣланныя на двѣ грани (табл. I, 8, 13 и 16); язычокъ придѣланъ къ внутреннему краю пряжки, или же обхватываетъ всю его боковую поверхность. Экземпляръ табл. I № 13, повидимому, литой. Такихъ пряжекъ имѣется 3 экз. и кромѣ того 1 экз. пряжки того же типа, но малой величины (табл. III, 8). Подобныя пряжки встрѣчены въ Кошибеевскомъ могильникѣ. b) Мѣдныя круглыя пряжки въ видѣ кольца съ парою спиралей по его окружности (табл. I, 1); спирали эти, повидимому, назначены для помѣщенія между ними язычка. Пряжекъ этого типа имѣется двѣ, причемъ язычокъ второго экземпляра помѣщенъ именно здѣсь. c) Желѣзная круглая пряжка съ разомкнутыми и загнутыми концами, около $4^{1}/_{2}$ сант. въ діаметрѣ.

6) Большой выборъ разнообразныхъ бляхъ и бляшекъ. Среди нихъ можно различать слѣдующіе типы: a) большія выпуклыя круглыя бляхи съ блестящею полированною поверхностью, а иногда съ орнаментомъ на обратной сторонѣ изъ круговъ или розетокъ (табл. III, 14); у нѣкоторыхъ въ срединѣ отверстіе, у иныхъ такія отверстія помѣщаются по краю, на спеціальномъ выступѣ. Это все литыя бляхи, что лучше всего доказывается экземплярами, не вполнѣ вылитыми.

Составъ бронзы не допускаетъ ковки: она отличается большою ломкостью. Одинъ экземпляръ имѣетъ въ діаметрѣ 15½ сант., другой—12, третій—11, 3 экз. по 9½ и 1 экз.—8½ сант. въ діаметрѣ. Кромѣ могильниковъ пьяноборскаго типа, такія бляхи встрѣчены въ значительномъ количествѣ въ извѣстномъ кладѣ, найденномъ близъ Истяцкихъ юртъ Тобольской губ. [1]), и 1 экз. найденъ въ Кошибеевскомъ могильникѣ. Въ раннихъ древностяхъ этого типа бляхъ неизвѣстно. Онѣ, по всей вѣроятности, имѣютъ связь съ шаманскимъ культомъ и изготовлялись не на мѣстѣ.

b) Бляхи того же типа, но размѣровъ 4½ и 3½ сант., 8 экз. (табл. III, 5). Встрѣчены въ небольшомъ количествѣ въ Кошибеевскомъ могильникѣ.

c) Крупныя гладкія, менѣе тщательной работы бляхи, мѣдныя, круглыя, съ двумя ушками на обратной поверхности (табл. III, 1 и IV, 3); 2 экз. по 7½ и 2 по 8½ сант. въ діаметрѣ. Происходятъ, быть можетъ, изъ круглыхъ фибулъ; прикрѣплялись, кажется, такъ же, какъ фибулы.

d) Небольшія круглыя гладкія бляшки съ двумя ушками на обратной сторонѣ (табл. II, 14), въ діаметрѣ до 2 сант., иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько менѣе. Въ меньшемъ количествѣ имѣются бляшки съ однимъ ушкомъ, и лишь одна бляшка имѣетъ 3 ушка (табл. II, 13). Эти бляшки встрѣчены въ пермскихъ костищахъ и въ Кошибеевскомъ могильникѣ.

e) Такая же бляшка ромбической формы (табл. II, 11). Подобная найдена въ Кошибеевскомъ могильникѣ (табл. VI, 13).

f) Такая же бляшка четыреугольной формы съ 4 ушками позади (табл. II, 19).

g) Такая же бляшка, но узкая и съ 2 ушками, съ зубчатымъ орнаментомъ на наружной поверхности (табл. II, 23 и 24). Такія бляшки встрѣчены въ пермскихъ костищахъ и въ Кошибеевскомъ могильникѣ. Хотя онѣ найдены и въ Ананьинскомъ могильникѣ, но, очевидно, въ болѣе позднихъ погребеніяхъ.

h) Выпуклыя бляшки въ діаметрѣ 3½ сант. съ выпуклостью въ видѣ пуговки по срединѣ и съ ушкомъ назади. Три экземпляра гладкіе (табл. III, 7) и 6 экз. съ рубчатой каймою (табл. III, 6). Такія же бляшки найдены въ Кошибеевскомъ могильникѣ.

i) Маленькія выпуклыя бляшки, въ діаметрѣ 1½—2 сант., снабженныя позади ушкомъ (табл. II, 17 и 27); выпуклость большею частью имѣетъ форму очень низкаго конуса. Это—самый обыкновенный типъ украшенія въ могильникахъ пьяноборскаго типа. Есть такія же парныя бляшки (табл. I, 10). Въ Кошибеевскомъ могильникѣ такія бляшки встрѣчены также въ большомъ количествѣ.

j) Пронизки въ видѣ парныхъ полуцилиндриковъ (табл. II, 25 и 26), имѣющіяся въ значительномъ количествѣ. Полуцилиндрики спаяны и въ нижней части скрѣплены перемычками, которыя служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ушками. Обыкновенно украшенія эти орнаментированы по концамъ правильными тонкими поперечными нарѣзками, въ количествѣ 3, 5, 6 и 7 на обоихъ концахъ. Подобныя же пронизки изъ двухъ паръ (табл. II, 31) встрѣчаются очень рѣдко, какъ и другія аналогичныя украшенія въ видѣ полуцилиндриковъ спаянныхъ и раздѣленныхъ зубцами (табл. II, 20); эти послѣднія относятся болѣе къ культурѣ Ананьинскаго могильника, чѣмъ Пьяноборскаго. Полуцилиндрики встрѣчены и въ Кошибеевскомъ могильникѣ. Орнаментъ на нихъ въ

---

[1]) A. Heikel, *Antiquités de la Sibérie occidentale.* Helsingf. 1894, табл. XVIII.

видѣ параллельныхъ линій, конечно, есть подражаніе узкимъ ленточкамъ, раньше здѣсь прикрѣплявшимся.

k) Парные полуцилиндрики съ развилкою или рожками (табл. II, 28 и 29, изъ нихъ № 28 представляетъ рѣдкость, какъ и украшеніе № 31, составленное изъ двухъ паръ полуцилиндриковъ). Свободный конецъ украшеній этого типа обтянутъ кругомъ тонкою лентой. Кромѣ культуры Пьяноборскаго и Кошибеевскаго могильниковъ, подобныхъ подѣлокъ мы нигдѣ не знаемъ. Считаемъ возможнымъ, что онѣ составляютъ подражаніе нѣкоторымъ подобнымъ бляшкамъ съ гранатовою инкрустаціей, гдѣ орнаментъ въ видѣ рожекъ представляетъ имитацію птичьихъ головокъ.

l) Узкія пластинчатыя бляшки съ двумя широкими ушками позади (табл. II, 12). Довольно обыкновенны, но только въ культурѣ Пьяноборскаго могильника.

m) Бляшки изъ четырехъ соединенныхъ выпуклыхъ бляшекъ, съ двумя ушками позади (табл. I, 9). Подобныя встрѣчены и въ Ананьинскомъ, и въ Кошибеевскомъ могильникахъ.

n) Бляшка изъ 4-хъ круглыхъ и плоскихъ, соединенныхъ вмѣстѣ пластинокъ (табл. II, 16), можетъ быть обломокъ.

7) Подвѣски двухъ типовъ: въ видѣ гусиныхъ лапокъ (табл. I, 6 и 7; табл. III, 11) и въ видѣ гладкихъ съ блестящею поверхностью пластинокъ формы удлиненныхъ трапецій съ пробитымъ въ верхней части отверстіемъ (табл. II, 21, 30 и 32). Для первыхъ имѣются аналогіи въ Кошибеевскомъ могильникѣ (табл. VI, 29), вторыя имѣются уже въ древностяхъ Ананьинскаго могильника.

8) Спиральки двухъ типовъ: мелкія изъ гранчатой проволоки (табл. II, 22) и болѣе крупныя изъ ленты.

9) Пряжки въ видѣ кольца съ крючкомъ на одной и выступомъ въ видѣ пуговки на другой сторонѣ. Ихъ разновидности: a) пряжка въ видѣ круглаго, орнаментированнаго насѣчкою или выпуклостями кольца (табл. I, 14, 15); встрѣчаются и совершенно гладкія кольца. Имѣется той же разновидности пряжка съ тремя ушками назади вмѣсто пуговки (табл. III, 9). b) Удлиненная пряжка той же разновидности, съ насѣчкою и пластинкою посрединѣ (табл. II, 1). c) Пряжка въ видѣ плоскаго кольца съ широкою пластинчатою заднею частью, снабженною ушкомъ (табл. I, 2 и 3); украшена завитками и колечками.

10) Поясная пряжка съ подвижнымъ язычкомъ (табл. I, 11 и 12), въ видѣ кольца и пластинки, снабженной двумя ушками.

11) Нѣсколько круглыхъ желѣзныхъ пряжекъ обычной формы въ видѣ кольца, съ язычками.

12) Наконечникъ пояса въ видѣ тонкой пластинки, украшенной прорѣзями (табл. II, 18); на концѣ два мѣдные гвоздика.

13) Остатки широкаго мѣднаго пояса изъ тонкой пластинки до $5^1/_2$ сант. ширины.

14) Небольшіе желѣзные ножи въ полыхъ характерныхъ мѣдныхъ рукояткахъ, расширяющихся къ задней части (табл. III, 2, 3, 12 и 13). Орнаментъ—рубчики, иногда раздѣланные шнуромъ или зернами, и зубцы въ видѣ угловъ. Задняя часть рукоятки открыта, какъ и передняя. При употребленіи клинокъ ножа могъ быть выдвинутъ изъ рукоятки на желаемую длину. Такихъ рукоятокъ кромѣ культуры пьяноборскаго типа нигдѣ болѣе не найдено. Имѣется желѣзный ножъ въ видѣ широкаго клинка съ прямымъ лезвіемъ и срѣзаннымъ концомъ (рис. 2).

15) Желѣзныя псаліи аксютинскаго типа въ видѣ стержней съ двумя и однимъ ушкомъ, длиною до 11 сант. Относятся къ числу древнѣйшихъ предметовъ могильника.

16) Обломокъ зеркала, вѣроятнѣе всего, XIII—XIV в., попавшій въ коллекцію случайно (табл. II, 15).

17) Огромныя застежки, представляющія наиболѣе характерный типъ среди предметовъ Пьяноборскаго могильника. Онѣ состоятъ изъ большихъ круглыхъ бляхъ съ костылькомъ на обратной

Рис. 2.

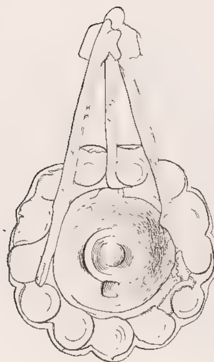

Рис. 3.

Рис. 4.

сторонѣ, крюка и тонкихъ соединительныхъ пластинокъ, орнаментированныхъ насѣчкою. Вещи эти, типы которыхъ изображены на табл. IV-й, не требуютъ детальнаго описанія, и мы ограничимся общими замѣчаніями. Бляхи, повидимому, выбиты, а всѣ украшенія въ видѣ каймы, полосокъ и кружковъ припаяны и затѣмъ насѣчены. Соединительныя пластинки имитируютъ шнуры. Крючокъ соединенъ съ широкою плоскою пластинкою, имѣющею по сторонамъ пластинчатые выступы; въ болѣе древнихъ экземплярахъ (табл. IV, 1 и 2) весь крюкъ застежки имѣетъ видъ головы хищной птицы съ клювомъ и ушами. Шнуры выдѣланы изъ желѣзныхъ лентъ, облитыхъ мѣдью; концы ихъ, припаянные къ обратной сторонѣ бляхъ, обыкновенно оставляются не покрытыми мѣдью (рис. 3 и 4, соотвѣтствующіе рис. табл. IV, 4 и 1). Г. Заусайловъ, нашедшій подобныя застежки на скелетѣ, сообщаетъ, что онѣ лежали на груди, крюкомъ къ лѣвому плечу. Если примѣрить, то бляха за-

стежки, дѣйствительно, приходится по срединѣ груди, а крючокъ—на плечѣ. Малыя застежки (табл. IV, 1), быть можетъ, пристегивались такъ же точно, причемъ край одежды болѣе надвигался на грудь или снабжался петлею. Нижній край двухъ застежекъ украшенъ каймою изъ горошинъ и колечковъ (табл. IV, 4 и 5). Всего естественнѣе предполагать, что застежки даннаго типа употреблялись при верхней, по всей вѣроятности, мѣховой или кожаной одеждѣ, причемъ бляха зацѣплялась при помощи костылька на груди, а крючокъ захлестывался въ петлю другой полы. Какой-либо металлической петли не найдено. Многія застежки отъ продолжительнаго употребленія выношены. Всѣхъ застежекъ въ коллекціи имѣется 8. Изъ нихъ 2 малыя типа табл. IV, 1, длиною 15 и 18 сант.; у второго экземпляра не 3, а 4 шнура. Застежекъ типа табл. IV, 4 также двѣ. Другой экземпляръ нѣсколько меньшихъ размѣровъ, до 22 сант., имѣетъ вмѣсто 9 всего 6 шнуровъ; кайма кругомъ бляхи двойная, съ насѣчкою. Застежекъ типа табл. IV, 5 четыре. Нарисованная застежка имѣетъ въ длину до 28 сант., другія до 22 сант. У нихъ по 9 и 12 шнуровъ, у одной по нижнему краю рядъ колечекъ, одна съ широкимъ концомъ, какъ застежка табл. V, 17. Аналогичныя описаннымъ застежки извѣстны пока лишь изъ окрестностей Тобольска.

Рис. 5 *а* (1/1).

Рис. 5 *б* (1/1).

18) Круглая бляха типа табл. IV, 1, но въ діаметрѣ всего $7^1/_2$ сантим., съ ушками на обратной сторонѣ.

19) Обломки не сожженныхъ и сожженныхъ (?) человѣческихъ череповъ.

Въ послѣдніе годы Пьяноборскій могильникъ былъ посѣщенъ И. Н. Смирновымъ, нами и Ф. Д. Нефедовымъ. Г. Смирновъ вывезъ отсюда описанныя выше серьги (рис. 1) и интересный прорѣзной мѣдный наручникъ съ несомкнутыми концами, украшенный выпуклымъ орнаментомъ (рис. 5 *а* и *б*). Изъ немногихъ вещей, пріобрѣтенныхъ нами, любопытнѣе всего мѣдный кинжалъ съ рукояткою, раздвоенною посрединѣ (подобный изображенъ въ атласѣ Аспелина № 177, также изъ елабужскихъ находокъ). Болѣе удачныя находки сдѣланы здѣсь были въ 1894 г. Нефедовымъ, который разыскалъ на могильникѣ и нетронутыя погребенія. Повидимому, всѣ обнаруженныя имъ по-

гребенія принадлежатъ болѣе древнему періоду, чѣмъ извѣстныя уже, и должны быть отнесены ко времени Ананьинскаго могильника. Изъ находокъ собственно пьяноборскаго типа въ коллекціи г. Нефедова наиболѣе интересна большая мѣдная застежка въ видѣ большой пластины, а изъ вещей ананьинскаго типа—великолѣпная застежка съ изображеніемъ звѣрей (4-хъ зайцевъ и 3-хъ хищниковъ) и сѣкира съ крылообразною лопастью на тыльѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія разслѣдованія Пьяноборскаго могильника должны дать еще немаловажный новый матеріалъ.

Совершенно ясно, что культура пьяноборскаго типа составляетъ непосредственное продолженіе культуры Ананьинскаго могильника. Объ этомъ свидѣтельствуютъ болѣе чѣмъ достаточныя данныя. Но время этого могильника пока не могло быть опредѣлено, несмотря на всѣ наши старанія. Пьяноборская культура имѣетъ не мало аналогій въ древностяхъ Кошибеевскаго могильника, но время того также не можетъ быть опредѣлено съ точностью. Аналогіи въ сибирскихъ древностяхъ также не помогаютъ дѣлу. По соображеніи всѣхъ наличныхъ данныхъ, которыми мы располагали, можно высказать предположеніе, что Пьяноборскій могильникъ относится ко времени между V и VII в.

---

[1]) *Матеріалы по археологіи вост. губерній, изд. Импер. Моск. Археолог. Общ.* Т. III., стр. 49—51, 59—64.

II. Могильникъ „Атамановы кости“.

Могильникъ расположенъ на берегу р. Вятки нѣсколько ниже г. Малмыжа, въ полѣ села Черемисскій Малмыжъ, на краю изрытой ручьями и холмами второй террасы, образовавшейся отъ осѣданія высокаго берега. Названіе усвоено могильнику С. К. Кузнецовымъ, открывшимъ его въ 1877 г. и отчасти изслѣдовавшимъ въ 1881 г. Раскопки были произведены въ небольшихъ размѣрахъ; ими обнаруженъ былъ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., сильно погнившій человѣческій скелетъ, головою на югъ. Рядомъ съ головою лежалъ лошадиный черепъ, обращенный также на югъ, у праваго бока—пара ножныхъ лошадиныхъ костей, копытами на сѣверъ. Подъ черепомъ и нѣсколько вправо найдены: шиферная точилка, желѣзная пряжка, желѣзные ножи средней и малой величины, небольшое желѣзное шило; нѣсколько выше костей обнаружена мѣдная подвѣска въ видѣ конька. Принадлежитъ ли эта могила къ составу могильника, или представляетъ болѣе позднее погребеніе, объ этомъ трудно судить. Въ 1888 г. могильникъ подвергался дополнительной раскопкѣ П. А. Пономаревымъ, но объ этой раскопкѣ ничего не извѣстно [1]).

С. К. Кузнецовымъ добыты съ могильника путемъ раскопки и покупки у крестьянъ слѣдующія вещи, хранящіяся въ собраніяхъ того же Общества.

1) Большая мѣдная застежка поздняго типа, длиною до 20 сант. (табл. V, 17). Бляха расширена, такъ что имѣетъ скорѣе форму овала, чѣмъ круга; очень расширенъ также конецъ, расширены и сплющены шнуры. Крючокъ сравнительно небольшой, костылекъ, имѣющій видъ двухъ рожковъ, обращенныхъ въ разныя стороны, расположенъ не по срединѣ бляхи, а болѣе къ краю ея. Вся застежка нѣсколько согнута и въ профилѣ представляется выпуклою.

2) Двѣ нагрудныя пряжки, разныхъ типовъ. Одна въ видѣ тонкаго пластинчатаго кольца съ большими спиральными завитками на концахъ (табл. V, 9); судя по остаткамъ желѣза, сохранившимся на пряжкѣ, видно, что игла ея была желѣзная и концомъ направлялась въ сторону завитковъ. Вторая имѣетъ въ общемъ то же устройство, но завитки замѣнены схематизированными головками звѣрей съ разинутою пастью, кольцо раздѣлано чеканомъ въ видѣ зеренъ съ точкою по срединѣ и украшено по краю тремя спиралями; игла выходила изъ спеціально для нея припаяннаго кольца (табл. V, 12). Въ устройствѣ этой пряжки любопытно еще то, что въ задней части

[1]) Кузнецовъ. Атамановы кости. *Извѣстія Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Каз. Унив.* Т. IX, 371—380.—*Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи.* Вып. I. 1893, стр. 157—159.

ся подъ обѣими звѣриными головками припаяно по 3 ушка или скобочки, назначеніе которыхъ не понятно (табл. V, 13). Возможно, что къ нимъ что-нибудь привѣшивалось, и въ такомъ случаѣ пряжка эта прикрѣплялась въ томъ положеніи, какъ она нарисована на таблицѣ. Аналогій этой пряжкѣ намъ не извѣстно.

3) Мѣдныя бляшки: a) три выпуклыя бляшки, украшенныя по краю и по срединѣ насѣчкою (для чего предварительно напаивалась проволока) и снабженныя на обратной сторонѣ широкими ушками (табл. V, 8). b) Гладкая бляшка съ блестящею поверхностью, въ діаметрѣ $3^1/_2$ сант., съ отверстіемъ посрединѣ (табл. V, 15). c) Такая же большая бляха въ діаметрѣ $11^1/_2$ сант., типа табл. III, 14, съ небольшимъ выступомъ.

4) Разныхъ типовъ мѣдныя подвѣски: a) подвѣска въ видѣ неизвѣстнаго животнаго съ широкимъ опускающимся внизъ хвостомъ (табл. V, 16). Вся фигура спаяна изъ отдѣльныхъ проволокъ, по краю грубо подчеканенныхъ послѣ спайки. b) Круглая ажурная подвѣска изъ трехъ концентрическихъ проволокъ (табл. V, 5). c) Двѣ подвѣски въ видѣ гусиной лапки. Когти представлены кружками. Подвѣски эти спаяны изъ отдѣльныхъ проволокъ. Для привѣски подѣлокъ на обратной сторонѣ имѣются ушки (табл. V, 2 и 7). d) Гладкая пластинка треугольной формы, съ отверстіемъ, изъ свѣтлой мѣди (табл. V, 6).

5) Неопредѣленное мѣдное колечко съ сомкнутыми концами (табл. V, 10).

6) Три мѣдныя поясныя пряжки: a) круглое, нѣсколько сплющенное кольцо, четыреугольная въ разрѣзѣ игла (табл. V, 14); мѣдная пластинка, принадлежащая къ этой пряжкѣ, обломана. b) Овальной формы небольшая пряжка, снабженная длинною узкою пластиною, орнаментированною по краямъ тонкою нарѣзкою (табл. V, 1). Обратная сторона пластины-обоймицы имѣетъ видъ удлиненнаго остраго язычка. Самая пряжка раздѣлана на 4 грани и также украшена насѣчкою. c) Пластинка-обоймица отъ подобной же пряжки (табл. V, 3).

7) Половинка стеклянной бусы блѣдно-синяго цвѣта, непрозрачной (табл. V, 11).

8) Два желѣзные наконечника стрѣлъ въ видѣ удлиненнаго ромба, на 4 грани (табл. V, 4).

9) Четыре желѣзные ножа небольшихъ размѣровъ, съ прямымъ обухомъ.

10) Желѣзный копачъ въ видѣ пластины съ загнутыми двумя лопастями, $5^1/_2$ сант. длины.

11) Оселокъ изъ чернаго камня, на 4 грани, съ суживающимся концомъ и отверстіемъ для привѣшиванія.

Вещи могильника „Атамановы кости“ должны быть отнесены въ общемъ къ типамъ Пьяноборскаго могильника, но онѣ нѣсколько позднѣе послѣднихъ и, по нашему мнѣнію, могутъ быть относимы къ VII—VIII в.

Аналогіи онѣ имѣютъ въ извѣстномъ кладѣ, найденномъ близъ поч. Безводнаго Яранскаго у. Вятской губ. (атласъ Аспелина, №№ 788—801), въ казанскихъ могильникахъ близъ Айши и Стекольнаго завода, и наконецъ въ кавказскихъ позднихъ древностяхъ типа Чми.

III. Кошибеевскій могильникъ [1].

Въ устройствѣ могилъ представляетъ особенный интересъ ихъ длина. Изъ 60 могилъ лишь 12 имѣли въ длину 3 арш.: $3\frac{1}{4}$ арш. длины имѣли 10 могильныхъ ямъ, $3\frac{1}{2}$—20 ямъ, $3\frac{3}{4}$ арш.—12 ямъ, 4 арш.—5 ямъ и 4 арш. 2 вершка—1 яма (№ 77). Такимъ образомъ, большинство погребальныхъ ямъ Кошибеевскаго могильника (48 изъ 60) имѣетъ въ длину $3\frac{1}{2}$—4 арш. Такая длина до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, еще не наблюдалась ни въ одномъ могильникѣ. Объясняется она, быть можетъ, желаніемъ дать въ головахъ и ногахъ покойника особое помѣщеніе для сосудовъ и другихъ вещей. Меньшіе размѣры имѣютъ только ямы въ погребеніяхъ дѣтей и подростковъ. Обыкновенная ширина могилъ $\frac{3}{4}$ арш. и рѣдко доходитъ до 1 арш. Глубина могилъ вообще незначительна. Изъ 97 могильныхъ ямъ $\frac{1}{2}$ арш. глубиною было 13, $\frac{3}{4}$ арш.—27, 1 арш.—13, $1\frac{1}{4}$ арш.—25, $1\frac{1}{2}$ арш.—15, $1\frac{3}{4}$ арш.—2, 2 арш.—1 (№ 50), $2\frac{1}{2}$ арш.—1 (№ 7). Большая половина ямъ имѣла въ глубину или $\frac{3}{4}$, или $1\frac{1}{4}$ арш. Глубокія могилы принадлежали отчасти мужскимъ погребеніямъ, отчасти богатымъ женскимъ.

Быть можетъ, многіе костяки лежали на доскахъ, но остатки послѣднихъ сохранились только въ 13 погребеніяхъ, почти исключительно женскихъ, т. е. въ тѣхъ, гдѣ имѣлось наибольшее количество мѣдныхъ вещей (№№ 7, 11, 23, 41, 52, 53, 62, 64, 67, 72, 75, 76, 84). Въ пяти погребеніяхъ слѣды досокъ обнаружены были поверхъ костяковъ (№№ 10, 12, 70, 76, 81). Въ 4-хъ погребеніяхъ найдены тонкіе непрерывные равномѣрные слои какъ бы обуглившагося дерева, имѣвшаго правильно расположенные слои. Въ погребеніи № 10 такой слой обнаруженъ сверху на всѣхъ вещахъ, въ погребеніи № 84 подобный слой лежалъ на днѣ ямы корытообразно, толщиною въ 1 сант., въ погребеніяхъ № 86 и 96 тонкій сплошной угольный слой шелъ по нижней половинѣ костяка и дна ямы. Зерна угля найдены еще въ погребеніяхъ № 1 и 54 а. Невозможно думать, чтобы описанные слои дерева полагались въ могилы именно въ обугленномъ состояніи, и естественнѣе предположить, что это остатки досокъ, обуглившихся въ могилахъ въ силу физическихъ причинъ.

Случаевъ трупосожженія не наблюдалось. Вполнѣ правильнаго положенія къ странамъ свѣта костяки не имѣли. Большая часть ихъ, именно 80%, лежитъ головою въ восточную сторону: на В. (40%), С.-В. (4%) и Ю.-В. (36%); изъ остальныхъ 15% положены головою на Ю., 4%

[1]) Тамбовской губ. Отчетъ о раскопкахъ помѣщенъ далѣе.

на З. и всего одинъ костякъ на С. (№ 19). Любопытно, что всѣ костяки, лежащіе головою на З., т. е. въ направленіи, противоположномъ общему, оказались женскими (№№ 18, 67, 90, 91 и 108).

Изъ общаго числа вскрытыхъ и опредѣленныхъ погребеній 45% (44 погребенія) принадлежали женскимъ, 30% (29 погребеній, т. е. на 1/3 меньше)—мужскимъ, 25% падаютъ на долю дѣтскихъ (24 погребенія). Не могъ быть опредѣленъ полъ 12 погребенныхъ, что составляетъ 11% ихъ общаго количества (109 погребеній).

Вещи мужскихъ погребеній.

При мужскихъ костякахъ найдены предметы вооруженія (мечи, топоры, желѣзные кельты, наконечники копій), наряда (фибулы, пряжки, поясной наборъ), части сбруи и вещи домашняго обихода (скобель, ножи, точилки, горшки).

Мечей найдено два, оба различныхъ типовъ. Одинъ широкій съ тупымъ наконечникомъ, гладкій, съ деревянною рукоятью, суживающеюся къ концу, безъ крыжа, длиною 2 фута 9 дюйм. (табл. XII, 2, костякъ № 75); по остаткамъ деревянныхъ ножонъ можно было еще примѣтить, что они съ наружной стороны раздѣланы мелкими выпуклыми дорожками шириною въ гусиное перо. Другой мечъ длиннѣе (21 вершокъ) и уже, имѣетъ умѣренное перекрестье, конецъ рукояти въ видѣ изогнутыхъ, обращенныхъ другъ къ другу головокъ (табл. XII, 3, костякъ № 13). При обоихъ мечахъ найдено было по крупной бусѣ отличной работы (табл. XIII, 6), которыя, быть можетъ, относятся къ ихъ снаряженію. Бусы относятся къ типу такъ называемыхъ миллефіорныхъ. Въ ихъ составъ входятъ шахматнаго узора ромбы (квадратики зеленые и желтоватые, кайма коричневая) и звѣздочки (коричневыя на синемъ фонѣ). Совершенно такія же бусы извѣстны въ находкахъ изъ Сѣвернаго Кавказа (коллекція Ольшевскаго).

Ровно въ половинѣ мужскихъ взрослыхъ погребеній найдены желѣзные наконечники копій и дротиковъ. Наконечники копій однообразной формы: узкія острія, раздѣланныя на грани, отлогія плечики и болѣе или менѣе длинная втулка. Размѣры нѣкоторыхъ наконечниковъ значительные, но большинство средней величины. Наконечниковъ типа табл. XII, 8 найденъ 1 экз., типа табл. XII, 9—3 экз., типа табл. XII, 10—5 экз., типа табл. XII, 12—1 экз., типа табл. XII, 13—5 экз., типа табл. XX, 2—2 экз. и типа табл. XX, 4—1 экз., всего 18 экземпляровъ. При одномъ наконечникѣ типа табл. XII, 10 оказалось мѣдное колечко для прикрѣпленія его къ древку. Другой типъ наконечниковъ копій, встрѣченный всего въ количествѣ одного экз., представляетъ собою пластинчатое остріе на широкой втулкѣ (табл. XII, 12). Дротиковъ, представляющихъ широкую конусовидную трубку съ двумя жалами въ верхней части, встрѣчено всего лишь 2 экз. (погребенія №№ 22 и 75). Почти всѣ безъ исключенія копья лежали въ могилахъ наконечниками вверхъ, чаще по правой и рѣже по лѣвой сторонѣ головы, почти въ самыхъ углахъ ямы. Только въ погребеніи № 75 наконечники копья и дротика лежали въ ногахъ костяка, справа. Наконечниковъ стрѣлъ почти не найдено вовсе; нѣсколько очень изоржавѣвшихъ стрѣлокъ найдено въ погребеніи № 13, у лѣваго колѣна, остріями вверхъ.

Желѣзные кельты всѣ имѣютъ одинаковую форму въ видѣ лопасти съ закругляющимся остріемъ и цилиндрическою втулкою или гнѣздомъ (табл. XII, 4). Они найдены исключительно при мужскихъ

костякахъ, почти у половины общаго числа ихъ. Опредѣленнаго положенія въ могилѣ этимъ орудіямъ не усваивалось. Они найдены въ изголовьѣ (справа и слѣва головы), въ ногахъ, у локтей и близъ колѣнъ, рукоятью внизъ, остріемъ обыкновенно влѣво.

Топоровъ найдено всего 3 экз. (погреб. №№ 32, 78 и 87). Всѣ они примитивной, еще не выработанной формы: узкіе, съ гладкими щеками (табл. XII, 5). Одинъ изъ топоровъ лежалъ справа у плеча, а два другіе положены были на трупъ сверху, одинъ на тазу, другой на ногахъ.

Фибулъ при мужскихъ костякахъ найдено лишь двѣ. Одна, такъ называемаго готскаго типа, мѣдная или серебряная, найдена была на лѣвой ключицѣ костяка № 75 (табл. VII, 5). Игла прикрѣплена помощью проволочной спирали. Вторая фибула желѣзная, сравнительно большихъ размѣровъ, найдена на поясѣ скелета № 79, вмѣстѣ съ пряжкою и ножомъ. Дужка фибулы незначительна; благодаря обильной ржавчинѣ, формы ея и украшенія неясны (табл. IX, 17).

Нагрудныхъ и иныхъ пряжекъ на мужскихъ костякахъ встрѣчено очень ограниченное количество. Мѣдныхъ тонкихъ пряжекъ типовъ табл. XI, 11 и 13 найдено всего 6 экз. (погребенія №№ 9, 33, 68, 75 и 77): 1 на шеѣ, 2 на груди, 2 на поясѣ и 1 въ изголовьѣ. Подобныхъ же пряжекъ типа табл. XIX, 12 (изъ круглой проволоки) найденъ лишь 1 экз., въ изголовьѣ (костякъ № 75). Большая мѣдная пряжка (до 7 сант. въ діаметрѣ), круглая, съ длинными поперечными цилиндриками на концахъ и желѣзною иглой (табл. XI, 21), найдена также въ одномъ экземплярѣ (погребеніе № 1), слѣва отъ головы. О назначеніи всѣхъ этихъ пряжекъ трудно высказать какое-либо опредѣленное сужденіе. Въ изголовьѣ костяка № 54 а лежала большая желѣзная пряжка типа табл. XI, 19.

Поясной наборъ бѣденъ и не разнообразенъ. Поясныхъ пряжекъ мало. Всѣ онѣ принадлежатъ къ типу такъ называемыхъ готскихъ и состоятъ изъ овальнаго или круглаго кольца съ иглой, обыкновенно вогнутой и нерѣдко украшенной насѣчкою, и круглой или продолговатой обоймицы, всегда очень плохой сохранности, а нерѣдко и совсѣмъ истлѣвшей (табл. XI, 2—4, 7, 9, 10, 17 и 18, костяки №№ 6, 9, 33, 42, 75, 79 и 87). Серебряныхъ пряжекъ не встрѣтилось, но найдено нѣсколько (7 экз.) желѣзныхъ (табл. XI, 15, а также типа табл. X, 9 и 10). Изъ послѣднихъ, впрочемъ, только четыре (костяки №№ 43, 79, 80 и 98) найдены при мужскихъ скелетахъ. При трехъ мужскихъ скелетахъ (№№ 54 а, 80 и 83) найдены желѣзныя пряжки большихъ размѣровъ (табл. XI, 8 и 14); одна изъ нихъ въ діаметрѣ кольца имѣетъ $6^{1}/_{2}$ сант. На поясѣ мужского костяка № 86 найдена круглая желѣзная пряжка типа табл. X, 9, у другого—большая желѣзная пряжка четыреугольной формы (табл. XI, 6), у третьяго—пряжка типа табл. XXI, 17, съ вогнутыми боками (костякъ № 39).

Лучшій поясной наборъ состоялъ (костякъ № 22) изъ 17 мѣдныхъ ромбическихъ бляшекъ (табл. VI, 13) и нѣсколькихъ въ безпорядкѣ лежавшихъ на поясѣ мѣдныхъ же подвѣсокъ, именно: конька или другого животнаго, спаяннаго изъ отдѣльныхъ выгнутыхъ пластинокъ (табл. VI, 15), верхней части тонкой полой фигуры медвѣдя (табл. VI, 16; на спинѣ посрединѣ круглое отверстіе для подвѣшиванія, выпуклый кантъ припаянъ) и изъ ажурной подвѣски съ схематическими головками въ разныя стороны (табл. VI, 26; чеканъ нижней части отдѣланъ ударами стамески, за одну изъ проволокъ средней части захлеснутъ ремешокъ). Въ головахъ мужского костяка № 75 лежалъ кожаный поясъ, снабженный мѣдною пряжкою типа табл. XI, 12, мѣднымъ нако-

печникомъ типа приблизительно XXII, 7 и украшенный тонкими мѣдными фигурными бляшками табл. XI, I. Поясъ костяка № 87 имѣлъ мѣдную пряжку (табл. XI, 18) и нѣсколько мѣдныхъ тонкихъ изоржавѣвшихъ бляшекъ, составленныхъ изъ 9 выпуклыхъ кружковъ (табл. VI, 17).

Удила настолько же принадлежность мужского погребенія, насколько и женскаго. Изъ 18 экз. удилъ, найденныхъ въ могильникѣ, 10 оказались въ мужскихъ и 8 въ женскихъ погребеніяхъ [1]). Удила обычной формы, но обыкновенно съ большими кольцами (табл. XII, 1 и XI, 19); встрѣченъ одинъ экземпляръ съ псаліями, прямыми, другой экземпляръ удилъ вмѣсто одного кольца на каждой сторонѣ имѣлъ по два. Чаще всего они бываютъ положены въ изголовьѣ, особенно въ правомъ углу; найдены они также въ ногахъ, слѣва у плеча и справа у бедра.

На мѣстѣ головы мужского скелета № 13, вмѣстѣ съ наконечникомъ копья, находился желѣзный скобель современнаго типа въ видѣ пластины съ двумя рукоятками (подобный изображенъ на стр. 29 приложенія къ соч. Ястребова, Лядинскій могильникъ).

Точилки имѣютъ видъ продолговатыхъ каменныхъ палочекъ съ гранями (табл. XII, 6). Ихъ найдено 4 экз., исключительно при мужскихъ погребеніяхъ (№ 43, 52 а, 62 и 87). Два экземпляра лежали въ головахъ, одинъ на поясѣ, поверхъ поясной пряжки, и одинъ въ ногахъ.

При всѣхъ 109 погребеніяхъ могильника найдены 42 желѣзные ножа: при мужскихъ 23 экз., при женскихъ 16 экз., при дѣтскихъ и неопредѣленныхъ 3 экз. Такимъ образомъ ножи оказались при 40% общаго числа погребеній; изъ этого количества 21% падаетъ на мужскія и 15% на женскія погребенія. Большинство ножей имѣетъ прямой обухъ (табл. VII, 6), но не менѣе четвертой части ихъ снабжено обухомъ округленнымъ, при прямомъ лезвіѣ (табл. VII, 7). Размѣры ножей небольшіе. Въ большинствѣ мужскихъ погребеній ножи попадаются на поясахъ и, повидимому, были къ нимъ прикрѣплены. Встрѣчаются они также у кисти правой руки, на груди, въ изголовьѣ, въ ногахъ и изрѣдка вдоль туловища. При женскихъ костякахъ ножи попадаются въ очень неопредѣленныхъ положеніяхъ: у кисти руки, въ изголовьѣ, въ ногахъ, на нижней части скелета.

Горшки въ могильникѣ найдены при 70 погребеніяхъ, т. е. при 66% общаго числа погребеній. Изъ 60 горшковъ, найденныхъ при погребеніяхъ опредѣленнаго пола, 35 оказались при женскихъ скелетахъ и 25 при мужскихъ; такъ какъ общее число женскихъ погребеній въ могильникѣ на треть больше, чѣмъ мужскихъ, то можно сказать, что погребальные сосуды ставились столь же часто при женскихъ, какъ и при мужскихъ погребеніяхъ.

Размѣры сосудовъ небольшіе, глина сѣрая, выдѣлка ручная, грубая. Очевидно, это спеціальные сосуды для погребеній. Они имѣютъ форму высокой или низкой стопы; бока слегка вздуты, отверстіе широкое. Огромное большинство лишено орнамента. Изображенные на табл. XII, 17—20 экземпляры—почти единственные во всей коллекціи съ орнаментомъ, но края сосудовъ нерѣдко украшены зубцами. Орнаментъ исключительно ногтевой и точечный. По внѣшнему виду горшки могутъ быть раздѣлены на высокіе (до 14 сант. вышины), средніе (до 11 сант. вышины) и низкіе (7 сант.); большинство сохранившихся относится къ первой разновидности, менѣе же всего попадалось низкихъ. Одинъ сосудъ (найденный при женскомъ костякѣ) имѣлъ видъ низкой, грубо вылѣпленной чашки.

---

[1]) Мужскія погребенія съ удилами: № 1, 13, 43, 54 а, 62, 75, 77, 79, 80, 83, женскія: № 4, 8, 29, 49, 54, 70, 76, 81.

Изъ 29 мужскихъ скелетовъ при 10 найдены остатки огнива и кремня [1]). Слѣды огнивъ, въ видѣ неопредѣленной желѣзной пластинки, сохранились лишь при трехъ погребеніяхъ, при остальныхъ найдены лишь кремни. Въ шести случаяхъ кремни лежали на тазу, нерѣдко вмѣстѣ съ ножами; въ трехъ случаяхъ они находились въ изголовьѣ, и при одномъ костякѣ кремень найденъ на груди, выше таза.

На груди мужскаго костяка № 1 было разбросано небольшое количество золоченыхъ бусъ. Неопредѣленныя подѣлки изъ желѣза, очень изоржавѣвшія, найдены ниже таза костяка № 1, справа, и на лѣвой ключицѣ костяка № 75, вмѣстѣ съ фибулой.

Рис. 7.

Вещи женскихъ погребеній.

Женскія погребенія, по обыкновенію, несравненно богаче мужскихъ.

Встрѣчено довольно значительное количество оригинальныхъ головныхъ уборовъ (10 экз., что составляетъ 18% общаго числа женскихъ костяковъ), изъ которыхъ одинъ сохранился въ сравнительно хорошемъ состояніи. На головѣ костяка № 12 находился уборъ, напоминающій русскую

---

[1]) Костяки №№ 1, 33, 39, 54 а, 62, 71, 75, 78, 83, 84.

сороку (рис. 7). Передняя часть его состоитъ изъ шерстяного очелья, прикрывающаго темя и украшеннаго двумя продольными и однимъ поперечнымъ рядомъ спиралекъ съ выпуклыми бляшками на перекрестьяхъ, и изъ широкой шерстяной же лопасти, поставленной ребромъ на темя, облегающей всю голову и украшенной на концахъ гладкими мѣдными бляхами, а въ остальной части также рядами спиралекъ, расходящихся пучками въ разныя стороны. Задняя часть убора не сохранилась. На черепѣ костяка № 54 оказались остатки шерстяного головного убора, украшеннаго рядами спиралекъ и семью мѣдными бляшками. На остаткахъ черепа скелета № 91 оказались слѣды вѣнчика изъ спиралекъ и головного убора, на который нанизаны 7 мѣдныхъ бляшекъ типа табл. IX, 16. На задней части этого убора сохранились изотлѣвшая свинцовая масса и подъ нею мѣдная бляшка табл. IX, 26, а близъ уха—бляшка табл. VII, 8, стоявшая ребромъ.

Справа отъ черепа костяка № 76 найденъ рядъ мѣдныхъ спиралекъ типа табл. IX, 21, быть можетъ, отъ головного убора. На черепѣ костяка № 109—остатки шерстяного головного убора, на которомъ нанизаны въ небольшомъ количествѣ бляшки и спиральки типа табл. IX, 14. Слѣва отъ черепа костяка № 58 находилась шерстяная ткань, вѣроятно, отъ головного убора, унизанная множествомъ мѣдныхъ бляшекъ типа табл. VI, 11, плоскихъ бляшекъ типовъ табл. VII, 8 и IX, 15 и 16 и сплющенныхъ спиралекъ типа табл. IX, 13. Можно было замѣтить, что ряды спиралекъ чередовались съ выпуклыми бляшками, но общаго узора нельзя было уловить. На черепѣ скелета № 42 найдено украшеніе головного убора въ видѣ полоски изъ 7 плоскихъ бляшекъ типа табл. IX, 16, но нѣсколько меньшей величины, и изъ трехъ рядовъ нанизанныхъ на ремешки кольчужекъ. Въ углу ямы № 53 найдены остатки шерстяной ткани съ 10 мѣдными бляшками табл. VI, 11, расположенными почти въ одну линію, и съ неопредѣленнымъ желѣзкомъ. Въ углу могилы № 50 найденъ подобный же уборъ изъ 5 бляшекъ.

Шерстяное головное покрывало костяка № 64 унизано было мѣдными бляхами и бляшками типовъ табл. VII, 8; IX, 16; XVI, 3 и спиралями. При этомъ покровѣ найденъ былъ описанный ниже накосникъ табл. VI, 29.

Головные вѣнчики встрѣчены на костякахъ №№ 42, 58 и 91. Они идутъ вкось, отъ верхней части лба за уши, и не кругомъ всей головы, а лишь до ушей. Вѣнчикъ на головѣ костяка № 42 состоялъ изъ 7 круглыхъ бляшекъ типа табл. IX, 16 (но меньшей величины) и 3-хъ рядовъ ремешковъ, на которые напущены кольчужки. Вѣнчикъ костяка № 58 состоялъ изъ ремня, унизаннаго тонкими пластинками-обоймицами (табл. XI, 5), вѣнчикъ костяка № 91—изъ двухъ рядовъ спиралекъ, нанизанныхъ на ремни. Точно ли всѣ описанные уборы имѣли значеніе вѣнчиковъ, навѣрное не знаемъ; нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, не имѣли самостоятельной роли и входили въ общій составъ головныхъ накидокъ.

Повидимому, существовалъ особый наборъ бляшекъ для косъ, или же простыя косоплетки. Лучшій экземпляръ накосника найденъ при костякѣ № 64. Онъ составленъ изъ 8 плоскихъ круглыхъ бляшекъ съ ушками позади, 13 двойныхъ продолговатыхъ цилиндрическихъ пронизокъ и 3-хъ лапчатыхъ подвѣсокъ; все это сгруппировано въ 3 полоски или ленты при помощи узкихъ ремешковъ и прикрѣплено вверху на желѣзкѣ (табл. VI, 29). На томъ же костякѣ сохранились остатки шерстяного головного убора изъ бляшекъ и спиралекъ; накосникъ спускался по правой сторонѣ костяка, приблизительно отъ плеча до тазу. Конецъ накосника другого типа найденъ на тазу костяка № 53.

Онъ составленъ изъ двухъ пронизокъ - полуцилиндриковъ, двухъ круглыхъ бляшекъ, изъ двухъ или одной бляшки другой формы и оканчивался съ одной стороны лапчатою подвѣскою, а съ другой двойною подвѣскою съ изогнутыми концами (табл. VI, 31 и 28). Накосникъ при скелетѣ № 88 состоялъ изъ двухъ большихъ пирамидчатыхъ подвѣсокъ (табл. VI, 25), прикрѣпленныхъ помощью спиралекъ; этотъ уборъ лежалъ справа на тазу.

Близъ черепа нѣсколькихъ женскихъ костяковъ найдены особыя мѣдныя подвѣски на спиралькахъ, свѣшивавшіяся, быть можетъ, на темя, хотя, вслѣдствіе плохой сохранности костяковъ въ могильникѣ, съ полною опредѣленностью этого нельзя утверждать. Подвѣски состоятъ изъ пластинчатаго кольца, украшеннаго по сторонамъ пятью или тремя выпуклыми бляшками или лопастями (табл. IX, 7 и 8). Подвѣсокъ перваго типа найдена всего одна (костякъ № 49), а второго — 4 экз. (№№ 69, 70, 81, 108). Не составляютъ ли эти подвѣски слабой имитаціи византійскихъ ряснъ съ жемчужинами?

Есть и другихъ типовъ головныя подвѣски на спиралькахъ: сборчатыя (табл. IX, 21), встрѣченныя при костякахъ №№ 21, 38, 55 и 81, и колокольчатыя (табл. IX, 22), встрѣченныя на костякахъ №№ 2, 49 и 73. Помѣщаются эти подвѣски по двѣ и по одной; если при одномъ черепѣ встрѣчаются подвѣски звѣздчатыя и другія, то первыя лежатъ на одной сторонѣ, а вторыя на другой. Одна колокольчатая подвѣска найдена у лѣваго плеча, гдѣ она лежала вмѣстѣ съ подвѣской-уточкой, висѣвшей на ремнѣ (табл. VII, 9, погребеніе № 41, отроческое). Изображеніе очень схематизировано, такъ что можетъ быть принято и за другое. При женскомъ погребеніи № 6 и при мужскомъ (?) № 106 колокольчатыя подвѣски найдены на поясѣ, вмѣстѣ съ ножами, и три такія же подвѣски оказались въ ногахъ женскаго костяка № 85. Длина спиралекъ описанныхъ подвѣсокъ 5—6 сант.; онѣ всегда нанизаны на тонкій ремешокъ и вверху иногда оканчиваются мѣдными бусами.

Отдѣльно спиральки даннаго типа и той же величины встрѣчены: на дѣтскомъ костячкѣ № 37, на мужскомъ № 50 и на груди женскаго (?) № 57. Болѣе короткія и крутыя спиральки на ремняхъ встрѣчены лишь въ дѣтскомъ погребеніи № 37 и женскомъ № 85 (около пояса, слѣва, при неопредѣленной мѣдной бляшкѣ).

Ушныхъ сережекъ въ могильникѣ, повидимому, не встрѣчено вовсе; только на головѣ дѣтскаго костяка № 21 найдено 5 или 6 тонкихъ мѣдныхъ колечекъ типа табл. XVII, 4 (но меньшей величины), изъ которыхъ 3, быть можетъ, были вдѣты въ мочку уха. Подобное же кольцо, свернутое почти въ два оборота, найдено на правомъ плечѣ костяка № 26, и такое же, но большей величины,—на груди мужскаго костяка № 39.

У значительной части женскихъ костяковъ оказались шейныя гривны. Ихъ нѣсколько типовъ: 1) тонкія проволочныя съ крючкомъ и петлею на концахъ (табл. VII, 11), 2) болѣе толстыя проволочныя съ пластинчатою петлею и крючкомъ на концахъ (табл. VII, 12 и 13), 3) проволочныя витыя изъ двухъ проволокъ, также съ крючкомъ и петлею по концамъ, типа табл. VII, 14 (костяки №№ 44, 50, 70), 4) толстыя проволочныя, не измѣняющія толщины къ концамъ, типа табл. XVII, 10 (костяки №№ 10, 12, 97; на скелетѣ № 12 были 3 такія гривны, въ діаметрѣ 5, $5^1/_2$ и 6 дюймовъ), 5) мѣдныя съ круглой бляхой въ видѣ низкой коробочки, типа табл. XVII, 11 (костяки №№ 41, 77, 108). Первыхъ найдено 18 экз., вторыхъ 10 экз., третьихъ и пятыхъ всего по 3 экз., четвертыхъ 5 экз. Кромѣ того, встрѣчены на женскихъ костякахъ еще по одному и по два

экземпляра гривенъ слѣдующихъ типовъ: 6) толстая мѣдная гривна гладкая, круглая, типа табл. X, 3 (костякъ № 67; концы гривны оказались обломанными), 7) серебряная гривна съ напущенными на концы спиралями типа табл. X, 6 (такая гривна въ смятомъ видѣ была положена подъ головою мужского костяка № 75) и подобная мѣдная типа табл. XVII, 9 (костякъ № 49), 8) мѣдныя витыя гривны типа табл. X, 4 и XIII, 4 (костяки № 19, 73 и 108), 9) двѣ желѣзныя гривны съ напущенными на нихъ мѣдными спиралями и бусами типа табл. X, 7 (костяки № 70 и 81). Изъ 55 женскихъ погребеній въ 17 (31%) вовсе не найдено шейныхъ гривенъ (это или дѣтскія, или бѣдныя погребенія); по одной гривнѣ оказалось въ 25 погребеніяхъ (45%), по двѣ — въ 6, что составляетъ 11% (костяки № 4, 7, 54, 62, 64, 76), по три — въ 2-хъ (№ 12 и 58), по четыре—въ 1-мъ (№ 52), по шести —въ 2-хъ (№ 50 и 70), по восьми — въ 1-мъ (№ 108).

Ожерелья изъ бусъ найдены на шеѣ 41 костяка, т. е. при 75% женскихъ погребеній. Бусы вообще не многочисленны. Большинство ожерелій таково, что едва могло бы служить даже браслетами; богатыхъ вовсе не встрѣчено. Составъ ожерелій имѣетъ характерныя особенности: въ большинствѣ случаевъ они складываются изъ трехъ крупныхъ красныхъ бусъ, небольшого количества красныхъ или золоченыхъ средней величины и изъ небольшого же числа красныхъ и золоченыхъ малаго размѣра.

Типы бусъ немногочисленны и не разнообразны:

1) Красныя стекляныя или пастовыя бусы разныхъ величинъ и формъ: a) величиною въ лѣсной орѣхъ (табл. VI, 24), всегда нѣсколько неправильной круглой формы. Встрѣчена одна буса этого размѣра и состава, нѣсколько сплющенная и орнаментированная стекляною инкрустаціею въ видѣ бѣлыхъ полосокъ и глазокъ (табл. VI, 22 и 23), и другая подобная съ инкрустаціею изъ звѣздочекъ желтаго цвѣта. b) Такія же бусы размѣровъ въ большую и малую горошину, нѣкоторыя желобчатыя (табл. VI, 2); c) мелкія бусы того же состава, величиною въ дробинку (табл. VI, 1); d) того же состава цилиндрическія бусы средней и малый величины (табл. VI, 3 и 4); e) двойная буса средней величины (табл. VI, 9), f) небольшая буса грушевидной формы, g) плоская буса въ формѣ плитки. При выемкѣ изъ земли бусы имѣютъ красивый ярко-розовый цвѣтъ, постепенно обращающійся въ кирпичный.

2) Круглыя позолоченыя бусы средней и малой величины (табл. VI, 5 — 7); немногія бусы двойныя и тройныя (табл. VI, 5 и 8). Позолота превосходная, яркая, вѣроятно, изъ настоящаго золота, подъ довольно толстымъ слоемъ стекла.

3) Гранчатая стекляная буса синяя, цвѣта сапфира (табл. VI, 15, дѣтскій костякъ № 31).

4) Стекляная черная буса двойная (табл. VI, 9, костякъ № 6).

5) Янтарная буса (дѣтскій костякъ № 30).

6) Сердоликовая бусинка (бѣдное погребеніе № 99).

Изъ перечисленныхъ типовъ самыми обычными бусами являются бусы средней величины красныя и золоченыя; первыя попадаются значительно чаще.

Ожерелье костяка № 32 состояло изъ значительнаго количества бусъ и набора спиралекъ типа табл. IX, 13; ожерелье костяка № 4 состояло изъ 7 такихъ же спиралекъ.

На шеѣ дѣтскаго скелета № 30, кромѣ гривны и янтарной бусы, оказалась привѣска въ видѣ бляшки изъ трехъ выпуклыхъ щитковъ съ тремя же конусовидными подвѣсками на витыхъ ушкахъ,

позади 3 ушка (табл. VI, 12); подвѣска эта могла быть прикрѣплена на гривнѣ. Быть можетъ, такъ же была прикрѣплена другая подобная подвѣска, въ видѣ полукруга, плетеная изъ проволоки, найденная на шеѣ костяка № 6 (табл. XIII, 1).

Наиболѣе видными нагрудными украшеніями являются большія бляхи и пряжки.

Нагрудныя бляхи оказались почти у четвертой части всѣхъ женскихъ костяковъ (23%). Половина всего количества ихъ имѣетъ видъ очень тонкихъ мѣдныхъ круглыхъ пластинъ, орнаментированныхъ широкимъ кольцомъ изъ параллельныхъ круговъ, выдавленныхъ снизу, въ діаметрѣ отъ 4 до 5½ дюймовъ и менѣе (табл. XIII, 8). Всѣ бляхи этого типа сохранились въ очень плохомъ состояніи, такъ что невозможно судить о способѣ прикрѣпленія ихъ къ ткани (костяки №№ 25, 29, 58, 95, 96, 97). Остальныя бляхи имѣются лишь по одному экземпляру: 1) круглая тонкая бляха, орнаментированная крупными бородавчатыми выпуклинами и укрѣпленная перекрестьемъ изъ пластинокъ, покрытыхъ насѣчкой и оканчивающихся петлями, въ которыя вложены колечки (табл. VIII, 9, костякъ № 21 и отдѣльно); 2) такая же бляха, орнаментированная по краю и по перекрестью выпуклымъ пунктиромъ (табл. VIII, 8, костяки № 7 и 70); 3) такая же бляха, имѣющая вмѣсто двухъ лишь одну пластинку и украшенная сплошнымъ тонкимъ зигзаговиднымъ орнаментомъ (табл. VIII, 5, костякъ № 8); 4) такая же бляха, скрѣпленная фигурными пластинками (табл. VIII, 3, костякъ № 67, колечекъ 8); 5) круглая бляха до 1 верш. въ діаметрѣ (костякъ № 44). Вслѣдствіе чрезвычайно плохой сохранности костяковъ трудно сказать, въ какой части груди помѣщались эти бляхи. Въ двухъ случаяхъ (костяки № 21 и 70) можно было замѣтить, что бляха лежала на нижнихъ позвонкахъ, въ одномъ (костякъ № 58) она, напротивъ, помѣщалась въ верхней части груди. Весьма вѣроятно, что такого рода нагрудныя бляхи занимали верхнюю или же нижнюю часть какого-нибудь отдѣльнаго шерстяного полотнища, украшавшаго женскую одежду, которая могла быть прикрѣпляема къ ней и отнимаема отъ нея. При бляхѣ костяка № 67 найдена мѣдная пряжка и небольшое количество спиралекъ, пряжка же оказалась подъ бляхою костяка № 70, двѣ небольшія пряжки находились нѣсколько ниже бляхи костяка № 29; всѣ эти пряжки могли служить для прикалыванія предполагаемаго украшенія на груди. При костякѣ № 8 бляха оказалась не на груди, а отдѣльно, въ изголовьѣ, что также говоритъ въ пользу нашего предположенія. Впрочемъ съ увѣренностью можно сказать лишь то, что данныя бляхи не служили украшеніемъ какого-нибудь матерчатаго накосника, падающаго на спину, такъ какъ всѣ найденныя въ могильникѣ бляхи лежали лицомъ вверхъ. Еще считаемъ не излишнимъ отмѣтить, что по нашимъ точнымъ наблюденіямъ бляхи помѣщались на груди перекрестьемъ вкось, косымъ крестомъ, такъ что всѣ находящіяся на нихъ колечки лежали по бокамъ. О такомъ способѣ прикрѣпленія говорятъ и отверстія, сдѣланныя для этой цѣли въ углахъ перекрестій; быть можетъ, бляхи прикрѣплялись еще и по петлямъ перекрестій.

То же назначеніе имѣли, по всей вѣроятности, и большія нагрудныя пряжки. Такихъ пряжекъ въ могильникѣ насчитывается 9 экз., при 16% всего числа женскихъ погребеній. Большая часть пряжекъ этого типа представляютъ собою весьма широкія мѣдныя круглыя пластины, украшенныя выдавленными снизу концентрическими кругами и крупными бородавчатыми выпуклостями; концы круга разомкнуты и свернуты въ трубочку, игла примитивно прикрѣплена къ одной изъ сторонъ пряжки (табл. VIII, 6; IX, 19; XIII, 12. Костяки №№ 26, 50, 53, 54, 62, 64, 76 и

отдѣльно). Обычный діаметръ — 4 дюйма. На костякѣ № 53 пряжка лежала въ нижней части груди.

Другой, болѣе рѣдкій типъ нагрудныхъ пряжекъ—большая круглая мѣдная пластина, ажурная, орнаментированная выпуклымъ пунктиромъ, посрединѣ прикрѣплена пряжечка небольшого размѣра (табл. VIII, 2, костяки № 12 и 76). На костякѣ № 72 такая пряжка прикрѣпляла на груди большой мѣдный тонкій кругъ, совершенно изотлѣвшій (рис. при костякѣ № 12).

Иные типы большихъ нагрудныхъ пряжекъ: 1) пластинчатая ажурная пряжка, украшенная по краю рядомъ выпуклостей (табл. VIII, 4, костякъ № 61), 2) пряжка въ видѣ кольца съ рядомъ лопастей по краю (табл. IX, 25, костякъ № 29; найдена у пояса, ниже большой нагрудной бляхи), 3) проволочныя плетеныя пряжки съ шестью лопастями, двухъ величинъ и разновидностей (табл. IX, 27 и 24, костяки №№ 49, 67 и 81; отдѣльно плохая пряжка того же типа табл. VIII, 7). Обѣ большія плетеныя пряжки помѣщались въ нижней части груди; при одной находились 2 малыя пряжечки, сверхъ другой лежала ткань. Малая плетеная пряжка лежала подъ нагрудной бляхой (костякъ № 67).

Другихъ нагрудныхъ украшеній почти нѣтъ. Можно указать лишь слѣдующія. Въ верхней части женскаго костяка № 96, вмѣстѣ съ обломками нагрудной бляхи, бусами и браслетами, найдены 2 мѣдныя бляшки-тройчатки табл. VI, 18, подвѣска-уточка и плоская бляшка съ зубчатымъ орнаментомъ табл. XI, 16. Бляшка-пронизка двойчатка табл. XI, 20 найдена лишь въ одномъ экземплярѣ, внѣ погребеній. Вторая подвѣска въ видѣ уточки найдена на костякѣ дѣвочки № 41, гдѣ она лежала у лѣваго плеча, вмѣстѣ съ колокольчатой подвѣской типа табл. IX, 22. На груди костяка № 52 оказались неопредѣленное желѣзко и мѣдная плоская пряжка типа табл. IX, 16, на груди костяка № 104 —такая же бляшка и желѣзной ножъ.

Малыя мѣдныя пряжки встрѣчены на 27 костякахъ, т. е. ровно въ половинѣ женскихъ погребеній. Обычная ихъ форма — пластинчатое, нѣсколько удлиненное кольцо, украшенное съ наружной стороны насѣчкой, на разомкнутыхъ концахъ завитокъ, отдѣльно игла, свободно передвигающаяся по всему кольцу (табл. XI, 13), размѣры средніе. Только одинъ экземпляръ этого типа пряжекъ украшенъ вмѣсто насѣчки рядомъ наколовъ (табл. XI, 11); найденъ 1 экз. сравнительно большой пряжки этого типа, безъ орнамента (типа табл. XIX, 11, костякъ № 66). У ворота найдена лишь одна небольшая пряжечка (дѣтскій костякъ № 63). Два экз. оказались на лѣвомъ плечѣ (костякъ № 7 и 15), 2 экз. у праваго плеча (костякъ № 50), 1 экз. въ верхней части груди (кост. № 10), 3 экз. въ нижней части груди (костяки № 6, 41 и 90), 2 экз. по бокамъ груди у локтей (костякъ № 21, можетъ быть, для прикрѣпленія нагрудной бляхи), 2 экз. на груди на линіи локтей (костякъ № 38), 1 экз. нѣсколько выше кисти правой руки (костякъ № 108), 7 экз. вообще на груди (костяки №№ 34, 35, 69, 73, 89, преимущественно дѣтскіе), 2 экз. на поясѣ (костяки № 8 и 23). Шесть экземпляровъ служили, повидимому, для прикрѣпленія нагрудныхъ бляхъ (костяки №№ 29, 49, 70, 76), по одному и по два экземпляра. Одинъ экз. находился въ изголовьѣ, вмѣстѣ съ нагрудною бляхою (костякъ № 8), три экз. въ изголовьѣ же, на остаткахъ шерстяной ткани, вмѣстѣ съ нѣсколькими фибулами и спиральками (костякъ № 11) и 1 экз. въ ногахъ (костякъ № 40).

На груди костяка № 38, вмѣстѣ съ двумя другими, найдена особой формы пряжка въ видѣ кольца съ двумя широкими ушками для прикрѣпленія къ ремню.

Небольшихъ круглыхъ желѣзныхъ пряжекъ типа табл. X, 9 встрѣчено 6 экз.: 2 экз. отдѣльно, въ изголовьѣ (костяки №№ 58 и 85), 1 экз. въ ногахъ (костякъ № 52), 1 экз. на поясѣ или нѣсколько выше (костякъ № 104), 1 экз. на подолѣ у линіи колѣнъ (костякъ № 54), 1 экз. въ дѣтскомъ погребеніи № 5.

Большія желѣзныя пряжки типа табл. XI, 14 найдены въ количествѣ 5 экз., всѣ на поясѣ, посрединѣ, 2 экз. на правой полѣ и 3 экз. на лѣвой (костяки №№ 12, 26, 52, 58, 91). Назначеніе этихъ пряжекъ остается для насъ не разъясненнымъ. Одна изъ нихъ оказалась лежащею поверхъ кисти руки (см. рис. 19, костякъ № 12), изъ чего видно, что это врядъ ли пряжки отъ поясовъ. Того же типа малыя желѣзныя пряжки найдены въ количествѣ 3-хъ экз.; изъ нихъ 2 находились на поясѣ (костяки № 46, 54) и 1 въ ногахъ. Того же размѣра встрѣчены еще 2 мѣдныя пряжки типовъ табл. XI, 2 и 9, обѣ на поясѣ (костяки № 6 и 42). Назначеніе описанныхъ малыхъ пряжекъ также не могло быть уяснено. Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что вмѣстѣ съ ними были находимы ножи, крупныя спирали и подвѣски.

Одинъ типъ мѣдныхъ пряжекъ употреблялся спеціально для укрѣпленія обуви. Это—небольшой величины кольца съ язычкомъ и длинныя, слегка изогнутыя пластины (табл. XI, 12). Въ двухъ случаяхъ (костяки № 12 и 85) найдено по 2 экз. такихъ пряжекъ, на одномъ костякѣ немного ниже колѣнъ, на другомъ на четверть аршина выше ступни; при костякѣ № 54 пряжка оказалась лишь на правой ногѣ.

Другіе типы пряжекъ, найденныхъ въ женскихъ погребеніяхъ: 1) большая круглая желѣзная пряжка съ язычкомъ, найденная въ правомъ углу могилы № 25 (это врядъ ли остатокъ удилъ, такъ какъ другого кольца не найдено), 2) небольшое круглое кольцо съ желѣзнымъ язычкомъ (табл. VIII, 1, костякъ № 96, такое же безъ язычка найдено въ погребеніи № 32), 3) маленькія проволочныя пряжки типа табл. XIX, 12, съ завитками на несомкнутыхъ концахъ; одна найдена на шеѣ, другая близъ пояса справа (костяки № 4 и 12).

Немногочисленныя фибулы (10 экз. въ 5 погребеніяхъ) всѣ безъ исключенія найдены не на костякахъ, а въ сторонѣ отъ нихъ, обыкновенно въ изголовьѣ, на остаткахъ шерстяной ткани. Ихъ типы: 1) малыя съ широкимъ желѣзнымъ перекрестьемъ, убраннымъ мѣдною спиралью и горошинками на концахъ, дужка узкая или нѣсколько расширенная (табл. IX, 1 и 2), 2) подобныя пластинчатыя, большей величины, украшенныя гранями, перемычками, кружками и тонкими линіями въ видѣ зигзаговъ (табл. IX, 3—6 и 18), 3) фибулка такъ называемаго готскаго типа, со щиткомъ и расширенною пятою (табл. IX, 12). Всѣ типы встрѣтились только по 1 экз., кромѣ типа табл. IX, 4, встрѣченнаго въ 4-хъ экз. Наибольшее количество фибулъ оказалось при костякѣ № 11. Здѣсь въ изголовьѣ найдены остатки шерстяной ткани, въ которыхъ всажены, приблизительно попарно, 6 фибулъ трехъ типовъ; съ ними найдена еще пряжка и 3 ряда спиралекъ. Фибулы типа табл. IX, 3 и 12 найдены вмѣстѣ, въ изголовьѣ костяка № 29, гдѣ оказался также обломокъ пряжки и большое мѣдное кольцо съ 11 узелками или выступами по краю, имѣвшее какое-нибудь символическое значеніе (табл. VII, 10). Фибулы табл. IX, 1 и 5 оказались въ ногахъ (костякъ № 108), а фибула табл. IX, 6 — при дѣтскомъ погребеніи (костякъ № 89). Фибула, найденная въ груди дѣтскаго костяка № 36, такъ изоржавѣла, что не сохранила своей формы. Фибулы мѣдныя, а нѣкоторыя, быть можетъ, изъ низкопробнаго серебра. Почти у всѣхъ

на перекрестѣ соединительная проволочная дужка, проходящая снаружи или же извнутри основанія дуги. Пріемники или пластинчатые, припаянные къ пятѣ, или же на вѣсу, прикрѣпленные къ дужкѣ проволочными концами.

Браслеты оказались у 14 костяковъ, что составляетъ 25% общаго числа женскихъ погребеній. У трехъ костяковъ найдено по 3 экз., у 6 костяковъ по 2 и у 3-хъ по 1 экз., что вмѣстѣ составляетъ 24 экз. браслетовъ. Ихъ типы: 1) проволочные круглые, потоньше и потолще (табл. VII, 4 и XIII, 5, костяки №№ 12, 21, 38, 40, 49, 50, 96, 108), всего 16 экз.; нѣкоторые изъ нихъ сработаны спеціально, а иные выгнуты изъ обломковъ шейныхъ гривенъ, 2) такой же съ нѣсколько расширенными концами, болѣе стараго типа (таб. XXIII, 7, костякъ № 73), 3) браслетъ, свернутый изъ обломка витой шейной гривны (табл. XIII, 4, костякъ № 38), 4) пластинчатые, гладкіе или украшенные насѣчкою (табл. XIII, 11 и 13, костяки № 52 и 76, по 2 экз. на правыхъ рукахъ), 5) характерные пластинчатые браслеты съ приклепаннымъ или припаяннымъ проволочнымъ усикомъ, согнутымъ въ $1^1/_2$—2 и 3 оборота, орнаментъ—линія мелкихъ наколовъ посрединѣ и двѣ большія выпуклины по сторонамъ, такъ что въ общемъ пластинчатая часть браслета напоминаетъ голову животнаго (табл. XIII, 10, костяки №№ 46, 50 и 53). Послѣдняго типа браслеты имѣли первоначально, повидимому, какое-то иное назначеніе. При костякѣ № 12 двѣ такого рода подѣлки найдены по обѣимъ сторонамъ головы, близъ ушей, за головнымъ уборомъ, при костякѣ № 42 два экземпляра расположены были на ребро вдоль правой руки скелета, причемъ далѣе за ними шли въ томъ же направленіи два ряда оловянныхъ бляшекъ, при костякѣ № 54 одинъ браслетъ найденъ у правой руки, повыше кисти и въ сторонѣ отъ скелета, при костякѣ № 58 такой браслетъ оказался нѣсколько ниже праваго плеча, на одной линіи съ нагрудной бляхой. Быть можетъ, къ числу браслетовъ слѣдуетъ отнести также уборъ изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ бляшекъ (3-хъ или 4-хъ) и трехъ рядовъ спиралекъ (табл. IX, 14, костяки № 29 и 38). Въ одномъ случаѣ такіе браслеты оказались на обѣихъ рукахъ, въ другомъ только на одной, вмѣстѣ съ мѣднымъ браслетомъ. Впрочемъ скорѣе можно думать, что это не браслеты, а украшеніе рукавовъ, своего рода позументъ.

Перстни найдены всего у 8 костяковъ (№№ 7, 18, 32, 43, 49, 50, 69, 76), почти исключительно по 1 экз. Кромѣ одного пластинчатаго перстня, всѣ остальные принадлежатъ къ типу спиральныхъ, въ 4 и болѣе оборотовъ (табл. VII, 3 и XXIII, 10). Помѣщаются они безразлично на правой и на лѣвой рукѣ, при браслетахъ и отдѣльно.

Какимъ-то украшеніемъ пояса служили крупныя, короткія мѣдныя спирали (табл. IX, 9, костяки № 26, 42, 44, 50, 58 и 63). Обыкновенно онѣ попадаются по два экземпляра, расположены бываютъ посрединѣ пояса, чаще рядомъ, почти соприкасаясь другъ съ другомъ, нижними концами врозь, тотчасъ подъ большими желѣзными пряжками, а однажды выше такой пряжки. Въ двухъ случаяхъ пряжекъ не было, и спирали занимали ихъ мѣсто. Назначеніе описываемыхъ спиралей остается не уясненнымъ.

У трехъ женскихъ костяковъ оказались металлическія украшенія переда одежды. У костяка № 12 такое украшеніе шло узкою лентою отъ колѣнъ до самаго низа платья (рис. 19). Оно состояло изъ 7 круглыхъ выпуклыхъ бляшекъ средняго размѣра типа табл. IX, 16 въ верхней части и изъ трехъ двойныхъ пластинокъ-подвѣсокъ типа табл. XIII, 3. Нижнія пластинки сво-

бодно вращаются на петлѣ и украшены гранями и насѣчкою; верхнія пластинки насажены на кожу, орнаментированы только въ верхней части и представляютъ длинную пластину, согнутую вдвое для образованія петли и для лучшаго прикрѣпленія къ кожѣ. На подолѣ платья костяка № 85 по парѣ такихъ же пластинокъ-подвѣсокъ прикрѣплено было у голеней, нѣсколько вкось, суживаясь книзу (табл. XIII, 3). Передъ платья костяка № 88 украшенъ былъ отъ нижней части таза до колѣнъ и нѣсколько ниже ихъ. Украшеніе имѣло въ длину 15 дюймовъ, въ ширину $3^1/_2$ дюйма и состояло изъ трехъ рядовъ спиралекъ по семи, раздѣленныхъ четырьмя бляшками по двѣ въ рядъ и двумя мѣдными трубочками, расположенными горизонтально; низъ оканчивался большою выпуклою бляхою типа табл. III, 14, но безъ орнамента.

При 12 женскихъ костякахъ (22%) найдены глиняныя пряслицы (костяки №№ 8, 11, 12, 27, 26, 44, 47, 49, 64, 65, 70, 85). Типы ихъ: средней вышины съ округлыми боками (5 экз., табл. XIII, 9), такія же со сдавленными боками (1 экз., табл. VII, 16), высокія съ боками на 2 ската (2 экз., табл. VII, 15), такія же средней толщины (3 экз., табл. VII, 1) и такія же плоскія низкія (1 экз., табл. VII, 2). Пряслицы были расположены: въ изголовьѣ (2 экз.), справа у головы (1 экз.), у праваго плеча (1 экз.), на груди (1 экз.), у праваго локтя (1 экз.), справа у таза (2 экз.), слѣва у таза (1 экз.), слѣва у бедра (2 экз.) и въ ногахъ (1 экз.). Очевидно, порядка при положеніи пряслицъ въ могилу никакого не существовало; можно только замѣтить, что пряслицы чаще полагались на правомъ боку костяка, чѣмъ на лѣвомъ.

На трехъ костякахъ найдены остатки какой-то изотлѣвшей свинцовой или оловянной массы. Составъ ея яснѣе всего сказался при костякѣ № 42. Здѣсь въ нижней части груди, надъ поясомъ, свѣшивались полукругомъ 2 нитки изъ мелкихъ оловянныхъ (?) бляшекъ, имѣющихъ выпуклую переднюю часть и ушко на обратной сторонѣ. Подобная же масса у этого костяка расположена была въ видѣ полоски вдоль правой руки, начиная выше локтя и до кисти. Какая-то оловянная масса оказалась также въ видѣ пятна на нижней части груди костяка № 58 и на тыльной части головного убора костяка № 91.

При 4-хъ женскихъ костякахъ найдены какія-то желѣзныя, сильно изоржавѣвшія шилья, иногда снабженныя деревянными рукоятями. У костяка № 42 такое шило найдено справа отъ головы, на костякѣ № 44—у праваго плеча, на костякѣ № 54—у головы слѣва, у костяка № 85 два шила съ рукоятями лежали въ ногахъ. Шилья большею частью лежатъ вертикально, рукоятями вверхъ.

Остатки шерстяной ткани, кромѣ головныхъ уборовъ, найдены еще при мѣдныхъ вещахъ на костякахъ №№ 8, 11, 21, 25, 29, 38, 41, 49, 53, 58, 64, 67, 70, 76, 81, 85, 109. Матерія, повидимому, не отличается особыми достоинствами; ея узоръ—простая клѣтка.

Выше уже отмѣчено, что изъ 18 удилъ, найденныхъ въ могильникѣ, 8 оказались въ женскихъ погребеніяхъ. Ножи найдены на 16 женскихъ костякахъ (15%); горшки при женскихъ погребеніяхъ помѣщались столь же часто, какъ при мужскихъ (до 33%). Въ изголовьѣ костяка № 4 помѣщалось нѣсколько галекъ; небольшая бѣлая галечка найдена въ изголовьѣ дѣтскаго костяка № 18. На голеняхъ костяка № 88 помѣщались двѣ кости крупныхъ домашнихъ животныхъ, положенныя косымъ крестомъ.

Среди предметовъ, найденныхъ внѣ погребеній, заслуживаютъ вниманія, въ качествѣ особыхъ типовъ вещей или разновидностей, слѣдующіе: проволочная подвѣска съ концами, загнутыми спиралью (табл. IX, 20), сломанная круглая мѣдная пряжка (табл. XI, 22) и кольца отъ поясныхъ пряжекъ (табл. XI, 2 и 3).

Изоржавѣвшія неопредѣленныя подѣлки изъ желѣза оказались на костякахъ: № 4 (кольцо на правомъ плечѣ), № 42 (на груди), № 44 (слѣва у колѣна), № 50 (слѣва въ ногахъ), № 54 (въ ногахъ) и № 88 (кольцо въ изголовьѣ). На поясѣ костяка № 58 рядомъ съ большою желѣзною пряжкою лежалъ какой-то желѣзный полый наконечникъ или рукоять. У правой кисти костяка № 10, рядомъ съ ножомъ, найдена неопредѣленная желѣзная вещица, обтянутая мѣдною оковкой.

По времени Кошибеевскій могильникъ, повидимому, совпадаетъ съ Пьяноборскимъ и подобными. Можно указать слѣдующія совпаденія въ древностяхъ того и другого могильника:

1) Мѣдныя выпуклыя бляшки (табл. VI, 11 и табл. II, 17).

2) Мѣдныя ромбическія бляшки (табл. VI, 13 и табл. II, 11).

3) Подвѣски-коньки (табл. VI, 15 и V, 16). Подобныя подвѣски извѣстны еще изъ Котловскаго и Айшинскаго могильниковъ.

4) Тройныя выпуклыя бляшки (табл. VI, 18 и I, 9).

5) Пронизки-полуцилиндрики (табл. VI, 28, 29, 31 и табл. II, 25 и 29).

6) Лапчатыя подвѣски (табл. VI, 29 и I, 7).

7) Круглыя бляшки съ двумя ушками позади (табл. VI, 29, VII, 8 и II, 14).

8) Тонкая проволочная шейная гривна съ крючкомъ и петлею по концамъ (табл. VII, 11 и III, 4).

9) Круглыя бляшки съ выпуклостью посрединѣ (табл. IX, 16 и III, 7).

10) Проволочныя подѣлки съ крючкомъ въ верхней части (табл. XIII, 2, и совершенно такія же найдены въ могильникѣ близъ Казани у Стекольнаго завода).

11) Поясныя пряжки (табл. XI, 4 и V, 14).

12) Продолговатыя четыреугольныя бляшки, украшенныя зубцами (табл. XI, 16 и II, 24).

13) Широкія пластинчатыя пряжки (табл. XIII, 12 и I, 8).

Если культуру Пьяноборскаго могильника можно отнести ко времени V—VII в., то Кошибеевскій могильникъ удобнѣе всего пріурочить VI—VII в. При этомъ нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ типовъ вещей встрѣчаются также въ древностяхъ Атаманова могильника (подвѣска въ видѣ конька и проволочныя подѣлки съ крючкомъ).

Для нѣкоторыхъ предметовъ Кошибеевскаго могильника находимъ аналогіи въ древностяхъ Сѣвернаго Кавказа, именно въ Чми и подобныхъ ему могильникахъ. Таковы:

1) Большія мѣдныя кольца съ узелками по окружности (табл. VII, 10).

2) Серебряныя фибулы съ полукруглымъ щиткомъ въ нижней части (табл. VII, 5).

3) Небольшія булатныя зеркала (табл. VI, 21).

4) Поясныя пряжки (табл. XI, 9 и подобныя).

Въ тѣхъ же древностяхъ можно сыскать аналогіи для подвѣсокъ въ видѣ конька и медвѣдя (табл. VI, 15 и 16), а также для подвѣски въ видѣ пирамидки (табл. VI, 15) и бусъ, особенно

золоченыхъ. Къ сожалѣнію, время всѣхъ этихъ подѣлокъ не можетъ быть указано, по младенческому состоянію хронологіи кавказскихъ древностей.

Черезъ Кавказъ нѣкоторыя древности Кошибеевскаго могильника имѣютъ отношеніе къ находкамъ въ пермскихъ могильникахъ, относящихся приблизительно къ VIII в. Но эта аналогія также имѣетъ мало значенія, такъ какъ сходство между данными могильниками замѣчается въ предметахъ религіознаго культа, типы которыхъ могли сохраняться долгое время.

IV. Сергачскій могильникъ.

Подъ постройками Кожиной слободы, расположенной противъ г. Сергача Нижегородской губ. чрезъ ручей Явлейку, лежитъ могильникъ кошибеевскаго типа. При устройствѣ усадебъ въ слободѣ были неоднократно находимы костяки и при нихъ различныя вещи. Въ 1892 г. при производствѣ общественныхъ земляныхъ работъ на краю этого могильника, примыкающемъ къ рѣчкѣ Сергачкѣ, найдено было нѣсколько костяковъ съ предметами, которыя возбудили вниманіе Нижегородской архивной комиссіи, немедленно произведшей здѣсь роскопки. Изслѣдователемъ могильника явился правитель дѣлъ комиссіи В. И. Снѣжневскій. Всего было вскрыто 5 могилъ, изъ которыхъ 4 оказались дѣтскими. Четыре костяка лежали головою на СВ. и одинъ на З. Найденныя при нихъ вещи тождественны съ предметами Кошибеевскаго могильника (мечъ, наконечникъ копій, стрѣлы, бусы, бляшки, кольчужки, браслеты, перстни, большая желѣзная пряжка, горшки и пр.). Новыми для данной культуры представляются: мѣдная фибула поздняго типа (табл. VI, 19 и 20, найдена въ верхней части груди дѣтскаго женскаго скелета), обломокъ зеркальца керченскаго или кавказскаго типа изъ булатнаго ломкаго состава (табл. VI, 21, лежалъ у головы того же костяка), костяной наконечникъ стрѣлы, обработанный на три грани (табл. VI, 30). Кольчужки были расположены на ремнѣ вокругъ кисти правой руки [1]).

---

[1]) Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1892 г. № 59.—Дѣйствія Нижегородской архивной коммиссіи вып. 12, стр. 10—16. Находки изъ Сергачскаго могильника сохраняются въ Нижегородскомъ музеѣ.

V и VI. Борковскій и Кузьминскій могильники.

Вслѣдствіе видимой одновременности того и другого могильника представляется возможнымъ сдѣлать одинъ общій анализъ ихъ содержанія [1]).

Въ Борковскомъ могильникѣ вскрыто 113, въ Кузьминскомъ 92, а всего 205 погребеній, въ томъ числѣ мужскихъ 76 (44%, изъ нихъ предполагаемыхъ мужскихъ 5, мужскихъ дѣтскихъ 1), женскихъ 97 (56%, предполагаемыхъ женскихъ 6, женскихъ дѣтскихъ 14). Сохранность костяковъ очень плохая, что прежде всего объясняется ихъ долговременнымъ лежаніемъ въ землѣ. О направленіи скелетовъ можно было судить большею частью лишь по положенію на нихъ вещей, и даже при этомъ условіи въ отчетъ о раскопкахъ занесено направленіе лишь половины костяковъ. Относительно лучше сохраняются черепа и нижнія конечности. Остатки череповъ сохранились у четвертой части костяковъ, различныя отдѣльныя кости—въ третьей части погребеній. Въ Борковскомъ могильникѣ сравнительно хорошо сохранившимися оказались лишь 4 скелета; череповъ собрано 8, и тѣ средней сохранности (Черепнинъ, стр. 89).

Оба могильника расположены на отдѣльныхъ песчаныхъ возвышеніяхъ, Борковскій даже на двухъ такихъ возвышеніяхъ. Плановъ раскопокъ не имѣется, такъ что о расположеніи могилъ трудно судить. На Борковскомъ могильникѣ погребенія были расположены довольно близко другъ къ другу, а на Кузьминскомъ могилами занята была средняя часть возвышенія, внѣ которой погребенія лежали отдѣльными группами, сравнительно далеко одно отъ другого. О формѣ могильныхъ ямъ также не извѣстно ничего опредѣленнаго, изъ чего можно заключать, что ямы, по всей вѣроятности, имѣли форму обыкновенную, по размѣрамъ человѣческаго тѣла. А. И. Черепнинъ предполагаетъ, что онѣ были овальныя (стр. 84). Глубина всѣхъ погребеній извѣстна точно. Оказывается, что лишь немногіе скелеты были находимы на глубинѣ до 2-хъ арш. или нѣсколько болѣе; большинство (до 45%) лежитъ на глубинѣ 1—1 ¼ арш., но есть погребенія, очень немногія, имѣющія всего до ¼—½ арш. Погребенія Кузьминскаго могильника, вѣроятно, болѣе сохранныя, расположены вообще на нѣсколько большей глубинѣ (Черепнинъ, 85).

[1]) Борковскій и Кузьминскій могильники уже подвергнуты обработкѣ А. И. Черепнинымъ и отчасти А. В. Селивановымъ. Предлагая самостоятельное описаніе ихъ, мы мѣстами дѣлаемъ ссылки на работу г. Черепнина, именно тамъ, гдѣ почерпаемъ у него какое-либо интересное наблюденіе, или тамъ, гдѣ онъ описываетъ предметы съ большею подробностью.

Погребеній несожженныхъ труповъ въ могильникахъ оказалось 90%, сожженій 10%. Такъ какъ трупосожженіе въ нихъ является въ качествѣ новаго обычая, то описаніе обрядовъ погребенія мы начнемъ съ перваго способа, какъ основного.

Строгой оріентировки погребеній по странамъ свѣта не было. Наиболѣе частое положеніе костяковъ головою на СВ., съ отклоненіями къ С. и В. На 97 погребеній, положеніе костяковъ въ которыхъ опредѣлено, положеніе головою на СВ. наблюдалось въ 55, что составляетъ 57%; въ отдѣльности для того и другого могильника удерживается тотъ же самый процентъ. Другія, болѣе частыя положенія—головою на СЗ., ЮЗ. и ЮВ. Костяковъ, лежавшихъ головою на Ю., совершенно не найдено, и вообще ясно примѣтно, что костяки головою въ южной сторонѣ находятся несравненно рѣже, такъ что основнымъ положеніемъ скелетовъ обоихъ могильниковъ слѣдуетъ признать положеніе головою на С., особенно же на СВ. (Черепнинъ, 86).

Костяки лежатъ на спинѣ. Только 3 скелета найдены лежащими на лѣвомъ (Б. 32 и 84) или правомъ (Б. 52) боку, да и то неизвѣстно, первичное это положеніе или вторичное. То же самое слѣдуетъ сказать о погребеніяхъ въ сидячемъ положеніи, открытыхъ въ 5 могилахъ (Б. 29, 40, 43, 50 и 53). Почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе рукъ можно было опредѣлить по сохранившимся костямъ, онѣ оказывались протянутыми вдоль туловища; такихъ случаевъ было всего лишь 15. Въ двухъ погребеніяхъ (К. 5 и Б. 75) руки лежали на тазу. Погребенія Б. 16 и 42 можно считать двойными; въ могилахъ Б. 51 и 58 лежало по 2 погребенія, одно ниже другого (Черепнинъ, 87).

Почти въ пятой части всего числа погребеній найдены остатки луба. Чаще всего они встрѣчаются подъ вещами и надъ ними; костякъ Б. 79 весь былъ обернутъ лубомъ, который лежалъ и на костяхъ, и подъ ними. На какомъ основаніи изслѣдователи признали найденные ими въ обоихъ могильникахъ органическіе остатки лубомъ, не знаемъ и съ своей стороны видимъ здѣсь скорѣе остатки дерева. Весьма характерно, что въ русскомъ позднемъ погребеніи (XI—XII в.), оказавшемся въ Борковскомъ могильникѣ (№ 83), костякъ, по словамъ отчета, также лежалъ на лубѣ, что совершенно не возможно и нигдѣ не наблюдалось; въ погребеніи Б. 26 подъ черепомъ лежали (другъ на другѣ?) кусочки луба и истлѣвшей толстой коры, составлявшіе, быть можетъ, въ сущности остатки одного и того же обрубка дерева. Въ мужскихъ погребеніяхъ остатковъ дерева почти совсѣмъ не найдено, такъ какъ мѣдныя украшенія въ нихъ попадаются рѣдко. Въ погребеніяхъ Б. 15 и 58 и К. 50, 66 оказались слѣды бересты (Черепнинъ, 90).

Почти въ 40 погребеніяхъ Борковскаго могильника (22%) найдены мелкіе угольки, разсыпанные по дну могилы, обыкновенно въ небольшомъ количествѣ. Въ трехъ погребеніяхъ ихъ найдено сравнительно болѣе (Б. 2, 73, 74); черепъ костяка Б. 3 также оказался обсыпаннымъ угольками. Если угольки не разсыпаны по всей могилѣ, то чаще всего они располагаются у головы или на верхней части груди; разъ они найдены въ горшкѣ, стоявшемъ въ изголовьѣ, и кругомъ него. Въ нѣсколькихъ могилахъ угольки лежали непосредственно на костякахъ, на всемъ ихъ протяженіи. Въ 4—5 случаяхъ вмѣстѣ съ угольками примѣтны были слѣды золы. Безъ сомнѣнія, угольки и зола разсыпались по могилѣ сверху и, быть можетъ, составляли остатки отъ поминокъ (Черепнинъ, 92). О томъ же, повидимому, говорятъ и кости животныхъ, найденныя при нѣсколькихъ костякахъ; въ погребеніи Б. 26 найденъ былъ лошадиный зубъ, а при костякѣ № Б. 29 —

нѣсколько косточекъ мелкаго животнаго. Найденные вмѣстѣ съ угольками осколки или кусочки кремня (Б. 31, 39, 40, 44), быть можетъ, также имѣютъ отношеніе къ тризнѣ. Не знаемъ, какое назначеніе имѣли камни, найденные въ погребеніяхъ Б. 31, 54, 69 и 88. Одинъ изъ нихъ былъ кварцевый, другой изъ сѣраго песчаника, третій имѣлъ видъ осколка; одинъ имѣлъ форму и величину яйца. Въ двухъ случаяхъ камни лежали въ ногахъ, близъ горшковъ (Черепнинъ, 95).

Приблизительно у 60 костяковъ обоихъ могильниковъ найдены погребальные горшки; это составляетъ немного болѣе $1/3$ всего числа погребенныхъ. Любопытно, что горшки въ могильникахъ являются преимущественною принадлежностью мужскихъ погребеній. Въ Кузьминскомъ могильникѣ изъ 27 горшковъ не болѣе 3-хъ оказались при женскихъ костякахъ, въ Борковскомъ изъ 26—не болѣе 9. Цѣлыхъ горшковъ въ могилахъ оказалось очень небольшое количество, большинство же изъ нихъ брошено въ видѣ обломковъ и черепковъ, изъ чего, быть можетъ, слѣдуетъ заключить, что они представляютъ также не болѣе, какъ остатки тризны. Цѣлые горшки чаще всего ставятся въ головахъ или ногахъ, для обломковъ же нѣтъ опредѣленнаго мѣста (Черепнинъ, 93) [1].

Трупосожженій на мѣстѣ не замѣчено. Въ могилахъ лежали лишь остатки сожженныхъ костей, иногда очень незначительные, а съ ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголь и зола. Большинство вещей не носитъ слѣдовъ огня; онѣ чаще всего лежатъ всѣ вмѣстѣ, иногда на деревѣ или на ткани. Наибольшая величина такого погребальнаго слоя—квадратный аршинъ. Форма могильныхъ ямъ неизвѣстна. Трупосожженія найдены въ слѣдующихъ могилахъ: Б. 8, 10, 18, 34, 37, 45, 56, 76, 78, 80, 86, 95, 106; К. 7, 28, 29, 32, 70, 76, 80, всего въ 20 погребеніяхъ, изъ которыхъ 9 женскихъ, 6 мужскихъ и 5 неопредѣленныхъ. Находки № Б. 48 едва ли составляютъ погребеніе (Черепнинъ, стр. 144—148).

Вещи мужскихъ погребеній.

Малыхъ фибулъ въ могильникахъ вовсе не найдено. Изъ найденныхъ въ нихъ 9 экземпляровъ крупныхъ фибулъ четыре падаютъ на мужскія погребенія. Огромная серебряная [2]) фибула типа табл. XIV, 6 найдена у лѣваго бока костяка Б. 97, на ручной кости. Фибула того же устройства, но меньшихъ размѣровъ, съ желѣзною иглою (табл. XIV, 4), найдена на шеѣ костяка К. 41, и большая мѣдная арбалетовидная фибула типа табл. XXII, 4—на лѣвомъ боку костяка Б. 98; на костякѣ Б. 107 в. найдена фибула типа табл. XIV, 6. Гдѣ именно на лѣвомъ боку скелета найдены фибулы, въ отчетахъ не обозначено. Не лежали ли онѣ на лѣвомъ плечѣ, гдѣ ихъ естественное мѣсто?

Нагрудныя пряжки встрѣчены въ значительномъ количествѣ. Величина и типы ихъ довольно однообразны. По внѣшнему виду колецъ, пряжки можно подраздѣлить на пластинчатыя, гранчатыя и круглыя. Пластинчатыя имѣютъ видъ плоскихъ неширокихъ колецъ, или гладкихъ (табл. XVII, 12),

[1]) Столбы, найденные въ Борковскомъ могильникѣ и вызвавшіе оживленную полемику между гг. Городцовымъ, Селивановымъ и Черепнинымъ (Археологическія Извѣстія 1897, 390—402; 1898, 62—66), конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ погребеніямъ.

[2]) Предметовъ изъ серебра найдено вообще очень мало (Черепнинъ, 99).

или украшенныхъ точками (табл. XI, 11), боковыми нарѣзками (табл. XI, 13), боковыми зубцами (табл. XVII, 13), или же болѣе сложнымъ зубчатымъ орнаментомъ (табл. XIX, 11). Гранчатыя пряжки имѣютъ кольца, раздѣланныя на 2 грани (встрѣченъ всего лишь 1 экз. въ погребеніи Б. 101). Круглыя пряжки имѣютъ сравнительно тонкія круглыя кольца, иногда обтянутыя проволокою (табл. XII, 21; XIX, 12; XXII, 2). Обычная величина пряжекъ 3—4 сант., въ рѣдкихъ случаяхъ меньше и больше на 1 сант. Кольца пряжекъ имѣютъ нѣсколько приплюснутую, овальную форму и весьма рѣдко круглую. Несомкнутые концы пряжекъ снабжены спиральными завитками, почти всегда короткими, по ширинѣ кольца, иногда же нѣсколько удлиненными, въ видѣ трубочекъ. Игла одной пряжки свернута изъ листа.

Пряжки найдены приблизительно въ 90 погребеніяхъ, т. е. въ 45⁰/₀ общаго числа ихъ. Изъ этого количества 35 погребеній (40⁰/₀) принадлежатъ къ числу мужскихъ и 55 (60⁰/₀) — къ числу женскихъ. Всѣхъ пряжекъ въ могильникахъ встрѣчено, вѣроятно, до 120 экз., такъ какъ при нѣкоторыхъ костякахъ онѣ были находимы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Изъ этого числа до 70⁰/₀ падаетъ на пряжки пластинчатыя (изъ нихъ пряжки типа табл. XI, 13 встрѣчены въ количествѣ до 53⁰/₀ и пряжки типа табл. XI, 12 въ количествѣ до 17⁰/₀), до 25⁰/₀—на пряжки типа табл. XXII, 2, остальные же типы встрѣчены лишь по одному экземпляру (пряжки типа табл. XI, 11; XVII, 13; XIX, 11; XII, 21; XIX, 12). Такимъ образомъ большая половина всѣхъ встрѣченныхъ въ могильникахъ пряжекъ падаетъ на пластинчатыя пряжки съ боковой насѣчкой, $^1/_6$—на пластинчатыя гладкія и $^1/_4$—на круглыя.

Только при 16 мужскихъ костякахъ положеніе пряжекъ могло быть опредѣлено съ нѣкоторою точностью. Большинство этихъ пряжекъ (8 экз.) лежало на груди (Б. 60, 71, 90, 96, 97, 99, 111; К. 56), 3 экз. — на поясѣ (Б. 35, 63, 88), 2 экз. подлѣ лѣваго плеча (Б. 32 и 71); при костякѣ Б. 5 по пряжкѣ найдено на лбу и на шеѣ, при костякѣ Б. 73 пряжки найдены близъ черепа, при скелетѣ Б. 69—на шеѣ. Повидимому, мѣдныя и серебряныя пряжки въ мужскомъ нарядѣ употреблялись исключительно для ворота одежды, при томъ же, судя по величинѣ ихъ, только нижней; самый воротъ снабженъ былъ, вѣроятно, двумя концами тесьмы, а пряжки располагались собственно по разрѣзу ворота.

Поясныя пряжки встрѣчены въ 31 мужскомъ погребеніи, т. е. въ 41⁰/₀ общаго числа ихъ. Почти всѣ пряжки одного типа и состоятъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей—кольца, иглы и обоймицы, состоящей изъ пластинки, согнутой вдвое; обоймица оканчивается въ перегибѣ двумя широкими петлями, къ которымъ прикрѣпляются, при помощи штифта, кольцо и игла. Большинство обоймицъ округленной формы, изрѣдка четыреугольной; онѣ прикрѣплены къ кожѣ 1, 2, 3, 4 или даже 5-ю гвоздиками, иногда снабженными, ради украшенія и для крѣпости, головками. Иглы въ большинствѣ случаевъ простой формы въ видѣ изогнутаго и снабженнаго кольцомъ дрота; рѣже пята иглы украшена особою площадкою, орнаментированною насѣчкой, иногда же она постепенно расширяется и заканчивается тонкимъ колечкомъ для прикрѣпленія къ кольцу (табл. XXII, 6). Кольца имѣютъ большею частью форму овала и чаще бываютъ круглыя въ разрѣзѣ; иногда они дѣлаются болѣе массивными въ передней части, иногда спрямляются въ задней. Пряжекъ типа табл. XI, 2 встрѣченъ 1 экземпляръ (Б. 90), типа табл. XI, 3 — 2 экз. (Б. 11 и 15), типа табл. XI, 4 — 7 экз. (Б. 21, 51, 65, 71; К. 41, 45, 75), типа табл. XI, 9 — 1 экз. (Б. 66), типа табл. XI, 10 —

3 экз. (К. 41, 76, 82). По 1 и по 2 экземпляра найдены болѣе изящныя пряжки типовъ табл. XX, 13 (Б. 94), XX, 15 (К. 18), XXI, 16 (К. 52), XXII, 1 (Б. 63 и 71), XXII, 3 (Б. 98; К. 19). Болѣе рѣдкія пряжки имѣютъ видъ одной фигурной бляшки съ кольцеобразною переднею частью и иглою (табл. XVII, 1 и 2); онѣ найдены въ погребеніяхъ Б. 28, 39; К. 18. Назначеніе маленькихъ пряжекъ типа табл. XX, 16 остается неизвѣстнымъ; онѣ найдены въ женскихъ погребеніяхъ. Найдены 2 экземпляра сравнительно большихъ поясныхъ пряжекъ (типа табл. XI, 18, въ погребеніяхъ Б. 35 и 91), 2 экземпляра поясныхъ пряжекъ съ длинною обоймицею, типа табл. XI, 12 (Б. 107; К. 1), и 1 экз. такой же пряжки, орнаментированной выпуклыми точками (табл. XX, 12, костякъ К. 14).

Всѣ перечисленныя пряжки сработаны изъ мѣди и весьма немногія — изъ плохого серебра. Есть пряжки и желѣзныя, но въ меньшемъ количествѣ. Онѣ большею частью небольшихъ размѣровъ и имѣютъ круглую (17 экз.) или овальную (7 экз.) форму. Почти всѣ онѣ встрѣчены на мужскихъ костякахъ (Б. 5, 14, 21, 27, 33, 51, 60, 65, 69, 73, 103; К. 9), частью на неопредѣленныхъ (Б. 3, 10, 11, 45, 53). Изъ этихъ пряжекъ 3 экз. найдены на поясѣ, 2 экз. на груди, 2 экз. въ ногахъ и 2 близъ черепа. Кромѣ круглыхъ, встрѣчены 4 экземпляра пряжекъ четыреугольныхъ (типа табл. XI, 6 и XXI, 17), найденныхъ на мужскихъ костякахъ Б. 14, 28, 35 и 73, на тазу, въ ногахъ и близъ черепа. При мужскомъ скелетѣ Б. 52 оказалась большая круглая желѣзная пряжка типа табл. XI, 19, лежавшая на срединѣ груди.

Поясной наборъ очень бѣденъ и не разнообразенъ. Лучшій по убору поясъ оказался у костяка Б. 14. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ серебряныхъ мелкихъ бляшекъ: ажурной съ раздвоеннымъ концомъ (табл. XVI, 7), ажурной съ костылькомъ (табл. XVI, 4), сердцевидныхъ (табл. XVI, 5, три экз.), маленькой круглой (табл. XVI, 14), наконечника съ полукруглыми концами, изъ двухъ пластинокъ, скрѣпленныхъ тонкою боковою (табл. XX, 14), и трехъ малыхъ наконечниковъ (табл. XVI, 9 и типа табл. XVI, 5); пряжки не было. Поясъ мужскаго костяка Б. 42 состоялъ изъ слѣдующихъ серебряныхъ бляшекъ: 2-хъ маленькихъ круглыхъ (табл. XVI, 15), 2-хъ подобныхъ же (табл. XVI, 14), 2-хъ наконечниковъ съ вырѣзами (табл. XVI, 5) и наконечника того же типа табл. XVI, 14; поясной пряжки также не было. Серебряная бляшка съ костылькомъ найдена также въ мужскомъ погребеніи Б. 28, гдѣ она оказалась вмѣстѣ съ серебряной же пряжкой табл. XVII, 1. Встрѣчены еще 2 серебряныя бляшки той же техники, именно съ раздвоенными и широко разставленными концами (табл. XVI, 11, костякъ Б. 5); оба экземпляра, повидимому, не литые, а клепаные. Они найдены на правой сторонѣ груди; на поясѣ лежала круглая желѣзная пряжка. Всѣ эти наборы и пряжки — такъ называемаго готскаго типа, случайно проникшіе съ Дона или Кавказа въ бассейнъ Оки.

Мѣстными формами поясного набора можно назвать узкія тонкія мѣдныя фигурныя бляшки въ видѣ столбиковъ (табл. XI, 1; XII, 22, 25; XVI, 10), тонкія бляшки четырехугольной формы, украшенныя выпуклымъ точечнымъ орнаментомъ (табл. XVI, 10 и XXI, 15), круглыя бляшки съ выпуклою срединою (табл. XXII, 5) и желѣзныя съ зубчиками (табл. XIX, 3). Наконечники поясовъ, кромѣ описанныхъ уже типовъ табл. XX, 14, встрѣчались еще тонкіе пластинчатые типовъ табл. XXI, 8 и XXII, 7. Поясной наборъ костяка Б. 35 состоялъ изъ большой поясной пряжки типа табл. XI, 18, двухъ гладкихъ мѣдныхъ наконечниковъ типа табл. XXI, 8 и 13

мѣдныхъ бляшекъ типа табл. XXII, 5; наборъ костяка Б. 91—изъ нѣсколькихъ круглыхъ бляшекъ того же типа, 5 четырехугольныхъ типа табл. XXI, 15, пластинчатаго наконечника и большой пряжки типа табл. XI, 18; наборъ костяка Б. 107—изъ поясной пряжки съ длинною обоймицею, покрытою выпуклымъ орнаментомъ, типа табл. XI, 12 (рис. 8), наконечника съ тѣмъ же орнаментомъ и значительнаго количества узкихъ бляшекъ табл. XI, 1 (часть пояса спускалась внизъ; около него найдены остатки тонкой кожи, украшенной бляшками типа табл. XXII, 5, насаженными въ нѣсколько рядовъ); наборъ костяка Б. 27—изъ мѣдной поясной пряжки типа табл. XI, 4, изъ 12 круглыхъ и 10 пластинчатыхъ четырехугольныхъ бляшекъ (типовъ табл. XXII, 5 и XXI, 15) и мѣднаго наконечника типа табл. XXII, 7; наборъ костяка Б. 63—изъ тонкихъ серебряныхъ бляшекъ въ видѣ столбиковъ (табл. XVI, 10); наборъ костяка Б. 32 — изъ подобныхъ же бляшекъ типа табл. XII, 25; наборъ костяка Б. 71 — изъ серебряной поясной пряжки табл. XXII, 1 и изъ такихъ же бляшекъ типа табл. XII, 22; наборъ костяка Б. 51—изъ одного серебрянаго наконечника типа табл. XX, 14; наборъ костяка К. 19—изъ крупной пряжки, наконечника, 7 круглыхъ и 4 узкихъ бляшекъ (табл. XXII, 3, 5, 7; XI, 1); наборъ костяка К. 18—изъ мѣдной поясной пряжки табл. XX, 15; наборъ костяка К. 52—изъ поясной пряжки табл. XXI, 16 и трехъ мѣдныхъ плоскихъ бляшекъ табл. XXI, 15 и типа табл. XII, 22; наборъ костяка К. 75—изъ пряжки типа табл. XI, 4 и круглыхъ бляшекъ типа табл. XXII, 5. На тазу женскаго костяка К. 50 оказались 2 мѣдныя поясныя бляшки типа табл. XII, 22. Мѣдныя орнаментированныя обоймицы съ подвижными колечками на концѣ (табл. XXII, 14), найденныя, въ количествѣ 6 экз., на разстроенномъ костякѣ Б. 51, принадлежатъ, повидимому, также къ поясному набору. Желѣзныя фигурныя бляшки табл. XIX, 13 найдены, въ количествѣ 4-хъ экз., въ трупосожженіи Б. 10.

Рис. 8.

По наблюденію А. И. Черепнина, ременные пояса имѣютъ $^3/_8$—$^5/_8$ вершк. ширины и въ большинствѣ случаевъ вырѣзаны изъ одного куска кожи, иногда покрытой черною краской; изрѣдка пояса сшиты изъ тонкой кожи, сложенной вдвое. Обрывки тонкой кожи съ насаженными на нее бляшками при поясѣ костяка Б. 107 онъ готовъ признать остатками кошелька (Черепнинъ, 105 и 106).

При 9 мужскихъ костякахъ найдены шейныя гривны. Въ трехъ случаяхъ онѣ оказались на шеѣ (Б. 71, 91; К. 41), въ одномъ близъ черепа (Б. 73), въ одномъ на верхней части груди (Б. 60), въ одномъ отдѣльно вмѣстѣ съ другими вещами женскаго убора (Б. 107). Гривны были типовъ табл. VII, 12, 13; X, 3, 4, 6, 7.

У 17 мужскихъ костяковъ оказались браслеты, большею частью на правыхъ рукахъ (Б. 60, 68, 69, 91; К. 16, 40, 52), 1 на лѣвой рукѣ (Б. 97), 1 у лѣвой кисти (Б. 5), 2 у праваго колѣна (Б. 69). У костяка Б. 63 найдено по 2 браслета на каждой рукѣ. Положеніе браслетовъ при костякахъ Б. 54, 80, 99, К. 18, 43, 45 не извѣстно. Нѣкоторые изъ этихъ браслетовъ, очевидно, были носимы и при жизни, другіе лишь положены въ могилу. Типы браслетовъ—табл. XIII, 5; XVIII, 3, 4; XXIII, 1, 4—8; одинъ изъ типовъ—круглые браслеты съ расши-

ренными концами — встрѣченъ почти исключительно въ мужскихъ погребеніяхъ (Черепнинъ, 116 и 119).

При 8 мужскихъ костякахъ найдены перстни, спиральные, въ нѣсколько оборотовъ (типа табл. XXIII, 10 и 12). У двухъ костяковъ они оказались на правой рукѣ (Б. 65, К. 56), у одного—на лѣвой (Б. 63), у двухъ—на обѣихъ (К. 16, Б. 68). Въ погребеніи Б. 69 два экз. перстней найдены у праваго колѣна, вмѣстѣ съ двумя браслетами; 2 экз. оказались въ трупосожженіи Б. 60 и 1 экз. въ погребеніи К. 19. На костякѣ Б. 65 кромѣ спиральнаго перстня найденъ еще пластинчатый.

При нѣкоторыхъ мужскихъ костякахъ найдены и другіе предметы женскихъ погребеній, напр., пряслица при костякѣ Б. 107, большая плетеная пряжка (типа табл. XV, 4, лежавшая на лѣвомъ плечѣ костяка Б. 90, при рукояти меча), мѣдное плетеное кольцо съ подвѣсками (табл. XV, 8, лежало на позвонкѣ костяка Б. 111), другая плетеная привѣска съ подвѣсками (табл. XIV, 11, на костякѣ К. 65), 2 височныя подвѣски, найденныя вмѣстѣ съ другими женскими предметами при костякѣ Б. 107, нѣсколько мѣдныхъ витушекъ близъ головы костяка Б. 73, пластинчатая подвѣска типа табл. XXIII, 17, найденная при костякѣ Б. 57.

Предметы вооруженія и желѣзные кельты найдены исключительно при мужскихъ погребеніяхъ, удила почти исключительно при нихъ же.

Наконечники копій и дротиковъ найдены въ слѣдующихъ 52 погребеніяхъ: Б, 16, 21, 27, 33, 35, 39, 51, 57, 60, 62, 65, 69, 71, 80, 84, 89, 91, 94, 96, 97, 107; К. 1, 3, 9, 11, 16, 17, 18, 19, 24, 25, 28, 33, 34, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 63, 73, 75, 77, 81. Одни наконечники копій найдены въ 18 погребеніяхъ, одни дротики въ 12, копья и дротики вмѣстѣ въ 22 погребеніяхъ. Обыкновенная форма наконечниковъ копій — высокій насадъ, умѣреннаго размѣра остріе, овальной и ромбической формы, или съ заплечиками (табл. XII, 9, всего 1 экз.; табл. XII, 13, всего 13 экз., и табл. XX, 3, всего 9 экз.); острія въ большинствѣ случаевъ раздѣланы на грани. Рѣже попадаются такіе же наконечники съ низкимъ насадомъ (табл. XII, 8, всего 3 экз., табл. XII, 10, всего 4 экз.). Довольно обыкновенны наконечники пламевидной формы съ коническимъ насадомъ (табл. XX, 2, всего 10 экз.). Самые большіе наконечники копій имѣютъ въ длину 33, 36 и 37 сант. Дротики всѣ одинаковой формы, какъ въ Кошибеевскомъ могильникѣ (табл. XII, 7). Въ большинствѣ случаевъ копья и дротики въ могилѣ располагались наконечниками рядомъ съ головою, обыкновенно справа, остріемъ въ сторону головы, но въ цѣлой трети погребеній копья лежали остріями въ ногахъ, тоже справа, или же слѣва. У костяка Б. 98 оказались 2 наконечника копій и 1 дротикъ. Повидимому, копья и дротики совершенно не встрѣчаются въ женскихъ погребеніяхъ; только разъ встрѣченъ наконечникъ дротика въ женской могилѣ, именно при дѣтскомъ костякѣ К. 24 (Черепнинъ, 108).

Найденъ лишь одинъ наконечникъ стрѣлы, трехлопастной съ плечиками и малыми лопастями у стержня (табл. XX, 1, костякъ Б. 68). Онъ лежалъ подлѣ черепа; другихъ предметовъ вооруженія при скелетѣ не было.

Желѣзные кельты той же формы, какъ въ Кошибеевскомъ могильникѣ (табл. XII, 4). Они оказались у 43 мужскихъ костяковъ, т. е. почти у 60% общаго числа ихъ, причемъ въ большей

части погребеній кельты оказались съ другими предметами вооруженія. Они лежали: 2 экз. справа головы, 3 экз. слѣва головы, 5 экз. у ногъ, 1 экз. у праваго колѣна, 2 экз. у праваго бедра, 1 экз. справа у груди, 1 экз. у лѣваго колѣна, 1 экз. надъ грудью; 6 экз. оказались воткнутыми лезвіями въ землю, рукоятью къ ногамъ (въ такомъ положеніи кельты найдены даже въ одномъ трупосожженіи (Б. 76). (Черепнинъ, 110).

Рис. 9.

Хорошіе мечи типовъ Кошибеевскаго могильника (табл. XII, 2) были большою рѣдкостью; ихъ найдено всего 2 экз. Мечъ костяка Б. 90 лежалъ на правомъ плечѣ, рукояткою въ сторону головы, мечъ костяка Б. 41 находился справа у пояса (онъ былъ длиною 17 вершк.). Чаще встрѣчаются сабли въ видѣ длиннаго прямого ножа съ рукоятью безъ крыжа (табл. XX, 11). Такихъ сабель встрѣчено 5 экз. Мечъ костяка Б. 54 лежалъ на лѣвой сторонѣ костяка, отъ таза къ ногамъ въ наклонномъ положеніи вправо, мечъ костяка Б. 63 —отъ кисти лѣвой руки до плеча, рукоятью внизъ (онъ длиною 14 вершк. и весь былъ обложенъ широкими серебряными пластинами (табл. XVI, 2 и рис. 9); мечъ костяка Б. 71 — на лѣвомъ плечѣ, рукоятью вверхъ, наклонно, въ ножнахъ, оканчивавшихся мѣднымъ наконечникомъ, мечъ костяка Б. 101, имѣвшій 10 вершк. длины,—на тазу, наискось, наконецъ мечъ костяка К. 40—съ лѣвой стороны (по размѣрамъ, это былъ скорѣе ножъ). Съ мечами нерѣдко лежатъ различныя пряжки, но трудно сказать, имѣютъ ли онѣ къ нимъ какое-либо непосредственное отношеніе (Черепнинъ, 110).

При 25 мужскихъ погребеніяхъ найдены удила (обычнаго типа табл. XII, 1), что составляетъ 33% общаго числа этихъ погребеній. Удила лежали большею частью въ головахъ, но нерѣдко помѣщались и въ ногахъ; въ другихъ мѣстахъ могилы они были найдены лишь въ единичныхъ случаяхъ. При удилахъ костяка Б. 13 найдены слѣды костяныхъ псалій; у другихъ удилъ межзубье было очень толстое, у третьихъ пластинчатое. На лѣвой сторонѣ таза костяка Б. 74 найденъ какой-то желѣзный крючокъ (Черепнинъ, 113).

Горшки, какъ упомянуто выше, встрѣчались чаще въ мужскихъ, чѣмъ въ женскихъ погребеніяхъ. Они находились обыкновенно въ ногахъ и изрѣдка въ головахъ костяковъ. Ихъ типы: удлиненные сосуды съ слегка вздутыми боками, широкимъ отверстіемъ и выступающимъ днищемъ (табл. XII, 18) и такіе же съ болѣе значительнымъ перехватомъ по шеѣ и обычнымъ днищемъ (табл. XX, 6 и 7). Орнаментъ —насѣчка, углубленные кружки, по вѣнчику зубцы; вообще же орнаментъ рѣдокъ и горшки приготовлены небрежно, повидимому, безъ станка, изъ сѣрой глины. Горшокъ костяка Б. 2 былъ сработанъ изъ темной глины на гончарномъ станкѣ и имѣлъ черную глянцевитую поверхность. Высота сосудовъ—до 15 сант. и менѣе; есть горшечки маленькіе. Въ цѣломъ видѣ горшки встрѣчаются рѣдко.

Вещи женскихъ погребеній.

Головные женскіе уборы невозможно возстановить. Головной уборъ костяка К. 42 сшитъ изъ мѣха и на темени украшенъ кругомъ изъ спиралекъ и двумя пластинчатыми серебряными привѣсками по

сторонамъ (табл. XIX, 6); посрединѣ прикрѣплено кольцо, съ котораго что-то свѣшивалось, по всей вѣроятности, кисть. Головной уборъ костяка К. 69 непонятенъ. Отъ лба на затылокъ шла шерстяная повязка или лента, унизанная мѣдными спиральками, круглыми выпуклыми бляшками и нѣсколькими небольшими пряжками; подъ нею находилась другая шерстяная повязка, съ бахромой; на затылкѣ лежала крупная плетеная проволочная пряжка съ привѣсками типа табл. XV, 7, вдоль верхней половины пряжки—4 мѣдныя спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, на темени—большая пластинчатая мѣдная бляха типа табл. XVI, 13, на вискахъ—по мѣдной шумящей подвѣскѣ (табл. XVIII, 7).

При костякѣ Б. 26 отъ затылка чрезъ правое плечо до локтя лежали вѣнчикъ, лента или жгутъ изъ нѣсколькихъ звеньевъ спиралекъ, раздѣленныхъ обоймицами; къ концу убора прикрѣплены 2 кисти, составленныя изъ 4-хъ крупныхъ привѣсокъ съ подвѣсками типа табл. XXI, 14. Не есть ли это накосникъ?

Головные вѣнчики составлялись изъ нѣсколькихъ рядовъ спиралекъ, соединенныхъ пластинчатыми обоймицами и прикрѣпленныхъ къ кожѣ, подбитой тонкимъ лубомъ. Вѣнчики шли отъ лба къ затылку поверхъ ушей. Вѣнчикъ костяка К. 5 состоялъ изъ 5 звеньевъ витушекъ, обоймицъ и пряжки типа табл. XI, 13; вѣнчикъ костяка К. 20—изъ витушекъ, четыреугольной бляшки типа табл. XII, 23 (съ отверстіями для прикрѣпленія), 2-хъ небольшихъ выпуклыхъ бляшекъ типа табл. XXII, 5 и большой мѣдной пряжки табл. XIX, 12; вѣнчикъ костяка К. 23 (длиною 28 сант.)—изъ спиралей съ 4 обоймицами и лубка, обтянутаго шерстяною тканью; вѣнчикъ костяка К. 66—изъ трехъ рядовъ витушекъ на ткани и лубѣ, 6 обоймицъ и 3 круглыхъ бляшекъ (табл. X, 2 и типа табл. XIX, 10); вѣнчикъ костяка К. 74—изъ 9 звеньевъ-витушекъ, 9 обоймицъ съ привѣсками-колечками, пряжечки; вѣнчикъ костяка К. 90—изъ спиралекъ съ такими же обоймицами (табл. XXIII, 18; подъ головою найдены еще 2 мѣдныя коническія подвѣски, относящіяся, быть можетъ, къ тому же вѣнчику); вѣнчикъ костяка К. 92—изъ спиралекъ безъ обоймицъ; вѣнчикъ костяка Б. 106—изъ 4 рядовъ спиралекъ и пластинчатой обоймицы. Спиральки всѣ короткія, круглыя, крѣпкія (типовъ табл. IX, 13 и табл. XXIII), обоймицы обыкновенно украшены точечнымъ орнаментомъ. Вѣнчики найдены при 8% общаго числа женскихъ костяковъ (Черепнинъ, 127).

Височныя лопастныя подвѣски встрѣчены у 18 женскихъ костяковъ (18% общаго числа погребеній). Расположены всегда парами, у обоихъ висковъ. Подвѣски кошибеевскаго типа (табл. IX, 8) встрѣчены при 6 погребеніяхъ (Б. 6, 9; К. 37, 38, 66 и 69). Другіе типы височныхъ подвѣсокъ: трехлопастныя (табл. XIV, 3, костякъ К. 2), четырехлопастныя и пятилопастныя (табл. XVII, 6 и XX, 10, костяки Б. 23, 37, 38, 58, 61, 87, 102; К. 5, 42, 50, 85). Послѣднія орнаментированы выпуклыми кружками. Всѣ подвѣски висятъ на спиралькахъ, иногда двойныхъ, соединенныхъ маленькими обоймицами [1]). Обѣ височныя подвѣски костяка К. 38 лежали у одного виска, праваго. Подвѣска типа табл. XVII, 6 встрѣчена всего въ 1 экз. (костякъ К. 5). Нѣкоторыя подвѣски сработаны изъ серебра.

Къ вискамъ же или ушамъ прикрѣплялись еще различнаго рода шумящія подвѣски, обыкновенно на колечкахъ. Ихъ типы: 1) сложныя проволочныя подвѣски типа табл. XIX, 9, съ кольцеобразными привѣсками (костяки Б. 44, 75; К. 30, 90), 2) такія же болѣе простыя (табл. XVII,

---

[1]) По наблюденію А. И. Черепнина, нѣкоторыя четырехъ- и пятилопастныя подвѣски соединялись ниже подбородка ремешками, унизанными спиральками (стр. 124).

5 и 7, костяки Б. 70, 109; К. 22, 27, 51), 3) такія же съ пластинчатыми привѣсками (табл. XIV, 10, костяки Б. 66, К. 72), 4) такія же съ тремя привѣсками (табл. XXI, 3, костякъ Б. 85), 5) коническая подвѣска (табл. XXI, 7, костякъ К. 30, имѣвшій другое височное кольцо типа табл. XIX, 9), 6) подвѣска въ видѣ бляшки съ петлями (табл. XVIII, 7, костякъ К. 69). Височныя подвѣски перечисленныхъ типовъ найдены при 13 костякахъ, а того и другого типа—при 31, что составляетъ 30% общаго числа женскихъ погребеній. Кромѣ того, при костякахъ Б. 15, 58, 64, 102; К. 21 и 27 встрѣчены височныя кольца малаго размѣра, съ разомкнутыми концами, безъ привѣсокъ (типа табл. XXIII, 15 и XXI, 4). Не можетъ быть сомнѣній, что это также височныя кольца или серьги (Черепнинъ, 125). По сторонамъ черепа костяка Б. 44, кромѣ сложныхъ подвѣсокъ типа табл. XIX, 9, оказались большія проволочныя кольца съ разомкнутыми концами типа табл. VII, 4. Височная подвѣска костяка К. 21 согнута изъ неопредѣленной подѣлки (типа табл. IX, 23).

Разнообразныя шейныя ожерелья составляютъ одну изъ любимѣйшихъ частей женскаго наряда. Главное мѣсто въ ихъ составѣ занимаютъ бусы, но встрѣчаются ожерелья и безъ нихъ. Бусы не разнообразны и большею частью представляютъ собою шарики неправильной формы изъ красной стеклянной массы (табл. XXI, 5 и 11; табл. VI, 2 и 24) средней величины. Малыя красныя бусы типа табл. VI, 1 встрѣчены въ 4-хъ погребеніяхъ (К. 22, 30, 42, 51), малыя красныя типа табл. VI, 3—въ трехъ погребеніяхъ (Б. 107; К. 22 и 35), малыя золоченыя типа табл. VI, 5—въ 16 погребеніяхъ (Б. 12, 75, 85, 95, 102, 106, 110; К. 7, 23, 36, 37, 38, 39, 57, 66, 74), золоченыя средней величины типа табл. VI, 6—только въ одномъ погребеніи (К. 38), золоченыя пронизки типовъ табл. VI, 7 и 8—въ 6 погребеніяхъ (Б. 8, 12, 75, 85, 95, 107), позолоченая цилиндрическая буса табл. XVII, 3—въ одномъ погребеніи (костякъ Б. 4, относящійся къ неизвѣстному времени). Синихъ гранчатыхъ бусъ цвѣта сапфира (табл. VI, 10) встрѣчено 4 экз.,—2 экз. въ погребеніи Б. 25, 1 экз. при костякѣ Б. 70, совмѣстно съ другими бусами, и 1 экз. въ погребеніи Б. 39, безъ иныхъ бусъ. Въ погребеніи Б. 66 найдены мелкія цилиндрическія стеклянныя бусы типа табл. VI, 3, зеленаго и синяго цвѣта, въ погребеніи Б. 75—пронизки изъ синяго стекла типа табл. VI, 1, въ погребеніи Б. 109—продолговатая черная буса съ бѣлыми полосками и 2 черныя съ красными крапинами, въ погребеніи К. 37—красная буса въ видѣ плитки, въ погребеніи К. 38—мѣдная буса въ видѣ крупнаго шарика. Вообще бусы найдены при 51 погребеніи, т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ въ половинѣ общаго числа женскихъ погребеній.

Кромѣ бусъ, въ составъ ожерелій входятъ еще мѣдныя небольшія обоймицы обычнаго типа, простыя или съ колечками, и разнаго рода подвѣски, а именно: 1) двойныя пластинчатыя, на тонкихъ сплющенныхъ колечкахъ (типа табл. XXIII, 14, костяки Б. 66; К. 15, 42, 71), 2) такія же простыя подвѣски, на колечкахъ (костяки Б. 25, 49; К. 21, 31, 84), 3) привѣски-трубочки съ трубчатыми же подвѣсками (типа табл. XVIII, 8 и XXI, 9, костяки Б. 26, 44, 46, 70; К. 31, 90), 4) коническія трубочки на колечкахъ, простыя и сложныя (табл. XXI, 2 и XIX, 4, костяки Б. 2, 26, 42, 49, 82; К. 31), 5) лунницы, всегда мѣдныя, съ боковыми завитками и хвостомъ посрединѣ, гладкія, или же орнаментированныя выпуклыми точками (табл. XV, 2, костяки Б. 6, 25, 46, 95; К. 42). Въ составъ 21 ожерелья изъ бусъ входили, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, мѣдныя спиральки, обыкновенно короткія и крѣпкія (табл. IX, 13), а иногда длинныя или короткія мягкія (табл. IX, 21). Нѣкоторыя ожерелья, напр. К. 15, 22, 42, имѣли на концѣ по малень-

кой пряжечкѣ (табл. XXIII, 4). Всѣхъ ожерелій съ бусами насчитывается 51 (въ Борковскомъ могильникѣ 26 и въ Кузьминскомъ 25).

Ожерелье костяка Б. 2 состояло изъ 62 красныхъ бусъ и 20 серебряныхъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 2; костяка Б. 6—изъ спиралекъ, круглой выпуклой бляшки типа табл. IX, 14, маленькой серебряной обоймицы табл. XVI, 10 и маленькой серебряной лунницы (типа табл. XV, 2); погребенія Б. 8—изъ большой связки золоченыхъ стеклянныхъ (табл. VI, 7) и красныхъ бусъ (между ними 2 большія) и спиралекъ; костяка Б. 9—изъ спиралекъ; костяка Б. 13—изъ красныхъ и золоченыхъ бусъ и 2-хъ спиралекъ; костяка Б. 25—изъ крупныхъ неправильной формы красныхъ бусъ, 12 коническихъ подвѣсокъ-трубочекъ типа табл. XXI, 2, изъ 11 серебр. пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 17, двухъ спиралекъ и 2-хъ синихъ бусъ; костяка Б. 26 -изъ крупныхъ неправильной формы красныхъ бусъ, спиралекъ, 9 подвѣсокъ типа табл. XVIII, 8, трехъ коническихъ подвѣсокъ типа табл. XIX, 4 и множества обыкновенныхъ такихъ же подвѣсокъ, составлявшихъ, быть можетъ, бахрому ворота (каждыя 3—4 бусы чередовались съ подвѣсками); костяка Б. 30, дѣтскаго, —изъ крупныхъ красныхъ бусъ и нѣсколькихъ спиралекъ; бѣднаго костяка Б. 31—изъ нѣсколькихъ красныхъ бусъ; костяка № 42—изъ 3-хъ красныхъ бусъ, 2-хъ спиралекъ и 10 коническихъ трубочекъ; костяка Б. 44—изъ 14 красныхъ бусъ, 4-хъ крупныхъ полыхъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 14, изъ 9 подвѣсокъ-трубочекъ типа табл. XXI, 9 и значительнаго количества спиралекъ; костяка Б. 46 изъ 10 красныхъ бусъ, небольшой мѣдной лунницы типа табл. XV, 2, нѣсколькихъ спиралекъ, пряжечки и 3 бляшекъ съ подвѣсками типа табл. XVIII, 8; костяка Б. 49—изъ красныхъ бусъ, въ томъ числѣ изъ мелкихъ, изъ 5 коническихъ подвѣсокъ-трубочекъ, спиралекъ и 2 пластинчатыхъ подвѣсокъ; костяка Б. 61—изъ одной крупной красной бусы, многихъ мелкихъ и ряда спиралекъ съ обоймицами типа табл. XXIII, 18; костяка Б. 64—изъ красныхъ бусъ, 2 спиралекъ и подвѣски отъ какой-то привѣски; дѣтскаго костяка Б. 66—изъ небольшой связки зеленыхъ и синихъ маленькихъ цилиндрическихъ бусъ типа табл. VI, 3, одной мѣдной бусы и изъ серебряныхъ пластинчатыхъ двойныхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14; дѣтскаго костяка Б. 70—изъ синей гранчатой бусы, 5 красныхъ бусъ, 2 или 3 привѣсокъ-трубочекъ типа табл. XXI, 5, одной пластинчатой подвѣски на колечкѣ и 2 длинныхъ спиралекъ типа табл. IX, 21; костяка Б. 75 -изъ мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5 и 8, синей стеклянной пронизки изъ мелкихъ бусъ; костяка Б. 78 —изъ однихъ красныхъ бусъ; костяка Б. 82—изъ 2 маленькихъ красныхъ бусъ, 1 длинной спирали и 6 подвѣсокъ-трубочекъ; костяка Б. 85—изъ значительнаго количества мелкихъ золоченыхъ и различныхъ красныхъ бусъ и спиралекъ; костяка Б. 95—изъ различныхъ красныхъ и золоченыхъ бусъ, мелкихъ спиралекъ типа табл. IX, 21 и двухъ мѣдныхъ лунницъ; костяка Б. 102—изъ мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 5, но большею частью цилиндрическихъ, нѣсколькихъ такихъ же синихъ бусъ, нѣсколькихъ крупныхъ красныхъ бусъ и 8 спиралекъ; костяка Б. 106—изъ 14 красныхъ бусъ средней величины и значительнаго количества красныхъ мелкихъ цилиндрическихъ типа табл. VI, 3; костяка Б. 107—изъ многихъ красныхъ и золоченыхъ бусъ разныхъ размѣровъ и спиралекъ; дѣтскаго костяка Б. 109—изъ 5 красныхъ бусъ неправильной формы, одной продолговатой черной съ бѣлыми полосками и двухъ черныхъ съ красными крапинками; дѣтскаго костяка Б. 110—изъ нѣсколькихъ красныхъ и золоченыхъ бусъ и длинной спирали типа табл. IX, 21, костяка К. 5—изъ 4-хъ паръ длинныхъ спиралей, раздѣленныхъ красными

бусами; костяка К. 7 — изъ мелкихъ синихъ бусъ типа табл. VI, 5 и нѣсколькихъ длинныхъ спиралей; костяка К. 15—изъ красныхъ бусъ, мѣдныхъ обоймицъ, двойныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ (табл. XXIII, 14), 8 подвѣсокъ съ колечками и мѣдной подвѣски съ привѣсками типа табл. XIX, 9; костяка К. 21 — изъ 9 красныхъ бусъ и 3 пластинчатыхъ подвѣсокъ; костяка К. 22—изъ многихъ красныхъ мелкихъ и 19 болѣе крупныхъ бусъ и маленькой пряжки типа табл. XXIII, 14; костяка К. 23—изъ мелкихъ золоченыхъ и различныхъ красныхъ бусъ; дѣтскаго костяка К. 24—изъ 11 мелкихъ красныхъ бусъ; костяка К. 30—изъ 7 паръ спиралекъ, раздѣленныхъ красными бусами и обоймицами (табл. XXI, 11), другое тутъ же изъ красныхъ бусъ разной величины; костяка К. 31 — изъ красныхъ бусъ, 6 привѣсокъ - трубочекъ типа табл. XXI, 5, 12 подвѣсокъ - трубочекъ и 2 пластинчатыхъ подвѣсокъ; костяка К. 35 — изъ красныхъ бусъ цилиндрической формы (типа табл. VI, 3, но болѣе крупныхъ); костяка К. 36—изъ значительнаго количества мелкихъ позолоченныхъ и красныхъ бусъ и двухъ бусъ красныхъ большихъ; костяка К. 37 — изъ множества такихъ же бусъ, 3-хъ крупныхъ красныхъ и одной красной въ видѣ плитки; костяка К. 38—изъ такихъ же бусъ, одной крупной красной и одной такой же величины и формы мѣдной; костяка К. 39 — изъ такихъ же мелкихъ и 2 крупныхъ красныхъ бусъ и 3 спиралекъ; костяка К. 42—одно изъ мелкихъ красныхъ бусъ, мѣдной лунницы и мѣдныхъ или серебряныхъ двойныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ, другое изъ красныхъ бусъ, раздѣленныхъ восемью спиральками, и маленькой пряжки; костяка К. 50—одно изъ 7 паръ спиралекъ, раздѣленныхъ мелкими красными бусами, другое изъ двухъ крупныхъ и множества мелкихъ красныхъ бусъ, третье изъ бляшекъ; костяка К. 51—изъ 4 крупныхъ и небольшого количества мелкихъ красныхъ бусъ и нѣсколькихъ спиралекъ; костяка К. 57 — изъ мелкихъ золоченыхъ и красныхъ бусъ и изъ 2-хъ рядовъ спиралекъ съ обоймицами; костяка К. 66—изъ 2 крупныхъ красныхъ и значительнаго количества другихъ красныхъ и позолоченыхъ бусъ; костяка К. 71—одно изъ 25 красныхъ бусъ, 4 мѣдныхъ обоймицъ, другое изъ бляшекъ; костяка К. 74 — изъ немногихъ позолоченыхъ и красныхъ бусъ; костяка К. 84—изъ небольшого количества красныхъ бусъ, крупныхъ и мелкихъ, спиралекъ и пластинчатыхъ подвѣсокъ; костяка К. 85—изъ красныхъ позолоченыхъ и одной синей бусъ; дѣтскаго костяка К. 87—изъ красныхъ бусъ; костяка К. 90—изъ красныхъ бусъ и шумящихъ подвѣсокъ типа табл. XVIII, 8, костяка К. 92—изъ нѣсколькихъ красныхъ бусъ и спиралекъ.

Ожерелій безъ бусъ найдено 12 экз. Большая часть ихъ состоитъ изъ гладкихъ бляшекъ или обоймицъ и двойныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ (табл. XXIII, 4, костяки Б. 15, 46; К. 27, 30, 50, 71). Обоймицы ожерелья Б. 15 украшены выпуклыми точками (типа табл. XVI, 10); при томъ же ожерельѣ оказались 2 экз. сложныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XIX, 6. Ожерелье или бахрома костяка Б. 40 состояло изъ 7 подвѣсокъ-трубочекъ, 8 простыхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ и нѣсколькихъ спиралекъ, ожерелье костяка Б. 19 — изъ нѣсколькихъ спиралекъ и пластинчатыхъ подвѣсокъ, ожерелья костяковъ Б. 58 и 112 — только изъ нѣсколькихъ спиралекъ. Шеи костяковъ Б. 55 и 87 украшены были только лунницами. Всѣхъ лунницъ найдено 6 экземпляровъ.

На нѣкоторыхъ костякахъ находилось не по одному, а по 2 и по 3 ожерелья, при чемъ одно обыкновенно составлялось безъ бусъ. Всего ожерелья встрѣчены болѣе, чѣмъ на 60 женскихъ костякахъ, что составляетъ $^{3}/_{5}$ общаго числа ихъ.

Шейныя гривны оказались у 49 женскихъ костяковъ, т. е. ровно у половины общаго числа ихъ. Типы шейныхъ гривенъ разнороднѣе, чѣмъ въ Кошибеевскомъ могильникѣ. Мы различили въ нихъ слѣдующіе типы и разновидности: 1) тонкія гладкія: a) съ замкомъ, состоящимъ изъ ушка и крючка (табл. X, 3, костяки Б. 22, 58, 72; К. 69, 72), b) съ замкомъ изъ крючка и круглаго пластинчатаго ушка (табл. VII, 12 и 13, костяки Б. 2, 93, 107; К. 24, 36, 78), c) съ замкомъ изъ круглаго ушка и петли (табл. XVII, 8, костяки Б. 19 и 78), 2) гладкія толстыя: a) съ равными несомкнутыми концами (табл. XVII, 10, костяки К. 21 и 69), b) съ концами, обтянутыми проволокой, и съ бусами, замокъ изъ двухъ петель (табл. X, 6 и XVII, 9, костяки Б. 33, 105, К. 42, 50, 69, 75), c) подобныя съ замкомъ изъ крючка и длиннаго пластинчатаго ушка (табл. X, 5, костяки К. 5 и 14), d) такія же съ круглой гладкой или орнаментированной бляхой для ушка (табл. XVII, 11, костяки Б. 44, 46, 58, 61, 87, 95, 101; К. 22, 35, 51, 66, 69, 71, 90, всего 14 экз.), 3) тонкія витыя изъ двухъ проволокъ, съ замкомъ изъ крючка и петли (табл. VII, 14, костякъ К. 85), 4) витыя изъ трехъ проволокъ съ спиральными кольцами на концахъ (табл. XVIII, 6, костякъ К. 69), 5) тонкія витыя табл. (X, 4, костяки Б. 23, 38, 92; К. 4, 5, 12, 22, 23, 36, 38, 57, 66, 74, всего 13 экз.), 6) пластинчатыя съ несомкнутыми концами (табл. XVIII, 1, костяки Б. 44, 66; К. 15). По двѣ шейныя гривны оказались у 8 костяковъ (Б. 44, 58, 107; К. 5, 22, 36, 66, 74), а у богатаго костяка К. 69 найдено даже 6 гривенъ.

Разныхъ типовъ нагрудныя бляхи и пряжки встрѣчены при 14 женскихъ костякахъ, что составляетъ 15% ихъ общаго числа. Типы нагрудныхъ бляхъ слѣдующіе: 1) круглыя съ перекрестьемъ типа Кошибеевскаго могильника (табл. VIII, 8, костякъ Б. 92), орнаментъ которыхъ большею частью нѣсколько видоизмѣненъ (табл. XVI, 12, костяки Б. 43, К. 20, 72, 90; табл. XVI, 13, костяки Б. 105, 107, 108; К. 1, 5, 36, 66, 69), всего 13 экз., 2) большая мѣдная, слегка выпуклая, круглая, съ золотистою поверхностью бляха, съ широкимъ отверстіемъ посрединѣ, прикрѣплявшаяся помощью двухъ отверстій по окружности и особой малой бляшки посрединѣ (табл. XVIII, 5, костякъ К. 23; бляха прикрыта была шерстяною тканью, подъ которою лежалъ пучокъ шерстяныхъ шнурковъ); подъ нагрудною бляхою костяка К. 72 найдены остатки лубка, шерстяной ткани съ бахромою и мѣдная пряжка. Нагрудная бляха костяка К. 66 была сверху прикрыта какими-то листьями, быть можетъ, лопуха. Пряжки были находимы вмѣстѣ съ нагрудными бляхами и въ другихъ погребеніяхъ, напр. К. 5, 20, 66. Способъ ношенія нагрудныхъ бляхъ пока не можетъ быть опредѣленъ. По всей вѣроятности, онъ составлялъ украшеніе верхней одежды или украшеніе какого-нибудь нагруднаго убора. Дѣтскіе женскіе костяки Б. 66 и 72 имѣли на груди малыя бляшки того же типа, орнаментированныя выпуклыми кружками (табл. X, 8 и XIV, 7).

Типы нагрудныхъ пряжекъ: 1) серебряныя и мѣдныя огромной величины (до 16 и даже до 21 сант.) бляхи, орнаментированныя выпуклымъ пунктиромъ и прорѣзями, игла расширена въ средней части и закрываетъ все среднее отверстіе пряжки (табл. XVI, 8, костяки Б. 2, 54, 61, 69, 87, 101; К. 15, 22, 31, 42, 51, 71, всего 12 экз.), концы сомкнуты и склепаны. Экземпляръ Б. 69 былъ положенъ на нижней части груди мужскаго костяка, подъ бляхою К. 22 оказался пучокъ тонкихъ шерстяныхъ шнурковъ, изъ которыхъ каждый расходился на 3 шнура. 2) Почти такой же типъ представляютъ малыя нагрудныя пряжки съ желѣзными иглами (табл. XV,

10 и 11), найденныя на груди костяковъ Б. 73 и К. 38, 39. Одинъ экземпляръ—явно кованый; концы его не склепаны, а свернуты. 3) Широкія пластинчатыя пряжки съ зубцами или лопастями по краю (табл. IX, 25, костякъ К. 65 и табл. XV, 12, костяки К. 2 и 91). 4) Плетеныя изъ проволоки, ажурныя, пятилопастныя и шестилопастныя (табл. IX, 27, костяки Б. 12 и К. 78: табл. XV, 4, костяки Б. 8, 95, 107, К. 57, всего 6 экз.); интересно, что нѣкоторые экземпляры пряжекъ этого типа найдены въ сожженіяхъ. 5) Того же типа плетеныя пряжки съ тремя лопастями въ верхней и 8 подвѣсками-лапками на петляхъ въ нижней части (табл. XV, 7, костяки 8, 78, 107, при костякѣ К. 69 на головномъ уборѣ). 6) Плетеныя изъ проволоки, съ широкой ажурной каймой и завитками по окружности (табл. XVI, 1, костякъ К. 77). 7) Плетеная пряжка съ нѣсколькими парами бляшекъ по окружности (табл. XV, 1, костякъ К. 37). 8) Плетеная пряжка съ 4 лопастями по краю и удлиненнымъ пріемникомъ для иглы (табл. XV, 3). Красивая широкая пряжка, скомпанованная изъ полосокъ, подражающихъ нити жемчуга, изъ шнуровыхъ нитей и пластинчатаго кольца (табл. XV, 6, костякъ К. 74).

Рис. 10.

Рис. 11.

Особенность женскаго наряда составляютъ плечевыя привѣски въ видѣ колокольчиковъ или конусовидныхъ подѣлокъ, висящія на спиралькахъ. Большинство ихъ—того же типа, какъ въ Кошибеевскомъ могильникѣ (табл. IX, 22, костяки Б. 85, К. 2, 5, 21, 22, 37, 38, 57, 66, 69, 74, 90, всего при 12 костякахъ); ремешки нѣкоторыхъ подвѣсокъ довольно длинны (рис. 10). Значительно рѣже встрѣчаются такія же привѣски большихъ размѣровъ (табл. XXI, 1, костяки Б. 106, К. 90). При трехъ костякахъ (К. 5, 37 и 92) вмѣсто привѣсокъ даннаго типа оказались привѣски-уточки (табл. VII, 9 и XXI, 10). На костякѣ К. 48 оказались 3 подвѣски въ видѣ лапокъ (рис. 11). Обычное, почти единственное мѣсто этихъ привѣсокъ — правое плечо, гдѣ онѣ встрѣчаются въ количествѣ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и даже 5-ти экз., въ послѣднихъ случаяхъ нерѣдко въ перемежку колокольчики съ уточками. Костякъ К. 90 имѣлъ на правомъ плечѣ 5 привѣсокъ-колокольчиковъ, на лѣвомъ—3 такія же крупныя привѣски. На шеѣ костяковъ К. 20 и 23 оказались привѣски сгибнемъ (табл. IX, 21 и XXI, 12) въ количествѣ 2-хъ и 4-хъ экз., быть можетъ, тѣ же плечевыя подвѣски. На шеѣ костяковъ Б. 44 и 58 оказалось по 4 экз. шумящихъ коническихъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 13 и 14; не составляютъ ли и онѣ собственно уборовъ плеча?

Фибулы, встрѣченныя на женскихъ костякахъ: 1) огромная серебряная фибула съ широкимъ хвостомъ типа табл. XIV, 6 (размѣровъ 15 × 11 сант., костякъ К. 50, въ верхней части груди), 2) того же типа серебряная фибула средняго размѣра (табл. XX, 9, костякъ Б. 91, на шеѣ подъ гривною), 3) того же типа малая серебряная фибула табл. XIV, 9, найденная въ сожженіи Б. 37. 4) серебряная большая арбалетная фибула табл. XXII, 4, найденная на тазу костяка Б. 38, 5) фибула такъ называемаго готскаго типа съ каймой изъ птичьихъ головокъ по нижней части,

ясно выраженной звѣриной головки въ верхней части и отростка, покрытая кружковымъ орнаментомъ (табл. XIV, 8, въ сожженіи К. 7). На оборотѣ два ушка и пріемникъ; глаза птицъ высверлены.

Типы пряжекъ, встрѣченныхъ на женскихъ костякахъ: 1) пластинчатыя съ насѣчкою (типа табл. XI, 13, костяки Б. 8, 23, 37, 55, 85, 87, 93, 95, 102, 109, 110; К. 5, 9, 14, 20, 24, 27, 36, 37, 39, 42, 60, 66, 67, 69, 71, 72, 78, 91, всего при 29 костякахъ), 2) круглыя типовъ табл. XIX, 12 и XXII, 2 (костяки Б. 24, 32, 38, 39, 43, 44, 49, 92; К. 20), 3) пластинчатыя безъ орнамента табл. XVII, 12 (костяки Б. 2, 25, 26, 30, 31, 34, 44, 46, 58, 61, 66, 70, 77, 78; К. 15, 50, всего при 16 костякахъ), 4) желѣзныя типа табл. X, 9 и 10, найденныя при костякахъ Б. 2 (въ ногахъ), 8 (сожженіе), 22 (на груди, 2 экз.), 39 (на поясѣ). Всего пряжки найдены при 58 женскихъ костякахъ, что составляетъ свыше половины общаго числа ихъ. При 15 костякахъ пряжки замѣчены лежавшими на груди, при 5 онѣ лежали на шеѣ, при двухъ—у праваго плеча (К. 2 и 14), при трехъ—близъ головы (К. 25, 26, 44), при одномъ—близъ лѣвой руки, при одномъ—на тазу (К. 36), при двухъ—на головныхъ вѣнчикахъ (К. 5 и 20); остальныя найдены въ трупосожженіяхъ, или же положеніе ихъ не могло быть опредѣлено. При нѣкоторыхъ костякахъ найдено по 2, по 3, по 4 и даже по 5 пряжекъ. Особаго упоминанія заслуживаетъ большая мѣдная пряжка, найденная на правомъ плечѣ женскаго костяка К. 21 (табл. XV, 5). Средняя часть пряжки раздѣлана ромбомъ, несомкнутые концы—кружками. И ромбъ и кружки, безъ сомнѣнія, нѣкогда были заполнены выемчатою эмалью; примѣтны слѣды эмали краснаго и зеленаго цвѣта.

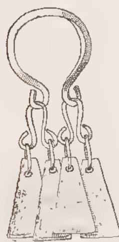
Браслеты найдены почти на 60 женскихъ костякахъ, что составляетъ около 60% общаго числа женскихъ погребеній. На костякахъ Б. 30, 87, 107; К. 2, 6, 31, 51, 64, 66, 69 оказались по нѣскольку браслетовъ. Ихъ типы: 1) проволочные типа табл. VII, 4 (костяки Б. 13, 30, 34, 110; К. 4, 6, 7, 64, всего на 8 костякахъ, на нѣкоторыхъ по нѣскольку экземпляровъ), 2) такіе же, но гранчатые, типа табл. XXIII, 3 (1 экз.), 3) круглые съ расширяющимися концами типа табл. XXIII, 7 и рис. 12 (К. 64, Б. 69), 4) круглые со слегка расплющенными и орнаментированными концами типа табл. XVIII, 2 (Б. 58, 61, 87; К. 35, 42, 50, 72, всего на 7 костякахъ, иногда по нѣскольку экземпляровъ), 5) круглые со схематизированными головками животныхъ на концахъ, типа табл. XXIII, 4 (костякъ Б. 87), 6) круглые тонкіе съ расширенными копьевидными концами, типа табл. XXIII, 5 (Б. 2, 22, 26, 30, 39, 42, 44, 46, 55, 59, 66, 72, 82; К. 6, 12, 15, 27, 30, 51, 60, 67, всего при 21 костякѣ, иногда по нѣскольку экземпляровъ, 7) круглые сплющенные типа табл. XXIII, 8 (костяки Б. 75, 92, 102; К. 2, 23, 31, 36, 51, 69, всего на 9 костякахъ), 8) такіе же болѣе массивные съ расширенными и слегка орнаментированными концами типа табл. XVIII, 4 (костяки Б. 85, 101, 106; К. 7 и 22, всего на 5 костякахъ), 9) пластинчатые простые, типа табл. XIII, 13 (костяки К. 2 и 14), 10) пластинчатые съ расширенными концами, орнаментированные, типовъ табл. XXIII, 1, 6 и 9 (костяки Б. 8, 23, 78, 95, 107; К. 5, 21, 31, 38, 57, 96, всего на 11 костякахъ, иногда по нѣскольку

Рис. 12.

экземпляровъ), 11) пластинчатые съ завитками на концахъ типа табл. XXII, 10 (костяки Б. 107 и К. 51), 12) на рукахъ костяка Б. 69 оказалось по спиральному наручнику обыкновенной формы, до 15 оборотовъ каждый. Спираль раздѣлана на грани; одинъ конецъ каждаго наручника расплющенъ и снабженъ ушкомъ, къ которому прикрѣплено колечко.

Перстни встрѣчены при 42 женскихъ погребеніяхъ, т. е. при 40% общаго числа ихъ. Самый обыкновенный и почти единственный типъ перстней—спиральные въ 5—8 и менѣе оборотовъ (типа табл. XXIII, 10 и 12). Узкая ленточка, изъ которой свернуты эти перстни, всегда раздѣлана на грани. Одинъ изъ такихъ перстней былъ снабженъ трубчатыми подвѣсками на петляхъ (табл. XXII, 13, костякъ К. 21). Въ единичныхъ экземплярахъ встрѣчены ажурные, плетеные изъ проволоки перстни съ подвѣсками лапчатыми (табл. XIX, 1, костякъ Б. 77) и коническими (табл. XIX, 2, костякъ Б. 82), пластинчатый перстень съ завитками на концахъ (типа табл. XXIII, 2, костякъ К. 71), проволочное кольцо (типа табл. XXIII, 15, костякъ Б. 75) и кольцо съ пластинчатыми подвѣсками (рис. 13, костякъ Б. 40).

Рис. 13.

По всей вѣроятности, къ числу браслетовъ же слѣдуетъ отнести находимые на костяхъ рукъ ленты изъ бляшекъ и спиралекъ. Обыкновенно браслеты эти снабжены на концѣ пряжкою для застегиванія. Ихъ удобнѣе всего называть запястьями. Запястья типа табл. XXIII, 11 состояли изъ выпуклыхъ бляшекъ и спиралекъ (костяки К. 36 и 90, при которыхъ были найдены и другіе браслеты), запястья типа табл. XXIII, 16—изъ спиралекъ, обоймицъ съ колечками и бляшками въ видѣ розетокъ (костякъ К. 69, имѣвшій и другіе браслеты), запястье типа табл. XXIII, 18—изъ спиралекъ и обоймицъ (костякъ Б. 26, имѣвшій по такому запястью на обѣихъ рукахъ, а также и другіе браслеты). Въ общемъ запястья имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и подобныя имъ ожерелья.

Одежда нѣкоторыхъ костяковъ была въ изобиліи украшена пластинчатыми и трубчатыми подвѣсками типовъ табл. XXI, 2, XIX, 4 и 5 и XXIII, 17, пришитыми на различномъ разстояніи другъ отъ друга. Такія украшенія найдены на женскихъ костякахъ Б. 26 и 44, а также, вѣроятно, и при другихъ. На костякѣ Б. 26 множество коническихъ подвѣсокъ было расположено въ видѣ бахромы кругомъ шеи, выше колѣнъ и у подола, и кромѣ того онѣ разбросаны были по костяку въ разныхъ мѣстахъ. Расположеніе подвѣсокъ на одеждѣ костяка Б. 44 было трудно уловить. На костякѣ Б. 40 найдено ожерелье или бахрома изъ 7 трубчатыхъ и 8 пластинчатыхъ подвѣсокъ; подобное оказалось на костякѣ Б. 25 и, быть можетъ, такія же были на костякахъ Б. 43, 49, 51, 92, 93, 101; К. 7, 12, 21, 31, дѣтскихъ или бѣдныхъ, на которыхъ встрѣчено лишь по небольшому количеству подвѣсокъ.

На подолѣ женскаго костяка К. 69 оказался уборъ изъ бляхъ и подвѣсокъ. На высотѣ колѣнъ были расположены 2 слегка выпуклыя мѣдныя бляхи съ отверстіями табл. XVI, 3, а возлѣ (?) этихъ бляхъ находилась пара подвѣсокъ, каждая изъ 5 почти гладкихъ привѣсокъ табл. XXII, 15 и другая пара по 3 узорчатыя привѣски табл. XXII, 11 (Черепнинъ, 121).

Ноги женскаго костяка К. 69 выше щиколотки обхвачены были широкими ремнями, имѣющими на концахъ по красивой узорной пряжкѣ табл. XXII, 9.

Найденныя въ могильникахъ пряслица всѣ глиняныя. Они встрѣчены въ 27 женскихъ погребеніяхъ, т. е. въ четвертой части общаго числа ихъ. Пряслица по преимуществу съ ребромъ на боку, средней величины (табл. VII, 1, костяки Б. 13, 23, 25, 26, 38, 40, 87, 107; К. 5, 20, 31, 38, 39, 78, 92). Того же типа пряслицы низкія (табл. VII, 2, костяки Б. 37 и К. 57) и высокія (табл. VII, 15, костякъ К. 30) встрѣчены въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Сравнительно рѣдки также пряслица съ округлыми боками типовъ табл. X, 1, (костяки Б. 61, 85; К. 23, 42, 51, 66, 69) и табл. XIV, 2 (костякъ К. 7). Въ большинствѣ случаевъ пряслица лежали слѣва у таза или на поясѣ, т. е., быть можетъ, тамъ же; единичные экземпляры найдены на груди.

При женскихъ костякахъ Б. 6 и 31 найдены мѣдные щипчики или пинцеты табл. XIX, 8. Положеніе ихъ при костякахъ осталось не опредѣленнымъ.

При трехъ женскихъ костякахъ (Б. 8, 13 и 110) оказались желѣзныя удила, лежавшія, вѣроятно, въ изголовьѣ. При костякѣ Б. 8 кромѣ удилъ найденъ былъ наконечникъ копья.

Ножи найдены при 65 погребеніяхъ (т. е. въ 1/3 общаго числа ихъ), изъ которыхъ 44 мужскихъ и 21 женскихъ. Такимъ образомъ ножи вдвое чаще встрѣчаются при мужскихъ погребеніяхъ, чѣмъ при женскихъ.—Почти всѣ ножи обычнаго типа съ прямымъ обухомъ, но попадаются и съ круглымъ обухомъ, хотя очень рѣдко. И при мужскихъ, и при женскихъ костякахъ ножи встрѣчаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ—слѣва у пояса или таза; только одинъ ножъ оказался у ногъ (костякъ Б. 2) и одинъ на груди (костякъ Б. 69). Ножъ при женскомъ костякѣ Б. 39 висѣлъ на ремнѣ (Черепнинъ, 111).

При женскомъ скелетѣ Б. 2 найденъ небольшой точильный брусокъ, при костякахъ Б. 13, 23, 38—какіе-то желѣзные стержни.

Положеніе нѣкоторыхъ предметовъ на женскихъ скелетахъ, а равно и назначеніе ихъ не могли быть опредѣлены. Таковы: 1) маленькія серебряныя пряжки типа табл. XX, 16, найденныя при костякахъ Б. 26, 44, 58 и 106, на каждомъ въ количествѣ двухъ или трехъ экземпляровъ, 2) мѣдная выпуклая бляшка, орнаментированная по краю нитью изъ выпуклинъ (табл. XV, 9, костякъ Б. 110), 3) малыя мѣдныя выпуклыя бляшки типа табл. IX, 14 (костяки Б. 60, 80, К. 2), 4) выпуклыя бляшки полушарыя типа табл. XIX, 10 (костяки Б. 8 и 106), 5) бляшки съ выпуклою серединою, типа табл. X, 2 (костякъ К. 24), 6) витушки (Б. 6, 8, 20, 51, 55, 58, 64, 101, 107, 113; К. 83).

При нѣкоторыхъ женскихъ костякахъ оказались предметы мужского наряда. На тазу костяка К. 50 найдены 2 узкія бляшки типа табл. XII, 22; на поясѣ костяка Б. 39 находились 2 пряжки, между прочимъ серебряная табл. XVII, 2 (Черепнинъ, 137).

На 35 костякахъ найдены остатки шерстяной ткани, на 8—шерстяные шнуры (Б. 23, 26; К. 22, 23, 30, 50, 69). Рубашки были, повидимому, холщевыя (Черепнинъ, стр. 100). На костякѣ Б. 85 найдены обрывки шерстяной ткани, въ которой вотканы ряды шерстяныхъ же горошинъ (рис. 14).

Рис. 14.

Отдѣльныя находки.

Отдѣльныя находки на площади Борковскаго могильника попадались уже издавна, но наибольшее количество ихъ собрано было въ 1874 г., при устройствѣ здѣсь желѣзно-дорожныхъ сооруженій. По слухамъ, тогда вещи были находимы на протяженіи 40—50 саж. отъ нынѣшняго желѣзно-дорожнаго дома, по направленію къ р. Окѣ. Предметовъ поднято было, по всей вѣроятности, довольно значительное количество, судя по тому, что однихъ цѣльныхъ череповъ открыто было, по разсказамъ, до двухъ десятковъ. Всѣ вещи разошлись по рукамъ безслѣдно, кромѣ небольшого, но очень интереснаго собранія, сохранившагося у одного изъ подрядчиковъ, г. Селиванова. Въ это собраніе входятъ: 1) большая мѣдная (?) фибула съ широкимъ хвостомъ (табл. XIV, 15), 2) двѣ почти совершенно одинаковыя мѣдныя (?) ажурныя фигуры древняго типа, украшенныя головой человѣка и звѣриными головками (табл. XIV, 13 и 17), 3) большая мѣдная поясная пряжка хорошей формы (табл. XIV, 19); кольцо и бляха овальныя, бляха орнаментирована насѣчкою, язычекъ украшенъ четыреугольной пластинкой-площадкой; 4) мѣдная орнаментированная бляшка на 4-хъ шпенькахъ, украшенная по верху двумя птичьими головками (табл. XIV, 18), 5) два серебряные узкіе наконечника, раздѣланные на грани (табл. XIV, 16), 6) смятая и поломанная нагрудная пряжка съ прорѣзями (табл. XIV, 5). Другіе предметы менѣе любопытны [1]). При тѣхъ же земляныхъ работахъ найдены были въ могильникѣ 2 небольшіе клада диргемовъ VIII и IX в., врядъ ли имѣющіе къ нему какое-либо отношеніе. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше предметовъ, быть можетъ, также не относятся къ могильнику, особенно же фибулы табл. XIV, 13, пряжка табл. XIV, 19 и наконечники табл. XIV, 16, которые едва ли не принадлежатъ къ болѣе раннему времени.

При раскопкахъ могильника въ 1892 г. найденъ рядъ отдѣльныхъ предметовъ изъ разоренныхъ погребеній: гривна типа табл. X, 4, два наконечника пояса табл. XXI, 8, пластинчатый браслетъ, пять браслетовъ типа табл. XXIII, 5, семь спиральныхъ перстней, шесть пряжекъ типа табл. XI, 13 и четыре другихъ, витушки, рядъ различныхъ привѣсокъ, между прочимъ табл. XIV, 12, пряслицы, наконечники копій, бусы и пр.

Рис. 15.

Всѣ остальныя находки на могильникѣ принадлежатъ XI — XII в. и должны быть приписаны русскому населенію края. Встрѣчено одно погребеніе этого времени, быть можетъ, курганное (Б. 83). Костякъ лежалъ на глубинѣ 14 вершковъ головою на Ю.-З. На немъ найдены: трехшипныя серебряныя серьги (табл. XXI, 6), 10 серебряныхъ височныхъ колецъ,—по 5 на каждой сторонѣ головы (табл. XXI, 4 и XXIII, 15), ожерелье изъ 5 гранчатыхъ сердоликовыхъ и изъ другихъ бусъ, мѣдный витой браслетъ съ петлями на концахъ и витое колечко того же типа; подъ скелетомъ слѣды дерева. Отдѣльныя находки той же культуры: пять семилопастныхъ височныхъ колецъ окскаго типа, мѣдная пряжка арочнаго типа, мѣдный перстень съ рубчатою переднею частью (табл. XXIII, 13), ажурные перстни, нѣсколько бубенчиковъ, 12 желѣзныхъ ножей, серпъ,

[1]) Черепнинъ, Замѣтка о Борковскомъ могильникѣ. *Труды Рязанской Архивной Ком.* т. VI. 96—100 (рис.).

двухъ типовъ огнива, долото, подкова (рис. 15), овечьи ножницы, мѣдныя и желѣзныя удочки, грузила, таши, точилка, каменное пряслице, медвѣжій и кабаній клыки, костяной наконечникъ, обломки сосудовъ. Не знаемъ, къ какому времени удобнѣе отнести найденные на могильникѣ ножъ въ костяной рукояти (табл. XXII, 8) и желѣзный наконечникъ стрѣлы или что-то подобное (табл. XX, 5).

Той же русской культурѣ должны быть приписаны найденныя на возвышеніи вмѣстѣ съ могилами глиняныя печи, яма, а можетъ быть, и два небольшіе клада арабскихъ монетъ (Черепнинъ, 71, 237—295).

Въ Кузьминскомъ могильникѣ также найдены отдѣльные предметы, относящіеся къ четыремъ эпохамъ: къ каменному вѣку, ко времени могильника, къ XI—XII в. и ко времени еще болѣе позднему [1]).

Съ перваго взгляда ясно, что типы предметовъ описываемыхъ могильниковъ составляютъ по времени прямое продолженіе древностей Кошибеевскаго могильника. Такъ, отъ послѣдняго въ нихъ заимствованы: разнородныя нагрудныя бляхи и пряжки, подвѣски въ видѣ неопредѣленнаго животнаго, разные типы шейныхъ гривенъ, подвѣски-сгибни, желѣзные кельты, мечи и пр. Въ то же время, нѣкоторые предметы имѣютъ аналогіи уже въ древностяхъ IX—X в., каковы особенно лунницы, серебряная обложка меча, орнаментированная кружечками, маленькія поясныя пряжечки и нѣкоторыя подвѣски. На основаніи этихъ соображеній древности Борковскаго и Кузьминскаго могильниковъ, повидимому, можно было бы отнести къ VIII, а отчасти и къ IX в.

VII и VIII. Шатрищенскій и Холуйскій могильники.

Шатрищенскій могильникъ расположенъ черезъ оврагъ противъ городища Старой Рязани. Судя по находкамъ, принадлежитъ къ типу Борковскаго могильника. Въ одномъ изъ четырехъ открытыхъ здѣсь погребеній найдено интересное трупосожженіе на мѣстѣ. Въ ямѣ оказался слой угля въ 3 арш. длины, $1^3/_4$ арш. ширины и 4 вершка толщины. Среди углей найдены черепки сосуда и наконечники копья и дротика. Другихъ особенностей могильникъ пока не представилъ.

Холуйскій могильникъ, расположенный въ дальнемъ растояніи отсюда, въ бассейнѣ р. Клязьмы, по находкамъ также долженъ быть отнесенъ къ типу Борковскаго могильника. Костяки въ немъ лежали, повидимому, довольно безпорядочно (головою на ЮВ, СВ, СЗ и С). Здѣсь найдено нѣсколько новыхъ типовъ вещей: маленькая фибула, серебряная или изъ серебристаго сплава, отдѣланная напилкомъ (табл. XII, 26), мѣдная витая круглая пряжка (табл. XII, 21), мѣдная поясная пряжка съ орнаментомъ (табл. XII, 29), четыре новые типа поясныхъ бляшекъ (табл. XII, 22—25), мѣдныя четыреугольныя бляшки съ треугольными подвѣсками (табл. XII, 27) и толстый проволочный браслетъ (табл. XII, 28).

---

[1]) См. ниже въ отчетѣ о раскопкахъ.

IX. Максимовскій могильникъ.

Изъ числа раскопанныхъ въ могильникѣ 43 погребеній 32 или 33 принадлежатъ мѣстному населенію (№№ 2—5, 7, 9, 11—18, 20—22, 24—26, 28—30, 32—38, 40, 41, 43), остальныя 10 или 11—пришлому, русскому.

Глубина могилъ туземныхъ инородцевъ не велика—отъ $^1/_2$ арш. до $1^1/_2$ арш. Первоначальную глубину могильныхъ ямъ трудно возстановить, вслѣдствіе произведенной планировки мѣстности при устройствѣ на могильникѣ усадьбы, но среднимъ размѣромъ ея можно, по приблизительному исчисленію, принять 1 аршинъ.

Большая часть труповъ погребены несожженными (21 изъ 32), меньшая (11) подвергнута сожженію (№№ 2, 4, 5, 9, 16, 18, 25, 26, 36, 37, 43). Трудно судить, какой изъ этихъ двухъ обрядовъ погребенія старше по происхожденію. Въ данномъ могильникѣ оба они одновременны.

Трупы сожигались внѣ могилы, въ которой складывались пережженныя кости, бывшія на огнѣ мелкія металлическія украшенія и различныя вещи, не тронутыя огнемъ: ножи съ деревянными рукоятями, пояса, топоры, наконечники стрѣлъ, нѣкоторые головные уборы, глиняныя чашки, иногда кости животныхъ. Ямы для остатковъ трупосожженія вырывались неглубокія, рѣдко глубже аршина, чаще квадратной формы, обыкновенно меньше аршина въ ширину и длину. На днѣ такой могилы прежде всего равномѣрнымъ слоемъ размѣщались остатки костей, а затѣмъ симметрично располагались сосуды и всѣ остальныя крупныя и мелкія вещи; послѣднія помѣщаются иногда (№ 37) въ чашкѣ. Въ могилѣ № 4 находились, повидимому, остатки двухъ сожженныхъ труповъ, мужского и женскаго. На днѣ могильныхъ ямъ № 5 и 43 подмѣчены остатки деревянной подстилки. Въ могилахъ № 9 и 36 найдены однѣ косточки. Въ дѣтской могилѣ № 18 совсѣмъ не оказалось пережженныхъ косточекъ; вмѣсто того на днѣ ямы лежалъ темный слой съ мелкими угольками.

Костяки въ могильникѣ плохой сохранности, такъ что въ немъ можно было собрать только весьма небольшое количество болѣе или менѣе цѣлыхъ череповъ. Лучше всего сохранились части костей, лежавшія при мѣдныхъ вещахъ. Скелеты почти всѣ расположены головою на С. Костякъ № 11, женскій, лежалъ въ обратномъ положеніи, головою на Ю., а женскій костякъ № 24—на З. Въ послѣднемъ случаѣ, по всей вѣроятности, сказалось вліяніе русскаго обряда погребенія; на этомъ костякѣ среди инородческихъ оказались и русскія вещи (малыя височныя кольца, бусы, лунница), такъ что съ увѣренностью нельзя сказать, дѣйствительно ли это инородческое погребеніе. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, въ протянутомъ положеніи; судя по расположенію на костякахъ предметовъ

и по сохранившимся костямъ руки, въ большинствѣ случаевъ лежали на лобкѣ или въ нижней части груди. Руки скелета № 41 были согнуты въ локтяхъ и кистями откинуты въ стороны. У 7 костяковъ (№№ 3, 7, 11, 21, 24, 30 и 41) оказались остатки древесной подстилки.

Въ трупосожженіи № 16 поверхъ предметовъ находилось нѣсколько несожженныхъ костей какихъ-то животныхъ.

Мужскихъ костяковъ въ инородческой части могильника можно насчитывать 12 (№№ 4, 7, 12, 14—16, 25, 26, 29, 33, 34, 36), женскихъ 19 (№№ 2—5, 11, 13, 17, 21—24, 28, 30, 32, 35, 38, 40, 41, 43).

Женскія погребенія.

Типы головныхъ вѣнчиковъ: 1) узкіе ременные вѣнчики, унизанные спиралями и трубочками (табл. XXVII, 1); на костякѣ № 3 такой вѣнчикъ былъ одинъ (на противоположныхъ концахъ его, вѣроятно, на темени находились 2 мѣдныя шумящія привѣски табл. XXVII, 6); въ трупосожженіи № 5 и въ погребеніи № 22 такіе вѣнчики находились вмѣстѣ съ вѣнцами типа табл. XXVII, 3;

2) На головѣ костяка № 11 находился вѣнчикъ изъ тонкихъ наборныхъ бляшекъ типа табл. XXVII, 3 и волосяной жгутъ типа Лядинскаго мог. табл. IV, 3 и Люцинскаго мог. табл. I, 11;

3) На головѣ костяка № 30 расположенъ былъ такой же волосяной жгутъ и вѣнчикъ изъ наборныхъ трубочекъ типа Лядинскаго могильн. табл. XI, 7.

Височныя кольца оказались въ 9 женскихъ погребеніяхъ (№№ 3, 4, 5, 11, 30, 35, 37, 40, 43), т. е. въ половинѣ всего ихъ числа; въ 4-хъ случаяхъ эти кольца найдены въ сожженіяхъ. Большинство колецъ согнуто изъ гладкой проволоки, одинъ конецъ расклепанъ и снабженъ отверстіемъ, на другомъ крючокъ—прямое подобіе шейныхъ гривенъ. Экземпляръ погребенія № 5 согнутъ изъ остатковъ гривны, экземпляръ погребенія № 40 столь великъ (4 дюйма въ діаметрѣ), что представляетъ скорѣе гривну, чѣмъ кольцо. Височныя кольца вообще значительныхъ размѣровъ—приблизительно $2^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчены височныя кольца безъ замка, до 3-хъ дюймовъ въ поперечникѣ (напр. въ погребеніи № 35). На меньшія кольца иногда напущены спирали (табл. XXIV, 5, въ погребеніяхъ № 11, 35 и 37), или даже перстни съ шумящими подвѣсками (№ 30, перстни типа табл. XIX, 2). Въ погребеніяхъ №№ 3, 11, 43 встрѣчено по 5 и по 4 кольца на каждой сторонѣ головы, въ погребеніи № 35—по два. Для вопроса о способѣ прикрѣпленія височныхъ колецъ на головѣ раскопка не доставила опредѣленныхъ данныхъ. Замѣчено, что въ четырехъ погребеніяхъ (№№ 3, 5, 11 и 30) височныя кольца какъ бы соединены съ головными вѣнчиками; въ погребеніи № 3 височныя кольца замками лежали всѣ вмѣстѣ, плотно прилегая къ черепу. Кольца погребенія № 11, повидимому, были прикрѣплены къ шерстяной ткани.

Двѣ гладкія серебряныя луновидныя височныя подвѣски или серьги типа табл. XXVI, 10, безъ подвѣсокъ, найдены въ трупосожженіи № 43; одинъ конецъ привѣски снабженъ острымъ отросткомъ. Внѣ погребеній найдена подобная же мѣдная подвѣска, орнаментированная пунктиромъ и снабженная въ верхней части проволочною дужкою для накалыванія на матерію (табл. XXVI, 3).

Типы шейныхъ гривенъ: 1) 2 экз. мѣдныхъ гривенъ со сгибнемъ на одномъ концѣ и петлей на другомъ типа Лядинскаго мог. табл. XI, 2 (костяки № 11 и 30); 2) двѣ витыя гривны съ гран-

чатыми колбочками и петлями на концахъ типа Лядинскаго могильн. табл. XI, 1 (костяки № 3 и 43) и 1 экз. подобной же типа Лядинскаго могильн. табл. XI, 6 (костякъ № 24); въ послѣднемъ случаѣ на гривну напущенъ мѣдный ажурный перстень съ подвѣсками табл. XXV, 9; 3) гладкія проволочныя гривны типа височныхъ колецъ табл. XXIV, 5 (костякъ № 5, пять экземпляровъ); 4) двѣ желѣзныя гривны, изъ которыхъ на одну напущено мѣдное кольцо съ подвѣсками табл. XXVII, 7 (костяки № 41 и 42).

Ожерелья изъ стекляныхъ бусъ встрѣчены лишь въ 5 женскихъ погребеніяхъ. Въ трупосожженіи № 5 оказалось нѣсколько перегорѣвшихъ бусъ, о цвѣтѣ которыхъ невозможно было составить понятія. На шеѣ костяка отроческаго возраста № 38 найдены небольшія круглыя посеребреныя и позолоченыя бусы; такія же бусы въ болѣе значительномъ количествѣ встрѣчены въ погребеніи № 41, нерѣдко парныя и тройныя, и такія же въ погребеніи № 3. Въ послѣднемъ случаѣ въ составъ ожерелья входили также крупныя стекляныя пронизки: черныя съ тонкими бѣлыми полосками (табл. XXVIII, 7) и цвѣтныя изъ желтыхъ, коричневыхъ, синихъ и бѣлыхъ полосокъ (табл. XXVIII, 6). Въ погребеніи № 24 найдено нѣсколько мелкихъ желтыхъ бусъ.

Иногда шея украшалась наборомъ изъ мѣдныхъ подвѣсокъ. На шеѣ костяка № 3 кромѣ бусъ находились подвѣски: 8 экз. съ двойными лапчатыми подвѣсками табл. XXIV, 7, одна подобная же привѣска табл. XXVI, 4, одна другого типа съ одною подвѣскою табл. XXVI, 5 и три другія, всего 13 привѣсокъ. Шея костяка № 30 была украшена еще сложнѣе; здѣсь при шейной гривнѣ было собрано 25 парныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ на проволочныхъ спираляхъ, типа табл. XXIII, 14, слѣва отъ гривны лежало 11 обычныхъ трубчатыхъ подвѣсокъ (Лядинск. мог. табл. I, 9—13), 4 мѣдныя спиральки типа табл. IX, 11, пять большихъ мѣдныхъ пирамидчатыхъ подвѣсокъ табл. XXVI, 16 и одна мѣдная привѣска съ плечиками типа табл. XXI, 14, безъ подвѣсокъ. Кромѣ этихъ костяковъ, мѣдныя подвѣски въ небольшомъ количествѣ встрѣчены еще въ слѣдующихъ погребеніяхъ: въ трупосожженіи № 5—пять экз. привѣски табл. XXIV, 8, въ погребеніи № 11, при шейной гривнѣ, круглыя выпуклыя привѣски изъ проволоки табл. XXVIII, 3, въ погребеніи № 24, при нѣсколькихъ желтыхъ бусахъ, плетеная лунница съ 3 подвѣсками табл. XXVII, 2, въ трупосожженіи № 43 большое ожерелье изъ спиралекъ и узкихъ мѣдныхъ проволочныхъ подвѣсокъ типа табл. XXV, 2 (не бывшее на огнѣ).

Типы нагрудныхъ пряжекъ: 1) проволочная ажурная съ выступомъ (табл. XXIV, 6, дѣтскій костякъ № 21); 2) подобныя же съ бахромой изъ лапчатыхъ подвѣсокъ въ нижней части (табл. XXV, 13, костяки № 2 и 3); 3) пряжка меньшихъ размѣровъ, также спаянная изъ проволоки, съ большими выступами (табл. XXVI, 6, погребеніе № 37); 4) двѣ большія пряжки въ видѣ бляхъ съ клапанами типа Лядинск. могильн. табл. V, 2 и 7 (костяки № 11 и 13, изъ нихъ въ послѣднемъ случаѣ пряжка частью лежала на рукѣ); 5) тонкая мѣдная пряжка съ трубчатыми выступами типа Борковскаго могильн. табл. XXII, 2 (костякъ № 28); 6) пряжки съ длинными хвостовидными придатками типа Лядинскаго могильника табл. VIII, 2 и 8 (костяки № 11 и 21).

Типы браслетовъ: 1) спиральные мѣдные наручники типа Лядинск. могильн. табл. IV, 6 (костяки №№ 11, 18, 24, 30, 38, 41); 2) плетеный изъ проволоки браслетъ съ головками на концахъ табл. XXV, 6 (костякъ № 17); 3) пластинчатые, довольно широкіе, концы загнуты въ петлю (табл. XXVII, костяки №№ 3, 4, 32, 35); 4) еще болѣе широкій браслетъ съ насѣчкою на концахъ (табл. XXVII, 15.

костякъ № 40); 5) пластинчатый съ насѣчкою типа Борковск. могильн. табл. XXIII, 9 (тамъ же); 6) круглые браслеты съ расширенными и украшенными концами, типа Лядинск. могильн. табл. IX, 9 (костяки № 7, 16, 41); 7) круглые проволочные типа Кошибеевск. могильн. табл. VII, 4 (костякъ № 11); 8) мѣдные изъ четыреграннаго прута (табл. XXVII, 10, костяки № 4, 13, 22, 41).

Типы перстней и колецъ: 1) мѣдные спиральные перстни типа Борковск. могильн. табл. XXIII, 10 (женскіе костяки №№ 3, 4, 5, 17, 21, 30, 35, мужскіе 7, 16, 25, 26); 2) пластинчатые, орнаментированные тонкой насѣчкой, съ проволочными спиралями сверху и снизу (табл. XXVI, 8 и 9, костяки № 2, 17, 40, мужской, № 7); 3) пластинчатые русскаго типа съ завязанными концами табл. XXV, 7 (костяки № 7 и 17); 4) проволочное кольцо съ заходящими другъ на друга концами (табл. XXIII, 15, костякъ № 38); 5) мѣдный перстень съ круглою мѣдною же наставкою (табл. XXVII, 12, костякъ № 35). Такимъ образомъ, въ наибольшемъ количествѣ въ могильникѣ встрѣтились перстни спиральные и пластинчатые съ проволочными придатками.

На тазу или поясницѣ костяковъ № 11 и 30 найдены подвѣски, назначеніе которыхъ пока трудно опредѣлить. Въ верхней части таза перваго костяка лежали въ одну линію и въ нѣкоторой симметріи слѣдующія привѣски съ подвѣсками: двѣ большія проволочныя ажурныя табл. XXIV, 12, три въ видѣ узкой выпуклой пластинки, съ ушками позади, табл. XXVII, 4 и три подобныя маленькія гладкія, типа табл. XXVI, 2 (безъ ушка); здѣсь же находились: 3 пластинчатыя обоймицы, длинная мѣдная орнаментированная пластинка и нѣсколько спиралекъ. Подъ пластинкою оказались слѣды косы, къ которой она, быть можетъ, и имѣетъ какое-нибудь отношеніе. На тазу костяка № 30 по одной линіи сверху внизъ были расположены: двѣ плетеныя проволочныя шумящія привѣски табл. XXIV, 13, а ниже—большая подвѣска въ видѣ коромысла, съ подвѣсками, прикрѣпленная къ чему-то ремешками помощью двухъ трубочекъ, украшенныхъ подвѣсками (табл. XXIV, 11). Оригинальная привѣска эта лежала обратною стороною вверхъ, на широкой подстилкѣ изъ волосъ, лежавшихъ въ свою очередь на деревѣ. Быть можетъ, къ этому же убору принадлежатъ 6 шумящихъ бляшекъ (двѣ табл. XXVI, 12 и четыре табл. XXVI, 2, безъ ушковъ), расположенныхъ симметрично по ту и другую сторону привѣски въ видѣ коромысла, вмѣстѣ съ наручниками положенныхъ здѣсь рукъ. Если всѣ эти привѣски не относятся къ убору косы, то не составляютъ ли онѣ украшенія какихъ-либо головныхъ покрывалъ, ниспадавшихъ до пояса? Впрочемъ, вопросъ о назначеніи такихъ привѣсокъ пока не можетъ быть разрѣшенъ.

Ноги женскаго костяка № 22 нѣсколько ниже колѣнъ были обвернуты неширокимъ ремнемъ въ 5 оборотовъ; ремень унизанъ мѣдными тонкими бляшками въ видѣ обоймицъ (табл. XXVIII, 4). Нѣсколько выше щиколокъ по сторонамъ ногъ расположено по мѣдной продолговатой шумящей привѣскѣ табл. XXVI, 11, ушками къ сторонѣ ногъ; привѣски эти или находились на подолѣ, или же принадлежали къ убору обуви. У мужского костяка № 72 ноги были окутаны грубою шерстяною тканью и обвернуты точно такими же ремнями. Въ самомъ низу лѣвой ноги, по ту и другую сторону ея, оказалось по оригинальной привѣскѣ табл. XXIV, 3, назначеніе которыхъ невозможно было опредѣлить; по средней линіи привѣски расположены позади 3 ушка: два крайнія продольныя и среднее поперечное. У того же костяка съ праваго боку нѣсколько выше колѣна лежала привѣска изъ двухъ проволочныхъ бляшекъ и ушка (табл. XXVI, 14). Такая же привѣска лежала при женскомъ костякѣ № 24. въ сторонѣ.

Слѣдующіе предметы женскихъ костяковъ найдены въ трупосожженіяхъ, или же въ неопредѣленномъ положеніи на скелетахъ и, такимъ образомъ, остаются безъ опредѣленія назначенія:

1) Большая и длинная проволочная пряжка съ бахромой изъ красивыхъ лапчатыхъ подвѣсокъ (табл. XXVI, 15, трупосожженіе № 43).

2) Около шеи костяковъ 40 и 41 находилось по бляшкѣ въ видѣ петли и двухъ сомкнутыхъ выпуклыхъ бляшекъ (табл. XXVI, 13). Не служили ли эти бляшки петлями для застегиванія платья? Въ ушко могъ проходить ремешокъ, или же деревянный костылекъ.

3) Въ трупосожженіи № 5 найдены 2 привѣски съ петлей табл. XXVI, 2; на обратной сторонѣ имѣются 2 ушка, чрезъ которыя продѣтъ ремешокъ.

4) Въ трупосожженіи № 37 оказались 2 мѣдныя привѣски полыя съ плечиками и лапчатыми подвѣсками табл. XXVIII, 8.

5) На лѣвой сторонѣ груди костяка № 11, близъ локтя, найдена мѣдная привѣска типа петель, употребляемыхъ для застежекъ (табл. XXVI, 11); привѣска лежала горизонтально.

Горшки и глиняныя чашки найдены почти исключительно при женскихъ погребеніяхъ (№№ 3, 4, 5, 11, 13, 21, 22, 24, 28, 30, 38, 40, всего въ 12 погребеніяхъ); въ мужскихъ могилахъ они оказались лишь при пяти костякахъ (№№ 15, 25, 34, 36, 37). Такимъ образомъ глиняная посуда оказалась въ большей половинѣ погребеній могильника. Горшки, сѣрой глины, старательно выдѣланы и обожжены, вообще широки и низки, почти всѣ съ отворотомъ по краю (табл. XXVIII, 11—13, 15, 17, 22). Поставлены они обыкновенно справа отъ головы, слѣва отъ нея или за нею; въ погребеніи № 40 два сосуда расположены выше груди, а въ погребеніи № 3 горшокъ стоялъ у ногъ слѣва. По два горшка оказались при костякахъ № 13 и 40. Черепки найдены въ мужскихъ погребеніяхъ № 7 и 16 и въ женскихъ № 2 и 17.

Въ трупосожженіи № 2 вмѣстѣ съ другими вещами найдено желѣзное шило.

Мужскія погребенія.

Наконечники копій найдены въ 5 погребеніяхъ (№ 4, 12, 15, 26, 37), т. е. у половины общаго числа мужскихъ погребеній. Въ нихъ найдены: 2 экз. наконечниковъ съ узкимъ лезвіемъ (табл. XXVIII, 20), 2 экз. наконечниковъ съ лезвіемъ ромбической формы типа Лядинскаго могильника табл. X, 29 и 2 экз. дротиковъ (табл. XXVIII, 23). При костякѣ № 12 копье положено къ лѣвой ногѣ, остріемъ у самой ноги; положеніе копій въ погребеніи № 15 не ясно, а остальные наконечники копій найдены въ трупосожженіяхъ.

Наконечниковъ стрѣлъ найдено 3 экз.: два типа табл. XXIV, 9, пластинчатые, почти ромбической формы (трупосожженія №№ 16 и 25), третій пластинчатый же съ округленными формами (табл. XXV, 4, погребеніе № 14).

Топоры найдены въ 5 погребеніяхъ (№ 4, 7, 12, 25 и 26). Одинъ изъ нихъ оказался въ ногахъ справа, другой на тазу слѣва, остальные принадлежатъ трупосожженіямъ. Всѣ топоры одного типа: узкіе, слегка опускающіеся остріемъ внизъ, у обуха отростки (табл. XXVIII, 19).

Въ погребеніяхъ № 4 и 12 найдены желѣзныя пѣшни типа Лядинскаго могильн. табл. X, 9. Одна изъ нихъ лежала у таза слѣва, вмѣстѣ съ топоромъ, другая оказалась въ трупосожженіи.

Какой-то неопредѣленный желѣзный стержень съ головкой найденъ въ погребеніи № 29 (табл. XXVIII, 18).

Въ 7 погребеніяхъ встрѣчены какія-то непонятныя желѣзныя пластинчатыя кольца (табл. XXV, 5, костяки № 17, 25, 33) и обоймицы (табл. XXV, 11 и 12, костяки № 12, 29, 4 и 7). Изъ колецъ 2 экз. найдены на тазу (одно при ножѣ, другое также при ножѣ, но въ другой сторонѣ таза), обоймицы же расположены безпорядочно, чаще на груди, однажды въ 3-хъ экземплярахъ. Изъ перечисленныхъ погребеній №№ 17 и 29 принадлежатъ къ числу женскихъ.

Поясныхъ пряжекъ найдено лишь двѣ: желѣзная продолговатая со сжатыми боками (табл. XXIV, 1, трупосожженіе № 16) и мѣдная той же формы, спаянная изъ проволоки (табл. XXVI, 17, костякъ № 7). Бляшекъ отъ поясного набора не найдено никакихъ. Въ погребеніи № 7 найдена еще часть мѣдной поясной пряжки, или же наконечникъ пояса табл. XXIV, 2.

У правой руки костяка № 12, рядомъ съ нею, безпорядочно лежали слѣдующія вещи: 4 крупныя мѣдныя спирали типа Лядинскаго могильн. табл. IV, 3, желѣзная обоймица типа табл. XXV, 11, желѣзная круглая пряжка съ разомкнутыми концами, значительное количество желѣзнаго набора изъ узкихъ бляшекъ табл. XXVII, 5, соединенныхъ парами при помощи колецъ, желѣзная желобчатая обоймица, желѣзный стержень съ мѣднымъ наконечникомъ табл. XXIV, 10 и ножъ. По груди, параллельно той же правой рукѣ и примыкая къ ней, шла кожаная лента, унизанная мѣдными орнаментированными обоймицами табл. XXV, 1, а близъ верхняго конца ея, приблизительно на плечѣ, была мѣдная круглая коробка съ ушкомъ или двумя, съ выпуклыми боками, изъ которыхъ одинъ вскрывается, какъ крышка (табл. XXVIII, 10). Желѣзныя пластинчатыя бляшки, подобныя описаннымъ, найдены еще въ женскомъ погребеніи № 5.

Въ мужскомъ погребеніи № 7 найдена еще какая-то мѣдная подѣлка въ видѣ булавки (табл. XXV, 8).

Желѣзные ножи, обычной формы, найдены въ 8 мужскихъ (№№ 7, 12, 25, 26, 29, 33, 34, 36) и въ 8 женскихъ погребеніяхъ (№№ 2, 3, 11, 13, 17, 24, 35, 43), т. е. болѣе, чѣмъ въ половинѣ всего числа погребеній. Въ мужскихъ погребеніяхъ ножи найдены на тазу, а иногда на груди и въ иныхъ положеніяхъ, на женскихъ—большею частью также на тазу, обыкновенно на лѣвой сторонѣ, а иногда на правой. Въ погребеніяхъ №№ 14, 16 и 29 оказались неопредѣленнаго назначенія желѣзные стержни.

При костякахъ № 7 и 33 найдены кремни, но огнивъ въ могильникѣ не оказалось.

Въ ногахъ мужского костяка № 7 лежала тонкая поломанная булатная чашка.

Монеты найдены въ двухъ погребеніяхъ. При мужскомъ костякѣ № 7 оказалась имитація саманидской монеты (лежала подъ горшкомъ), на шеѣ женскаго костяка № 40—монета Измаила, сына Ахмеда, 905 г., съ парою отверстій.

Среди случайныхъ находокъ, собранныхъ на могильникѣ при раскопкѣ въ 1895 г., особенно интересны: круглыя проволочныя привѣски съ подвѣсками-лапками и ушкомъ позади (табл. XXV, 10), мѣдная продолговатая привѣска съ ушкомъ и подвѣсками (табл. XXVI, 1), проволочная петля-застежка изъ двухъ бляшекъ и ушка (табл. XXVI, 7), мѣдная височная или ушная подвѣска луновидной формы, орнаментированная пунктирными линіями (табл. XXVI, 3), и круглое желѣзное стремя (табл. XXVIII, 16).

Въ коллекціи г. Добрынкина изъ Максимовскаго могильника наиболѣе интересны: поясной наборъ изъ гладкихъ прорѣзныхъ бляшекъ, узорчатое кольцо отъ пряжки скандинавскаго типа, проволочная ажурная привѣска съ подвѣсками и серебряные щипчики (атласъ Аспелина № 878—889).

Въ коллекціи Румянцевскаго Музея наиболѣе важны: прорѣзная бляха съ изображеніемъ двухъ животныхъ и человѣческой головы между ними [1]), большая прорѣзная бляха изъ концентрическихъ полулуній, дротъ съ перекрестьемъ изъ четырехъ головокъ, вѣнчикъ изъ трубочекъ, пирамидчатыя подвѣски и большой льячокъ (атласъ Аспелина № 891—901); въ коллекціи изъ раскопокъ 1878 г. гр. Уварова: тонкая гладкая серебряная чашка съ украшеніемъ изъ полосокъ на днѣ, поясной наборъ, синія бусы, диргемы 753, 835, 880 и монета Генриха IV Баварскаго (995—1002 г.), чеканенная въ Регенсбургѣ; въ коллекціи изъ раскопокъ 1886 г. Нефедова: 4 весьма стертые саманидскіе диргема X в., шейная гривна со сгибнемъ и петлею на концахъ, широкій пластинчатый браслетъ и большая серебряная пряжка съ хвостовидными придатками типа Лядинскаго могильн. табл. XV, 8.

Время Максимовскаго могильника опредѣляется не диргемами VIII—IX в., въ немъ найденными, а баварской монетой конца X в., употребленной въ качествѣ привѣски; такимъ образомъ его можно признать относящимся къ XI в. Могильникъ наиболѣе близокъ къ Лядинскому, съ которымъ у него довольно много общихъ вещей. Наиболѣе характерныя совпаденія: большія нагрудныя бляхи съ отмыкающеюся срединою, большія серебряныя пластинчатыя пряжки съ хвостовидными придатками, головные вѣнчики изъ трубочекъ и обоймицъ, уборъ косъ изъ большихъ спиралей, нѣкоторые виды шумящихъ привѣсокъ, витыя гривны съ гранчатыми колбочками и гривны со сгибнемъ и петлей на концахъ, спиральные наручники, желѣзныя пѣшни и пр. Между тѣмъ и другимъ могильникомъ есть и примѣтныя отличія, объясняемыя ближе всего разностью племенного происхожденія погребенныхъ въ нихъ лицъ.

Погребенія русскія.

Русскихъ погребеній было вскрыто 10 (№№ 1, 6, 8, 10, 19, 23, 27, 31, 39 и 42). Всѣ они находились на краю могильника, на дворѣ, предъ главнымъ домомъ усадьбы. Погребенія расположены еще выше, чѣмъ финскія, на 1/2 — 3/4 арш. глубины. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что скелеты прикрыты были курганами, которые отъ времени опали, а главнымъ образомъ сняты были при плантажѣ мѣстности подъ усадьбу. Четыре костяка лежатъ головою на З., два — на С. (№ 1 и 42); положеніе головою на С. не составляетъ для русскихъ кургановъ большой рѣдкости. Мужскихъ костяковъ оказалось четыре (№№ 1, 23, 27, 39), женскихъ пять (№№ 6, 8, 19, 31, 42), одно погребеніе оказалось женскимъ дѣтскимъ (№ 10).

Почти у всѣхъ женскихъ костяковъ оказались на головѣ маленькія тонкія височныя кольца, чаще по два, рѣже по одному (№№ 6, 10, 19, 39); по сторонамъ головы костяка № 42 находилось по большому височному кольцу общаго типа табл. XXIV, 5, по серебряной луновидной под-

[1]) Эта бляха едва ли принадлежитъ Максимовскому могильнику, такъ какъ не отмѣчена въ описи г. Филимонова, какъ и дротъ съ головками животныхъ.

вѣскѣ типа табл. XXVI, 10 и по серебряной серьгѣ табл. XXIV, 4. Типы бусъ: сердоликовыя круглыя, сердоликовая гранчатая сплющенная, свѣтложелтаго цвѣта пронизки двойныя и тройныя, желобчатая серебристая буса, синія сплющенныя, желобчатыя и рѣшетчатыя, синяя съ желтыми ромбами по сторонамъ (табл. XXVIII, 2 и 5), позолоченыя бусы съ каймою по краю и мелкія темныя (костяки № 6, 8, 19, 31, 42). Подвѣски къ ожерелью: маленькія мѣдныя лунницы (табл. XXVIII, 2 и 5, костяки № 6 и 42) и серебряныя имитаціи монетъ (табл. XXVI, 18 и 19, костякъ № 42, орнаментъ точечный въ видѣ креста и звѣзды). На шеѣ костяка № 42 оказались остатки желѣзной гривны. Браслеты найдены на костякахъ №№ 10, 19 и 42. Ихъ типы: витые съ гладкими концами (табл. XXVII, 8), пластинчатые съ головками на концахъ (табл. XXVII, 9) и пластинчатые слегка выпуклые съ орнаментомъ изъ кружковъ съ точкою посрединѣ (табл. XXVII, 11). Типы перстней: серебряный пластинчатый съ завязанными концами (табл. XXV, 7) и узкій серебряный съ такими же концами (табл. XXVII, 13, оба съ костяка № 42). На груди костяка № 23 находилась небольшая круглая желѣзная пряжечка. Въ ногахъ женскихъ костяковъ №№ 23 и 31 находились горшки (табл. XXVIII, 21), въ разстроенномъ женскомъ погребеніи № 8—остатки желѣзной оковки деревяннаго ведра, близъ черепа костяка № 19—желѣзный гвоздь, указывающій на то, что погребенный лежалъ въ деревянномъ гробовищѣ, быть можетъ, въ колодѣ.

При мужскихъ погребеніяхъ вещей найдено меньше: поясныя пряжки (костяки № 1 и 39), ножи (костяки № 23 и 27), огниво и топоръ (костякъ № 1).

Обрядъ погребенія и вещи Максимовскихъ кургановъ говорятъ скорѣе за XI в., чѣмъ за X в. Такимъ образомъ они могутъ вполнѣ быть приписаны почти тому же времени, какъ и могильникъ. Любопытно, что для русскаго погребенія № 27 потревожено было инородческое погребеніе № 28; русская могильная яма перерѣзала финскую. Изъ этого видно: во-первыхъ, что русскія погребенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, устраивались въ ямахъ, а во-вторыхъ, что нѣкоторыя русскія погребенія помѣщены въ могильникѣ послѣ инородческихъ. Любопытно также богатое русское погребеніе № 42, именно тѣмъ, что среди обычныхъ вещей русскихъ типовъ на костякѣ этого погребенія оказались нѣкоторые предметы типовъ могильника (большія височныя кольца и луновидныя подвѣски). Очевидно, что это погребеніе одновременно съ нѣкоторыми нерусскими погребеніями могильника: такъ какъ глубина его сравнительно большая (1 арш. 3 вершка), то является вопросъ, была-ли надъ нимъ курганная насыпь. Вообще это погребеніе—какого-то смѣшаннаго характера.

X. Городъ Муромъ и его окрестности.

Въ 1874 г. Муромскимъ купцомъ Ѳ. Д. Зворыкинымъ доставлены были въ Императорское Московское Археологическое Общество собранныя имъ въ 1859—1869 гг. въ г. Муромѣ различныя вещи, съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ что найдено [1]). Вещи эти тогда же были изучаемы г. Аспелиномъ,

[1]) *Древности* т. VI, стр. 2 (проток.).

который отчасти и издалъ ихъ сперва въ своемъ трудѣ на финскомъ языкѣ [1]), а послѣ въ атласѣ [2]). Нынѣ онѣ находятся въ Историческомъ Музеѣ [3]). На табл. XXIX изображены нѣкоторыя вещи этого собранія. Гирька № 2 найдена на Воеводской горѣ (вѣсъ ея 5 зол. 78 дол., на нижней части одинъ кружокъ). Остальныя вещи (№ 11 подковообразная пряжка, украшенная красною и желтою эмалью, со слѣдами пребыванія на огнѣ, № 12 большая привѣска въ видѣ коромысла, № 10 четыреугольная пряжка съ подвѣсками, № 5 проволочная застежка-петля, № 3 круглая бляшка съ подвѣсками, № 8 пластинчатый браслетъ, № 4 три спаянные полуцилиндрика, № 6 маленькая мѣдная пряжка съ придатками) происходятъ изъ могильника, расположеннаго въ городѣ близъ кирпичныхъ сараевъ; № 1 поясная пряжка и № 7 серебряный пластинчатый перстень, быть можетъ, оттуда же. Время могильника то же. что и Максимовскаго.

Въ Историческомъ Музеѣ находится довольно значительная и вмѣстѣ пестрая коллекція вещей съ отмѣткой, что онѣ происходятъ изъ г. Мурома и получены изъ Московскаго Университета [4]). Г. Аспелину эта коллекція была неизвѣстна, или же онъ ею не воспользовался. Въ ней часть предметовъ относится къ типамъ Максимовскаго могильника (напр. табл. XXX, 18, большая проволочная ажурная пряжка, № 7 привѣска съ лапчатыми подвѣсками, № 19 застежка-петля, № 17 и табл. XXIX 9, проволочныя пряжки), часть—къ типамъ Кошибеевскаго могильника (табл. XXX, 1 большая стеклянная буса, № 10 обломокъ проволочной подѣлки, № 12 бляшка изъ трехъ спаянныхъ полуцилиндриковъ), а остальные предметы (табл. XXX, 2—5 перстни, № 9 кольцо, № 14 стрѣлка, № 6 мѣдная выпуклая бляшка съ красивымъ растительнымъ орнаментомъ, № 16 височное кольцо съ треугольною подвѣской костромскаго типа, № 13 и 15 большая мѣдная выпуклая бляха съ подвѣсками и съ ушками на обратной сторонѣ) не поддаются точному опредѣленію. Въ той же коллекціи имѣется интересная плоская чашка изъ плохого серебра, 16 сант. въ діаметрѣ, орнаментированная рядомъ желобковъ, двумя рядами выпуклыхъ точекъ и двумя тонкими кругами (по указателю музея № 735).

Въ 5 в. отъ г. Мурома по дорогѣ въ с. Чаодаево, въ виду города, на краю долины р. Оки расположено узкое и длинное городище, нынѣ распахиваемое. По правому боку его проходитъ дорога. Есть преданіе, что именно здѣсь находился старый Муромъ. Несомнѣнно, что здѣсь было очень старое поселеніе, такъ какъ нами лично на пашнѣ городища былъ найденъ ажурный мѣдный наконечникъ отъ ножонъ скандинавскаго меча, приблизительно X в., съ изображеніемъ дракона (табл. XXVIII, 9). Тутъ же примѣтны остатки кирпичной постройки. Ничего нѣтъ удивительнаго, что здѣсь былъ собственно русскій городъ X — XI в., а инородческое поселеніе находилось на мѣстѣ нынѣшняго г. Мурома, куда послѣ перешелъ и князь со своимъ дворомъ.

---

[1]) Aspelin, Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinon alkeita. Hels. 1875. Стр. 266—271.

[2]) Вып. III, №№ 866—877 (1878 г.).

[3]) Указатель музея, стр. 297—301.—Не сомнѣваемся, что шейная цѣпочка и фибула (№№ 603 и 604) относятся не къ этой коллекціи, а получены Музеемъ отъ Московскаго Археологическаго Общества изъ находки 1862 г. въ Динабургѣ (см. Сементовскаго, Бѣлорусскія древности, Спб. 1890 г., стр. 61—64).

[4]) Указатель Историческаго музея, стр. 301—305, №№ 669—764.

XI. Урвановскій могильникъ.

Судя по найденнымъ вещамъ, могильникъ принадлежитъ къ типу Максимовскаго. Въ коллекціи Н. Г. Добрынкина отсюда имѣются: 2 височныя кольца типа табл. XXIV, 5, мѣдная витая шейная гривна типа Лядинскаго могильника табл. XI, 1, мѣдная поясная пряжка типа приблизительно табл. XI, 2, пирамидчатая подвѣска типа табл. XXVI, 16, части головного вѣнчика изъ трубочекъ и обоймицъ типа Лядинскаго могильн. табл. XI, 7, спиральки, спиральные перстни; всѣ эти предметы встрѣчены и въ Максимовскомъ могильникѣ. Изъ особенныхъ же вещей въ коллекціи этой находятся: гладкая трубочка-пронизка пермскаго типа и большая привѣска въ видѣ продолговатой узкой орнаментированной пластинки, съ которой свѣшивается 14 длинныхъ цѣпочекъ (рис. 16).

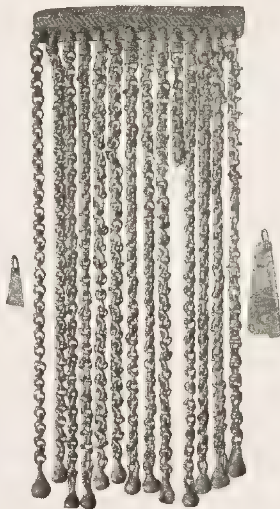

Рис. 16.

Наши небольшія раскопки на Урвановскомъ могильникѣ (5 погребеній) показали, что костяки здѣсь также лежатъ головою на С. Изъ особенныхъ предметовъ на костякахъ были найдены: мѣдная широкая проволочная пряжка (табл. XXV, 3, костякъ № 3), привѣска въ видѣ трубочки съ ушкомъ и лапчатыми подвѣсками типа табл. XXVI, 11, небольшой желѣзный наконечникъ копья съ загнутымъ насадомъ (табл. XII, 11).

ОТЧЕТЫ О РАСКОПКАХЪ.

III. Кошибеевскій могильникъ.

Могильникъ значительною своею частью расположенъ на низкомъ мысу между двумя сухими овражками, имѣющими въ ширину до 25 саж. (рис. 17), близъ с. Кошибеева Елатомскаго у. Тамбовской губ. Находится на землѣ Влад. и Вас. Дм. Траскиныхъ и въ настоящее время занятъ гумномъ и обширнымъ хозяйственнымъ сараемъ. Открытъ въ 1891 г. при устройствѣ въ сараѣ молотилки. При этомъ вскрыты были 3 могилы, въ которыхъ оказались различныя мѣдныя, желѣзныя, стекляныя и глиняныя вещи, препровожденныя г.г. Траскиными въ 1893 г. въ Тамбовскую архивную комиссію. Послѣдняя дважды, въ 1891 и 1893 г., возбуждала вопросъ объ изслѣдованіи могильника предъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, во второй разъ за счетъ г.г. Траскиныхъ, но не имѣла успѣха [1]). Въ 1895 г. могильникъ былъ подвергнутъ раскопкѣ членомъ Императорской Археологической Коммиссіи Спицынымъ.

Изслѣдована была площадка впереди сарая длиною 15 саж., шириною 11 саж., а кромѣ того проведены траншеи въ 12 и 8 кв. саж. справа отъ сарая и позади его (послѣдняя въ разстояніи 7 саж. отъ стѣны сарая). Всего было раскопано 167 кв. саж. Въ началѣ раскопка производилась способомъ передвижной траншеи, а послѣ могилы отыскивались пріемомъ удаленія культурнаго пласта.

Рис. 17.

Всѣхъ могилъ вскрыто было 109. Изъ нихъ одна (№ 1) найдена въ боковой и три (№ 65—67) въ задней траншеяхъ. Погребенія наиболѣе густо расположены были вблизи сарая; на бокахъ раскопа ихъ почти не попадалось (рис. 18). Безъ сомнѣнія, еще много погребеній скрывается подъ сараемъ, а также за нимъ.

№ 1 и **3**. Мужское погребеніе. На глубинѣ 1 арш. 2 верш. вещи, расположенныя въ порядкѣ погребенія. Отъ костей осталось лишь нѣсколько зубовъ. Въ изголовьѣ жел. удила, типа табл. XII, 1, слѣва отъ головы большая мѣдная пряжка

[1]) Извѣстія Тамбовской архивной комиссіи вып. XXXVIII, стр. 12 и 14.

(табл. XI, 21), по груди разбросаны въ не большомъ количествѣ золоченыя бусы, у таза справа жел. ножъ типа табл. VII, 6, кремень и обломокъ огнива въ видѣ жел. пластинки, ниже неопредѣленное изоржавѣвшее желѣзко, въ ногахъ раздробленный горшокъ типа табл. XII, 16 и жел. кельтъ типа табл. XII, 4. Костякъ головою лежалъ на СВ. Могила наполнена черною землею съ рѣдкими угольками.

№ 2. Женское погребеніе. На глубинѣ 15 вершк., могила длиною 3 арш., шириною 1 арш. Костякъ не сохранился. На уровнѣ черепа 2 мѣдныя подвѣски на спираляхъ (табл. IX, 22), ниже небольшое количество золоченыхъ и красныхъ бусъ типа табл. VI, 7 и 8.

№ 4. Женское погребеніе. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки черепа отъ костяка, обращеннаго головою на Ю. Въ изголовьѣ нѣсколько галекъ, кругомъ шеи 2 тонкія шейныя гривны типа табл. VII, 11, подъ челюстью ожерелье изъ 7 спиралей типа табл. IX, 13, слѣва близъ плеча же-

Рис. 18.

лѣзныя удила типа табл. XII, 1, имѣющія на концахъ не по одному, а по 2 кольца, на правомъ плечѣ неопредѣленное желѣзное кольцо въ обломкахъ, близъ пояса справа обломокъ тонкой маленькой мѣдной пряжки типа табл. XIX, 12, у кисти руки небольшой жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ черепки сосуда.

№ 5. Дѣтское погребеніе. На незначительной глубинѣ горшочекъ и кругомъ его небольшое темное пятно. Подержаный ножъ и желѣзная пряжка типа таб. X, 9.

№ 6. Женское погребеніе. Яма глубиною 10 вершк., длиною 3 арш., шириною 1 арш. Зубы отъ черепа костяка, обращеннаго головою на В., съ отклоненіемъ на Ю. У головы сломаная мѣдная гривна типа табл. VII, 12 (на концѣ обвернута спиралью), мѣдная плетеная подвѣска (табл. XIII, 1), мѣдная пряжка (табл. XI, 4), ниже двойная черная буса (табл. VI, 9), мѣдная поломаная бляшка типа табл. VI, 17, съ ушкомъ назади, но меньшей величины, ниже справа маленькая мѣдная пряжка типа табл XI, 13, на кисти лѣвой руки мѣдный браслетъ, вправо отъ него мѣдная пряжка (табл. XI, 9), ниже между бедрами жел. ножъ типа табл. VII, 6, вправо отъ него мѣдная подвѣска типа табл. IX, 22, гдѣ-то около ступни правой ноги мѣдная поясная пряжка типа табл. XI, 7. Судя по величинѣ зубовъ, костякъ отроческаго возраста.

№ 7. Женское погребеніе. Яма глубиною $2^1/_2$ арш., длиною $2^1/_4$ арш., шириною $^3/_4$ арш. Отъ костяка, обращеннаго головою на В. съ отклоненіемъ къ Ю., осталась лишь часть зубовъ. Въ изголовьѣ маленькій глиняный сосудъ типа табл. XII, 16, на шеѣ 2 мѣдная гривна (табл. VII, 12), на лѣвомъ плечѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, у лѣвой руки мѣдный спиральный перстенекъ типа табл. XXIII, 10, выше его мѣдная выпуклая бляшка типа табл. VI, 11, въ ногахъ раздавленный сосудъ. На шеѣ и на верхней части груди 3 мѣдныя подвѣски-колечка, типа подвѣшиваемыхъ къ круглымъ нагруднымъ бляхамъ. Вещи находились на подстилкѣ.

№ 8. Женское погребеніе. Въ ямѣ длиною $3^1/_2$ арш., шириною 1 арш., зубы отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ. Въ изголовьѣ жел. ножъ, мѣдная бляха (табл. VIII, 5) и жел. удила типа табл. XII, 1 (бляха лежала на обрывкѣ кожи и шерстяной ткани), на шеѣ мѣдная гривна (табл. VII, 13), приблизительно на поясѣ мѣдная пластинчатая пряжка съ желѣзной стрѣлкой, слѣва глиняное пряслице типа табл. VII, 1, въ ногахъ разбитый сосудъ. На шеѣ еще ожерелье изъ мелкихъ красныхъ и золоченыхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5; въ изголовьѣ вмѣстѣ съ шерстью находилась изоржавѣвшая мѣдная пряжка типа табл. XI, 13.

№ 9. Въ ямѣ глубиною $1^1/_4$ арш., длиною 3 арш., мужское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ изголовьѣ большой желѣзный наконечникъ копья (табл. XII, 13), на мѣстѣ груди мѣдная поясная пряжка (табл. XI, 17), по бокамъ ея 2 малыя мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, ниже жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ раздробленный горшокъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 10. Женское погребеніе. На глубинѣ 1 арш. 6 верш. обломки черепа отъ костяка, лежавшаго головою почти на В. На шеѣ мѣдная гривна типа табл. XVII, 10 (но меньшихъ размѣровъ, именно 5 дюймовъ въ діаметрѣ), ниже, въ верхней части груди, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, у правой кисти жел. ножъ типа табл. VII, 7, въ широкой деревянной оправѣ, концомъ къ ногамъ, рядомъ съ нимъ неопредѣленная желѣзная вещица, обтянутая мѣдною оковкой, въ ногахъ разбитый горшокъ. На всѣхъ вещахъ сверху лежала непрерывнымъ слоемъ обуглившаяся древесная масса въ видѣ тонкихъ, какъ бы погорѣвшихъ досокъ.

№ 11. Погребеніе женское (?). Грунтовая яма глубиною 1 арш. 2 вершк., длиною 3 арш., шириною 1 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою почти на Ю., осталась лишь челюсть. Въ изголовьѣ темное круглое небольшое пятно. Посрединѣ его жел. ножъ, типа табл. VII, 6, внизу, въ

обрывкахъ шерстяной ткани, 3 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, 6 мѣдныхъ фибулъ (четыре табл. IX, 4, одна табл. IX, 18 и одна табл. IX, 2) и три ряда сплющенныхъ спиралекъ типа табл. IX, 13. Фибулы лежали и бокомъ, и на лицо, и обратною стороною; спирали располагались правильно въ 3 линіи и выходили изъ пряжки, продѣтой въ ткань. Слѣва отъ пятна, снизу, глиняное пряслице (табл. XIII, 9). Въ ногахъ сломанный сосудъ. Подъ вещами примѣтны остатки подстилки.

№ 12. Женское погребеніе въ ямѣ, имѣющей въ глубину 1 арш. 10 верш., въ длину около 3 арш. Отъ костяка, обращеннаго головою на В., сохранился черепъ и части конечностей. На черепѣ головной шерстяной уборъ въ видѣ сороки, убранной линіями изъ спиралекъ и тонкими мѣдными полушарыми бляшками (рис. 19); концы украшены сплошными мѣдными пластинами, почти лишенными орнамента и очень изоржавѣвшими. На шеѣ 3 мѣдныя гривны типа табл. XVII, 10, разнаго діаметра (5, 5½ и 6 дюймовъ, самая меньшая должна была обхватывать шею плотно), тонкая мѣдная гривна, распавшаяся, типа табл. VII, 11, и ожерелье изъ мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5, на груди огромная, совершенно изотлѣвшая мѣдная бляха, средину которой составляла мѣдная пряжка табл. VIII, 2, на кисти лѣвой руки, положенной на груди, и на правой, положенной на тазу, мѣдные браслеты типа табл. VII, 4, согнутые изъ двухъ половинокъ гривны типа табл. VII, 12, на правой рукѣ еще одинъ согнутый въ кольцо остатокъ гривны, съ правой стороны таза пряслице типа табл. XIII, 9, передъ подола украшенъ былъ спускающимся почти отъ колѣнъ ремнемъ шириною около вершка, убраннымъ семью средней величины мѣдными бляшками типа табл. IX, 16, одной такой же большихъ размѣровъ и въ нижней части 6 мѣдными узкими пластинками типа табл. XIII, 3, изъ которыхъ 3 прикрѣплены къ наружной сторонѣ и 3 къ внутренней; на ногахъ 2 мѣдныя пряжки табл. XI, 12, слегка выпуклыя, служившія для стягиванія обуви. На поясѣ, поверхъ кисти правой руки, изоржавѣвшая желѣзная пряжка типа табл. XI, 14. На шеѣ, вмѣстѣ съ тонкой гривной, обломки пряжечки типа табл. XIX, 12. За ушами по мѣдному пластинчатому браслету типа табл. XIII, 10, со спиралями въ 3 оборота; браслеты эти видимо имѣли значеніе ушныхъ подвѣсокъ. Поверхъ костяка тонкая деревянная настилка.

Рис. 19. Погребеніе № 12.

№ 13. Мужское погребеніе. Яма глубиною 1 арш. 2 вершк., длиною 3 арш. Остатковъ отъ костяка, лежавшаго головою на В., никакихъ. Въ изголовьѣ слѣва жел. удила типа табл. XII, 1, на мѣстѣ

головы желѣзный наконечникъ копья типа табл. XII, 9, и желѣзный плотничій скобель современнаго типа въ видѣ пластины съ двумя рукоятями по бокамъ, ниже жел. кельтъ типа табл. XII, 4, у кисти правой руки жел. ножъ типа табл. VII, 7, въ ногахъ раздробленный сосудъ. Вкось по тѣлу положенъ былъ мечъ, длиною 21 верш. (табл. XII, 3), въ деревянныхъ ножнахъ; слѣва у ноги нѣсколько изоржавѣвшихъ стрѣлъ. Рядомъ съ мечомъ, въ верхней части, отличная стеклянная буса (табл. XIII, 6).

№ 14. Дѣтское погребеніе. Яма глубиною $^1/_2$ арш., длиною 1 арш., шириною $^1/_2$ арш. Нѣсколько мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5 и 7 и мѣдная тонкая, распавшаяся бляшка. Направленіе ямы съ Ю. на С.

№ 15. Женское погребеніе. Яма глубиною 1 арш. 6 верш., длиною $2^1/_2$ арш., шириною 1 арш. Остатковъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., не сохранилось. На шеѣ тонкая мѣдная гривна типа табл. VII, 11, на лѣвомъ плечѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, у кисти правой руки жел. ножъ типа табл. VII, 6.

№ 16. Дѣтское погребеніе. Яма глубиною $^1/_2$ арш. Сохранились лишь черепки сосуда въ ногахъ и темный слой въ нижней части костяка.

№ 17. Мужское погребеніе, на глубинѣ $1^1/_2$ арш. Костякъ совершенно истлѣлъ. Яма длиною 3 арш. Въ изголовьѣ справа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10, съ мѣднымъ колечкомъ на втулкѣ, въ ногахъ черепки отъ сосуда. Костякъ лежалъ головою на В.

№ 18. Въ ямѣ глубиною $^3/_4$, длиною $1^3/_4$ арш. дѣтское погребеніе. Близь головы несохранившагося скелета маленькая бѣлая галечка, на лѣвой рукѣ мѣдный перстенекъ типа табл. XXIII, 10. Костячокъ лежалъ головою на З., съ отклоненіемъ къ С.

№ 19. Дѣтское погребеніе въ ямѣ глубиною 10 вершк., длиною $1^1/_4$ арш.; скелетъ лежалъ головою на С. На шеѣ помятая мѣдная гривна типа табл. XIII, 4, въ сторонѣ ногъ мѣдная фибула (табл. IX, 1) и мѣдное сломанное кольцо.

№ 20. Дѣтское погребеніе въ ямѣ глубиною $^3/_4$ арш., длиною 1 арш. 10 вершк. Костякъ лежалъ головою на Ю.-В. На шеѣ помятая мѣдная гривна типа табл. VII, 12, въ ногахъ раздробленный горшокъ.

№ 21. Дѣтское погребеніе въ ямѣ глубиною $^3/_4$ арш., длиною $1^1/_2$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю.-В., сохранилось лишь нѣсколько зубовъ и часть верхнихъ конечностей. На головѣ найдены 3 мѣдныя тонкія колечка средней величины типа табл. XVII, 4, и 2 или 3 такія же меньшей величины (3 первыя, повидимому, вдѣты въ мочку уха), волоса, остатки ткани, на шеѣ большое ожерелье изъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2, желтыхъ типа табл. VI, 3, и 2, отчасти изъ золоченыхъ типа табл. VI, 5 и крупной красной табл. VI, 24, въ нижней части груди или на тазу мѣдная изоржавѣвшая бляха (табл. VIII, 9), по бокамъ груди у локтей по мѣдной пряжкѣ типа табл. XI, 13, на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. VII, 4, въ сторонѣ головы по бокамъ 2 пары мѣдныхъ сборчатыхъ подвѣсокъ на спираляхъ (табл. IX, 21).

№ 22. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 9 вершк., длиною до $3^1/_2$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., ничего не сохранилось. Въ лѣвомъ углу въ изголовьѣ жел. наконечникъ копья (табл. XII, 7), на тазу поясъ изъ 17 мѣдныхъ бляшекъ (табл. VI, 13 и 14), при

которомъ въ безпорядкѣ находились: мѣдная подвѣска въ видѣ конька табл. VI, 15, мѣдная поломанная фигурка медвѣдя табл. VI, 16, мѣдная ажурная подвѣска табл. VI, 26 и мѣдная поломанная ажурная бляшка табл. XIII, 2; ниже лежалъ жел. ножъ типа табл. VII, 7, въ ногахъ раздробленный сосудъ.

№ 23. Дѣтское женское погребеніе на подстилкѣ. Костякъ лежалъ на глубинѣ 1 вершка въ ямѣ длиною 1 арш. 6 вершк., головою на Ю.-В. На шеѣ мѣдная гривна, на поясѣ мѣдная пряжка.

№ 24. Дѣтское погребеніе въ ямѣ длиною 1 арш. 11 вершк., глубиною $^3/_4$ арш. Костякъ лежалъ головою на Ю.-В. На шеѣ небольшое количество красныхъ и золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 2 и 5 и обломки мѣдной пряжки типа табл. XI, 11.

№ 25. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною $^3/_4$ арш., длиною $2^1/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранились лишь нѣкоторые зубы. Въ изголовьѣ въ правомъ углу обломки большой жел. пряжки типа табл. XI, 19, на шеѣ нѣсколько позолоченыхъ бусинокъ типа табл. VI, 5, ниже обломки мѣдной нагрудной бляхи типа табл. XIII, 8, на обрывкахъ шерстяной одежды, у правой кисти жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ раздробленный горшокъ и глиняная низкая чашка ручной работы.

№ 26. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 вершк., длиною около 3 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою почти на Ю.-В., осталось нѣсколько зубовъ. На шеѣ тонкая мѣдная гривна типа табл. VII, 11 и небольшое количество золоченыхъ бусъ табл. VI, 6 (между ними одна синяя буса той же формы), на груди изотлѣвшая тонкая мѣдная бляха $3^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ типа табл. VIII, 6, на поясѣ жел. пряжка типа табл. XI, 14, но съ иглою другой формы, съ лѣвой стороны пояса жел. ножъ типа табл. VII, 7, отъ пояса внизъ идутъ 2 мѣдныя спиральныя трубочки типа табл. IX, 9, около праваго плеча тонкое мѣдное кольцо типа табл. XVII, 4, почти въ 2 оборота.

№ 27. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка. Близъ головы пряслице типа табл. VII, 15, въ ногахъ раздробленный горшокъ и ножъ типа табл. VII, 6. Костякъ лежалъ головою почти на Ю.

№ 28. Яма длиною $3^1/_2$ арш., шириною и глубиною по $^3/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не сохранилось.

№ 29. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 14 верш., длиною $3^1/_2$ арш., шириною $^3/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранилась лишь часть зубовъ. Въ изголовьѣ, въ правомъ углу жел. удила типа табл. XII, 1, слѣва пряслице типа табл. VII, 1, справа отъ головы 2 мѣдныя фибулы (табл. IX, 3 и 12), обломокъ отъ пряжки табл. IX, 23 и большое мѣдное кольцо (табл. VII, 10), на шеѣ большое ожерелье изъ 4-хъ крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 24 и многихъ красныхъ и золоченыхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5, на поясѣ мѣдная пряжка типа табл. IX, 25, на рукахъ по браслету изъ 3-хъ мѣдныхъ бляшекъ типа табл. IX, 14 и нѣсколькихъ спиралекъ каждый, на груди остатки мѣдной бляхи типа табл. XIII, 8, обрывки шерстяной ткани и ниже 2 маленькія мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, въ ногахъ роздробленный сосудъ.

№ 30. На глубинѣ 8 вершк. дѣтское погребеніе, разобранное Вл. В. Траскинымъ. Костякъ обращенъ

былъ головою на ЮВ. На шеѣ мѣдная тонкая гривна типа табл. VII, 11, янтарная буса и мѣдная подвѣска (табл. VI, 12).

№ 31. На глубинѣ 8 вершк. дѣтское погребеніе; костякъ головою на ЮВ. На шеѣ нѣсколько бусокъ, между прочимъ синяя табл. VI, 10, въ ногахъ сосудъ вверхъ дномъ типа табл. XII, 18, съ зубцами по вѣнчику, высотою 6 дюймовъ, рядомъ маленькій сосудъ съ прямымъ вѣнчикомъ.

№ 32. Женское погребеніе. Яма глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною 2 арш. 13 вершк. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. На шеѣ развернутая и сломанная гривна типа табл. VII, 12 и большое ожерелье изъ 2-хъ крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 24, многихъ мелкихъ красныхъ и золоченыхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5, и набора мѣдныхъ спиралекъ типа табл. IX, 13, на тазу жел. ножъ типа табл. VII, 7, въ ногахъ изоржавѣвшій жел. стерженекъ. Въ ямѣ найденъ еще мѣдный перстень типа табл. VII, 3 и мѣдное маленькое массивное кольцо (табл. VIII, 1).

№ 33. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 11 вершк., длиною 3 арш., шириною $^3/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., сохранились лишь нѣкоторые зубы. Въ изголовьѣ, въ углу, жел. копье (табл. XII, 8), на груди мѣдная пряжка (табл. XI, 11), на тазу жел. кельтъ типа табл. XII, 4, рядомъ кремень для высѣканія огня, далѣе ножъ типа табл. VII, 6 и поясная мѣдная пряжка типа табл. XI, 9, сильно попорченная, въ ногахъ раздробленный сосудъ.

№ 34. Дѣтское или отроческое погребеніе на глубинѣ 8 вершк. Длина ямы до 2 арш. 5 верш. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. На шеѣ гривна типа табл. VII, 11, на груди 2 мѣдныя пряжечки, изъ которыхъ одна типа табл. XI, 13. Въ ногахъ 2 горшечка, одинъ въ другомъ, типа табл. XII, 20.

№ 35. Дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною до 1 арш., длиною 1 арш. 11 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., сохранились нѣкоторые зубы. На шеѣ нѣсколько позолоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5, на груди остатки мѣдной пряжки типа табл. XI, 13.

№ 36. Дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною 10 вершк., длиною $1^1/_2$ арш., шириною 9 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не сохранилось. На груди обломки изотлѣвшей мѣдной фибулы.

№ 37. Дѣтское погребеніе на глубинѣ 1 штыха. Въ ямѣ найдена лишь мѣдная спиральная трубочка (табл. IX, 21) на ремешкѣ.

№ 38. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною $1^1/_2$ арш., длиною до 3 арш. Отъ костяка (отроческаго возраста), лежавшаго головою на ЮВ., остались лишь нѣкоторые зубы. Съ правой стороны черепа мѣдная сборчатая подвѣска на спиралькахъ типа табл. IX, 21, на шеѣ обломки мѣдной гривны типа табл. VII, 13 и обрывки шерстяной ткани, у лѣваго плеча другая сборчатая подвѣска типа табл. IX, 21, на груди 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13 и особенная въ видѣ кольца съ двумя широкими ушками для прикрѣпленія къ ремню, на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XIII, 4 и 5, съ заходящими другъ на друга концами, у кисти лѣвой руки кромѣ того браслетъ или украшеніе рукава (табл. IX, 14) изъ 4-хъ бляшекъ и 3-хъ рядовъ спиралекъ.

№ 39. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною 3 арш. 13 вершк., шириною до $1^1/_2$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не осталось. Въ изголовьѣ жел. удила съ псаліями, кремень и жел. ножъ табл. VII, 7, на груди тонкое мѣдное кольцо

типа табл. XVII, 4, но нѣсколько большей величины, на поясѣ жел. пряжка типа табл. XXI, 17, на ногахъ топоръ (табл. XII, 5), въ ногахъ раздробленный сосудъ и желѣзный наконечникъ стрѣлы (табл. VI, 27), остріемъ въ сторону ногъ.

№ 40. Дѣтское женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 12 вершк., длиною почти 3 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., сохранилось лишь нѣсколько зубовъ. На шеѣ свернутая мѣдная гривна типа табл. VII, 12, въ головахъ свернутый маленькій браслетъ типа табл. XIII, 5, въ ногахъ раздробленный горшокъ, на боку, и мѣдная пряжка типа табл. XI, 13.

№ 41. Въ ямѣ глубиною 14 вершк., длиною 2 арш. 2 вершка, шириною 12 вершк., женское погребеніе, судя по зубамъ, отроческаго возраста; костякъ лежалъ головою на СВ. На шеѣ мѣдная гривна типа табл. XVII, 11, но проще, у плеча лѣвой руки подвѣска типа табл. IX, 22 и уточка табл. VII, 9, на груди или на поясѣ тонкая мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, рядомъ небольшой жел. ножичекъ, въ ногахъ горшечекъ типа табл. XII, 20. На груди найдена еще часть мѣдной поясной пряжки табл. XIII, 7. Подъ предметами остатки деревянной подстилки и шерстяной матеріи. Въ ногахъ горшокъ (табл. XII, 15).

№ 42. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 5 вершк., дляною 3 арш. 8 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на В. съ отклоненіемъ на Ю., сохранилась часть черепа и зубовъ. На черепѣ вѣнчикъ отъ головного шерстяного убора изъ 7 мѣдныхъ круглыхъ бляшекъ типа табл. IX, 16 (меньшей величины) и 3-хъ рядовъ ремешковъ, на которые сплошь напущены рубчатыя кольчужки, на шеѣ небольшое количество золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, близъ пояса дугообразно свѣшиваются внизъ 2 нитки мелкихъ блестящихъ свинцовыхъ или оловянныхъ бляшекъ, выпуклыхъ съ наружной стороны и съ ушкомъ позади, на поясѣ жел. пряжка типа табл. XI, 2, а отъ нея спускаются внизъ 2 мѣдныя крупныя спирали типа табл. IX, 9, въ ногахъ сосудъ типа табл. XII, 18 (безъ орнамента), лежавшій на боку. Кромѣ того справа отъ головы изоржавѣвшее жел. шило съ деревянной ручкой, справа вдоль руки изотлѣвшая свинцовая или оловянная масса и тутъ же рядомъ 2 мѣдныя кольца съ лопастями типа табл. XIII, 10 (браслеты или ушныя подвѣски), на груди неопредѣленное желѣзко.

№ 43. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною $3^3/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не осталось. Въ изголовьѣ жел. удила типа табл. XII, 1, справа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13, съ частью древка, на лѣвой рукѣ сверху большая мѣдная пряжка съ желѣзною иглой типа табл. XI, 13, на поясѣ желѣзная поясная пряжка, изоржавѣвшая, на правой рукѣ спиральный перстень типа табл. VII, 3. Въ изголовьѣ слѣва каменный оселокъ типа табл. XII, 6, у пояса жел. ножъ типа табл. VII, 6.

№ 44. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 13 вершк., длиною 2 арш. 10 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не сохранилось. На шеѣ мѣдная гривна типа табл. VII, 14 и связка золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 8, на груди мѣдная бляха всего до 1 вершка въ діаметрѣ, у пояса мѣдная спираль типа табл. IX, 9, у праваго плеча желѣзное шило или веретено, изоржавѣвшее, ниже его пряслице (табл. VII, 16), у ногъ слѣва неопредѣленные обломки желѣза, въ ногахъ разбитый горшокъ.

№ 45. Яма глубиною 12 верш., длиною 2 арш. 5 верш. Судя по сохранившимся зубамъ, костякъ (лежавшій головою на ЮВ.) принадлежалъ подростку. На шеѣ 5 золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6.

№ 46. Въ ямѣ, глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною до 3 арш., остатки женскаго погребенія. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. На шеѣ тонкая мѣдная гривна типа табл. VII, 11 и четыре золоченыя бусы типа табл. VI, 6, въ сторонѣ лѣвой руки 2 мѣдные пластинчатые браслета типа табл. XIII, 10 со спиралью въ 2 оборота (браслеты лежали рядомъ, пластинами вверхъ), нѣсколько ниже пояса желѣзное кольцо, быть можетъ, отъ пряжки, типа табл. XI, 15.

№ 47. Дѣтское погребеніе, на глубинѣ 1 арш. Яма въ направленіи СЗ.—ЮВ. Въ разныхъ мѣстахъ ямы нѣсколько бусъ, раздробленный сосудъ и пряслице типа табл. VII, 1.

№ 48. Въ ямѣ, глубиною 1 арш. 6 вершк., шириною $^1/_2$ арш. и длиною 3 арш. 10 вершк. женское погребеніе. Костякъ лежалъ головою на ЮВ.; отъ него ничего не сохранилось. На шеѣ нѣсколько золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5 и одна маленькая красная. Въ ногахъ раздробившійся горшокъ, на боку.

№ 49. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною $1^1/_4$ арш., длиною 2 арш. 14 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. Въ изголовьѣ жел. удила типа табл. XII, 1, на шеѣ мѣдная гривна со спиралями на концахъ типа табл. XVII, 9 (концы не сохранились), съ боковъ, у шеи, по мѣдной звѣздчатой подвѣскѣ на спираляхъ табл. IX, 7 и по парѣ колокольчатыхъ подвѣсокъ типа табл. IX, 22, подъ гривной ожерелье изъ мелкихъ золоченыхъ и красныхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5 и двухъ крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 24, въ нижней части груди большая плетеная мѣдная пряжка (табл. IX, 27) и при ней 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, на рукахъ по мѣдному браслету табл. VII, 4, на лѣвой мѣдный перстень (табл. VII, 3), у таза справа грубое пряслице типа табл. XIII, 9. Подъ пряжкою остатки шерстяной ткани. Сохранились слѣды нижнихъ конечностей.

№ 50. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 2 арш., длиною 3 арш. 2 верш. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. Слѣва въ углу, въ изголовьѣ, 5 мѣдныхъ круглыхъ бляшекъ, на шеѣ 6 мѣдныхъ гривенъ типа табл. VII, 11, двѣ—табл. VII, 14 и большое ожерелье изъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 2, на груди у праваго плеча 2 малыя мѣдныя бляшки типа табл. XI, 13, ниже 2 неопредѣленныя желѣзка и мѣдная спираль типа табл. IX, 21, ниже изоржавѣвшая мѣдная пряжка типа табл. VIII, 6 (въ діаметрѣ 4 дюйма), на рукахъ по мѣдному пластинчатому браслету табл. XIII, 10 и по мѣдному спиральному кольцу типа табл. VII, 3, на лѣвой рукѣ еще проволочный браслетъ въ $1^1/_2$ оборота типа табл. XIII, 5, согнутый изъ тонкой гривны, и пластинчатый мѣдный перстень, у пояса 2 мѣдныя спирали типа табл. IX, 9, у ногъ слѣва неопредѣленные желѣзные изоржавѣвшіе обломки, въ ногахъ раздробленный горшокъ.

№ 51. Яма глубиною 1 арш., шириною 11 вершк., длиною $3^1/_2$ арш. Костякъ лежалъ въ направленіи В—З. На днѣ могилы лишь обломки горшка типа табл. XII, 18.

№ 52. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 вершк., шириною $^3/_4$ арш., длиною 3 арш. 7 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранилось лишь нѣсколько зубовъ. На шеѣ 4 тонкія мѣдныя гривны типа табл. VII, 11 и небольшая связка бусъ табл. VI, 4 и типа табл. VI, 6, справа у руки 2 мѣдные пластинчатые браслета типа табл. XIII, 13, на груди неопредѣленное желѣзко и мѣдная плоская бляшка типа табл. IX, 16, на поясѣ большая желѣзная пряжка типа табл. XI, 14 и жел. ножъ неопредѣленной формы, на подолѣ желѣзная пластина до четверти длиною, въ ногахъ раздробленный землею сосудъ и желѣзная пряжка типа табл. X, 9. Древесная тонкая подстилка.

№ 53. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 7 вершк., длиною 3 арш. 6 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. Въ изголовьѣ, въ лѣвомъ углу, остатки шерстяной ткани съ 10-ю мѣдными бляшками табл. VI, 11 и неопредѣленной формы желѣзками, у праваго плеча глиняный горшечекъ (табл. XII, 16), на шеѣ мѣдная тонкая гривна типа табл. VII, 11 и довольно много золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, въ нижней части груди изотлѣвшая бляха типа табл. VIII, 6, у кисти правой руки изоржавѣвшій мѣдный браслетъ типа табл. XIII, 10 и украшеніе, состоящее изъ мѣдной подвѣски въ видѣ лапки, кольчужекъ и нѣсколькихъ мѣдныхъ бляхъ (табл. VI, 31). Украшеніе это, быть можетъ, составляло конецъ косоплетки. Оно лежало лицевою частью внизъ; позади лапчатой подвѣски, къ верхней части ея, прикрѣплена была мѣдная бляшка съ расходящимися концами (табл. VI, 28). Въ ногахъ горшокъ типа табл. XII, 16. Подъ вещами тонкая древесная подстилка.

№ 54. Женское погребеніе. Грунтовая яма глубиною 1 арш. 3 вершк., длиною 3 арш. 7 вершк.; костякъ лежалъ головою на ЮВ. Въ изголовьѣ справа жел. удила типа табл. XII, 1, на остаткахъ черепа слѣды головного убора съ 7 мѣдными бляшками и рядомъ спиралекъ, на шеѣ 2 мѣдныя тонкія гривны типа табл. VII, 11 и ожерелье изъ бусъ (золоченыхъ типа табл. VI, 6 и нѣсколькихъ грушевидныхъ), на груди бляха средней величины табл. VIII, 6, у правой руки 2 мѣдные браслета типа табл. XIII, 10, на поясѣ желѣзная пряжка типа табл. XI, 15 и жел. ножъ типа табл. VII, 6, на подолѣ жел. пряжка типа табл. X, 9, на ногахъ остатки мѣдной пряжки типа табл. XI, 12, въ ногахъ неопредѣленное желѣзное кольцо. У черепа слѣва остатки желѣзнаго шила съ деревянною ручкою.

Рис. 20.
Погребеніе 54 а.

№ 54 а. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 4 вершк., длиною 4 арш. безъ 2 вершк., шириною 7 в. (рис. 20). Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., съ отклоненіемъ къ В., сохранилась часть черепа. Въ изголовьѣ большая желѣзная круглая пряжка типа табл. XI, 19 и слѣва удила типа табл. XII, 1. Справа отъ головы 2 жел. наконечника копій (одинъ табл. XII, 12, другой типа табл. XX, 2), на поясѣ большая желѣзная пряжка и на ней оселокъ типа табл. XII, 6, влѣво малая желѣзная пряжка типа табл. X, 9, справа неопредѣленная желѣзная пластинка, быть можетъ, отъ пряжки, ниже кремень и еще ниже жел. ножъ типа табл. VII, 6, у ступни лѣвой ноги жел. кельтъ типа табл. XII, 4, отъ котораго внизъ тянулись остатки древка, въ ногахъ раздавленный горшокъ типа табл. XII, 18, украшенный зубчиками по краю. Сверху костякъ засыпанъ землею, смѣшанною съ зернами угля и комочками красной глины.

№ 55. Женское погребеніе. Яма глубиною 1 арш., длиною $3^{1}/_{4}$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не сохранилось. Въ сторонѣ головы 2 мѣдныя спиральки типа табл. IX, 21 и обломокъ пряслица типа табл. VII, 1.

№ 56. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш., длиною 3 арш. 5 вершк. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. Справа у черепа жел. кельтъ типа табл. XII, 4, слѣва жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 9, на поясѣ ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ раздавленный землею сосудъ.

№ 57. Женское погребеніе. Яма глубиною 1 арш., длиною 3 арш. 6 вершк. На шеѣ маленькая и тонкая гривна типа табл. VII, 11, на груди остатки желѣзнаго ножа и мѣдная спираль типа табл. IX, 21, справа отъ головы небольшой жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10. Костякъ головою на ЮВ.

№ 58. Женское погребеніе. Въ ямѣ глубиною 1¼ арш., длиною 3¾ арш. Остатки черепа отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ. Въ изголовьѣ справа жел. пряжка типа табл. X, 9, на черепѣ уборъ въ видѣ ремня съ мѣдными бляшками табл. XI, 5, у головы слѣва шерстяная ткань, быть можетъ, головное покрывало, со множествомъ мѣдныхъ украшеній изъ бляшекъ типа табл. VI, 11, спиралекъ типа табл. IX, 13 и плоскихъ бляшекъ типа табл. VII, 8 и IX, 15, 16 (можно было примѣтить, что ряды спиралекъ чередовались съ выпуклыми бляшками, но общаго узора нельзя было уловить), на шеѣ 3 гривны типа табл. VII, 11 и немногочисленныя бусы типовъ табл. VI, 2 и 6, въ верхней части груди мѣдная бляха типа табл. XIII, 8, на правомъ плечѣ 2 мѣдные браслета типа табл. XIII, 10, изоржавѣвшіе, на поясѣ большая желѣзная пряжка типа табл. XI, 14, рядомъ какой-то полый желѣзный наконечникъ, быть можетъ, отъ пояса, выше 2 мѣдныя спирали (табл. IX, 9), выше ихъ изотлѣвшая оловянная или свинцовая масса, на ногахъ жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ остатки какого-то пояса съ 2 мѣдными пластинчатыми наконечниками и раздавленный землею горшокъ. Подъ нагрудною бляхою находились остатки шерстяной ткани и кожи.

№ 59. Погребеніе въ грунтовой ямѣ глубиною ¾ арш., длиною 2 арш. 4 вершка. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., раздробленный землею сосудъ.

№ 60. Мужское погребеніе. Яма глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною 3 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., ничего не сохранилось. Справа на тазу жел. пряжка типа табл. X, 9, въ ногахъ раздавленный сосудъ типа табл. XII, 15, средней величины, и желѣзный ножъ.

№ 61. Женское погребеніе въ ямѣ глубиною 1 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., ничего не сохранилось. На шеѣ небольшая связка золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, на груди мѣдная ажурная бляха табл. VIII, 4, въ ногахъ горшокъ (табл. XII, 20).

№ 62. Женское погребеніе (?). Яма глубиною 1 арш. 6 вершк., длиною 3 арш. 6 вершк. Костякъ лежалъ головою на В., съ небольшимъ отклоненіемъ на С. Въ изголовьѣ справа жел. удила типа табл. XII, 1 и два кремня, у головы слѣва оселокъ (табл. XII, 6) и жел. кельтъ табл. XII, 4, на шеѣ или близъ нея 2 мѣдныя тонкія гривны типа табл. VII, 11, на груди мѣдная бляха, 4 дюйма въ діаметрѣ (табл. IX, 19), у пояса жел. пряжка типа табл. X, 9, съ лѣваго боку у таза 6 жел. наконечниковъ стрѣлъ разной величины типовъ табл. VI, 27 и 30, концами къ ногамъ, ниже пояса на ногахъ жел. ножъ типа табл. VII, 7 съ костяною рукоятью, въ ногахъ раздавленный горшокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ вещами видна древесная подстилка.

№ 63. Дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною 9 вершк., длиною 1 арш. 12 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., ничего не сохранилось. На шеѣ тонкая мѣдная гривна типа табл. VII, 11 и связка золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, между ними большая красная буса съ инкрустаціей (табл. VI, 22 и 23) и небольшая мѣдная пряжечка, на груди мѣдная спираль типа табл. IX, 9, въ ногахъ горшокъ типа табл. XII, 19, безъ орнамента.

№ 64. Женское погребеніе, въ ямѣ средней глубины и длины. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., ничего не сохранилось. Справа отъ головы остатки шерстяного покрывала, унизаннаго мѣдными бляшками и бляхами типовъ табл. VII, 8, IX, 16 и XVI, 3 и спиралями, по правой сторонѣ длинный уборъ косы изъ мѣдныхъ бляшекъ (табл. VI, 29), на шеѣ 2 мѣдныя гривны типа табл. VII, 11 и небольшое количество бусъ типа табл. VI, 6, на груди мѣдная бляха средней величины типа приблизительно табл. IX, 19, въ ногахъ большой раздавленный горшокъ типа табл. XII, 15 и жел. пряжка (табл. XI, 15). Подъ нѣкоторыми вещами слѣды деревянной подстилки. У праваго плеча пряслице типа табл. XIII, 9.

№ 65. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною 3 арш. 6 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. На шеѣ мелкія золоченыя и красныя бусы типовъ табл. VI, 1, 2, 5, на груди малое пряслице (табл. VII, 1).

№ 66. Дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною 11 вершк., длиною 1 арш. 12 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. Въ ногахъ горшокъ, на груди большая мѣдная пряжка типа табл. XIX, 11, но безъ орнамента.

№ 67. Женское погребеніе въ обратномъ положеніи (головою на З.), на глубинѣ 1 арш. 3 вершк. На шеѣ толстая мѣдная гривна типа табл. X, 3, но съ обломленными концами, на груди, на остаткахъ шерстяной ткани, изотлѣвшая большая мѣдная бляха (табл. VIII, 3), подъ которою лежала мѣдная плетеная пряжка (табл. IX, 24) и небольшое количество спиралекъ. Замѣчены остатки деревянной подстилки.

№ 68. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною $3^1/_2$ арш. Костякъ лежалъ головою на В. Справа отъ головы жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13, слѣва у головы жел. ножъ типа табл. VII, 6, близъ пояса жел. ножъ (табл. VII, 6) и мѣдная пряжечка типа табл. XI, 13, въ ногахъ горшокъ красной глины, на боку.

№ 69. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 9 вершк., длиною $3^1/_2$ арш. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. По обѣимъ сторонамъ головы остатки звѣздчатыхъ подвѣсокъ типа табл. IX, 8, на шеѣ нѣсколько красныхъ бусинокъ типа табл. VI, 2, на груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, на лѣвой рукѣ перстень типа табл. VII, 3.

№ 70. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 14 вершк., длиною $3^1/_2$ вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., сохранилась нижняя часть. Въ изголовьѣ справа жел. удила типа табл. XII, 1, слѣва 5 гривенъ (одна желѣзная типа табл. X, 7, другая мѣдная типа табл. XVII, 11, третья типа табл. VII, 14, четвертая и пятая типа табл. VII, 12 и, кажется, была еще шестая гладкая желѣзная), справа отъ головы пряслице (табл. VII, 2), на шеѣ связка мелкихъ золоченыхъ и красныхъ бусъ типа табл. VI, 2 и 5, двѣ крупныя красныя бусы типа табл. VI, 24 и одна красная плоская, подъ челюстью 2 мѣдныя звѣздчатыя подвѣски (табл. IX, 8), на нижнихъ позвонкахъ большая изотлѣвшая мѣдная бляха (табл. VIII, 8), подъ ней мѣдная пряжка и шерстяная ткань, въ ногахъ раздавленный горшокъ. Замѣчено дерево наверху бляхи.

№ 71. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 4 вершка, длиною $3^1/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., сохранилась часть черепа. Слѣва отъ черепа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10, у пояса кремень и жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ раздавленный горшокъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 72. Дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною до 1 арш., длиною 1 арш. 12 вершк. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. На шеѣ маленькая тонкая шейная гривна типа табл. VII, 11. На днѣ примѣтны слѣды деревянной подстилки.

№ 73. Женское дѣтское погребеніе, въ ямѣ глубиною 13 вершк., длиною 1 арш. 10 вершк. Костякъ лежалъ головою почти на В. На шеѣ витая гривна типа табл. X, 4, на груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, желѣзная типа табл. X, 9 и мѣдная подвѣска типа табл. IX, 22, на правой рукѣ гладкій проволочный браслетъ типа табл. XXIII, 7, въ ногахъ небольшой горшечекъ черной глины, развалистой формы.

№ 74. Яма глубиною 12 вершк., длиною 3 арш. 3 вершка. Костякъ лежалъ головою на В. На шеѣ небольшое количество золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, въ ногахъ горшокъ типа табл. XII, 19.

№ 75. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 12 вершк., длиною $3^1/_2$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранилась нижняя челюсть. Въ изголовьѣ кожаный поясъ, снабженный мѣдною пряжкою (табл. XI, 10), мѣднымъ наконечникомъ типа приблизительно табл. XXII, 7 и украшенный мѣдными тонкими бляшками табл. XI, 1, кремень и маленькая мѣдная пряжка типа табл. XIX, 12; подъ шеей смятая серебряная гривна типа табл. X, 6, на лѣвой ключицѣ мѣдная или серебряная фибула (табл. VII, 5), вблизи неопредѣленная желѣзная пластинка, на поясѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, поясная мѣдная пряжка типа табл. XI, 4, жел. ножъ типа табл. VII, 6, слѣва ниже таза жел. кельтъ типа табл. XII, 4, справа желѣзный мечъ (табл. XII, 2) длиною 2 ф. 9 дюйм., въ деревянныхъ ножнахъ, у котораго сбоку большая мозаичная буса типа табл. XIII, 6 и пара желѣзныхъ удилъ типа XII, 1, въ ногахъ раздавленный горшокъ табл. XII, 18 и 2 жел. наконечника копій типовъ табл. XII, 7 и 13, остріями въ сторону ногъ. Подъ вещами примѣтна деревянная подстилка.

№ 76. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною $1^1/_4$ арш., длиною $3^1/_2$ арш. Костякъ лежалъ головою на ЮВ. Въ изголовьѣ справа раздавленный землею сосудъ, слѣва рядъ мѣдныхъ спиралекъ типа табл. IX, 21 отъ головного шерстяного покрывала, на шеѣ 2 мѣдныя гривны типа табл. XVII, 11 и табл. VII, 13, большое ожерелье изъ красныхъ и золоченыхъ бусъ (четыре большія типа табл. VI, 24, остальныя типа табл. VI, 2 и 7), въ нижней части груди большая мѣдная бляха типа табл. VIII, 2, поверхъ которой лежала мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, на правой рукѣ 2 мѣдные браслета (табл. XIII, 11 и 13) и мѣдный перстень типа табл. VII, 3, на ногахъ положены жел. удила типа табл. XII, 1, въ ногахъ раздавленный горшокъ. Подъ вещами и поверхъ ихъ примѣтны слѣды деревянныхъ тонкихъ досокъ. Бляха имѣла въ діаметрѣ $5^1/_2$ дюйм., 6 трехугольныхъ вырѣзовъ и казалась слегка выпуклою; поверхъ ея лежала очень рѣдкая шерстяная ткань. Отъ костяка сохранилась часть нижней челюсти. На головѣ вмѣстѣ съ бусами найдены еще 2 звѣздчатыя мѣдныя подвѣски на спираляхъ, типа приблизительно табл. XVII, 6.

№ 77. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 14 вершк., длиною 4 арш. 2 вершк. Костякъ лежалъ головою на В.; отъ него сохранилась часть зубовъ, таза и лѣвой берцовой кости. Въ изголовьѣ справа мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, слѣва жел. наконечникъ копья (табл. XII, 10), на шеѣ или на головѣ мѣдная гривна типа табл. XVII, 11, справа жел. кельтъ типа табл. XII, 4,

слѣва жел. удила типа табл. XII, 1, на шеѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, въ ногахъ раздавленный сосудъ.

№ 78. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 3 вершка, длиною 3 арш. 2 вершк. Костякъ лежалъ головою на Ю. Въ изголовьѣ раздавленный горшокъ, справа длинный жел. наконечникъ копья (табл. XII, 9), ниже его желѣзный топоръ типа табл. XII, 5, на поясѣ жел. ножъ и кремень.

№ 79. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 12 вершк., длиною 3¼ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., сохранилась часть зубовъ. Въ изголовьѣ въ правомъ углу жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и жел. удила типа табл. XII, 1, слѣва длинный жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 4, на поясѣ жел. пряжка типа табл. XI, 15, но нѣсколько больше, справа жел. фибула (табл. IX, 17), слѣва жел. ножъ типа табл. VII, 7, въ ногахъ раздавленный горшокъ типа табл. XII, 20 и мѣдная поясная пряжка типа табл. XI, 4.

№ 80. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 5 вершк., длиною 3¼ арш. Костякъ лежалъ головою почти на Ю. Въ изголовьѣ раздробленный горшокъ, справа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13, на поясѣ пряжка и ножъ, въ ногахъ жел. кельтъ типа табл. XII, 4, большая жел. пряжка типа табл. XI, 14 и жел. удила типа табл. XII, 1.

№ 81. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 вершк., длиною 3 арш. 6 вершк. Костякъ лежалъ головою на Ю. У головы слѣва жел. удила табл. XII, 1, подъ головою 2 звѣздчатыя мѣдныя привѣски на спираляхъ типа табл. IX, 8, на груди, ниже лѣваго плеча, пара сборчатыхъ подвѣсокъ типа табл. IX, 21, въ нижней части груди плетеная мѣдная пряжка типа табл. IX, 27, на шеѣ желѣзная гривна типа табл. X, 7, въ ногахъ горшокъ типа табл. XII, 18. На нагрудной бляхѣ сверху лежала шерстяная матерія и остатки деревянной доски.

№ 82. Дѣтское погребеніе на глубинѣ 1 арш. Мѣдная пряжка и бусинки.

№ 83. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 13 вершк., длиною 4 арш. Костякъ лежалъ головою на В. Въ изголовьѣ справа жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2, на груди кремень, на поясѣ большая жел. пряжка (табл. XI, 8), въ ногахъ раздробленный горшокъ и удила типа табл. XII, 1.

№ 84. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1½ арш., длиною около 4 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранилась часть черепа. На поясѣ кремень и желѣзко. По всему дну идетъ какъ-бы угольная прослойка, расположенная корытообразно; толщина слоя до 1 сант. Не могло быть выяснено, подстилка это, или же покрытіе сверху; расположеніе волоконъ этого слоя правильное.

№ 85. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 верш., длиною около 4 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на СВ., сохранились лишь нѣкоторые зубы и часть голени. Въ изголовьѣ жел. пряжка типа табл. X, 9, на шеѣ нѣсколько мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 7 и тонкихъ мѣдныхъ бляшекъ, около пояса слѣва неопредѣленная мѣдная бляшка на мѣдной спиралькѣ типа табл. IX, 11, слѣва у бедра 2 пряслица табл. VII, 15 и типа табл. XIII, 9, ниже колѣнъ 2 мѣдныя ножныя пряжки типа табл. XI, 12 и ниже ихъ по мѣдной подвѣскѣ изъ 4-хъ пластинокъ каждая (табл. XIII, 3), въ ногахъ раздавленный сосудъ типа табл. XII, 18, съ орнаментомъ изъ точекъ, 2 желѣзныя шила въ деревянныхъ рукоятяхъ и 3 колокольчатыя мѣдныя подвѣски типа табл. IX, 22; на ногахъ остатки шерстяной ткани.

№ 86. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 12 вершк., длиною 4 арш. Костякъ лежалъ головою на В. Въ изголовьѣ слѣва желѣзныя удила съ большими кольцами (табл. XI, 19), ниже жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10, ниже пояса жел. ножъ типа табл. VII, 6, въ ногахъ раздробленный горшокъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4, у головы слѣва жел. пряжка типа табл. X, 9. Въ нижней части могилы отъ пояса идетъ тонкій угольный слой.

№ 87. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 4 вершк., длиною 3 арш. 12 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. съ отклоненіемъ на С. На поясѣ большая мѣдная пряжка (табл. XI, 18) и нѣсколько бляшекъ табл. VI, 17, на тазу слѣва жел. топоръ типа табл. XII, 5 (топорищемъ къ ногамъ), подъ тазомъ кремень, на правомъ бедрѣ жел. ножъ типа табл. VII, 6 и тонкая мѣдная пластинка, какъ бы наконечникъ отъ пояса, типа приблизительно табл. XXII, 7, въ ногахъ раздавленный горшокъ типа табл. XII, 18 и точилка.

№ 88. Погребеніе (женское?) въ ямѣ глубиною 1 арш. 9 вершк., длиною 3 арш. 10 вершк. Костякъ лежалъ головою на В., съ отклоненіемъ на С. Въ изголовьѣ неопредѣленное жел. кольцо, у пальцевъ правой руки 2 мѣдныя пирамидчатыя подвѣски (табл. VI, 25) на спиральках (обращены нижнею частью въ сторону головы), между бедрами уборъ изъ бляшекъ и спиралекъ, длиною 15 дюймовъ, шириною $3^1/_2$ дюйм.; на голеняхъ отдѣльныя кости животныхъ, въ ногахъ глиняный горшокъ (табл. XII, 19).

№ 89. Дѣтское погребеніе, на глубинѣ $^3/_4$ арш. На днѣ ямы посрединѣ мѣдная фибула табл. IX, 6 и ниже распавшаяся мѣдная пряжка типа табл. XI, 13. Костякъ лежалъ головою на Ю., съ отклоненіемъ на З.

№ 90. Женское погребеніе (подростокъ), въ ямѣ глубиною 9 вершк., длиною 2 арш. 3 вершк. Костякъ лежалъ головою на З., съ отклоненіемъ на Ю. На шеѣ небольшое количество бусъ, въ нижней части груди мѣдная пряжка, на лѣвой рукѣ мѣдный браслетъ.

№ 91. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш., длиною 3 арш. 7 вершк. Костякъ лежалъ въ обратномъ положеніи, головою на З. На остаткахъ черепа слѣды вѣнчика изъ спиралекъ и головного убора, на который нанизано 7 мѣдныхъ бляшекъ типа табл. IX, 16; на затылкѣ отъ этого убора сохранилась изотлѣвшая свинцовая масса и подъ нею мѣдная бляшка (табл. IX, 26), близъ уха бляшка табл. VII, 8, стоявшая ребромъ. На шеѣ небольшое количество золоченыхъ бусъ, на поясѣ большая желѣзная пряжка (табл. XI, 14), въ ногахъ 2 сосуда, большей и меньшей величины.

№ 92. Неопредѣленное погребеніе, въ ямѣ глубиною 9 вершк., длиною 3 арш. 3 вершк. и шириною 12 вершк. Въ одномъ концѣ ямы черепокъ сосуда, въ другомъ ножъ.

№ 93. Совершенно пустая яма глубиною 1 арш. 3 вершк., длиною 3 арш. 3 вершк. Направленіе съ Ю. на С.

№ 94. Яма глубиною 1 арш., длиною 3 арш. 5 вершк. Костякъ былъ положенъ головою, повидимому, на СВ. Въ изголовьѣ сверху черепокъ и желѣзко, въ ногахъ раздробленный горшокъ.

№ 95. Женское погребеніе (головою на В.), въ ямѣ глубиною $^3/_4$ арш., длиною 3 арш. 6 вершк. На шеѣ небольшое количество золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, на груди изотлѣвшая мѣдная пряжка (табл. XIII, 8), шириною $4^1/_2$ дюйма, въ ногахъ раздробленный сосудъ и ножичекъ.

№ 96. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 13 вершк., длиною 3 арш. 3 вершк. Костякъ лежалъ головой, повидимому, на З. Въ верхней части ямы, почти въ одной грудкѣ, обломки мѣдной нагрудной бляхи типа табл. XIII, 8, двухъ браслетовъ типа табл. VII, 4, небольшая связка бусъ типа табл. VI, 2, красныхъ и синихъ, мѣдная бляшка табл. VI, 18 и XI, 16, подвѣска-уточка типа табл. VII, 9, но схематичнѣе, и мѣдная пряжка въ видѣ круглаго кольца съ желѣзною иглой, типа табл. XII, 1. Въ нижней части дна ямы сплошная угольная полоска.

№ 97. Дѣтское женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 10 вершк., длиною 1 арш. 6 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. На шеѣ мѣдная небольшая гривна типа табл. XVII, 10, на груди изотлѣвшая бляха типа табл. XIII, 8 (въ діаметрѣ $5^{1}/_{2}$ дюйм.), въ ногахъ сосудъ типа табл. XII, 18. Поверхъ этого костяка, въ томъ же направленіи, остатки скелета взрослаго человѣка; зубы его въ изголовьѣ дѣтскаго костяка, ноги колѣнями вверхъ.

№ 98. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 вершк., длиною 3 арш. 10 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранились нижнія конечности. На поясѣ жел. пряжка типа табл. X, 10, въ ногахъ раздавленный сосудъ, у правой ступни пукъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ типа табл. VI, 27.

№ 99. Погребеніе въ ямѣ глубиною 11 вершк., длиною $2^{3}/_{4}$ арш. Костякъ лежалъ головою на В.; отъ него сохранились концы ногъ. На шеѣ сердоликовая бусинка.

№ 100. Погребеніе въ ямѣ глубиною 10 вершк., длиною нѣсколько болѣе 2 арш. Костякъ лежалъ головою на Ю. Въ ногахъ раздробленный горшокъ типа табл. XII, 16.

№ 101. Дѣтская пустая могила, длиною до 2-хъ арш. Направленіе ямы съ В. на З.

№ 102. Мужское погребеніе, въ ямѣ глубиною 13 вершк., длиною 3 арш. 10 вершка. Отъ костяка, лежавшаго головою на В., сохранились лишь нѣкоторые зубы. Въ изголовьѣ справа жел. наконечникъ копья, на поясѣ ножъ типа табл. VII, 6, въ головахъ горшокъ, на боку, внутри его ножъ типа таб. VII, 6.

№ 103. Пустая яма глубиною 1 арш. 3 вершк., длиною 2 арш. 11 вершка. Костякъ лежалъ головою на В. Дѣтское или отроческое погребеніе.

№ 104. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 6 вершк., длиною 3 арш. 10 вершк. Костякъ лежалъ головою на В. На шеѣ множество золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 6, на груди мѣдная круглая бляшка типа табл. IX, 16 и небольшой жел. ножъ типа табл. VII, 6, на поясѣ небольшая жел. пряжка типа табл. X, 9, въ ногахъ горшокъ типа табл. XII, 20, съ зубчатымъ краемъ.

№ 105. Яма глубиною $^{3}/_{4}$ арш., длина неопредѣленная. Костякъ лежалъ головою на В. Въ ногахъ горшокъ.

№ 106. Мужское (?) погребеніе. Яма глубиною 1 арш., длиною 3 арш. 8 вершк. Костякъ лежалъ головою на В., съ легкимъ отклоненіемъ на С. На поясѣ обрывки ремня съ нѣсколькими бляшками типа табл. VI, 11 и гладкимъ наконечникомъ, тутъ же 2 мѣдныя подвѣски типа табл. IX, 22 и ножъ съ остатками мѣдной оковки, на которой между прочимъ кружковый орнаментъ.

№ 107. Яма глубиною 13 вершк., длиною 2 арш. 3 вершка. Костякъ лежалъ головою на В. На поясѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 7, въ ногахъ маленькій сосудъ типа табл. XII, 15.

№ 108. Женское погребеніе, въ ямѣ глубиною 1 арш. 2 вершка, длиною 3 арш. 13 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на З., сохранились остатки черепа. На шеѣ ожерелье изъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 7, красныхъ типа табл. VI, 2 и 24 и восемь мѣдныхъ гривенъ (одна типа табл. X, 4, одна типа табл. XVII, 11, но самаго простого устройства, и шесть типа табл. VII, 13), близъ черепа 2 мѣдныя подвѣски типа табл. IX, 8, на рукахъ мѣдные браслеты, два табл. XIII, 5, одинъ табл. XIII, 4, на груди, у кисти правой руки маленькая мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, въ ногахъ жел. ножъ типа табл. VII, 7, со слѣдами деревяннаго черенка, и мѣдная фибула табл. IX, 5. По всему скелету отъ груди разбросаны отдѣльные черепки.

№ 109. Женское (?) погребеніе, въ ямѣ глубиною 13 вершк., длиною 3 арш. 9 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на СВ., сохранилась часть черепа. Въ изголовьѣ раздробленный горшокъ, на черепѣ остатки шерстяного покрывала, на которомъ въ небольшомъ количествѣ нанизаны бляшки и спиральки типа табл. IX, 14.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ могильника при неопредѣлившихся погребеніяхъ найдены слѣдующія мѣдныя вещи: 2 нагрудныя бляхи табл. VIII, 9 и XIII, 12, плетеная пряжка табл. VIII, 7, мѣдная проволочная подвѣска табл. IX, 20, пряжки табл. XI, 2, 3 и 22, мѣдная пряжка типа табл. XI, 10, три пряжки типа табл. XI, 13, бляшка табл. XI, 20, браслетъ типа табл. XIII, 10, подвѣска типа табл. VI, 25, бляшка типа табл. IX, 16, двѣ спирали типа табл. IX, 9.

V. Борковскій могильникъ.

Раскопки произведены въ 1892 г. А. В. Селивановымъ при участіи А. И. Черепнина и В. А. Городцова [1]).

Могильникъ расположенъ на двухъ небольшихъ возвышеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга саж. на 60. На первомъ вскрыто 84 погребенія, на второмъ—29. На первомъ бугрѣ чередованіе слоевъ было слѣдующее: 1) верхній пластъ изъ песчанисто-торфянистой уплотненной земли съ небольшою примѣсью иловатой глины, залегавшій довольно равномѣрно на глубину до 3-хъ вершковъ, 2) древне-культурный слой темнаго цвѣта, состоящій изъ песчанисто-растительнаго перегноя съ большимъ количествомъ глиняныхъ черепковъ, кусочковъ обожженной глины и мелкихъ углей и заключающій различныя отдѣльныя находки предметовъ древняго быта, толщиною отъ 6 до 16 вершк.,

[1]) Исторія открытія могильника въ 1874 г. и раскопки его въ 1892 г. подробно изложена въ изслѣдованіи А. И. Черепнина „Борковскій могильникъ“, помѣщенномъ въ *Трудахъ Рязанской архивной комиссіи* 1894 г. т. IX, в. 2; т. X, в. 2 и 3.—См. еще Черепнина, Замѣтка о Борковскомъ могильникѣ. Тамъ же 1891 г. т. VI, стр. 7—8.—Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, произведенныхъ въ 1892 г. Рязань 1893.—Селивановъ, О раскопкахъ Борковскаго могильника. *Труды Виленскаго Археол. Съѣзда* т. I, 81—91 (рис.).—Черепнинъ, О Рязанско-окскихъ могильникахъ. *Труды Рижскаго Археол. Съѣзда*. т. I, 38—58.—Описаніе погребеній могильника въ настоящемъ изданіи составлено по экземпляру упомянутаго Дневника, исправленному для издателя г. Черепнинымъ.

на западномъ скатѣ бугра почти въ 2 арш., 3) сѣроватый сильно песчанистый слой, мѣстами прерываемый грунтовымъ свѣтло-оранжевымъ пескомъ; въ немъ изрѣдка попадались кремневые наконечники стрѣлъ, копій, ножи и скребки. Могилы находились въ послѣднемъ слоѣ; расположены онѣ довольно близко другъ къ другу (Черепнинъ, стр. 79—83).

Погребеніе № 1. На глубинѣ 11 вершк. [1]), въ пескѣ, истлѣвшій костякъ, отъ котораго сохранилась часть черепа и нѣсколько вмѣстѣ лежавшихъ костей; около костей попадались угольки.

№ 2 (женское). На глубинѣ 11 вершк. костякъ, головою на С.З.; возлѣ костей много мелкихъ угольковъ. У лѣваго виска серебр. пряжка типа и величины табл. XVII, 12 (но круглая); на шеѣ серебряная гривна типа табл. VII, 12 (но безъ замка на концахъ), ожерелье изъ 62 красныхъ бусъ типа табл. VI, 2 и двадцати серебряныхъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 2; на правомъ плечѣ маленькая серебр. пряжка типа табл. XVII, 12; на лѣвой сторонѣ груди серебр. бляха типа табл. XVI, 8, а на ней толстая шерстяная ткань; на рукахъ по браслету типа табл. XXIII, 5, одинъ серебряный, другой мѣдный; въ ногахъ 2 жел. кольца, такого же размѣра, какъ кольца удилъ, но болѣе тонкія, желѣзная пряжка типа табл. X, 9 и желѣзный предметъ въ видѣ гвоздя. Подъ костякомъ остатки луба въ видѣ небольшихъ, сильно истлѣвшихъ кусковъ. Въ головахъ крупные черепки отъ чернаго горшка, имѣвшіе глянцевитый цвѣтъ; надъ костякомъ найденъ небольшой точильный брусокъ.

№ 3. На глубинѣ 15 вершк. почти совершенно истлѣвшій костякъ, головою на С. З. З; черепъ обсыпанъ мелкими угольками. У черепа слѣва и на лѣвой части груди 2 жел. пряжки типовъ табл. X, 9 и 10 и сломаное желѣзное кольцо.

№ 4. На той же глубинѣ очень разрушенный костякъ. Стеклянная буса (табл. XVII, 3), желѣзный ножъ, 3 черепка отъ грубыхъ сосудовъ и значительное количество мелкихъ угольковъ.

№ 5 (мужское). На глубинѣ 21 вершка истлѣвшій костякъ, головою на С. С. В., руки протянуты. На лбу и на шеѣ по мѣдной пряжечкѣ типа табл. XVII, 12; на правой сторонѣ груди 2 серебр. бляшки (табл. XVI, 11); у кисти лѣвой руки браслетъ типа табл. XXIII, 5; рядомъ съ поясничными позвонками жел. пряжка типа табл. X, 9; на лѣвомъ бедрѣ жел. ножъ; возлѣ правой ступни жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10 (остріемъ внизъ); надъ грудью въ землѣ желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 6 (женское). На глубинѣ 16 вершк. нижняя челюсть и 3 шейные позвонка. Около костей и подъ ними: 2 мѣдн. или серебр. трехлопастныя подвѣски типа табл. IX, 8, связка спиральныхъ витушекъ типа табл. IX, 13, серебр. щипчики типа табл. XIX, 8, круглая мѣдная бляшка типа табл. IX, 14, маленькая серебр. лунница типа табл. XV, 2 и серебряная обоймица (табл. XVI, 10), мелкіе угольки и слѣды золы.

№ 7. На глубинѣ 22 вершк. истлѣвшій костякъ, отъ котораго сохранились часть черепа и двѣ ручныя кости.

№ 8 (женское). На глубинѣ 22 вершк. найдены кучею вещи, быть можетъ, относящіяся къ трупосожженію: серебр. ажурная пряжка типа табл. XV, 4, но лучшая и съ особенностями, съ остат-

---

[1]) Глубина отмѣчается отъ верхней линіи темнаго слоя; для опредѣленія глубины отъ линіи горизонта слѣдуетъ прибавить по 2—3 вершка.

ками ткани на верху, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и небольшая серебряная типа табл. XI, 13, три бляшки типа табл. IX, 14 и 3 серебр. типа табл. XIX, 10, два пластинчатые браслета типа табл. XXIII, 1 (съ насѣчкой), большія связки бусъ золоченыхъ стекляныхъ типа табл. VI, 7, красныхъ типа табл. VI, 2 (среди нихъ 2 большія типа табл. VI, 24) и витушекъ типа табл. IX, 13. Близь украшеній лежали: большой наконечникъ копья типа табл. XX, 2, жел. удила типа табл. XII, 1, три жел. пряжки типа табл. X, 9 и жел. ножъ, подлѣ небольшой горшокъ, безъ орнамента.

№ 9 (женское). На глубинѣ 24 вершк. костякъ съ порядочно сохранившимся черепомъ, головою на С. В. Подъ черепомъ остатки черной косы и кожи; около шеи 2 привѣски типа табл. IX, 8 и ожерелье изъ витушекъ типа табл. IX, 13. Въ могилѣ найдены еще 2 небольшие черепка отъ грубой посуды.

№ 10 (сожженіе). На глубинѣ 24 вершк. измельченныя кости черепа и другихъ частей скелета, сложенныя въ одномъ мѣстѣ. На частяхъ черепныхъ костей ясныхъ слѣдовъ дѣйствія огня не замѣчалось, остальныя же кости несомнѣнно подвергались сожженію, но не въ одинаковой мѣрѣ. Вмѣстѣ съ костями найдены: 3 обломка жел. пряжекъ типа табл. X, 9 или 10, четыре желѣзныя бляшки (табл. XIX, 3) и черепокъ отъ гладкаго чернаго сосуда. Въ могилѣ попадались мелкіе угольки.

№ 11. На глубинѣ 2 арш. полуистлѣвшій черепъ и ножная кость, возлѣ которыхъ найдена мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и три желѣзныя круглыя пряжки типа табл. X, 9.

№ 12. На глубинѣ 20 вершк. плохо сохранившійся костякъ, головою на С. С. В. На лѣвой бедреной кости жел. ножъ, на поясничныхъ позвонкахъ жел. пряжка.

№ 13 (женское). На той же глубинѣ истлѣвшій костякъ, головою на С. С. В.; на немъ и кругомъ мелкіе угли. Въ головахъ жел. удила типа табл. XII, 1; на шеѣ ожерелье изъ 2-хъ витушекъ, красныхъ и золоченыхъ бусъ типовъ табл. VI, 2, 5 и 7; на лѣвой сторонѣ груди большая плетеная пряжка типа табл. IX, 27; около правой стороны груди неопредѣленный желѣзный стержень; на лѣвой бедреной кости жел. ножъ типа табл. VII, 7 и тутъ же часть глинянаго пряслица типа табл. VII, 1 и помятый мѣдный браслетъ типа табл. VII, 4 (съ насѣчками на концахъ).

№ 14 (мужское). На той же глубинѣ полуистлѣвшій костякъ, головою на Ю. З. На лѣвомъ бедрѣ жел. ножъ; на позвонкахъ серебряный поясной наборъ, состоявшій изъ плоскаго наконечника (табл. XX, 14), бляшки съ отверстіями (табл. XVI, 7), бляшки другого типа (табл. XVI, 4), трехъ бляшекъ иного типа (табл. XVI, 6), маленькой бляшки типа табл. XVI, 14 и трехъ небольшихъ наконечниковъ (одинъ изъ 2-хъ изображенъ на табл. XVI, 9, третій типа табл. XVI, 5); тутъ же маленькое мѣдное колечко (почти типа табл. XXIII, 18); у правой ступни небольшой жел. наконечникъ копья (типа табл. XII, 13), остріемъ внизъ и круглая жел. пряжка типа табл. X, 9, а въ сторонѣ отъ нихъ мѣдная (табл. XXII, 2) и четыреугольная жел. пряжка (типа табл. XI, 6). Обломки горшка. Вокругъ черепа угольки.

№ 15 (женское). На томъ же уровнѣ 20 вершк. костякъ головою на С. С. В., длиною 2 арш. 2 вершка. На шеѣ ожерелье типа табл. XXIII, 14, съ 12 серебряными подвѣсками (обоймицы типа табл. XVI, 10), 2 пластинчатыя привѣски съ такими же двумя привѣсками (какъ на табл. XIX, 6), 8 витушекъ типа табл. IX, 13, два мѣдныя колечка типа табл. XXIII, 15, разной величины, и серебр. пряжечка типа табл. XI, 13; подъ черепомъ остатки черныхъ волосъ и бересты. Черепки грубаго горшка.

№ 16 (двойное). На глубинѣ 8 вершк. рядомъ 2 костяка, обращенные головами на С. В. У перваго правая нога лежала на лѣвой, около ногъ много угольковъ. На поясничныхъ позвонкахъ обломокъ желѣза съ неопредѣленнымъ мѣднымъ крючкомъ, на правомъ бедрѣ жел. ножъ, у правой ступни жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7, остріемъ внизъ. Отъ второго костяка сохранились только части таза и 2 бедреныя кости; черепокъ горшка (иной работы, орнаментъ изъ параллельныхъ линій). Второе погребеніе, повидимому, другого времени.

№ 17 (женское). На глубинѣ 17 вершк. истлѣвшій костякъ, головою на С. В. Между костями потревоженнаго скелета красныя бусы и нѣсколько коническихъ привѣсокъ.

№ 18 (сожженіе, женское). На томъ же уровнѣ измельченныя кости черепа и другихъ частей скелета, съ ясно видными слѣдами дѣйствія огня. Возлѣ жженыхъ костей нѣсколько красныхъ бусъ.

№ 19 (женское, дѣтское). На глубинѣ 36 вершк. остатки дѣтскихъ реберъ и ключица. Серебряная тонкая шейная гривна (табл. XVII, 8), двѣ витушки и 2 серебр. пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17.

№ 20. На глубинѣ 34 вершк. остатки потревоженныхъ погребеній, вѣроятно, двухъ. Мѣдная пряжка, маленькій лѣпленый сосудикъ, спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10 и обломокъ витушки типа табл. IX, 13.

№ 21 (мужское). На глубинѣ 16 вершк. истлѣвшій костякъ. Возлѣ него жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13, другой наконечникъ копья типа табл. XII, 7, жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и жел. пряжка типа табл. X, 10. Обломки горшка.

№ 22 (женское, дѣтское). На глубинѣ 16 вершк. остатки дѣтскаго костяка. На шеѣ гривна типа табл. X, 3, витушка типа табл. IX, 13 и серебр. пряжечка типа табл. XI, 13; на мѣстѣ груди 2 жел. пряжки типа табл. X, 10, два мѣдные браслета типа табл. XXIII, 5, два спиральныя колечка типа табл. XXIII, 10 и жел. ножъ. На мѣдныхъ вещахъ остатки тонкаго лубка или лыка.

№ 23 (женское). На глубинѣ 21 вершк. почти истлѣвшій костякъ, головою на С. В., ноги накрестъ; подъ черепомъ часть косы и волосъ чернаго цвѣта на кусочкахъ лубка. Выше головы желѣзный наконечникъ стрѣлы (?). На шеѣ мѣдная гривна типа табл. X, 4; на рукахъ пластинчатый орнаментированный браслетъ типа табл. XXIII, 1; на груди пряжка типа табл. XI, 13 (большаго размѣра); около шеи и головы 2 четырехлопастныя подвѣски типа табл. XX, 10, каждая на 2-хъ ремешкахъ, обвитыхъ спиралями; у пояса пряслице типа табл. VII, 1.

№ 24 (женское). На глубинѣ 16 вершк. истлѣвшій дѣтскій костякъ, отъ котораго сохранились нижняя челюсть и 2 ребра; въ могилѣ были мелкіе угольки. Находки: дѣтское спиральное колечко типа табл. XXIII, 10, крошечная серебряная пряжка типа XXII, 2 и крупная продолговатая черная буса, обвитая желтою спиралью.

№ 25 (женское). На той же глубинѣ остатки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю. Ю. З.; подлѣ костей мелкіе угольки. Рядомъ съ поясничными позвонками ножъ и пряслице типа табл. VII, 1; разбросаны: двѣ привѣски съ подвѣсками типа табл. XIX, 9, ожерелье изъ крупныхъ неправильныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, 12 коническихъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 2 и 11 серебр. пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 17, 2 синія гранчатыя бусы типа табл. VI. 10, двѣ витушки типа табл. IX, 13, серебр. пряжечка (табл. XVII, 12) и черепки горшка.

№ 26 (женское). На глубинѣ 16 вершк. истлѣвшій костякъ, отъ котораго осталась лишь небольшая часть костей; головою на Ю. З., руки, повидимому, протянуты къ тазу. Подъ нижнею челюстью 2 серебр. гладкія кольца съ обмотанными проволокою концами, въ діаметрѣ до 10 сант., и сложное ожерелье, состоящее изъ крупныхъ неправильныхъ красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, витушекъ типа табл. IX, 21, девяти маленькихъ плоскихъ привѣсокъ съ подвѣсками типа табл. XVIII, 8, 3-хъ коническихъ привѣсокъ съ тремя такими же подвѣсками типа табл. XIX, 4, и множество трубчатыхъ подвѣсокъ (табл. XXI, 2), по всей вѣроятности, нашитыхъ на одежду въ видѣ бахромы; каждыя 3 или 4 бусы чередовались съ подвѣсками. Бахрома изъ трубчатыхъ подвѣсокъ находилась также выше колѣнъ и у подола, и онѣ же были разбросаны по костяку въ разныхъ мѣстахъ. Близъ головы большая серебр. пластинчатая пряжка типа табл. XVII, 12 (но шире), маленькая серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2. Отъ затылка чрезъ правое плечо до локтя лежалъ вѣнчикъ или жгутъ изъ звеньевъ, состоящихъ изъ спиралекъ и обоймицъ; къ концу жгута прикрѣплены 2 кисти, составленныя изъ 4-хъ крупныхъ подвѣсокъ съ плечиками табл. XXI, 14; быть можетъ, отъ того же вѣнчика 2 мѣдныя пряжечки типа табл. XX, 16. Подъ черепомъ остатокъ косы изъ черныхъ волосъ, заплетенной въ 3 пряди, нѣсколько витушекъ, серебр. пряжечка типа табл. XVII, 12, кусочки луба и истлѣвшей толстой коры. На рукахъ по 3 браслета,—по 2 серебр. типа табл. XXIII, 5 и по одному изъ 4-хъ звеньевъ спиралекъ и обоймицъ типа табл. XXIII, 18 (но обоймицы безъ колечекъ); подъ браслетами и другими украшеніями сохранились кусочки грубой шерстяной ткани отъ рукавовъ. На поясницѣ остатки ремня съ наборомъ изъ пластинчатыхъ обоймицъ съ точечнымъ орнаментомъ типа табл. XVI, 10; на груди 2 серебр. пряжки типа табл. XVII, 12 и XXII, 2. У остатковъ пояса глиняное пряслице типа табл. VII, 1. На пальцахъ 6 серебр. спиральныхъ колецъ типа табл. XXIII, 10, въ 5 и 6 оборотовъ. Подъ грудною частью скелета оказался лошадиный зубъ.

№ 27 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. полуистлѣвшій костякъ, обращенный головою на С. С. В. Въ головахъ небольшой глиняный сосудъ, жел. наконечникъ копья до 7 вершк. типа табл. XII, 13 и жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый въ землю такъ, что рукоятка его прилегаетъ къ кисти правой руки. На тазу слѣва жел. ножъ; на поясничныхъ позвонкахъ остатки пояса съ мѣдною пряжкою типа табл. XI, 4, украшеннаго 12 мѣдн. бляшками типа табл. XXII, 5, 10 пластинчатыми крупными бляхами (табл. XXI, 15) и снабженнаго мѣднымъ наконечникомъ типа табл. XXII, 7; при поясѣ находились еще 2 желѣзныя пряжки табл. X, 10. Подъ скелетомъ остатки луба и обрывки ткани. Въ могилѣ попадались мелкіе угольки и видны были слѣды золы.

№ 28 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. слѣды истлѣвшихъ костей. Вещи: жел. удила типа табл. XII, 1, но съ костяными псаліями и желѣзными ушками вмѣсто колецъ, серебр. пряжка (табл. XVII, 1) и сереб. бляшка отъ пояса типа табл. XVI, 4, жел. пряжка типа табл. XI, 6.

№ 29 (женское). На глубинѣ 20 вершк. остатки костяка; черепа не было, кости рукъ и одинъ позвонокъ лежали на тазу, ноги вытянуты. Слѣва у таза разбитый горшокъ съ параллельными круговыми линіями въ верхней части; на костяхъ таза небольшое ожерелье изъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2. У правой ступни угли и нѣсколько косточекъ мелкихъ животныхъ.

№ 30 (женское). На глубинѣ 16 вершк. остатки дѣтскаго костяка, обращеннаго головою, повидимому, на СВ. На мѣстѣ головы ожерелье изъ крупныхъ бусъ типа табл. XXI, 11 и нѣскoль-

кихъ витушекъ; на лѣвой рукѣ серебр. браслетъ типа табл. XXIII, 5, на правой—2 проволочные браслета (табл. XVII, 4 и типа табл. VII, 4); на груди 2 серебр. пряжки типа табл. XVII, 12, два колечка типа табл. XXIII, 15 и 2 ручныя спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10. Въ могилѣ мелкіе угольки и слѣды пепла.

№ 31 (женское). На глубинѣ 18 вершк. истлѣвшій костякъ, головою на СВВ. Въ головахъ горшокъ съ пробитымъ дномъ; въ горшкѣ и кругомъ его угольки. Вещи: нѣсколько красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, пять серебр. крупныхъ перстней типа табл. XXIII, 10, четыре серебр. пряжечки типа табл. XVII, 12, серебряные щипчики (табл. XIX, 8), кварцевый камень и осколки кремня.

№ 32 (мужское). На глубинѣ 18 вершк. костякъ, склоненный на лѣвый бокъ, головою на СВ. Хорошо сохранившійся черепъ длинноголоваго типа. Близь черепа и надъ грудью мелкіе угольки. Съ правой стороны черепа длинный жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2; подлѣ лѣваго плеча серебр. пряжка типа табл. XXII, 2; у пояса съ лѣвой стороны ножъ, поясной наборъ изъ узкихъ серебр. бляшекъ типа табл. XII, 25, жел. пряжка.

№ 33 (мужское). На глубинѣ $2^{1}/_{2}$ арш. сильно истлѣвшій черепъ отъ разрушившагося скелета. Вещи: желѣзные наконечникъ копья типа табл. XII, 7, жел. пряжка типа табл. X, 9, распавшіяся удила типа табл. XII, 1, серебр. шейная гривна типа табл. X, 6, жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый въ землю, 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13 и жел. ножъ. Въ могилѣ попадались мелкіе угольки.

№ 34 (женское, сожженіе). На глубинѣ 2-хъ арш. нѣсколько мелкихъ сожженыхъ косточекъ. Съ ними мѣдный браслетъ типа табл. VII, 4 и серебр. пряжечка типа табл. XVII, 12, на которыхъ не замѣтно слѣдовъ огня.

№ 35 (мужское). На глубинѣ 2 арш. 5 вершк. почти совершенно истлѣвшій костякъ, головою, кажется, на ЮВ. Въ головахъ жел. удила типа табл. XII, 1; справа отъ черепа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13; на тазу остатки пояса: мѣдная пряжка типа табл. XI, 18, два мѣдные наконечника типа табл. XXI, 8 (но гладкіе) и 13 мѣдныхъ бляшекъ типа табл. XXII, 5. Тутъ же найдены остатки ткани, жел. ножъ съ мѣдными пластинками отъ ножонъ, большая мѣдная пряжка типа табл. XIX, 12 и желѣзная табл. XXI, 17.

№ 36 (мужское). На глубинѣ 2 арш. костякъ длиною 2 арш. $4^{1}/_{2}$ верш., обращенный головою на ССВ. На груди мѣдная пряжка типа табл. XXII, 2, на тазу ножъ, въ ногахъ небольшой горшочекъ типа табл. XII, 19 (но съ прямымъ краемъ).

№ 37 (женское, сожженіе). На глубинѣ одного арш. 10 вершк. пережженыя, измельченныя кости вмѣстѣ съ мелкими угольками и золою. Вещи: гладкая серебр. гривна типа табл. VII, 2, двѣ серебр. височныя бляшки типа табл. XX, 8, на витушкахъ, изъ которыхъ въ одной сохранился ремень, маленькая серебр. фибула (табл. XIV, 9), спиральное колечко типа табл. XXIII, 10, серебр. пряжка типа табл. XI, 13, пластинчатая подвѣска типа табл. XXIII, 17. Въ могилѣ попадалось много угольковъ. Всѣ металлическія вещи обвернуты лубомъ (?). Въ жженыхъ костяхъ попались дѣтскіе зубы.

№ 38 (женское). На глубинѣ 2 арш. истлѣвшій костякъ, отъ котораго сохранились черепъ (длинноголовый), кости таза и бедра; обращенъ головою на ЮВВ. Надъ теменемъ небольшой жел. стержень; на шеѣ витая мѣдная шейная гривна типа табл. X, 4; у праваго виска 2 четы-

рехлопастныя бляшки типа табл. XX, 10, на витушкахъ; на груди серебр. пряжка типа табл. XIX, 12, но меньшихъ размѣровъ, и синяя гранчатая буса типа табл. VI, 10, ниже глиняное пряслице типа табл. VII, 1; на тазу мѣдная фибула табл. XXII, 4. Всѣ металлическія вещи обвернуты (?) лубкомъ; въ могилѣ попадались мелкіе угольки. Найдено еще нѣсколько небольшихъ обрывковъ ткани и круглая мѣдная бляшка типа табл. XXII, 5 (но меньшихъ размѣровъ).

№ 39 (женское?). На глубинѣ 1 арш. совершенно истлѣвшій костякъ (головою на ЮЗ.), отъ котораго остались нижняя часть длинноголоваго черепа, кости таза и лѣвой руки. Поверхъ костей найдена синяя гранчатая буса типа табл. VI, 10, но крупнѣе; на правой сторонѣ шеи серебряная [1]) пряжечка типа табл. XXII, 2; на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XXIII, 5; на поясѣ жел. пряжка типа табл. X, 10 и серебряная (табл. XVII, 2), съ остаткомъ ремня, на которомъ висѣлъ ножъ. Въ могилѣ попадались мелкіе угли и кусочки кремня.

№ 40 (женское, сидячее?). На глубинѣ 12 вершк. куча костей, сверхъ которыхъ лежали части черепа; рядомъ 2 разбитые горшка, одинъ съ сѣверной, другой съ восточной стороны. Большій имѣлъ черную глянцевитую поверхность. Вещи: маленькое глиняное пряслице типа табл. VII, 1, серебр. спиральный перстень типа табл. XXIII, 10, колечко съ двумя маленькими двойными пластинчатыми привѣсками типа табл. XXIII, 14 (рис. 13 на стр. 40), ожерелье или бахрома изъ 7 трубчатыхъ и 8 пластинчатыхъ подвѣсокъ типовъ табл. XXI, 2 и XXIII, 17 и нѣсколькихъ витушекъ, жел. ножъ и 2 серебр. или мѣдныя пряжечки типа табл. XXII, 2. Вещи лежали ниже черепа. Въ могилѣ угольки и обломки кремня.

№ 41 (мужское?). На глубинѣ 1 арш. остатки скелета въ безпорядкѣ (голова на ССВ.). Вещи: мѣдная пряжка типа табл. XXII, 2, желѣзная пряжка и желѣзный ножъ.

№ 42 (двойное). На глубинѣ 16 вершк. остатки двухъ костяковъ. Вещи: 3 жел. ножа, 4 мѣдные браслета типа табл. XXIII, 5, мѣдная и серебряная пряжки типа табл. XXII, 2, три красныя бусы типа табл. VI, 2 и двѣ витушки типа табл. IX, 21, десять коническихъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 2, двѣ серебр. бляшки (табл. XVI, 5), 2 маленькія серебр. бляшки (табл. XVI, 14 и 15) и серебр. наконечникъ пояса типа табл. XX, 14, также кусочекъ желѣза съ прилипшимъ къ нему кремнемъ.

№ 43 (женское, сидячее?). На глубинѣ 12 вершк. остатки костяка въ сидячемъ положеніи, спиною на С., ногами на ЮЗ.; черепъ лежалъ на тазовыхъ костяхъ. Вещи: серебряная бляха типа табл. XVI, 12, съ пластинчатыми подвѣсками типа табл. XXIII, 17 на концахъ, мѣдная или серебряная пряжечка типа табл. XXII, 2, нѣсколько коническихъ и пластинчатыхъ подвѣсокъ, мѣдное спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10 и двѣ желѣзныя пряжки.

№ 44 (женское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. истлѣвшій костякъ головою на ЮЗ., конечности вытянуты. На шеѣ двѣ серебряныя гривны (одна пластинчатая, табл. XVIII, 1, другая типа табл. XVII, 11); около верхней части черепа 3 маленькія серебряныя пряжечки типа табл. XXII, 2; подъ головою остатки ткани и луба; на шеѣ богатое ожерелье изъ 14 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, четырехъ крупныхъ подвѣсокъ съ плечиками типа табл. XXI, 14, значительнаго количества витушекъ типа табл. IX, 21, девяти привѣсокъ-трубочекъ съ подвѣсками табл. XXI, 9;

---

[1]) Серебряными мы называемъ и вещи собственно мѣдныя, но съ значительною примѣсью серебра.

по бокамъ черепа крупныя серебряныя (?) гладкія кольца типа табл. VII, 4 и подвѣски типа табл. XIX, 9; по всему костяку найдено много пластинчатыхъ и коническихъ подвѣсокъ табл. XIX, 4 и 5 и типа табл. XXIII, 17, пришитыхъ къ одеждѣ. Еще найдены: 5 маленькихъ серебр. пряжекъ типа табл. XVII, 12, мѣдныя обоймицы разной величины и 2 серебр. пряжечки типа табл. XX, 16. На правой рукѣ 2 серебр. браслета типа табл. XXIII, 5; на пальцахъ 3 серебр. спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10. Въ могилѣ попадались угольки и осколки кремней.

№ 45 (сожженіе). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. мелкія пережженыя кости. Вещи: желѣзныя пряжка типа табл. X, 9, обломокъ ножа и еще неопредѣленный обломокъ.

№ 46 (женское, дѣтское). На глубинѣ 13 вершк. небольшія части рукъ, реберъ и нижней челюсти. Вещи: мѣдная или серебряная гривна типа табл. XVII, 11, двѣ серебряныя пряжечки типа табл. XVII, 12, съ зубчиками по краю, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5, три спиральные перстня типа табл. XXIII, 10, ожерелье изъ 13 пластинчатыхъ подвѣсокъ и 9 обоймицъ и пряжечки, типа табл. XXIII, 14, другое ожерелье изъ 8 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, трехъ бляшекъ съ подвѣсками табл. XVIII, 8, небольшой мѣдной лунницы типа табл. XV, 2, нѣсколькихъ витушекъ и пряжечки, остатки черныхъ волосъ и ткани.

№ 47 (дѣтское). На глубинѣ 13 вершк. совершенно истлѣвшій костякъ; сохранились только коронки дѣтскихъ зубовъ. Вещи: 2 серебр. пряжки типовъ табл. XII, 21 и XI, 13 и желѣзная неопредѣленнаго типа.

№ 48 (сожженіе?). На глубинѣ 8 вершк. сожженныя мелкія кости человѣка (и животныхъ?), лежавшія кучкой до 10 вершк. въ діаметрѣ. При нихъ большой кусокъ нижней челюсти крупной свиньи, значительное количество сплавленнаго желѣза, большой черепокъ отъ горшка, грубой выдѣлки. Къ сѣверу, почти рядомъ съ костями, пластъ прожженой глины около $2^{1}/_{2}$ арш. въ діам.

№ 49 (женское). На глубинѣ 12 вершк. ручная кость и три позвонка отъ скелета. Вещи: ожерелье изъ крупныхъ и мелкихъ красныхъ бусъ типовъ табл. XXI, 11 и VI, 2, витушекъ типа табл. IX, 21, пяти подвѣсокъ типа табл. XXI, 2 и двухъ пластинчатыхъ типа табл. XXIII, 17 и серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2.

№ 50 (сидячее?). На глубинѣ 11 вершк., на кучкѣ костей, черепъ. Вещи: нѣсколько коническихъ подвѣсокъ типа табл. XXI, 2 и мѣдная обоймица, орнаментированная съ боковъ мелкою насѣчкою. Въ могилѣ угольки.

№ 51 (два погребенія, изъ нихъ одно мужское). Близь № 49, на той же глубинѣ 12 вершк. разстроенное погребеніе съ безпорядочно разбросанными мѣдными вещами: 6 обоймицъ съ колечками (табл. XXII, 14) двухъ величинъ, 2 спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, нѣсколько витушекъ типа табл. IX, 21, нѣсколько пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 17 и желѣзный стержень. Нѣсколько ниже остатки костяка, лежавшаго головою на СВ. (части черепа, кости таза, бедреная и берцовыя). На тазу крупные черепки горшка; на груди серебряная пряжка типа табл. XXII, 2; у лѣвой ноги остріемъ внизъ желѣзный наконечникъ копья типа табл. XX, 4 и другой типа табл. XII, 7; у правой ноги жел. кельтъ типа табл. XII, 4; подъ костями таза обломки серебр. наконечника пояса типа табл. XX, 14; при костякѣ еще найдена желѣзная пряжка типа табл. X, 9.

№ 52 (мужское). На глубинѣ 18 вершк. на правомъ боку костякъ, головою на С., конечности протянуты. Съ правой стороны головы жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2 и другой

типа табл. XII, 7; слѣва отъ головы жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю; на срединѣ груди крупная жел. пряжка типа табл. XI, 19; у пояса, съ лѣвой стороны, жел. ножъ; въ ногахъ цѣльный горшокъ обыкновеннаго погребальнаго типа. Длина костяка 2 арш. $4^{3}/_{4}$ вершка. Въ могилѣ угольки.

№ 53 (женское, сидячее?). На глубинѣ 10 вершк. кучею кости, поверхъ которыхъ черепъ. Вещи: обломокъ мѣдной шейной гривны, жел. пряжечки типа табл. X, 9 и жел. ножъ, нѣсколько черепковъ отъ разбитыхъ горшковъ. Въ могилѣ были мелкіе угли.

№ 54 (мужское?). На глубинѣ 21 вершк. истлѣвшій костякъ, отъ котораго сохранились остатки костей таза, бедреныхъ и ручныхъ. Въ верхней части груди большая серебряная бляха типа табл. XVI, 8 (подъ нею и на ней остатки луба, которымъ она, повидимому, была обвернута); ниже мѣдная пряжечка типа табл. XXII, 2 и два мѣдные браслета типа табл. XXIII, 4 (но болѣе схематичные); большая мѣдная пряжка (табл. XIX, 12); на костяхъ таза рукоятка меча (табл. XX, 11), который лежалъ на лѣвой сторонѣ въ наклонномъ положеніи, концомъ внутрь ногъ; ниже мѣдное поясное кольцо обыкновеннаго типа (табл. VIII, 1); рядомъ съ рукояткою меча мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 7; повыше меча, у лѣваго бока, жел. ножъ; у праваго колѣна воткнутъ въ землю лезвіемъ жел. кельтъ типа табл. XII, 4; въ ногахъ горшокъ обыкновеннаго погребальнаго типа. Въ могилѣ угольки и осколокъ камня.

№ 55 (женское). На глубинѣ 19 вершк. истлѣвшія кости дѣтскаго скелета. Вещи: мѣдная лунница типа табл. XV, 2, мѣдная пряжечка типа табл. XI, 13 (но гладкая), мѣдный дѣтскій браслетъ типа табл. XXIII, 5 и двѣ витушки типа табл. IX, 21.

№ 56 (сожженіе?). На глубинѣ 19 вершк. серебр. пряжечка типа табл. XI, 13 и кусокъ желѣза.

№ 57 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. вещи: мѣдное колечко въ 1 оборотъ, пластинчатая подвѣска типа табл. XXIII, 17, жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7, жел. ножъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4, лежавшій плашмя.

№ 58 (женское и дѣтское). На глубинѣ 1 арш. 6 вершк. слѣды совершенно истлѣвшаго костяка (пятно на свѣтло-оранжевомъ фонѣ) и вещи: дѣтская серебр. шейная гривна типа табл. X, 3, три серебр. пряжечки съ обоймицами типа табл. XX, 16, витушки типа табл. IX, 21, маленькое серебр. колечко типа табл. XIII, 7, жел. ножъ. Кругомъ мелкіе угольки.

На 4 вершка ниже, также на совершенно истлѣвшемъ костякѣ, вещи: серебр. шейная гривна типа табл. XVII, 11, двѣ серебр. пятилопастныя височныя подвѣски (табл. XX, 8), ожерелье изъ серебряныхъ витушекъ и обоймицъ типа табл. XXIII, 18, четыре серебр. коническія привѣски съ подвѣсками (табл. XXI, 13), 2 серебр. браслета типа табл. XVIII, 2, концы круглые, у одного съ насѣчкой, серебр. проволочное кольцо типа табл. XXIII, 15, мѣдная пряжка типа табл. XVII, 12. Вещи обвернуты лубомъ и берестою; онѣ лежали на кожѣ, ткани и берестѣ, отчасти прошитой.

№ 59 (женское). На глубинѣ 8 вершк. слѣды истлѣвшаго костяка, головою на ССВ. Вещи: 1 серебр., 2 мѣдныхъ браслета типа табл. XXIII, 5 и двѣ привѣски.

№ 60 (мужское?). Рядомъ съ предыдущимъ, въ разстояніи отъ него на 10 вершк., слѣды истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на ССВ. У бока съ правой стороны ножъ, на верхней части груди серебр. гривна (табл. X, 3), на груди маленькая жел. пряжечка типа табл. X, 9, по-

выше серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2, у поясничныхъ позвонковъ жел. пряжка типа табл. X, 9, на правой рукѣ серебр. браслетъ типа табл. XXIII, 7 (но концы не расширены); у правой ступни жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2 и другой типа табл. XII, 7, съ правой стороны головы желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4; въ ногахъ горшокъ обыкновеннаго погребальнаго типа.

№ 61 (женское). На глубинѣ 10 вершк. истлѣвшій костякъ. Вещи: серебр. шейная гривна типа табл. XVII, 11, серебр. нагрудная бляха типа табл. XVI, 8, съ остатками ткани, одна крупная красная буса типа табл. VI, 24 и связка мелкихъ типа табл. VI, 2, рядъ спиралекъ съ обоймицами типа табл. XXIII, 18, пряслице типа табл. X, 1, двѣ серебр. пряжки типа табл. XVII, 12, двѣ серебр. пятилопастныя подвѣски типа табл. XX, 8, серебр. привѣска въ видѣ калачика, 2 серебр. браслета типа табл. XVIII, 2, три серебр. спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, желѣзн. ножъ. Вещи лежали на лубѣ.

№ 62 (мужское). На глубинѣ 14 вершк. слѣды истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою, повидимому, на СВ. Вещи: жел. удила типа табл. XII, 1, жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2 и другой типа табл. XII, 7, жел. пряжка типа табл. X, 10 и жел. кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 63 (мужское). На глубинѣ 16 вершк. истлѣвшій костякъ, отъ котораго сохранились только небольшія части костей; голова обращена на СВ. На рукахъ по 2 серебр. или мѣдн. браслета типа табл. XXIII, 5 и на лѣвой рукѣ 2 (?) спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10; отъ кисти лѣвой руки до плеча, рукоятью внизъ, мечъ типа табл. XX, 11, обложенный серебряными пластинами (табл. XVI, 2 и рис. 9 на стр. 32), длиною 14 вершк.; близъ рукоятки серебр. пряжка типа табл. XXII, 1 съ иглою, конецъ которой снабженъ ушками; на поясницѣ кожаный поясъ съ наборомъ изъ узкихъ серебряныхъ бляшекъ (табл. XVI, 10); серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2 и желѣзный ножъ.

№ 64 (женское). На глубинѣ 14 вершк. остатки истлѣвшаго костяка (небольшія части костей таза и бедра). Вещи: жел. ножъ, связка крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, два серебр. (?) кольца (одно типа табл. XXIII, 15 и другое такое же бо́льшихъ размѣровъ), 2 витушки типа табл. IX, 21 и мѣдная подвѣска отъ какой-то привѣски. Одно изъ колецъ, быть можетъ, дѣтскій браслетъ.

№ 65 (мужское). На глубинѣ 10 вершк. остатки костяка (нижняя челюсть, часть черепа, части таза и бедреной кости), головою на СВ. Съ лѣвой стороны головы, остріемъ вверхъ, жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2 и другой типа табл. XII, 7; на шеѣ витушка и подвѣска, попавшія случайно; на лѣвой рукѣ пластинчатый серебр. перстень, на правой спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10; въ ногахъ жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю, и черепки горшка. Тутъ же найдены 3 жел. пряжки типа табл. X, 9, разныхъ величинъ.

№ 66 (женское, дѣтское). На глубинѣ $^3/_4$ арш. остатки костяка, лежавшаго головою на СВ. На шеѣ жел. гривна типа табл. XVIII, 1, небольшая связка зеленыхъ и синихъ бусъ типа табл. VI, 3, одна мѣдная буса, ожерелье изъ пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14, двѣ пластинчатыя подвѣски на колечкахъ типа табл. XIV, 10, но безъ средней части (височныя?); 2 серебр. браслета типа табл. XXIII, 5, маленькое спиральное колечко типа табл. XXIII, 10; серебр. пряжка типа табл. XI, 9 и другая серебр. типа табл. XVII, 12; серебр. круглая нагрудная бляха (табл. XIV, 7).

№ 67. На глубинѣ 21 вершка остатки костяка, обращеннаго головою на СВ., безъ вещей.

№ 68 (мужское). На глубинѣ 21 вершка остатки вполнѣ разрушившагося костяка, обращеннаго головою на ССВ. Подлѣ черепа жел. наконечникъ стрѣлы (табл. XX, 1); на рукахъ по спиральному колечку типа табл. XXIII, 10, по три оборота, на правой рукѣ серебр. браслетъ типа табл. XXIII, 7, орнаментированный на концахъ, и на груди серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2.

№ 69 (мужское ?). На глубинѣ 25 вершк. истлѣвшій костякъ, головою на СВ. Съ правой стороны черепа жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13 и другой типа табл. XII, 7, съ лѣвой стороны серебр. колечко неправильной формы; на шеѣ большая мѣдная пряжка типа табл. XIX, 12, на нижней части груди большая бляха типа табл. XVI, 8, съ остатками луба сверху и ткани снизу; подъ нею крупный жел. ножъ, рядомъ съ нимъ жел. пряжка типа табл. X, 10; съ правой стороны подлѣ груди жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и удила типа табл. XII, 1; на правой рукѣ мѣдный или серебряный браслетъ типа табл. XIII, 5, но съ орнаментомъ на концахъ; близъ колѣна правой ноги серебряный и мѣдный браслеты (табл. XVIII, 3 и XXIII, 7) и 2 серебр. спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, въ 6 оборотовъ каждое; въ ногахъ горшокъ (табл. XX, 7), рядомъ съ нимъ камень около 3 вершк. въ діаметрѣ.

№ 70 (женское, дѣтское). На глубинѣ 10 вершк. слѣды истлѣвшаго костяка. Вещи: маленькая серебр. пряжечка типа табл. XVII, 12, мѣдная подвѣска какъ на привѣскѣ табл. XVII, 7, синяя гранчатая буса типа табл. VI, 10, но нѣсколько иной формы, и 5 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, двѣ привѣски типа табл. XXI, 5, пластинчатая подвѣска на колечкѣ, 2 длинныя витушки типа табл. IX, 21. Въ $1^{1}/_{2}$ арш. отъ вещей находился горшокъ, опрокинутый вверхъ дномъ.

№ 71 (мужское). На глубинѣ 18 вершк. истлѣвшій костякъ, обращенный головою на СВ. Подъ головою остатки луба. На шеѣ массивная серебр. гривна типа табл. X, 3; на груди серебр. пряжка; на лѣвомъ плечѣ наклонно мечъ (типа табл. XX, 11), рукояткою вверхъ, въ ножнахъ, которыя оканчивались мѣднымъ наконечникомъ; подъ мечомъ маленькая серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2; ниже рукоятки меча серебр. пряжка; подъ мечомъ у лѣвой стороны груди жел. ножъ; у правой стороны груди жел. кельтъ типа табл. XII, 4; остатки пояса, украшеннаго серебр. наборомъ типа табл. XII, 22, и серебр. пряжка отъ пояса (табл. XXII, 1); у ступни лѣвой ноги жел. наконечники копій типа табл. XII, 13 и табл. XII, 7; въ ногахъ горшокъ обыкновеннаго погребальнаго типа, безъ орнамента.

№ 72 (женское, дѣтское). На глубинѣ 16 вершк., истлѣвшій костякъ (сохранилась часть реберъ и нѣсколько зубовъ), головою на З. Вещи: маленькая серебр. шейная гривна типа табл. X, 3, серебр. нагрудная бляшка (табл. X, 8), 2 мѣдные браслета типа табл. XXIII, 5, два спиральныя колечка типа табл. XXIII, 10 и 4 мѣдныя подвѣски какъ-бы отъ привѣски типа табл. XVIII, 8.

№ 73 (мужское). На глубинѣ $2^{1}/_{4}$ арш. остатки истлѣвшаго костяка (незначительныя части черепа и часть челюсти съ зубами), лежавшаго головою на СВ. Близъ черепа обломки мѣдной тонкой гривны, отчасти витой, типа приблизительно табл. VII, 12, двѣ жел. пряжки типа табл. X, 9 и XI, 6, двѣ мѣдныя пряжки типа табл. XVII, 12, нѣсколько мѣдныхъ витушекъ типа табл. XI, 13, серебряная прорѣзная пряжка типа табл. XV, 10, также съ желѣзною иглой; въ ногахъ удила типа табл. XII, 1. Въ могилѣ оказалось много угольковъ.

№ 74 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. остатки истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на СЗ. Въ головахъ горшокъ обыкновеннаго погребальнаго типа, по всей могилѣ разсыпано много углей. На костяхъ таза наискось крупный жел. ножъ и жел. пряжка (табл. X, 9); на лѣвой сторонѣ костей таза желѣзный крючекъ.

№ 75 (женское). На глубинѣ 8 вершк. истлѣвшій костякъ (сохранились кости черепа, тазъ, части бедреныхъ костей, обѣихъ рукъ), головою на СЗ.; обѣ руки нѣсколько согнуты и лежали на верхней части живота. На шеѣ нитка изъ мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5 и 8, пронизки изъ мелкихъ синихъ бусъ, нѣсколькихъ мѣдныхъ витушекъ и изъ крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11; у висковъ по мѣдной подвѣскѣ типа табл. XIX, 9, на лѣвой рукѣ мѣдный или серебряный браслетъ типа табл. XXIII, 8 и тутъ же гладкое кольцо средняго размѣра типа табл. XXIII, 15. Въ могилѣ были угольки.

№ 76 (сожженіе). Надъ могилою много угольковъ, которые начали обнаруживаться на глубинѣ 17 вершк., въ видѣ узкой черной полосы; по очисткѣ земли по линіи углей обнаружено обгорѣвшее дерево, длиною свыше 1 арш. 14 вершк., въ діаметрѣ отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ верш. Непосредственно подъ остатками сгорѣвшаго дерева лежали остатки жженыхъ костей, между которыми сохранилось нѣсколько позвонковъ. Вмѣстѣ съ костями оказалась пластинчатая подвѣска. У конца головни лежалъ горшокъ; другой находился выше его вершковъ на 6. Непонятное погребеніе, если только это погребеніе.

№ 77 (женское). На глубинѣ 21 вершка остатки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою, повидимому, на СВВ. (зубы, ключица, часть лопатки). Вещи: жел. пряжка (табл. X, 9), мѣдный ажурный перстень (табл. XIX, 1), серебр. пряжка типа табл. XVII, 12 и красная бусинка. Выше на 9 вершк. плетеная ажурная мѣдная пряжка (табл. XVI, 1).

№ 78 (женское, сожженіе). На глубинѣ 16 вершк. сожженныя косточки. Сверху на нихъ вещи: серебр. (?) ажурная пряжка съ подвѣсками типа табл. XV, 7; подъ нею сплавившіяся красныя бусы и 2 мѣдные попорченные огнемъ пластинчатые браслета типа табл. XXIII, 6, съ орнаментомъ; немного ниже такой же третій браслетъ, большая серебр. пряжка типа табл. XVII, 12 и серебр. гривна типа табл. XVII, 8.

№ 79. На глубинѣ 19 вершк. порядочно сохранившійся костякъ, обращенный головою на СЗ. Вещей не оказалось, но уцѣлѣли куски луба какъ подъ костякомъ, такъ и надъ нимъ. Трупъ обернутъ былъ лубомъ. Длина костяка 2 арш. 5 вершковъ.

№ 80 (мужское, сожженіе). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. небольшое количество сожженныхъ костей. Вещи: жел. кельтъ типа табл. XII, 4 (воткнутый въ землю), жел. ножъ, жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7, тоже типа табл. XII, 13, два спиральныя колечка типа табл. XXIII, 10, мѣдная пряжка типа табл. XXII, 2, обломокъ мѣдной пряжки типа табл. XI, 13, мѣдный пластинчатый браслетъ типа табл. XXIII, 6, украшенный выпуклымъ орнаментомъ, обломокъ бляшки и пластинка, свернутая въ трубочку.

№ 81. На глубинѣ 1 арш. костякъ, сильно поврежденный тлѣніемъ; обращенъ головою на СЗ.

№ 82 (женское). На глубинѣ 1 арш. совершенно истлѣвшій костякъ, обращенный головою на СВВ. (сохранились небольшія части ручныхъ костей и праваго бедра). На шеѣ 2 височныя подвѣски типа табл. XIX, 9, мѣдный или серебряный браслетъ типа табл. XXIII, 5, шесть коническихъ под-

вѣсокъ типа табл. XXI, 2, двѣ маленькія красныя бусы типа табл. VI, 2 и витушка типа табл. IX, 21. Подъ серьгами сохранились остатки толстаго луба.

№ 83 (русское). На глубинѣ 14 вершк. истлѣвшій костякъ, головою на ЮЗ. (сохранились небольшія части черепа, ручныхъ костей, таза, бедреныхъ костей). На головѣ серебр. трехъ-шипныя серьги (табл. XXI, 6) и 10 серебр. колечекъ (табл. XXI, 4 и XXIII, 15), по 5 на каждой сторонѣ черепа; на шеѣ 5 продолговатыхъ гранчатыхъ сердоликовыхъ бусъ, осколки другихъ бусъ; на правой рукѣ мѣдный витой браслетъ съ петлями на концахъ и витое колечко того же типа. Подъ костякомъ вездѣ попадались остатки луба (?), имъ же покрытъ былъ браслетъ.

№ 84 (мужское). На глубинѣ 12 вершк. весьма истлѣвшій костякъ, обращенный головою на СВ. и лежавшій, быть можетъ, на лѣвомъ боку (остались части черепа, таза и ножныхъ костей). Съ правой стороны черепа воткнутъ (?), остріемъ вверхъ, желѣзный наконечникъ копья типа табл. XII, 7; въ ногахъ жел. удила и немного ниже ихъ желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 85 (женское). На глубинѣ 4 вершк. остатки костяка, лежавшаго головою на СВ. На шеѣ ожерелье изъ значительнаго количества мелкихъ золоченыхъ, мелкихъ и средней величины красныхъ, 4-хъ крупныхъ красныхъ бусъ, типа табл. VI, 5, 7, 2 и 24, и изъ витушекъ типа табл. IX, 13; на груди 2 плетеныя височныя подвѣски (табл. XXI, 3), 4 прорѣзныя подвѣски типа табл. IX, 22, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, остатки шерстяной узорчатой ткани (рис. 14 на стр. 41), обломокъ пряслица типа табл. X, 1, мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 4, съ орнаментомъ, но круглый. Въ могилѣ мелкіе угольки.

№ 86 (сожженіе). На глубинѣ 13 вершк. остатки жженыхъ костей. При нихъ вещи, не подвергавшіяся дѣйствію огня: 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, жел. пряжка и жел. ножъ.

№ 87 (женское). На глубинѣ 1 арш. истлѣвшій костякъ, головою на СВВ. Вещи: большая серебряная шейная гривна типа табл. XVII, 11, на груди большая серебр. или мѣдная бляха типа табл. XVI, 8, двѣ пятилопастныя височныя подвѣски (табл. XX, 8, одна съ ушкомъ), обѣ на длинныхъ витушкахъ типа табл. IX, 21, серебр. или мѣдная лунница типа табл. XV, 2; на правой рукѣ серебр. браслетъ съ головками животныхъ на концахъ (табл. XXIII, 4), на лѣвой браслетъ типа табл. XVIII, 2; у пояса глиняное пряслице типа табл. VII, 1 и тутъ же на лѣвой сторонѣ жел. ножъ; на рукахъ по мѣдному спиральному кольцу типа табл. XXIII, 10; еще найдены 3 мѣдныя или серебр. пряжки типа табл. XI, 13.

№ 88 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. остатки истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою, какъ кажется, на ЮВВ. На тазу мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, въ ногахъ горшокъ, на 2 вершка ниже сосуда сѣрый песчаниковый камень вершка $1^1/_2$ въ діаметрѣ.

№ 89 (мужское). На розсыпи, вершк. на 6 глубины, истлѣвшій костякъ (сохранилась только часть черепа), лежавшій головою, повидимому, на ЮВВ. У пояса очень узкая желѣзная пряжка типа табл. X, 10; рядомъ съ головою жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13 и другой типа табл. XII, 7; у ногъ жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и горшокъ. Въ могилѣ попадались мелкіе угольки.

№ 90 (мужское). На глубинѣ $1^3/_4$ арш. совершенно истлѣвшій костякъ, обращенный головою на ЮВВ. Въ головахъ жел. удила типа табл. XII, 1; на груди серебр. пряжка типа табл. XI, 13; на правомъ плечѣ лежалъ, рукояткою вверхъ, длинный мечъ типа табл. XII, 2; на тазу мѣдныя пластины отъ пояса или оковки ноженъ и серебр. пряжка типа табл. XI, 2; ниже руко-

ятки меча большая серебр. плетеная пряжка (табл. XV, 4); на костяхъ таза жел. обломки ножа. На поясѣ остатки ткани и луба.

№ 91 (мужское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. истлѣвшій костякъ. Въ головахъ удила типа табл. XII, 1, два жел. наконечника копій типовъ табл. XII, 7 и 13, остріемъ вверхъ; на шеѣ мѣдная гривна (табл. X, 7), подъ которой мѣдная фибула (табл. XX, 9); на правой рукѣ обломокъ мѣднаго пластинчатаго браслета типа табл. XXIII, 1, ременный поясъ, украшенный нѣсколькими круглыми бляшками типа табл. XXII, 5 и пятью пластинчатыми (табл. XXI, 15) и снабженный мѣдной пряжкой типа табл. XI, 18 и такимъ же наконечникомъ; справа у головы желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю; въ ногахъ небольшой горшокъ ручной выдѣлки.

№ 92 (женское, дѣтское). На глубинѣ 21 вершка небольшія части костяка и нѣсколько зубовъ отъ дѣтскаго скелета, лежавшаго головою на СВВ. Вещи: серебр. шейная гривна типа табл. X, 4, но не витая, два небольшіе серебр. браслета типа табл. XXIII, 8, серебр. пряжечка типа табл. XXII, 2, серебр. пряжка того же типа, 2 мѣдныя спиральныя колечка типа табл. XXIII, 10, двѣ серебр. пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17, на колечкахъ, и 6 маленькихъ колечекъ. Въ могилѣ попадались мелкіе угли.

№ 93 (женское, дѣтское). На глубинѣ 21 вершка остатки совершенно истлѣвшаго дѣтскаго скелета. Вещи: мѣдная гривна типа табл. VII, 12, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, безъ орнамента, мѣдная пластинчатая подвѣска типа табл. XXIII, 17, съ колечкомъ.

№ 97 (мужское). На глубинѣ $^3/_4$ арш. истлѣвшій костякъ, головою на ЮВ. На верхней части груди мѣдная пряжечка типа табл. XI, 13; у лѣваго бока на ручной кости серебр. фибула типа табл. XIV, 6; немного ниже ея мѣдная пряжка типа табл. XXII, 6; въ ногахъ, съ лѣвой стороны, жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13 и тутъ же жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и жел. удила типа табл. XII, 1; правѣе копья горшокъ обыкновеннаго типа; на лѣвой рукѣ мѣдный или серебр. браслетъ типа табл. XVIII, 2. Повидимому, отсюда имѣется еще ножъ.

№ 94 (мужское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки скелета (2 зуба и часть тазовой кости). Вещи: серебр. пряжка отъ пояса (табл. XX, 13), 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13 и XXII, 2, жел. ножъ, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5 и жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 13.

№ 95 (женское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. кучка жженыхъ костей, сверху которыхъ, на истлѣвшемъ лубѣ, лежали: мѣдная гривна типа табл. XVII, 11, два мѣдные пластинчатые браслета (табл. XXIII, 6), мѣдная плетеная пряжка типа табл. XV, 4, двѣ мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, ожерелье изъ 5 красныхъ крупныхъ бусъ типа табл. VI, 24, красныхъ бусъ типа табл. VI, 2, золоченыхъ типа табл. VI, 5 и 7, мелкихъ витушекъ типа табл. IX, 21 и двухъ витушекъ обычнаго размѣра, 2 лунницы типа табл. XV, 2 и два спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10.

№ 96 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. истлѣвшій костякъ, обращенный головою на ЮВВ. Надъ головою съ лѣвой стороны жел. кельтъ типа табл. XII, 4, съ правой — жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7; на груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; у пояса съ лѣвой стороны жел. ножъ и здѣсь же остатки ремня съ мѣдными бляшками и жел. пряжка съ мѣдной обоймицей, съ правой—жел. удила типа табл. XII, 1; въ ногахъ горшокъ. Въ могилѣ остатки мелкихъ углей.

№ 98 (мужское). На глубинѣ 1 арш. 2 вершковъ истлѣвшій костякъ. На лѣвомъ боку мѣдная фибула типа приблизительно табл. XXII, 4 съ желѣзною иглою; у пояса мѣдная пряжка типа табл.

XXII, 3, но съ болѣе короткой обоймицей; съ лѣвой стороны головы 3 желѣзныхъ наконечника копій, изъ которыхъ 2 типа табл. XII, 7; близъ пояса жел. четыреугольная пряжка; въ ногахъ горшокъ, а ниже его жел. кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 99 (мужское). На глубинѣ 14 вершк. ничтожные остатки костяка, лежавшаго головою на СЗЗ. На мѣстѣ головы мѣдная или серебр. пряжка типа табл. XI, 13; значительно ниже мѣдное колечко неправильной формы и массивный серебр. браслетъ (табл. XVIII, 4); слѣва жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и почти рядомъ жел. ножъ съ деревянною рукоятью; въ ногахъ горшокъ.

№ 100 (мужское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. слѣды совершенно изотлѣвшаго костяка. Вещи: жел. наконечникъ копья и горшокъ.

№ 101 (мужское и женское). a) На глубинѣ 20 вершк. серебр. гривна типа табл. XVII, 11 и перпендикулярно къ ней, ребромъ, большая серебр. бляха типа табл. XVI, 8, серебр. пряжечка типа табл. XI, 13, но верхняя часть раздѣлана на 2 грани, 8 мѣдныхъ витушекъ типа табл. IX, 21, четыре пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17, на маленькихъ колечкахъ, жел. удила типа табл. XII, 1, жел. ножъ и нѣсколько ниже жел. кельтъ; b) на $1^1/_2$ вершка ниже остатки мужского костяка, обращеннаго головою, повидимому, на СВВ. На тазу, наискось, лежалъ мечъ типа табл. XX, 11, имѣющій 10 вершк. длины, и мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 4.

№ 102 (женское). На глубинѣ 20 вершк. совершенно истлѣвшій костякъ, обращенный головою, повидимому, на СВВ. (остались коронки двухъ зубовъ, 2 ключицы, 3 позвонка и небольшія части черепа, лежавшія подъ горшкомъ). Вещи: мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 8, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, двѣ мѣдныя височныя подвѣски (табл. XX, 10 и другая трехлопастная), два мѣдныхъ колечка типа табл. XXIII, 15, ожерелье изъ 3 крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 24, мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 5, но большею частью цилиндрическихъ, нѣсколькихъ синихъ бусъ типа табл. VI, 5 и восьми витушекъ типа табл. IX, 13, горшокъ.

№ 103 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. совершенно истлѣвшій костякъ. Вещи: жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и жел. пряжка приблизительно типа табл. X, 9.

№ 104 (мужское?). На той же глубинѣ совершенно истлѣвшій костякъ. Вещи: литой браслетъ съ утолщенными концами, мѣдная пряжка. Мелкіе угольки.

№ 105 (женское, дѣтское?). На глубинѣ 20 вершк. слѣды истлѣвшаго костяка. Вещи: мѣдная гривна типа табл. X, 6 и мѣдн. нагрудная бляха типа табл. XVI, 13, ткань и лубъ.

№ 106 (женское, сожженіе?). На глубинѣ 20 вершк. скученно лежали вещи: 14 красныхъ бусъ средней величины типа табл. VI, 2 и большая связка красныхъ мелкихъ цилиндрическихъ бусъ типа табл. VI, 3, восемь серебряныхъ спиральныхъ колецъ типа табл. XXIII, 10, вѣнчикъ или лента изъ 4-хъ рядовъ спиралей типа табл. IX, 21, съ пластинчатой бляшкой или обоймицей, 4 мѣдныя крупныя подвѣски (табл. XXI, 1), двѣ пары плоскихъ зубчатыхъ колецъ, соединенныхъ обоймицами, серебр. выпуклая бляшка типа табл. XIX, 10, обрывокъ ремня съ 2 маленькими серебр. пряжечками и пластинкой, снабженной тремя подвѣсками (табл. XX, 16), серебр. браслетъ (табл. XVIII, 4), наконечникъ жел. копья типа табл. XII, 7 и небольшой кусочекъ шлака. По близости вещей находились угли и черепки отъ горшка. На вещахъ не примѣтно дѣйствія огня. Вмѣстѣ съ вещами оказалась неопредѣленная косточка.

№ 107 (мужское). a) На глубинѣ $1^1/4$ арш. оказалось значительное количество женскихъ украшеній: ожерелье изъ двухъ большихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 24, многихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2 и 3 и мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 7 и много мѣдныхъ витушекъ типа табл. IX, 13 и обломки обоймицъ, глиняное пряслице типа табл. VII, 1, жел. ножъ, двѣ шейныя гривны (типа табл. VII, 13 и X, 7), мѣдная плетеная пряжка типа табл. XV, 4, другая плетеная пряжка съ подвѣсками табл. XV, 7, два мѣдные браслета (табл. XXII, 10 и другой типа табл. XXIII, 9) и 2 мѣдныя височныя подвѣски типа табл. IX, 8. b) На 1 арш. отъ перечисленныхъ вещей, на той же глубинѣ, лежали: 2 жел. наконечника копій типовъ табл. XX, 2 и табл. XII, 7, жел. кельтъ типа табл. XII, 4, жел. удила типа табл. XII, 1, жел. пряжка, остатки шерстяной ткани, мѣдная или серебр. фибула (табл. XIV, 6), серебр. нагрудная бляха типа табл. XVI, 13, двѣ мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, остатки ременнаго пояса съ пряжкою типа табл. XI, 12, но покрытой выпуклымъ орнаментомъ (рис. 8 на стр. 30), съ наконечникомъ того же орнамента и бляшками (табл. XI, 1). Часть пояса спускалась къ низу; около пояса найдены остатки ткани и тонкой кожи, украшенной бляшками типа табл. XXII, 5, насаженными въ нѣсколько рядовъ. Костякъ лежалъ головою на В.; отъ него сохранились остатки реберъ, бедреной кости и часть костей таза. Пряжки найдены близъ бедреной кости. Въ ногахъ находился горшокъ.

№ 108 (женское, дѣтское). На глубинѣ 1 арш. остатки реберъ и позвонковъ отъ маленькаго костяка, лежавшаго головою, повидимому, на В.; мѣдная нагрудная бляха типа табл. XVI, 13.

№ 109 (женское, дѣтское). На глубинѣ 1 арш. 2 вершк. остатки костяка, лежавшаго головою на В. Вещи: ожерелье изъ 5 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, одной продолговатой черной съ бѣлыми полосками и двухъ черныхъ съ красными крапинами, небольшой мѣдный витой браслетикъ, 2 маленькія мѣдныя спиральныя колечка типа табл. XXIII, 10, жел. пряжка, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, мѣдная привѣска въ видѣ петли типа табл. XVII, 7 (быть можетъ, съ лапчатыми подвѣсками), два маленькія колечка въ видѣ калачика, серебряные или мѣдные. Въ могилѣ были угольки.

№ 110 (женское, дѣтское). На глубинѣ 26 вершк. остатки дѣтскаго костяка, положеннаго головою на В.; снизу слѣды луба, а сверху—ткани. Вещи: жел. удила типа табл. XII, 1, изящная бляшка (табл. XV, 9), мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, на ткани, мѣдный проволочный браслетикъ типа табл. VII, 4, нѣсколько красныхъ и золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 2 и 5, мѣдный обломокъ и мѣдная витушка типа табл. IX, 21. Въ могилѣ были угольки.

№ 111 (мужское). На глубинѣ 22 вершк. истлѣвшій костякъ, положенный головою на В. (сохранился кусокъ черепа, 2 позвонка и часть бедреной кости). На позвонкѣ мѣдная подвѣска съ привѣсками (табл. XV, 8), рядомъ мѣдная пряжечка типа табл. XI, 13, на тазу поясная мѣдная пряжка (табл. XXII, 6); въ ногахъ жел. удила съ неравными частями межзубья, желѣзный наконечникъ копья типа табл. XII, 7, ниже котораго горшокъ. Сверху и снизу костяка остатки луба.

№ 112 (женское). На глубинѣ 1 арш. ничтожные остатки костяка, лежавшаго головою, повидимому, на СВВ. (часть нижней челюсти и пальца). Надъ головою, съ правой стороны пряслице; на груди 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13, на шеѣ нѣсколько мѣдныхъ витушекъ типа табл. IX, 21; близъ виска мѣдное кольцо изъ скрученной проволоки и 4-хлопастная подвѣска типа табл.

IX, 8; на правой рукѣ серебр. спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10. Сверху и снизу костяка остатки луба.

№ 113. На глубинѣ 18 вершк. остатки истлѣвшаго костяка, положеннаго головою на СВВ. (кусочки черепа, 2 зуба и часть нижней челюсти). Сверху и снизу костяка остатки луба. Вещи: мѣдное спиральное колечко типа табл. XXIII, 10 и витушка типа табл. IX, 13.

VI. Кузьминскій могильникъ.

Могильникъ находится на лѣвой луговой сторонѣ р. Оки противъ с. Кузьминскаго и расположенъ на бугрѣ, носящемъ названіе „Высокій", который представляетъ собою возвышеніе дюннаго происхожденія и имѣетъ въ длину 85, въ ширину 20 и 30 саж. Сѣверо-западная сторона бугра поднимается на высоту 11 арш., юго-восточная доходитъ всего до $1^1/_2$ арш. Поверхность возвышенія покрыта слоемъ суглинка, имѣющаго въ высокой части до 11 вершк. толщины, а въ низкой не болѣе 1 вершка; ниже расположенъ слой чернозема, толщиною отъ 5 до 2 вершк., сверху прикрытый тонкимъ слоемъ травянистой земли коричневаго цвѣта, составлявшимъ до устройства могильника поверхность бугра. Подъ черноземомъ залегаетъ слой супеси сѣраго цвѣта, отъ 14 до 6 вершк. толщиною, за которымъ слѣдуетъ пластъ песку на нѣсколько аршинъ глубины. Могилы находятся какъ въ нижней части сѣраго слоя, такъ и въ желтомъ пескѣ. Высокій бугоръ съ трехъ сторонъ окруженъ старицами и ежегодно подмывается разливами рѣки; на мѣстахъ размыва уже съ давняго времени бывали находимы разные металлическіе предметы. Въ 1857 г. на бугрѣ производимы были поиски клада управляющимъ с. Константинова Головнинымъ, а послѣ него Роговымъ, при чемъ также были находимы различныя вещи. Въ 1893 г. могильникъ былъ осмотрѣнъ А. И. Черепнинымъ, а въ 1894 г. имъ же былъ раскопанъ (75 погребеній); въ 1895 г. тѣмъ же лицомъ здѣсь было вскрыто еще 17 погребеній [1]). Работами 1894 г. была вскрыта вся поверхность бугра, а въ 1895 г. изслѣдованы были сѣверный и южный скаты возвышенія. На западной части бугра, по срединѣ его поверхности, могилы были расположены довольно часто; внѣ этого пространства онѣ лежали отдѣльными группами, разбросанными одна отъ другой сравнительно далеко.

Погребеніе № 1 (мужское). На глубинѣ 2 арш. темное пятно. Вещи: жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 4, мѣдная пряжка (табл. XVII, 13), мѣдная пряжка отъ пояса типа табл. XI, 12, жел. ножъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 2 (женское). На глубинѣ 2 арш., въ пескѣ, остатки истлѣвшаго костяка (сохранились части позвонковъ и ручныхъ костей), бывшіе въ соприкосновеніи съ мѣдными предметами. На мѣстѣ головы мѣдная височная подвѣска (табл. XIV, 3) и 2 выпуклыя мѣдныя бляшки типа табл. IX, 14, на мѣстѣ груди мѣдная или серебряная прорѣзная пряжка (табл. XV, 12), немного выше—4 коническія мѣдныя прорѣзныя подвѣски типа табл. IX, 22, на витушкахъ, нанизанныхъ на ремешки:

[1]) Въ архивѣ Археологической Коммиссіи дѣла 1893 г. № 146 и 1895 г. № 38.

на правой рукѣ 2 мѣдныхъ браслета типа табл. XXIII, 8, на лѣвой пластинчатый мѣдный браслетъ типа приблизительно табл. XIII, 13.

№ 3 (мужское). На глубинѣ 2 арш., въ пескѣ, ничтожные остатки костяка (часть черепа). Рядомъ съ головою жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 3, направленный остріемъ на ЮВВ., возлѣ жел. удила типа табл. XII, 1 (маленькія), ниже—мѣдная пряжка типа табл. XI, 13. Сохранились обломки горшка изъ сѣрой глины, безъ орнамента.

№ 4 (женское дѣтское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. истлѣвшій костякъ (остались части черепа и ручныхъ костей), положенный головою, повидимому, на СЗ. На шеѣ мѣдная витая гривна типа табл. X, 4, но витая какъ табл. XIII, 4; согнутый мѣдный браслетъ типа табл. VII, 4, мѣдная пряжка типа табл. XI, 11, маленькій глиняный горшокъ обычнаго типа, безъ орнамента.

№ 5 (женское). На глубинѣ 1 арш. 10 вершк., въ пескѣ, остатки истлѣвшаго костяка (части черепа, позвонки, покрытые бляхою, части ручныхъ и бедреныхъ костей), положеннаго головою на ЮЮВ.; кисти руки на краяхъ тазовыхъ костей. На головѣ, отъ лба къ затылку, вѣнчикъ изъ витушекъ типа табл. XXIII, 18 (звеньевъ и обоймицъ по 5), на кожѣ и остаткахъ полуистлѣвшаго тонкаго луба, при вѣнчикѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; по сторонамъ черепа по мѣдной височной подвѣскѣ (табл. XVII, 6 и типа табл. XX, 10); на правомъ плечѣ 3 мѣдныя подвѣски на витушкахъ (табл. XXI, 10 и двѣ типа табл. IX, 22); на шеѣ 4 мѣдныя гривны (табл. X, 5 и три типа табл. X, 4); подъ ними большая мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и ожерелье изъ 4-хъ паръ витушекъ типа табл. IX, 21, раздѣленныхъ красными бусами типа табл. XXI, 11; на груди большая серебр. бляха типа табл. XVI, 13, подъ которой остатки грубой шерстяной ткани, а подъ нею пучекъ тонкихъ шерстяныхъ шнурковъ и 2 мѣдныхъ пряжки типа табл. XI, 13; два пластинчатые браслета типа табл. XXIII, 9 (безъ орнамента); у кисти лѣвой руки глиняное пряслице типа табл. VII, 1 и мѣдное спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10; мѣдная поясная пряжка (табл. XX, 12) съ остатками ремня. На мѣстѣ груди неопредѣленная подѣлка изъ чернаго кремня, вѣроятно, случайно попавшая.

№ 6. На глубинѣ $1^1/_4$ арш. въ пескѣ темнокоричневое пятно и въ немъ 3 мѣдные браслета (два экз. типа табл. XXIII, 5 и одинъ типа табл. VII, 4).

№ 7 (сожженіе, женское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. на пескѣ небольшой слой, имѣющій форму темнаго овальнаго пятна и состоявшій изъ земли съ мелкими частями пережженныхъ костей, угольками, золою и пепломъ. Вещи: мѣдная фибула (табл. XIV, 8), 2 мѣдные браслета типа табл. XVIII, 4, двѣ небольшія пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17, на петлѣ, 2 мѣдныя тонкія кольца типа табл. XVII, 4, подвергнутыя дѣйствію огня, 2 мѣдныя спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, нѣсколько витушекъ типа табл. IX, 21, связка мелкихъ синихъ бусъ типа табл. VI, 5, глиняное пряслице (табл. XIV, 2) и обломокъ жел. ножа. На вещахъ опрокинутый вверхъ дномъ горшокъ типа табл. XX, 7, съ зубцами по краю.

№ 8 (женское). На глубинѣ $1^3/_4$ арш. темно-коричневое пятно, въ которомъ, въ порядкѣ погребенія, лежали: пластинчатая подвѣска типа табл. XXIII, 14, два мѣдные пластинчатые браслета, 2 лентовидныя привѣски изъ витушекъ (табл. XIX, 7), изъ которыхъ одна съ коническими подвѣсками. Остатковъ костяка не оказалось.

№ 9 (мужское). На той же глубинѣ, при полномъ отсутствіи костей, найдены: жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 3, жел. кельтъ типа табл. XII, 4, обломокъ жел. пряжки типа табл. X, 10, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, черепки отъ горшка. Костякъ лежалъ головою на СВ.

№ 10 (мужское). На той же глубинѣ вещи, расположенныя въ порядкѣ погребенія: жел. кельтъ типа табл. XII, 4, жел. ножъ и жел. удила типа табл. XII, 1.

№ 11 (мужское). На той же глубинѣ найдены: жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 8, обломокъ мѣдной пряжки типа табл. XI, 13, жел. ножъ; костякъ совершенно истлѣлъ.

№ 12 (дѣтское, женское). На той же глубинѣ малая мѣдная шейная гривна типа табл. X, 4, двѣ пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17, съ колечкомъ, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5.

№ 13 (дѣтское, мужское ?). На той же глубинѣ въ небольшомъ темнокоричневомъ пятнѣ малаго размѣра горшокъ типа табл. XX, 6, съ обломанными краями, и мѣдная пряжка типа табл. XI, 13.

№ 14 (мужское ?). На глубинѣ 2 арш. остатки истлѣвшаго костяка (верхняя часть черепа, части позвонковъ, ручныхъ и бедреныхъ костей), обращеннаго головою на СЗ. На шеѣ мѣдная гривна типа табл. X, 5, лежавшая на тонкой кожѣ; съ правой стороны головы тонкія жел. удила типа табл. XII, 1; у праваго плеча мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; у кисти лѣвой руки мѣдный пластинчатый браслетъ типа табл. XIII, 13; на мѣстѣ поясничныхъ позвонковъ мѣдная или серебр. поясная пряжка типа табл. XX, 12 и жел. ножъ; въ ногахъ обломки горшка желтовато-сѣраго цвѣта.

№ 15 (женское). На той же глубинѣ ничтожные остатки истлѣвшаго костяка. На мѣстѣ шеи мѣдная пряжечка типа табл. XVII, 12, мѣдная пластинчатая гривна типа табл. XVIII, 1, ожерелье изъ мѣдныхъ бляшекъ и пластинчатыхъ подвѣсокъ (табл. XXIII, 14), ожерелье изъ крупныхъ красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11 и восьми подвѣсокъ съ колечками, и мѣдная подвѣска съ привѣсками типа табл. XIX, 9; на мѣстѣ груди большая серебр. бляха типа табл. XVI, 8 (съ 6-ю прорѣзями), на поверхности которой сохранились клочки шерстяной ткани темнокоричневаго цвѣта; на правой рукѣ браслетъ типа табл. XXIII, 5, орнаментированный на концахъ, 2 спир. кольца типа табл. XXIII, 10; у лѣваго бедра такое же кольцо и ножъ.

№ 16 (мужское). На глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. остатки истлѣвшаго костяка (небольшая часть черепа, части тазовыхъ и бедреныхъ костей), обращеннаго головою на СВ. Съ правой стороны головы жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 10, остріемъ вверхъ; на мѣстѣ груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; на правой рукѣ мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 2 (безъ орнамента); на рукахъ по мѣдному спиральному кольцу типа табл. XXIII, 10; на лѣвой сторонѣ у поясничныхъ позвонковъ жел. ножъ; въ ногахъ горшокъ типа табл. XX, 7, съ орнаментомъ по краю.

№ 17 (мужское). На глубинѣ 1 арш. 10 вершк. небольшая часть черепа, рядомъ жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 3, немного ниже жел. кельтъ типа табл. XII, 4, въ 1 арш. отъ него горшокъ, раздавленный тяжестью земли.

№ 18 (мужское ?). На глубинѣ 2 арш., въ темнокоричневомъ пятнѣ, въ похоронномъ порядкѣ, лежали: жел. наконечникъ копья типа табл. XX, 2 (остріемъ на СВ.), поломанный серебр. или мѣдный шейный обручъ типа табл. X, 4, большая мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 ($2^{1}/_{2}$ дюйма въ діаметрѣ), немного ниже мѣдная пряжка того же типа, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 8, мѣдная пряжка типа табл. XVII, 12, мѣдная поясная пряжка (табл. XX, 15) съ остатками ремня, желѣзный ножъ.

№ 19 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. найдена жел. дужка отъ ведра, 8 дюйм. въ діаметрѣ; на $^{1}/_{4}$ арш. ниже остатки погребенія и вещи: средней величины горшокъ съ прямымъ вѣнчикомъ, орнаментированнымъ по краю наклонными черточками (типа табл. XX, 7), рядомъ 2 жел. наконечника копій типа табл. XII, 7 и 9, далѣе ножъ и жел. кельтъ типа табл. XII, 4, крупный поясной наборъ, состоящій изъ пряжки, наконечника, 7 выпуклыхъ бляшекъ (табл. XXII, 3, 5 и 7) и 4-хъ узкихъ типа табл. XI, 1, спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10.

№ 20 (женское). На глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. остатки костяка (части черепа, позвонковъ, тазовыхъ и бедреныхъ костей), лежавшаго головою на СВ. Подъ остатками черепа куски полуистлѣвшаго луба, рядомъ мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и вѣнчикъ изъ витушекъ (табл. XXIII, 18), къ нему бляшка типа табл. XII, 23, съ дырочками, и 2 небольшія выпуклыя бляшки типа табл. XXII, 5; мѣдная пряжка (XIX, 12); на шеѣ желѣзная гривна (табл. X, 7), 4 подвѣски сгибнемъ на витушкахъ (табл. XXI, 12); на груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и большая мѣдная или серебр. бляха (XVI, 12), на поверхности которой уцѣлѣли кусочки шерстяной ткани коричневаго цвѣта; возлѣ бедреныхъ костей глиняное пряслице типа табл. VII, 1.

№ 21 (женское). На глубинѣ 1 арш. 10 вершк. остатки истлѣвшаго костяка (небольшія части черепа, позвонковъ, тазовыхъ и ручныхъ костей), обращеннаго головою на ЮВ. На шеѣ мѣдный обручъ (табл. XVII, 10), три пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17 (изъ нихъ у двухъ колечки), 9 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11; по сторонамъ головы мѣдное колечко типа табл. XXI, 4 (поменьше) и обломки височной круглой подвѣски типа табл. IX, 23; на правомъ плечѣ 4 подвѣски типа табл. XIX, 7 (на длинныхъ ремешкахъ, см. рис. 10 на стр. 38); тутъ же большая серебр. пряжка съ эмалью (табл. XV, 5); на груди 2 мѣдныхъ пряжки типа табл. XI, 13; на рукахъ, по сторонамъ таза, по пластинчатому браслету типа табл. XXIII, 1, но иного орнамента. Подъ головою куски истлѣвшаго луба.

№ 22 (женское). На глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. остатки истлѣвшаго костяка (часть черепа, 3 позвонка, части ключицы, тазовыхъ и бедреныхъ костей), обращеннаго головою на ЮВ. Возлѣ остатковъ черепа прядь черныхъ волосъ; на шеѣ двѣ гривны типа табл. XVII, 11 и X, 4 (первая обвернута темною шерстяною тканью), ожерелье изъ многихъ мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 1 и 3, 19 красныхъ болѣе крупныхъ бусъ типа табл. XXI, 11 и маленькой мѣдной пряжечки типа табл. XXIII, 14; тутъ же конусовидная мѣдная привѣска на витушкѣ типа табл. IX, 22; по сторонамъ головы мѣдное свернутое колечко типа табл. XXI, 4 и двѣ мѣдныя привѣски (XVII, 7); на верхней части груди большая бляха типа табл. XVI, 8 (подъ нею пучокъ тонкихъ шерстяныхъ шнурковъ, изъ которыхъ каждый расходился на 3 шнурка, а поверхъ обрывки толстой шерстяной ткани темнокоричневаго цвѣта); на рукахъ по массивному мѣдному браслету типа табл. XVIII, 4, безъ орнамента (обвернуты тонкимъ лубомъ и прикрыты толстою шерстяною тканью, гладкою съ наружной стороны и вохристою съ нижней, прилегающей къ вещамъ); возлѣ украшеній куски шерстяной ткани и небольшой ножъ.

№ 23 (женское). На той же глубинѣ ничтожные остатки костей, уцѣлѣвшіе подъ мѣдными предметами. На головѣ вѣнчикъ изъ спиралей типа табл. XXIII, 18 (длиною 28 сант., 4 обоймицы, на лубкѣ, обтянутомъ шерстяною тканью), прядь черныхъ волосъ, куски истлѣвшаго луба и кожи; на шеѣ ожерелье изъ мелкихъ золоченыхъ бусъ типа табл. VI, 5, мелкихъ красныхъ

типа табл. VI, 2 и трехъ крупныхъ красныхъ типа табл. VI, 24, двѣ подвѣски сгибнемъ типа табл. IX, 21, пять шейныхъ гривенъ (табл. X, 4); на груди круглая выпуклая бляха (табл. XVIII, 5), прикрытая шерстяною тканью, подъ которою лежалъ пучокъ шерстяныхъ шнурковъ; на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XXIII, 8 (оба завернуты въ ткань и шерсть); слѣва возлѣ поясничныхъ позвонковъ глиняное пряслице типа табл. X, 1 и мелкія части спиральнаго кольца типа табл. XXIII, 10.

№ 24 (дѣтское, женское). На глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. остатки истлѣвшаго костяка. На шеѣ 11 мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2 и мѣдная шейная гривна типа табл. VII, 13; немного ниже мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, другая плетеная (табл. XV, 3), мѣдная выпуклая бляшка типа табл. X, 2, но меньше, мѣдный браслетъ типа табл. VII, 13 (согнутый изъ части шейной гривны); желѣзный наконечникъ дротика типа табл. XII, 7.

№ 25 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. при совершенно истлѣвшемъ костякѣ лежали: желѣзн. наконечникъ копья типа табл. XII, 13 (остріемъ на ЮВ.), перержавѣвшія желѣзныя удила типа табл. XII, 1, желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4 и средней величины горшокъ изъ темносѣрой глины, съ обломанными краями, типа табл. XX, 7.

№ 26 (мужское). На той же глубинѣ, въ темнокоричневомъ пятнѣ, остатки желѣзныхъ удилъ типа табл. XII, 1, ножъ и желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 27 (дѣтское, мужское). На той же глубинѣ ничтожные остатки костяка, лежавшаго головою на ЮВ. На шеѣ ожерелье изъ мѣдныхъ пластинокъ и пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14, съ пряжечкой, 2 мѣдныя височныя колечка типа табл. XXIII, 15, изъ которыхъ при одномъ поломанная привѣска типа табл. XVII, 7; на груди 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13 (завернутыя въ ткань); нѣсколько ниже 2 мѣдные браслета типа табл. XXIII, 5, съ орнаментами на концахъ.

№ 28 (сожженіе, мужское). На глубинѣ 1 арш. части пережженныхъ костей, перемѣшанныя съ мелкими угольками и золою и расположенныя въ слоѣ до 1 арш. въ длину и ширину; на костякѣ опрокинутый вверхъ дномъ горшокъ, безъ орнамента, и желѣзный наконечникъ копья типа табл. XII, 8.

№ 29 (сожженіе, мужское?). На глубинѣ 1 арш. 10 вершк., въ пескѣ темное пятно, состоявшее изъ земли, перемѣшанной съ мелкими угольками, золою, обломками пережженныхъ костей и черепками сосуда.

№ 30 (женское). На глубинѣ 1 арш. незначительные остатки костяка (часть черепа, остатки двухъ позвонковъ и тазовыхъ костей), обращеннаго головою на ЮВ. На шеѣ ожерелье изъ 7 паръ витушекъ, раздѣленныхъ красными бусами и бляшками (табл. XXI, 11), другое изъ бляшекъ съ пластинчатыми подвѣсками типа табл. XXIII, 14 и третье изъ красныхъ мелкихъ и крупныхъ бусъ типа табл. VI, 1 и 2, остатки темнокоричневой шерстяной ткани, обрывки шерстяного шнурка и кожи съ шерстяной матеріей въ видѣ подкладки; по обѣ стороны головы по 2 мѣдныя височныя подвѣски (табл. XIX, 9 и XXI, 7); крупная серебр. лунница; на тазу глиняное пряслице типа табл. VII, 15; рядомъ браслетъ изъ 4-хъ рядовъ витушекъ съ обоймицами, прикрѣпленныхъ на ремнѣ, на правой рукѣ мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5 и спир. кольцо типа табл. XXIII, 10.

№ 31 (женское). На глубинѣ $^{3}/_{4}$ арш. въ порядкѣ погребенія лежали: ожерелье изъ красныхъ бусъ и 6 мѣдныхъ привѣсокъ (табл. XXI, 5), 12 трубчатыхъ подвѣсокъ на колечкахъ типа

табл. XXI, 2, двѣ пластинчатыя подвѣски типа табл. XXIII, 17, три мѣдные браслета типа табл. XXIII. 5 и 8, поломанная мѣдная нагрудная бляха типа табл. XVI, 8, спиральное колечко типа табл. XXIII, 10 и пряслице типа табл. VII, 1. Костякъ лежалъ головою на ЮЗ.

№ 32 (сожженіе, мужское). На глубинѣ 1 арш. 10 вершк., въ пескѣ, темное пятно изъ земли, смѣшанной съ угольками, золою и пережжеными костяками. На немъ обломки горшка, сильно заржавѣвшія удила (слѣдовательно, не бывшія на огнѣ) и куски ржаваго желѣза.

№ 33 (мужское). На глубинѣ 18 вершк. остатки истлѣвшаго скелета (части позвонковъ и бедреныхъ костей). Вещи: 2 желѣзные наконечника копій типа табл. XX, 3 и XII, 7, желѣзный ножъ.

№ 34 (мужское). На той же глубинѣ совершенно истлѣвшій костякъ. Вещи: желѣзный наконечникъ копья типа табл. XX, 3, желѣзныя удила типа табл. XII, 1 и горшокъ темносѣраго цвѣта съ обломаннымъ краемъ.

№ 35 (женское). На той же глубинѣ, въ пескѣ, слѣды истлѣвшаго костяка. Предметы: часть косы, заплетенной въ 3 пряди, мѣдная шейная гривна типа табл. XVII, 11 (поверхность бляхи украшена пунктиромъ), нитка красныхъ бусъ типа табл. VI, 3 (большей величины), 2 височныя подвѣски типа табл. XX, 3, на витушкахъ, остатки грубой шерстяной ткани, кожи и луба, часть мѣднаго спиральн. кольца типа табл. XXIII, 10 и мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 2.

№ 36 (женское, рис. 21). На глубинѣ 1 арш. остатки истлѣвшаго костяка (мелкія части черепа, ручныхъ и тазовыхъ костей, позвонковъ и реберъ), лежавшаго головою на ЮЮЗ. Подъ головою куски толстаго луба, на шеѣ 2 мѣдныя шейныя гривны типа табл. X, 4 и VII, 13, ожерелье изъ значительнаго количества мелкихъ позолоченыхъ и красныхъ бусъ и 2-хъ большихъ красныхъ бусъ типовъ табл. VI, 2, 5, 7, 24; на правой сторонѣ груди большая серебр. бляха (табл. XVI, 13), на тазу мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, на правой рукѣ браслетъ типа табл. XXIII, 8 (круглый) и изъ 3-хъ рядовъ витушекъ съ 4 выпуклыми бляшками и пряжечкой (табл. XXIII, 11); на обѣихъ рукахъ по спиральному кольцу (табл. XXIII, 10 и 12).

№ 37 (женское). На глубинѣ 18 вершк. слѣды истлѣвшаго костяка и вещи: желѣзная шейная гривна типа табл. X, 7, ожерелье изъ множества мелкихъ золоченыхъ и красныхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5, красной бусы въ видѣ плитки и 3-хъ крупныхъ бусъ типа табл. VI, 24, двѣ височныя подвѣски табл. IX, 8, на витущкахъ, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, у праваго плеча 3 мѣдныя подвѣски въ видѣ уточекъ (типа табл. VII, 9 и одна съ тонкой крючковатой головкой), 3 коническія подвѣски типа табл. IX, 22, на груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и другая мѣдная плетеная (табл. XV, 1), ниже мѣдное спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10.

№ 38 (женское). На глубинѣ 20 вершк. въ порядкѣ погребенія лежали: поломанная шейная гривна типа табл. X, 4, ожерелье изъ позолоченныхъ бусъ типовъ табл. VI, 5 и 6, нѣсколькихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2, одной красной крупной типа табл. VI, 24 и такой же величины и формы мѣдной, сломанная височная подвѣска типа табл. IX, 8, пять коническихъ подвѣсокъ типа табл. IX, 22, три мѣдныя подвѣски въ видѣ лапокъ (рис. 11 на стр. 38), небольшая мѣдная обоймица; на груди крупная мѣдная пряжка (табл. XV, 10); съ лѣвой стороны мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 1 (безъ орнамента), глиняное пряслице типа табл. VII, 1 и два спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10; съ правой стороны спиральное кольцо того же типа.

№ 39 (женское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. слѣды совершенно истлѣвшаго костяка. На шеѣ ожерелье изъ позолоченыхъ и красныхъ мелкихъ бусъ и 2-хъ красныхъ крупныхъ типовъ табл. VI, 2, 5 и 24, тутъ же 3 витушки типа табл. IX, 13 и два плоскія мѣдныя колечка; на груди мѣдная пряжка (табл. XV, 11), ниже мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, глиняное пряслице типа табл. VII, 1 и желѣзный ножъ.

№ 40 (мужское). На глубинѣ 20 вершк. ничтожные слѣды истлѣвшаго костяка, положеннаго головою на ЮЗ. Съ правой стороны головы желѣзный наконечникъ копья типа табл. XII, 8; съ

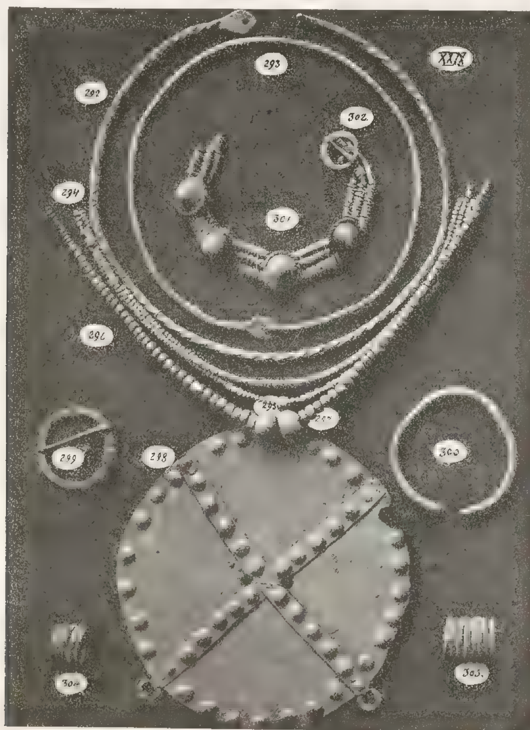

Рис. 21. Погребеніе № 36.

лѣвой стороны большой желѣзный ножъ типа табл. XX, 11, другой обыкновеннаго размѣра, нѣсколько ниже желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый въ землю; съ правой стороны большой мѣдный круглый браслетъ типа табл. XXIII, 8, въ ногахъ горшокъ съ обломленными краями, безъ орнамента, типа табл. XX, 7.

№ 41 (мужское). На глубинѣ 22 вершк. остатки истлѣвшаго костяка (небольшія части черепа, тазовыхъ и бедреныхъ костей), головою на СЗ. Съ правой стороны головы 2 желѣзные наконечника

копій типа табл. XII, 7 и 13, остріями вверхъ, и желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4; на шеѣ мѣдная шейная гривна типа табл. X, 4; рядомъ мѣдная фибула (табл. XIV, 4); возлѣ тазовыхъ костей мѣдная поясная пряжка типа табл. XI, 10 и 4, и четыре узкія мѣдныя бляшки, составлявшія, быть можетъ, квадратъ; справа у пояса длинный и широкій мечъ типа табл. XII, 2, длиною 17 вершковъ; съ лѣвой стороны желѣзный ножъ, въ ногахъ желѣзныя удила типа табл. XII, 1.

№ 42 (женское). На глубинѣ 20 вершк. сильно истлѣвшій костякъ (сохранились части черепа, позвонковъ, тазовыхъ, ручныхъ и бедреныхъ костей), головою на СВ., руки протянуты, подъ головою остатки луба, на которомъ мѣхъ и украшеніе головного убора (XIX, 6); по сторонамъ головы по височной подвѣскѣ типа табл. XX, 8, каждая на парѣ витушекъ, скрѣпленныхъ по концамъ обоймицами; на шеѣ массивная серебр. или мѣдная шейная гривна табл. X, 6, ожерелье изъ мѣдныхъ бляшекъ съ пластинчатыми подвѣсками типа табл. XXIII, 14, ожерелье изъ мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 1 и мѣдной лунницы (табл. XV, 2), ожерелье изъ красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11, раздѣленныхъ 8-ю витушками (на концѣ мѣдная пряжечка); на груди серебр. крупная бляха типа табл. XVI, 8; на правой рукѣ 2 мѣдные браслета типа табл. XVIII, 2 и три мѣдныхъ спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10, на лѣвой 2 мѣдные браслета и 2 кольца тѣхъ же типовъ; тутъ же мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, желѣзный ножъ и глиняное пряслице (табл. X, 1).

№ 43 (мужское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на СВ. У праваго бедра жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый въ землю лезвіемъ, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 8; у лѣваго бедра 2 ножа, большой и малый, на лѣвой рукѣ мѣдный широкій пластинчатый перстень, у ногъ черепки горшка.

№ 44 (мужское). На глубинѣ 26 вершк. остатки костяка, лежавшаго головою на ЮВ. Съ лѣвой стороны головы жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7, остріемъ вверхъ; на верхней части груди маленькая пряжка типа табл. XI, 13; рядомъ съ правымъ бедромъ желѣзный кельтъ, типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю; возлѣ пояса желѣзный ножъ.

№ 45 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. на совершенно истлѣвшемъ костякѣ лежали въ порядкѣ погребенія вещи: 2 жел. наконечника копій типовъ табл. XX, 2 и XII, 7, обращенные остріемъ на СВ., немного ниже жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый въ землю, ниже обломки ножа, 2 мѣдный пряжки типовъ табл. XI, 4 и 13, мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 7 и довольно большой горшокъ ($3^3/_8$ вершка высоты), безъ орнамента, ручной выдѣлки (типа табл. XX, 7).

№ 46 (мужское). На глубинѣ 1 арш. въ порядкѣ погребенія лежали: 2 жел. наконечника копій типа табл. XX, 3 и XII, 7, обращенные остріемъ на СВ., и распавшіяся на части удила типа табл. XII, 1.

№ 47 (мужское). На той же глубинѣ, въ темномъ пятнѣ, жел. наконечникъ копья типа табл. XII, 7, обломокъ жел. пряжки, жел. ножъ и часть удилъ типа табл. XII, 1.

№ 48 (мужское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки истлѣвшаго костяка (части черепа, позвонковъ, тазовыхъ и бедреныхъ костей), головою на СЗ., руки протянуты вдоль. Въ головахъ средней величины горшокъ, типа табл. XX, 7, орнаментированный по краю черточками; рядомъ перержавѣвшія удила типа табл. XII, 1 и желѣзное кольцо.

№ 49 (мужское). На глубинѣ 17 вершк., въ темномъ пятнѣ, лежали: жел. удила типа табл. XII, 1 (но одно звено укорочено), 2 жел. ножа и неопредѣленная жел. пластинка.

№ 50 (женское, рис. 22). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки костяка (части черепа, позвонковъ, тазовыхъ и бедреныхъ костей), головою, повидимому, на С. По сторонамъ головы 2 серебр. височныя подвѣски типа табл. XX, 8, каждая на парѣ витушекъ; на шеѣ ожерелье изъ 7 паръ ви-

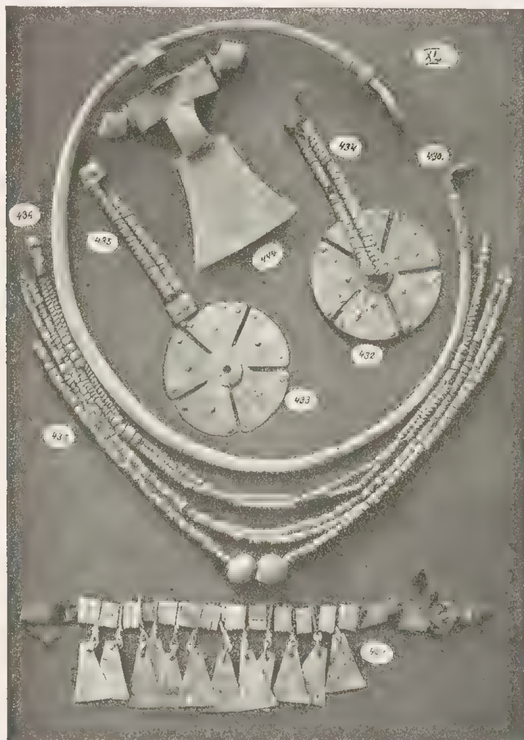

Рис. 22. Погребеніе № 50.

тушекъ, раздѣленныхъ мелкими красными бусами, ожерелье изъ 2-хъ крупныхъ и множества мелкихъ красныхъ бусъ типа табл. VI, 2 и 24, ожерелье изъ 17 бляшекъ съ мѣдными пластинчатыми подвѣсками типа табл. XXIII, 14, серебр. шейная гривна табл. XVII, 9, другое ожерелье изъ бляшекъ и серебр. подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14; въ верхней части груди серебр. фибула типа табл. XIV, 6; на тазу 2 мѣдныя поясныя бляшки типа табл. XII, 22; на правой рукѣ мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 2, мѣдное плетеное кольцо съ подвѣсками (табл. XXII, 2), распавшееся мѣдное спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10, на лѣвой рукѣ такой же браслетъ и перстень

(плетеный) и сломанное пряслице. Подъ шейною гривною сохранились куски бересты, обрывки шерстяной и холщевой ткани и нитокъ.

№ 51 (женское, рис. 23). На глубинѣ 1 арш. остатки истлѣвшаго костяка (части черепа, позвонковъ, ручныхъ, ножныхъ и тазовыхъ костей), головою на СЗ., руки протянуты. На шеѣ серебр. гривна (табл. XVII, 11), ожерелье изъ 34-хъ крупныхъ красныхъ бусъ, небольшого количества мелкихъ, типовъ табл. VI, 1 и 24, и нѣсколькихъ витушекъ типа табл. IX, 21, два височныя

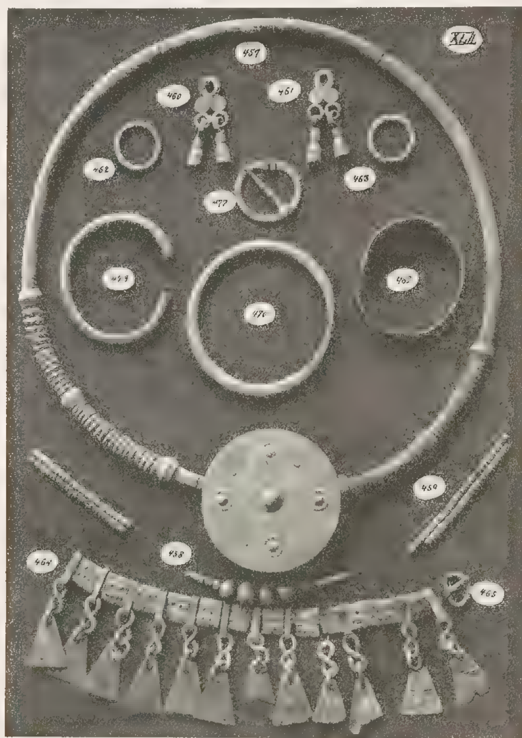

Рис. 23. Погребеніе № 51.

кольца типа табл. XXI, 4 и двѣ привѣски (табл. XVII, 5), ожерелье изъ бляшекъ и подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14, съ пряжечкой, и части другого подобнаго ожерелья изъ 8 мѣдныхъ выпуклыхъ бляшекъ типа табл. XXII, 5 и 18 пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 17; на груди огромная серебр. бляха (табл. XVI, 8); на правой рукѣ широкій мѣдный пластинчатый браслетъ, другой типа табл. XXIII, 5 и два мѣдныхъ спиральныхъ кольца съ подвѣсками (табл. XXII, 13); на лѣвой рукѣ мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 8 и два такія же кольца; тутъ же глиняное пряслице типа табл. X, 1; на тазу мѣдная пряжка типа табл. XI, 13.

№ 52 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. незначительные остатки костяка (части черепа, позвонковъ, тазовыхъ и бедреныхъ костей), головою на ЮЗ. Съ правой стороны головы изоржавѣвшій наконечникъ копья; на тазу мѣдная или серебр. поясная пряжка (табл. XXI, 16) и 3 мѣдныя плоскія бляшки (табл. XXI, 15 и типа табл. XII, 22); тутъ же мѣдная орнаментированная трубочка въ видѣ обоймицы и мѣдная пряжка; на правой рукѣ мѣдный браслетъ типа табл. XVIII, 2; у праваго бедра жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю.

№ 53 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. слѣды совершенно истлѣвшаго костяка и вещи: 2 жел. наконечника копій типовъ табл. XII, 7 и 10, жел. кельтъ типа табл. XII, 4 и горшокъ съ обломанными краями, типа табл. XX, 6, со слабо выраженнымъ перехватомъ.

№ 54 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш., въ темномъ пятнѣ, жел. наконечникъ копья (табл. XX, 4) и разбитый средней величины горшокъ.

№ 55 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. слѣды совершенно истлѣвшаго костяка и вещи: 2 жел. наконечника копій (типа табл. XX, 3 и табл. XII, 7), жел. кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю, желѣзный ножъ и распавшійся на части горшокъ.

№ 56 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. ничтожные остатки совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на СВ. На груди мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; съ лѣвой стороны ножъ, тутъ же кельтъ типа табл. XII, 4; на правой сторонѣ мѣдное спиральное кольцо типа табл. XXIII, 10; въ ногахъ 2 жел. наконечника копій типовъ табл. XII, 7 и 13 и средней величины горшокъ типа табл. XX, 7, безъ орнамента, съ прямымъ вѣнчикомъ.

№ 57 (женское). На глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. совершенно истлѣвшій костякъ, головою, повидимому, на СВ. На шеѣ мѣдная гривна типа табл. X, 4, ожерелье изъ мелкихъ позолоченыхъ и красныхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5 и ожерелье изъ двухъ рядовъ витушекъ съ обоймицами; 4 конусообразныя подвѣски типа табл. IX, 22, два мѣдные пластинчатые браслета типа табл. XXIII, 1; на груди мѣдная плетеная пряжка типа табл. XV, 4; ниже глиняное пряслице типа табл. VII, 2 и желѣзный ножъ.

№ 58 (мужское). На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. при ничтожныхъ остаткахъ костяка вещи: желѣзный наконечникъ копья типа таб. XX, 3, жел. кельтъ типа табл. XII, 7 и разбитый горшокъ безъ орнамента.

№ 59 (мужское). На той же глубинѣ слѣды истлѣвшаго костяка и вещи: 2 желѣзные наконечника копій (табл. XX, 2 и типа табл. XII, 7), желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4 и части небольшихъ перержавѣвшихъ удилъ типа табл. XII, 1.

№ 60 (женское ?). На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. незначительные остатки костяка, лежавшаго головою на СВ. На груди 2 мѣдныхъ пряжечки типа табл. XI, 13, на правой сторонѣ мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5, на лѣвой—2 такіе же браслета.

№ 61 (мужское). На глубинѣ 15 вершк. истлѣвшій костякъ, длиною 2 арш. $2^{1}/_{2}$ вершка, обращенный головою на СВВ., руки протянуты внизъ. На тазу слѣва ножъ, въ ногахъ горшокъ. Черепъ сохранился.

№ 62 (мужское). Въ разстояніи четверти арш. отъ предыдущаго, на той же глубинѣ костякъ, обращенный головою на СВ., руки протянуты внизъ, длиною 2 арш. $4^{1}/_{4}$ вершка. У пояса распавшійся на части ножъ, возлѣ лѣваго колѣна желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4. Черепъ сохранился.

№ 63 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. остатки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на СВ. (сохранились небольшія части черепа, тазовыхъ и бедреныхъ костей). Въ ногахъ 2 желѣзныхъ наконечника копій типовъ табл. XII, 7 и 10 и обломки желѣзныхъ удилъ типа табл. XII, 1.

№ 64. На той же глубинѣ, въ темномъ пятнѣ, безъ замѣтныхъ слѣдовъ костяка, лежали 3 мѣдные браслета, а на разстояніи 6 вершк. другіе 3 (типовъ табл. VII, 4 и XXIII, 7).

№ 65 (мужское). На той же глубинѣ, въ темномъ пятнѣ, лежали: желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4, въ 8 вершкахъ отъ него мѣдная пряжка типа табл. IX, 25, рядомъ мѣдная подвѣска (табл. XIV, 11), мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и двѣ витушки типа табл. IX, 21.

№ 66 (женское). На глубинѣ 18 вершк. полуистлѣвшій костякъ, головою на СВ., руки протянуты внизъ, длиною 2 арш. 2 вершка. На головѣ вѣнчикъ изъ трехъ рядовъ витушекъ съ 6 обоймицами и 3 выпуклыми бляшками (табл. X, 2, типа табл. XIX, 10 и XXIII, 18), тутъ же обрывки шерстяной ткани и луба; возлѣ затылка желѣзное остріе со слѣдами деревянной рукоятки; у висковъ по мѣдной подвѣскѣ типа табл. IX, 8; подлѣ праваго плеча 3 мѣдныя привѣски на витушкахъ типа табл. IX, 22; на шеѣ 3 мѣдныя гривны (одна типа табл. XVII, 11 и двѣ типа табл. X, 4) и ожерелье изъ значительнаго количества красныхъ и позолоченыхъ бусъ типовъ табл. VI, 2 и 5 и двухъ красныхъ крупныхъ типа табл. VI, 24; на лѣвой сторонѣ груди большая серебр. бляха типа табл. XVI, 13, которая была покрыта нѣсколькими крупными листьями (повидимому, лопуха; на полуистлѣвшихъ листьяхъ сохранились прожилки); подъ бляхою 2 мѣдныя пряжки типа табл. XI, 18 и кусокъ бересты; на рукахъ по 2 мѣдныхъ пластинчатыхъ браслета (табл. XXIII, 1 и XXIII, 9, и 2 тѣхъ же типовъ), на правой рукѣ 3, на лѣвой 2 мѣдныхъ спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10; у лѣвой руки глиняное пряслице типа табл. X, 1; между ступнями обломокъ маленькаго горшечка.

№ 67 (женское?). На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ темномъ пятнѣ, безъ остатковъ костяка, лежали: мѣдный браслетъ типа табл. XXIII, 5 и мѣдная пряжечка типа табл. XI, 13.

№ 68 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ темномъ пятнѣ, безъ признаковъ костяка, найдены: желѣзный наконечникъ копья типа табл. XX, 3, часть ножа и мѣдн. пряжка типа табл. XI, 13.

№ 69 (женское). На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ пескѣ, остатки истлѣвшаго костяка (затылочная и верхняя часть черепа, части позвонковъ, тазовыхъ, ручныхъ и ножныхъ костей), обращеннаго головою на СВ. Отъ лба къ затылку шла шерстяная повязка, унизанная по краю витушками и окаймленная вѣнчикомъ (табл. XIX, 10), подъ которой находилась другая шерстяная повязка съ бахромой; около затылка распавшаяся на 2 половины деревянная рукоятка отъ желѣзнаго шила или подобнаго предмета, обвитая мѣдною проволокою; на тонкомъ слоѣ песку, покрывавшемъ затылокъ, лежала крупная плетеная пряжка типа табл. XV, 7 (нѣсколько иная, варіантъ); на головѣ, вокругъ верхней половины пряжки, 4 мѣдныхъ спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10, изъ которыхъ сохранилось только одно; темя головы покрыто мѣдною бляхою типа табл. XVI, 13, сверху которой лежалъ тонкій слой черной шерсти; у каждаго виска по 2 мѣдныя подвѣски (табл. XVIII, 7 и типа табл. IX, 8); на правомъ плечѣ 3 мѣдныхъ подвѣски на витушкахъ типа табл. IX, 22, концы которыхъ лежали у затылка; на шеѣ 6 мѣдныхъ гривенъ (табл. XVIII, 6, типа табл. XVII, 9, 10 и 11 и двѣ типа табл. X, 3); на лѣвой сторонѣ груди серебр. бляха типа табл. XVI, 13, подъ нею 2 мѣдныя пряжки (табл. XIX, 11 и типа табл. XI, 13), выше ея мѣдная пряжка типа табл. XXII, 12

(но болѣе тонкая); на правой рукѣ браслетъ изъ мѣдныхъ витушекъ и бляшекъ (табл. XXIII, 16), съ пряжечкой, отъ запястья до локтя мѣдный спиральный браслетъ въ 15 оборотовъ и кусокъ шерстяного рукава; на лѣвой рукѣ такой же спиральный браслетъ и другой (табл. XXIII, 8); на правой рукѣ 3 мѣдныхъ спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10, на лѣвой—2; у лѣвой руки глин. пряслице типа табл. X, 1; на мѣстѣ колѣнъ 2 слегка выпуклыя мѣдныя бляхи (табл. XVI, 3); возлѣ этихъ бляшекъ куски кожи съ мѣднымъ продолговатымъ наборомъ (табл. XXII, 11 и 15; на двухъ обрывкахъ по 3 бляшки и на двухъ по 5); обѣ ноги выше щиколотки обхвачены широкими ремнями, имѣющими на концахъ по мѣдной пряжкѣ (табл. XXII, 9).

№ 70 (сожженіе, мужское?). На глубинѣ $1^1/_2$ арш., непосредственно подъ сѣрымъ слоемъ, найдена въ пескѣ небольшая кучка пережженыхъ костей, смѣшанныхъ съ землею, угольками, золою и обломками горшка.

№ 71 (женское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ темномъ пятнѣ, совершенно истлѣвшій костякъ, обращенный головою на СВ. У головы часть косы чернаго цвѣта; на шеѣ мѣдная гривна типа табл. XVII, 11, ожерелье изъ 25 красныхъ бусъ типа табл. XXI, 11 и четырехъ мѣдныхъ обоймицъ въ видѣ маленькихъ цилиндриковъ съ ушкомъ на одномъ концѣ, ожерелье изъ мѣдныхъ бляшекъ съ пластинчатыми подвѣсками типа табл. XXIII, 14, съ пряжечкой, обрывки шерстяной ткани съ бахромой; на груди большая серебр. бляха типа табл. XVI, 8 и двѣ мѣдныя пряжки типа табл. XI, 13; на рукахъ по мѣдному браслету табл. XVIII, 2 и по спиральному кольцу типа табл. XXIII, 10; на лѣвой сторонѣ обломокъ желѣзнаго ножа.

№ 72 (женское). На той же глубинѣ слѣды вполнѣ разрушеннаго тлѣніемъ костяка, лежавшаго головою, повидимому, на СЗ. Съ правой стороны головы мѣдная подвѣска (табл. XIV, 10), съ лѣвой—мѣдная пластинчатая подвѣска на такомъ же кольцѣ, къ которой въ нижней части подвѣшены еще 2 пластинки; на груди небольшая мѣдная бляха типа табл. XVI, 12; подъ нею остатки лубка и шерстяной ткани съ бахромою и мѣдная пряжка типа табл. XI, 13; на правой рукѣ 2 мѣдныхъ браслета табл. XVIII, 2 и два спиральныхъ кольца типа табл. XXIII, 10, на лѣвой—такой же браслетъ и кольцо; у лѣвой руки также обломки желѣза, вѣроятно, ножа; на томъ же костякѣ мѣдная шейная гривна типа табл. X, 3, съ крючками на концахъ, и ожерелье изъ бляшекъ и подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14.

№ 73 (мужское). На глубинѣ 26 вершк., въ темномъ пятнѣ, при полномъ отсутствіи остатковъ костяка, лежали: желѣзный наконечникъ копья, лѣвѣе обломки горшка, повидимому, опрокинутаго вверхъ дномъ, далѣе желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 74 (женское, рис. 24). На глубинѣ $1^1/_2$ арш. незначительные остатки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на СВ., руки протянуты внизъ. На головѣ вѣнчикъ изъ 9 звеньевъ витушекъ, 9 бляшекъ съ подвѣсками и пряжечкой типа табл. XXIII, 18; на правомъ плечѣ 5 мѣдныхъ коническихъ подвѣсокъ на витушкахъ типа табл. IX, 22 и тутъ же обломокъ желѣзной булавки съ деревянною рукоятью или головкой; на шеѣ ожерелье изъ позолоченыхъ и красныхъ бусъ типа табл. VI, 2, 5 и 24 (4 экз.), желѣзная и мѣдная гривны типовъ табл. X, 4 и 7; на груди мѣдная пряжка (табл. XV, 6).

№ 75 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ темномъ пятнѣ, въ порядкѣ погребенія, лежали: 2 желѣзные наконечника копій типа табл. XX, 2 и XII, 7, поломанная мѣдная шейная гривна типа

табл. X, 6, мѣдная пряжка типа табл. XI, 4, поясной наборъ на ремнѣ типа табл. XX, 5. мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, обломокъ желѣзнаго ножа и желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 76 [1]). Трупосожженіе (мужское). На глубинѣ 14 вершк. 2 глиняные горшка средней величины ($3^1/_2$ вершк. высоты), ручной выдѣлки сѣровато-коричневаго цвѣта; они лежали на боку, въ 10 вершк. другъ отъ друга. Около сосудовъ и между ними куски пережженыхъ костей, вмѣстѣ съ угольками, слѣды золы и пепла. Остатки погребенія размѣщены на 9 четвертяхъ квадр. арш.

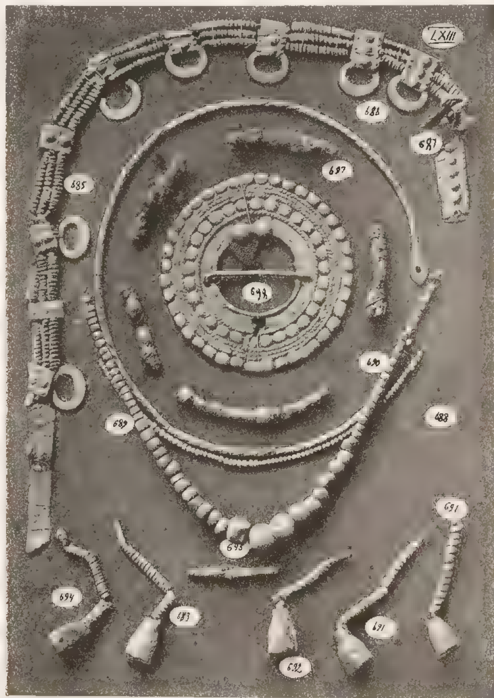

Рис. 24. Погребеніе № 74

Вещи: желѣзный ножъ, желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4, воткнутый лезвіемъ въ землю, и мѣдная поясная пряжка типа табл. XI, 10.

№ 77 (мужское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. остатки истлѣвшихъ костей. При скелетѣ: желѣзныя удила, каменный оселокъ, мѣдная пряжка отъ пояса. Въ разстояніи 1 арш. на СЗ. горшокъ съ отбитымъ краемъ, безъ орнамента; возлѣ него наконечникъ копья типа табл. XII, 13, наконечникъ дротика типа табл. XII, 7 и желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

---

[1]) №№ 76—92 обнаружены въ 1895 г. А. И. Черепнинымъ.

№ 78 (женское). На той же глубинѣ въ порядкѣ погребенія: мѣдная распавшаяся гривна типа табл. VII, 13, подъ которою сохранились куски луба, шерстяной ткани и концы двухъ косъ, заплетенныхъ въ 3 пряди, ниже мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, шестилопастная ажурная пряжка типа табл. IX, 27, лѣвѣе желѣзный ножъ и глиняное пряслице типа табл. VII, 1. Отъ костяка сохранились лишь коронки зубовъ.

№ 79. На той же глубинѣ слѣды истлѣвшаго костяка, головой на СВ. Двѣ мѣдныя пряжки.

№ 80 (сожженіе). На глубинѣ 2 арш. 2 вершк. части пережженыхъ костей, перемѣшанныхъ съ угольками. Площадка въ 1 арш. Три мѣдныя пряжки и желѣзный ножъ.

№ 81 (мужское). На глубинѣ 1 арш. 7 вершк. ничтожные остатки истлѣвшихъ костей, глиняный горшокъ безъ орнамента, наконечникъ копья типа табл. XX, 2, наконечникъ дротика типа табл. XII, 7 и желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4.

№ 82 (мужское). На глубинѣ 2 арш. слѣды истлѣвшаго костяка. Желѣзный кельтъ типа табл. XII, 4, ножъ, мѣдный поломанный пластинчатый браслетъ, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13 и поясная мѣдная пряжка типа табл. XI, 10, съ остатками ремня.

№ 83 (женское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. остатки истлѣвшихъ костей, мѣдное височное кольцо, нѣсколько спиральныхъ трубочекъ типа табл. IX, 10, мѣдная пряжка обычнаго типа.

№ 84 (женское). На глубинѣ 15 вершк. остатки истлѣвшаго костяка. Мѣдный браслетъ, небольшое ожерелье изъ красныхъ бусъ, крупныхъ и мелкихъ, мѣдныя спиральныя трубочки, мѣдныя пластинчатыя подвѣски.

№ 85 (женское). На глубинѣ 1 арш. 7 вершк. часть черепа и остатки другихъ костей. Ожерелье изъ красныхъ и стеклянныхъ золоченыхъ бусъ, одна синяя буса, мѣдная гривна типа табл. VII, 14, мѣдныя пластинчатыя и трубчатыя подвѣски, пятилопастная височная подвѣска типа табл. XX, 8. Голова на лубкѣ, на которомъ сохранилась часть черной косы, заплетенной въ 3 пряди, и обрывки шерстяной ткани.

№ 86. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. распавшіяся на части желѣзныя удила и мѣдная пряжка. Костей не замѣчено.

№ 87 (женское, дѣтское). На глубинѣ 17 вершк. небольшая мѣдная гривна, ожерелье изъ крупныхъ красныхъ бусъ, небольшое мѣдное спиральное колечко, небольшая мѣдная пряжка. Остатковъ костяка не замѣчено.

№ 88 (женское). На глубинѣ $1^1/_4$ арш. остатки костяка; сохранилась часть ножной кости. Мѣдная пряжка обычной формы, 3 мѣдныя пластинчатыя привѣски, мѣдная витая шейная гривна, обломки ножа, 2 мѣдныя трубочки и мѣдный браслетъ.

№ 89 (женское). На глубинѣ 19 вершк. остатки истлѣвшаго костяка. Двѣ мѣдныя коническія подвѣски.

№ 90 (женское). На той же глубинѣ остатки костяка, обращеннаго головою на ЮЗ. (части черепа, позвонковъ, ручныхъ, бедреныхъ и тазовыхъ костей). Подъ головою куски полуистлѣвшаго луба, шерстяной ткани, 2 мѣдныя коническія подвѣски и куски кожи. На головѣ вѣнчикъ типа табл. XXIII, 18, съ пластинчатыми подвѣсками, на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ красныхъ бусъ и трубчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XVIII, 8, мѣдная гривна типа табл. XVII, 11, на лѣвомъ плечѣ 3 крупныя мѣдныя коническія привѣски на спираляхъ типа табл. XXI, 1, на правомъ плечѣ 5 та-

кихъ же привѣсокъ типа табл. IX, 22, на груди большая мѣдная бляха типа табл. XVI, 12 (но въ каймѣ изъ трехъ рядовъ точекъ), на лѣвой рукѣ мѣдный браслетъ изъ спиралекъ типа табл. XXIII, 11, браслетъ изъ мѣдной проволоки и 2 спиральные перстня, на правой рукѣ такой же браслетъ изъ спиралекъ, 2 мѣдные проволочные браслета съ расплющенными концами (на концахъ одного изображены бородатыя лица) и 2 спиральные перстня; подолъ шерстяной одежды, доходящей до колѣнъ, украшенъ каймой изъ мѣдныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ. Кромѣ того, 2 мѣдныя височныя подвѣски типа табл. XIX, 9, мѣдная крупная спиральная пронизка, обломокъ желѣзной булавки, 2 мѣдныя пряжечки обычнаго типа, возлѣ головы 2 крупныя мѣдныя кольца и ожерелье или браслетъ съ трубчатыми подвѣсками на петляхъ.

№ 91 (женское). На той же глубинѣ вещи, безъ остатковъ костей: обломокъ мѣдной гривны, мѣдная большая пряжка типа табл. XV, 12, но богаче орнаментированная, часть мѣднаго браслета, мѣдная пряжка типа табл. XI, 13, небольшая мѣдная пряжка, желѣзный ножъ, распавшіяся на части удила. Быть можетъ, не погребеніе.

№ 92 (женское). На глубинѣ 18 вершк. остатки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на СВ. Подъ головою куски луба, на черепѣ части вѣнчика изъ спиралей типа табл. XXIII, 18 (безъ перемычекъ), на шеѣ мѣдная витая гривна, нѣсколько красныхъ бусъ и спиральныхъ трубочекъ, 2 мѣдныя птички на спиралькахъ типа табл. XXI, 10, части коробчатыхъ привѣсокъ, мѣдная пластинчатая фибула, 2 мѣдныя пряжки, 2 мѣдные браслета съ расплющенными концами, ремешки, обрывки шерстяной ткани; на груди большая мѣдная бляха типа табл. VIII, 8 (безъ каймы) и глиняное пряслице типа табл. VII, 1.

Предметы, найденные на Кузьминскомъ могильникѣ внѣ погребеній: 2 желѣзные кельта, мѣдная гривна типа табл. VII, 13 и X, 4, нѣсколько мѣдныхъ пряжекъ и браслетовъ, жел. удила, 8 желѣзныхъ ножей, глиняный льячокъ и нѣкоторые другіе. Изъ предметовъ болѣе новаго времени найдены: жел. серпъ, топоръ, дужка отъ ведра, желѣзная пластинка съ крюкомъ (2 экз.); это вещи приблизительно XI—XII в. Къ находкамъ еще болѣе позднимъ относятся глиняныя грузила. Вещи были находимы на глубинѣ 6—24 вершк. Въ самыхъ нижнихъ культурныхъ пластахъ встрѣчались кремневые осколки и черепки архаичной посуды.

VII. Шатрищенскій могильникъ.

Находится на правомъ, крутомъ берегу р. Оки, въ 6 в. отъ г. Спасска, въ урочищѣ „Черная рѣчка“, представляющемъ глубокій обрывистый оврагъ со многими отвершками. По другую сторону оврага расположено Старо-Рязанское городище. Приблизительно съ 1875 г. мѣстные крестьяне стали находить послѣ весенняго спада водъ различныя вещи, выпавшія изъ могильника на дно оврага. Въ началѣ 80-хъ годовъ одинъ мѣстный крестьянинъ сбылъ въ ломъ лавочнику въ г. Спасскѣ, по слухамъ, болѣе 20 фунт. мѣдныхъ предметовъ; желѣзные шли въ перековку къ кузнецу. Вещи, попавшія въ Рязанскую архивную комиссію, сдѣлали извѣстнымъ этотъ могильникъ, но мѣстоположеніе его не могло быть опредѣлено даже при раскопкахъ А. В. Селиванова близъ самаго могильника, въ Старой Рязани. Вещи, отобранныя у одного изъ находчиковъ въ 1894 г. и препровожденныя мѣстнымъ начальствомъ въ Рязанскую архивную комиссію, наконецъ обнаружили точное мѣстоположеніе могильника. Въ томъ же году онъ былъ осмотрѣнъ и подвергнутъ пробному изслѣдованію, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, А. И. Черепнинымъ [1]), а затѣмъ имъ же совмѣстно съ проф. А. Я. Кожевниковымъ. Г. Черепнинъ провелъ 7 траншей въ 10—8 и менѣе арш. длины, нѣсколько отступя отъ берега оврага, близъ мѣста найденнаго крестьяниномъ погребенія, на противоположной сторонѣ отвершка, на правой сторонѣ оврага, и пробилъ рядъ ямъ на западной сторонѣ могильника. При этихъ работахъ обнаружены были лишь 2 погребенія, оба съ трупосожженіями. Въ одномъ изъ нихъ костякъ сожженъ былъ въ самой могилѣ, на днѣ которой оказался слой угля въ 3 арш. длиною, $1^3/_4$ арш. шириною и 4 вершка толщиною. Среди углей найдены черепки сосуда и желѣзные наконечники копья и дротика. Находокъ было вообще немного.

А. Я. Кожевниковымъ въ первой траншеѣ, пробитой близъ открытой крестьяниномъ могилы, найдены были 2 костяка. Первый лежалъ на глубинѣ $1^1/_4$ арш., головою на ССЗ. Сохранились части черепа, конечностей, ключицъ и 3 шейные позвонка. У висковъ лежали 2 мѣдныя пятилопастныя привѣски на спираляхъ, на шеѣ ожерелье изъ двухъ рядовъ спиралекъ (съ перемычками и небольшимъ количествомъ пластинчатыхъ подвѣсокъ), 4 красныя бусы, въ верхней части груди мѣдная пряжечка. Голова лежала на остаткахъ истлѣвшаго луба; подъ украшеніями сохранились остатки шерстяной ткани. Отъ второго скелета, положеннаго головою тоже на ССЗ., почти не сохранилось никакихъ остатковъ костей. Съ правой стороны головы лежалъ желѣзный наконечникъ копья, на лѣвой сторонѣ груди желѣзный кельтъ, на поясѣ жел. пряжка средней величины, немного лѣвѣе мѣдная пряжка, вправо небольшой жел. ножъ, въ ногахъ средней величины раздавленный землею горшокъ. Во второй траншеѣ, проведенной на 25 арш. перпендикулярно къ первой, не было найдено погребеній, какъ и въ третьей, проведенной по краю оврага отъ мѣста соприкосновенія первыхъ двухъ.

По мнѣнію г. Черепнина, Шатрищенскій могильникъ занимаетъ до 4 десятинъ. Если это такъ, то все-таки, повидимому, можно предполагать, что погребенія на этомъ пространствѣ очень разбро-

[1]) Въ архивѣ Коммиссіи дѣло 1894 г., № 102.

саны и рѣдки. Изъ случайныхъ находокъ на могильникѣ наиболѣе характерны: мѣдная шейная гривна типа табл. X, 6, нагрудная бляха типа табл. XVI, 12 (съ точечнымъ орнаментомъ въ 3 линіи по краю), лунница типа табл. XV, 2, подвѣска типа табл. XXI, 1, пряжки, поясныя и нагрудныя, спиральки, подвѣски, желѣзные кельты.

VIII. Холуйскій могильникъ.

Осенью 1883 г. при выемкѣ земли на Стекольной горѣ противъ слободы Холуя (Вязниковскаго у. Владимірской губ.), для устройства дорожной гати, открытъ былъ древній могильникъ. Изъ сдѣланныхъ при этомъ довольно многочисленныхъ находокъ часть вещей попала къ г. Голышеву въ сл. Мстеры, который передалъ ихъ въ Императорское Московское Археологическое Общество [1]). Въ этой небольшой коллекціи находятся: мѣдная бляха типа табл. XV, 4, но нѣсколько другого устройства (вмѣсто горошинъ спирали, вмѣсто рубчатаго второго кольца плетеное, кайма сплошная, какъ на бляхѣ табл. XV, 6), двѣ мѣдныя подвѣски типа табл. XXI, 1, мѣдная пряжка типа табл. XI, 4, пряслице типа табл. XIII, 9, обломки проволочной мѣдной гривны, жел. удила типа табл. XII, 1, нѣсколько жел. кельтовъ типа табл. XII, 4, нѣсколько жел. наконечниковъ копій типовъ табл. XII, 7 и 13, обломки жел. меча [2]). Въ слѣдующіе годы уничтоженіе могильника продолжалось. Вещи попадали, главнымъ образомъ, къ мѣстному земскому дѣятелю И. П. Шахову, который передавалъ ихъ различнымъ лицамъ, между прочимъ иконописцу Сафонову.

Въ 1895 г. остатки могильника были изслѣдованы членомъ Императорской Археологической Коммиссіи Спицынымъ.

Могильникъ, расположенный надъ долиною р. Тёзы, былъ, повидимому, небольшихъ размѣровъ. Раскопки показали, что отъ него сохранился лишь небольшой уголокъ между дорогою и берегомъ. Всего здѣсь найдено было 5 погребеній, положенныхъ очень тѣсно, такъ что въ нихъ весьма трудно было разобраться.

№ 1. Мужское погребеніе на глубинѣ 1 арш., повидимому, въ длинной ямѣ. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., сохранилась часть черепа, зубы и правая локтевая кость. На груди серебряная фибула табл. XII, 26, нѣсколько выше пояса мѣдная пряжечка табл. XII, 21, ниже поясъ съ наборомъ (26 бляшекъ табл. XII, 24 и двѣ бляшки табл. XII, 23), слѣва отъ головы жел. удила типа табл. XII, 1. Земля въ могилѣ черная, съ незначительною примѣсью мелкихъ угольковъ.

№ 2. Женское погребеніе на глубинѣ менѣе 1 арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на СЗ., т. е. въ противоположномъ направленіи, сохранилась часть черепа. На головѣ уборъ изъ мѣдныхъ спиралекъ типа табл. IX, 13 и семи бляшекъ табл. XII, 27, на шеѣ 2 красныя средней величины бусы типа табл. VI, 24 и двѣ большія синія бусы типа табл. VI, 10, у шеи же 2 мѣдные браслета

[1]) *Древности*, т. X, стр. 66 (проток.).

[2]) Предметы эти изданы литографіею Голышева въ весьма грубыхъ снимкахъ.

табл. XII, 28, показывающіе, что руки были пригнуты къ плечамъ, на тазу 2 обрывка ремня съ набитыми на него въ двухъ мѣстахъ 8 мѣдными бляшками табл. XII, 22.

№ 3. Мужское (?) погребеніе, подъ № 2. Отъ костяка, лежавшаго головою на ЮВ., сохранилась часть черепа и нижнія конечности. Влѣво отъ головы маленькій глиняный горшечекъ грубой работы типа табл. XII, 16, на тазу 28 мѣдныхъ поясныхъ бляшекъ табл. XII, 25.

№ 4. На глубинѣ 1 арш. остатки черепа отъ костяка, лежавшаго головою почти на С. Въ изголовьѣ 2 маленькіе глиняные горшечка типа табл. XII, 17 и неопредѣленная мѣдная бляшка, на поясѣ мѣдная пряжка табл. XII, 29.

№ 5. На глубинѣ 1 арш. мужское (?) погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на СВ., сохранились остатки черепа. На поясѣ мѣдная пряжка типа табл. XI, 7 и желѣзный ножъ.

По сторонамъ дороги на площади могильника домъ и овинъ. Пробныя раскопки были произведены по ту и другую сторону спуска дороги, но нигдѣ не обнаружено слѣдовъ другихъ погребеній.

IX. Максимовскій могильникъ.

Могильникъ находится близъ дер. Максимовки, Муромскаго у., въ имѣніи г. Голоперова. Онъ открытъ былъ еще въ 1850-хъ годахъ, при возведеніи усадебныхъ построекъ, особенно на мѣстѣ скотнаго двора. Изъ находокъ серебряныя вещи продавались, а мѣдныя оставались въ пренебреженіи. Въ 1870 г. нѣкоторыя находки отсюда пріобрѣтены были муромскимъ мѣщаниномъ В. Алексѣевымъ и уступлены имъ Н. Г. Добрынкину, который передалъ ихъ въ распоряженіе Владимірскаго Статистическаго Комитета. Послѣдній извѣстилъ о находкахъ Императорскую Археологическую Коммиссію и представилъ самыя вещи. Здѣсь онѣ были зарисованы [1]) и возвращены въ Статистическій Комитетъ, гдѣ отчасти были изданы [2]), но впослѣдствіи пропали. Въ 1878 г. находки, по рисункамъ Археологической Коммиссіи, изданы были, не вполнѣ исправно и не всѣ [2]), г. Аспелиномъ въ его атласѣ (№ 878—889, съ отмѣткой Muroma), и еще раньше, въ 1875 г., въ его работѣ на финскомъ языкѣ (стр. 273—275). Въ перепискѣ по поводу этихъ находокъ отмѣчается, что онѣ сдѣланы въ сельцѣ Бердишевѣ при проведеніи полевыхъ канавъ. Сельцо Бердишево находится рядомъ съ д. Максимовкой, такъ что смѣшать обѣ эти мѣстности не трудно, если свѣдѣнія идутъ не отъ самого находчика, какъ и было въ данномъ случаѣ. Произведенныя нами въ 1895 г. на мѣстѣ розыски показали, что въ Бердишевѣ вещей, при проведеніи канавъ, не было найдено. Въ коллекцію г. Добрынкина входятъ: большая проволочная плетеная привѣска съ подвѣсками, длинная трубчатая шумящая привѣска, наручникъ, узорчатое кольцо скандинавскаго типа отъ пряжки, отличный поясной наборъ изъ прорѣзныхъ бляшекъ и пр. [3]). Въ 1878 г. изъ

---

[1]) Въ архивѣ Коммиссіи дѣло 1870 г., № 11.

[2]) *Труды Владимірскаго Статистич. Комит.* 1872 г., вып. IX (рисунки Голышева). Не издана поясная пряжка и мѣдная привѣска типа табл. XXV, 2, но съ пластинчатыми подвѣсками на цѣпочкахъ изъ трехъ звеньевъ.

[3]) Антропологическая Выставка, т. II, стр. 170. Гильдебрандтъ, Языческое кладбище племени Мурома. *Древняя и Новая Россія*, 1878, I.

„Максимовской мѣстности“ на антропологическую выставку имъ же было послано еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ вещицъ, добытыхъ частью путемъ небольшой раскопки [1]). Между 1875 и 1878 г. коллекція новыхъ находокъ отъ Голоперова чрезъ третьи руки попала въ Румянцевскій Музей [2]) и была отчасти издана потомъ въ атласѣ Аспелина [3]). Въ 1878 г. графомъ А. С. Уваровымъ и В. Б. Антоновичемъ на могильникѣ было вскрыто 16 погребеній, изъ которыхъ въ двухъ оказались трупосожженія. Находки поступили въ собраніе гр. Уварова, а отчетъ о раскопкѣ сохраняется у г. Антоновича [4]). Въ 1886 г. въ могильникѣ производилъ раскопки г. Нефедовъ, нашедшій здѣсь 10 новыхъ могилъ [5]).

Рис. 25.

Въ 1895 г. раскопки въ Максимовскомъ могильникѣ продолжены были членомъ Императорской Археологической Коммиссіи Спицынымъ. Работы произведены отдѣльными траншеями, пробитыми въ разныхъ мѣстахъ могильника, какъ въ мѣстности старыхъ раскопокъ, т. е. между домомъ и сараями, такъ и въ новыхъ мѣстахъ, именно передъ домомъ, позади другого сарая и на дворѣ усадьбы. Всего было заложено 8 траншей (рис. 25). Изъ нихъ траншея VIII, проложенная на мѣстѣ первоначальныхъ находокъ, оказалась совершенно пустою, траншеи V—VII, проведенныя на мѣстѣ раскопокъ гр. Уварова и Нефедова, дали отдѣльныя находки и нѣсколько нетронутыхъ погребеній, траншея III, передъ домомъ, дала многочисленныя и лучшія находки [6]), траншея II ока-

[1]) Г. Добрынкинъ сообщаетъ, что въ его коллекціи находились еще 2 серебр. куфическіе диргема.

[2]) Описаніе ея см. въ статьѣ Филимонова о сочиненіи Аспелина. *Вѣстн. Древне-Русск. Иск.* 1874—1876 гг., стр. 92—93.

[3]) Атласъ г. Аспелина, вып. III, № 891 901. Изъ нихъ № 900 и 901 едва ли принадлежатъ коллекціи Голоперова, такъ какъ не входятъ въ описаніе Филимонова.

[4]) Антоновичъ, О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ въ Муромскомъ у. въ 1878 г. *Чтенія въ Общ. Нест. Лѣтоп.*, кн. II, стр. 60.—Указатель Выставки Ярославскаго Археолог. Съѣзда, стр. 52 -57.— Добрынкинъ, Археологическія раскопки гр. Уварова. *Владим. Вѣд.* 1878, 28.

[5]) Раскопки въ Муромскомъ лѣсу. *Моск. Вѣд.* 1886, № 289.—Указатель Выставки Ярославскаго Археолог. Съѣзда, стр. 57—58. — Указатель Историч. Музея, стр. 305—306. (Здѣсь д. Максимовка неправильно названа Малиновкой). — Добрынкинъ, Слѣды пребыванія доисторическаго человѣка въ предѣлахъ Владимірскаго у. Владиміръ, 1896 г., стр. 24—26.

[6]) Траншея эта длинною стороною почти примыкаетъ къ каменному фундаменту стоявшаго здѣсь въ прежнее время дома.

залась пустою, въ траншеѣ I найдены русскія погребенія и въ траншеѣ IV — русскія вмѣстѣ съ нерусскими. Самая большая траншея (III) имѣла всего 6 саж. длины, всего же раскопка заняла 86 квадр. саж.

№ 1. Мужское погребеніе (курганное?). Отъ костяка, лежавшаго головою на С. съ отклоненіемъ на В., остались слѣды нижнихъ конечностей. У пояса мѣдная пряжка и желѣзное огниво съ кремнемъ, въ ногахъ справа жел. сѣкира. Всѣ вещи типовъ русскихъ кургановъ.

№ 2. Женское погребеніе. Остатки трупосожженія. Мѣдная нагрудная плетеная пряжка типа табл. XXV, 13, мѣдная обоймица типа табл. XXV, 1, мѣдный перстень типа табл. XVI, 9, небольшой жел. ножъ съ прямымъ обухомъ и остатками деревянной рукояти, желѣзное шило и черепки отъ горшка.

№ 3. Женское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., сохранилась лишь часть черепа. На головѣ тонкій ремешокъ, унизанный спиралями типа табл. XXVII, 1, на которомъ, въ противоположныхъ концахъ, 2 мѣдныя подвѣски (табл. XXVII, 6), по обѣимъ сторонамъ головы по 5 крупныхъ мѣдныхъ височныхъ колецъ типа табл. XXIV, 5 (замками въ одномъ мѣстѣ, къ черепу), на шеѣ большая мѣдная гривна типа Лядинскаго мог. (табл. XI, 1), маленькія мѣдныя подвѣски (восемь табл. XXIV, 7, одна табл. XXVI, 4, одна табл. XXVI, 5 и три другихъ) и связка крупныхъ и мелкихъ стекляныхъ бусъ (табл. XXVIII, 6, 7 и др.), на груди плетеная мѣдная пряжка (табл. XXV, 13), на рукахъ два мѣдные браслета типа табл. XXVII, 14, но шире, и мѣдный стержень типа табл. XXIII, 10. Правая рука на тазу, лѣвая вытянута; у ея кисти жел. ножъ. Слѣва у ноги 2 горшечка грубой работы типа табл. XXVIII, 22. Погребеніе очень неглубокое. Поверхъ пряжки шерстяная ткань и дерево.

№ 4. Повидимому, коллективное трупосожженіе (мужское и женское?), въ неглубокой ямѣ, длиною и шириною по 14 вершк. Оріентировка ямы по странамъ свѣта правильная. Два сосуда типовъ табл. XXVIII, 12 и 17 (оба лѣплены отъ руки), при нихъ жел. наконечникъ копья табл. XXVIII, 20, жел. топоръ типа табл XXVIII, 19, жел. пешня типа Лядинскаго мог. табл. X, 9, три мѣдные браслета табл. XXVII, 14 и два табл. XXVII, 10, мѣдный перстень типа табл. XXIII, 10, жел. огниво или обоймица типа табл. XXV, 12, жел. гривна, нѣсколько височныхъ колецъ типа табл. XXIV, 5, желѣзный ножъ. Всѣ эти вещи расположены въ нѣкоторой симметріи.

№ 5. Остатки трупосожженія на глубинѣ 1 арш., на подстилкѣ. На пережженныхъ костяхъ расположены 3 мѣдныя небольшія шейныя гривны типа височныхъ колецъ табл. XXIV, 5 и одна такая же сломанная, височное мѣдное кольцо, согнутое изъ обломка гривны, 2 мѣдные маленькіе спиральные наручника, неопредѣленная желѣзная подѣлка, состоящая изъ нѣсколькихъ бляшекъ типа приблизительно табл. XXVII, 5 и колецъ, мѣдный спиральный перстенекъ въ 2 оборота типа табл. XXIII, 10, двѣ мѣдныя подвѣски табл. XXVI, 2, пять подвѣсокъ табл. XXIV, 8, пять лапчатыхъ подвѣсокъ отъ несохранившейся привѣски, мѣдный наборъ отъ вѣнчика типа табл. XXVII, 3, обрывки спиральной ленты типа табл. XXVII, 1, нѣсколько перегорѣвшихъ бусъ изъ неопредѣленной массы и большой глиняный горшокъ типа табл. XXVIII, 17. Гривны, браслеты и остатки пережженныхъ костей находились въ правомъ углу погребальной ямы, перстенекъ въ лѣвой, подвѣски слѣва, вѣнчикъ положенъ поверхъ, горшокъ стоялъ въ правомъ нижнемъ углу.

№ 6. Курганное (?) погребеніе. Отъ скелета сохранилась только часть черепа, лежавшаго

на 3. На шеѣ связка сердоликовыхъ и стеклянныхъ бусъ и мѣдная лунница табл. XXVIII, 2, у черепа 2 маленькія мѣдныя височныя колечка.

№ 7. На глубинѣ 18 вершк. часть сохранившагося (мужскаго ?) погребенія. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Приблизительно на груди 4 мѣдные браслета типа Лядинскаго мог. табл. IX, 9, мѣдный перстень типа табл. XXIII, 10 и серебряный табл. XXVI, 9, жел. ножъ и жел. круглая пряжка, ниже мѣдная поясная пряжка табл. XXVI, 17, мѣдный наконечникъ пояса табл. XXIV, 2, три желѣзныя обоймицы табл. XXV, 12, кремень, мѣдная булавка табл. XXV, 8, жел. ножъ, еще ниже раздавленный землею горшокъ и подъ нимъ серебр. имитація саманидской монеты, въ ногахъ тонкая поломанная булатная чашка и справа топоръ типа табл. XXVIII, 19. Подъ вещами примѣчена деревянная подстилка.

№ 8. Остатки курганнаго (?) погребенія. На небольшой глубинѣ части истлѣвшаго черепа. Направленіе костей не могло быть опредѣлено. Три позолоченыя бусы (съ каймами) и остатки желѣзной оковки ведра.

№ 9. На глубинѣ ³/₄ арш. довольно значительная грудка пережженыхъ костей. Среди нихъ нехарактерный обрывокъ мѣдной проволоки.

№ 10. Дѣтское погребеніе. Два мѣдные браслетика, 2 мѣдные перстенька и небольшое мѣдное височное кольцо.

№ 11. Нарядное женское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на Ю., сохранилась часть черепа и конечностей. Руки положены на бедра. На черепѣ вѣнчикъ типа табл. XXVII, 3 и жгутъ типа Люцинскаго могильника табл. II, 8, на ушахъ по 4 мѣдныя кольца типа табл. XXIV, 5 (повидимому, были нашиты на шерстяную ткань, одно кольцо со спиралью), на шеѣ мѣдная гривна типа Лядинскаго могильника табл. XI, 2 (головкой вправо, петлей влѣво) и 2 мѣдныя круглыя подвѣски табл. XXVIII, 3, на груди большая мѣдная бляха типа Лядинскаго могильника табл. V, 2, ниже мѣдная пряжка типа Лядинскаго могильника табл. VIII, 2 и слѣва мѣдная подвѣска типа табл. XXVI, 11, на рукахъ по мѣдному спиральному браслету типа Лядинскаго могильника табл. IV, 6, на тазу 3 мѣдныя подвѣски типа табл. XXVI, 2 (безъ ушковъ), три подвѣски табл. XXVII, 4, двѣ табл. XXIV, 12, двѣ мѣдныя пластинчатыя обоймицы, длинная мѣдная орнаментированная пластинка и нѣсколько спиралекъ. Всѣ эти подвѣски лежали безъ правильнаго порядка, и назначеніе ихъ не могло быть опредѣлено на мѣстѣ; такъ какъ подъ длинною пластинкою оказались волоса отъ косы, то по крайней мѣрѣ она можетъ быть отнесена за счетъ убора волосъ. На лѣвомъ бедрѣ жел. ножъ, справа отъ головы глиняная чашка типа табл. XXVIII, 11. Подъ мѣдными вещами въ разныхъ мѣстахъ находились остатки шерстяной ткани. Замѣчены слѣды деревянной подстилки и поверхъ нѣкоторыхъ предметовъ остатки деревянныхъ досокъ.

№ 12. Мужское погребеніе на глубинѣ 21 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., сохранилась часть нижнихъ конечностей и правой руки. Приблизительно у лѣваго плеча неопредѣленная деревянная рукоять, отчасти обитая мѣдью, на груди у праваго плеча мѣдная коробка табл. XXVIII, 10, на груди вдоль правой руки кожаная лента или поясъ, унизанный мѣдными обоймицами табл. XXV, 1, рядомъ съ правою рукою жел. ножъ, 4 крупныя мѣдныя спирали типа Лядинскаго могильника табл. IV, 3, желѣзная обоймица типа табл. XXV, 11, жел. пряжка съ разомкнутыми концами, значительное количество желѣзнаго набора, состоящаго изъ паръ бляшекъ

табл. XXVII, 5, соединенныхъ кольцами, желѣзная желобчатая обоймица и жел. стержень, снабженный мѣднымъ наконечникомъ табл. XXIV, 10; слѣва близъ таза жел. топоръ табл. XXVIII, 19 и пешня типа Лядинскаго могильника табл. X, 9, справа у колѣна мѣдная бляшка съ ушкомъ табл. XXVI, 14, ноги окутаны грубою шерстяною тканью и обмотаны въ 5 рядовъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными обоймицами табл. XXVIII, 14, у лѣвой ноги кромѣ того пара своеобразныхъ мѣдныхъ привѣсокъ табл. XXIV, 3, у правой 2 желѣзные гвоздевидные предмета, у ступни лѣвой ноги желѣзный наконечникъ копья типа табл. XXVIII, 20, остріемъ въ сторону ногъ. Повидимому, костякъ юношескаго возраста.

№ 13. На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. костякъ дѣвочки, отъ котораго сохранились лишь части рукъ при браслетахъ. Направленіе скелета съ С. на Ю., но гдѣ лежала голова, нельзя было опредѣлить. У одной руки жел. ножъ и 2 мѣдные браслета типа табл. XXVII, 10, на другой 4 такіе же. На одномъ изъ концовъ могилы маленькій грубой работы горшочекъ типа табл. XXVIII, 12 и другой типа табл. XXVIII, 22.

№ 14. На глубинѣ 1 арш. 2 горшка (одинъ изъ нихъ изображенъ на табл. XXVIII, 12), жел. наконечникъ стрѣлы табл. XXV, 4 и желѣзный стержень.

№ 15. На глубинѣ болѣе 1 арш. остатки черепа, нѣсколько костей, большая чашка типа табл. XXVIII, 11 и два желѣзные наконечника копій (типа табл. XXVIII, 23 и типа Лядинскаго мог. табл. X, 29).

№ 16. На глубинѣ нѣсколько болѣе 1 арш. остатки трупосожженія. Справа раздавленный землею сосудъ, близъ котораго 2 жел. наконечника стрѣлъ табл. XXIV, 9, продолговатая жел. пряжка табл. XXIV, 1, другая подобная жел. пряжка, не бывшая на огнѣ, неопредѣленные желѣзные обломки, также не бывшіе на огнѣ, справа внизу мѣдный перстень типа табл. XXIII, 10, слѣва мѣдный браслетъ типа Лядинскаго мог. табл. IX, 9. Поверхъ находилось нѣсколько не сожженныхъ костей, вѣроятно, животныхъ.

№ 17. На глубинѣ $^{1}/_{2}$ арш. сравнительно хорошо сохранившійся женскій костякъ, длиною 2 арш. $7^{1}/_{2}$ вершк., головою на С., руки сложены на лобкѣ, ноги сомкнуты въ колѣняхъ. У таза справа жел. очко типа табл. XXV, 5 и узкій жел. ножъ, на правой рукѣ 2 мѣдные плетеные браслета табл. XXV, 6 и серебряный перстень типа табл. XXV, 7, но съ рубчикомъ посрединѣ, выше на тазу мѣдный перстень типа табл. XXVI, 9, слѣва у колѣна раздавленный сосудъ и въ немъ мѣдный спиральный браслетъ типа табл. XXIII, 10.

№ 18. Остатки трупосожженія. На темномъ слоѣ съ мелкими угольками глиняный раздавленный сосудъ и 2 мѣдные маленькіе спиральные браслета типа Лядинскаго мог. табл. IV, 6.

№ 19. Курганное женское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на З., сохранились довольно хорошо черепъ и кисти рукъ, примыкающія къ браслетамъ. У головы съ одной стороны 2 тонкія и небольшія височныя кольца и посеребренная буса табл. XXVIII, 1, на рукахъ по мѣдному браслету табл. XXVII, 9, близъ черепа желѣзный гвоздь.

№ 20. На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. сосудъ безъ признаковъ костей.

№ 21. На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш. дѣтскій костякъ, головою на С., на подстилкѣ. На груди мѣдная плетеная пряжка табл. XXIV, 6 и мѣдная пряжка типа Лядинскаго могильн. табл. VIII, 8, ниже маленькій перстень типа табл. XXIII, 10 и два мѣдныя кольца типа Лядинскаго могильн.

табл. IV, 3. Отъ костяка сохранились лишь нижнія конечности. Маленькій сосудъ типа табл. XXVIII, 17.

№ 22. Отъ костяка (женскаго), лежавшаго головою на С., на глубинѣ 1 арш. 2 вершк., осталась лишь часть нижнихъ конечностей. Поверхъ головы сосудъ табл. XXVIII, 11. На головѣ остатки убора въ видѣ ремня съ набитыми на него тонкими мѣдными пластинками табл. XXVII, 3, и лента со спиралями табл. XXVII, 1, на рукахъ 4 мѣдные согнутые браслета типа табл. XXVII, 10 и мѣдный спиральный пластинчатый въ 5 оборотовъ, на ногахъ оборы изъ ремней типа табл. XXVIII, 14 (въ 5 оборотовъ), ниже по мѣдной привѣскѣ табл. XXVI, 11.

№ 23. На глубинѣ $^{3}/_{4}$ арш., выше № 21, нѣсколько въ сторонѣ отъ него, мужское курганное (?) погребеніе, головою на З. Костякъ довольно плохой сохранности. На поясѣ жел. ножъ и мѣдная пряжка, въ ногахъ горшокъ табл. XXVIII, 21.

№ 24. На глубинѣ $^{1}/_{2}$ арш. женское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на З. (?), сохранились части черепа и кисти рукъ при браслетахъ. На головѣ, по обѣимъ сторонамъ, по нѣскольку тонкихъ мѣдныхъ височныхъ колецъ, нанизанныхъ на кожу, на шеѣ мѣдная гривна типа Лядинскаго мог. табл. XI, 6, на которую напущенъ мѣдный перстень съ подвѣсками табл. XXV, 9, на шеѣ мѣдная лунница табл. XXVII, 2, нѣсколько желтыхъ бусъ и бубенчикъ, на рукахъ по малому спиральному браслету типа Лядинскаго мог. табл. IV, 6, на поясѣ жел. ножъ, у лѣваго плеча сосудъ табл. XXVIII, 13. Совершенно въ сторонѣ мѣдная бляшка типа табл. XXVI, 14. Подъ нѣкоторыми вещами досчатая подстилка.

№ 25. На глубинѣ до $1^{1}/_{2}$ арш. остатки трупосожженія на площадкѣ длиною около 1 арш. и шириною $^{3}/_{4}$ арш. На значительномъ количествѣ пережженыхъ костей положены: жел. топоръ типа табл. XXVIII, 19, чашка, жел. очко табл. XXV, 5, два мѣдныя спиральныя кольца типа табл. XXIII, 10, жел. наконечникъ стрѣлы типа табл. XXIV, 9 и жел. длинный узкій ножъ. Желѣзныя вещи не носили слѣдовъ пребыванія на огнѣ.

№ 26. На глубинѣ 6 вершк. 2 глиняныя чашки, жел. наконечникъ копья типа Лядинскаго могильн. табл. X, 29, длинный узкій ножъ съ прямымъ обухомъ и жел. топоръ типа табл. XXVIII, 19. Вещи размѣщены на площадкѣ въ 16×11 вершк., но ни костей, ни черной прослойки при нихъ нѣтъ; все же это скорѣе остатки трупосожженія.

№ 27. На глубинѣ до $^{1}/_{2}$ арш. скелетъ средней сохранности, головою на СЗ. Черепъ сдвинутъ съ мѣста, сохранившіяся конечности очень тонки. На тазу тонкій и широкій желѣзный ножъ.

№ 28. Безпорядочное погребеніе, испорченное при устройствѣ предыдущаго. Могила расположена съ С. на Ю.; костякъ лежалъ головою на С. Вещи (мѣдныя): пряжка типа табл. XXII, 2, два проволочные браслета типа табл. VII, 4, перстень типа табл. XXIII, 10, небольшая голубая стеклянная буса, 5 мѣдныхъ колецъ типа Лядинскаго мог. табл. IV, 3, обломокъ мѣдной орнаментированной пластинки и небольшой горшочекъ типа табл. XXVIII, 13.

№ 29. На глубинѣ около $^{1}/_{2}$ арш. жел. вещи: ножъ, обоймица табл. XXV, 11, стержень табл. XXVIII, 18, другой стержень въ видѣ палочки.

№ 30. Нарядное женское погребеніе на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. Въ головахъ и у праваго плеча по чашкѣ типа табл. XXVIII, 17, на головѣ вѣнчикъ изъ трубочекъ и спиралекъ типа Лядинск. мог. табл. XI, 7 и рис. 7 на стр. 17, кромѣ того волосяной жгутъ типа Лядинскаго мог. табл.

IV, 3, унизанный кольцами, на груди мѣдная гривна типа Лядинск. мог. табл. XI, 2 и при ней 25 пластинчатыхъ подвѣсокъ типа табл. XXIII, 14, быть можетъ, отъ ожерелья, справа отъ нея мѣдное височное кольцо типа табл. XXIV, 5 съ напущеннымъ на него мѣднымъ же ажурнымъ перстнемъ типа табл. XIX, 2, слѣва отъ гривны 11 трубчатыхъ подвѣсокъ обычнаго типа (напр., Лядинскаго мог. табл. I, 9—13), 4 мѣдныя спиральки типа табл. IX, 11, пять мѣдныхъ пирамидчатыхъ подвѣсокъ табл. XXVI, 16 и одна мѣдная подвѣска типа табл. XXI, 14 (безъ свѣсовъ), на тазу по одной линіи сверху расположены сперва 2 мѣдныя привѣски табл. XXIV, 13, потомъ мѣдная сложная подвѣска табл. XXIV, 11 (лежала обратною стороною вверхъ на широкой подстилкѣ изъ темныхъ волосъ, лежавшей на деревѣ), на кистяхъ рукъ по спиральному пластинчатому браслету типа Лядинскаго мог. табл. IV, 6 (въ 6—7 оборотовъ) и по 3 мѣдныя подвѣски (по одной табл. XXVI, 12 и по двѣ типа табл. XXVI, 2, безъ ушковъ), кромѣ того, у правой руки мѣдный перстень типа табл. XXIII, 10 и три пластинчатыя подвѣски обычнаго типа. Рядомъ со сложной привѣской, справа, лежала длинная (болѣе 5 дюйм. длины) мѣдная привѣска типа Лядинск. мог. табл. IX, 6, но уже безъ подвѣсокъ (лицевою стороною внизъ, нижнимъ концомъ вверхъ), быть можетъ, также подвѣска къ косѣ; подъ нею подстилка изъ тѣхъ же волосъ и дерева. На груди и на локтѣ лѣвой руки сверху большая серебряная бляха типа Лядинскаго мог. табл. V, 7 и жел. ножъ, съ обѣихъ сторонъ гривны по тонкому желѣзному кольцу до 3-хъ дюймовъ въ діаметрѣ (одно съ расплющеннымъ концомъ, какъ у височнаго мѣднаго кольца), слѣва между чашкой и черепомъ третье такое же кольцо съ расширеніемъ около 2 дюйм. въ діаметрѣ, на шеѣ синяя стеклянная буса табл. XXVIII, 4. Отъ костяка, лежавшаго головою почти правильно на С., сохранились только части черепа и кистей рукъ. Подъ мѣдными вещами примѣтна деревянная подстилка.

№ 31. На сравнительно небольшой глубинѣ курганное (?) погребеніе. Костякъ головою на З. На шеѣ 2 буски, въ ногахъ горшокъ обыкновеннаго курганнаго типа.

№ 32. Ниже предыдущаго разстроенное погребеніе. Скелетъ лежалъ головою на С. На рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XXVII, 14 (безъ загибовъ).

№ 33. На глубинѣ до 1 арш. части черепа и нижнихъ конечностей костяка, лежавшаго головою на С. На тазу жел. очко типа табл. XXV, 5 (но пластинчатый загибъ какъ у № 11), небольшой кремень, оббитый на 3 грани, какъ въ подѣлкахъ каменнаго вѣка, и жел. ножъ въ деревянной рукояти.

№ 34. На глубинѣ 1 арш. 2 вершк. остатки черепа и нижнихъ конечностей костяка, лежавшаго головою на С. У головы справа чашка табл. XXVIII, 17, у таза желѣзный ножъ.

№ 35. На глубинѣ 1 1/4 арш. черепъ и часть кистей рукъ скелета (судя по величинѣ костей, дѣвушки-подростка), лежавшаго головою на С. На черепѣ 6 длинныхъ мѣдныхъ спиралей отъ головного убора типа Лядинск. мог. табл. VIII, 14, по сторонамъ головы по парѣ мѣдныхъ височныхъ колецъ (по одному кольцу табл. XXIV, 5 и по одному проволочному гладкому 3 дюйма въ діаметрѣ), на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XXVII, 14, на правой 2 мѣдные перстня типа табл. XXIII, 10 и одинъ табл. XXVII, 12, на лѣвой мѣдный перстень типа табл. XXIII, 10, на тазу желѣзная пряжка типа табл. X, 9 и желѣзный ножъ.

Надъ погребеніемъ, на глубинѣ 9 вершк., горшокъ курганнаго типа, безъ слѣдовъ костяка.

№ 36. На глубинѣ $1^1/_4$ арш. остатки трупосожженія. Пережженыя кости, на нихъ жел. ножъ и неопредѣленные желѣзные обломки, рядомъ обычная глиняная чашка.

№ 37. Почти на той же глубинѣ остатки трупосожженія. Незначительное количество пережженыхъ косточекъ, рядомъ жел. наконечникъ копья табл. XXVIII, 23, далѣе разбитая низкая чашка, среди черепковъ которой 2 мѣдныя привѣски табл. XXVIII, 8, мѣдная пряжка табл. XXVI, 6, височное кольцо со спиралью типа табл. XXIV, 5.

№ 38. Женскій костякъ отроческаго возраста, лежавшій головою на С. Отъ скелета осталась лишь часть зубовъ и кости рукъ. Въ изголовьѣ двѣ маленькія чашки типа табл. XXVIII, 17, на рукахъ небольшіе спиральные наручники типа табл. IV, 6 (по 6 оборотовъ) и по 3 мѣдныя кольца съ несомкнутыми концами типа табл. XXIII, 15, на шеѣ связка небольшихъ круглыхъ посеребреныхъ и позолоченыхъ бусъ.

№ 39. На глубинѣ $^3/_4$ арш. курганное (?) погребеніе. Костякъ плохой сохранности. На правомъ вискѣ мѣдное височное колечко обычнаго славянскаго типа и на груди еще 3 такія же; рядомъ съ ними обломки маленькой круглой желѣзной пряжки.

№ 40. На глубинѣ 1 арш. 6 вершк. женское погребеніе. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., ничего не сохранилось, кромѣ нѣсколькихъ зубовъ. На мѣстѣ головы мѣдное проволочное кольцо, шейное или височное, типа табл. XXIV, 5, въ діаметрѣ до 4-хъ дюймовъ, тутъ же серебр. монета Измаила сына Ахмеда 905 г., съ парою отверстій, ниже мѣдная подвѣска табл. XXVI, 13, на рукахъ по мѣдному браслету типа табл. XXIII, 9, но безъ орнамента и уже, на правой рукѣ, кромѣ того, мѣдный браслетъ табл. XXVII, 15 и серебряный перстень табл. XXVI, 8, выше груди 2 глиняные сосуда хорошей выдѣлки табл. XXVIII, 15 и 22.

№ 41. На глубинѣ 1 арш. 6 вершк. женскій костякъ (головою на С.), отъ котораго сохранились лишь части черепа и верхнихъ конечностей. На шеѣ желѣзная гривна съ напущеннымъ на нее ажурнымъ мѣднымъ кольцомъ, съ котораго свѣшиваются бубенчики на длинныхъ цѣпочкахъ табл. XXVII, 7, и значительное количество небольшихъ круглыхъ желтыхъ и позолоченыхъ бусъ, нерѣдко парныхъ и тройныхъ, тутъ же мѣдная бляшка типа табл. XXVI, 13, но болѣе простая, на рукахъ (согнутыхъ въ локтяхъ и страннымъ образомъ отведенныхъ въ стороны) по мѣдному спиральному наручнику типа Лядинскаго мог. табл. IV, 6, въ девять оборотовъ каждый, по мѣдному браслету типа Лядинскаго мог. табл. IX, 9 и еще по тонкому браслету типа табл. XXVII, 10. Подъ нѣкоторыми вещами слѣды деревянной подстилки.

№ 42. Женское погребеніе, на глубинѣ 1 арш. 3 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., сохранились лишь кисти рукъ, положенныхъ на тазу. По сторонамъ головы по серебряному височному кольцу типа табл. XXIV, 5 (но бо́льшаго размѣра), по серебряной подвѣскѣ табл. XXVI, 10 и по серебр. серьгѣ табл. XXIV, 4, на шеѣ сложное ожерелье изъ крупныхъ синихъ бусъ табл. XXVIII, 5, изъ мелкихъ темныхъ бусъ, двухъ мѣдныхъ лунницъ и 5 серебр. подвѣсокъ табл. XXVI, 18 и 19; кромѣ того, на шеѣ находились еще остатки желѣзной гривны; на рукахъ по 2 мѣдныхъ браслета табл. XXVII, 11 (одни съ орнаментомъ, другіе безъ него), на правой еще мѣдный браслетъ табл. XXVII, 8, на пальцахъ обѣихъ рукъ по серебряному перстню табл. XXV, 7 и табл. XXVII, 13.

№ 43. Остатки трупосожженія, на подстилкѣ. Мѣдная шейная гривна типа Лядинскаго мог. табл. XI, 1, восемь или десять крупныхъ мѣдныхъ височныхъ колецъ типа табл. XXIV, 5, двѣ мѣдныя подвѣски или серьги типа табл. XXVI, 10 (но безъ подвѣсокъ), ажурная мѣдная пряжка съ подвѣсками табл. XXVI, 15, желѣзный ножъ и большое ожерелье изъ спиралекъ и мѣдныхъ подвѣсокъ табл. XXV, 2 (ремешокъ отчасти цѣлъ).

Въ попорченныхъ мѣстахъ могильника были найдены слѣдующія вещи внѣ погребеній: 5 малыхъ мѣдныхъ спиральныхъ браслетовъ типа Лядинскаго мог. табл. IV, 6, три мѣдные перстня типа табл. XXIII, 10, мѣдное спиральное кольцо отъ головного убора типа Лядинскаго мог. табл. IV, 3, двѣ спиральныя трубочки также отъ головного убора, мѣдныя подвѣски табл. XXV, 10 и XXVI, 1 и 7, мѣдная серьга въ видѣ лунницы табл. XXVI, 3, четыре малыхъ и два большихъ мѣдныхъ височныхъ кольца, 2 мѣдныя поясныя бляшки, жел. стремя табл. XXVIII, 16, два жел. наконечника копій, 4 жел. топоровъ типа табл. XXVIII, 19 (одинъ изъ нихъ очень узкій).

X. Урвановскій могильникъ.

Расположенъ подъ с. Урвановымъ Меленковскаго у. Владимірской губ. При копаньѣ земли въ огородахъ, при рытьѣ погребныхъ ямъ, а также въ рытвинахъ переулковъ послѣ сильныхъ дождей обнаруживаются въ разныхъ мѣстахъ села человѣческія кости и при нихъ разнообразные мѣдные и желѣзные предметы. Выше (стр. 53) описана небольшая коллекція предметовъ отсюда, сохраняющаяся у Н. Г. Добрынкина. Изъ другихъ находокъ можно указать на серебряную гривну, проданную въ городѣ будто-бы дороже 30 р. Находки попадаются на значительномъ пространствѣ, по ту и по другую сторону улицы, такъ что погребенія на этомъ могильникѣ, повидимому, расположены весьма разсѣянно.

Первыя раскопки на могильникѣ были произведены когда-то г. Нефедовымъ (?) въ концѣ села, въ прогалинѣ, ведущей въ долину, при чемъ, по словамъ крестьянъ, было найдено нѣсколько череповъ, но мало вещей. Весною 1895 г. въ усадьбѣ одного крестьянина, на углу улицы и переулка, близъ церкви, при копаньѣ ямы были вырыты мѣдные спиральные наконечники, перстни, височныя кольца, головной ременный уборъ съ бляшками. Дальше въ огородѣ этого дома найдена была маленькая серебряная монета съ изображеніемъ креста, быть можетъ, западно-европейская. Лѣтомъ того же года на могильникѣ произведены пробныя раскопки членомъ Императорской Археологической Комиссіи Спицынымъ. Раскопки ведены были во дворѣ упомянутаго крестьянина и въ прилегающемъ переулкѣ.

№ 1. Мужское погребеніе въ ямѣ глубиною $1^1/_4$ арш. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., сохранилась часть (длинноголоваго) черепа. Въ нижней части скелета, приблизительно у лѣваго бедра, желѣзный топоръ типа табл. XXVIII, 19, близъ него небольшой желѣзный наконечникъ копья табл. XII, 14 и неопредѣленной формы желѣзный ножъ съ рукоятью. Нѣсколько безпорядочно разбросанныхъ черепковъ.

№ 2. Въ ямѣ глубиною $1^1/_4$ арш. остатки костяка, лежавшаго головою на С. Сохранились черепъ и слабые остатки конечностей; лѣвая рука лежала на животѣ.

Оба эти костяка найдены въ усадьбѣ, на площадкѣ въ 9×4 арш.

№ 3. Женское погребеніе на глубинѣ 1 арш. 10 вершк. Отъ костяка, лежавшаго головою на С., сохранилась часть черепа и при браслетахъ остатки ручныхъ костей. На черепѣ вѣнчикъ изъ спиралей типа табл. XXVII, 1, справа отъ шеи нѣсколько мѣдныхъ гривенъ типа табл. VII, 13 и небольшое количество желтыхъ бусъ типа табл. XXVIII, 2, слѣва часть такой же гривны и нѣсколько височныхъ колецъ типа табл. XXIV, 5, на груди мѣдная плетеная бляха табл. XXV, 3. на рукахъ по мѣдному пластинчатому браслету типа табл. XXVII, 14 и мѣдный перстень типа приблизительно табл. XXVI, 9. Въ головахъ слѣва 2 горшечка типа табл. XXVIII, 12 и 13.

Въ значительной траншеѣ, заложенной въ проулкѣ, кромѣ того, оказались 2 перекопанные костяка. При нихъ найдены 2 мѣдные круглые браслета, мѣдная бляшка типа табл. XI, 16 и мѣдная подвѣска типа табл. XXVI, 11. Здѣсь въ двухъ траншеяхъ всего было раскопано 11 квадр. саженей.

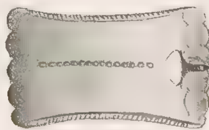

Рис. 26. Пряжка типа Пьяноборскаго могильника.

Указатель къ таблицамъ рисунковъ.

Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.
Пьяноборскій могильникъ.											
I, 1	—	2	II, 11	—	3	III, 1	—	3	V, 7	—	9
I, 2	—	4	II, 12	—	4	III, 2	—	4	V, 8	—	9
I, 3	—	4	II, 13	—	3	III, 3	—	4	V, 9	—	8
I, 4	—	2	II, 14	—	3	III, 4	—	2	V, 10	—	9
I, 5	—	2	II, 15	—	5	III, 5	—	3	V, 11	—	9
I, 6	—	4	II, 16	—	4	III, 6	—	3	V, 12	—	8
I, 7	—	4	II, 17	—	3	III, 7	—	3	V, 13	—	9
I, 8	—	2	II, 18	—	4	III, 8	—	2	V, 14	—	9
I, 9	—	4	II, 19	—	3	III, 9	—	4	V, 15	—	9
I, 10	—	3	II, 20	—	3	III, 10	—	4	V, 16	—	9
I, 11	—	4	II, 21	—	4	III, 11	—	4	V, 17	—	8
I, 12	—	5	II, 22	—	4	III, 12	—	4	Кошибеевскій могильникъ.		
I, 13	—	2	II, 23	—	3	III, 13	—	4			
I, 14	—	4	II, 24	—	3	III, 14	—	2	VI, 1	65	17
I, 15	—	4	II, 25	—	3	IV, 1	—	6	VI, 2	—	17
I, 16	—	2	II, 26	—	3	IV, 2	—	5	VI, 3	21	17
II, 1	—	4	II, 27	—	3	IV, 3	—	3	VI, 4	52	17
II, 2	—	2	II, 28	—	4	IV, 4	—	6	VI, 5	—	17
II, 3	—	2	II, 29	—	4	IV, 5	—	6	VI, 6	—	17
II, 4	—	2	II, 30	—	4	Атамановы кости.			VI, 7	—	17
II, 5	—	2	II, 31	—	3	V, 1	—	9	VI, 8	—	17
II, 6	—	2	II, 32	—	4	V, 2	—	9	VI, 9	6	17
II, 7	—	2	II, 33	—	2	V, 3	—	9	VI, 10	31	17
II, 8	—	2	II, 34	—	2	V, 4	—	9	VI, 11	53	15
II, 9	—	2	II, 35	—	2	V, 5	—	9	VI, 12	30	18
II, 10	—	2	II, 36	—	2	V, 6	—	9	VI, 13	22	12

Таблицы	№ погре-бенія.	Стр. опи-санія.	Таблицы.	№ по-гребе-нія	Стр. опи-санія.	Таблицы.	№ погре-бенія.	Стр. опи-санія.	Таблицы	№ по-гребе-нія.	Стр. опи-санія.
VI, 14	22	12	VII, 13	8	16, 37	IX, 18	87	20	XI, 11	33	12, 19
VI, 15	22	12	VII, 14	50	16, 37	IX, 19	62	18	XI, 12	12	12,20,34
VI, 16	22	12	VII, 15	85	22, 41	IX, 20	—	23	XI, 13	—	12,19,39
VI, 17	87	13	VII, 16	44	22	IX, 21	21	15, 16	XI, 14	91	12, 20
VI, 18	96	19	VIII, 1	32	20	IX, 22	2	16,19,38	XI, 15	64	12
VI, 19	Сергач.	25	VIII, 2	11	19	IX, 23	29	19, 34	XI, 16	96	19
VI, 20	Сергач.	25	VIII, 3	67	18	IX, 24	67	19	XI, 17	9	12
VI, 21	Сергач.	25	VIII, 4	61	19	IX, 25	8	19, 38	XI, 18	86	13
VI, 22	63	17	VIII, 5	8	18	IX, 26	91	15	XI, 19	86	12, 13
VI, 23	63	17	VIII, 6	54	18	IX, 27	49	19, 38	XI, 20	—	19
VI, 24	21	17	VIII, 7	—	19	X, 1	К. 42	41	XI, 21	1	12, 34
VI, 25	88	16	VIII, 8	70	18, 37	X, 2	К. 66	33, 41	XI, 22	—	23
VI, 26	22	12	VIII, 9	—	18	X, 3	Б. 60	17, 37	XII, 1	81	13, 32
VI, 27	98	11	IX, 1	19	20	X, 4	К. 22	17, 37	XII, 2	75	11, 32
VI, 28	53	16	IX, 2	11	20	X, 5	К. 5	37	XII, 3	13	11
VI, 29	64	15	IX, 3	29	20	X, 6	Б. 91	17, 37	XII, 4	62	11, 31
VI, 30	Сергач.	25	IX, 4	11	20	X, 7	К. 20	17, 37	XII, 5	39	12
VI, 31	53	16	IX, 5	108	20	X, 8	Б. 72	37	XII, 6	62	13
VII, 1	65	22, 41	IX, 6	89	20	X, 9	—	12, 39	XII, 7	22	31
VII, 2	70	22, 41	IX, 7	49	16	X, 10	Б. 27	12, 39	XII, 8	33	11, 31
VII, 3	49	21	IX, 8	70	16, 33	XI, 1	75	13, 29	XII, 9	78	11, 31
VII, 4	49	21, 39	IX, 9	58	21	XI, 2	—	12,20,23	XII, 10	77	11, 31
VII, 5	75	12	IX, 10	42	16	XI, 3		12, 23	XII, 11	1	53
VII, 6	68	13	IX, 11	37	16	XI, 4	6	12	XII, 12	54a	11
VII, 7	39	13	IX, 12	29	20	XI, 5	58	15	XII, 13	9	11, 31
VII, 8	91	15	IX, 13	11	15, 17	XI, 6	70	12	XII, 15	41	13
VII, 9	41	16, 38	IX, 14	38	15,21,41	XI, 7	6	12	XII, 16	53	13
VII, 10	29	20	IX, 15	58	15	XI, 8	83	12	XII, 17	4	13
VII, 11	50	16	IX, 16	58	15, 19	XI, 9	6	12, 20	XII, 18	75	13, 32
VII, 12	7	16, 37	IX, 17	79	12	XI, 10	75	12	XII, 19	88	13

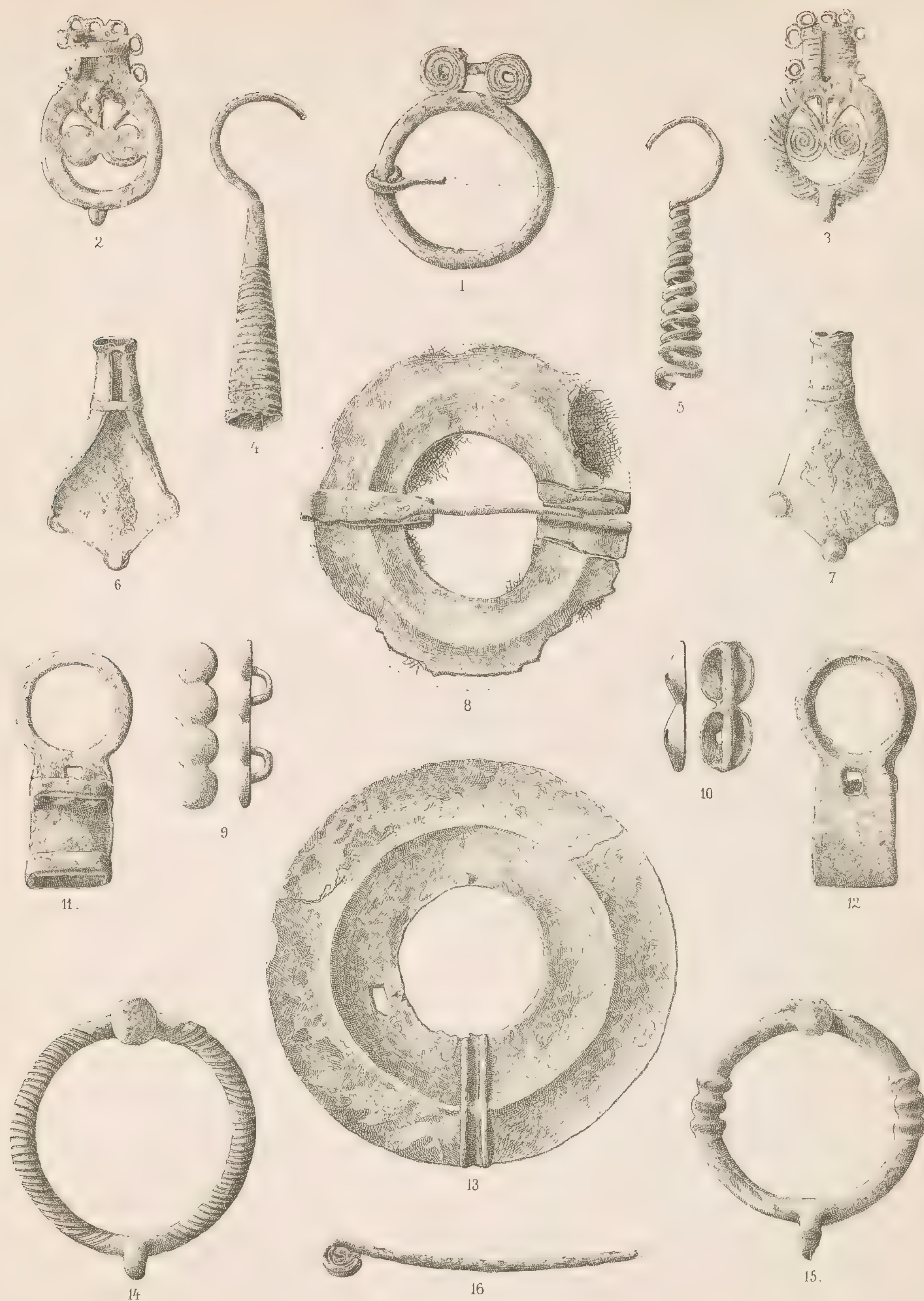
Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.
XII, 20	61	13	XIV, 6	Б. 107	28,38	XVI, 5	Б. 42	29	XVIII, 7	К. 69	33
XII, 21	Хол.	43	XIV, 7	Б. 66	37	XVI, 6	Б. 14	29	XVIII, 8	Б. 46	34
XII, 22	Хол.	29,43	XIV, 8	К. 7	39	XVI, 7	Б. 14	29	XIX, 1	Б. 76	40
XII, 23	Хол.	33,43	XIV, 9	Б. 37	38	XVI, 8	К. 51	37	XIX, 2	Б. 82	40,45
XII, 24	Хол.	43	XIV, 10	Б. 66	34	XVI, 9	Б. 14	29	XIX, 3	Б. 10	29
XII, 25	Хол.	29,43	XIV, 11	К. 65	31	XVI, 10	Б. 6 и 63	29	XIX, 4	Б. 44	34,40
XII, 26	Хол.	43	XIV, 12	—	42	XVI, 11	Б. 5	29	XIX, 5	Б. 44	40
XII, 27	Хол.	43	XIV, 13	—	42	XVI, 12	К. 20	37	XIX, 6	К. 42	33
XII, 28	Хол.	43	XIV, 14	—	42	XVI, 13	К. 36	33,37	XIX, 7	К. 8	38
XII, 29	Хол.	43	XIV, 15	—	42	XVI, 14	Б. 42	29	XIX, 8	Б. 31	41
XIII, 1	6	18	XIV, 16	—	42	XVI, 15	Б. 42	29	XIX, 9	К. 30	33
XIII, 2	22	12	XIV, 17	—	42	XVII, 1	Б. 28	29	XIX, 10	К. 69	33,41
XIII, 3	85	21	XIV, 18	—	42	XVII, 2	Б. 39	29	XIX, 11	К. 69	38
XIII, 4	108	17,21	XIV, 19	—	42	XVII, 3	Б. 4	34	XIX, 12	Б. 54	39
XIII, 5	108	21,30	XV, 1	К. 37	38	XVII, 4	Б. 30	39	XX, 1	Б. 68	31
XIII, 6	13	11	XV, 2	К. 42	34	XVII, 5	К. 51	39	XX, 2	К. 59	31
XIII, 7	41	12	XV, 3	К. 24	38	XVII, 6	К. 5	33	XX, 3	К. 55	31
XIII, 8	95	18	XV, 4	Б. 90	38	XVII, 7	К. 22	33	XX, 4	К. 54	31
XIII, 9	11	22	XV, 5	К. 21	38	XVII, 8	Б. 19	37	XX, 5	—	43
XIII, 10	50	21	XV, 6	К. 74	38	XVII, 9	К. 50	37	XX, 6	Б. 69	32
XIII, 11	76	21	XV, 7	Б. 107	33,38	XVII, 10	К. 21	37	XX, 7	—	32
XIII, 12	—	18	XV, 8	Б. 111	31	XVII, 11	К. 51	37	XX, 8	Б. 58	33
XIII, 13	76	21,39	XV, 9	Б. 110	41	XVII, 12	Б. 25	28,39	XX, 9	Б. 91	38
Борковскій и Кузьминскій могильники.			XV, 10	К. 38	37	XVII, 13	К. 1	39	XX, 10	Б. 102	33
			XV, 11	К. 39	37	XVIII, 1	Б. 44	37	XX, 11	Б. 54	32
XIV, 1	—	43	XV, 12	К. 2	38	XVIII, 2	К. 72	39	XX, 12	К. 5	29
XIV, 2	К. 7	41	XVI, 1	Б. 77	38	XVIII, 3	Б. 69	30	XX, 13	Б. 94	29
XIV, 3	К. 2	33	XVI, 2	Б. 63	32	XVIII, 4	Б. 99	30,39	XX, 14	Б. 14	29
XIV, 4	К. 41	28	XVI, 3	К. 69	40	XVIII, 5	К. 23	37	XX, 15	К. 18	29
XIV, 5	—	42	XVI, 4	Б. 14	29	XVIII, 6	К. 69	37	XX, 16	Б. 106	29,41

Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.
XXI, 1	Б.106	38	XXII, 14	Б. 51	29	XXIV, 9	16	48	XXVI, 13	40	48
XXI, 2	Б. 26	34,40	XXII, 15	К. 69	40	XXIV, 10	12	49	XXVI, 14	12	47
XXI, 3	Б. 85	34	XXIII, 1	К. 66	30,32	XXIV, 11	30	47	XXVI, 15	43	48
XXI, 4	Б. 83	34,42	XXIII, 2	К. 71	40	XXIV, 12	11	47	XXVI, 16	30	46
XXI, 5	К. 31	34	XXIII, 3	—	39	XXIV, 13	30	47	XXVI, 17	7	49
XXI, 6	Б. 83	42	XXIII, 4	Б. 87	39	XXV, 1	12	49	XXVI, 18	42	51
XXI, 7	К. 30	34	XXIII, 5	—	30	XXV, 2	43	46	XXVI, 19	42	51
XXI, 8	Б. 35	29	XXIII, 6	Б. 95	39	XXV, 3	Урван.	53	XXVII, 1	22	45
XXI, 9	Б. 44	34	XXIII, 7	Б. 69	39	XXV, 4	14	48	XXVII, 2	24	46
XXI, 10	К. 5	38	XXIII, 8	К. 69	39	XXV, 5	25	49	XXVII, 3	22	45
XXI, 11	К. 30	34	XXIII, 9	Б.107	39,47	XXV, 6	17	46	XXVII, 4	11	47
XXI, 12	К. 20	38	XXIII, 10	К. 36	40,47	XXV, 7	42	47,51	XXVII, 5	12	49
XXI, 13	Б. 58	29,38	XXIII, 11	К. 36	40	XXV, 8	7	49	XXVII, 6	3	45
XXI, 14	Б. 26	33,46	XXIII, 12	К. 36	40	XXV, 9	24	46	XXVII, 7	41	46
XXI, 15	Б. 91	29	XXIII, 13	—	42	XXV, 10	—	49	XXVII, 8	42	51
XXI, 16	К. 52	29	XXIII, 14	К. 15	34,46	XXV, 11	29	49	XXVII, 9	19	51
XXI, 17	Б. 35	29	XXIII, 15	Б. 83	34,47	XXV, 12	7	49	XXVII, 10	3	47
XXII, 1	Б. 71	29	XXIII, 16	К. 69	40	XXV, 13	3	46	XXVII, 11	42	51
XXII, 2	Б. 14	39,46	XXIII, 17	—	40	XXVI, 1	—	49	XXVII, 12	35	47
XXII, 3	К. 19	29	XXIII, 18	К. 20	38,40	XXVI, 2	5	47,48	XXVII, 13	42	51
XXII, 4	Б. 38	28,38	Максимовскій могильникъ.			XXVI, 3	—	45,49	XXVII, 14	3	46
XXII, 5	К. 19	29,30				XXVI, 4	3	46	XXVII, 15	40	46
XXII, 6	Б.111	29	XXIV, 1	16	49	XXVI, 5	3	46	XXVIII, 1	19	51
XXII, 7	К. 8	29	XXIV, 2	7	49	XXVI, 6	37	46	XXVIII, 2	6	51
XXII, 8	—	43	XXIV, 3	12	47	XXVI, 7	—	49	XXVIII, 3	11	46
XXII, 9	К. 69	40	XXIV, 4	42	50	XXVI, 8	40	47	XXVIII, 4	30	46
XXII, 10	Б.107	40	XXIV, 5	35	45,51	XXVI, 9	7	47	XXVIII, 5	42	51
XXII, 11	К. 69	40	XXIV, 6	21	46	XXVI, 10	42	45,51	XXVIII, 6	3	46
XXII, 12	—	29	XXIV, 7	3	46	XXVI, 11	22	47,53	XXVIII, 7	3	46
XXII, 13	К. 21	40	XXIV, 8	5	46	XXVI, 12	30	47	XXVIII, 8	37	48

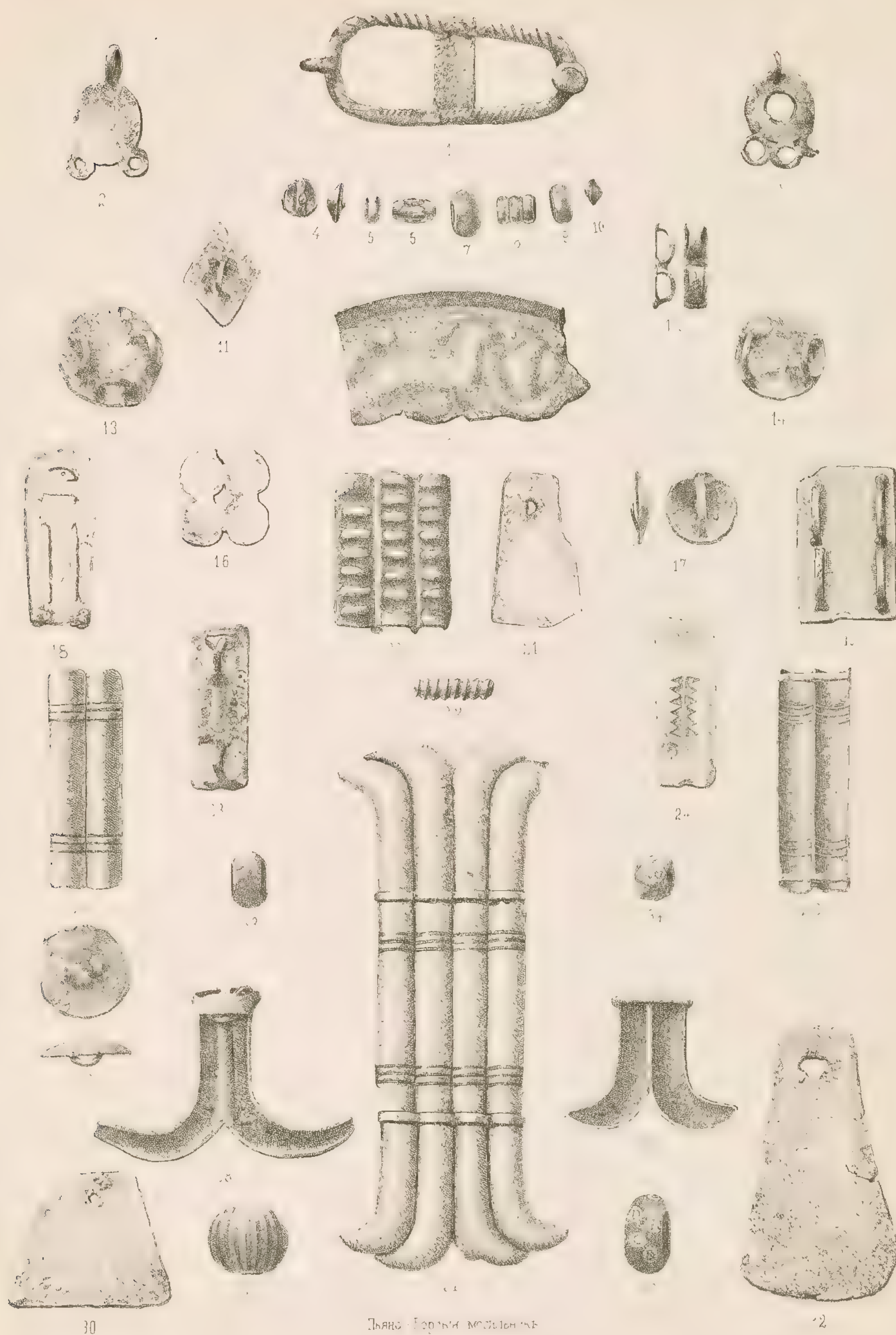
Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.	Таблицы.	№ погребенія.	Стр. описанія.
Г. Муромъ.											
XXVIII, 9	—	52	XXVIII, 20	4	48	XXIX, 8	—	52	XXX, 7	—	52
XXVIII, 10	12	49	XXVIII, 21	23	51	XXIX, 9	—	52	XXX, 8	—	52
XXVIII, 11	22	48	XXVIII, 22	40	48	XXIX, 10	—	52	XXX, 9	—	52
XXVIII, 12	14	48	XXVIII, 23	37	48	XXIX, 11	—	52	XXX, 10	—	52
XXVIII, 13	24	48	XXIX, 1	—	52	XXIX, 12	—	52	XXX, 11	—	52
XXVIII, 14	12	47	XXIX, 2	—	52	XXX, 1	—	52	XXX, 12	—	52
XXVIII, 15	40	48	XXIX, 3	—	52	XXX, 2	—	52	XXX, 13	—	52
XXVIII, 16	—	49	XXIX, 4	—	52	XXX, 3	—	52	XXX, 14	—	52
XXVIII, 17	34	48	XXIX, 5	—	52	XXX, 4	—	52	XXX, 15	—	52
XXVIII, 18	29	49	XXIX, 6	—	52	XXX, 5	—	52	XXX, 16	—	52
XXVIII, 19	12	48	XXIX, 7	—	52	XXX, 6	—	52	XXX, 17	—	52

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
12	4 сн.	припаянъ)	припаянъ), изъ ажурной бляшки табл. XIII, 2
17	10 сн.	табл. VI, 15	табл. VI, 10
29	9 св.	К. 14	К. 14, и табл. XXII, 12
33	10 сн.	XX, 10	XX, 8 и 10
33	17 св.	XIX, 12	XXII, 12
37	9 св.	Б. 33, 105	Б. 33, 91, 105
39	18 сн.	VII, 4	VII, 4 и XVII, 4
43	4 св.	или	и
43	5 св.	табл. XX, 5	табл. XX, 5 и XIV, 1
46	2 сн.	XXVII	XXVII, 14
47	9 сн.	4	14
84	5 св.	табл. X, 7	табл. X, 6
90	11 св.	XIX, 12	XXII, 12
94	12 св.	табл. X, 6	типа табл. X, 6

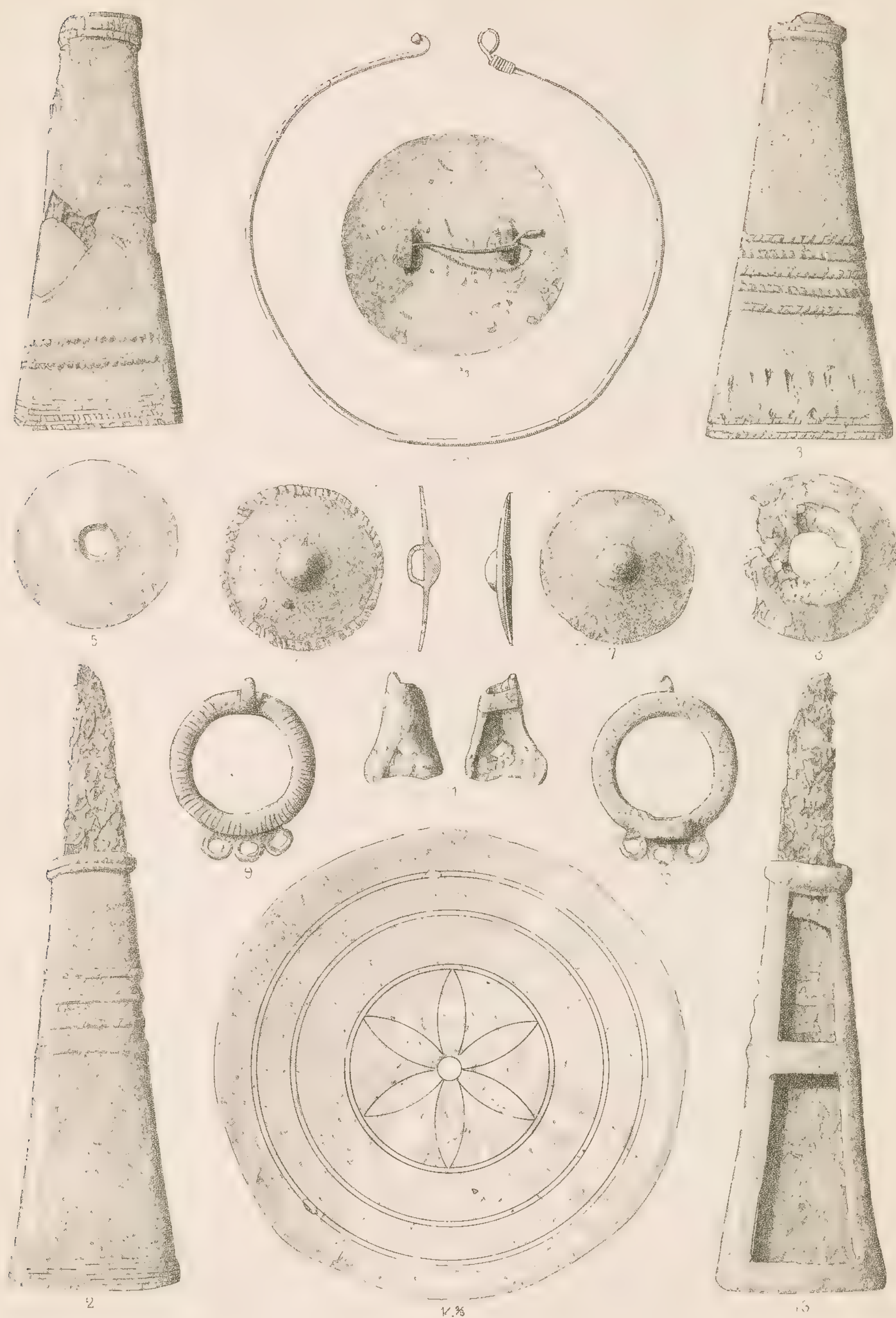

Могильникъ Пьяно Б[illegible]

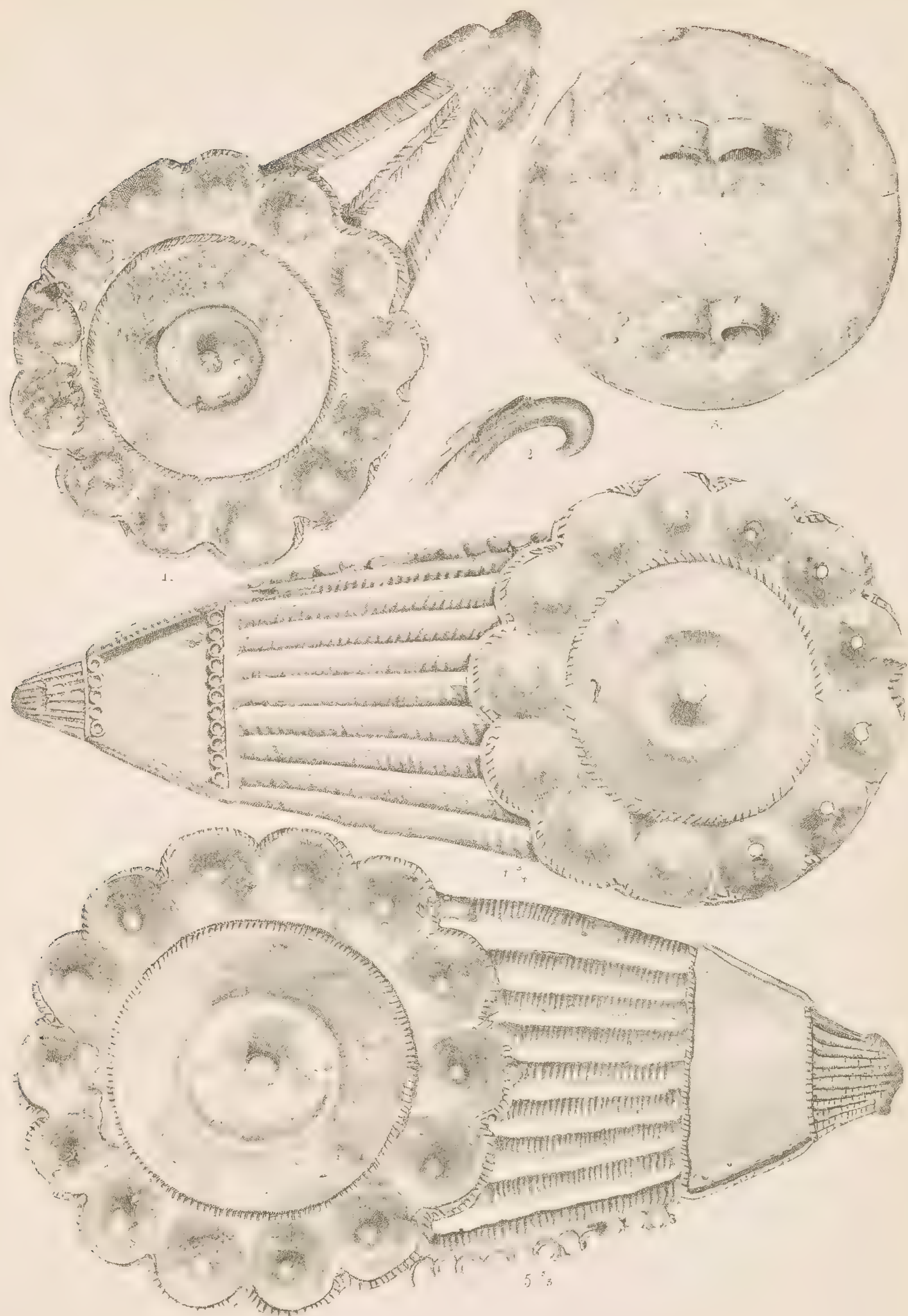
Пьяно-Борскій могильникъ

Лит К де Кастелли В О 11 д № 22 С.П Б

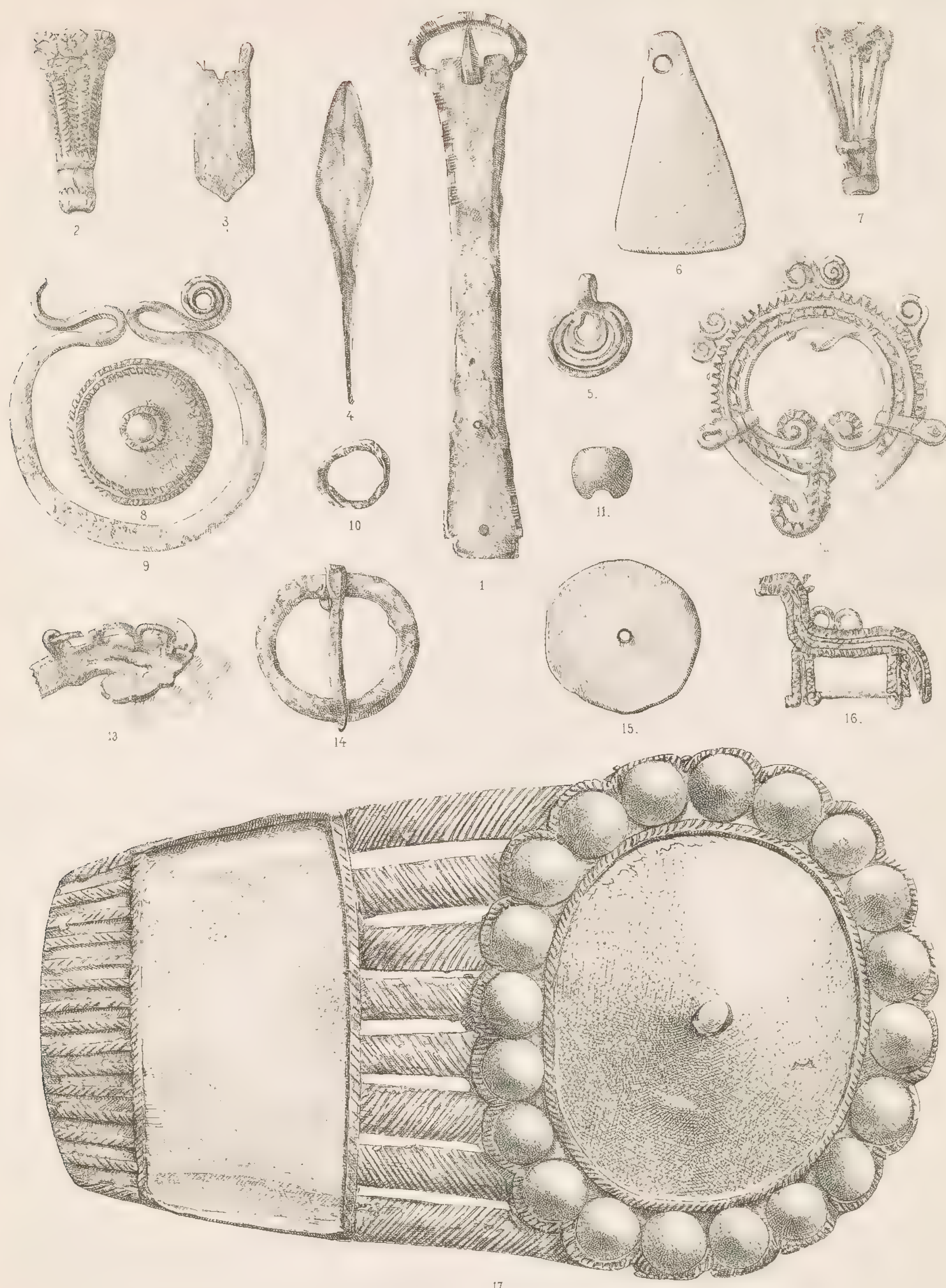
Могильникъ Пьяно-Борскій

Лит К. де Кастелли В О. 11 л № 22 С П. Б.

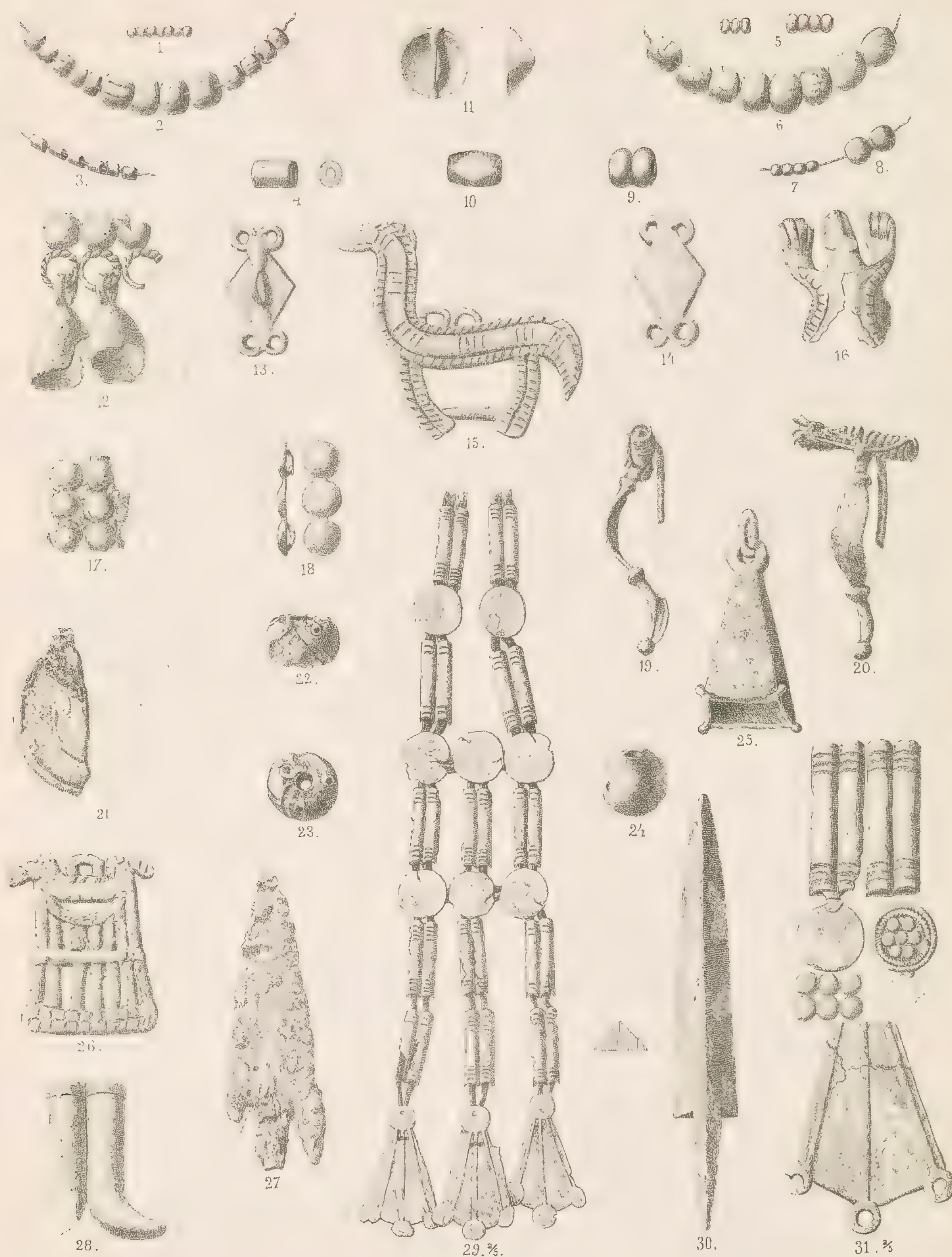
Могильникъ [illegible]

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

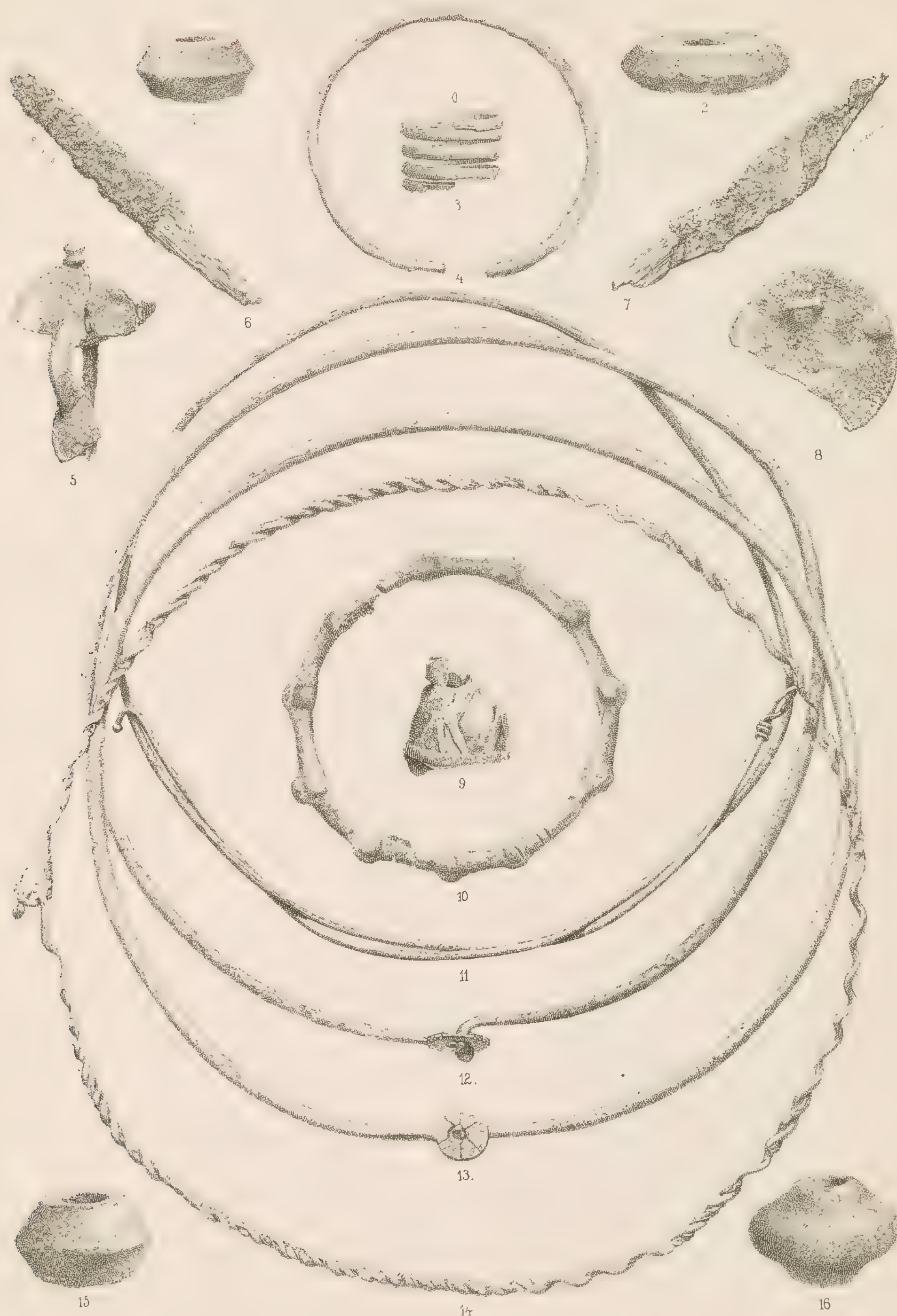
Могильникъ Атамановы Кости

Лит К де Кастелли В О 1! д № 22 С.П.Б.

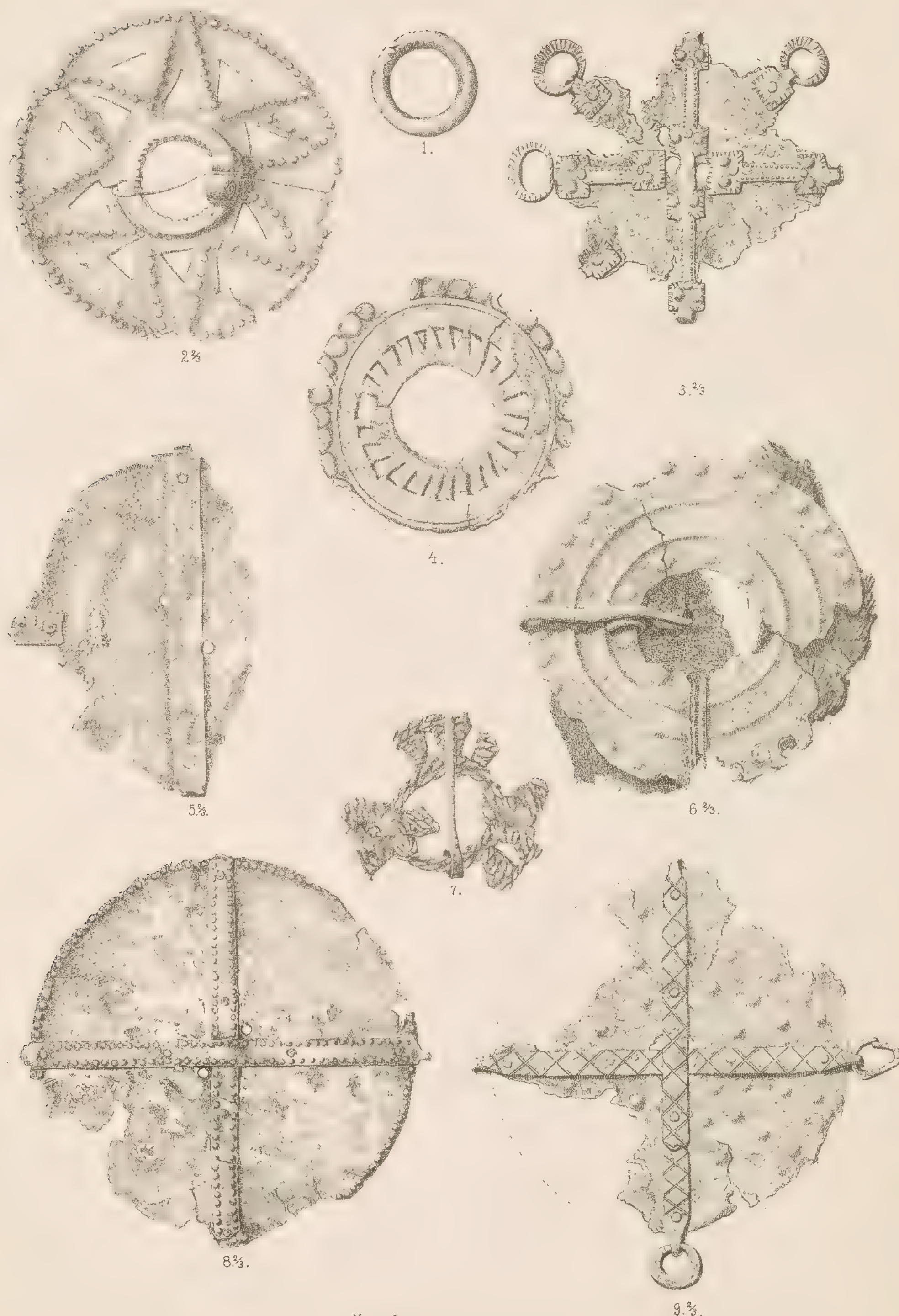
Кошибеевскій могильникъ.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 лин. 22. С.П.Б.

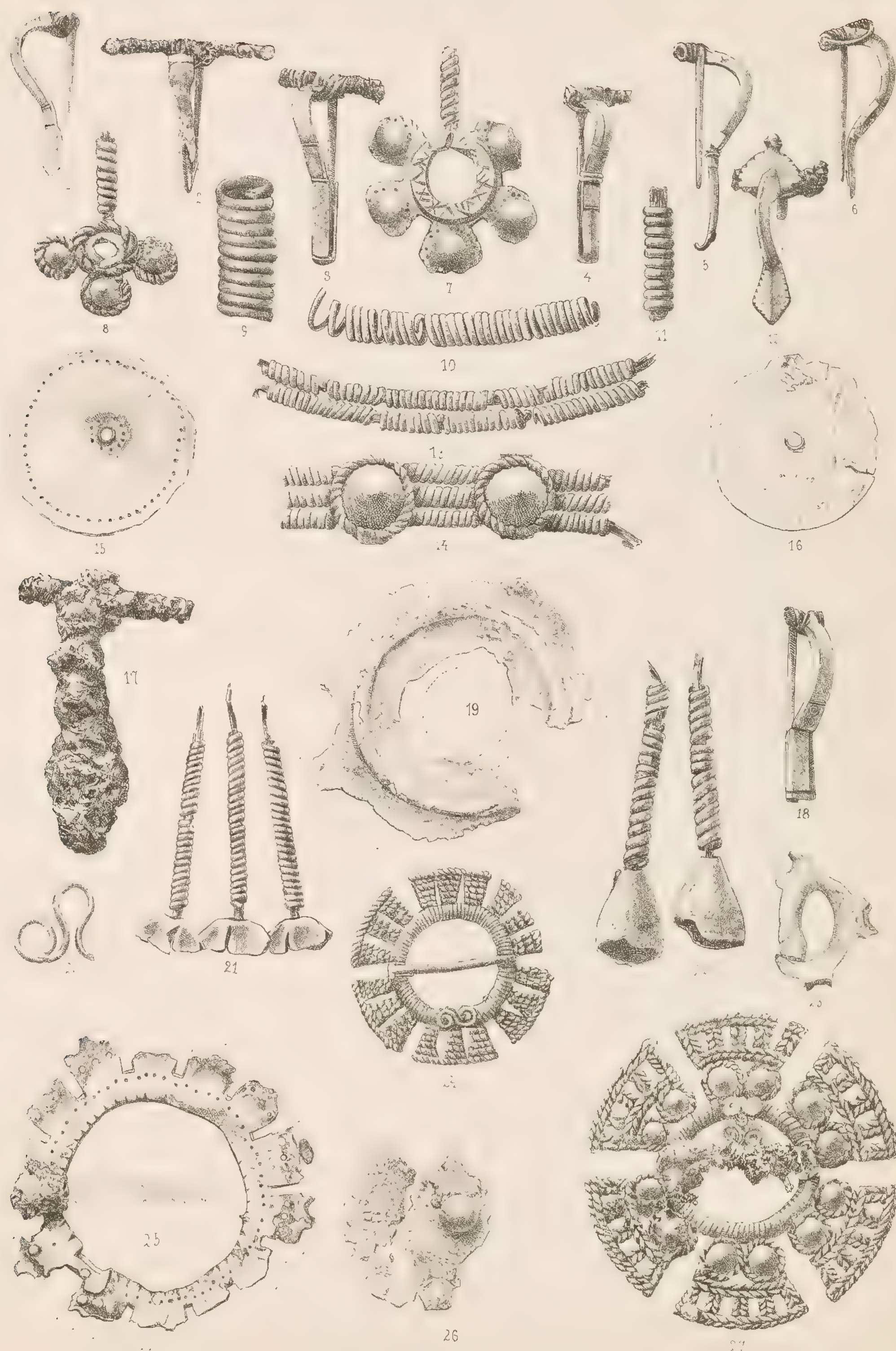
Кошибѣевскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С. П. Б.

Кошкѣевскiй могильникъ

Лит. К. де Кастелли С.П.б. В.О. 11 лин. № 2

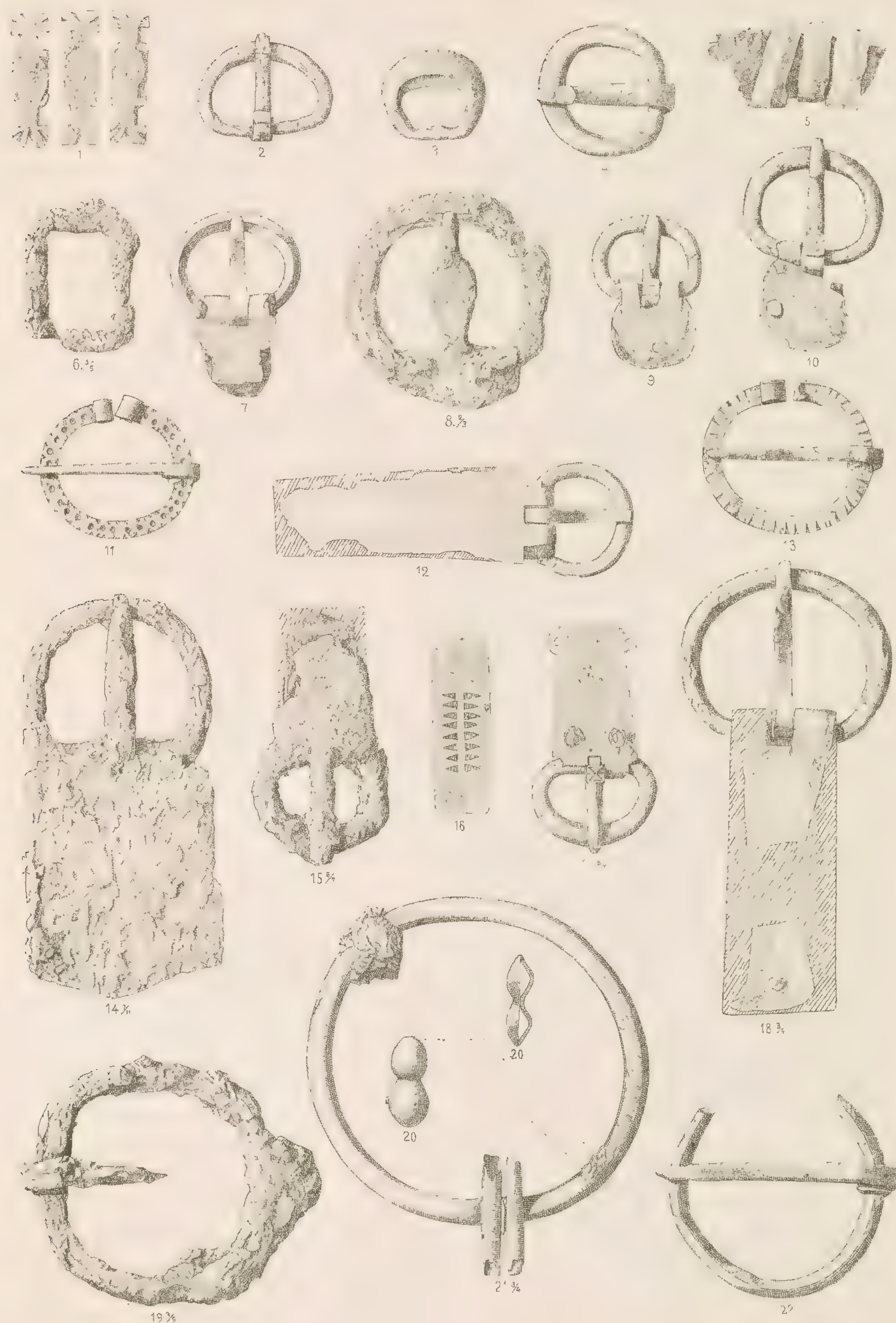
Кошибеевскiй могильникъ

Лит К де Кастелли В.О 11 л № 22 С П Б.

1. 2. 3 4 5 6 7 8. 9. 10

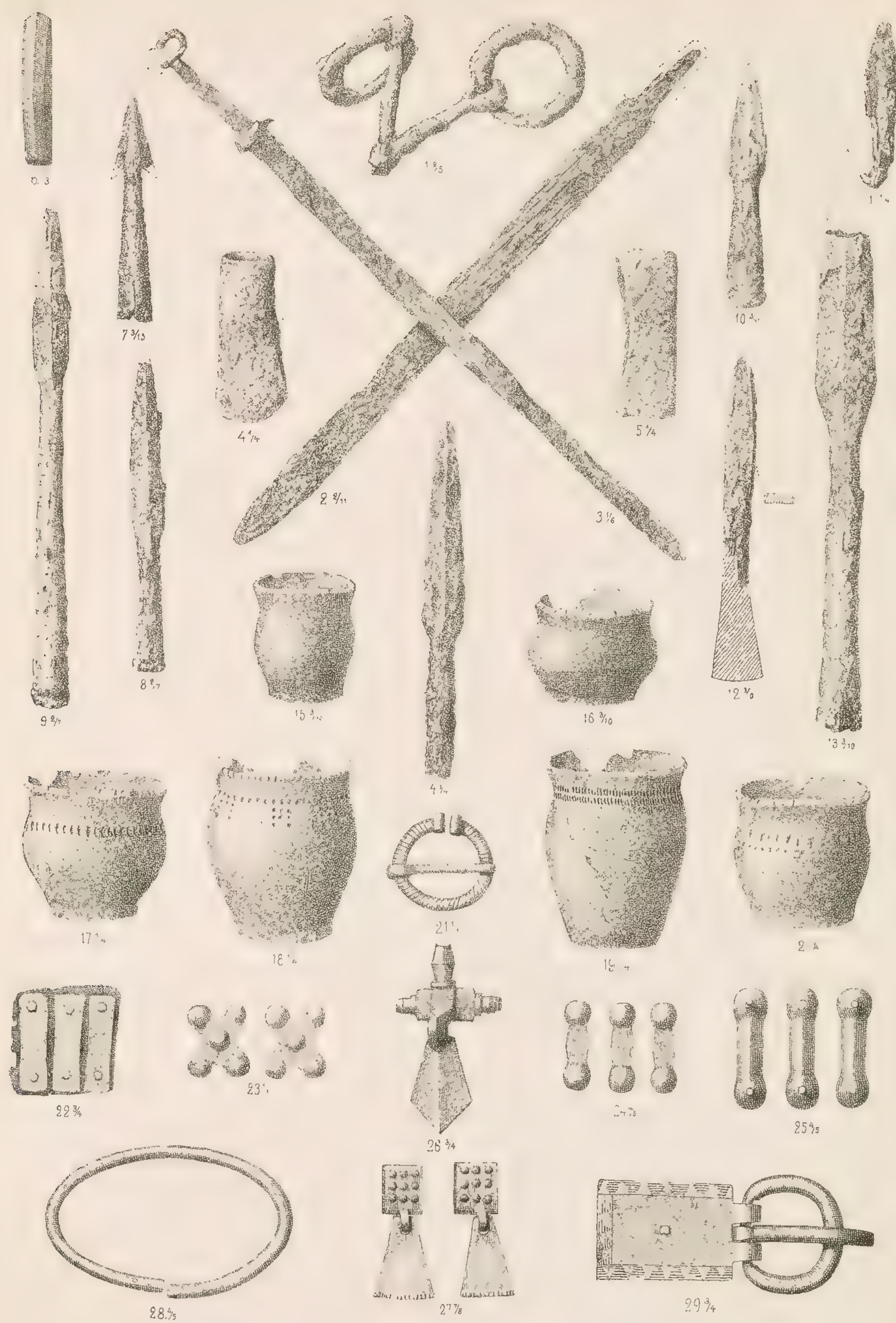
Борковскій и Кузьминскій могильники

Лит. К де Кастелли В.О. 11. лин. д № 22 С П. Б

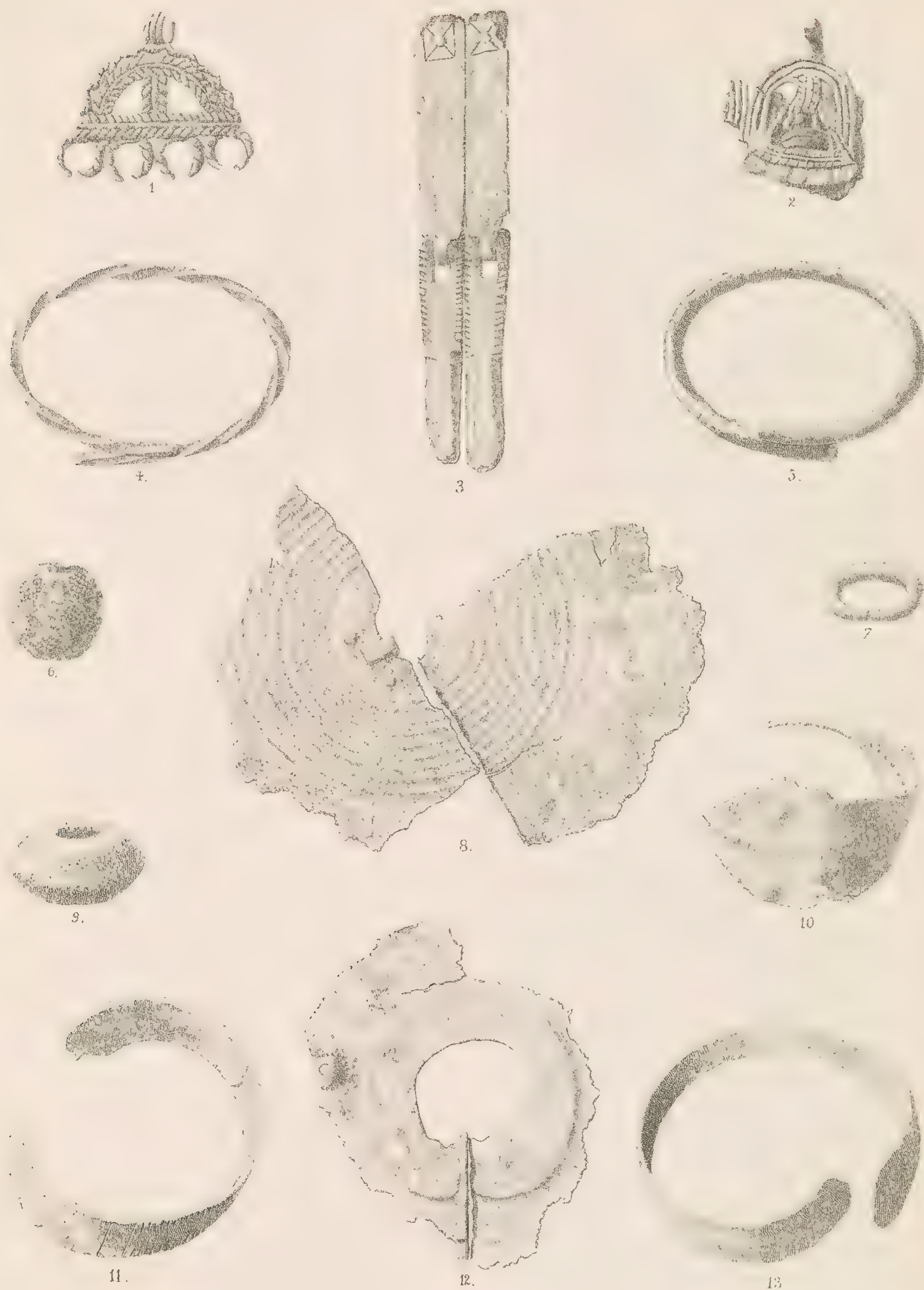
Кошибѣевскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б.

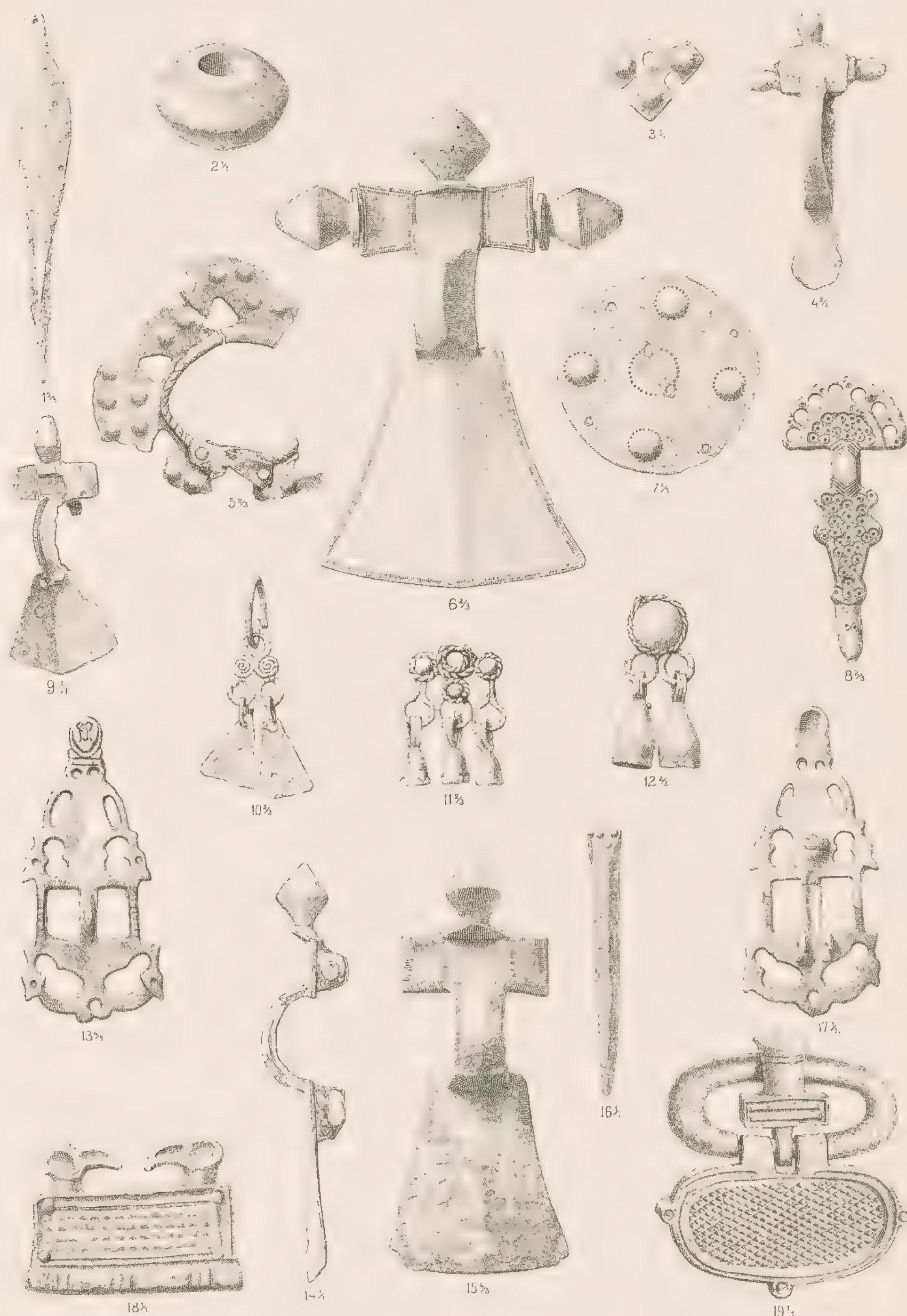
Кошибѣевскіи мог. №№ 21–29 изъ Холуйскаго мог.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

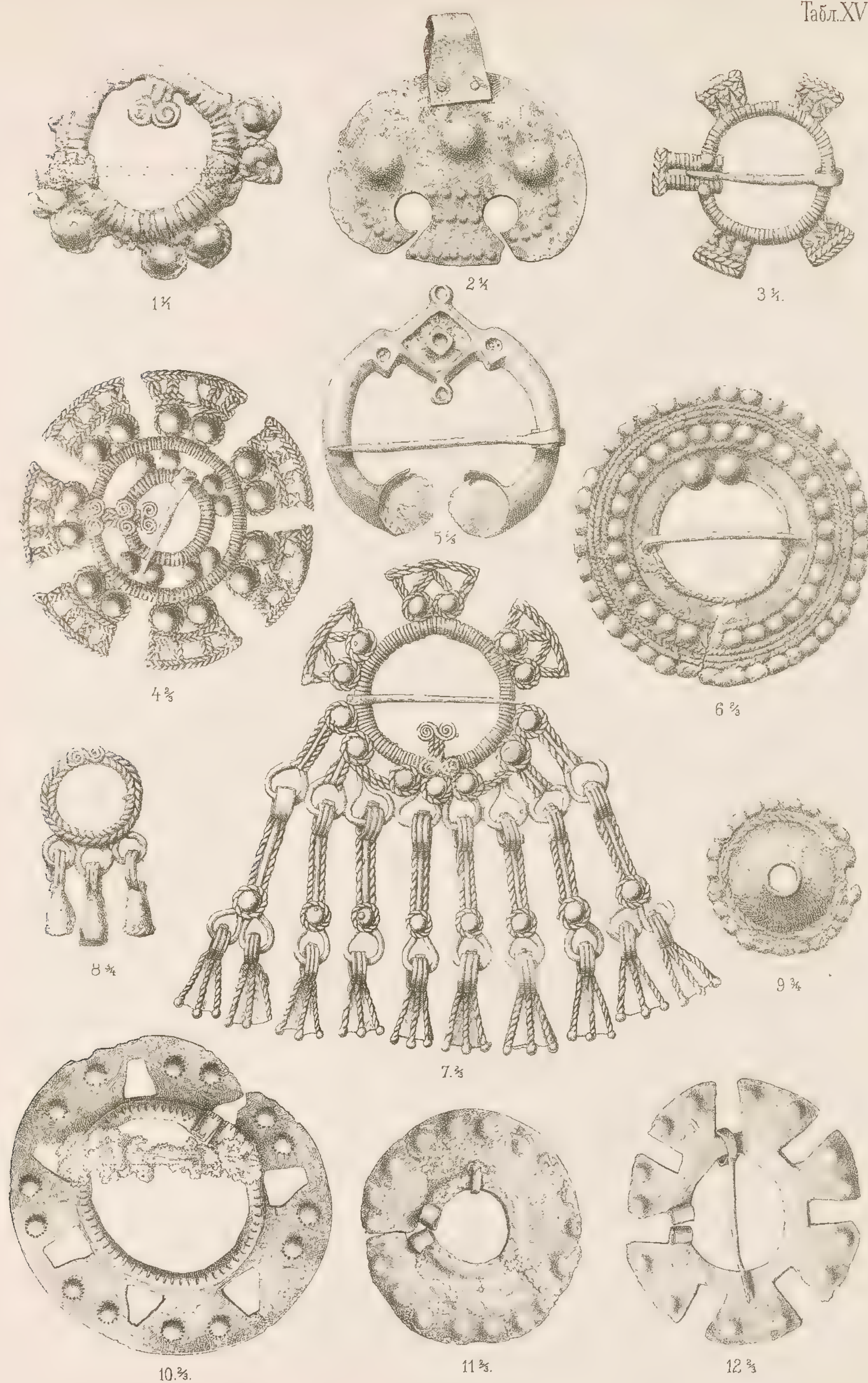
Кошибѣевскій могильникъ

Лит. Кде ... С П д N 22 С П Б

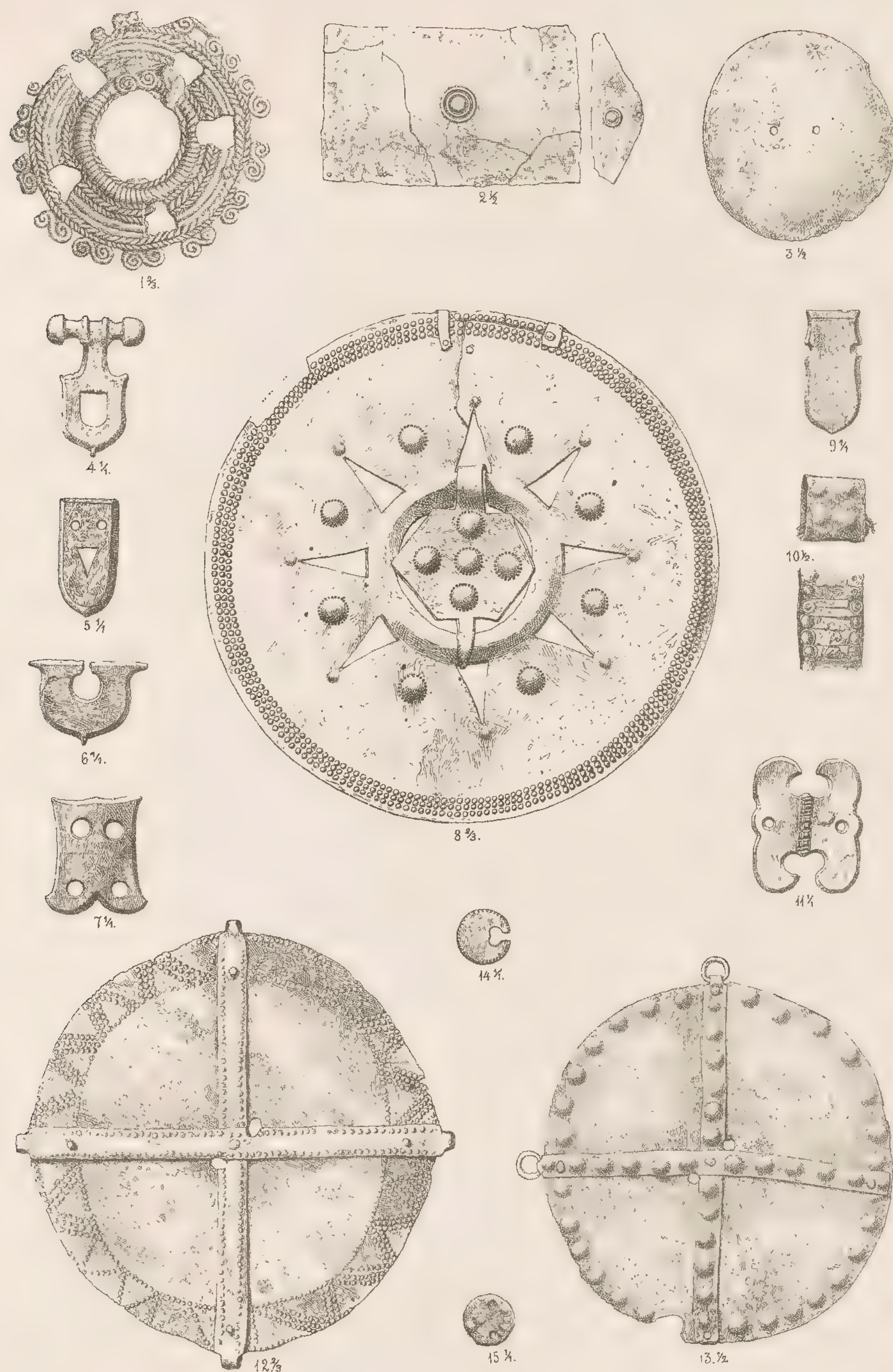
Борковскій могильникъ

[illegible]

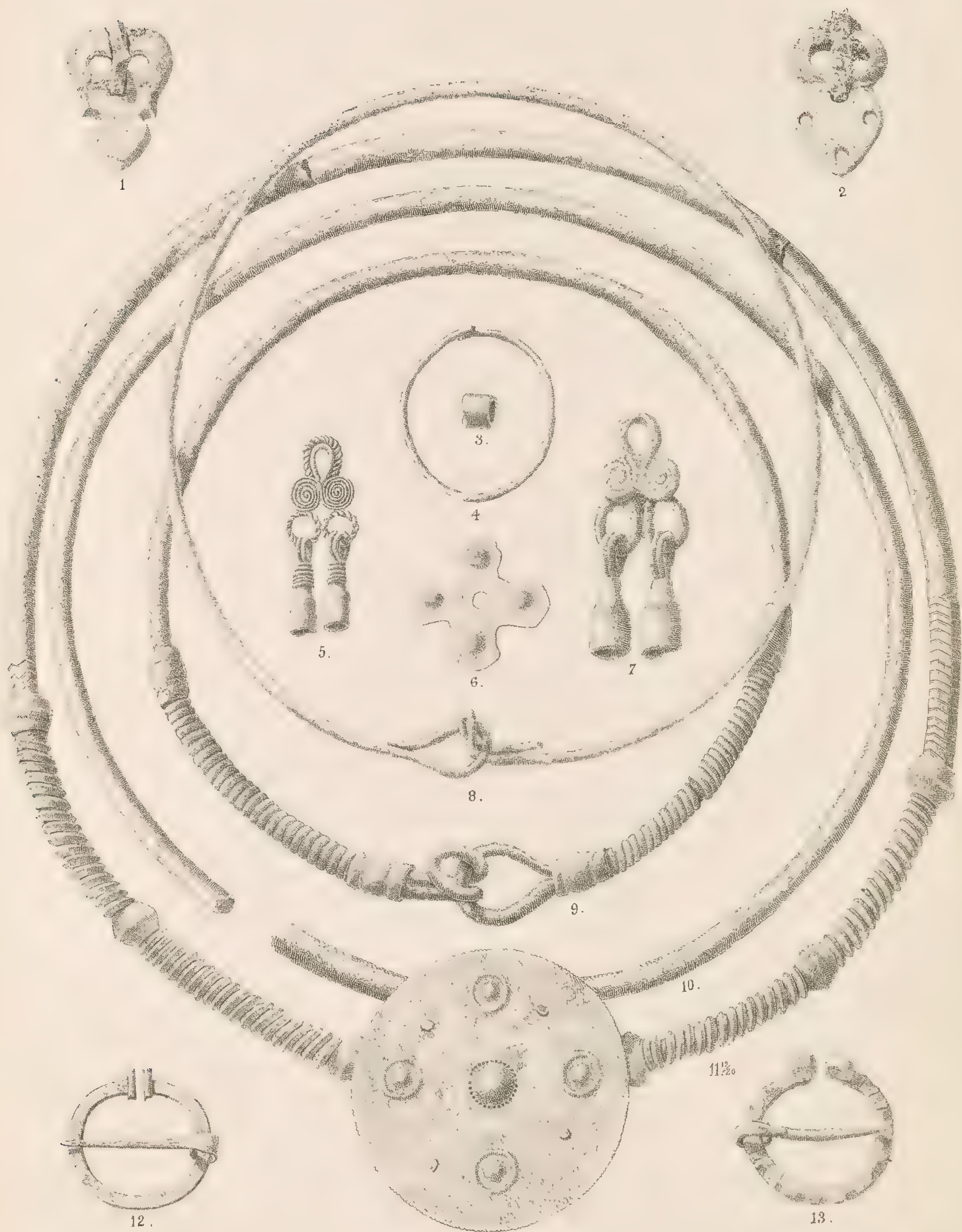
Борковскій и Кузьминскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли. В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

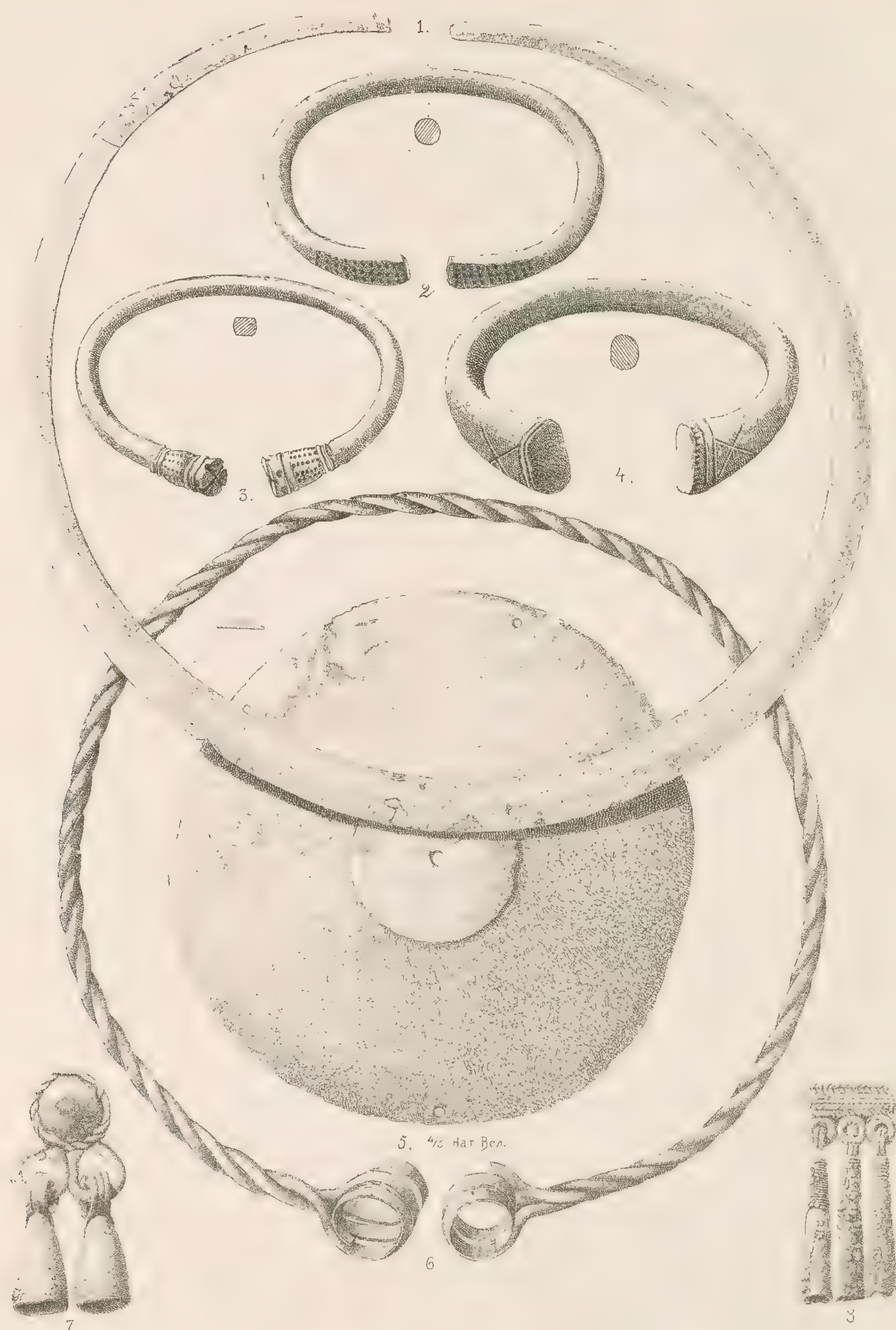
Борковскій и Кузьминскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22. С. П. Б.

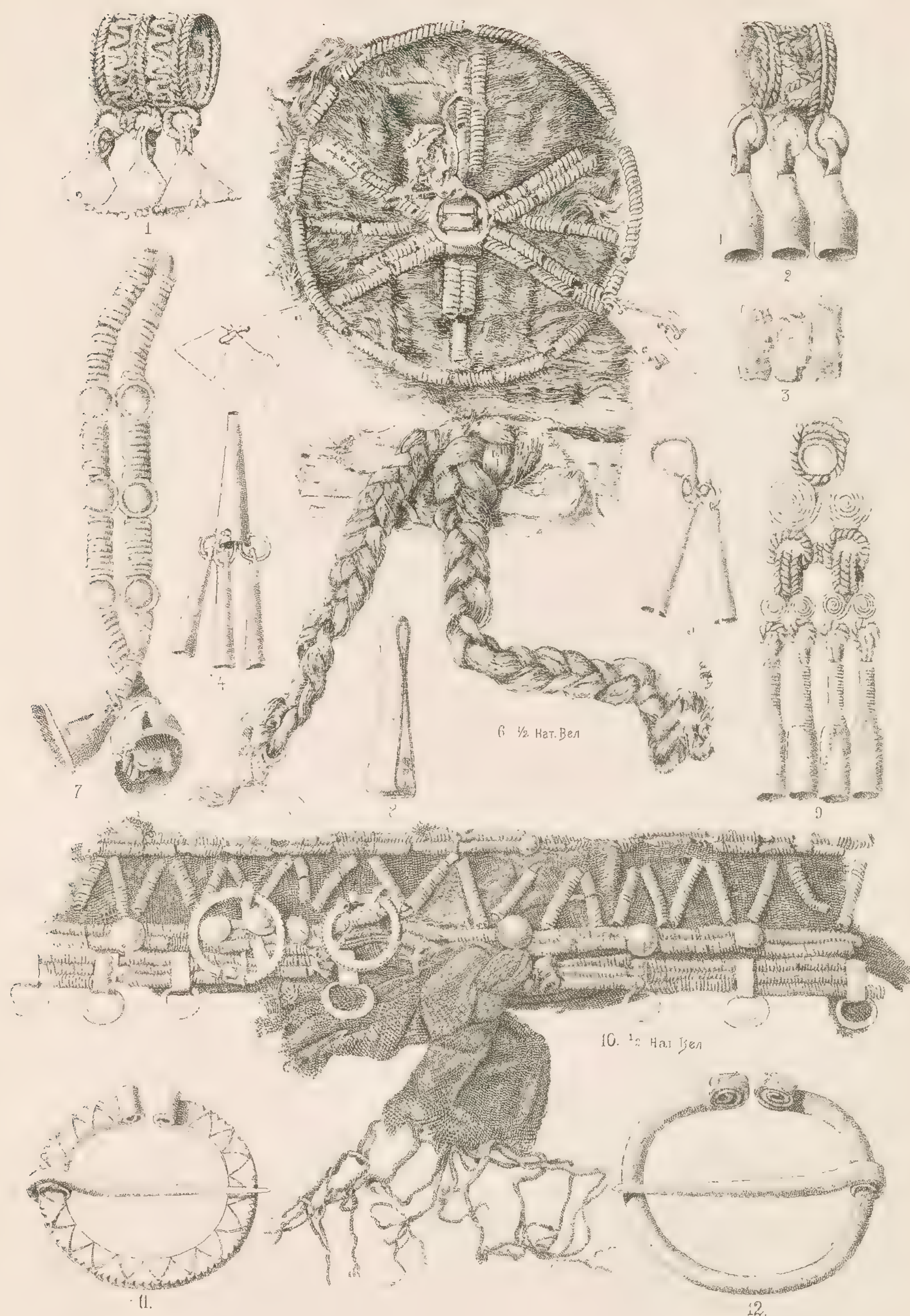
Борковскій и Кузьминскій могильники

Лит. К де Кастелли В.О. 11 лин С.П.Б

Борковскій и Кузьминскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли, В.О 11 л. № 22 С П Б

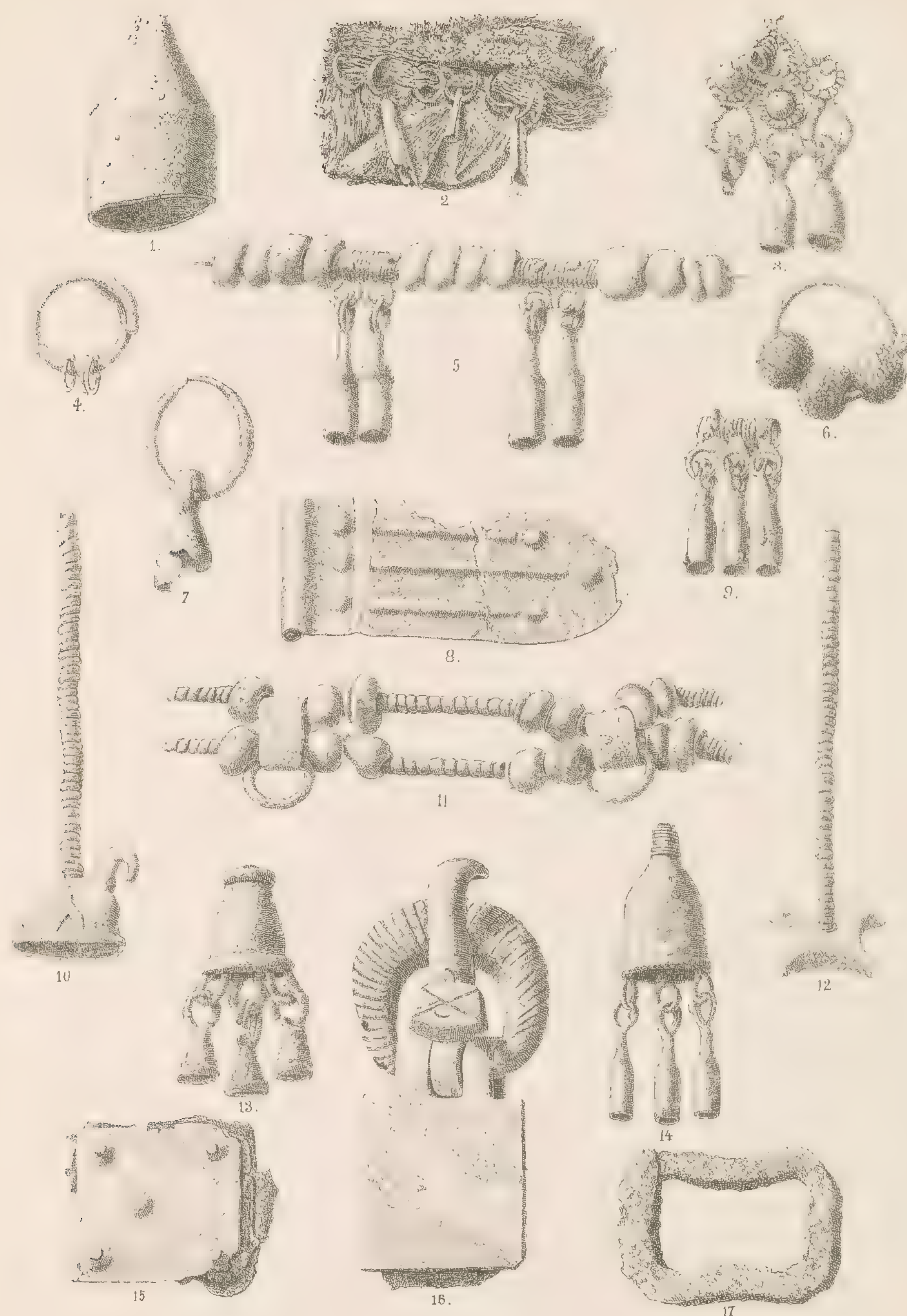
Борковскій и Кузьминскій могильникъ.

Лит. К. де Кастелли, В.О. 11. л. № 22. С.П.Б.

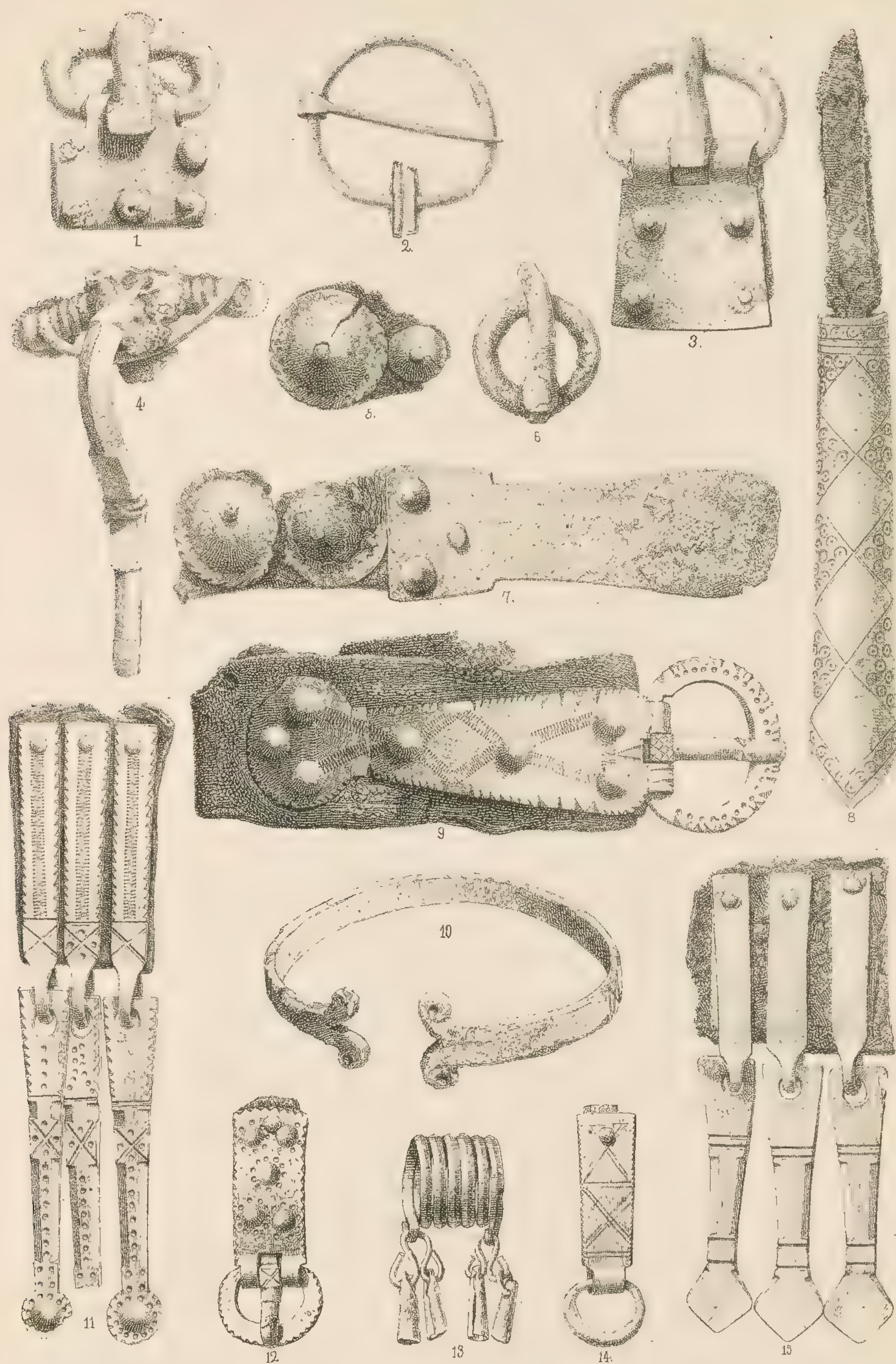
Борковскій и Кузьминскій могильники.

Лит К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22. С.П.Б.

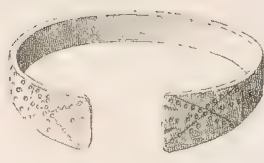
Борковскій и Кузьминскій могильникъ.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22. С. П. Б.

Борковскій и Кузминскій мог.

Лит. К. де Кастелли В. О. И. д. № 22. СПБ.

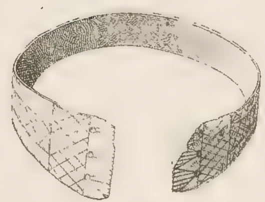

1. 3/4.

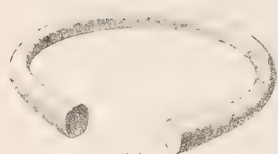

2. 1/1

3 3/4

4. 3/4.

5 3/4.

6 3/4.

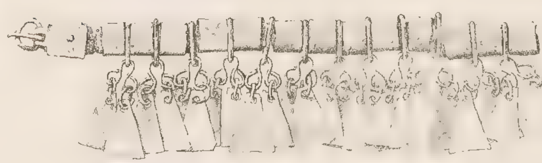

7. 3/4.

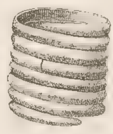

8 3/4.

9. 3/4

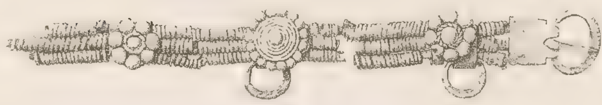

11 1/2

10. 1/1

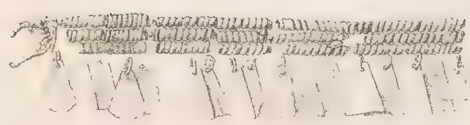

14 1/2

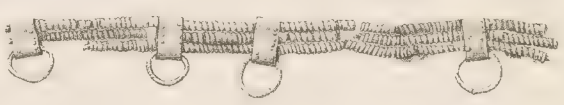

12. 1/1

13. 1/1.

16. 1/2.

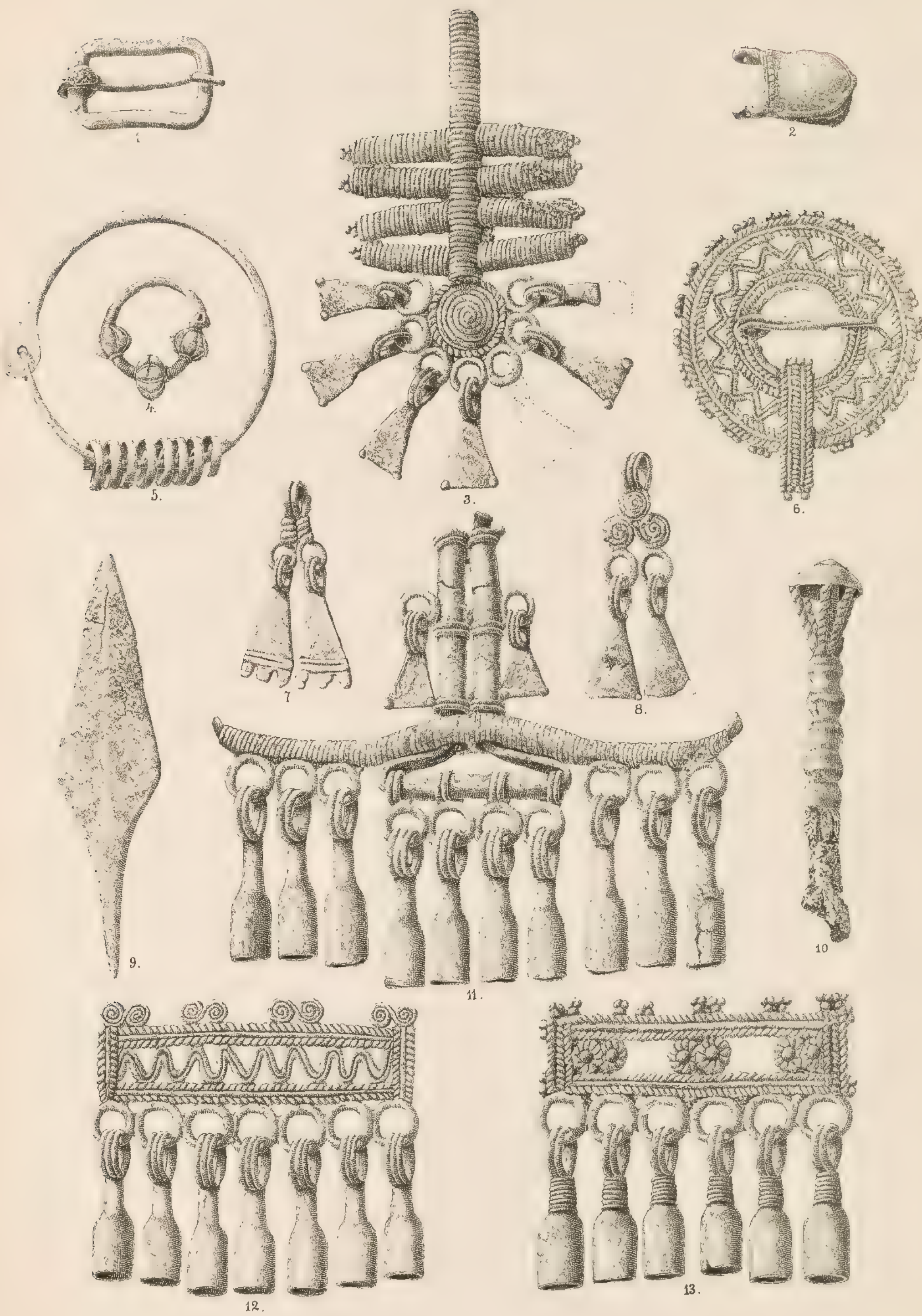

15 1/1

17. 1/2

18 1/2

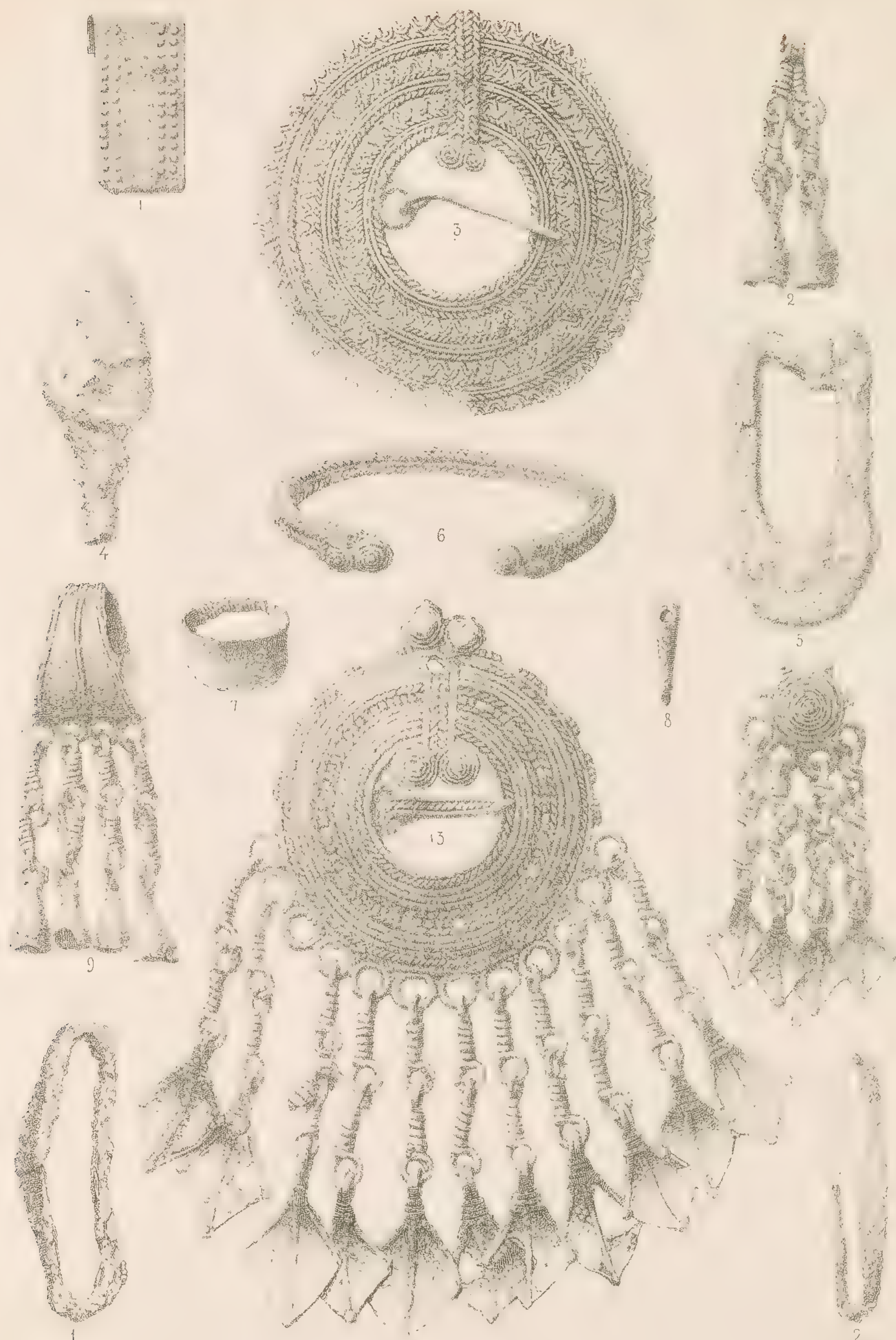
Борков[illegible] и Кузьминскій могильник[illegible]

[illegible] В. [illegible] СПб

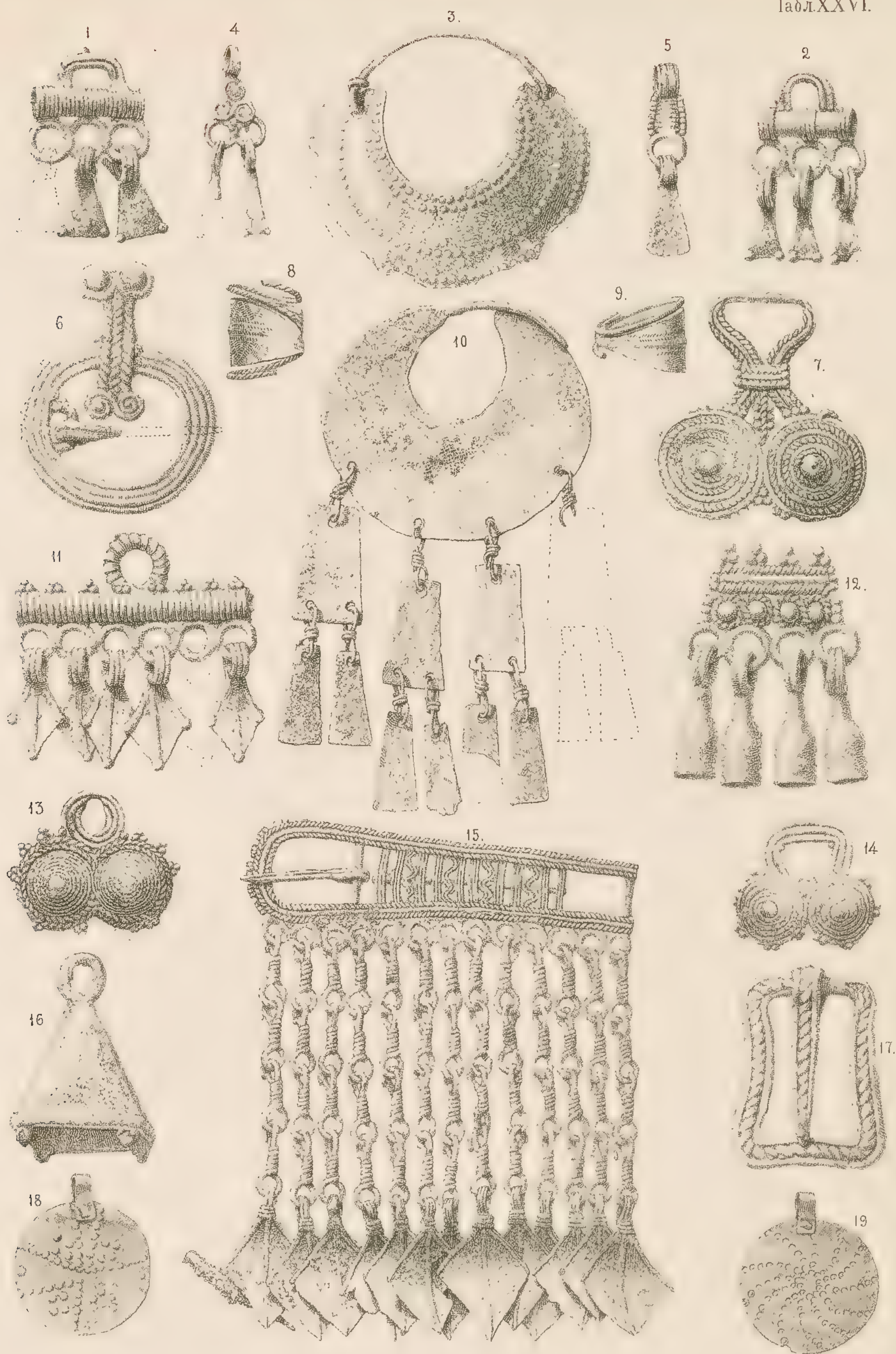
Максимовскій могильникъ.

Лит К. де Кастели В О 11 № 22. СПБ

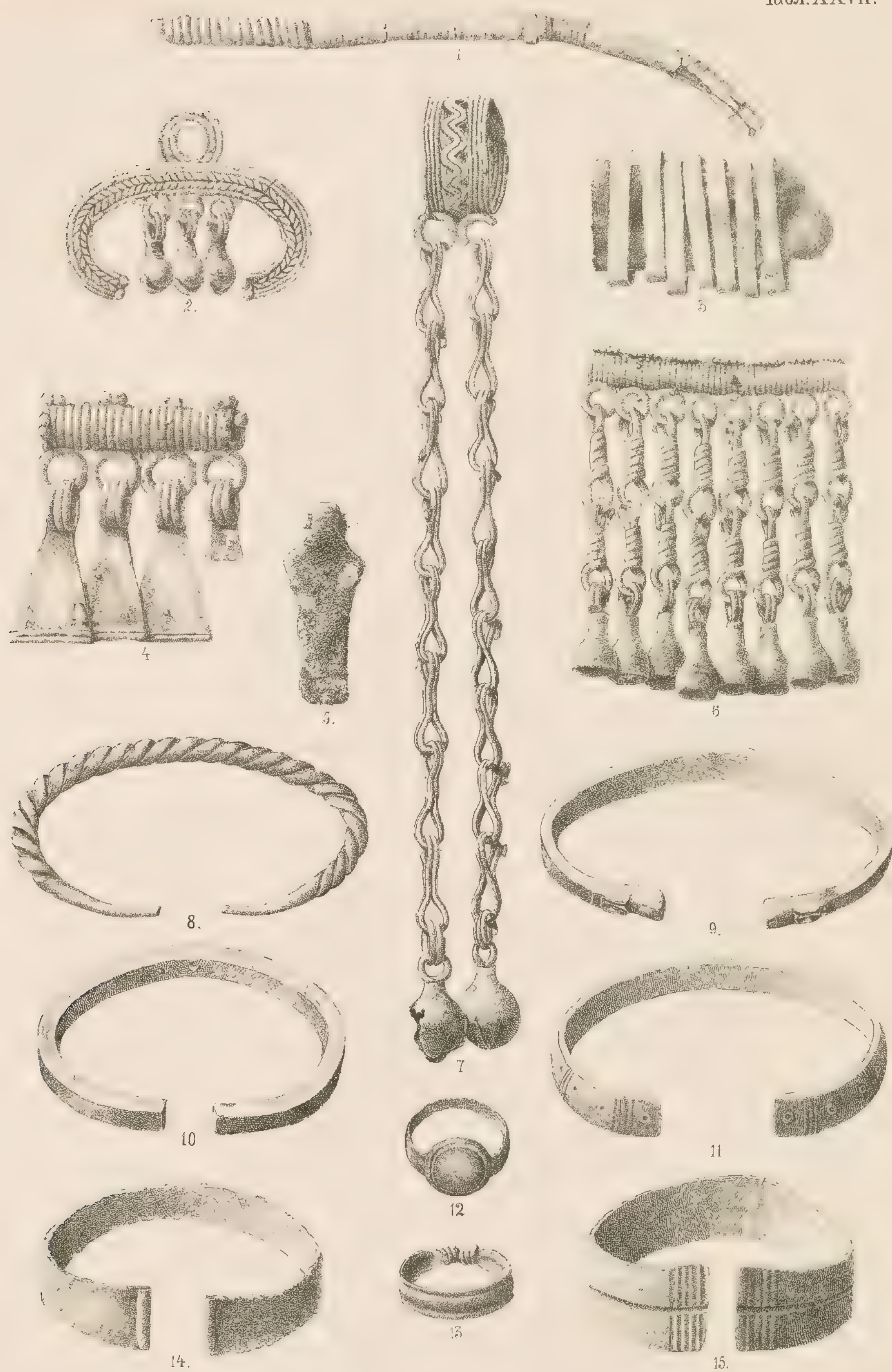

Максимовскій могильникъ

N N° 11 и 12 въ 2/3 нат. вел., всѣ прочіе въ нат. вел

Максимовскій могильникъ

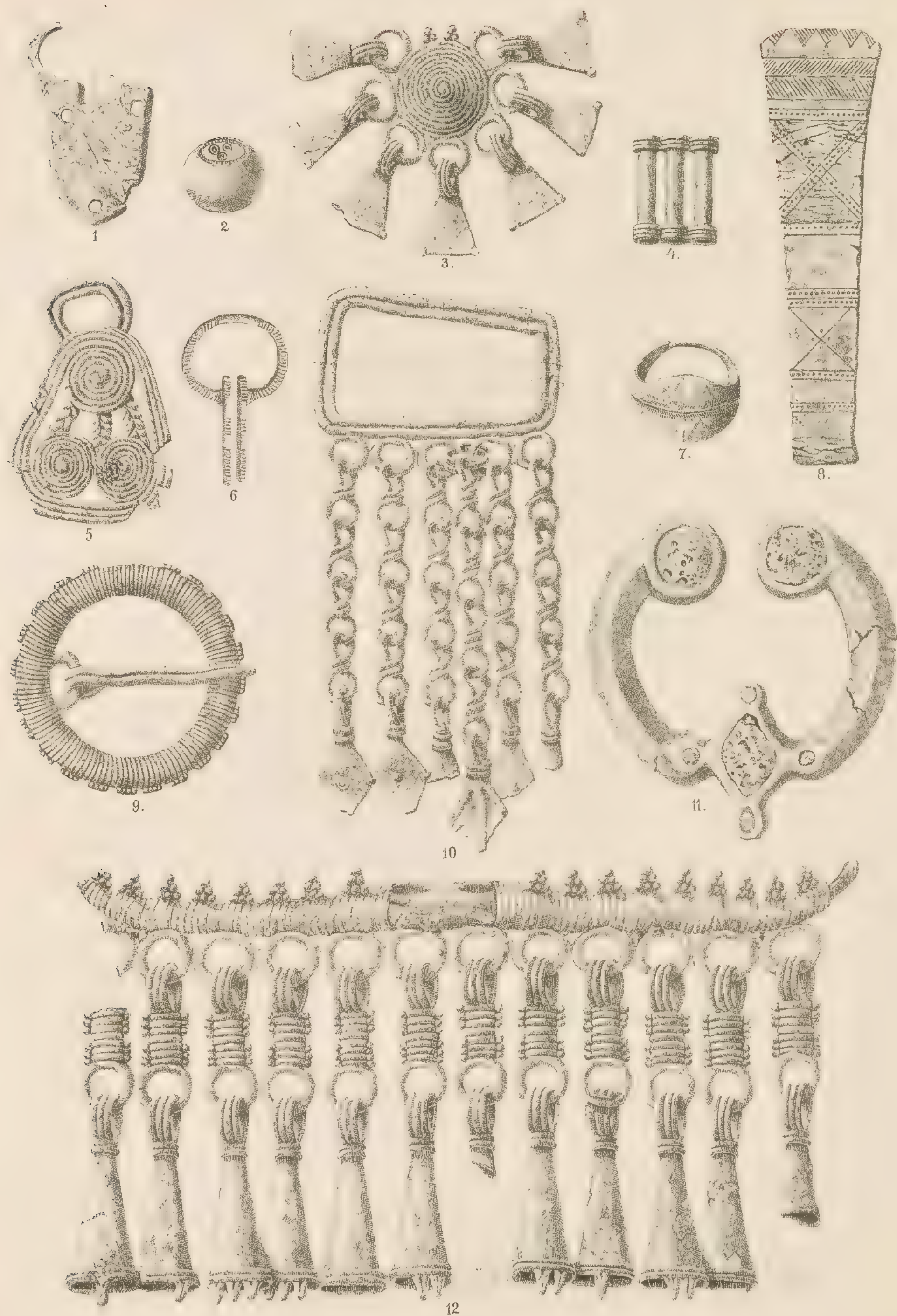
Максимовскій могильникъ.

... Кастелли В.О. 11 № 22. СПБ

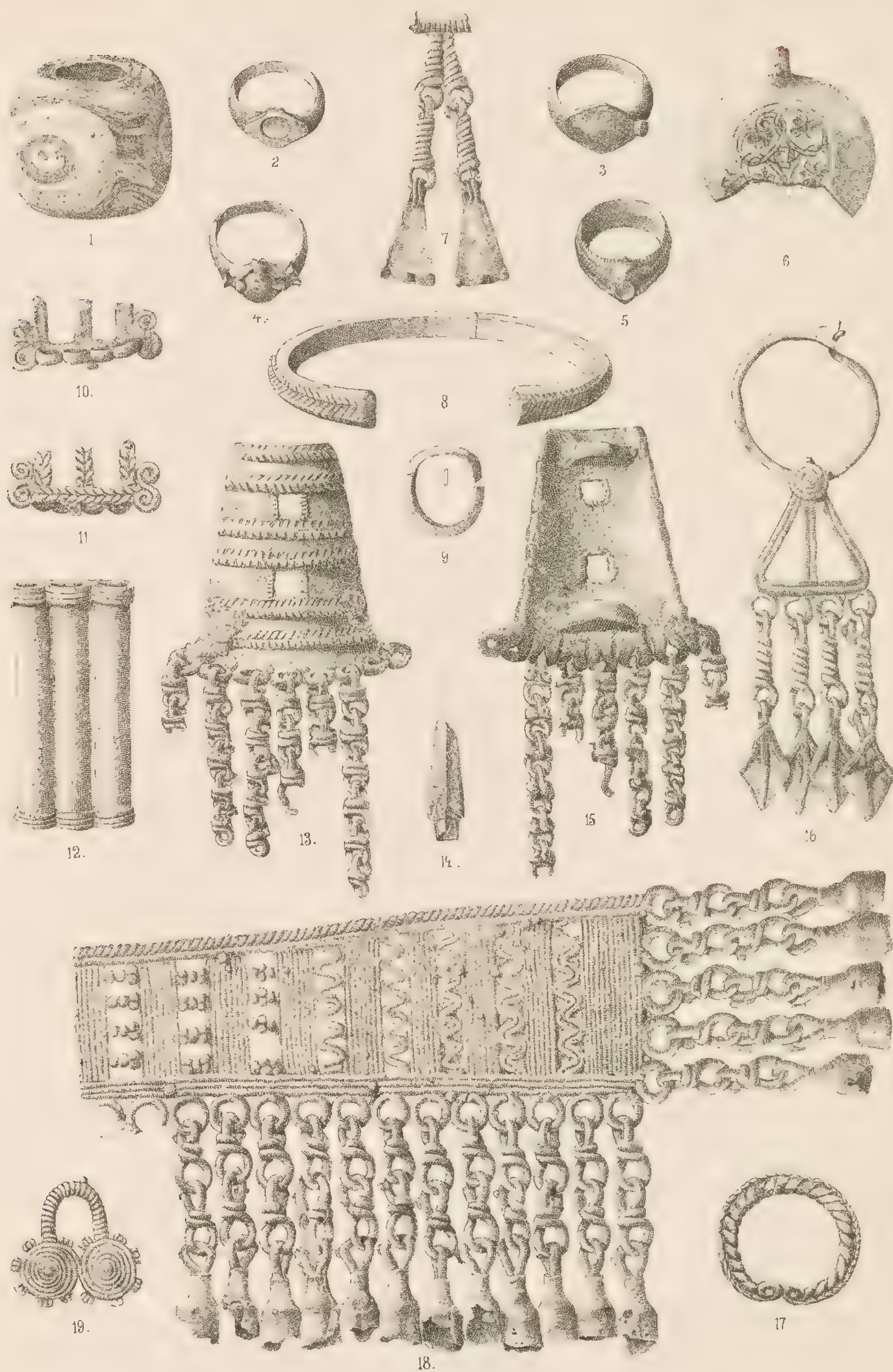
Максимовскій могильникъ.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

Окскій могильникъ.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С. П. Б.

Окскій могильникъ

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

